

Д. ЖАВАХАРЛАЛ
НЕРУ

НЕРУ
ОТКРЫТИЕ
ИНДИИ

ОТКРЫТИЕ ИНДИИ

ДЖАВАХАРЛАЛ
НЕРУ

ОТКРЫТИЕ ИНДИИ

Перевод с английского

И * Л

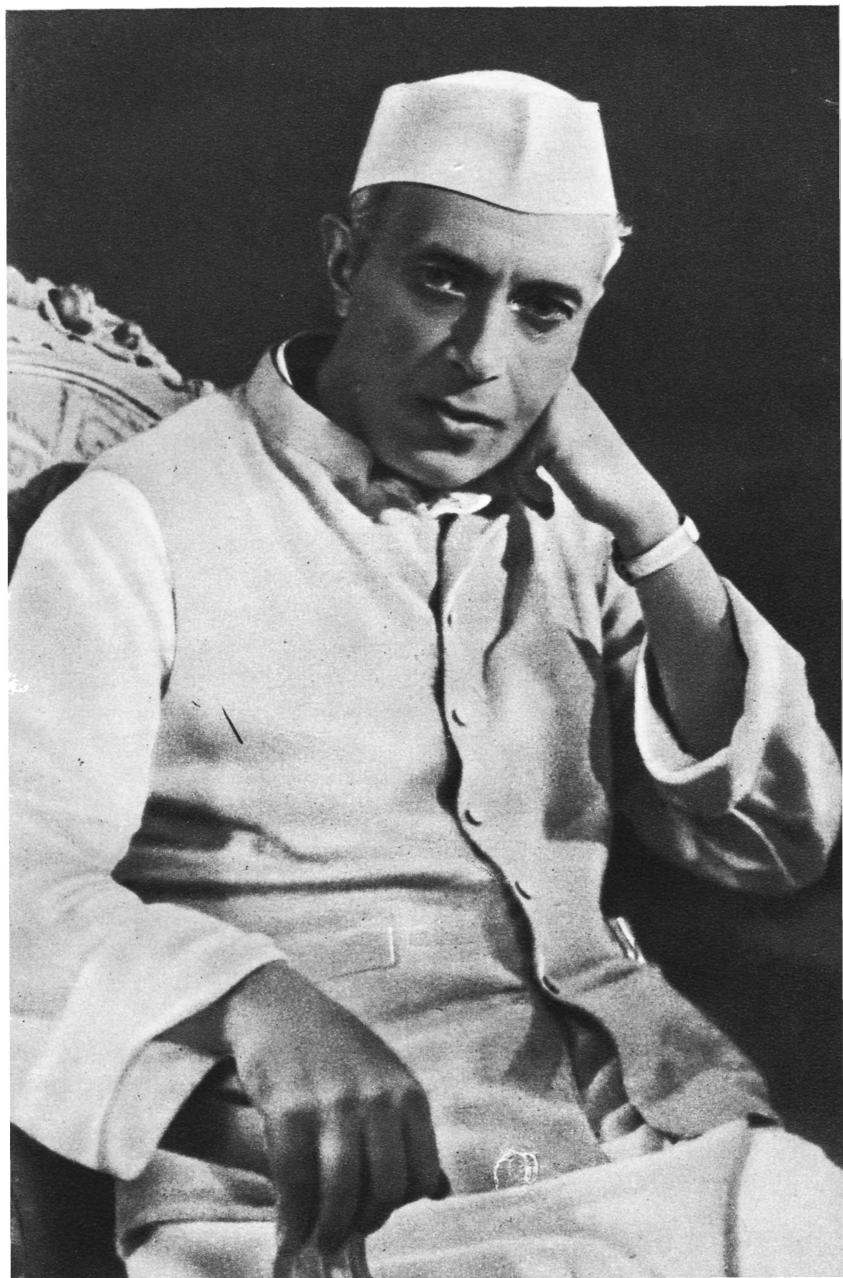
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1955

***JAWAHARLAL
NEHRU***

**THE DISCOVERY
OF
INDIA**

London, 1951

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я счастлив, что моя книга «Открытие Индии» переводится на русский язык. Эта книга была написана двенадцать лет назад, когда я находился в тюрьме, а на большей части земного шара бушевала война. В книге отражены мои настроения и мысли того периода.

За последнее десятилетие в мире произошли крупные перемены и мы, кажется, уже далеко ушли от начала сороковых годов этого столетия. Но книга касается, главным образом, далекого прошлого Индии, и, быть может, она несколько облегчит понимание истории этой древней страны. Возможно также она поможет получить некоторое представление о событиях, которые оказали влияние на современное поколение Индии.

Я надеюсь через несколько дней посетить Советский Союз, эту великую страну, чтобы лично увидеть то, о чем я читал так много, и познать в какой-то мере те силы, которые содействовали созданию в наш век этой великой и обширной страны, оказывающей столь большое влияние на судьбы всего мира. Мне особенно приятно, что эта книга, созданная в уединении тюремной жизни, теперь выйдет в свет на русском языке.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Дели.

28 мая 1955 г.

*«Когда в мечтаньях сладких, молчаливых
Я вспоминаю о делах прошедших...»*

**МОИМ КОЛЛЕГАМ И ТОВАРИЩАМ
ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ В АХМАДНАГАРСКОЙ ТЮРЬМЕ
С 9 АВГУСТА 1942 ГОДА
ПО 28 МАРТА 1945 ГОДА.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была написана мною в Ахмаднагарской тюрьме за пять месяцев, с апреля по сентябрь 1944 года. Некоторые из моих коллег, отбывавших заключение вместе со мной, оказали мне любезность, прочитав рукопись и сделав ряд ценных замечаний. Просматривая свою книгу в тюрьме, я учел эти замечания и внес некоторые добавления. Едва ли надо оговаривать, что никто из читавших рукопись не несет ответственности за то, что я написал, и вовсе не обязательно разделяет мои взгляды. Но я должен выразить глубокую благодарность моим сотоварищам по заключению в Ахмаднагарской тюрьме за наши бесчисленные беседы и споры, которые в значительной мере помогли мне уяснить для самого себя различные стороны индийской истории и культуры. Пребывание в тюрьме неприятно даже в течение короткого срока, не говоря уже о долгих годах. Но мне посчастливилось жить в тесном контакте с людьми выдающихся способностей и высокой культуры, чьи широкие гуманистические взгляды не омрачались даже бушевавшими в то время страстями.

В лице моих одиннадцати сотоварищей по Ахмаднагарской тюрьме весьма любопытным образом была представлена вся Индия. Они олицетворяли, каждый по-своему, не только политику, но и индийскую науку, как старую, так и новую, и различные стороны жизни сегодняшней Индии. Были представлены почти все основные существующие индийские языки, а также классические языки, оказавшие огромное влияние на Индию в прошлом и в настоящем, причем уровень знаний был часто высоко научным. Среди классических языков были: санскрит и пали, арабский и персидский; из современных — хинди, урду, бенгали, гуджарати, маратхи, телугу, синдхи и ория. Все это богатство было к моим услугам, и пользование им было ограничено лишь моими собственными возможностями. Хотя я питаю благодарность ко всем моим сотоварищам, мне хотелось бы особенно выделить маулана Абул Калам Азада, чья

огромная эрудиция неизменно удивляла и восхищала меня, Говинда Баллабх Панта, Нарендра Дева и М. Асафа Али.

Прошел уже год и три месяца с тех пор, как я закончил эту книгу; некоторые ее разделы несколько устарели, ибо за это время произошло много событий. У меня было искушение внести в книгу добавления и исправления, но я не поддался ему. Да, собственно, я и не мог поступить иначе, ибо жизнь за стенами тюрьмы течет по-иному, и для размышлений и литературной работы нет времени. Я не мог даже перечитать написанное. Вначале я писал от руки, а после моего освобождения рукопись была перепечатана на машинке. Мне трудно было выбрать время, чтобы прочесть отпечатанный текст, и издание книги все откладывалось, пока на помощь мне не пришла моя дочь Индира, которая и сняла это бремя с моих плеч. Книга осталась такой же, как она была написана в тюрьме, без добавлений или изменений, кроме постскриптума в конце книги.

Я не знаю, какие чувства вызывают у других авторов их произведения, но когда я читаю что-либо написанное мною ранее, у меня всегда бывает какое-то странное ощущение. Это ощущение еще более усиливается, когда рукопись пишется в душевной, ненормальной атмосфере тюрьмы, а читается потом на свободе. Я, конечно, узнаю свою книгу, но не полностью. Мне кажется, что я читаю нечто знакомое, написанное другим человеком, который был мне близок и все же был иным. Быть может, это связано с теми переменами, которые происходят во мне.

Такие же чувства вызывает у меня и эта книга. Она — моя и, вместе с тем, не совсем моя, поскольку сегодня я уже иной. Она представляет скорее некое мое прошлое я, которое уже ушло с целым рядом других я, существовавших какое-то время и исчезнувших впоследствии, оставив после себя одно лишь воспоминание.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ.

*Ананд Бхаван,
Аллахабад,
29 декабря 1945 года.*

Глава первая

ФОРТ АХМАДНАГАР

ДВАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Форт Ахмаднагар, 13 апреля 1944 года

Прошло более двадцати месяцев с тех пор, как нас привезли сюда, более двадцати месяцев моего, девятого по счету, тюремного заключения. Когда мы прибыли сюда, нас приветствовала новая луна — мерцающий серп в темнеющих небесах. Начиная светлый двухнедельный период, в течение которого луна прибывает. С тех пор каждое новолуние напоминало мне, что еще один месяц моего тюремного заключения позади. Так было и во время моего последнего заключения, которое началось в новолуние, вскоре после *дишпавали*, праздника света. Луна, всегдашний мой товарищ в тюрьме, по мере того как мы знакомились ближе, становилась все более доброжелательной; она — живое напоминание о прелести этого мира, о прибывающей и убывающей жизни, о свете, сменяющем тьму, о смерти и возрождении, непрерывно следующих друг за другом. Вечно меняющаяся и все та же. Я наблюдал ее в разных фазах и в самых различных положениях: по вечерам, когда удлиняются тени, в тихие ночные часы, и тогда, когда дыхание и шелест рассвета предвещают наступление дня. Луна помогает вести счет дням и месяцам, поскольку ее размеры и форма, когда она видима, довольно точно указывают день месяца. Это — простейший календарь (хотя время от времени его приходится подправлять) и наиболее удобный для крестьянина, который следит по нему за течением дней и за постепенной сменой времен года.

Три недели мы провели здесь, совершенно отрезанные от внешнего мира. Мы ни с кем не общались, ни с кем не говорили, не получали ни писем, ни газет, не слушали радио. Предполагалось, что самый факт нашего пребывания здесь является государственной тайной, не известной никому, кроме чиновников, под надзором которых мы находились. Мнимая тайна — ибо вся Индия знала, где мы находимся. Затем нам разрешили читать газеты, а спустя несколько недель позволили получать от близких родственников письма о домашних делах. Но за

все двадцать месяцев — ни одного свидания или какого-либо иного общения с внешним миром.

Известия, печатавшиеся в газетах, проходили суровую цензуру, но они все же давали нам некоторое представление о войне, охватившей более половины мира, и о том, как она отразилась на жизни нашего народа в Индии. Нам очень мало было известно о нашем народе, кроме того, что десятки тысяч людей без суда были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря, что тысячи были расстреляны, что десятки тысяч были изгнаны из школ и колледжей, что режим, господствовавший во всей Индии, нельзя было назвать иначе, как военным положением, что страна была охвачена страхом и ужасом. Им — тем десяткам тысяч людей, которые, как и мы, были без суда брошены в тюрьмы, — было хуже, гораздо хуже, чем нам, ибо им не разрешали не только свиданий, но не давали даже писем и газет, а книги разрешались редко. Многие болели из-за отсутствия нормального питания, и некоторые дорогие нам люди умирали, не имея надлежащего ухода и лечения.

В Индии находилось несколько тысяч военнопленных, главным образом из Италии. Мы сравнивали их положение с положением наших соотечественников. Нам говорили, что обращение с военнопленными определяется Женевской конвенцией. Но условия, в которых приходилось жить индийским заключенным, не регулировались никакими конвенциями, законами или правилами, если не считать тех указов, которые угодно было время от времени издавать нашим английским правителям.

ГОЛОД

Наступил голод, ужасный, потрясающий, не поддающийся описанию. В Малабаре, в Биджапуре, в Ориссе и особенно в богатой и плодородной провинции Бенгалии мужчины, женщины и маленькие дети ежедневно тысячами умирали из-за отсутствия пищи. Они падали мертвыми перед дворцами Калькутты, их трупы лежали в глинобитных хижинах бесчисленных деревень Бенгалии и устилали дороги и поля ее сельских районов. Во всем мире люди умирали и убивали друг друга в бою. Обычно это была быстрая смерть, часто мужественная, смерть во имя какого-то дела, смерть ради определенной цели, смерть, которая в нашем обезумевшем мире казалась следствием неумолимой логики событий, внезапным концом жизни, над которым мы не были властны. Смерть стала обычным явлением повсюду.

Но здесь смерть была лишена всякой цели, всякой логики и необходимости; она являлась результатом человеческого неумения и бессердечности, делом рук человека. Это было нечто страшное, медленно подкрадывавшееся, от чего не было спасения. Жизнь постепенно угасала и переходила в смерть; смерть глядела из ввалившихся глаз и высохшего тела, где пока еще

теплилась жизнь. Упомянуть об этом считалось ненужным и неудобным: говорить или писать о неприятных вещах было дурным тоном. Делать это — значило бы «драматизировать» неблагоприятное стечение обстоятельств. Те, кто стоял у власти в Индии и в Англии, публиковали ложные сообщения. Но трупы нельзя не видеть — они повсюду.

В то время, когда население Бенгалии и других районов погибало в адских муках, высшие власти сначала заверяли нас в том, что благодаря процветанию, порожденному войной, крестьянство во многих районах Индии имеет избыток продовольствия. Затем они заявили, что виной всему — провинциальная автономия и что английское правительство в Индии или Департамент по делам Индии в Лондоне, ярые поборники соблюдения конституции, не могут вмешиваться в дела провинций. Действие этой конституции приостанавливалось; она нарушалась, игнорировалась или непрерывно изменялась сотнями декретов и указов, издававшихся вице-королем в осуществление его единоличной и неограниченной власти. Эта конституция означала по существу бесконтрольное авторитарное правление одного человека, который ни перед кем не был ответственен в Индии и который обладал большей властью, чем любой диктатор в мире. Эта конституция проводилась в жизнь постоянными административными учреждениями, главным образом Индийской гражданской службой¹ и полицией, которые были ответственны в основном перед губернатором, являвшимся агентом вице-короля и имевшим полную возможность игнорировать министров, когда таковые имелись. Министры, хороши они были или плохи, легко могли быть отстранены, и они не смели ослушаться приказов свыше и даже вмешаться в действия учреждений, которые считались подчиненными им.

В конце концов кое-что все же было сделано. Кое-какая помощь была оказана. Но миллион, а быть может, два или три миллиона людей умерло. Никто не знает, сколько человек умерло от голода или болезней в эти ужасные месяцы. Никто не знает, сколько миллионов истощенных мальчиков, девочек и младенцев, хотя и избежавших в те дни смерти, зачахли и были надломлены физически и духовно. И до сих пор страна живет под страхом широко распространенных голода и болезней.

«Четыре свободы» президента Рузвельта включают свободу от нужды. Между тем богатая Англия и еще более богатая Америка очень мало внимания обращали на физический голод, убивавший миллионы людей в Индии, точно так же, как они обращали мало внимания и на сильную духовную жажду, которая мучит народ Индии. В деньгах, говорили нам, не было нужды, а вот в судах для доставки продовольствия ощущалась

¹ Индийской гражданской службой назывался английский чиновничий аппарат в Индии.— *Прим. ред.*

нехватка в связи с нуждами военного времени. Но, несмотря на обструкцию со стороны властей и их желание преуменьшить потрясающую трагедию Бенгалии, отзывчивые и сердечные люди в Англии, Америке и других странах пришли к нам на помощь. Прежде всего великодушную помощь оказали правительства Китая и Эйре, стран также весьма бедных ресурсами и имевших немало собственных затруднений, но испытавших на своем горьком опыте голод и нищету и понявших физические и духовные страдания Индии. У Индии вообще хорошая память, но, даже если она и забудет что-либо,— этих великодушных и дружественных деяний она не забудет никогда.

ВОЙНА ЗА ДЕМОКРАТИЮ

В Азии, Европе, Африке и на обширных просторах Тихого, Атлантического и Индийского океанов свирепствовала война со всеми ее ужасами. Почти семь лет длилась война в Китае, около четырех с половиной лет шла война в Европе и Африке, и уже два года и четыре месяца продолжалась мировая война. Война против фашизма и нацизма и их попыток установить мировое господство. Пока что я почти три года из этих военных лет провел в тюрьме, здесь и в других местах Индии.

Я вспоминаю, какую реакцию вызывали у меня фашизм и нацизм в ранний период их истории, да не только у меня, но и у многих людей в Индии. Как глубоко взволновала Индию японская агрессия в Китае и как оживила она наши извечные чувства дружбы к нему; какое отвращение вызвал у нас разбой Италии в Абиссинии; какую боль и горечь мы испытали в связи с предательством по отношению к Чехословакии; а падение республиканской Испании после ее героической и стойкой борьбы явилось для меня и для других трагедией и личным горем.

Нас возмущали не только сами акты агрессии, совершавшиеся фашизмом и нацизмом, не только ужасающие грубость и жестокость, которыми они сопровождались, но и принципы, из которых они исходили и которые они так громко и крикливо провозглашали; возмущали и этические теории о законах жизни, которыми они старались оправдать свои действия, ибо все это шло вразрез с тем, во что мы верили в настоящем и чего придерживались с незапамятных времен. И даже если мы утратили духовные богатства нашего народа и лишились своих устоев, наш собственный опыт, хотя он пришел к нам обремененным в несколько иную одежду и для приличия слегка замаскированным, оказался достаточно ясным, чтобы мы поняли, к чему в конечном итоге ведут эти нацистские принципы и теории о жизни и государстве. Ибо наш народ в течение долгого времени являлся жертвой именно этих принципов и методов управления. Поэтому мы немедленно и решительно выступили против фашизма и нацизма.

Я помню, как в начале марта 1936 года я отклонил настоячивые приглашения синьора Муссолини повидаться с ним. Многие из ведущих государственных деятелей Англии, которые весьма резко отзывались о дуче в последующие годы, когда Италия вступила в войну, в те дни говорили о нем мягко и с восхищением, восхваляя его режим и методы управления.

Двумя годами позже, в лето, предшествовавшее Мюнхену, я был приглашен нацистским правительством посетить Германию. Это приглашение сопровождалось оговоркой, что им известно мое враждебное отношение к нацизму, но они все же хотят, чтобы я своими глазами увидел Германию. Я мог отправиться туда по своему выбору — в качестве их гостя или частным образом, под своим собственным именем или инкогнито, и мне была обещана полная свобода передвижения по стране. Но и это приглашение я вежливо отклонил. Вместо этого я отправился в Чехословакию, эту «отдаленную страну», о которой тогдашний премьер-министр Англии знал так мало.

Незадолго до Мюнхена я встретился с несколькими членами английского кабинета и другими видными политическими деятелями Англии и позволил себе высказать им свои антифашистские и антинацистские взгляды. Я убедился, что мои взгляды не встречают одобрения, и мне было сказано, что существует множество различных соображений, которые надо учитывать.

То, что я увидел по части франко-британского искусства государственного управления в период чехословацкого кризиса в Праге и в Судетах, в Лондоне и в Париже, а также в Женеве, где в то время заседала Ассамблея Лиги наций, удивило и возмутило меня. Слово «умиротворение» казалось здесь слишком слабым. За этим скрывался не только страх перед Гитлером, но и тайное восхищение им.

И вот теперь, в то время, когда идет война против фашизма и нацизма, по странному капризу судьбы я и люди, подобные мне, должны проводить свои дни в тюрьме, а многие из тех, кто преклонялся перед Гитлером и Муссолини и одобрял японскую агрессию в Китае, выступают знаменосцами свободы, демократии и антифашизма.

Перемены в Индии столь же знаменательны. Здесь, как и везде, имеются «государственные деятели», цепляющиеся за подол правительства и, как эхо, повторяющие мнения, которые, по их представлению, будут одобрены теми, чьих милостей они постоянно домогаются. Было время, и не так давно, когда они восхваляли Гитлера и Муссолини, объявляя их образцом для подражания, и на все лады поносили Советский Союз. Теперь не то, ибо направление ветра изменилось. Они — высокопоставленные правительственные и государственные чиновники, и они во всеуслышание заявляют о своих антифашистских и антинацистских взглядах и, хотя и приглушенным голосом,

говорят даже о демократии как о чем то желанном, но далеком. Я часто спрашиваю себя, как бы они поступили, если бы события приняли иной оборот, хотя, впрочем, особенно тут гадать не приходится: они встретили бы с цветами и приветственными адресами каждого, в чьих бы руках ни оказалась власть.

На протяжении многих довоенных лет ум мой был поглощен грядущей войной. Я думал о ней, говорил о ней, писал о ней и морально подготавливал себя к ней. Я хотел, чтобы Индия приняла энергичное и активное участие в великом конфликте, ибо я считал, что в нем на карту будут поставлены высокие принципы и что результатом этого конфликта явятся великие революционные перемены в Индии и во всем мире. В то время я не видел непосредственной угрозы для Индии, какой-либо вероятности непосредственного вторжения. Тем не менее я хотел, чтобы Индия внесла в войну свой полный вклад. Однако я был убежден, что она будет в состоянии это сделать лишь в качестве свободной и равноправной страны.

Такова была позиция Национального конгресса, той крупной организации в Индии, которая на протяжении всех этих лет была последовательно антифашистской и антинацистской, точно так же как и антиимпериалистической. Национальный конгресс стоял за республиканскую Испанию, за Чехословакию и неизменно — за Китай.

И вот прошло уже около двух лет с тех пор, как Конгресс объявлен вне закона и ему запрещена какая бы то ни было деятельность. Конгресс в тюрьме. Его члены — выборные депутаты провинциальных парламентов, руководители этих парламентов, бывшие министры, мэры и председатели муниципальных советов — в тюрьме.

А тем временем продолжается война за демократию, за Атлантическую хартию и за «Четыре свободы».

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ТЮРЬМЕ.

ПОТРЕБНОСТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ

В тюрьме время как будто изменяет свою природу. Настоящее едва ли даже существует, ибо отсутствуют впечатления и ощущения, которые могли бы отделить его от мертвого прошлого. Даже вести об активном внешнем мире, живущем и умирающем, отличаются какой-то призрачной нереальностью, неподвижностью и неизменностью, присущими прошлому. Внешнее, объективное время перестает существовать; внутреннее и субъективное ощущение остается, но оно несколько притуплено, если не считать тех моментов, когда мысль извлекает его из настоящего, испытывая своего рода реальность в прошлом или в будущем. Мы живем, как сказал Огюст Конт, жизнью мертвых людей, замкнутые в своем прошлом; и это особенно ощущается в тюрьме, где мы пытаемся найти в воспоминаниях

о прошлом или в мечтах о будущем какую-нибудь пищу для наших изголодавшихся, не находящих себе выхода эмоций.

Прошлому свойственны неподвижность, постоянство. Оно не меняется и несет на себе печать вечности, подобно написанной маслом картине или статуе из бронзы или мрамора. Не затрагиваемое бурями и волнениями настоящего, оно сохраняет свое достоинство и спокойствие, заставляя смятенный дух и измученный разум искать убежище в его сводчатых катакомбах. Там мир и покой и чувствуется даже некая одухотворенность.

Однако это не жизнь, если мы не сумеем найти живой связи между прошлым и настоящим со всеми его конфликтами и проблемами. Это — своего рода искусство для искусства, лишенное страсти и стремления к действию, которые составляют самую суть жизни. Без этой страсти и стремления постепенно уходят надежда и жизненная энергия, совершается переход на низшие ступени существования, постепенно сливающегося с небытием. Мы становимся пленниками прошлого, и какая-то часть его неподвижности переходит и на нас. Подобные явления в сознании особенно легко возникают в тюрьме, где активная деятельность невозможна и где мы становимся рабами повседневной рутины тюремной жизни.

И все же прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать прошлое как нечто живущее внутри нас — значит не понимать настоящее. Сочетать его с настоящим и распространять его на будущее, порывать с ним, когда оно не поддается такому соединению, превращать все это в пульсирующий и вибрирующий материал для размышлений и действий — вот что такое жизнь.

Всякое жизненное действие исходит из глубин бытия. Условия для этого психологического момента действия подготовляются всем долгим прошлым индивидуума и даже всего народа. Прошлое народа, влияние наследственности, среды и воспитания, подсознательные стремления, мысли, мечты и поступки со времен младенчества и детства в своем причудливом и невероятном переплетении неумолимо толкают к тому новому действию, которое, в свою очередь, становится лишь новым фактором, оказывающим влияние на будущее. Оно влияет на будущее, оно отчасти, а может быть даже в значительной мере, определяет его, и, тем не менее, конечно, нельзя все отнести только к детерминизму.

Ауробиндо Гхош где-то писал о настоящем как о «чистом п девственном моменте», той резкой грани времени и бытия, которая отделяет прошлое от будущего и, существуя, в то же мгновение перестает существовать. Это звучит красиво, но что оно в сущности значит? Девственный момент, появляющийся из-за завесы будущего во всей своей обнаженной чистоте,

приходящий в соприкосновение с нами и тотчас же превращающийся в загрязненное и истасканное прошлое. Мы ли его грязним и оскверняем? Или в действительности сам этот момент не является столь уж девственным, поскольку он неразрывно связан со всей грязью прошлого?

Я не знаю, есть ли на свете такая вещь, как человеческая свобода в философском смысле, или же существует лишь автоматический детерминизм. Очень многое, повидимому, определяется комплексом прошлых событий, оказывающих влияние на индивидуум и часто его подавляющих. Быть может, даже внутренние стремления, которые он испытывает, эти кажущиеся проявления свободной воли, также обусловлены. Как говорит Шопенгауэр, «человек может делать что он хочет, но не может хотеть так, как хочет». Вера в абсолютный детерминизм, как мне кажется, неизбежно ведет к полной пассивности, к прижизненной смерти. Все мое ощущение жизни восстает против нее, хотя сам этот бунт также, быть может, обусловлен событиями прошлого.

Обычно я не обременяю свой ум подобными не поддающимися разрешению философскими или метафизическими проблемами. Иногда они приходят ко мне почти неожиданно среди долгого безмолвия тюрмы или даже в разгар напряженной деятельности, принося с собой чувство отрешенности или утешение после какого-нибудь мучительного переживания. Но обычно я полон деятельности и мыслей о деятельности, а когда я лишен возможности действовать, я представляю себе, что готовлюсь к действию.

Влечение к действию было присуще мне издавна, но к действию, не оторванному от мысли, а вытекающему из нее и следующему за нею в непрерывной последовательности. И когда между ними устанавливалась полная гармония, что случалось редко, когда мысль вела к действию и находила в нем свое воплощение, а действие вновь рождало мысль и более полное понимание, в этих случаях я чувствовал полноту жизни и интенсивно ощущал всю яркость данной минуты существования. Но такие моменты редки, очень редки. Обычно мысль и действие обговяют друг друга, между ними нет гармонии, и все попытки привести их в согласие остаются тщетными.

Было время, много лет тому назад, когда я подолгу жил в состоянии эмоциональной экзальтации, занятый деятельностью, которая совершенно поглощала меня. Теперь эти дни моей юности кажутся мне очень далекими, и не только потому, что с тех пор прошло много лет. В гораздо большей степени это объясняется тем, что их отделяет от сегодняшнего дня целый океан опыта и мучительных размышлений. Прежний избыток энергии ныне значительно поубавился, почти неудержимые порывы стали гораздо умереннее, страсти и чувства легче поддаются обузданию. Бремя мысли часто оказывается помехой,

и в рассудок, где когда-то царила полная уверенность, закрадывается сомнение. Быть может, все это лишь следствие возраста или общих умонастроений, свойственных нашему времени.

Но все-таки даже теперь призыв к действию затрагивает какие-то неизвестные струны в моем сердце и часто вступает в короткие схватки с мыслью. Мне хочется вновь испытать «этот восхитительный порыв восторга», который толкает навстречу риску и опасности и позволяет глядеть в лицо смерти и смеяться над ней. Я не питаю любви к смерти, хотя и не думаю, чтобы она меня пугала. Я не верю в отрицание жизни или в отречение от нее. Я всегда любил жизнь, и она все еще влечет меня к себе. Я стараюсь по-своему пользоваться ею, хотя вокруг меня выросло множество незримых барьеров. Но это же самое стремление побуждает меня играть с жизнью, пытаться заглянуть за край ее, не быть ее рабом, чтобы мы могли еще больше ценить друг друга. Быть может, мне следовало быть летчиком, чтобы я мог, когда жизнь станет одолевать меня своей медлительностью и скукой, метнуться в хаос облаков и сказать самому себе:

Я взвесил все, мой разум знает ныне:
Года грядущие — сухой песок пустыни,
Года минувшие — сухой песок пустыни
В сравнении с этой жизнью, этой смерью.

ПРОШЛОЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К НАСТОЯЩЕМУ

Эта потребность в действии, это стремление ощущать жизнь через действие оказали влияние на весь строй моих мыслей и на всю мою деятельность. Длительное размышление, помимо того, что оно уже само по себе является определенного рода действием, становится частью будущего действия. Оно не является чем-то совершенно абстрактным, происходящим в пустоте и оторванным от жизни и деятельности. Прошное превращается в нечто такое, что ведет к настоящему, к моменту действия, из которого рождается некое будущее, и все три неразрывно друг с другом переплетены и взаимосвязаны.

Даже моя, казалось бы, совершенно бездеятельная жизнь в тюрьме каким-то образом, мыслями и чувствами, связана с предстоящей или воображаемой деятельностью, и благодаря этому она наполняется для меня определенным содержанием. Без этого была бы лишь пустота, в которой существование стало бы невыносимым. Когда я лишен возможности активно действовать, я ищу такого подхода к прошлому и к истории. Поскольку мой личный опыт часто связан с историческими событиями, а порой я даже в какой-то мере, в сфере своей собственной деятельности, оказывал известное влияние на события

такого рода, мне было нетрудно представить себе историю в виде живого процесса, с которым я мог себя до некоторой степени связать.

Я обратился к истории поздно, но и тогда я пришел к ней не обычной прямой дорогой, через изучение множества фактов и дат и извлечение из них выводов и заключений, никак не связанных с собственным моим жизненным путем. Пока я поступал так, история мало что значила для меня. Еще меньший интерес я питал к сверхъестественному или к проблемам потусторонней жизни. Наука и проблемы сегодняшнего дня, нашей сегодняшней жизни интересовали меня гораздо больше.

Некая смесь мыслей, эмоций и порывов, лишь смутно осознававшихся мною, побуждала меня к действию; действие же, в свою очередь, вновь рождало у меня мысль и желание понять настоящее. Корни этого настоящего лежали в прошлом, и это заставляло меня отправляться с поисками в прошлое, вечно ища в нем ключ к пониманию настоящего, если такой ключ вообще существовал. Настоящее никогда не переставало довлеть надо мною, даже тогда, когда я весь отдавался размышлениям о событиях прошлого и о далеких, живших давным-давно людях, забывая, где я и кто я. Если иногда мне казалось, что сам я принадлежу прошлому, я чувствовал также, что и все прошлое принадлежит мне в настоящем. Прошлая история сливалась с современной историей: она становилась живой реальностью, возбуждающей чувства боли и радости.

Если прошлое имело тенденцию превращаться в настоящее, то и настоящее иногда как бы отступало в далекое прошлое, принимая его застывший, неподвижный облик. В самый разгар напряженной деятельности возникало вдруг такое ощущение, будто имешь дело с каким-то событием прошлого и начинаешь рассматривать его, так сказать, в ретроспективном аспекте.

Именно это стремление раскрыть прошлое в его отношении к настоящему и побудило меня двенадцать лет назад написать книгу «*Glimpses of World History*»¹ в форме писем к моей дочери. Я писал довольно поверхностно и как только мог просто, ибо я обращался к девочке-подростку, но в моих письмах мною руководили жажда и искание открытий. Все мое существо было проникнуто духом приключений, и я жил последовательно в разных веках и эпохах, в окружении людей далекого прошлого. В тюрьме я располагал досугом, у меня не было ощущения спешки, необходимости выполнить работу в определенный срок, и я предоставлял своим мыслям блуждать или задерживаться какое-то время на одном предмете, в зависимости от моего настроения, позволяя впечатлениям отложиться и облекать в живую плоть иссохшие кости прошлого.

¹ «*Glimpses of World History*», Lindsay Drummond Ltd., London.

Подобные же искания, хотя и ограниченные на этот раз недавним прошлым и более близкими мне людьми, побудили меня впоследствии написать автобиографию.

Я, повидимому, сильно изменился за эти двенадцать лет. Я стал более склонен к размышлениям. Появилась, пожалуй, несколько большая уравновешенность, некоторое чувство отрешенности, большее душевное спокойствие. На меня уже не действует в такой мере, как раньше, трагедия или то, что я считал трагедией. Хотя масштабы трагедии стали гораздо значительнее, вызываемые ею смятение и волнение не так сильны и продолжительны, как прежде. Говорит ли это, спрашивал я себя, о появлении духа покорности или же об очерствении души? Быть может, в этом сказывается всего лишь возраст, ослабление жизненной энергии и страсти? Или же это результат длительного пребывания в тюрьмах и того, что жизнь медленно угасает, а мысли, почти не останавливаясь, проносятся в мозгу, оставляя только легкий, быстро исчезающий след? Измученный рассудок ищет каких-то путей избавления, чувства от частых ударов притупляются, и вам начинает казаться, что слишком много зла и несчастий омрачает мир и, если их будет немногим больше или меньше, это не будет иметь особого значения. Нам остается только одно, и этого никто не может у нас отнять,— действовать мужественно, с достоинством и твердо придерживаться идеалов, которые составляют смысл жизни; но это не путь профессионального политика.

Кто-то как-то сказал: право на смерть — врожденное право всякого появившегося на свет человека. Своеобразная формулировка очевидной истины. Это такое врожденное право, которого никто никогда не отрицал и не может отрицать и о котором все мы стараемся забыть, как можно дольше не думая об этом. И все же в этом изречении было нечто новое и привлекательное. У тех, кто так горько сетует на жизнь, всегда есть возможность уйти из нее, если они этого захотят. Это всегда в нашей власти. Если мы не можем подчинить себе жизнь, мы можем, по крайней мере, подчинить себе смерть. Приятная мысль, уменьшающая ощущение беспомощности.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Шесть или семь лет назад один американский издатель предложил мне написать для сборника, который он готовил, статью о моем мировоззрении. Эта идея показалась мне заманчивой, но я колебался, и чем больше я над этим размышлял, тем меньше мне хотелось браться за перо. В конце концов я так и не написал этой статьи.

В чем сущность моего мировоззрения? Я не знал. Несколько годами раньше я не испытал бы таких колебаний. В то время мои мысли и стремления отличались определенностью,

которая ныне утрачена. События, совершившиеся за последние несколько лет в Индии, Китае, Европе и во всем остальном мире, смущали, угнетали и волновали меня, и будущее стало неопределенным и смутным, утратив ту ясность очертаний, которой оно когда-то обладало в моем сознании.

Эти сомнения и затруднения в важнейших вопросах не мешали моей непосредственной деятельности, если не считать того, что они несколько притупляли ее. Я уже не мог действовать, как в дни моей молодости, подобно выпущенной из лука стреле, устремляясь прямо к избранной мною цели, ни на что, кроме этой цели, не обращая внимания. И все же я действовал, ибо стремление к действию у меня оставалось, и эта деятельность согласовывалась в действительности или в воображении с моими идеалами. Однако меня охватило растущее отвращение к участию в политике в том виде, в каком она осуществлялась перед моими глазами, и постепенно изменилось все мое отношение к жизни.

Идеалы и стремления прошлого продолжали существовать и в настоящем, но сияние их несколько померкло, и хотя мы, казалось, следовали им, они утратили свою сверкающую красоту, согревавшую ранее нам сердце и придававшую бодрость телу. Зло торжествовало довольно часто, но что было гораздо хуже — это искажение и извращение того, что казалось таким совершенным. Неужели человеческая природа настолько скверна, что требуются века воспитания в страданиях и горе, чтобы человек смог вести себя разумно и подняться над той похотливой, жестокой и лживой тварью, какою он является сейчас? И неужели до тех пор все усилия радикально изменить человеческую природу в настоящем или в ближайшем будущем обречены на неудачу?

Цели и средства. Существует ли между ними неразрывная связь, оказывают ли они взаимное воздействие друг на друга, ведет ли применение ошибочных средств к искажению, а подчас даже и к уничтожению поставленной цели? Но ведь надлежащие средства могут оказаться недоступными для слабой и эгоистичной человеческой натуры. Как же поступать в таком случае? Не действовать значило полностью признать поражение и подчиниться злу; действовать — весьма часто значило идти на компромисс с каким-то проявлением этого зла, со всеми теми вредными последствиями, к каким ведут такого рода компромиссы.

Вначале мой подход к проблемам жизни был более или менее научным. В нем было нечто от того спокойного оптимизма, который был свойственен науке 19 и начала 20 века. Обеспеченное и спокойное существование, энергия и самоуверенность, которыми я обладал, усиливали это чувство оптимизма. Мне импонировал некий расплывчатый гуманизм.

Религия в том виде, в каком ее исповедывали и признавали даже мыслящие умы, будь то индуизм, ислам, буддизм или христианство, меня не привлекала. Она казалась мне тесно связанной с суевериями и догматическими верованиями, а подход ее к проблемам жизни определенно не был научным. В нем было что-то магическое, некритически доверчивое, какая-то вера в сверхъестественное.

И все же было очевидно, что религия отвечает какой-то глубоко ощущаемой внутренней потребности человеческой души и что огромное большинство людей во всем мире не может обойтись без тех или иных религиозных верований. Религия создала много прекрасных людей, но также и много фанатичных, ограниченных, жестоких тиранов. Она внесла в человеческую жизнь много духовных ценностей, и хотя некоторые из этих ценностей сегодня утратили свое значение или даже стали вредны, другие попрежнему составляют фундамент морали и этики.

В более широком смысле религия была связана с неисследованными областями человеческого опыта, не исследованными современным позитивным научным познанием. В некотором смысле можно считать, что религия расширяет область познанного и исследованного, хотя методы науки и религии совершенно несхожи и в большинстве случаев им приходилось пользоваться различными средствами. Было очевидно, что нас окружает обширная область неизвестного и наука, при всех ее замечательных достижениях, весьма мало о ней знает, хотя и пытается двигаться в этом направлении. Возможно также, что обычные методы науки, имеющей дело со зримым миром и процессами жизни, не вполне приспособлены к физическим, художественным, духовным и другим элементам невидимого мира. Жизнь включает в себе не только то, что мы видим, слышим и ощущаем — зримый мир, изменяющийся в пространстве и времени, — она постоянно соприкасается с невидимым миром, состоящим из других, быть может, более устойчивых или столь же изменчивых элементов, и ни один мыслящий человек не может игнорировать этот невидимый мир.

Наука мало говорит, даже, можно сказать, ничего не говорит нам о цели жизни. Но сегодня она раздвигает свои границы и, возможно, в скором времени вторгнется в пределы так называемого незримого мира и поможет нам понять эту цель в ее широчайшем смысле или, по крайней мере, бросит хоть какой-то свет на проблему человеческого существования. Давний конфликт между наукой и религией принимает новую форму — научный метод применяется и к эмоциональной, духовной жизни человека.

Религия переходит в мистицизм, метафизику и философию. Мир знал великих мистиков, обладавших притягательной силой, от которых нельзя попросту отмахнуться, как от

заблуждающихся дурачков. И все же мистицизм (в узком смысле этого слова) раздражает меня. Он кажется мне расплывчатым, дряблым, вялым. Это не суровая дисциплина ума, а капитуляция рассудка, жизнь в море эмоциональных восприятий. Случается, что эти восприятия позволяют заглянуть во внутренние и более скрытые процессы, но они могут также привести и к самообману.

Метафизика и философия или метафизическая философия более импонируют разуму. Они требуют усиленных размышлений, применения логики и рассуждения, хотя все это обязательно исходит из неких основных предпосылок, которые считаются самоочевидными, но могут, тем не менее, и не быть истинными. Все мыслящие люди в той или иной степени отдают дань метафизике и философии, ибо не делать этого значило бы игнорировать многие стороны жизни нашей вселенной. Одни испытывают большее влечение к ним, чем другие, и в различные эпохи им уделяется различное внимание. В древнем мире как в Азии, так и в Европе за основу брали примат внутренней жизни человека над внешними явлениями, а это неизбежно вело к метафизике и философии. Современный человек в гораздо большей мере погружен в эти внешние явления, но даже и он в периоды душевного кризиса и несчастья часто прибегает к философии и метафизическим размышлениям.

Какая-то жизненная философия, расплывчатая или более четкая, имеется у нас у всех, хотя большинство из нас слепо разделяет общие воззрения, свойственные нашему поколению и среде. Большинство из нас принимает также некоторые метафизические концепции, составляющие часть той веры, в которой мы выросли. Меня никогда не влекло к метафизике, я даже испытывал некоторое отвращение к отвлеченным размышлениям. И все же я получал иногда интеллектуальное наслаждение, пытаюсь следовать за строгим ходом мысли метафизиков и философов древности или современности. Однако я никогда не чувствовал себя в этой области свободно и испытал облегчение, когда избавился от их чар.

Я интересуюсь в основном этим миром, этой жизнью, а не каким-то иным миром или потусторонней жизнью. Я не знаю, существуют ли такие вещи, как душа или новая жизнь после смерти, и как бы эти вопросы ни были важны, меня они ничуть не волнуют. Среда, в которой я вырос, считает существование души (точнее — *атма*) и потусторонней жизни, теории *кармы* (о причине и следствии) и перевоплощения бесспорными. На мне это также сказалось, поэтому я в известном смысле склонен соглашаться с этими представлениями. Быть может, душа, переживающая физическую смерть тела, действительно существует. Теория причины и следствия, управляющая жизнью, представляется мне разумной, хотя, когда дело доходит до первопричины, возникают очевидные трудности. Допуская

существование души, можно усмотреть некоторую логику и в теории перевоплощения ее.

Но я не принимаю ни одну из этих теорий, ни одно из этих допущений как религиозную догму. Это не более как отвлеченные умопостроения, относящиеся к области, о которой мы почти ничего не знаем. Они никак не воздействуют на мою жизнь, и будет ли впоследствии доказана их справедливость или ошибочность, для меня не имеет большого значения.

Спиритизм с его сеансами, с его так называемыми явлениями духов и прочим всегда казался мне довольно смешным и нелепым способом исследования психических явлений и тайн загробной жизни. Обычно он представляет собой нечто худшее, а именно — игру на чувствах некоторых чрезмерно доверчивых людей, ищущих утешения или избавления от душевных страданий. Я не отрицаю возможности того, что некоторые из этих психических явлений истинны, но самый способ представляется мне совершенно неверным, а выводы, которые делаются из скудных и отрывочных данных, необоснованными.

Часто, глядя на этот мир, я чувствую его загадочность, его неизведанные глубины. Мною овладевает стремление познать его, насколько это в моих силах, быть в гармонии с ним, ощутить его во всей полноте. Но мне кажется, что путь к такому познанию должен быть в основном научным путем, предполагающим объективный подход, хотя я и понимаю, что подлинной объективности быть не может. Но если субъективный элемент неизбежен и необходим, он должен быть максимально ограничен при помощи научного метода.

Что такое неизведанное, я не знаю. Я не называю это богом, ибо понятие бога включает многое из того, во что я не верю. Я совершенно неспособен представлять себе божество или какую-либо неизвестную высшую силу в антропоморфических образах, и я никогда не перестаю удивляться тому, что именно таково представление многих людей. Всякая идея личного божества кажется мне чрезвычайно странной. Разумом я способен в известной степени оценить концепцию монизма, и меня всегда привлекала ведантийская философия *адвайта*, то есть не-дуалистическая философия веданты, хотя я и не претендую на то, что она понятна мне во всей ее глубине и сложности, и сознаю, что в такого рода вопросах одной рассудочной оценки недостаточно. В то же самое время подход веданты к этим вопросам и другие аналогичные подходы пугают меня туманностью и неопределенностью своих экскурсов в бесконечность. Многообразие и полнота природы волнуют меня, создают в душе ощущение гармонии, и мне кажется, что я чувствовал бы себя как дома в языческой и пантеистической атмосфере древней Индии или Греции, но без присущей им идеи бога или богов.

Для меня большую притягательную силу имеет некий этический подход к жизни, хотя я затруднился бы обосновать его логически. Меня всегда привлекало положение, усиленно подчеркивавшееся Ганди, о необходимости избирать надлежащие средства для достижения цели, и я считаю это одним из его величайших вкладов в нашу общественную жизнь. Сама идея отнюдь не является новой, но применение этической доктрины к широкой общественной деятельности, несомненно, представляло собой нечто новое. Здесь имеется множество трудностей, и, быть может, цели и средства вообще неразделимы и составляют некое органическое целое. В мире, который думает только о целях, игнорируя средства, этот упор на выборе средств кажется странным и поразительным. Я не могу сказать, насколько успешным оказалось применение этого принципа в Индии. Но нет сомнений, что он произвел глубокое и неизгладимое впечатление на умы многих.

Изучение Маркса и Ленина оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете. В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным. Практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление. Мне часто не нравились и были непонятны некоторые явления в СССР, и мне казалось, что слишком много внимания уделяется приспособлению к требованиям момента и политики великой державы. Но, несмотря на все эти явления и, возможно, на некоторый отход от первоначального страстного стремления к совершенствованию человека, я не сомневался, что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир. Я слишком большой индивидуалист и слишком верю в свободу личности, чтобы мне могла нравиться чрезмерная регламентация. Однако мне казалось совершенно очевидным, что в сложном социальном организме свобода личности должна быть ограничена и что ограничение такого рода в социальной сфере является, быть может, единственным путем обеспечения свободы личности. Часто оказывается необходимым ограничить второстепенные свободы в интересах свободы в более широком смысле этого слова.

Многое в марксистском философском мировоззрении я мог принять без каких бы то ни было затруднений: его монизм, единство духа и материи, движение материи и диалектику непрерывного изменения, совершающегося как путем эволюции, так и скачками в результате действия и взаимодействия причины и следствия по формуле: тезис, антитезис, синтез. Однако полного удовлетворения оно мне не дало; не дало оно мне

ответа и на вопросы, возникавшие в моем сознании, и почти незаметно для меня самого в мое сознание прокрадывались смутные идеалистические взгляды, приближавшиеся, пожалуй, к ведантийским. Не в различии духа и материи здесь было дело, скорее это касалось чего-то, что лежит за пределами мышления. Кроме того, здесь были еще этические вопросы. Я понимал, что моральный подход изменчив, что он зависит от развития мышления и культуры и определяется как бы духовным климатом эпохи. И все же в нем заключено нечто большее — определенные стремления, отличающиеся бóльшим постоянством. Мне не нравился часто наблюдающийся в практике коммунистов и других разрыв между действием и этими основными стремлениями или принципами. В результате в моем сознании возникла путаница представлений, в которой я не мог разобраться. Моей общей тенденцией было не думать слишком много о тех вопросах, которые хотя и важны, но представляются неразрешимыми, а сосредоточить вместо этого свое внимание на проблемах жизни, чтобы понять эти более узкие и непосредственные проблемы и найти пути их разрешения. Что бы ни представляла собой первичная реальность и независимо от того, удастся ли нам когда-либо познать ее во всей полноте или хотя бы отчасти, несомненно, имеются широчайшие возможности для увеличения человеческих знаний, пусть даже в большей или меньшей степени субъективных, и для применения их к улучшению и совершенствованию условий человеческой жизни и организации общества.

Некоторые люди в прошлом — да еще и сегодня, хотя и в меньшей степени, — склонны были углубляться в поиски ответов на загадку вселенной. Это уводит их от личных и общественных проблем дня, и, когда они убеждаются в своей неспособности разрешить эту загадку, они отчаиваются, становятся пассивными, погрязают в мелочах или же обретают утешение в каком-нибудь догматическом вероучении. Социальные пороки, из которых большинство, несомненно, поддается устранению, приписываются первородному греху, низменности человеческой природы, или общественного строя, или же, наконец, — в Индии — их объявляют неизбежным наследием предыдущих перерождений. В результате такие люди отказываются даже от попытки мыслить рационалистически и научно и находят себе убежище в иррационализме, суеверии, в неразумных и несправедливых социальных предрассудках и делах. Правда, даже рациональное и научное мышление не всегда позволяет нам продвинуться так далеко, как нам бы того хотелось. Существует бесконечное количество всевозможных факторов и взаимосвязей, которые в различной степени влияют на события и определяют их. Охватить их все невозможно, но мы можем попытаться выявить важнейшие из действующих сил и путем наблюдения над внешней материальной реальностью, при помощи

опыта и практики, через эксперименты и ошибки, нащупывать путь ко все более широкому знанию и истине.

Для этой цели и в указанных границах общий марксистский метод, более или менее отвечающий нынешнему состоянию науки, мог, как мне казалось, оказаться весьма полезным. Но даже при этом методе выводы, к которым он приводит, и интерпретация прошлых и настоящих событий далеко не всегда были ясны. Данный Марксом общий анализ общественного развития представляется замечательно правильным, и все же впоследствии произошли многочисленные события, не согласующиеся с его представлениями о ближайшем будущем. Ленин успешно развил положения марксистской теории в применении к некоторым из этих позднейших событий, но с тех пор произошли новые поразительные перемены — возникновение фашизма и нацизма со всем тем, что стояло за ними. Весьма быстрое развитие техники и осуществление на практике огромных достижений науки с удивительной быстротой меняют картину мира, вызывая к жизни новые проблемы.

Итак, признавая основные положения социалистической теории, я не задумывался над ее многочисленными внутренними противоречиями. Меня раздражали левые группировки в Индии, тратившие массу энергии на взаимные споры и обличения по поводу различных тонкостей учения, которые меня вовсе не интересовали. Жизнь слишком сложна, и в ней, насколько мы способны понимать ее при нынешнем уровне наших знаний, слишком много нелогичного, чтобы можно было втиснуть ее в рамки определенной доктрины.

Для меня подлинными проблемами остаются проблемы жизни личности и общества, гармоничного существования, приведения в должное соответствие внутреннего мира личности и окружающей ее среды, урегулирования взаимоотношений между отдельными личностями и между группами, постоянного облагораживания и совершенствования человека, проблемы социального прогресса, непрерывных человеческих исканий. При разрешении этих проблем необходимо действовать путем наблюдения, точного установления фактов, осторожных выводов в соответствии с научными методами. В наших поисках истины этот метод не всегда может оказаться применимым, ибо искусство, поэзия и некоторые явления психики, повидимому, лежат в иной плоскости и не поддаются объективным методам науки. А потому не будем отказываться от интуиции и других методов постижения истины и действительности. Они необходимы даже и для целей науки. Однако мы должны всегда держаться за якорь точного объективного знания, проверенного разумом и, что еще важнее, опытом и практикой; нам следует всегда быть настороже, чтобы не утонуть в море теоретических рассуждений, не имеющих никакого отношения к повседневным проблемам жизни и к нуждам людей.

Живая философия должна отвечать на вопросы сегодняшнего дня.

Мы, люди современной эпохи, так гордящиеся достижениями нашего времени, являемся, быть может, пленниками своей эпохи, точно так же как люди древности и средневековья были пленниками своих эпох. Быть может, мы заблуждаемся, как заблуждались и до нас, воображая, что наш подход к окружающим явлениям есть единственно правильный подход, ведущий к истине. Но мы не можем вырваться из этого плена или полностью освободиться от этой иллюзии, если это действительно иллюзия.

И все же я убежден, что на всем протяжении истории ничто так не революционизировало человеческую жизнь, как это сделала наука своими методами и своим подходом. Она проложила путь для дальнейших, еще более радикальных перемен, которые подводят к самому преддверию того, что долгое время считалось непостижимым. Технические достижения науки совершенно бесспорны, ее способность превращать экономику голода в экономику изобилия очевидна, ее вторжение во многие области, считавшиеся до сих пор монополией философии, становится все более явственным. Пространственно-временная и квантовая теории полностью изменили представления о материальном мире. Позднейшие исследования природы материи, структуры атома, превращения элементов, взаимной трансформации электрической и световой энергии еще дальше продвинули человеческое знание. Человек уже не рассматривает природу как нечто отдельное и отличное от себя. Человеческая судьба представляется ныне частью ритмичной энергии природы.

Все эти сдвиги в мышлении, явившиеся результатом развития науки, открыли перед учеными новую область, граничащую с метафизикой. Они сделали из этого различные, часто противоречивые выводы. Некоторые усматривают в этом новое единство, противопоставляемое случайности. Другие, подобно Берtrandу Расселу, заявляют: «Академические философы со времен Парменида были убеждены в единстве мира. Самое основное из моих убеждений состоит в том, что это вздор». Или: «Человек есть результат действия причин, не преследовавших какой-либо определенной цели. Его появление на свет, его рост, его надежды и страхи, его любовь и верования — все это не более как результат случайного расположения атомов». В то же время новейшие достижения физики дают много доказательств единства природы. «Представление о том, что все предметы созданы из единой субстанции, так же старо, как сама мысль; но только наше поколение, первое за всю историю, способно воспринять единство природы не как безосновательную догму или пожелание, не имеющее надежды на осуществление, а как научный принцип, основанный на

самых ясных и четких доказательствах, какие нам только известны»¹.

Как ни старо это представление в Азии и в Европе, интересно сравнить некоторые из новейших выводов науки с основными идеями, лежащими в основе адвайты, не-дуалистической теории веданты. Эти идеи состояли в том, что вся вселенная создана из единой субстанции, форма которой вечно меняется, и далее, что общее количество энергии остается всегда постоянным. Эта теория гласила также, что «объяснение вещей надо искать в их собственной природе и что для объяснения явлений, происходящих во вселенной, не требуется признания каких-либо внешних существ или факторов», из чего следовал вывод о саморазвитии вселенной.

Для науки не имеет большого значения, к чему ведут эти туманные рассуждения, ибо она тем временем движется вперед в сотнях различных направлений, применяя свой собственный точный экспериментальный метод наблюдения, расширяя границы исследованных областей знания и изменяя в процессе всего этого человеческую жизнь. Наука находится, быть может, на пороге раскрытия важных тайн, которые, однако, могут и ускользнуть от нее. Но она будет и впредь идти по предначертанному ей пути, ибо движению ее нет конца. Игнорируя пока что философское «почему?», наука будет продолжать искать ответ на вопрос «как?». Давая ответ на этот вопрос, она делает жизнь содержательнее и осмысленнее и, быть может, в какой-то мере приближает нас к тому времени, когда мы получим ответ и на вопрос «почему?».

А может быть, мы вообще неспособны преодолеть это препятствие, и непостижимое так и будет оставаться непостижимым, а жизнь, со всеми ее переменами, будет оставаться нагромождением добра и зла, цепью конфликтов, причудливым сочетанием несовместимых и взаимно враждебных стремлений.

Или же, наконец, может случиться и так, что самый прогресс науки, совершенно не связанный с нравственной дисциплиной или с какими бы то ни было этическими соображениями, приведет к сосредоточению власти и созданных ею ужасных орудий разрушения в руках дурных и эгоистичных людей, стремящихся к господству над другими людьми, и тем самым к уничтожению великих достижений этого прогресса. Нечто подобное совершается на наших глазах и сейчас: за этой войной стоит все тот же ~~внутренний~~ конфликт человеческого духа.

Как он удивителен, этот человеческий дух! Несмотря на свои бесчисленные слабости, человек на протяжении веков

¹ Karl K. Darrow, The Renaissance of Physics, New York, 1936, p. 301.

неизменно жертвовал своей жизнью и всем, что ему дорого, во имя идеала, во имя истины, во имя веры, во имя родины и чести. Этот идеал может меняться, но способность к самопожертвованию остается неизменной, и за это можно многое простить человеку и нельзя потерять веру в него. Среди несчастий он не утратил своего достоинства или своей веры в ценности, которыми он дорожит. Игрушка могущественных сил природы, ничтожная пылинка в этой огромной вселенной, он бросил вызов стихийным силам и попытался с помощью своего разума, этой колыбели революций, овладеть ими. Какие бы ни существовали боги, нечто божественное определенно есть в человеке, как есть в нем что-то и от дьявола.

Будущее темно, неопределенно. Но часть пути, который ведет к нему, мы можем видеть, и мы можем идти по нему твердой поступью, помня, что ничто не сломит дух человека, устоявший против стольких опасностей, помня также о том, что жизнь, при всех ее горестях, содержит в себе радость и красоту и что мы всегда можем — если только знаем, как это сделать, — блуждать в волшебном лесу природы.

Так что ж есть мудрость? Что в поступках человеческих
Иль в божьих милостях возвышенным назвать?

Умение без страха жить и ждать,
На ненависть и гнев руки не поднимать.

Что, кроме как любовь, похвал достойно вечных?¹

ВРЕМЯ ПРОШЛОГО

Идет уже двадцать первый месяц моего заключения; луна прибывает и убывает, и скоро исполнится два года с тех пор, как я здесь. Наступит еще один день рождения, чтобы напомнить мне о том, что я старею. Последние четыре годовщины своего рождения я провел в тюрьмах: здесь и в тюрьме Дехра-Дун, а также во многих других тюрьмах, в которых мне пришлось побывать во время моих предыдущих заключений. Я потерял им счет.

В течение всех этих месяцев я не раз подумывал о том, чтобы начать писать, чувствовал и потребность в этом и в то же время какое-то нежелание браться за перо. Мои друзья считали само собой разумеющимся, что я буду писать и создам еще одну книгу, как я это делал во время своих предыдущих заключений. Это превратилось уже почти в привычку.

И все же я не приступал к работе. Мне не хотелось произвести на свет книгу, лишнюю сколько-нибудь серьезного значения. Писать вообще нетрудно; трудно написать что-то

¹ Еврипид, Вакханки.

стоящее, что-то такое, что не устареет, пока в тюрьме я пишу свою рукопись, а в мире продолжают происходить перемены. Я писал бы не для сегодняшнего или завтрашнего дня, а для неизвестного и, быть может, далекого будущего. Для кого бы я стал писать? И для какого времени? Быть может, то, что я пишу, никогда не увидит света, ибо годы, которые мне суждено провести в тюрьме, могут оказаться свидетелями еще больших потрясений и конфликтов, чем те годы войны, что уже миновали. Индия сама может оказаться полем битвы или же в ней может произойти гражданская смута.

К тому же, если бы мы и избегли всех этих событий, рискованно сейчас писать для будущего, когда все сегодняшние проблемы будут, возможно, уже мертвы и похоронены и на их месте возникнут новые проблемы. Я не мог рассматривать нынешнюю мировую войну как очередную войну, отличающуюся от других только большими масштабами. С того дня, как она разразилась, и даже еще раньше, я был полон предчувствий грандиозных перемен, катаклизмов, в результате которых при всех обстоятельствах должен был возникнуть новый мир. Какую цену будут иметь тогда мои жалкие писания о прошедшей и исчезнувшей эпохе?

Все эти мысли тревожили и сдерживали меня, а за ними в тайниках моего сознания скрывались более глубокие вопросы, на которые мне нелегко было найти ответ.

Подобные мысли и затруднения возникали у меня и во время моего прошлого тюремного заключения, длившегося с октября 1940 по декабрь 1941 года. Большую часть этого срока я просидел в своей старой камере в тюрьме Дехра-Дун, где шестью годами раньше я начал писать свою автобиографию. В течение десяти месяцев я не мог заставить себя работать; я проводил время за чтением, копался в земле и ухаживал за цветами. В конце концов я все же взялся за перо, намереваясь продолжить свою автобиографию. В течение нескольких недель я быстро и непрерывно писал. Но прежде чем работа была закончена, меня неожиданно освободили, задолго до истечения четырехлетнего срока моего заключения.

Хорошо, что я не успел закончить начатую книгу, ибо в противном случае меня могли бы уговорить послать ее издателю. Просматривая ее теперь, я вижу, как мала ее ценность, сколь многое в ней кажется устаревшим и неинтересным. События, которые в ней затрагиваются, утратили свое значение, превратившись в обломки полузабытого прошлого, покрытые лавой последующих вулканических извержений. Я потерял всякий интерес к ним. В моем сознании ярко запечатлелись личные переживания, наложившие на меня свою печать; соприкосновение с некоторыми лицами и некоторыми событиями; общение с массами — индийским народом в его бесконечном многообразии и удивительном единстве; некоторые искания

разума; волны тоски и чувство облегчения и радости, охватывавшие меня, когда тоску удавалось одолеть; веселое возбуждение момента действия. О многих из этих вещей не следует писать. Внутренний мир человека, его чувства и мысли содержат что-то глубоко личное, что не должно и не может поверяться другим. И все же эти встречи и столкновения, личные и не личные, значат очень много. Они оказывают свое влияние на человека, формируют его, изменяют его отношение к жизни, к его собственной стране и к другим народам.

Здесь, в Ахмаднагарской тюрьме, как и в других тюрьмах, я занялся садоводством и ежедневно часами, даже под палящим солнцем, копал землю, подготавливая клумбы для цветов. Почва была очень скверная, каменистая, засоренная обломками и мусором от прежнихстроек и даже остатками древних памятников. Это место историческое, место многочисленных битв и дворцовых интриг. История этого места по отношению ко всей истории Индии не слишком древняя и не играет особенно важной роли в цепи более серьезных событий. Однако одно выдающееся событие того времени до сих пор сохраняется в памяти: мужество красивой женщины Чанд Биби, которая с мечом в руке защищала эту крепость и вела свои войска против армий империи Акбара. Она была убита одним из своих же воинов.

Роясь в этой несчастливой земле, мы обнаружили остатки древних стен, крыши и верхушки куполов зданий, похороненных глубоко под землей. Мы не могли проникнуть далеко, так как глубокие раскопки и археологические изыскания не одобряются властями, да у нас не было для этого и необходимых орудий. Однажды нам попался высеченный из камня прелестный лотос. Он составлял часть стены, по всей вероятности над входом.

Я вспомнил о другой, менее приятной находке в тюрьме Дехра-Дун. Три года тому назад, копаясь в своем маленьком дворике, я натолкнулся на любопытную реликвию прошлого. Глубоко под землей были обнаружены остатки двух столбов, и мы разглядывали их не без некоторого волнения. Они составляли часть старой виселицы, действовавшей здесь тридцать или сорок лет назад. Тюрьма давно уже перестала служить местом казней, и все видимые следы стоявшей здесь ранее виселицы были уничтожены. Мы обнаружили и извлекли из земли ее фундамент, и все мои товарищи по заключению, участвовавшие в этой работе, радовались, что мы наконец убрали эту зловещую штуку.

Теперь я отложил в сторону свой заступ и взялся за перо. Быть может, то, что я пишу сейчас, постигнет та же участь, что и мою незаконченную рукопись, начатую в тюрьме Дехра-Дун. Я не могу писать о настоящем до тех пор, пока не буду свободен, чтобы ощущать его в процессе активной деятельности.

Именно необходимость действовать в настоящем позволяет мне ясно осознать это настоящее, и тогда я могу писать о нем свободно и с известной легкостью. В тюрьме оно представляется мне чем-то расплывчатым, смутным, чем-то таким, что я не могу ухватить или воспринять как ощущение момента. Оно перестает для меня быть настоящим в подлинном смысле этого слова, но в то же время это и не прошлое с его неподвижностью и застывшим спокойствием.

Не могу я брать на себя и роль пророка и писать о будущем. Я часто думаю о нем, и мой ум пытается проникнуть сквозь его покров и облечь его в выбранные мною одежды. Но все это — пустое воображение. Будущее остается неопределенным, неведомым, и нет никакой уверенности в том, что оно не разрушит вновь наши надежды и не обманет мечты человечества.

Остается прошлое. Но я не могу писать о событиях прошлого академически, как историк или ученый. Я не обладаю необходимыми для этого знаниями, данными и подготовкой, да я и не расположен к такого рода работе. Прошлое или угнетает меня, или согревает своей теплотой, когда оно соприкасается с настоящим и становится как бы частью этого живого настоящего. Если этого не происходит, прошлое холодно, бесплодно, безжизненно, неинтересно. Я могу писать о нем, как я это делал и раньше, лишь ставя его в какую-то связь с моими сегодняшними мыслями и действиями, и тогда занятие историей, как сказал когда-то Гёте, несколько облегчает тяжесть и бремя прошлого. Я полагаю, что это процесс, схожий с психоанализом, но только примененный не к отдельному человеку, а к целому народу или ко всему человечеству.

Бремя прошлого, бремя заключенного в нем хорошего и дурного давит, а иногда просто душит. В особенности это относится к тем из нас, кто принадлежит к таким древнейшим цивилизациям, как индийская и китайская. Как сказал Ницше: «Не только мудрость веков, но и их безумие вспыхивает в нас. Быть наследником — это опасно».

В чем состоит мое наследие? Наследником чего я являюсь? Наследником всего, чего человечество достигло за десятки тысячелетий, всего, о чем оно помышляло, что оно чувствовало, от чего страдало и чему радовалось, кликов его торжества и горьких мук поражения, этого удивительного подвига человечества, который начался так давно и все еще длится, маня нас за собой. Вместе со всеми людьми я являюсь наследником всего этого и многого другого. Но мы, индийцы, являемся обладателями еще одного особого наследия, не являющегося исключительно нашим достоянием, ибо таких наследий нет, а все они составляют общее достояние всего человечества, но такого, которое имеет к нам все же наибольшее отношение, чего-то, что есть в нашей плоти и крови и что сделало нас такими, какие мы есть и какими можем быть.

Именно об этом наследии и о его применении к настоящему я давно размышлял, и именно об этом мне хотелось бы написать, хотя меня пугают трудность и сложность вопроса и я могу коснуться его лишь поверхностно. Я не могу осветить его так, как он того заслуживает, но, попытавшись все же это сделать, я, быть может, смогу сослужить некоторую службу себе самому, внося ясность в свои собственные мысли и подготовив свой разум к следующим этапам размышлений и деятельности.

Неизбежно мой подход будет часто носить личный характер: я буду говорить о том, как та или иная идея возникала в моем уме, какие формы она принимала, какое влияние она оказывала на меня и как она сказывалась на моих действиях. Речь будет идти также и о некоторых чисто личных переживаниях, которые не имеют никакого отношения к теме в ее широком понимании, но которые так или иначе окрашивали мои мысли и определяли мой подход ко всей проблеме. Наши суждения о странах и народах основываются на многих факторах. Среди них большое значение имеет фактор личного общения, если таковое имело место. Если мы сами не знакомы с народом той или иной страны, мы обычно склонны выносить о нем еще менее правильное суждение, чем когда мы его знаем, считая его при этом совершенно чуждым и отличным от нас.

Что касается нашей собственной страны, то тут наши личные связи бесчисленны, и благодаря им в нашем сознании возникают многочисленные образы или некий сводный образ наших соотечественников. Так я заполнил картинную галерею моего ума. В ней имеется несколько портретов ярких, живых, которые смотрят на меня, напоминая о некоторых возвышенных моментах жизни, — и тем не менее все это кажется таким далеким, похожим на когда-то прочитанную книгу. Есть там много и других картин — живых свидетельств былого товарищества и дружбы, которые так скрашивают жизнь. Там множество картин, изображающих народ — индийских мужчин, женщин и детей, сгрудившихся вместе и глядящих на меня, в то время как я пытаюсь постигнуть, о чем говорят эти тысячи глаз.

Я начну свой рассказ с главы, полностью посвященной моей личной жизни, ибо это дает ключ к тому настроению, в котором я находился в течение месяца, непосредственно последовавшего за тем периодом, который описан в конце моей автобиографии. Однако эта книга не будет новой автобиографией, хотя я боюсь, что личный элемент будет занимать в ней немало места.

Мировая война продолжается. Сидя здесь, в Ахмаднагарской тюрьме, обреченный на бездействие в то самое время, когда весь мир охвачен неистовой деятельностью, я подчас испытываю некоторое волнение и думаю о тех больших проблемах и дерзких предприятиях, которыми были заполнены мои мысли

на протяжении этих долгих лет. Я пытаюсь рассматривать войну абстрактно, так, как рассматривают какое-нибудь стихийное явление, какую-нибудь катастрофу — сильное землетрясение или наводнение. Разумеется, из этого ничего не получается. Но ничего другого, повидимому, не придумать, если я хочу оградить себя от слишком сильной боли, ненависти и волнения. И в этом мощном проявлении дикой и разрушительной силы природы собственные мои беды и мое *я* становятся ничего не значащими.

Я вспоминаю слова, сказанные Ганди в тот роковой вечер, 8 августа 1942 года¹: «Мы должны глядеть в лицо миру спокойными и ясными глазами, несмотря на то, что глаза мира сегодня налиты кровью».

¹ В этот день было арестовано все руководство Индийского Национального конгресса.— *Прим. ред.*

Глава вторая

БАДЕНВЕЙЛЕР, ЛОЗАННА

КАМАЛА

4 сентября 1935 года я был неожиданно освобожден из находившейся в горах Алморской тюрьмы: было получено сообщение, что состояние здоровья моей жены угрожающее. Она была далеко, в немецком санатории, в городе Баденвейлере (Шварцвальд). Я спешно отправился на автомобиле, а затем на поезде в Аллахабад. На следующий день, в полдень, я начал оттуда свое воздушное путешествие в Европу. Пассажирский самолет доставил меня в Александрию через Карачи, Багдад и Каир, откуда я прибыл на гидроплане в Бриндизи. Из Бриндизи я отправился поездом в Базель (Швейцария). Я прибыл в Баденвейлер 9 сентября, через 4 дня после своего отъезда из Аллахабада и спустя 5 дней после моего освобождения из Алморской тюрьмы.

Когда я увидел Камалу, на лице ее была знакомая мужественная улыбка, но она была слишком слаба и слишком страдала от боли, чтобы много говорить. Быть может, мой приезд сыграл какую-то роль, так как на следующий день и в течение нескольких последующих дней она чувствовала себя немного лучше. Но кризис продолжался, и силы ее постепенно иссякали. Не будучи в состоянии примириться с мыслью о ее смерти, я воображал, что она поправляется и что, если только ей удастся перенести кризис, она может выздороветь. Врачи по своему обыкновению обнадеживали меня. Непосредственная угроза, казалось, миновала, и состояние ее не ухудшалось. Она была слишком слаба для длительных бесед. Наши разговоры были непродолжительны: заметив, что она начинает утомляться, я тотчас умолкал. Иногда я читал ей вслух. В числе книг, которые я читал ей, была, помнится, «Земля» Пэрл Бак. Ей нравилось, когда я ей читал, но наше чтение подвигалось медленно.

Утром и днем я брел из своего пансиона в маленьком городке до санатория и проводил с нею несколько часов. Мне так много хотелось ей сказать, но приходилось сдерживать

себя. Иногда мы беседовали понемножку о старых временах, вспоминали прошлое, общих друзей в Индии; иногда, с оттенком грусти, говорили о будущем и о том, что мы тогда будем делать. Несмотря на серьезность своего состояния, она думала о будущем. Ее глаза блестели и были полны жизни, лицо было веселое. Случайные друзья, приходившие навестить ее, бывали приятно удивлены, видя, что она выглядит лучше, чем они ожидали. Их вводили в заблуждение эти блестящие глаза и улыбающееся лицо.

Длинными осенними вечерами я сидел один у себя в комнате в пансионе или же отправлялся на прогулку в поле или в лес. Сотни образов Камалы проходили в моей голове, сотни различных сторон ее многогранной и глубоко интеллектуальной личности. Как часто, несмотря на то, что мы были женаты почти двадцать лет, она удивляла меня какой-нибудь новой чертой своего интеллекта или своего духа. Я знал ее с самых различных сторон и в последние годы изо всех сил стремился познать ее. Нельзя сказать, чтобы мне это не удалось, но все же я часто спрашивал себя, действительно ли я знаю и понимаю ее. В ней было что-то неуловимое, что-то призрачное, реальное и вместе с тем невещественное, трудно постижимое. Иногда, глядя в ее глаза, я видел незнакомое существо, украдкой поглядывавшее на меня.

Если не считать недолгого пребывания в школе, она не получила систематического образования; ее ум не подвергся воздействию учебного процесса. Она явилась к нам неискушенной девочкой, свободной от каких-либо «комплексов», которые, как говорят, стали ныне таким обычным явлением. Она и в дальнейшем не вполне утратила этот девический облик, но по мере того как она становилась женщиной, глаза ее обретали глубину и огонь, напоминая тихие омуты, на дне которых бушевали бури. Она не принадлежала к числу девушек современного типа с их привычками и неуравновешенностью, но она достаточно легко освоилась с современным укладом жизни. И все же в основе своей она была индийской девушкой или, точнее, кашмирской девушкой, чувствительной и гордой, ребячливой и взрослой, легкомысленной и мудрой. Она была сдержанна с теми, кого не знала или кто ей не нравился, но вся искрилась весельем и откровенностью в обществе знакомых и приятных ей людей. В суждениях о людях она была стремительна, в своих выводах не всегда справедлива, но она твердо держалась своих инстинктивных симпатий и антипатий. Она не умела лукавить. Если тот или иной человек ей не нравился, это было ясно для всех, и она не пыталась это скрыть. Впрочем, если бы она и попыталась, это едва ли удалось бы ей. За свою жизнь мне довелось встретить очень немногих, кто произвел бы на меня столь же сильное впечатление своей искренностью.

НАША ЖЕНИТЬБА И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Я думал о первых годах нашей совместной жизни, когда, несмотря на свою огромную любовь к Камале, я почти забывал о ней, лишая ее тех товарищеских отношений, на которые она имела право. Я походил тогда на одержимого; я целиком посвящал себя делу, в которое верил; я жил в созданном мною сказочном мире, глядя на окружающих меня реальных людей как на призрачные тени. Я вкладывал в работу все свои силы; ум мой до краев был заполнен работой, которая меня целиком поглощала. Ей я отдавал почти без остатка всю свою энергию.

И все же я был далек от того, чтобы забыть Камалу. Я снова и снова возвращался к ней, как к спасительному прибежищу. Если в течение нескольких дней я был в отлучке, мысль о ней охлаждала мой разгоряченный мозг, и я с нетерпением ждал того дня, когда смогу вернуться домой. Разве смог бы я что-либо сделать, если бы не она, поддерживавшая меня, придававшая мне силы и дававшая мне тем самым возможность как бы вновь заряжать иссякшие аккумуляторы моего духа и тела?

Я брал у нее все, что она могла дать мне. Но что дал я ей взамен в эти первые годы? Я явно обманул ее ожидания, и эти дни, быть может, наложили на нее свой глубокий отпечаток. Она с ее необычайной гордостью и чувствительностью не хотела обращаться ко мне за помощью, хотя я скорее, чем кто бы то ни было, мог бы оказать ей эту помощь. Ей хотелось играть самостоятельную роль в национальной борьбе, а не быть только приспешницей и тенью своего мужа. Она хотела оправдать свое существование перед самой собой и перед всем миром. Ничто в мире не могло бы доставить мне большей радости, но я был слишком занят, чтобы глубже понять ее, и не видел, к чему она стремится и чего так страстно желает. Кроме того, тюрьма слишком часто заявляла свои права на меня, и я находился вдали от Камалы, а она часто болела. Она, казалось, говорила мне подобно Читре, героине пьесы Тагора: «Я Читра. Не богиня, которой надо поклоняться, но и не жалкое существо, от которого можно равнодушно отмахнуться, как от какого-нибудь мотылька. Если ты позволишь мне идти рядом с тобой по пути опасностей и дерзаний, если ты позволишь мне участвовать в исполнении великого долга твоей жизни, ты узнаешь тогда мою подлинную сущность». Но она не облакала эту мысль в слова, и лишь постепенно я прочел это в ее глазах.

В первые месяцы 1930 года я понял ее желание, и мы стали работать вместе. Это явилось для меня новым источником радости. В течение некоторого времени мы жили на гребне жизни; тучи сгущались, назревал национальный подъем. Для нас это были счастливые дни, но они слишком быстро миновали. В начале апреля страна была охвачена движением гражданского

неповиновения и подверглась правительственным репрессиям, а я вновь очутился в тюрьме.

В тюрьме оказалось большинство нас, мужчин. И тогда произошло нечто замечательное. На поле битвы вышли наши женщины и вступили в борьбу. Женщины, разумеется, всегда принимали в ней участие, но сейчас их была целая лавина, что явилось неожиданностью не только для британского правительства, но и для наших мужчин. Эти женщины — женщины, принадлежавшие к высшим или средним классам, жившие спокойной жизнью под кровом своих домов, крестьянки, работницы, богатые женщины — десятками тысяч выходили на улицу в нарушение приказа правительства и не считаясь с дубинками полиции. Поразительным было не только это проявление мужества и отваги — еще более удивительной была сила организованности, которую они продемонстрировали.

Я никогда не забуду, какое глубокое волнение охватило нас, когда мы, находившиеся в то время в тюрьме Наини, узнали об этом. Как бесконечно мы гордились женщинами Индии! Мы почти не в состоянии были говорить об этом, ибо сердца наши были переполнены, а глаза затуманены слезами.

Впоследствии к нам присоединился в тюрьме Наини мой отец, который рассказал много такого, чего мы не знали. Действуя в качестве лидера движения гражданского неповиновения, он ничем не поощрял этих наступательных действий женщин по всей стране. Ему с его патриархальными и несколько старомодными взглядами не нравилось, что старые и молодые женщины толпятся на улицах под палящим солнцем и вступают в столкновения с полицией. Но он понимал душевное состояние людей и никого не пытался отговаривать, в том числе и свою жену, дочерей и невестку. Отец рассказывал нам о том, как приятно он был поражен энергией, мужеством и способностями, которые проявляли женщины по всей стране. О девушках из своей собственной семьи он говорил с любовной гордостью.

По инициативе отца на тысячах массовых митингов, состоявшихся по всей стране 26 января 1931 года, в годовщину «Дня независимости Индии», зачитывалась «Памятная резолюция»¹. Эти митинги были запрещены полицией и многие из них были разогнаны. Отец сумел организовать их, даже будучи прикован болезнью к постели. Это было торжеством его организаторского таланта, ибо он не мог пользоваться ни газетами, ни почтой, ни телеграфом, ни телефоном, ни типографскими машинами. Но, несмотря на все это, в один и тот же день, в

¹ 26 января 1930 года Исполнительный комитет Национального конгресса вынес решение добиться полной независимости Индии. Поэтому день 26 января был объявлен «Днем независимости Индии», и в этот день каждый год на митингах зачитывалась принятая тогда резолюция Национального конгресса. — *Прим. ред.*

назначенный час по всей нашей обширной стране, включая самые глухие деревни, эта резолюция была оглашена на местных диалектах и принята участниками митингов. Через десять дней после того, как эта резолюция была таким образом одобрена, отец умер.

Резолюция была длинная. Часть ее была посвящена женщинам Индии: «Мы свидетельствуем свое уважение и глубокое восхищение женщинами Индии, которые в час опасности, нависшей над отечеством, покинули свой домашний очаг с неизменным мужеством и стойкостью боролись плечом к плечу с мужчинами в первых рядах национальной армии Индии, идя вместе с ними на жертвы и разделяя успех борьбы...»

Камала принимала смелое и активное участие в этих бурных событиях. На ее неопытные плечи пало бремя организации нашей работы в городе Аллахабаде, когда все активные деятели находились в тюрьме. Она компенсировала свою неопытность энтузиазмом и энергией и в какие-нибудь несколько месяцев стала гордостью Аллахабада.

Мы встретились снова, находясь еще под свежим впечатлением болезни и смерти моего отца. Мы встретились на новых началах: нас связывали чувства товарищества и взаимопонимания. Несколько месяцев спустя, когда мы, захватив с собой дочь, отправились на Цейлон для первого нашего кратковременного совместного отдыха, который оказался также и последним, у нас было такое ощущение, как будто мы заново открыли для себя друг друга. Все прошлые годы, проведенные нами вместе, были лишь подготовкой к этим новым, более близким отношениям.

Мы слишком скоро вернулись обратно, и снова работа потребовала меня; а вслед за тем — тюрьма. Нам не суждено было больше ни отдыхать, ни работать, ни даже быть вместе, если не считать кратковременного периода между двумя последовательными тюремными заключениями, длившимися каждое по два года. И вот, когда срок второго из них еще не истек, Камала лежала при смерти.

Когда в феврале 1934 года пришли меня арестовать на основании ордера, выданного в Калькутте, Камала пошла в наши комнаты, чтобы собрать для меня кое-какую одежду. Я последовал за нею, чтобы с ней попрощаться. Вдруг она ухватилась за меня и, потеряв сознание, упала. Это было совсем непохоже на нее, ибо мы приучили себя легко, даже весело относиться к этим арестам и как можно меньше волноваться из-за них. Было ли у нее какое-то предчувствие, что это последнее наше более или менее нормальное свидание?

Два долгих тюремных заключения, каждое сроком в два года, встали между мною и ею в тот самый момент, когда мы больше всего были нужны друг другу, в тот самый момент, когда мы так сблизились друг с другом. Я думал об этом в

долгие дни в тюрьме, и все же я твердо надеялся, что придет время, когда мы будем снова вместе. Как ей жилось в эти годы? Я могу об этом догадываться, но толком я ничего не знаю, ибо во время свиданий в тюрьме или в короткий период моего пребывания на свободе обстановка была не совсем нормальная. Нам приходилось все время тщательно следить за собой, чтобы не показать один другому своих страданий, которые могли причинить боль. Но было очевидно, что многое глубоко тревожит и огорчает ее и что в ее душе нет покоя. Я мог бы оказать ей некоторую помощь, но не из тюрьмы.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Эти и многие другие мысли приходили мне на ум в долгие часы моего одиночества в Баденвейлере. Я с трудом отвыкал от тюремной обстановки; я давно уже свыкся с ней, а новая обстановка мало чем отличалась от нее. Я жил в нацистской стране со всеми странными происходившими в ней явлениями, которые внушали мне такое отвращение, но нацизм непосредственно меня не затрагивал. В этой тихой деревне, в глуши Шварцвальда, он мало чем давал о себе знать.

А возможно, ум мой был занят чем-то другим. Передо мной проходила моя прошлая жизнь, и всегда рядом со мной была Камала. Она стала для меня символом индийских женщин или даже символом женщины вообще. Иногда ее образ причудливо смешивался с моими представлениями об Индии, этой столь дорогой для нас родине, со всеми ее слабостями и недостатками, такой неуловимой и загадочной. Что представляла собой Камала? Знал ли я ее? Понимал ли ее настоящее я? Знала и понимала ли она меня? Ибо я тоже был сложной личностью со своими тайнами и неизведанными глубинами, непостижимыми для меня самого. Иногда мне казалось, что она немного меня боится из-за этого. Я всегда был и остался человеком неподходящим для брака. Камала и я в некоторых отношениях были различны и в то же время весьма схожи в других отношениях; мы не дополняли друг друга. Даже положительные наши качества в наших взаимоотношениях превращались в недостатки. Между нами были возможны либо полное взаимопонимание, совершенное единение душ, либо споры. Ни один из нас не мог жить монотонной домашней жизнью, принимая вещи такими, какие они есть.

Среди множества картин, выставляемых на базарах Индии, была одна, на которой были изображены два портрета, Камалы и мой, с надписью наверху: «адарша джори» — образцовая или идеальная чета, — такую нас считали многие. Но достичь идеала или сохранить его чрезвычайно трудно. И все же я помню, как во время нашего отдыха на Цейлоне я говорил Камале, что вопреки всем трудностям и разногласиям, вопреки

злым шуткам, которые жизнь сыграла с нами, мы счастливы тем, что брак — это необычайная вещь и что он не перестал быть ею, несмотря на свою тысячелетнюю историю. Мы видели вокруг себя крушение многих браков или, что было не лучше, превращение сияющего золота в золу. Как мы счастливы, говорил я ей, и она соглашалась. Хотя порою мы и ссорились и сердились друг на друга, однако сумели сохранить в себе жизненный огонь, и для каждого из нас жизнь всегда открывала перспективы новых заманчивых приключений и позволяла по-новому заглянуть в душу друг другу.

Проблема человеческих взаимоотношений — такая это важная проблема и как часто мы забываем о ней в наших горячих спорах о политике и экономике! Ее не игнорировали подобным образом старые и мудрые цивилизации Индии и Китая. Они выработали кодекс социального поведения, который, при всех его недостатках, несомненно, давал человеку равновесие. Этого равновесия не видно в сегодняшней Индии. Нет его и в странах Запада, которые достигли столь большого прогресса в других областях. Быть может, равновесие в основе своей статично и противоречит прогрессивному изменению? Должны ли мы жертвовать одним ради другого? Должна, разумеется, существовать какая-то возможность сочетать равновесие с внутренним и внешним развитием, мудрость старины с наукой и энергией новых времен. Поистине, мы, кажется, достигли такой ступени мировой истории, когда единственной альтернативой такого сочетания может оказаться разрушение и уничтожение как того, так и другого.

РОЖДЕСТВО 1935 ГОДА

В состоянии Камалы наступило улучшение. Оно было не очень заметно, но после напряжения последних недель мы испытывали большое облегчение. Она пережила кризис, и состояние ее стабилизировалось, что само по себе уже было достижением. Так продолжалось в течение еще целого месяца, и я воспользовался этим, чтобы съездить ненадолго в Англию с нашей дочерью Индирой. Я не был там восемь лет, и многочисленные друзья настойчиво приглашали меня посетить их.

Затем я вернулся в Баденвейлер, и все опять пошло по старому. Наступила зима, и все вокруг стало бело от снега. С приближением рождества состояние Камалы начало заметно ухудшаться. Наступил новый кризис. Жизнь ее, казалось, была на волоске. В эти последние дни 1935 года я тащился через слякоть и снег, не зная, сколько дней или часов ей еще осталось прожить. Спокойный зимний ландшафт с его белым снежным покровом напоминал мне о холодном покое смерти, и я утратил весь былой оптимизм.

Но Камала переборола и этот кризис и выжила, проявив удивительную жизнеспособность. Ей стало лучше, она повеселела и хотела, чтобы мы увезли ее из Баденвейлера. Ей наскучило это место; кроме того, на нее повлияло еще одно событие — смерть одного из больных санатория, который посылал ей цветы и раза два посетил ее. Этот больной — один ирландский юноша — был в гораздо лучшем состоянии, чем Камала, и ему разрешали даже гулять. Мы пытались скрыть от нее его внезапную смерть, но нам это не удалось. У больных людей, особенно у тех, которые имеют несчастье находиться в санатории, повидимому, развивается шестое чувство, которое подсказывает им многое из того, что от них хотят скрыть.

В январе я съездил в Париж и посетил еще раз, на короткий срок, Лондон. Жизнь снова тянула меня к себе, и когда я находился в Лондоне, мне стало известно, что я вторично избран председателем Индийского Национального конгресса, съезд которого должен был состояться в апреле. Я ожидал этого, так как был предупрежден друзьями, и даже обсуждал этот вопрос с Камалой. Передо мной стояла дилемма: оставить ее в ее тогдашнем положении или отказаться от председательского поста. Она и слышать не хотела о моей отставке. Ей было немного лучше, и мы полагали, что позднее я смогу к ней вернуться.

В конце января 1936 года Камала была перевезена из Баденвейлера в Швейцарию, в санаторий близ Лозанны.

СМЕРТЬ

Мы оба, Камала и я, радовались переезду в Швейцарию. Она повеселела, и я чувствовал себя уютней в этой части Швейцарии, которую я знал довольно хорошо. В ее состоянии не наблюдалось сколько-нибудь заметных изменений, и, казалось, кризис не повторится. Можно было надеяться, что такое состояние продлится еще долго и она понемногу начнет поправляться.

Между тем Индия настойчиво звала меня, и находившиеся там друзья требовали моего возвращения. Я потерял покой; проблемы моей родины все больше завладевали моим умом. В течение нескольких лет тюрьма и другие препятствия мешали мне принимать активное участие в общественной жизни, и теперь я рвался к деятельности. Мои поездки в Лондон и Париж и вести из Индии помогли мне освободиться от моей скорлупы, и теперь я не мог снова уйти в нее.

Я обсудил этот вопрос с Камалой и посоветовался с врачом. Оба они соглашались с тем, что мне следует вернуться в Индию, и я заказал билет на самолет голландской авиакомпании KLM. Я должен был покинуть Лозанну 28 февраля. После того как все уже было решено, я увидел, что Камале вовсе не улыбается

мысль о моем отъезде. И все же она не стала просить меня изменить свои планы. Я говорил ей, что недолго задержусь в Индии и что надеюсь вернуться через два-три месяца. Если она пожелает, я смогу вернуться еще раньше. Когда мне дадут телеграмму, я вылетчу на самолете и уже через неделю буду около нее.

До моего отъезда оставалось четыре или пять дней. Индира, находившаяся в школе в соседнем местечке Бекс, должна была приехать, чтобы провести эти последние дни с нами. Ко мне явился врач и посоветовал отложить отъезд на неделю или на десять дней. Больше он ничего не хотел сказать. Я тотчас же согласился и заказал новый билет на следующий самолет КЛМ.

За эти последние дни в Камале произошла едва уловимая перемена. Ее физическое состояние, насколько мы могли судить, оставалось почти прежним, но ее сознание, повидимому, все меньше фиксировалось на окружающей обстановке. То она говорила мне, что кто-то ее зовет, то она видела, как кто-то входит в комнату, в то время как я ничего не видел.

Ранним утром 28 февраля она вздохнула последний раз. Индира была возле нее, а также наш верный друг, неизменно находившийся при нас в эти месяцы, — д-р М. Атал.

Из соседних городов Швейцарии приехало еще несколько друзей, и мы свезли ее в лозаннский крематорий. В несколько минут это прекрасное тело и это прелестное лицо, которое так часто и так хорошо улыбалось, были превращены в пепел. Маленькая урна заключила в себе бранные останки той, которая была такой энергичной, светлой и полной жизни.

МУССОЛИНИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Узы, связывавшие меня с Лозанной и Европой, были порваны, и мне незачем было больше там оставаться. Что-то оборвалось также и внутри меня, но я лишь постепенно начал это осознавать, ибо эти дни были для меня черными днями и рассудок мой отказывался нормально работать. Мы с Индирой отправились в Монтре, чтобы в тишине провести вместе несколько дней.

Во время нашего пребывания в Монтре меня посетил итальянский консул в Лозанне, явившийся специально для того, чтобы передать мне искренние соболезнования синьора Муссолини по поводу моей потери. Я был несколько удивлен, так как никогда не встречался с синьором Муссолини и не имел с ним каких-либо иных связей. Я попросил консула передать ему мою благодарность.

За несколько дней до этого один из моих друзей, находившийся в Риме, сообщил мне в письме, что синьор Муссолини хотел бы со мной встретиться. В то время о моей поездке в Рим не могло быть и речи; я так и ответил ему. Позднее, когда

я стал подумывать о возвращении в Индию самолетом, это приглашение было повторено, причем на этот раз в нем был оттенок нетерпеливой настойчивости. Я хотел избежать этого свидания, но в то же время мне не хотелось быть невежливым. При обычных обстоятельствах я преодолел бы свое отвращение к встрече с ним, так как мне любопытно было узнать, что собой представляет дуче, но в то время велась война в Абиссинии, и эта встреча неизбежно послужила бы поводом ко всякого рода кривотолкам и была бы использована в целях фашистской пропаганды. Никакие мои опровержения ни к чему бы не привели. Мне было известно несколько недавних случаев, когда индийские студенты и другие лица, посетившие Италию, были использованы, вопреки их желанию, а иногда даже и без их ведома, фашистской пропагандой. Наконец, известно было подложное интервью Ганди, которое «Джорнале д'Италия» опубликовала в 1931 году.

Поэтому я выразил моему другу свои сожаления и через некоторое время снова написал ему и позвонил по телефону, чтобы исключить какие бы то ни было недоразумения. Все это было еще до смерти Камалы. После ее смерти я послал еще одно письмо, в котором сообщил, что, помимо всяких других причин, я не расположен сейчас встречаться с кем бы то ни было.

Эта настойчивость с моей стороны была необходима ввиду того, что самолет авиакомпании КЛИМ, на котором я собирался лететь, должен был следовать через Рим и мне предстояло провести в этом городе целый вечер и ночь. Избежать этой попутной остановки и кратковременного пребывания в Риме я не мог.

Проведя несколько дней в Монтре, я выехал в Женеву, а оттуда в Марсель, где сел на самолет КЛИМ, отправлявшийся на Восток. Когда в конце дня мы прибыли в Рим, я был встречен высокопоставленным чиновником, который вручил мне письмо от личного секретаря синьора Муссолини. Дуче, говорилось в письме, будет рад повидаться со мной, и он назначал наше свидание на шесть часов вечера. Я был удивлен и напомнил чиновнику о моих письмах. Однако он продолжал настаивать на том, что теперь все уже окончательно подготовлено и встречу нельзя расстраивать. Больше того, если свидание не состоится, весьма вероятно, что он будет уволен со своего поста. Он заверил меня, что в печать ничего не проникнет и что мне надо будет провести с дуче всего несколько минут. Он хочет только пожать мне руку и лично выразить свои соболезнования по поводу кончины моей жены. Мы препирались таким образом в течение целого часа, соблюдая обоюдную вежливость, но испытывая все большее напряжение. Это был чрезвычайно утомительный час для меня и, вероятно, еще более утомительный для моего собеседника. Наконец, назначенный

для свидания час наступил, но я настоял на своем. Во дворец дуче была послана телефонограмма о том, что я не могу явиться.

В этот вечер я послал синьору Муссолини письмо, в котором выражал сожаление в связи с тем, что я не смог воспользоваться его любезным приглашением встретиться с ним и благодарил его за присланное мне соболезнование.

Я продолжал свое путешествие. В Каире меня встретили несколько старых друзей. Оттуда мы двинулись далее на восток, летя над пустынями Западной Азии. До сих пор различные события и хлопоты, связанные с моей поездкой, занимали мой ум. Но теперь, когда мы, покинув Каир, часами летели над этой безлюдной пустыней, меня охватило чувство ужасного одиночества, опустошенности и беспдельности. Я возвращался один в свой дом, который больше не был для меня домом, а рядом со мной стоял ящик, и в этом ящике была урна. Это было все, что осталось от Камалы, и все наши светлые мечты были так же мертвы и превратились в пепел. Ее больше нет, Камалы больше нет,— снова и снова повторял я себе.

Я думал о своей автобиографии, об этой летописи моей жизни, которую я обсуждал с ней, когда она лежала в санатории Бховали. Когда я писал ее, я время от времени захватывал с собой одну-две главы и читал их ей. Она читала или слышала лишь часть ее, она никогда не прочтет остального, и мы уже не впишем вместе ни одной новой главы в книгу жизни.

По прибытии в Багдад я послал телеграмму моим издателям в Лондон, у которых печаталась моя автобиография. Я просил их сопроводить книгу посвящением: «Камале, которой больше нет».

Вот наконец и Карачи, толпы народа, много знакомых лиц. А далее — Аллахабад. Там мы отнесли драгоценную урну на берег быстрого Ганга и высыпали пепел в лоно этой благородной реки. Сколько наших предков она унесла таким образом в море, и сколько тех, кто придет нам на смену, совершит свое последнее путешествие в ее объятиях.

Глава третья

ИСКАНИЯ

ПАНОРАМА ПРОШЛОГО ИНДИИ

В эти годы размышлений и практической деятельности все мои мысли были поглощены Индией. Я пытался понять ее, а также проанализировать мое собственное отношение к ней. Я возвращался мысленно к дням моего детства и старался припомнить, каково было мое понимание Индии в то время, в какие расплывчатые формы облекал его мой зреющий разум и как оно формировалось дальше под воздействием нового опыта. Иногда этот образ Индии отступал на задний план, но все же он никогда не покидал меня. Постепенно он менялся, образуя причудливую смесь представлений, почерпнутых из старых сказаний и легенд и современных фактов. Он рождал у меня чувство гордости, но в то же время и чувство стыда, ибо я стыдился многого из того, что видел вокруг себя, — суеверий, отживших идей и прежде всего нашего поработленного состояния и нищеты.

По мере того как я рос и приобщался к деятельности, которая сулила привести к освобождению Индии, мысли об Индии все более овладевали мною. Что представляла собой эта Индия, владевшая мною, вечно манившая к себе и побуждавшая меня к действию, направленному на осуществление какого-то смутного, но остро ощущаемого стремления в нашей душе? Я полагаю, что первоначальным толчком для меня послужила гордость, как личная, так и национальная, и присущее всем людям желание противиться чужому господству и пользоваться свободой устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Мне казалось чудовищным, чтобы такая великая страна, как Индия, с ее богатым и древним прошлым, была прикована к отдаленному острову, который навязывал ей свою волю. Еще более чудовищным было то, что этот насильственный союз привел к безграничной нищете и деградации. Для меня и других это было достаточным поводом к действию.

Но этого было недостаточно, чтобы ответить на вопросы, возникавшие в моем уме. Что представляет собой Индия с

иных точек зрения, помимо физической и географической? Что она представляла собой в прошлом? В чем был тогда источник ее силы? Каким образом она утратила эту былую силу? И утратила ли она ее полностью? Представляет ли она собой и ныне нечто жизнеспособное, помимо того, что она является родиной огромного числа человеческих существ? Какое место занимает она в современном мире?

Эти более широкие, международные аспекты проблемы вставали передо мной во весь рост по мере того, как я все яснее сознавал, насколько нежелательной и немыслимой является изоляция. Будущее, рисовавшееся моему мысленному взору, предполагало тесное сотрудничество, политическое, экономическое и культурное, между Индией и другими странами мира. Но прежде чем наступит будущее, надо иметь дело с настоящим, а за настоящим стоит долгое и сложное прошлое, из которого выросло это настоящее. Поэтому за ответами на свои вопросы я обратился к прошлому.

Индия была у меня в крови, и многое в ней меня инстинктивно глубоко волновало. И все же я подходил к ней почти как чужеземный критик, полный отвращения к настоящему и ко многим пережиткам прошлого, которые я наблюдал. Я пришел к ней в известной степени через Запад и смотрел на нее так, как мог бы смотреть дружелюбно расположенный европеец. Я горел нетерпеливым стремлением изменить ее внешние очертания и облик, придать ей современную внешность. И все же у меня возникали сомнения. Знаю ли я Индию, я, считавший необходимым отдать на слом значительную часть ее прошлого наследия? Много было такого, что следовало, даже необходимо было, отдать на слом, но было совершенно ясно, что Индия не могла бы быть тем, чем она, без сомнения, являлась, и не могла бы продолжать на протяжении тысячелетий свое культурное существование, если бы она не обладала чем-то очень жизненным и стойким, чем-то очень ценным. Что же это было такое?

Я стоял на холме в Мохенджо-Даро в долине Инда, на северо-западе Индии, а вокруг себя видел дома и улицы этого древнего города, существовавшего, как говорят, более пяти тысяч лет назад; причем уже тогда это была древняя и высокоразвитая цивилизация. «Цивилизация долины Инда, — пишет профессор Чайлд, — это весьма совершенное приспособление человеческой жизни к особенностям окружающей среды, которое могло возникнуть лишь в результате долгих лет терпеливых усилий. И эта цивилизация сохранилась. Она носит уже специфически индийский характер и составляет основу современной индийской культуры». Трудно себе представить, чтобы какая-нибудь культура или цивилизация могла просуществовать в течение пяти, шести или даже больше тысячелетий, и не в статичном, неизменном виде, ибо Индия непрерывно

изменялась и прогрессировала. Она вступала в тесное соприкосновение с персами, египтянами, греками, китайцами, арабами, народами Средней Азии и Средиземноморья. Но, несмотря на то, что она оказывала влияние на них и, в свою очередь, испытывала на себе их влияние, ее культурная основа оказалась достаточно прочной, чтобы сохраниться. В чем был секрет этой силы? Где был ее источник?

Я прочел историю Индии, а также часть произведений ее необычайно богатой древней литературы, и на меня произвели огромное впечатление заключенные в них сила мысли, ясность языка и богатство ума. Я странствовал по Индии вместе с великими путешественниками из Китая и Средней Азии, которые побывали здесь в далеком прошлом и оставили описания своих путешествий. Я думал о том, что сделано было Индией в Анкоре, Боробудуре и многих других местах. Я бродил по Гималаям, которые тесно связаны с древними мифами и легендами и оказали такое большое влияние на наше мышление и литературу. Моя любовь к горам и родство с Кашмиром с особой силой влекли меня к ним, и я видел там не только жизнь, силу и красоту настоящего, но и сохраненное до нас историей очарование прошедших веков. Меня привлекали к себе могучие реки Индии, текущие с высоты этого великого горного массива в наши долины. Они напоминали мне о бесчисленных событиях нашей истории. Инд или *Синдху*, по имени которого наша страна стала называться Индией или Хиндустаном и через который на протяжении тысячелетий двигались народы и племена, караваны и армии; Брахмапутра, лежащая несколько в стороне от главного исторического потока, но живущая в древних преданиях; она пробивает себе путь в Индию через глубокие ущелья, прорезанные в самом сердце северо-восточных гор, и далее течет спокойно, делая плавный поворот между горой и лесистой равниной; Джамна, с которой связано столько легенд, положенных в основу танцев, забав и игр; и, наконец, Ганг, первая из рек Индии, пленившая сердце Индии и с незапамятных времен притягивавшая на свои берега бессчетные миллионы людей. История Ганга, от его истоков до места впадения его в море, с древних времен до сегодняшнего дня,— это история индийской цивилизации и культуры, возвышения и падения империй, история великих и гордых городов, дерзаний человека и исканий разума, которыми были так поглощены мыслители Индии, история богатства и полноты жизни и история отказа и отречения от нее, история взлетов и падений, развития и упадка, жизни и смерти.

Я познакомился со старыми памятниками, руинами, древней скульптурой и фресками в Аджанте, Эллоре, пещерах Элефанты и других местах; я видел также прекрасные сооружения более поздней эпохи в Агре и в Дели, где каждый камень рассказывает историю прошлого Индии.

В моем родном городе Аллахабаде и в Хардваре я часто отправлялся на празднества омовения *Кумбх мела*¹, наблюдая за тем, как сотни тысяч людей приходят, чтобы совершить омовение в Ганге, подобно тому, как сюда приходили со всех концов Индии на протяжении тысячелетий их предки. Я вспоминал описания этих празднеств, оставленные китайскими паломниками и другими путешественниками, — описания, имеющие 1300-летнюю давность, причем уже тогда эти *мела* были древними и происхождение их терялось в седой старине. Какая могучая вера, спрашивал я себя, влекла наш народ на протяжении многих поколений к этой знаменитой индийской реке?

Эти мои странствования и поездки и та основа, которую мне дало чтение, позволили мне глубже проникнуть в прошлое. К несколько бесцветному интеллектуальному пониманию добавлялось эмоциональное восприятие, так что образ Индии, который я создал в своем воображении, стал постепенно приобретать черты реальности, и страна моих предков предстала передо мной населенной живыми существами, которые смеялись и плакали, любили и страдали. Среди них были люди, повидимому, знавшие жизнь и понимавшие ее. Их мудрость и помогла им создать тот фундамент, который обеспечил Индии устойчивость культуры, сохранившейся на протяжении многих тысячелетий. Сотни живых картин прошлого теснились в моем воображении, и они тотчас же вставали передо мной, как только я посещал какое-либо место, с которым они были связаны. В Сарнатхе, близ Бенареса, я почти видел перед собой Будду, произносящего свою первую проповедь, и некоторые из его слов доносились до меня, как эхо, из глубины двадцати пяти веков. Каменные колонны времен Ашоки с их надписями говорили со мной на своем величавом языке, рассказывая о человеке, который, будучи правителем, превосходил своим величием всех королей и императоров. В Фатхпур-Сикри восседал Акбар, который, позабыв о своей империи, беседовал и спорил с учеными богословами — представителями самых различных религий, горя желанием узнать что-нибудь новое и найти разрешение вечной загадки человека.

Так передо мною медленно разворачивалась панорама истории Индии с ее взлетами и падениями, ее победами и поражениями. Я видел нечто исключительное в том, что на протяжении пятитысячелетней истории вторжений и переворотов Индия сохранила непрерывную культурную традицию — традицию, широко распространенную среди масс и оказавшую на них огромное влияние. Только Китай знает такую же непрерывность традиций и культуры. И эта панорама прошлого

¹ *Кумбх мела* — религиозное празднество, происходящее один раз в двенадцать лет в Аллахабаде и Хардваре, во время которого паломники с восходом солнца совершают омовение в водах Ганга. — *Прим. ред.*

постепенно свелась к жалкому настоящему, когда Индия, несмотря на все ее бывшее величие и устойчивость, стала порабощенной страной, придатком Англии, а во всем мире свирепствует ужасная опустошительная война, ожесточающая человечество. Но знакомство с этим пятидесятилетним прошлым открыло мне новые перспективы, и бремя настоящего казалось уже не таким тяжелым. Сто восемьдесят лет английского владычества в Индии были лишь одним из печальных эпизодов в ее долгой истории; она сумеет вновь обрести себя, дописывается уже последняя страница этой главы. Мир также переживет ужасы сегодняшнего дня и снова утвердится на новом фундаменте.

НАЦИОНАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Мое отношение к Индии часто, таким образом, было эмоциональным, обусловленным и ограниченным многими обстоятельствами. Оно проявлялось в форме национализма.

У многих людей отсутствуют подобные обуславливающие и ограничивающие факторы. Но в современной Индии национализм был и остается неизбежным; он представляет собой естественное и здоровое явление. Первейшим и основным стремлением для всякой порабощенной страны должно быть стремление к национальному освобождению. Это было вдвойне справедливо в отношении Индии с ее острым ощущением своей индивидуальности и своего прошлого наследия.

События последнего времени во всем мире показали, что мнение, будто бы национализм исчезает под натиском интернационализма и пролетарских движений, неправильно. Он по-прежнему остается одним из самых могучих стимулов, движущих народом, с ним связаны чувства, традиции народа, сознание общности условий существования и жизненных целей. В то время как прослойка буржуазной интеллигенции постепенно отходила от национализма или думала, что отходит, рабочие и пролетарские движения, сознательно опирающиеся на принципы интернационализма, все больше склонялись к национализму. Война втянула всех, повсюду в сети национализма. Это знаменательное возрождение национализма или, вернее, новое открытие его и признание его жизненно важного значения вызвали к жизни новые проблемы, а старым проблемам придали новые черты и формы.

Отбросить или упразднить старые установившиеся традиции не так-то легко. В критические моменты они оживают, овладевая умами людей, и, как мы видели, нередко имеют место сознательные попытки использовать эти традиции с целью вдохновить народ на максимальные усилия и жертвы. В значительной мере приходится считаться с существующими традициями, видоизменяя и приспособляя их к новым условиям и новому образу мыслей; в то же самое время нужно создавать

и новые традиции. Принцип национализма имеет глубокие и прочные корни; он не является чем-то отжившим, не имеющим значения для будущего. Однако наряду с ним возникли другие принципы, более прочно опирающиеся на неопровержимые факты сегодняшнего дня, — принцип интернационализма и пролетарский принцип, и если мы хотим достигнуть равновесия в мире и ослабить раздирающие его конфликты, мы должны стремиться к какому-то сочетанию этих принципов. Необходимо признать постоянную притягательность национализма для человеческого духа и нужно поддерживать его, однако его размах должен быть ограничен более узкой сферой.

Если влияние национализма до сих пор столь широко распространено даже в странах, подвергшихся могучему воздействию новых идей и международных сил, то насколько же сильнее он должен владеть умами индийцев! Иногда нас уверяют в том, что наш национализм есть не что иное, как свидетельство нашей отсталости, а наши требования независимости — показатель нашей ограниченности. Те, кто это говорит, видимо, полагают, что если бы мы согласились остаться в роли младших партнеров в Британской империи или в Содружестве наций, это явилось бы торжеством подлинного интернационализма. Они, очевидно, не понимают, что этот вид так называемого интернационализма есть не что иное, как проявление узкого британского национализма, который не мог бы нам импонировать даже и в том случае, если бы логические выводы, вытекающие из истории прошлых англо-индийских отношений, не исключили бы всякую возможность его воздействия на наше сознание. Тем не менее Индия, при всем ее пламенном национализме, пошла дальше многих стран в признании истинного интернационализма и сотрудничества и даже, до известной степени, подчинения статута независимого государства мировой организации.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ИНДИИ

Поиски источников силы Индии, а также причин ее упадка и ослабления — дело долгое и сложное. Однако недавние причины этого упадка достаточно очевидны. Индия отстала в развитии техники, и Европа, которая была долгое время во многих отношениях отсталой, заняла ведущее положение в области технического прогресса. Этот технический прогресс вдохновлялся наукой, в нем сказывалось бурление жизни и духа, которые находили свое проявление в самых различных областях человеческой деятельности и в отважных путешествиях с целью открытия новых земель. Новая техника дала военную мощь странам Западной Европы, облегчила им продвижение на Восток и подчинение Востока. Это относится не только к Индии, но и почти ко всей Азии.

Почему это должно было именно так произойти, объяснить труднее, ибо в прежние времена Индия никогда не проявляла недостатка в живости ума или в техническом мастерстве. Процесс упадка можно проследить на протяжении ряда столетий. Стремление к жизни и действию ослабевает, творческий дух постепенно исчезает, уступая место подражанию. Там, где раньше торжествующая мятежная мысль пыталась проникнуть в тайны природы и вселенной, появляется многословный комментатор со своими толкованиями и длинными пояснениями. Величественная живопись и скульптура уступают место кропотливой отделке сложных деталей, не одухотворенных благородством идей или замысла. Живость и богатство языка, выразительного и простого, сменяются витиеватыми и сложными литературными формами. Дух дерзаний и избыток жизни, рождавшие грандиозные замыслы колонизации и распространения индийской культуры в далеких землях, — все это исчезло, и узкая ортодоксия объявляет запретным даже далекие плавания. Столь характерный в былые времена рационалистический дух исследования, который мог привести к дальнейшему развитию науки, вытесняется иррационализмом и слепым преклонением перед прошлым. Индийская жизнь превращается в вяло текущий поток, питаемый прошлым и медленно прокладывающий себе путь сквозь нагромождения мертвых веков. Тяжкое бремя прошлого подавляет ее, и ее охватывает какое-то оцепенение. Неудивительно, что, находясь в таком состоянии духовного паралича и физической усталости, Индия деградировала и оставалась омертвелой и неподвижной в то время, когда другие страны мира двигались вперед.

Однако этот обзор не является полным и вполне правильным. Если бы существовал лишь длительный и непрерывный период омертвения и застоя, это могло бы иметь своим результатом полный разрыв с прошлым, гибель целой эпохи и возникновение чего-то нового на ее обломках. Но такого разрыва не произошло, и налицо определенная преемственность. Время от времени наблюдались также периоды возрождения, иногда длительные и блестящие. И неизменно видны попытки понять новое, приспособить его и привести в гармонию со старым или, по крайней мере, с теми чертами старого, которые считались заслуживающими того, чтобы их сохранить. Часто это старое сохраняет лишь внешнюю форму, являясь неким символом, в то время как внутреннее его содержание меняется. Однако что-то существенное, что-то живое продолжает оставаться, какой-то стимул, побуждающий людей двигаться в не совсем для них ясном направлении. И неизменно остается стремление к синтезу между старым и новым. Именно этот стимул и это стремление заставляли индийцев двигаться вперед и позволили им усвоить новые идеи, сохранив в то же время многое от старого. Существует ли такая вещь, как

видение Индии, переходящее из поколения в поколение, яркое и полное жизни, но временами низведенное до бормотаний неспокойного сна,— этого я не знаю. У каждого народа и каждой нации имеется нечто вроде такой легенды или веры в ее историческую роль и, быть может, в каждом случае в этом есть какая-то доля правды. Будучи индийцем, я сам испытал на себе влияние этой действительной или легендарной веры в роль Индии, и я думаю, что все то, что оказывало непрерывное воздействие на сотни поколений, должно было черпать свою неизменную жизненную энергию из какого-то глубокого источника силы и обладало способностью обновлять эту жизненную энергию из века в век.

Существовал ли такой источник силы? И если да, то что с ним случилось — высох ли он, или же он имел какие-то скрытые ключи, которые его питали? И как обстоит дело сегодня? Существуют ли еще какие-нибудь родники, которые могли бы освежить нас и придать нам силы? Мы являемся древним народом или, вернее, причудливым смешением многих народов, и история нашего народа восходит своими истоками к заре истории. Быть может, наша пора расцвета уже миновала и мы переживаем сейчас поздний, близящийся к закату период своего существования, влача свои дни, как старцы, неподвижные, утратившие жизненную силу и творческий дух и больше всего на свете жаждущие покоя и сна?

Ни один народ, ни одна раса не остаются неизменными. Они непрерывно смешиваются с другими народами и расами и постепенно изменяются. Они могут казаться почти умирающими, а затем вновь воспрянуть как новый народ или как разновидность старого. Между прежним и новым народом может быть полный разрыв, но они могут быть и связаны важнейшими узами мысли и представлений.

История знает многочисленные примеры постепенного исчезновения или внезапной гибели старых и прочных цивилизаций, место которых занимали новые, полные жизни культуры. Существует ли какая-то жизненная энергия, какой-то внутренний источник силы, сообщающий жизнь цивилизации и народу, без которого тщетны все их усилия, подобно напрасным стараниям старика изображать из себя юношу?

Из всех народов современного мира я обнаружил эту жизненную энергию, в основном, у трех — американцев, русских и китайцев,— странное сочетание! Американцы, хотя они и связаны своими корнями со Старым светом, являются новым народом, ничем не скованным и свободным от бремени и от всех обычаев и традиций старых рас, так что их бьющая через край жизненная энергия вполне понятна. То же самое можно сказать о канадцах, австралийцах и новозеландцах. Все они в значительной мере отрезаны от Старого света и воспринимают жизнь во всей ее новизне.

Русские не являются новым народом. Однако они пережили полный, подобный смерти, разрыв со старым, после чего они заново перевоплотились. Подобных примеров история до сих пор не знала. Они вновь стали молодыми и обладают поистине удивительной энергией и жизненной силой. Они пытаются отыскать некоторые из своих старых корней, но, тем не менее, практически это новый народ, новая раса и новая цивилизация.

Пример русских показывает, что народ может вдохнуть в себя новую жизнь и стать снова молодым, если он готов уплатить за это необходимую цену и дать выход энергии и силе, таящимся в массах. Быть может, эта война, при всех ее ужасах и безобразии, приведет к омоложению и других народов — тех, которым удастся избежать гибели.

Китайцы стоят особняком среди других. Они не являются новой расой и они не пережили такой коренной ломки, какая выпала на долю России. Семь лет жестокой войны, несомненно, должны были изменить и изменили их. В какой мере это изменение является результатом войны, или каких-нибудь более постоянных факторов, или же следствием того и другого, я не знаю, но жизнеспособность китайского народа меня поражает. Я не могу себе представить, чтобы народ, наделенный такой огромной силой, мог погибнуть.

Нечто подобное этой жизнеспособности, которую я видел в Китае, я по временам замечал также в индийском народе. Это бывало не всегда, да к тому же мне трудно в данном случае быть объективным. Быть может, мои желания заставляют меня видеть то, чего нет в действительности. Но, блуждая среди индийского народа, я всегда искал именно этого. Если индийский народ обладает этой жизнеспособностью, тогда можно не тревожиться, он еще покажет себя. Если же он ею совершенно не обладает, тогда все наши политические усилия, все наши поощрения тщетны и не уведут нас далеко. Я не был заинтересован в установлении такого политического порядка, который позволял бы нашему народу жить более или менее прежней жизнью, разве лишь немного лучше. Я почувствовал, что он обладает огромным запасом скрытой энергии и таланта, которым я хотел дать простор, чтобы народ наш снова почувствовал себя молодым и полным жизни. Индия, такая, какую она создана, не может играть в мире второстепенную роль. Она будет значить либо очень много, либо ничего не будет значить. Никакая средняя роль меня не привлекала, да я и не считал возможной какую-либо промежуточную позицию.

В представлении моем и представлении многих других в основе борьбы за независимость Индии, развертывавшейся на протяжении последней четверти века, и всех наших столкновений с английскими властями лежало стремление возродить Индию. Мы считали, что, действуя, добровольно идя на страдания и жертвы, на риск и опасности, отказываясь склониться

перед тем, что мы считали дурным и несправедливым, мы оживим дух Индии и пробудим ее от долгого сна. Хотя мы вели непрерывную борьбу с английскими властями в Индии, наши взоры были всегда обращены к нашему народу. Любые политические успехи имели цену лишь постольку, поскольку они содействовали достижению нашей основной цели. Постоянно руководствуясь этим стремлением, мы часто поступали так, как не поступил бы ни один политик, действующий только в узкой сфере политики, и критики за границей и в Индии удивлялись безрассудности и прямолинейности наших действий. Действительно ли мы поступали глупо, или нет, решат будущие историки. Мы метили высоко и глядели далеко вперед. Быть может, часто мы и поступали глупо с точки зрения оппортунистической политики, но мы никогда не забывали о том, что главной нашей целью было поднять общий уровень жизни индийского народа — психологический и духовный, а также, разумеется, политический и экономический. Возрождения этой подлинной внутренней силы народа мы и добивались, зная, что все остальное неизбежно придет само собой. Нам надо было искоренить складывавшееся на протяжении поколений постыдное раболепие и робкую покорность перед высокомерными чужеземными властителями.

В ПОИСКАХ ИНДИИ

Хотя книги, памятники старины и культурные достижения прошлого помогали составить некоторое представление об Индии, они меня не удовлетворяли и не давали ответа на волновавшие меня вопросы. Да они и не могли дать ответа, ибо относились к прошлому; я же хотел знать, существует ли какая-либо действительная связь между этим прошлым и настоящим. Для меня и для многих подобных мне людей настоящее представляло собой причудливую смесь средневековья, ужасающей бедности и нищеты и несколько поверхностного модернизма средних классов. Я не был поклонником своего класса или рода, и все же я неизбежно обращался к этому классу за руководством в борьбе за освобождение Индии. Этот класс — буржуазия — чувствовал себя скованным и ограниченным в действиях. Он хотел расти и развиваться. Лишенный в условиях британского владычества такой возможности, он проникся духом бунтарства против этого владычества, однако этот дух не был направлен против системы, которая давила нас. Он пытался сохранить ее и овладеть ею, вытеснив англичан. Наша буржуазия в слишком большой степени была порождением этой самой системы, чтобы бросить ей вызов и добиваться ее уничтожения.

Возникли новые силы, которые влекли нас к крестьянским массам, и впервые новая и совершенно иная Индия открылась взорам молодых интеллигентов, которые почти забыли о ее

существовании или не придавали ей большого значения. То, что мы увидели, встревожило нас, и не только из-за крайней нищеты, представшей нашим взорам, и сложности вставших перед нами проблем, но и потому, что увиденное нами вело к переоценке некоторых ценностей и умозаключений. Так началось для нас открытие настоящей Индии, и это повело как к взаимопониманию, так и к конфликтам в нашей среде. Наша реакция была различной и зависела от нашего прежнего окружения и опыта. Некоторые из нас были уже достаточно знакомы с этими крестьянскими массами, чтобы испытать какие-либо новые чувства. Они принимали их как нечто само собой разумеющееся. Но для меня это было настоящим открытием, и хотя я всегда мучительно сознавал недостатки и слабости моего народа, я нашел в крестьянском люде Индии нечто привлекательное, хотя и с трудом поддающееся определению. Это нечто отсутствовало у нашей буржуазии.

Я не идеализирую массы и стараюсь по возможности не думать о них как о теоретической абстракции. Индийский народ во всем его великом многообразии представляет для меня нечто вполне реальное, и, несмотря на его многочисленность, я стараюсь представлять его себе в образе отдельных личностей, а не в виде каких-то неопределенных групп. Быть может, я потому и не испытал чувства разочарования, что не ожидал от них слишком многого. Напротив, я нашел больше, чем ожидал. Я пришел к выводу, что, возможно, причиной этого, а также причиной известной устойчивости и потенциальной силы, которыми они обладали, было то, что в их среде сохранились; хотя бы и в небольшой степени, старые индийские культурные традиции. Многие погибли под ударами, которые обрушивались на них за последние двести лет. И все же кое-что ценное сохранилось, хотя наряду с этим сохранилось много совершенно никчемного и вредного.

В двадцатых годах моя работа была ограничена, в основном, пределами моей родной провинции, и я часто разъезжал по многим городам и деревням сорока восьми округов Сосдинейных провинций Агры и Ауда, которые долгое время считались сердцем Индостана. Это была колыбель и центр как древней, так и средневековой цивилизации, плавильная печь народов и культур, место, где вспыхнуло и впоследствии было жестоко подавлено великое восстание 1857 года. Я познакомился с выносливыми джатами, жителями северных и западных округов, этими истинными сынами земли, смелыми, независимыми и сравнительно преуспевающими; с крестьянами и мелкими землевладельцами — раджпутами, которые все еще гордятся своим происхождением и своими предками, хотя некоторые из них и изменили своей вере, приняв ислам; с умелыми и искусными ремесленниками и сельскими рабочими, как индусами, так и мусульманами; с массами бедных крестьян и арендаторов,

особенно в Ауде и в восточных округах, задавленными долготным гнетом и бедностью, едва осмеливающимися надеяться на облегчение своей участи и все же надеющимися и полными веры.

В тридцатых годах, в короткие промежутки между моими тюремными заключениями и в особенности во время избирательной кампании 1936—1937 годов, я много путешествовал по всей Индии, посещая как большие, так и малые города и селения. За исключением сельских районов Бенгалии, где я, к сожалению, бывал очень редко, я разъезжал по всем провинциям, заглядывая даже в глухие деревни. Я говорил о политических и экономических проблемах, и, судя по моим речам, можно было подумать, что политика и выборы всецело меня поглощают. Однако все это время в тайниках моего сознания жило что-то более глубокое и яркое, а выборы и прочие проходящие волнения мало значили для меня. Иное, более сильное волнение охватило меня, я вновь был в пути, в поисках новых великих открытий, я видел простиравшуюся передо мной Индию, видел индийский народ. Индия с ее бесконечным очарованием и многообразием начинала все более овладевать моим воображением, и все же чем больше я ее наблюдал, тем яснее мне становилось, насколько трудно мне или кому бы то ни было постигнуть идеи, которые она в себе воплотила. Недоступными для понимания были не ее обширные пространства и даже не ее многообразие, а некая духовная глубина, в которую я не мог проникнуть, хотя временами передо мной открывались мимолетные дразнящие видения ее. Она походила на древний палимпсест, на котором один на другом были запечатлены мысли и мечты, причем ни одна последующая надпись не скрыла и не стерла полностью начертанного ранее. Все эти мысли и мечты жили в нашем сознании или подсознании, хотя мы, быть может, и не отдавали себе в этом отчета, и благодаря им складывался сложный и загадочный облик Индии. Повсюду, в любом уголке страны, виднелось это лицо сфинкса с его неуловимой и подчас насмешливой улыбкой. Хотя народ наш отличался бесконечным внешним многообразием, на нем лежала печать того великого единства, которое на всем протяжении прошлых веков сплавляло нас, как бы ни складывалась наша политическая судьба и какие бы несчастья ни выпадали на нашу долю. Единство Индии уже не было для меня чисто умозрительным представлением: я ощущал его глубоко эмоционально. Это внутреннее единство было столь могучим, что никакое политическое раздробление, никакое бедствие или катастрофа не могли нарушить его.

Представлять себе Индию или любую другую страну в каком-либо антропоморфическом образе было, конечно, абсурдом, и я этого не делал. Я имел полное представление о многообразии и различиях индийской жизни, классов, каст, религий,

рас и уровней культурного развития. И все же я думаю, что страна с древним культурным прошлым и единым взглядом на жизнь проникается каким-то особенным, ей одной присущим духом, который налагает отпечаток на всех ее сынов, сколь бы сильно они ни отличались друг от друга. Разве можно не обнаружить этого в Китае, встретите ли вы ветхозаветного мандарина или коммуниста, несомненно порвавшего с прошлым? Вот этот дух Индии я и пытался уловить. Мною руководило не праздное любопытство, хотя я был в достаточной мере любопытен,— я чувствовал, что это может дать мне какой-то ключ к пониманию моей страны и народа, какое-то руководство для размышлений и действия. Занимаясь политикой и выборами, этими повседневными делами, мы волновались по пустякам. Но если мы хотели построить здание будущего Индии, прочное, надежное и красивое, мы должны были заложить фундамент на большой глубине.

«БХАРАТ МАТА»

Часто, странствуя с собрания на собрание, я говорил своим слушателям о нашей Индии, о Индостане и о *Бхарата* (старое санскритское название, происходящее от имени мифического прародителя нашего народа). В городах я это делал редко, ибо там аудитория более искушенная и ей надо преподносить что-нибудь более существенное. Но обращаясь к крестьянину с его ограниченным кругозором, я говорил об этой великой стране, за свободу которой мы боремся, о том, как каждый район отличен от всех остальных и все же представляет Индию, об общих проблемах, стоящих перед крестьянством всей страны, от севера до юга и от востока до запада, о *сварадже* [самоуправлении], который может мыслиться для всей Индии и для каждой из ее частей, а не только для некоторых. Я рассказывал им о своих путешествиях от Хайберского прохода на крайнем северо-западе до Каниа Кумари или мыса Коморин на далеком юге и о том, что повсюду крестьяне задавали мне одни и те же вопросы, ибо у всех у них были одинаковые беды — нищета, долги, частнособственнические интересы, помещики, ростовщики, высокая арендная плата и налоги, полицейские преследования — все это, неразрывно переплетенное с системой, навязанной нам чужеземными властителями; я говорил им также о том, что избавление должно наступить одновременно для всех. Я пытался заставить их думать об Индии как о едином целом и хотя бы в какой-то степени думать также и о необозримом мире, частью которого мы являемся. Я упоминал о борьбе, происходившей в Китае, Испании, Абиссинии, Центральной Европе, Египте и странах Западной Азии. Я рассказывал им о замечательных переменах, совершившихся в Советском Союзе, и о великом прогрессе

в Америке. Задача эта была нелегкая, и все же она оказалась не такой трудной, как я ожидал, ибо наш древний эпос, мифы и легенды, которые они так хорошо знали, создали у них представления об их родине; и всегда находились среди них люди, которым довелось совершить далекие паломничества к святым местам, расположенным в различных концах Индии. Встречались среди них и старые солдаты, служившие в иностранных армиях в первую мировую войну или во время других военных экспедиций. Даже мои упоминания об иностранных государствах доходили до их сознания благодаря последствиям большого кризиса тридцатых годов.

Иногда, когда я приходил на собрание, меня приветствовали громовым кличем: «Бхарат Мата ки джай!» — «Победу Матери Индии!» И тут я неожиданно спрашивал их, что они под этим подразумевают, кто такая эта «Бхарат Мата», «Мать Индия», которой они желают победы? Мой вопрос забавлял и удивлял их; не зная, как на него ответить, они начинали переглядываться между собой, поглядывая на меня. Я продолжал свои расспросы. Наконец какой-нибудь из могучих джатов, на протяжении бесконечного ряда поколений неразрывно связанных с землей, заявлял, что они имеют в виду *джарти*, добрую землю Индии. Какую землю? Только ли свой деревенский участок, или все участки в их округе, или в их провинции, или во всей Индии? Так продолжался этот обмен вопросами и ответами, пока наконец они не начинали нетерпеливо требовать, чтобы я рассказал им обо всем этом подробно. И я пытался это сделать, объясняя им, что Индия действительно такова, какою она им мыслится, но в то же время она есть и нечто гораздо большее. Горы и реки Индии, ее леса и обширные поля, дающие нам пищу, — все это нам дорого, но дороже всего — народ Индии, люди, подобные им и мне, живущие на этих обширных пространствах. «Бхарат Мата», «Мать Индия» — это, в первую очередь, именно эти миллионы людей, и ее победа означает победу этих людей. Вы являетесь частью этой «Бхарат Мата», говорил я им; в некотором смысле вы сами и есть «Бхарат Мата». И по мере того как эта мысль медленно просачивалась в их сознание, глаза их загорались все ярче, как если бы они сделали великое открытие.

МНОГООБРАЗИЕ И ЕДИНСТВО ИНДИИ

Многообразие Индии огромно; оно очевидно; оно явно, и всякий может его видеть. Это относится как к ее физическому облику, так и к духовным ее особенностям и чертам. При внешнем наблюдении мало общего можно усмотреть между патаном северо-запада и тамилом крайнего юга. Их происхождение не одинаково, хотя, быть может, в них и имеются общие черты; они различаются по внешности, пище и одежде и, конечно,

по языку. В Северо-западной пограничной провинции уже ощущается широта Средней Азии, и, подобно Кашмиру, она многими своими обычаями напоминает страны, расположенные по ту сторону Гималаев. Народные танцы патанов удивительно напоминают пляски казаков в России. Но при всех этих особенностях патан — столь же ярко выраженный индеец, как и тамиль. В этом нет ничего удивительного, ибо эти пограничные районы, как и Афганистан, на протяжении тысячелетий были объединены с Индией. Старые тюркские и другие племена, населявшие Афганистан и некоторые районы Средней Азии, до распространения ислама были в большинстве буддистами, а еще ранее, в период, к которому относится индийский эпос, — индусами. Пограничный район был одним из главных центров старой индийской культуры, и в нем до сих пор встречаются многочисленные развалины памятников и монастырей и, в частности, развалины великого университета в Таксиле, который две тысячи лет назад достиг вершины своей славы и привлекал к себе учащихся со всех концов Индии и из различных районов Азии. Смена религии внесла некоторые изменения, но она не могла полностью изменить духовный строй народов, населяющих эти районы.

Патан и тамиль — это два полюса. Представители прочих народностей занимают место где-то между ними. Все они имеют свои отличительные черты и в еще большей мере отмечены характерной печатью Индии. Отрадно убедиться в том, что бенгалцы, маратхи, гуджаратцы, тамилы, андхра, ория, ассамцы, каннара, малаяли, синдхи, пенджабцы, патаны, кашмирцы, раджпуты и огромная центральная группа народов, говорящих на языке хиндустани, сохранили на протяжении столетий свои характерные особенности; они до сих пор обладают более или менее теми же самыми достоинствами и недостатками, о которых повествуют древние предания и летопись, и при всем том на протяжении веков они оставались индийцами, с одинаковым национальным наследием и сходными душевными и моральными качествами. В этом наследии было нечто живое и динамичное, нашедшее свое проявление в жизненном укладе и в философском отношении к жизни и ее проблемам. Древняя Индия, подобно древнему Китаю, представляла сама по себе целый мир со своей собственной культурой и цивилизацией, накладывавшей на все свою печать. В этот мир проникали внешние влияния, которые часто оказывали воздействие на его культуру и впитывались им. Разобщающие тенденции тотчас же дали толчок поискам синтеза. Мечта о некоем единстве жила в душе Индии со времен зарождения ее цивилизации. Это единство мыслилось не как что-то навязанное извне, не как стандартизация внешних черт или даже верований. Это было нечто более глубокое; в рамках этого единства проявлялась величайшая терпимость по отношению к самым различным верованиям

и обычаям, и любая их разновидность признавалась и даже поощрялась.

Даже внутри одной национальной группы, как бы ни была она внутренне сплочена, всегда можно обнаружить те или иные значительные или мелкие различия. Однако при сравнении ее с другими национальными группами становится очевидным ее существенное единство, хотя нередко различия между двумя соседними группами в пограничных районах стираются и смешиваются, а современный прогресс оказывает повсюду в известном смысле нивелирующее воздействие. Во времена древности и средневековья современного понятия нации не существовало, и феодальные, религиозные, расовые или культурные узы имели большее значение. И все же я думаю, что, пожалуй, в любую известную нам историческую эпоху индеец в любой части Индии чувствовал бы себя более или менее как дома, тогда как во всякой другой стране он чувствовал бы себя чужеземцем и посторонним. Конечно, в странах, заимствовавших его культуру и религию, он чувствовал бы себя менее чужим. Те, кто исповедовал религию не индийского происхождения, равно как и пришельцы, поселившиеся в Индии, через несколько поколений приобретали характерные индийские черты. Так было с христианами, евреями, парсами, мусульманами. Индийцы, обращенные в какую-либо из этих религий, никогда не переставали быть индийцами из-за перемены своей веры. В других странах на них смотрели как на индийцев и иностранцев, хотя бы даже их связывала с этими странами общность религии.

Сегодня, когда идеи национализма получили несравненно большее развитие, индийцы, проживающие в других странах, неизбежно образуют единую национальную группу и в ряде вопросов действуют совместно, невзирая на существующие между ними внутренние расхождения. На индийца-христианина, куда бы он ни явился, повсюду смотрят как на индийца. Индийца-мусульманина считают индийцем и в Турции, и в Аравии, и в Иране, и в любой другой стране, где ислам является господствующей религией.

Я полагаю, что все мы по-разному представляем себе свою родную страну, и не найдется двух таких людей, которые мыслили бы совершенно одинаково. Когда я думаю об Индии, я думаю о многих вещах: об обширных полях и бесчисленных деревушках; о малых и больших городах, которые я посетил; о волшебной силе периода дождей, несущего жизнь иссохшей от жажды земле и внезапно превращающего ее в грандиозный, чарующий зеленый ковер; о великих реках и горных потоках; о Хайберском проходе и его суровых окрестностях; о южной оконечности Индии; об отдельных людях и о народных массах; и прежде всего — об увенчанных снегом Гималаях или о какой-нибудь горной долине в Кашмире весной, когда вся оза

покрыта цветами и слышатся всплески и журчание протекающего по ней ручья. Мы сами выбираем и храним в своей памяти эти картины, и я бы предпочел запомнить эту горную панораму, чем более обычный ландшафт жаркой, субтропической части страны. Обе эти картины правдивы, ибо Индия простирается от тропиков до умеренного пояса и от районов, близких к экватору, до холодного сердца Азии.

СТРАНСТВИЯ ПО ИНДИИ

В конце 1936 и в первые месяцы 1937 года я разъезжал по стране, все ускоряя темпы передвижения, которое наконец превратилось в бешеную скачку. Я проносился по нашей обширной стране, как вихрь, двигаясь день и ночь, вечно в пути, почти без остановок и отдыха. Меня требовали повсюду, а время было ограничено, так как приближались выборы и я должен был обеспечить на них победу для других. Я путешествовал главным образом в автомобиле, а частично также на самолете и по железной дороге. Иногда мне случалось совершать короткие переезды верхом на слоне, верблюде или лошади, плыть на пароходе, в весельной лодке или в челне, пользоваться велосипедом или передвигаться пешком. Эти необычные и разнообразные средства передвижения оказывались иногда необходимыми в глубинных районах, удаленных от проторенных путей. Я постоянно имел при себе двойной набор микрофонов и громкоговорителей, ибо без них невозможно было выступать перед огромными массами слушателей и я сорвал бы себе голос. Эти микрофоны путешествовали вместе со мной по самым удивительным местам, от границ Тибета до Белуджистана, где раньше ничего подобного не видали и не слышали.

С раннего утра до поздней ночи я странствовал с места на место, и повсюду меня ожидали огромные сборища, а в промежутках между выступлениями, в пути, мне приходилось неоднократно останавливаться там, где меня встречали, чтобы приветствовать, терпеливые крестьяне. Эти импровизированные встречи нарушали мое перегруженное расписание и задерживали все последующие выступления, но мог ли я проехать мимо, не уделив внимания этим скромным людям? Оpozдание добавлялось к опозданию, и на многолюдных собраниях, происходивших под открытым небом, немало минут уходило у меня на то, чтобы пробраться сквозь толпу к трибуне, а затем выбраться обратно. Каждая минута имела значение. Они нагромождались одна на другую, превращаясь в часы, так что к вечеру оказывалось, что я опаздываю на несколько часов. Но толпы людей ожидали терпеливо, хотя была зима и они под открытым небом в своей жалкой одежде дрожали от холода. Моя дневная программа растягивалась, таким образом, на восемнадцать часов, и мы заканчивали свои дневные разъезды

только в полночь, а то и позже. Однажды в середине февраля в Карнатаке мы перешли все границы и побили свои собственные рекорды. Программа этого дня была очень насыщенной, а нам пришлось пробираться через горы, поросшие необыкновенно красивым лесом, по извилистым и не очень удобным дорогам, по которым двигаться можно было лишь очень медленно. Мы побывали на нескольких чрезвычайно многочисленных митингах и на множестве небольших. Наше первое выступление в этот день состоялось в восемь часов утра, а последнее — в четыре часа ночи (оно должно было состояться семью часами ранее), после чего нам еще пришлось проделать 70 миль, прежде чем мы достигли места нашего ночлега. Мы прибыли туда в семь часов утра, покрыв за эти сутки 415 миль и побывав на множестве митингов. Это был двадцатитрехчасовой рабочий день, а час спустя мне уже надо было приступать к программе, назначенной на следующий день.

Кто-то потруился подсчитать, что в эти месяцы на митингах, где я выступал, присутствовало около десяти миллионов человек, не считая тех миллионов людей, с которыми я так или иначе соприкасался в пути. На наиболее многочисленных собраниях присутствовало до ста тысяч человек, а двадцатитысячные аудитории были довольно обычным явлением. Иногда, проезжая через какой-нибудь небольшой городок, я с удивлением замечал, что в нем почти не видно людей, а все магазины закрыты. Все становилось ясно, когда я узнавал, что почти все население городка — мужчины, женщины и даже дети — собралось в другом конце города, в месте, назначенном для митинга, терпеливо ожидая моего прибытия.

Сейчас мне просто непонятно, как я мог физически выдержать все это. Поистине это было чудо физической выносливости. Видимо, мой организм постепенно приспособился к этой бродячей жизни. Между двумя митингами я крепко засыпал на полчаса, сидя в автомобиле, и мне трудно было проснуться. Но надо было подниматься, и при виде огромной толпы, приветствующей меня, я окончательно сбрасывал с себя сон. Я свел свои трапезы к минимуму и часто вообще обходился без еды, особенно по вечерам, чувствуя себя от этого только лучше. Что меня поддерживало и придавало мне силы, это энтузиазм и любовь, которые меня окружали и которые я встречал повсюду. Я привык к этому и все же никогда не переставал этому удивляться, и каждый новый день приносил с собой какую-нибудь новую неожиданность.

ВСЕИНДИЙСКИЕ ВЫБОРЫ

Мое турне было непосредственно связано с предстоявшими выборами по всей Индии. Однако я не признавал обычные приемы и ухищрения, практикуемые во время предвыборной кампании. Выборы составляли существенную и неотъемлемую

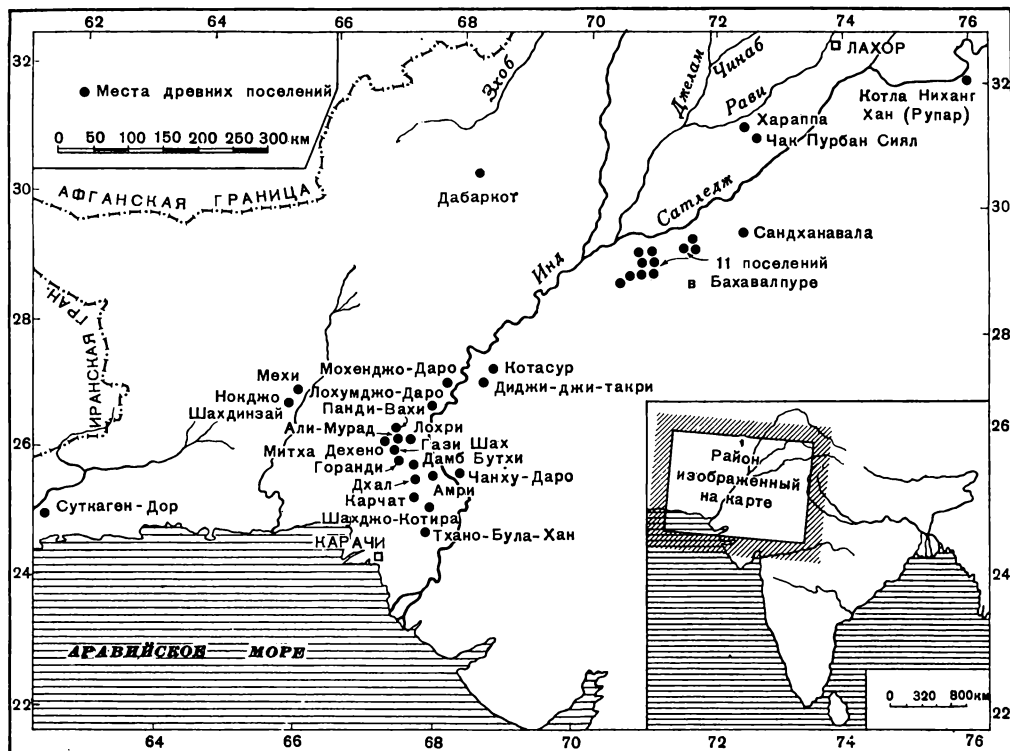
часть демократического процесса, и обходиться без них было невозможно. Однако они нередко вели к проявлению дурных сторон в человеке, и было очевидно, что на выборах далеко не всегда побеждает тот, кто лучше. Люди щепетильные и неспособные действовать напролом оказывались в невыгодном положении и предпочитали уклоняться от участия в этих состязаниях. Но означало ли это, что демократия должна стать монополией тех, кто обладает толстой кожей, громким голосом и податливой совестью?

Все эти пороки выборов особенно давали себя знать в тех случаях, когда контингент избирателей был мал, в тех же случаях, когда он был велик, многие из этих пороков исчезали или, по крайней мере, не были так явны. Правда, даже самый большой контингент избирателей можно было сбить с толку каким-нибудь фальшивым лозунгом или апелляцией к религиозным чувствам (в чем мы и убедились впоследствии), но обычно имелись некоторые уравнивающие факторы, позволявшие предотвратить худшее зло. Мой опыт укрепил мою веру в необходимость максимально широкого избирательного права. Я склонен был гораздо больше доверять широкому кругу избирателей, нежели ограниченному кругу, определяемому на основании имущественного или даже образовательного ценза. Имущественный ценз заслуживал безусловного осуждения, что же касается образования, то оно, разумеется, было желательным и необходимым. Однако я не обнаружил у грамотного или получившего некоторое образование человека каких-либо особых качеств, которые заставляли бы считаться с его мнением больше, чем с мнением какого-нибудь неотесанного крестьянина, неграмотного, но в избытке обладающего пусть несколько ограниченным, но здравым смыслом. Во всяком случае, в тех вопросах, которые затрагивают главным образом крестьянина, его мнение несравненно важнее. Я твердо убежден в необходимости предоставления избирательного права всему взрослому населению, как мужчинам, так и женщинам, и хотя я отдаю себе отчет в том, с какими трудностями это связано, я уверен, что возражения, выдвигавшиеся против введения всеобщего избирательного права в Индии, не имеют под собой серьезной почвы и основаны на опасениях привилегированных классов и групп.

Выборы 1937 года в провинциальные законодательные собрания происходили на основе ограниченного избирательного права, которое распространялось приблизительно на 12 процентов населения. Но даже это было большим шагом вперед в сравнении с прежним избирательным законом. Около 30 миллионов человек по всей Индии, не считая индийских княжеств, пользовалось теперь правом голоса. Зона, охваченная этими выборами, была чрезвычайно широка: она включала всю Индию (без княжеств). Каждая провинция должна была избрать свое провинциальное законодательное собрание, причем

КУЛЬТУРА ДОЛИНЫ ИНДА.

В 1921 году, когда начались раскопки в Хараппе, был обнаружен неизвестный до того центр древней культуры. Наряду с Египтом и Месопотамией долина реки Инд также является колыбелью древней цивилизации. Район, на который распространялась эта цивилизация, простирается от Аравийского моря до того места, где река Сатледж вытекает из гор Симла. На настоящей карте отмечено местоположение раскопок, где обнаружены керамические изделия, относящиеся к периоду этой древней цивилизации Хараппы.

Капитель колонны с надписью Ашоки из Сарнатхи. 3 век до н. э.

в большинстве провинций эти собрания состояли из двух палат, и, таким образом, выборы в каждую палату проходились отдельно. Число кандидатов достигало нескольких тысяч.

Мой подход к этим выборам, а также, до известной степени, подход большинства деятелей Национального конгресса, не был обычным. Я не заботился об отдельных кандидатах, а скорее стремился создать по всей стране атмосферу сочувствия нашему национальному освободительному движению, представителем которого выступал Национальный конгресс, и программе, изложенной в нашем предвыборном манифесте. Я считал, что, если мы добьемся успеха в этом, все будет хорошо; в противном случае не так уж было важно, будет избран тот или иной кандидат, или нет.

Я подходил к вопросу с идеологической стороны и редко говорил о кандидатах иначе, как о знаменосцах наших идей. Многих из них я знал, но было среди них немало и неизвестных мне людей, и я не видел никаких оснований обременять свою память сотнями имен. Я призывал голосовать за Национальный конгресс, за независимость Индии и за борьбу, которая ведется во имя завоевания этой независимости. Я не давал никаких обещаний, кроме обещания продолжать неустанную борьбу до тех пор, пока свобода не будет завоевана. Я призывал людей голосовать за нас лишь при условии, если они понимают, в чем заключается наша цель и наша программа, и готовы их поддерживать; я требовал, чтобы они не голосовали за Национальный конгресс, если они не одобряют его цель и программу. Мы не нуждались в фальшивых голосах, в голосах, отданных тем или иным лицам по мотивам личной симпатии. На одних только выборах далеко не уедешь: они были всего лишь первым шагом, началом далекого пути, и успокаивать себя тем, что избиратели голосуют за наших кандидатов, хотя и без ясного понимания того, что это означает, и без готовности к последующим действиям, значило обманывать себя и свою страну. Для нас значение имели не отдельные личности — хотя мы и хотели, чтобы нас представляли достойные и порядочные люди, — а наше дело, организация, которая его представляла, и народ, за свободу которого мы поклялись бороться. Я рассказывал о том, что означает свобода и что она должна принести сотням миллионов наших соотечественников. Мы стремились не к тому, чтобы заменить белых властителей темнокожими, а к истинно народному правлению — правлению народа и в интересах народа — и хотели положить конец нашей бедности и нищете.

Таково было основное содержание моих речей, и только таким безличным подходом мог я приобщиться к избирательной кампании. Я мало интересовался шансами отдельных кандидатов. Меня интересовало нечто гораздо более важное. Надо сказать, что такой подход был правильным даже с более узкой точки зрения — с точки зрения обеспечения успеха конкретного кандидата. Ибо благодаря такому подходу этот кандидат и вопрос

об его избрании поднимались на более высокий и важный уровень, на уровень борьбы великой нации за свободу, в сферу, где миллионы людей, страдающих от нищеты, стремились избавиться от этого векового проклятия. Эти идеи, высказывавшиеся десятками руководящих деятелей Национального конгресса, распространялись подобно могучему ветру с моря, сметая на своем пути мелкие мыслишки и всяческие предвыборные трюки. Я знал свой народ и любил его, и миллионы глаз, которые я видел перед собой, многое сказали мне о психологии масс.

Я говорил о выборах изо дня в день, и тем не менее выборы редко занимали мой ум полностью. И думал я не об одних лишь избирателях. Я соприкасался с чем-то более грандиозным — с многомиллионным народом Индии, и то, что я имел ему сообщить, относилось в равной мере ко всем: к избирателям и к не участвующим в выборах, к каждому индийцу, будь то мужчина, женщина или ребенок. Я был охвачен возбуждением деятельности. Физическое и эмоциональное соприкосновение с огромной массой людей глубоко волновало меня. Это не было ощущение, которое охватывает вас в толпе, когда вы чувствуете себя одним из многих и подчиняетесь ее порывам. Мои глаза притягивали тысячи взоров, мы смотрели друг на друга не как впервые встретившиеся незнакомцы, а как бы видя друг в друге что-то знакомое, хотя никто бы не мог сказать что именно. Когда я приветствовал их жестом *намаскар* (то есть сложив перед собой сомкнутые ладони рук), целый лес рук поднимался в ответном приветствии, на каждом лице появлялась дружеская улыбка, и приветственный гул толпы как бы заключал меня в теплые объятия. Я начинал говорить, мой голос передавал мои мысли, и я спрашивал себя, в какой мере доходят до них мои слова и те идеи, которые в них были заключены. Мне трудно сказать, понимали ли они все то, что я говорил, но в глазах их светилось внутреннее глубокое понимание, которое, казалось, не нуждалось в словах.

КУЛЬТУРА МАСС

Таким образом, я наблюдал волнующую драму индийского народа в настоящем; и часто я мог проследить те нити, которые связывали его жизнь с прошлым, хотя взоры его и были обращены к будущему. Я обнаруживал повсюду культурные богатства, которые оказывали огромное влияние на его жизнь. Эти богатства представляли собой смесь народной философии, преданий, истории, мифов и легенд, и провести какую-либо разграничительную грань между ними было невозможно. Эти богатства были достоянием даже совершенно необразованных и неграмотных людей. Древний индийский эпос — «Рамаяна», «Махабхарата» и другие книги — известен широким массам в переводах и пересказах, и каждый эпизод, каждое

поучение, заключенное в них, глубоко запечатлелись в сознании народа, обогащая и расширяя его. Неграмотные крестьяне знали наизусть сотни стихов и в разговоре постоянно ссылались на них или на какой-нибудь рассказ с соответствующим поучением из той или иной древней классической книги. Нередко меня удивляла какая-нибудь группа крестьян, умевшая придать такой литературный оборот незамысловатой беседе о делах сегодняшнего дня. Я понимал, что если мое воображение полно картин, навеянных документированной историей и более или менее достоверными историческими фактами, то и в сознании неграмотного крестьянина имеется своя картинная галерея, хотя его представления почерпнуты главным образом из мифов, преданий и эпических повествований о героях и героинях и лишь в самой незначительной степени — из истории. Тем не менее представления эти были достаточно ярки.

Я разглядывал их лица и фигуры и следил за их движениями. Я видел немало одухотворенных лиц и крепких тел, стройных и красиво очерченных. Женщины отличались грациозностью и гибкостью, величавой и гордой осанкой, и очень часто взор их был полон грусти. Обычно более утонченный физический тип встречался среди представителей высших каст, несколько более обеспеченных в экономическом отношении. Иногда, идя по проселочной дороге или проходя через деревню, я останавливался пораженный при встрече с прекрасным мужчиной или красивой женщиной, которые напоминали мне какую-нибудь древнюю фреску. И я дивился тому, что этот национальный тип мог выжить и сохраниться в веках, несмотря на все ужасы и страдания, выпавшие на долю Индии. Чего только мы не добились бы с таким народом при более благоприятных условиях, если бы для него были открыты более широкие возможности!

Повсюду царил нищета во всех ее бесчисленных проявлениях, и знак этого зверя был отчетливо виден на лбу каждого индийца. Жизнь была измята, изуродована, стала несчастьем, и на почве этого, на почве постоянной нужды и вечной необеспеченности возникли многочисленные пороки. Видеть все это было неприятно, но таково было действительное положение Индии. Слишком сильно давал себя чувствовать дух покорности, готовности мириться с существующим положением вещей. Но при этом сохранялись нежность и мягкость, культурное наследие тысячелетий, которое не смогли стереть никакие несчастья.

ДВЕ ЖИЗНИ

Таким и различными иными путями я стремился открыть Индию, Индию в ее прошлом и настоящем, и я заставлял себя быть восприимчивым к внешним впечатлениям и к волнам мыслей и чувств, которые доходили до меня как от моих

современников, так и от тех, кто давно уже перестал существовать. Я пытался на какое-то время отождествить себя с этой бесконечной вереницей людей, в конце которой и я с борьбой прокладывал себе путь. А затем я временами отрывался от нее и как бы с вершины холма глядел на простиравшуюся внизу долину.

Ради какой цели совершалось это далекое путешествие? Куда движутся эти бесконечные вереницы? Чувство усталости и разочарования иногда овладевало мною, и тогда, стараясь избавиться от него, я развивал в себе некое чувство отрешенности. Мое сознание постепенно подготовило себя к этому, и я перестал придавать слишком большое значение собственному я и тому, что со мной происходило, или так мне, по крайней мере, казалось. До известной степени я преуспел в этом, хотя, боюсь, и не слишком, ибо в моей груди — вулкан, который не дает мне действительно проникнуться чувством отрешенности. Внезапно все мои оборонительные укрепления рушатся, и моей отрешенности как не бывало.

Однако даже тот частичный успех, какого мне удалось достигнуть, оказался весьма полезным. В самый разгар какой-нибудь деятельности я мог отделить себя от нее и рассматривать ее со стороны. Иной раз я урывал час или два и, забыв о своих обычных занятиях, удалялся в уединенную башню моего разума и жил некоторое время другой жизнью. И так эти две жизни, в некотором смысле, шли рядом, неразрывно связанные друг с другом и в то же время самостоятельные.

Глава четвертая

ОТКРЫТИЕ ИНДИИ

КУЛЬТУРА ДОЛИНЫ ИНДА

Древнейшими из известных нам памятников прошлого Индии являются многочисленные остатки цивилизации долины Инда, обнаруженные в Мохенджо-Даро (Синд) и Хараппе (Западный Пенджаб). Произведенные там раскопки коренным образом изменили все наше представление о древней истории. К несчастью, через несколько лет после начала раскопок работы в этих районах были приостановлены, и в течение последних тринадцати лет или около этого не было сделано ничего существенного. Первоначальной причиной приостановки работ послужил кризис начала тридцатых годов. Объясняли это отсутствием средств, хотя в средствах для поддержания пышности и блеска империи никогда не ощущалось недостатка. Вторая мировая война положила практически конец всякой деятельности в этом направлении, и даже охране раскопанных памятников не уделялось должного внимания. Я побывал в Мохенджо-Даро дважды — в 1931 и 1936 годах. Во время второй поездки я обнаружил, что многие из раскопанных зданий уже повреждены дождями и песчаными ветрами. Свыше пяти тысяч лет находились они под слоем песка и земли, и вот теперь под действием атмосферных явлений они быстро разрушались, и мало что делалось для охраны этих бесценных реликвий древности. Чиновник археологического департамента, на которого была возложена эта задача, жаловался, что ему, в сущности, не отпускают ни средств, ни материалов и не оказывают никакой иной помощи, чтобы предохранить раскопанные памятники от разрушения. Мне неизвестно, что произошло за последние восемь лет, но думаю, что разрушение продолжалось и что через несколько лет многие характерные особенности Мохенджо-Даро вообще исчезнут.

Это трагическое положение нельзя оправдать: исчезнет нечто невозполнимое, и лишь фотографии да описания будут напоминать нам о том, как все это выглядело раньше.

Мохенджо-Даро и Хараппа расположены далеко друг от друга. Развалины в этих двух районах были обнаружены

совершенно случайно. Не приходится сомневаться в том, что и между этими двумя районами много таких погребенных городов и других следов трудовой деятельности древнего человека и что эта цивилизация распространялась на обширные области Индии, во всяком случае Северной Индии. Быть может, придет время, когда эта работа по изучению далекого прошлого Индии будет возобновлена и будут сделаны крупнейшие открытия. Уже сейчас следы этой цивилизации обнаружены в таких отдаленных местах, как Катхиавар на западе и район Амбала в Пенджабе, и есть основание считать, что она распространялась на долину Ганга. Следовательно, это было нечто гораздо большее, нежели цивилизация долины Инда. Надписи, обнаруженные в Мохенджо-Даро, полностью еще не расшифрованы.

Но и то, что мы уже знаем, имеет огромное значение. Мы застаем цивилизацию долины Инда на высокой ступени развития, и прежде чем она достигла этой стадии, должны были пройти тысячелетия. Как это ни удивительно, но это была преимущественно светская цивилизация, в которой религиозный элемент хотя и присутствовал, но не играл ведущей роли. Кроме того, она, несомненно, оказала воздействие на более поздние периоды развития индийской культуры.

Сэр Джон Маршалл пишет: «И Мохенджо-Даро и Хараппа позволяют сделать совершенно очевидный и безошибочный вывод, что цивилизация, следы которой обнаружены в этих районах, отнюдь не была цивилизацией зарождающейся. Это была многовековая цивилизация, стереотипно повторяющаяся на индийской территории и созданная трудом людей на протяжении тысячелетий. Таким образом, следует признать, что Индия, наряду с Персией, Месопотамией и Египтом, была одной из важнейших областей возникновения и развития процесса цивилизации». Далее Маршалл говорит, что «в Пенджабе и Синде, а возможно, и в других частях Индии, имелась развитая и поразительно схожая цивилизация, родственная цивилизациям древней Месопотамии и Египта, а в некоторых отношениях даже превосходившая их».

Население долины Инда тесно соприкасалось с шумерийской культурой того периода, и даже имеются доказательства существования в Аккаде индийской колонии, вероятно торговой. «Товары из городов на Инде попадали даже на рынки, расположенные на Тигре и Евфрате. В свою очередь, на Инде производились некоторые шумерийские предметы искусства, месопотамские туалетные приборы и цилиндрические печати. Торговали не только сыром и предметами роскоши. Рыба, регулярно вывозившаяся с берегов Аравийского моря, пополняла продовольственные запасы Мохенджо-Даро»¹.

¹ Gordon Child e, What Happened in History, p. 112 (Pelican Books, 1943).

Хлопок, даже в те далекие времена, использовался в Индии для производства тканей. Маршалл сравнивает цивилизацию долины Инда с современной ей цивилизацией Египта и Месопотамии. «Так, останавливаясь лишь на некоторых важных моментах, следует отметить, что производство хлопка было ограничено в тот период исключительно пределами Индии и лишь спустя 2—3 тысячи лет распространилось на западный мир. Далее, ничто ни в доисторическом Египте, ни в Месопотамии или какой-либо другой стране Западной Азии не может идти в сравнение с прекрасными банями и просторными жилищами жителей Мохенджо-Даро. В этих странах мысль и деньги обильно затрачивались на строительство великолепных храмов для богов и царских чертогов и гробниц, а остальной народ, видимо, довольствовался скромными глинобитными жилищами. В долине Инда наблюдалась обратная картина: лучшими зданиями были сооружения, возведенные для удобства жителей». Эти общественные и частные бани, равно как и замечательная канализационная сеть, обнаруженные в Мохенджо-Даро, представляют собой первые известные нам сооружения подобного типа. Имеются там и двухэтажные жилые дома, сложенные из обожженного кирпича, с купальнями, помещением для сторожа, а также дома с множеством комнат, предназначенных для сдачи в наем.

Приведем еще одно высказывание Маршалла, этого признанного авторитета по цивилизации долины Инда, руководившего раскопками. Маршалл говорит, что «столь же своеобразными и отличающимися самобытным характером, присущим только культуре долины Инда, являются ее искусство и религия. В других странах этой эпохи мы не находим ничего похожего по своему стилю на фаянсовые фигурки баранов, собак и других животных или на резные изображения на печатях. Лучшие из них — а именно изображения горбатых и короткорогих быков — отличаются смелостью замысла, чувством линии и пластической формы, почти не превзойденными в искусстве резьбы по камню. Точно так же в мировой культуре, предшествовавшей античному периоду в Греции, нет ничего равноценного по изысканности и изяществу форм двум найденным в Хараппе статуэткам людей... В религии народностей, живших по Инду, имеется, конечно, много такого, подобное чему можно найти и в других странах. Это справедливо для любой религии доисторического периода и большинства религий, известных в истории. Но в целом религия долины Инда столь типично индийская, что ее трудно отличить от современного нам индуизма».

Таким образом, мы видим, что цивилизация долины Инда была связана с родственными цивилизациями Персии, Месопотамии и Египта, с которыми поддерживались тогда торговые отношения, и что кое в чем она превосходила их. Это была

цивилизация городов, в которых был богатый класс торговцев, игравший, очевидно, важную роль. Улицы, вдоль которых были расположены лотки и, вероятно, небольшие лавки, напоминают современный индийский базар. Профессор Чайлд пишет: «Из этого, повидимому, явствует, что ремесленники индийских городов работали в значительной степени «на рынок». Неясно, однако, какая денежная единица и мера стоимости были приняты обществом, для того чтобы облегчить товарообмен, и существовали ли они вообще. Торговые помещения при многих просторных и удобных частных домах свидетельствуют о том, что их владельцы были торговцами. Количество и размер этих помещений говорят о существовании сильной и процветавшей торговой колонии». «Из развалин извлечены богатейшие украшения из золота, серебра, драгоценных камней и фаянса, сосуды из кованой меди и металлические орудия и оружие». Чайлд добавляет, что «хорошо спланированные улицы и великолепная, регулярно очищавшаяся канализационная сеть говорят о деятельности какого-то постоянного городского управления. Оно обладало достаточно сильной властью, чтобы обеспечить выполнение постановлений о городском планировании и сохранить установленное направление улиц и проездов во время ряда восстановительных работ, вызванных наводнениями»¹.

В истории Индии между периодом, к которому относится цивилизация долины Инда, и современной Индией имеется много пробелов и периодов, о которых нам мало что известно. Звенья, связывающие один период с другим, не всегда видны, и, конечно, с тех пор многое случилось и произошло немало перемен. Однако всегда ощущаешь целостность, непрерывность цепи, связывающей современную Индию с очень отдаленным периодом в 6—7 тысяч лет, когда, возможно, зародилась цивилизация долины Инда. Удивительно, сколь многое в Мохенджо-Даро и Хараппе напоминает об устойчивых традициях и обычаях: народные обряды, ремесла, даже некоторые типы одежды. Многое из этого оказало влияние на Западную Азию.

Интересно отметить, что на заре своей истории Индия представляется нам не беспомощным младенцем, а зрелой во многих отношениях. Она не забывает о повседневной жизни, предаваясь мечтаниям о смутном и иллюзорном сверхъестественном мире, но достигла значительного технического прогресса в области искусства и жизненных удобств, создавая не только украшения, но также и утилитарные вещи, более типичные для современной цивилизации, — хорошие бани и канализационную сеть.

¹ Gordon C h i l d e, What Happened in History, p. 113—114.

Что же представлял собой народ, создавший эту цивилизацию, и откуда он появился? Этого мы еще не знаем. Вполне возможно и даже вероятно, что его культура была культурой коренного населения и что ее корни и ответвления можно найти даже в Южной Индии. Некоторые ученые усматривают большое сходство между этими народностями и дравидскими племенами Южной Индии и их культурой. Даже если в древности и имела место некоторая миграция в Индию, это могло случиться лишь за несколько тысяч лет до того времени, к которому относят существование Мохенджо-Даро. Фактически мы вполне можем считать население Мохенджо-Даро коренными жителями Индии.

Что произошло с цивилизацией долины Инда и каков был ее конец? Некоторые (в том числе Гордон Чайлд) заявляют, что она погибла внезапно в результате какой-то необъяснимой катастрофы. Река Инд известна своими мощными разливами, затопляющими и смывающими с лица земли города и деревни. С другой стороны, перемена климата также могла привести к постепенному истощению почвы и наступлению пустыни на обрабатываемые земли. Сами развалины в Мохенджо-Даро свидетельствуют о том, что один слой песка наносился на другой, поднимая уровень почвы и вынуждая жителей надстраивать дома на старых фундаментах. Некоторые из раскопанных домов имеют вид двух- или трехэтажных построек, в то время как в действительности стены их возводились по мере того, как повышался уровень почвы. Мы знаем, что в древности провинция Синд была богатой и плодородной, но начиная со средних веков она превратилась в значительной своей части в пустыню.

Вполне вероятно поэтому, что эти климатические изменения оказали заметное влияние на население этих областей и их образ жизни. Но, во всяком случае, климатические изменения затронули, должно быть, лишь относительно небольшую часть этой обширной области городской цивилизации, которая, как мы имеем сейчас основание полагать, распространялась до долины Ганга и, возможно, даже дальше. Мы, собственно, не располагаем достаточными данными, чтобы судить об этом. Песок, который, возможно, засыпал и похоронил некоторые из этих древних городов, также и сохранил их, в то время как другие города и памятники древней культуры постепенно разрушались и погибали на протяжении веков. Быть может, будущие археологические находки позволят обнаружить новые связи с более поздними временами.

Хотя между цивилизацией долины Инда и более поздними периодами истории чувствуется непрерывная связь, однако имеется и известный разрыв или пробел не только во времени, но и в характере последующей цивилизации. В первое время

эта новая цивилизация была, возможно, более сельскохозяйственной, хотя существовали и города и кое-какая городская жизнь. Возможно, что уклон в сторону сельского хозяйства был придан пришельцами — ариями, которые последовательными волнами проникали в Индию с северо-запада.

Полагают, что миграции ариев происходили примерно тысячу лет спустя после периода цивилизации Инда. Тем не менее возможно, что значительного разрыва не было и что, как это бывало в более позднюю эпоху, племена и народности постепенно проникали в Индию с северо-запада и тут растворялись. Мы могли бы сказать, что первое большое культурное слияние имело место между вторгшимися ариями и дравидами, которые были, вероятно, представителями цивилизации долины Инда. Плодом этого синтеза и слияния явились индийские народности и коренная индийская культура, носившая отличительные черты и тех, и других. В последующие века появлялось много других народов: иранцы, греки, парфяне, бактрийцы, скифы, гунны, турки (до ислама), первые христиане, евреи, зороастрийцы. Они приходили, вносили что-то свое и ассимилировались. По словам Додуэлла, Индия, «подобно океану, обладала бесконечной способностью поглощения». Кажется странным, что Индия с ее кастовой системой и исключительностью могла обладать этой удивительной способностью поглощать иноземные народности и культуры. Может быть, этим объясняется то, что она сохраняла свою жизнеспособность и время от времени омолаживалась. Мусульмане, когда они появились в Индии, также испытали на себе ее сильное влияние. «Иноземцы (турки-мусульмане), — пишет Винсент Смит, — подобно своим предшественникам сакам и юечжи, поддавались, как правило, замечательному ассимилирующему воздействию индуизма и быстро индуизировались».

ЧТО ТАКОЕ ИНДУИЗМ?

Винсент Смит употребляет здесь выражение «индуизм» и «индуизировались». Я не считаю правильным подобное их употребление, если только здесь эти слова не понимаются в самом широком смысле, как индийская культура вообще. В наше время эти термины ассоциируются с гораздо более узкими и специфически религиозными понятиями и могут ввести в заблуждение. В нашей древней литературе слово «хинду» [индус] вообще не встречается. Мне говорили, что в индийских книгах это слово впервые встречается в одном тантрическом [магическом] произведении 8 века нашей эры, где слово «индусы» означает народ, а не последователей какой-то определенной религии. Но совершенно ясно, что это очень древнее слово, так как оно встречается в «Авесте» и в староперсидском языке. В ту эпоху

и в течение еще тысячи лет или больше народы Западной и Средней Азии обозначали им Индию или, вернее, народности, жившие по ту сторону Инда. Это слово явно происходит от «Синдху» — старое, равно как и современное индийское название Инда. От этого «Синдху» происходят слова «индус» и «Индостан», а также Инд и Индия. Знаменитый китайский паломник И Цзин, посетивший Индию в 7 веке, писал в своих путевых записках, что «северные племена», то есть население Средней Азии, называют Индию «Син-ту», но, добавляет он, «это далеко не общее название... и более подходящим названием для Индии является Земля благородных (Арьядеша)». Употребление слова «индус» в связи с определенной религией — явление весьма позднее.

Древним общим термином для религии в Индии был *арья дхарма*. В сущности дхарма означает больше, чем религия. Корень этого слова имеет значение «держаться вместе». Это — внутреннее строение вещи, закон ее внутреннего бытия. Это — этическое понятие, включающее кодекс морали, праведность и весь круг обязанностей и ответственности человека. Термин *арья дхарма* включал все религии (ведические и неведические), возникшие в Индии. Его употребляли как буддисты и джайны, так и те, кто признавал Веды. Будда всегда называл свой путь к спасению «арийским путем».

Выражение *ведическая дхарма* употреблялось также в древности для обозначения более определенно и исключительно всех тех философских воззрений, учений о морали, ритуала и обрядов, источником которых считались Веды. Таким образом, всех, кто признавал общий авторитет Вед, можно было считать принадлежащими к ведической дхарме.

Термин *санатана дхарма*, означающий древнюю религию, можно отнести к любой из стариндийских религий (включая буддизм и джайнизм), но в наши дни это выражение более или менее монополизировано некоторыми ортодоксальными индуистскими сектами, которые называют себя последователями древней веры.

Буддизм и джайнизм, несомненно, не были индуизмом или даже ведической дхармой. Однако они возникли в Индии и были неотъемлемым элементом индийской жизни, культуры и философии. Буддисты и джайны в Индии — стопроцентный продукт индийского мышления и культуры, и все же ни те, ни другие не являются индусами по религии. Поэтому совершенно неправильно говорить об индийской культуре как о культуре индусской. В дальнейшем эта культура подверглась сильному влиянию ислама, но, тем не менее, осталась определенно индийской в своей сущности. Сейчас она испытывает во многих отношениях могучее воздействие промышленной цивилизации, возникшей на Западе, и трудно сказать сколько-нибудь точно, каков будет конечный результат.

Индуизм как вера расплывчат, аморфен, многосторонен; каждый понимает его по-своему. Трудно дать ему определение или хотя бы определенно сказать, можно ли назвать его религией в обычном смысле этого слова. В своей нынешней форме и даже в прошлом он охватывает много верований и религиозных обрядов, от самых высших до самых низших, часто противостоявших или противоречивших друг другу. Смысл его можно выразить в словах: живи и жить давай другим. Махатма Ганди пытался дать ему следующее определение: «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными средствами. Человек может не верить в бога и все же называть себя индусом. Индуизм — это неустанная погоня за истиной... Индуизм есть религия истины. Истина — это бог. Отрицание бога нам ведомо. Отрицание истины нам неведомо». Истина и ненасилие, — так говорит Ганди. Но многие видные и убежденные индусы заявляют, что ненасилие, как понимает его Ганди, не составляет существенной части индусского вероисповедания. Таким образом, в качестве отличительной черты индуизма у нас остается всего лишь истина. Это, конечно, не определение.

Поэтому неправильно и нежелательно употреблять слова «индус» или «индуизм» в применении к индийской культуре, даже когда дело касается далекого прошлого, хотя главным выражением этой культуры были различные стороны мышления, воплощенные в трудах древних авторов. Еще более неправильно употреблять эти термины в таком смысле в наше время. Пока старая религия и философия были преимущественно определенным образом жизни и мирозерцанием, они являлись в основном синонимами индийской культуры. Но когда появилась более строгая религия со всем ее ритуалом и обрядами, индуизм стал означать нечто большее и в то же время нечто гораздо меньшее, нежели вся культура в целом. Христианин или мусульманин мог приобщаться и зачастую приобщался к индийскому образу жизни и культуре и все же оставался по своей религии ортодоксальным христианином или мусульманином. Он индианизировался и становился индийцем, не переменив своей религии.

Правильным термином, обозначающим «индийский» в применении к стране, культуре или исторической преемственности наших традиций, будет «хинди», производное от «Хинд», сокращенной формы слова Индостан. Название «Хинд» попрежнему широко употребляется для обозначения Индии. В странах Западной Азии — в Иране и Турции, в Ираке, Афганистане, а также в Египте и других странах Индию всегда называли и все еще называют «Хинд». Все индийское именуется «хинди». «Хинди» не имеет никакого отношения к религии, и индеец-мусульманин или индеец-христианин в такой же степени хинди, как и лицо, исповедующее индуизм как религию. Американцы, называющие

всех индийцев индусами, не так уж неправы. Они были бы совершенно правы, если бы употребляли слово «хинди». К сожалению, «хинди» ассоциируется в Индии с определенным прифиготом — *деванагари*, пришедшим из санскрита, и поэтому его стало трудно употреблять в его более широком и более естественном значении. Быть может, когда утихнут нынешние споры, мы сумеем вернуться к первоначальному и более удовлетворительному использованию этого слова. Сейчас индийца называют «хиндустани», что является производным от Индостан. Но это слишком длинное слово; кроме того, оно не связано так с историей и культурой Индии, как слово «хинди». Несомненно, было бы странно говорить о древних периодах индийской культуры как о «хиндустанских».

Но какое бы слово мы ни употребили для обозначения нашей культурной традиции, будь то «индийская», «хинди» или «хиндустани», мы видим, что в прошлом господствующей чертой развития индийской культуры и даже народностей было некое внутреннее тяготение к синтезу, вытекающее в основном из индийского философского мировоззрения. Каждое новое вторжение иноземных элементов было вызовом этой культуре, но ему успешно противостоял новый синтез и процесс поглощения. Это был также процесс омоложения, на почве которого выросли новые цветы культуры, хотя основа осталась в общем без изменений.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ. ТЕКСТЫ И МИФОЛОГИЯ

До открытия цивилизации долины Инда древнейшими памятниками индийской культуры, имеющимися в нашем распоряжении, считались Веды. Вокруг вопроса о давности ведического периода было много споров: европейские ученые обычно относят его к более позднему времени, а индийские — к гораздо более раннему. Такое стремление индийцев отодвинуть этот период как можно дальше, усилив тем самым значение нашей древней культуры, представляется весьма любопытным. Профессор Винтерниц полагает, что истоки ведической литературы относятся к 2000 году до н. э. или даже к 2500 году. Это весьма близко подводит нас к периоду Мохенджо-Даро.

Большинство современных ученых относит обычно гимны «Ригведы» к 1500 году до н. э. Однако со времени раскопок в Мохенджо-Даро существует тенденция датировать эти индийские тексты более ранним периодом. Независимо от точной даты вполне вероятно, что эта литература древнее литературы Греции и Израиля и что, в сущности, это один из самых древних документов, находящихся в нашем распоряжении, созданных разумом человека. Макс Мюллер назвал ее «первым словом, произнесенным арийским человеком».

Веды были творением ариев, вторгшихся на богатую землю Индии. Они принесли с собой свои идеи, происходившие от

того общего корня, из которого выросла «Авеста» в Иране, и развили их на индийской почве. Даже язык Вед разительно напоминает «Авесту», и отмечалось, что язык «Авесты» ближе к Ведам, чем Веда к тому санскриту, которым написан эпос.

Как должны мы относиться к письменным памятникам различных религий, последователи которых считали эти писания откровением? Анализ и критика этих текстов, а также подход к ним как к документам, созданным человеком, зачастую оскорбляют истинно верующих. Тем не менее нет другого способа рассмотреть их.

Я всегда с неохотой брался за чтение религиозных книг. Мне были не по душе их абсолютистские притязания. Виденные мной религиозные обряды не внушали мне желания обратиться к первоисточникам. И все же я вынужден был взяться за эти книги, ибо незнание их не было достоинством, а зачастую являлось серьезной помехой. Я знаю, что некоторые из них оказали глубокое влияние на человечество, а все, что способно оказать такое влияние, должно обладать какой-то внутренней силой и достоинствами, неким источником жизненной энергии. Мне было очень трудно заставить себя прочитать целиком многие их разделы, ибо, как я ни старался, я не мог вызвать в себе достаточный интерес к ним. Однако красота некоторых текстов очаровывала меня. Временами я наталкивался на какую-нибудь фразу или предложение, которые приводили меня в восторг, вызывая ощущение чего-то поистине великого. Отдельные изречения Будды и Христа сияли глубоким смыслом и казались мне применимыми к нашему времени в той же мере, как и две тысячи или более лет назад, когда они были произнесены. В них была какая-то покоряющая подлинность, неизменность, которых не могли коснуться время и пространство. Такие чувства испытывал я иногда, читая о Сократе или о китайских философах, а также при чтении Упанишад и «Бхагавадгиты». Меня не интересовали метафизика, описание ритуала и многие другие вещи, очевидно не имевшие отношения к стоявшим передо мной проблемам. Может быть, я не понимал скрытого смысла многого из того, что читал, и, действительно, порой вторичное чтение проливало больше света. Я не прилагал особых усилий понять таинственные места и пропускал те, которые не представляли для меня особой важности. Не интересовали меня и пространные комментарии и глоссарии. Я не мог подходить к этим книгам, да и вообще к каким-либо книгам, как к священному писанию, которое следует целиком и полностью принимать на веру. Такого рода подход к книге как к священному писанию делает мой ум невосприимчивым к ее содержанию. Я относился к ним с гораздо большей теплотой и непредубежденностью, когда мог рассматривать их в качестве произведений, созданных людьми, весьма мудрыми и прозорливыми, но все же простыми смертными, а не воплощениями

или глашатаями божества, о котором я ничего не знал и в которое я не верил.

Способность человеческого разума и духа подниматься на большие высоты и стараться затем поднять до этих высот других всегда казалась мне более замечательной и величественной, нежели превращение человека в глашатая божественной или высшей силы. Некоторые из основоположников религий были замечательными личностями, но вся их слава меркнет в моих глазах, когда я перестаю думать о них как о человеческих существах. Развитие разума и духа человека — вот что производит на меня впечатление и обнадеживает меня, а не использование человека в качестве агента для передачи послания.

Такое же впечатление производила на меня мифология. Если верить фактическому содержанию этих легенд, вся мифология становится нелепой и смехотворной. Но коль скоро перестаешь в них верить, они предстают в новом свете и сияют новой красотой, являя собой замечательный плод богатого воображения, содержащий много поучительного. Ныне никто не верит сказаниям о греческих богах и богинях, и поэтому мы можем свободно восхищаться ими и они становятся частью нашего духовного наследия. Но если бы мы должны были верить в них, каким бы бременем это оказалось для нас, и, придавленные тяжестью этой веры, мы зачастую теряли бы способность ощущать их красоту. Индийская мифология богаче и шире. Она прекрасна и полна смысла. Я часто размышлял о том, какими были люди, придавшие форму этим светлым мечтам и прекрасным вымыслам, и из каких золотых россыпей мысли и воображения они извлекли их.

Стало быть, рассматривая эти тексты как творения человеческого разума, мы не должны забывать об эпохе, в которую они были написаны, об окружающей обстановке и духовной среде, в которой они создавались, о том огромном расстоянии с точки зрения времени, образа мыслей и опыта, которое отделяет их от нас. Мы должны забыть о ритуальной парадности и религиозном назначении, которыми они окрашены, и помнить о том, в какой социальной среде они создавались. Многие из проблем человеческой жизни носят постоянный и даже вечный характер, и этим объясняется неослабевающий интерес к древним книгам. Но они касались и других проблем, которые не выходят за рамки современной им эпохи и не представляют интереса для наших дней.

ВЕДЫ

Многие индусы считают Веды священным писанием. Мне это кажется тем более прискорбным, что таким образом от нас ускользает их истинное значение — раскрытие человеческого разума на самых ранних стадиях мышления. И какой это был

замечательный разум! Веды (от корня *vid* — ведать) создавались как сборники знаний той эпохи. Они представляют собой смесь самых разнообразных вещей: гимнов, молитв, жертвенных обрядов, волшебств, замечательной поэзии о природе. В них нет никакого идолопоклонства, никаких храмов для богов. Живость и жизнеутверждающая сила, пронизывающие их, просто поразительны. Древние арии ведической эпохи обладали такой жадью жизни, что обращали мало внимания на душу. У них было какое-то туманное представление о существовании загробной жизни.

Постепенно появляется понятие о боге: сначала это божества, напоминающие олимпийских богов, затем монотеизм и позже — довольно тесно связанная с ним монистическая концепция. Мысль уводит их в неизвестные области, возникают размышления о тайне природы и дух исследования. Все это совершается на протяжении столетий, и когда мы подходим к концу Вед, к веданте (*анта* значит конец), мы имеем уже философию Упанишад.

Первая из Вед — «Ригведа» — вероятно, самая древняя книга из всех, какими располагает человечество. В ней мы можем найти первые излияния человеческого разума, огонь поэзии, преклонение перед красотой и тайнами природы. В этих древних гимнах нашли свое отражение, по словам д-ра Макникола, начатки «смелых исканий, предпринятых в глубокой древности и изложенных здесь теми, кто пытался раскрыть значение нашего мира и жизни человека в этом мире... Здесь Индия вступила на путь исканий, которому она никогда не переставала следовать с тех самых пор».

Однако сама «Ригведа» — результат веков цивилизованного существования и мышления, в течение которых сложилась цивилизация долины Инда, месопотамская и другие цивилизации. Поэтому уместно следующее посвящение, содержащееся в «Ригведе»: «Провидцам, нашим предкам, первооткрывателям пути!»

Рабиндранат Тагор определил эти ведические гимны как «поэтическое свидетельство коллективного выражения народного восторга и благоговейного ужаса перед жизнью. Народ, обладающий богатым и неискушенным воображением, почувствовал на заре цивилизации бесконечную тайну жизни. Это была простодушная вера, обожествлявшая все стихии и силы природы, но в то же время мужественная и жизнеутверждающая вера, где тайна лишь придавала очарование жизни, не отягощая ее тяжелыми сомнениями. Это была вера народа, не обремененного мрачным раздумьем о противоречивом многообразии объективного мира, хотя время от времени озарявшаяся интуитивным знанием — например, того, что «истина едина, (хотя) мудрецы называют ее по-разному».

Но мало-помалу все больше возникали мрачные размышления, пока наконец автор Веды не воскликнул: «О Вера, дай нам

убежденность!» Они же побудили поднять более глубокие вопросы в гимне, названном «Песнь творения», которую Макс Мюллер снабдил заголовком — «Неизвестному богу»:

«1. Не было тогда ни несуществующего, ни сущего: не было царства воздуха и неба над ним.

Что же служило покровом, и где? И что давало защиту? Была ли вода, бездонная водная глубь?

2. Не было тогда ни смерти, ни того, что живет вечно; никакого признака, разделявшего ночь и день.

Это единое, бездыханное дышало лишь собственной своей сущностью. Помимо него не было ничего вообще.

3. Была тьма: скрытое сперва во тьме, все это было бесформенным хаосом.

Все, что существовало тогда, было пустым и бесформенным. Великой силой тепла рождено было это единое.

4. Затем возникло вначале желание — первичное семя и зародыш духа.

Мудрецы, которые искали мудростью своих сердец, обнаружили родство существующего в несуществующем.

5. Поперек была проведена их линия раздела: что же было над ней и что под ней?

И были там создающие, были могучие силы, здесь — свободное действие, там — энергия.

6. Кто знает воистину и кто может здесь сказать, когда это родилось и когда свершился этот акт творения?

Боги появились позже сотворения этого мира.

Кто же тогда знает, когда появился мир?

7. Он, первоисточник всего созданного, все равно, создал ли он все это сам, или же нет.

Тот, чье око надзирает за этим миром с высоты небес, он воистину знает это, а может быть, он и не знает»¹.

ПРИЯТИЕ И ОТРИЦАНИЕ ЖИЗНИ

Из этих далеких истоков глубокой древности берут свое начало реки индийского мышления и философии, индийской жизни, культуры и литературы. Все расширяясь и увеличиваясь в объеме, они покрывают иногда землю богатыми наносами. На протяжении огромного отрезка времени они меняли порой русло и даже, казалось, высыхали, и, тем не менее, они сохранили свой основной характер. Это было бы невозможно для них, не обладай они здоровым жизненным инстинктом. Эта устойчивость не обязательно является достоинством. Она вполне может означать — и, мне думается, означала в течение длительного времени в прошлом — застой и упадок. Но это важный факт, с которым надо считаться, особенно в наши дни, когда нам,

¹ «Hindu Scriptures», Everyman's Library. Dent, London.

видимо, довелось стать свидетелями того, как частые войны и кризисы подрывают гордую и передовую цивилизацию. Мы надеемся, что из этого горнила войны, в котором плавится столь многое, выйдет нечто более прекрасное как для Запада, так и для Востока, нечто такое, что позволит сохранить все великие достижения человечества и восполнить недостающее ему. Однако это неоднократное массовое уничтожение не только материальных ресурсов и человеческих жизней, но и основных ценностей, придающих смысл жизни, весьма многозначительно. Означает ли это, что, несмотря на поразительные успехи во многих направлениях и возникший в результате их более высокий жизненный уровень, о котором и не мечтали в прежние времена, нашей современной высокоиндустриализованной цивилизации нехватает какого-то существенного ингредиента и она несет в себе семена собственной гибели?

Страна, изнывающая под чужеземным игом, стремится уйти от действительности в мечты об исчезнувшей эпохе и находит утешение в видениях былого величия. Это глупое и опасное занятие, которому предаются многие из нас. Столь же вредна для нас, индийцев, тенденция воображать, будто мы все еще сохраняем духовное величие, хотя отстали в других отношениях. Духовное, да и любое другое величие не может быть основано на отсутствии свободы и возможностей или на голоде и нужде. Многие западные авторы распространяли мнение, будто индийцы — люди не от мира сего. Мне представляется, что во всех странах бедные и несчастные становятся в какой-то степени не от мира сего, если они не делаются революционерами, ибо сей мир явно не предназначен для них. Это же относится и к угнетенным народам.

Внешний объективный мир не может полностью занять, увлечь или удовлетворить человека, достигшего зрелости. Человек ищет также какой-то внутренний смысл, некое психологическое и физическое удовлетворение. То же происходит с народами и культурами, по мере того как они развиваются и становятся зрелыми. В любой культуре и любом народе обнаруживаются параллельные течения во внешней жизни и внутреннем мире человека. Там, где они встречаются или держатся близко друг к другу, наблюдаются равновесие и устойчивость. Там, где они расходятся, возникают конфликт и кризис, терзающие разум и душу.

Начиная с периода гимнов «Ригведы» мы наблюдаем развитие обоих этих потоков жизни и мышления. Ранние гимны наполнены внешним миром, пронизаны красотой и таинственностью природы, радостью жизни и бьющей через край жизнеспособностью. Боги и богини, подобно богам-олимпийцам, глубоко человечны, им свойственно сходить на землю и смешиваться с людьми; между ними и людьми нет твердой и четкой линии раздела. Затем человек начинает размышлять, пробуждается

дух исследования, и тайна потустороннего мира сгущается. Жизнь все еще бьет ключом, но вместе с тем уже наблюдается отход от ее внешних проявлений, и дух отрешенности растет по мере того, как взоры обращаются к незримым вещам, которые нельзя увидеть, услышать или ощутить обычным путем. Каков смысл всего этого? Имеет ли вселенная цель? А если имеет, то какое место отводится в ней жизни человека? Можно ли найти гармоничную связь между видимым и невидимым мирами и тем самым установить правильный образ жизни?

Итак, в Индии, как и в других странах, эти два потока мысли и действия — приятие жизни и уход от нее — развивались бок о бок, причем в разное время центр тяжести перемещался от одного к другому. Тем не менее в основе индийской культуры лежала не идея потусторонности или бессмысленности мира. Даже когда, на языке философии, мир рассматривался как *майя*, или то, что принято считать иллюзией, то это понятие было не абсолютным, а лишь относительным по отношению к тому, что считалось истинным бытием (нечто подобное теньям вещей у Платона), а сам реальный мир воспринимали таким, каков он есть, и старались жить полной жизнью и наслаждаться его многообразной красотой. По всей вероятности, семитическая культура, выраженная в многочисленных религиях, возникших из нее, и, несомненно, ранее христианство в гораздо большей степени уделяли внимание загробной жизни. Т. Э. Лоуренс заявляет, что «общей основой всех семитических вероисповеданий, как сохранившихся, так и исчезнувших, была неизменная идея беспдельности жизни». А это часто приводило к чередованию разнузданности и самоотречения.

В Индии во все периоды расцвета ее культуры наблюдается восторг перед жизнью, природой, наслаждение своим существованием, развитие искусства, музыки, литературы, пения, танцев, живописи и театра и даже весьма совершенное исследование отношений между полами. Немыслимо, чтобы все эти проявления энергичной и богатой жизни могли быть порождены культурой или мировоззрением, основанным на идее о призрачности или никчемности мира. Ясно, что ни одна культура, основанная на идее о призрачности мира, не могла бы просуществовать несколько тысячелетий.

Тем не менее некоторые считают, что индийское мышление и культура представляют в основном принцип отрицания жизни, а не ее утверждения. Мне думается, что во всех старых религиях и культурах присутствуют в различной степени оба принципа. Но я склонен думать, что в целом индийская культура никогда не подчеркивала отрицания жизни, хотя некоторым философским течениям, составляющим часть этой культуры, это свойственно. Повидимому, это было свойственно ей в гораздо меньшей мере, нежели христианству. Буддизм и джайнизм подчеркивали уход от жизни, и в некоторые периоды индийской

истории наблюдалось широко распространенное бегство от жизни, например, когда много народу вступило в буддийские монастыри — *вихара*. Каковы были причины к этому, мне неизвестно. Такие же или даже более показательные примеры можно найти в средневековой Европе, когда царило убеждение, что близится конец света. Возможно, что идеи ухода от жизни и отрицания ее были порождены или усилены чувством разочарования, вызванного политическими и экономическими факторами.

Буддизм, несмотря на свой теоретический подход или, вернее, подходы, ибо их было несколько, в сущности, избегает крайностей. Он включает учение о золотой середине, о среднем пути. Даже идея *нирваны* отнюдь не означала небытия, как иногда полагают. Это было позитивное состояние, но, поскольку оно выходило за рамки человеческого мышления, для его описания использовались негативные термины. Если бы буддизм, этот типичный продукт индийского мышления и культуры, был лишь учением об отрицании жизни, это, несомненно, оказало бы соответствующее влияние на сотни миллионов людей, исповедующих эту религию. На деле же буддийские страны изобилуют доказательствами обратного, а китайский народ дает разительный пример того, что такое утверждение жизни.

Существующая путаница объясняется, видимо, тем фактом, что индийское мышление всегда делало упор на конечную цель жизни. Оно никогда не забывало о трансцендентном элементе в своей системе, и поэтому, полностью принимая жизнь, оно в то же время отказывалось стать ее жертвой и рабом. Ведите правильную жизнь, отдавая ей все силы и энергию, но стойте выше ее и не тревожьтесь особенно о результатах своих действий. Таким образом, буддизм учил не отказу от жизни и деятельности, а отрешенности от мирской суеты. Эта идея отрешенности проходит красной нитью через все индийское мышление и философию, как и через большинство других философий. Иными словами, здесь выражена мысль, что между зримым и незримым мирами нужно поддерживать правильное соотношение и равновесие, ибо, выказывая чрезмерную приверженность деятельности в видимом мире, мы забываем о ином мире и теряем конечную цель самого действия.

Для всех этих ранних исканий индийского разума характерно подчеркивание истины, стремление опереться на нее и страсть к ней. Всякие догмы и откровения отбрасывались как нечто, подходящее лишь для более слабых умов, не способных подняться выше их. Это был экспериментальный подход, основанный на личном опыте. Когда этот опыт касался незримого мира, то, подобно всем эмоциональным и психическим переживаниям, он отличался от опыта, связанного с внешним, видимым миром. Он, казалось, выходил за пределы мира трех

измерений в какую-то иную, более обширную область, и, таким образом, его было трудно описать с помощью этих трех измерений. Что представлял собой этот опыт, было ли это видение или осознание каких-то сторон истины и реальности, или просто призрак, рожденный воображением,— я не знаю. Вероятно, часто это был самообман. В данном случае меня больше интересует подход, который не был авторитарным или догматическим, а представлял собой попытку самостоятельно раскрыть, что же кроется за внешней стороной жизни.

Следует помнить, что в Индии философия не была исключительным достоянием узкого круга философов или ученых мужей. Философия являлась важным элементом религии масс. Она проникала к ним в упрощенной форме и создавала философское мировоззрение, ставшее в Индии почти столь же общим, как и в Китае. Для некоторых эта философия была глубокой и сложной попыткой познать причины и закономерность всех явлений, поисками конечной цели жизни и попыткой найти органическое единство во многих противоречиях жизни. Но для большинства это было гораздо более простым делом, которое все же давало какое-то ощущение цели, причины и следствия и позволяло мужественно переносить испытания и несчастья, не теряя при этом жизнерадостности и присутствия духа. Древняя мудрость Китая и Индии, Дао, или Путь Истины, писал Тагор Дай Цзи-тао,— это стремление к полноте жизни, соединение разнообразной жизненной деятельности с радостью жизни. Частица этой мудрости проникла в сознание даже неграмотных и невежественных масс, и мы видели, как китайский народ после семи лет ужасной войны не утерял светоча своей веры и бодрости своего духа. В Индии наши испытания затянулись, а бедность и крайняя нищета издавна неотлучно сопутствуют нашему народу. И все же он попрежнему смеется, поет, танцует и не теряет надежды.

СИНТЕЗ И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ. ИСТОКИ КАСТОВОЙ СИСТЕМЫ

Приход ариев в Индию создал новые проблемы расового и политического порядка. Покоренные дравидские племена обладали древней культурой, но арии, несомненно, считали себя высшей расой, и обе народности разделяла огромная пропасть. Кроме них, были также остальные туземные племена, кочевники или обитатели лесов. Результатом этого конфликта и взаимодействия народностей явилось постепенное развитие кастовой системы, которой суждено было оказать столь глубокое влияние на жизнь Индии в последующие века. Вероятно, каста не была ни арийским, ни дравидским учреждением. Это была попытка социальной организации различных народностей, оформления фактического положения вещей. Впоследствии она повлекла

за собой деградацию и все еще является бременем и проклятием, но мы вряд ли можем подходить к ней с точки зрения позднейших нормативов или последующих событий. Она отвечала духу времени, и какая-то форма деления общества имела место в большинстве древних цивилизаций, хотя, повидимому, Китай избежал ее. Деление на четыре группы существовало и у другой ветви ариев — иранцев в эпоху Сасанидов, но там оно не превратилось в касту. Многие из древних цивилизаций, в том числе греческая цивилизация, целиком зависели от массового рабства. В Индии не было такого широкого применения рабского труда, хотя и имелось сравнительно небольшое количество домашних рабов. Платон в своей «Республике» упоминает о разделении, аналогичном делению на четыре главные касты. Это деление было известно и средневековому католицизму.

Начало возникновению каст положило четкое деление на ариев и не-ариев. Последние, в свою очередь, делились на дравидов и туземные племена. Так, арии образовали один класс, и среди них вряд ли существовало какое-нибудь деление. Слово *арья* происходит от корня, означающего «пахать», и арии в целом были земледельцами, а земледелие считалось благородным занятием. Земледелец выступал также в роли жреца, воина или купца; привилегированного жреческого сословия не было. Деление на касты, которое должно было первоначально отделить ариев от не-ариев, оказало свое действие на самих ариев, и по мере роста разделения функций и специализации новые классы приняли форму каст.

Таким образом, в эпоху, когда в обычае завоевателей было истреблять или обращать в рабство покоренные народы, касты позволяли найти более мирное решение, соответствовавшее и растущей специализации функций. В жизни общества возникло деление, и вот из массы земледельцев выделились *вайшьи* — земледельцы, ремесленники и торговцы, *кшатрии* — правители и воины, *брахманы* — жрецы и мыслители, которым надлежало определять политику и хранить и развивать высшие духовные принципы страны. Ниже этих трех каст находились *шудры*, или батраки, и все неквалифицированные рабочие, кроме земледельцев. Многие туземные племена постепенно ассимилировались, и им было отведено место у подножья социальной лестницы, то есть среди шудр. Этот процесс ассимиляции был непрерывным. Касты находились, должно быть, в состоянии постоянного изменения; затвердение пришло значительно позже. Вероятно, правящему классу всегда была свойственна большая терпимость, и всякий, кто приобретал власть завоеванием или как-либо иначе, мог при желании присоединиться к иерархии в качестве кшатрии и заставить жрецов сфабриковать себе соответствующую родословную от какого-нибудь древнеарийского героя.

Слово *арья* утратило всякое значение народности и стало означать «благородный», так же как *анарья* означало «низший» и применялось обычно к кочевым племенам, обитателям лесов и т. д.

Разуму индийцев была свойственна необычайная склонность к анализу и страсть раскладывать по полочкам идеи, понятия и даже виды жизнедеятельности. Арии разделили не только общество на четыре основные группы, но и всю жизнь человека на четыре стадии. Первой стадией было отрочество и юность, период учения, приобретения знаний, воспитания самодисциплины, самообладания и сдержанности. Второй стадией являлась жизнь семьянина и мирянина, третьей — жизнь государственного деятеля, обладающего известной уравновешенностью и объективностью и способного посвятить себя общественной деятельности без корыстного желания извлечь из нее выгоду. Последней стадией была жизнь отшельника, отрешившегося от всякой мирской деятельности. Таким путем они примиряли две противоречивые тенденции, часто живущие в человеке бок о бок: приятие жизни во всей ее полноте и отрицание ее.

В Индии, как и в Китае, ученость и эрудиция всегда были в большом почете, так как ученость предполагала и высшие знания, и добродетель. Правитель и воин всегда склонялись перед ученым. В древней Индии существовала теория, что власть имущие не могут быть вполне объективными. Их личные интересы и склонности неизбежно должны были прийти в противоречие с их общественными обязанностями. Поэтому задача определения духовных ценностей и охраны этических норм возлагалась на класс или группу мыслителей, свободных от материальных забот и не имевших, насколько это было возможно, никаких обязанностей, с тем чтобы они могли рассматривать проблемы жизни в духе отрешенности. Таким образом, предполагалось, что этот класс мыслителей или философов стоял на вершине социальной лестницы и пользовался всеобщим почетом и уважением. За ними шли люди действия, правители и воины, которые независимо от их могущества пользовались меньшим уважением. Обладание богатством давало еще меньше права на почет и уважение. Класс воинов, хотя и не стоял у самой вершины, занимал высокое положение — в отличие от Китая, где на него смотрели с презрением.

Такова была теория, которая встречается в некоторой степени и в других местах, как, например, в христианстве средневековой Европы, когда римская церковь присвоила себе руководящие функции во всех духовных, этических и моральных вопросах и даже в определении общих принципов управления государством. На практике Рим стал уделять большое внимание светской власти, и князья церкви были самостоятельными владетелями. В Индии сословие брахманов, поставлявшее

мыслителей и философов, превратилось, кроме того, в могущественное жреческое сословие, ревниво оберегавшее свои привилегии. Тем не менее эта теория оказала глубокое влияние на индийскую жизнь, и идеалом оставался человек ученый и милосердный, добрый, выдержанный и способный пожертвовать собой ради других. Сословию брахманов были свойственны все пороки, свойственные привилегированным и сильным классам в прошлом, и многие из брахманов не обладали ни ученостью, ни добродетелями. Тем не менее они сохранили уважение народа — не потому, что им принадлежала светская власть или деньги, а потому, что они дали множество замечательных умов, людей, имевших выдающиеся заслуги перед обществом и известных готовностью пожертвовать собой ради общего блага. В любую эпоху пример, заслуги выдающихся личностей всегда приносили пользу всему классу, и все же уважение общества вызывало не столько официальное положение, сколько личные качества. Традиция была такова, что всякий, кто отличался ученостью и добротой, пользовался уважением. Можно привести бесчисленное количество примеров, когда не-брахманы и даже выходцы из угнетенных классов пользовались таким уважением, а порой считались святыми. Официальное положение и военная сила никогда не внушали такого уважения, хотя, возможно, вызывали страх.

Даже сейчас, в наш век денег, заметно влияние этой традиции, и благодаря ей Ганди (не являющийся брахманом) может стать верховным руководителем Индии и владеть сердцами миллионов, не прибегая к силе или принуждению, не занимая официального положения и не имея денег. Быть может, наилучшим критерием характера культурного наследия народа и той сознательной и неосознанной цели, к которой он стремится, является ответ на вопрос, какому вождю он оказывает доверие.

Центральной идеей древней индийской цивилизации, или индо-арийской культуры, была идея дхармы, которая представляла собой нечто большее, нежели религию или вероисповедание. Это было учение об обязанностях, о выполнении человеком долга по отношению к самому себе и к другим. Сама эта дхарма была частью *риты*, основного морального закона, направляющего жизнь вселенной и всего, что содержится в ней. Если такой порядок существовал, то в нем должно было быть место для человека, которому надлежало действовать так, чтобы остаться в гармонии с этим порядком. Если человек выполнял свои обязанности и этически его поступки были правильными, из этого неизбежно должны были возникнуть правильные последствия. Права, как таковые, не подчеркивались. Примерно такого воззрения придерживались в древности повсюду. Оно составляет разительный контраст с современным утверждением прав — прав личности, групп и наций.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Итак, в эти очень давние времена мы обнаруживаем зачатки цивилизации и культуры, которые расцвели столь пышным цветом в последующие века и сохранились, несмотря на множество изменений, до наших дней. В это время складываются основные идеалы и руководящие понятия. Литература и философия, искусство и драма и все прочие отрасли человеческой деятельности были обусловлены этими идеалами и мировоззрением. Мы наблюдаем также ту замкнутость и отгороженность, которые все росли и росли, пока не стали неизменными, опутавшими все своими щупальцами подобно спруту — кастовой системой наших дней. Созданная для определенной эпохи, эта кастовая система, которая должна была упрочить тогдашнюю социальную организацию и придать ей силу и равновесие, превратилась в тюрьму для последующего общественного строя и для человеческого разума. Стабильность была куплена, в конечном счете, ценой будущего прогресса.

Однако это был довольно длительный период, даже в условиях этого строя первоначальный импульс к прогрессу во всех направлениях был настолько велик, что прогресс охватил всю Индию и страны восточных морей. При этом такова была его сила, что он продолжался, несмотря на неоднократные потрясения и вторжения. В книге «The History of Sanskrit Literature» профессор Макдонелл пишет, что «значение индийской литературы в целом заключается в ее оригинальности. К тому времени, когда в конце четвертого века до н. э. в северо-западную Индию вторглись греки, индийцы уже создали собственную национальную культуру, не затронутую иноземным влиянием. Несмотря на последовательные вторжения и завоевания персов, греков, скифов, мусульман, национальное развитие жизни и литературы индо-арийской расы фактически не тормозилось и не подвергалось влияниям извне вплоть до английской оккупации. Ни одна ветвь индо-европейской расы не развивалась в условиях такой изоляции. Ни одна страна, за исключением Китая, не может проследить непрерывное развитие своего языка и литературы, своих религиозных верований и обрядов, своих драматических и социальных традиций на протяжении трех тысячелетий с лишним».

Все же Индия не была изолированной, и в течение этого продолжительного периода своей истории она поддерживала постоянные и оживленные отношения с иранцами и греками, китайцами и народами Средней Азии и другими. И если в основном ее культура сохранилась в неприкосновенности, несмотря на эти связи, — значит, в самой этой культуре было нечто, придававшее ей динамическую силу, некая внутренняя жизнеспособность и понимание жизни, ибо культурное развитие и преемственность в течение этих трех-четыре тысяч лет надо

признать замечательным явлением. Это подчеркивает известный востоковед Макс Мюллер: «Между самыми современными и самыми древними стадиями индийского мышления, история которого насчитывает свыше трех тысяч лет, существует, в сущности, непрерывная преемственность». Он восторженно заявил (в лекции, прочитанной в Кембриджском университете в Англии в 1882 году): «Если бы мы стали искать во всем мире страну, в наибольшей мере наделенную богатством, силой и красотой, какие только в состоянии дать природа,— в некотором роде настоящий земной рай,— я указал бы на Индию. Если бы меня спросили, под каким небом разум человека наиболее полно раскрыл некоторые из своих лучших даров, наиболее глубоко размышлял над величайшими проблемами жизни и нашел для некоторых из них решения, заслуживающие внимания даже тех, кто изучал Платона и Канта,— я вновь указал бы на Индию. И если бы я сам задал себе вопрос, из какой литературы мы, европейцы, воспитанные почти исключительно на идеях греков и римлян, а также одной из семитических рас — евреев, можем почерпнуть те коррективы, которые наиболее желательны, чтобы сделать внутренний мир человека более совершенным, более обширным, более объемлющим и, в сущности, более вечным, обращенным не только к этой жизни, но и к жизни вечной,— я опять-таки указал бы на Индию».

Почти полвека спустя Ромен Роллан писал в том же духе: «Если есть на земле страна, где нашли место все мечты людей с того дня, когда первый человек начал сновидение жизни,— это Индия».

УПАНИШАДЫ

Упанишады, относящиеся примерно к 800 году до н. э., представляют собой новый большой шаг в развитии индо-арийского мышления. К этому времени арии давно уже обосновались и у них сложилась устойчивая процветающая культура, сочетавшая в себе элементы старого и нового при господствующем влиянии арийского мышления и идеалов, но включающая в себя наследие более примитивных форм культа. О Ведах говорят с уважением, но также и в духе легкой иронии. Ведические боги перестают удовлетворять, и жреческий ритуал служит предметом насмешки. Но здесь нет попытки порвать с прошлым; прошлое берется как отправная точка для дальнейшего развития.

Упанишады проникнуты духом исследования, искания, страстью к открытию истины о вещах. Конечно, поиски этой истины ведутся не объективными методами современной науки, но, тем не менее, в самом подходе содержится элемент научного метода. Никакой догме не разрешается становиться на пути познания. В Упанишадах много мелкого, не имеющего для нас

¹ Ромен Роллан, Собр. соч., т. XIX, стр. 8.

сейчас ни смысла, ни значения. Упор делается главным образом на самопознание, на познание личного *я* и абсолютного *я*, причем оба они объявляются тождественными в своей сущности. Объективный внешний мир не считается нереальным: но он реален в относительном смысле, как аспект внутренней реальности.

В Упанишадах много неясностей, которым давались различные толкования. Но это дело философа или ученого. Общая тенденция направлена к монизму, и весь подход, очевидно, рассчитан на то, чтобы сгладить разногласия, которые, должно быть, существовали тогда и вели к яростным спорам. Это — путь синтеза. Интерес к магии и другим подобным сверхъестественным знаниям сурово осуждается, а выполнение ритуала и обрядов без познания признается бесполезным. «Те, кто выполняет их, считая себя людьми знающими и учеными, лишь бесцельно бредут подобно слепцам, ведомым слепым поводырем, и не достигают цели». Даже Веды считаются знанием низшего порядка. Высшим знанием признается знание интуитивное. Делается предостережение против изучения философии, не сопровождаемого дисциплиной поведения. В то же время постоянно предпринимается попытка сочетать общественную деятельность с духовными исканиями. Обязанности, налагаемые жизнью, следует выполнять, но в духе отрешенности.

Вероятно, чрезмерный упор делался на этику личного совершенствования, отчего страдала социальная сторона мировоззрения. «Нет ничего выше личности», — говорится в Упанишадах. Видимо, общество считалось стабилизировавшимся, и отсюда разум человека постоянно мыслил о личном совершенстве и в поисках его блуждал в небесах и в сокровеннейших тайниках души. Этот подход древних индийцев не был узко националистическим, хотя, должно быть, в Индии считали, что Индия — центр земли, подобно тому как в разные эпохи это имело место в Китае, Греции и Риме. «Весь мир смертных есть взаимозависимый организм», — говорится в «Махабхарате».

Мне трудно постигнуть метафизическую сторону вопросов, рассматриваемых в Упанишадах, но на меня произвел большое впечатление самый подход к проблеме, которая столь часто окутывалась мраком догм слепой веры. Это был подход философский, а не религиозный. Меня привлекает сила мысли, пыливость, рационалистическая подоплека. Стиль Упанишад лаконичен, часто в форме вопросов и ответов между учителем и учеником. Высказывается предположение, что Упанишады представляли собой своего рода записи ученых бесед, сделанные самим учителем или его учениками. Профессор Ф. У. Томас писал в своей книге «The Legacy of India»:

«Особенно своеобразными и неизменно притягательными делает Упанишады свойственный им исключительно искренний тон, тон друзей, обсуждающих глубоко волнующие их вопросы».

Ч. Раджагопалачари красноречиво говорит о них: «Богатое воображение, величественный полет мысли и безудержный дух исследования, с которым учителя и ученики, побуждаемые неумной жаждой истины, пытаются проникнуть в «открытую тайну» вселенной, делают эти самые древние из священных книг мира самыми современными и убедительными». Характерной чертой Упанишад является вера в истину. «Побеждает всегда истина, не ложь. Истиной вымощен путь к Божественному». А известный призыв — это призыв к свету и разуму: «Веди меня от нереального к реальному! Веди меня от тьмы к свету! Веди меня от смерти к бессмертию!»

Снова и снова беспокойный разум дает о себе знать, вечно ищущий, вечно вопрошающий:

«По чьей воле разум вздымается в высоту? По чьему приказанию возникает впервые жизнь? По чьей воле обретают люди дар речи? Какой бог направляет зрение и слух?» И далее: «Почему ветер не может оставаться спокойным? Почему человеческий разум не знает покоя? Почему и в поисках чего течет вода и не может остановить свой бег даже на мгновение?» Дух искания неустанно зовет человека, и нет ему отдыха в пути и нет конца странствию. В «Айтарея Брахмана» есть гимн о долгом, бесконечном странствии, в которое мы должны пуститься, и каждая строфа заканчивается припевом: Чарайвети! чарайвети! — «О путник, иди вперед, иди вперед!»

Во всех этих исканиях нет смирения, смирения перед всемогущим божеством, столь часто ассоциирующегося с религией. Это торжество разума над окружающей его средой. «Тело мое обратится в пепел, а дыхание мое смешается с беспокойным и бессмертным воздухом, но не я и не мои дела. О разум, помни всегда об этом, помни об этом!» В утренней молитве имеется такое обращение к солнцу: «О солнце, сияющее немеркнувшей славой, я тот, кто делает тебя тем, что ты есть!» Какая замечательная уверенность!

Что такое душа? Ее можно описать или определить лишь негативно: «Она не есть это и не есть то» — или же в известной степени позитивно: «Это есть ты!» Индивидуальная душа подобна искре, выброшенной и вновь поглощенной ярко горящим пламенем абсолютной души. «Подобно огню, который, хотя и един, вступая в мир, принимает различные формы в соответствии с тем, что он сжигает, так и внутреннее я в каждой вещи становится различным в соответствии с тем, куда оно вступает, само же оно не имеет формы». Это сознание, что сущность всех предметов одинакова, устраняет преграды, отделяющие нас от этих предметов, и рождает чувства единства с человечеством и природой, единства, лежащего в основе многообразия и разнородности внешнего мира. «Для того, кто знает, что все вещи суть я, какие горести, какие заблуждения могут существовать, если

он видит единство?» «Ничто не будет сокрыто от того, кто видит все вещи в этом я и я во всем».

Интересно сравнить и сопоставить крайний индивидуализм и отчужденность индо-ариев с этим всеобъемлющим подходом, который преодолевает все кастовые и классовые перегородки и все прочие внешние и внутренние различия. Это своего рода метафизическая демократия. «Тот, кто видит единый дух во всем и все в едином духе, не может теперь относиться с презрением ни к одному созданию». Хотя это была всего лишь теория, нет никакого сомнения в том, что она должна была отразиться на жизни и создать ту атмосферу терпимости и разумности, то признание свободы мысли в вопросах веры, то желание и способность жить и давать жить другим, которые составляют господствующую черту индийской, равно как и китайской, культуры. В религии и культуре не было абсолютизма, и они говорят о существовании древней и мудрой цивилизации, обладавшей неисчерпаемыми духовными резервами.

В Упанишадах встречается один вопрос, на который дается весьма любопытный и в тоже время многозначительный ответ. Вопрос гласит: «Что такое эта вселенная? Из чего она возникает? Во что она переходит?» Ответ гласит: «В свободе она возникает, в свободе существует и в свободе растворяется». Я не могу понять точный смысл этого, но мне ясно, что авторы Упанишад были страстно преданы идее свободы и хотели видеть все в ее свете. Свами Вивекананда всегда подчеркивал этот аспект.

Нам нелегко перенестись даже мысленно в ту далекую эпоху и духовную атмосферу тех дней. Сама литературная форма кажется нам странной, непривычной и с трудом поддающейся переводу, а условия жизни были совершенно иными. Мы соглашались сейчас со многими вещами, потому что мы привыкли к ним, хотя они достаточно странны и неразумны. Но еще труднее оценить и понять то, к чему мы вовсе не привыкли. Несмотря на все эти трудности и почти непреодолимые преграды, Упанишады находили чутких и жадных слушателей на протяжении всей истории Индии и оказали глубочайшее влияние на формирование национального духа и характера. «Нет такой значительной формы индусского мышления, включая неортодоксальный буддизм, — говорит Блумфилд, — которая не уходила бы своими корнями в Упанишады».

Раннее индийское мышление проникло через Иран в Грецию и оказало влияние на некоторых греческих мыслителей и философов. Значительно позже на Восток приехал изучать иранскую и индийскую философию Плотин¹, который особенно испытал на себе влияние мистического элемента в Упанишадах. Через Плотина многие из этих идей были, как говорят,

¹ Плотин (204—269 годы н. э.) — греческий философ, представитель неоплатонизма. — *Прим. ред.*

займствованы св. Августином и оказали влияние на христианство того времени¹.

Вторичное открытие индийской философии Европой в течение последних полутора столетий оказало огромное воздействие на европейских философов и мыслителей. В этой связи часто цитируют пессимиста Шопенгауэра:

«Каждая фраза [Упанишад] родит глубокие, оригинальные и величественные мысли, и в целом они проникнуты благородным, священным духом искренности... Во всем мире нет ученого труда... столь благотворного и возвышающего, как Упанишады... [Они] плоды высшей мудрости... Рано или поздно им суждено стать верой народа». И далее: «Изучение Упанишад было утехой моей жизни, и оно станет утешением мне и в смерти». Комментируя это, Макс Мюллер заявляет: «От Шопенгауэра меньше всего можно ждать, что он станет писать наобум или позволит себе впасть в экстаз по поводу так называемого мистического и невразумительного мышления. Я не боюсь и не стыжусь признаться, что разделяю этот энтузиазм в отношении веданты и чувствую себя в долгу перед ней за многое, что принесло мне большую пользу в моем жизненном странствии».

В другом месте Макс Мюллер пишет: «Упанишады это... источники... философии веданты, системы, в которой, на мой взгляд, человеческое умозрение достигло высшей точки». «Самые счастливые часы своей жизни я провожу за чтением книг веданты. Для меня они подобны утреннему свету и свежему горному воздуху: такие простые и такие истинные, когда они поняты».

Но, пожалуй, самую красноречивую дань Упанишадам и более позднему произведению «Бхагавадгита» отдал ирландский поэт А. Э. (Дж. У. Рассел): «Среди современных авторов Гете, Уордсворт, Эмерсон и Торо обладали в какой-то мере этой активностью и мудростью, но все сказанное ими и большее мы можем найти в великих священных книгах Востока. «Бхагавадгита» и Упанишады содержат такую божественную полноту мудрости по всем вопросам, что мне представляется: их авторы — прежде чем суметь написать с такой уверенностью о вещах, истинность которых ощущает душа, — должны были, со спокойствием оглянувшись в прошлое, проследить тысячу жизней, полных страсти и борьбы с призраками и за призраки»².

¹ Ромен Роллан (в качестве приложения к своей книге о Вивекананде) дает пространное примечание «Об эллинистическо-христианском мистицизме первых веков и его отношении к индусскому мистицизму». Он доказывает, что добрая сотня фактов свидетельствует о том, в какой большой степени Восток влиял на эллинистическую мысль в течение второго века нашей эры».

² В одной из Упанишад («Чхандогья») есть странное и интересное место: «Солнце никогда не заходит и не восходит. Когда люди думают, что солнце заходит, оно на самом деле лишь поворачивается, достигнув конца дня, и рождает ночь внизу и день по другую сторону. Затем, когда люди думают, что оно восходит по утрам, оно лишь поворачивается, достигнув конца ночи, и рождает день внизу и ночь по другую сторону. В действительности оно никогда не заходит».

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В Упанишадах все время говорится о закаленности тела и ясности ума, дисциплинированности тела и разума, без чего невозможен никакой подлинный прогресс. Приобретение знаний или любое достижение требуют сдержанности, страдания, самопожертвования. Эта мысль о некой эпитимии, *тапасья*, присуща мышлению индийцев — как избранным мыслителям, так и неграмотным низам. Она жива сейчас, как была жива несколько тысяч лет назад, и ее необходимо оценить, чтобы понять психологию, лежащую в основе массовых движений, потрясающих Индию под руководством Ганди.

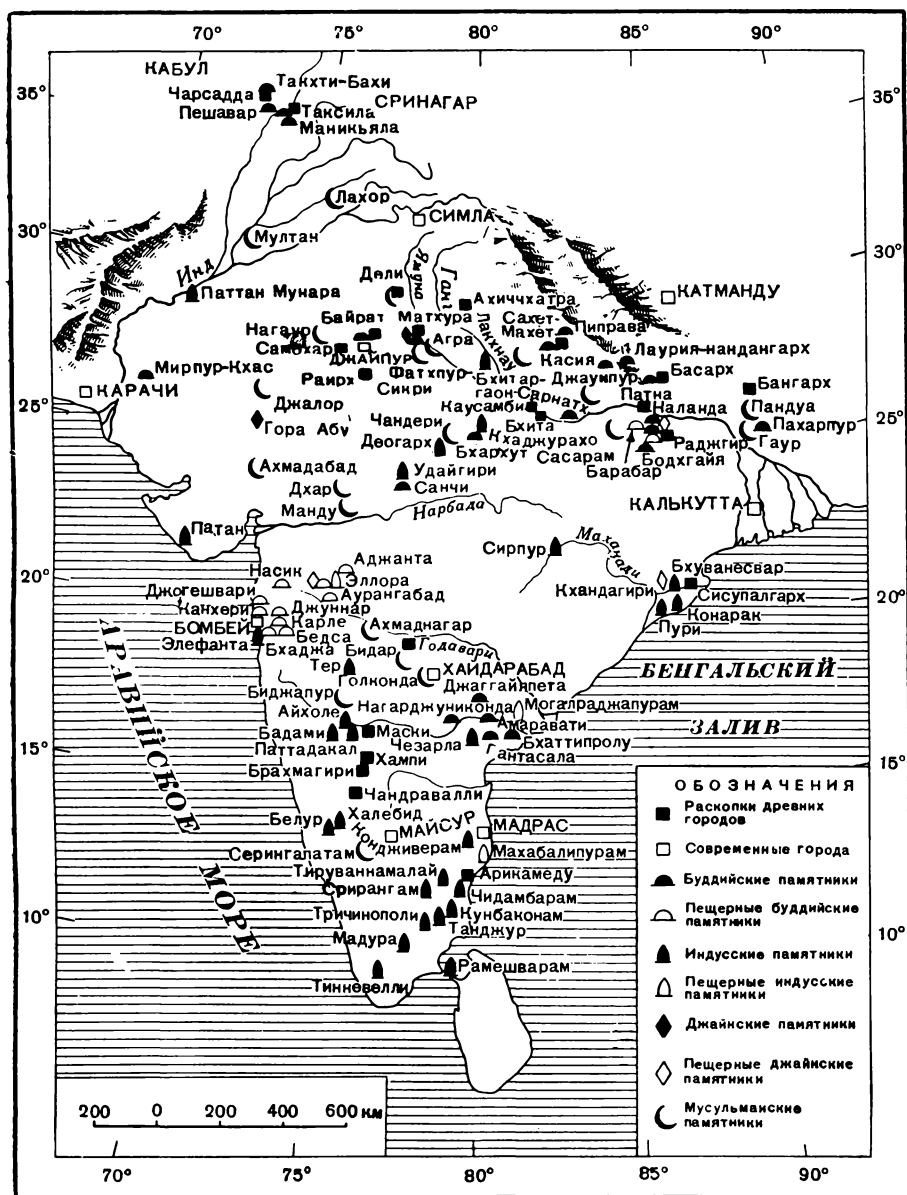
Ясно, что идеи авторов Упанишад с их атмосферой умственной утонченности предназначались для небольшой группы избранных, способных понять эти идеи. Они были совершенно недоступны пониманию широких народных масс. Творческое меньшинство всегда малочисленно, но если оно отвечает чаяниям большинства, постоянно старается поднять его до себя и способствовать его развитию, чтобы пропасть между ними уменьшилась, тогда в результате возникает устойчивая и прогрессивная культура. Без этого творческого меньшинства цивилизация неизбежно пришла бы в упадок. Но она может прийти в упадок и в том случае, если связи между творческим меньшинством и большинством будут порваны и общество в целом утратит социальное единство, так что в конечном счете само это меньшинство потеряет свою творческую способность и станет опустошенным и бесплодным или же уступит место другой творческой или жизне-способной силе, которую выдвинет общество.

Мне, как и большинству других, трудно представить себе тот период, когда создавались Упанишады, и проанализировать различные действовавшие тогда силы. Мне думается, однако, что, несмотря на огромное различие в духовном и культурном отношении между небольшим меньшинством мыслителей и массами не-мыслителей, между ними была и какая-то связь или, во всяком случае, не было глубокой пропасти. Общество, разделенное на сословия, в котором они жили, было разделено и в духовном отношении, и это деление было признано и поддерживалось. Это обеспечивало известную социальную гармонию и позволяло избегать конфликтов. Даже новым идеям Упанишад давалось толкование для народа, с тем чтобы они согласовались с народными предрассудками и суевериями, утрачивая тем самым в значительной степени свое основное значение. Сословное деление общественного строя не было затронуто и было сохранено. Монистическую концепцию превратили в религиозных целях в монотеистическую, и даже низшие формы верований и культа не только допускались, но и поощрялись, как соответствующие данной стадии развития.

Таким образом, идеология Упанишад не распространилась среди масс в сколько-нибудь значительной степени, и интеллектуальный разрыв между творческим меньшинством и большинством стал более заметным. С течением времени это привело к возникновению новых движений — могучей волны материалистической философии, агностицизма, атеизма. Из этого, в свою очередь, выросли буддизм и джайнизм, а также знаменитые эпические произведения на санскрите «Рамаяна» и «Махабхарата», в которых была сделана еще одна попытка привести к синтезу враждовавшие вероисповедания и образы мышления. В эти периоды созидательная энергия народа или творческого меньшинства ощущается во всей полноте, и между этим меньшинством и большинством, повидимому, снова появляется связь. В целом они сближаются.

Так один за другим следуют периоды всплесков творческой энергии, проявляющейся в мышлении и действии, в литературе и драме, в скульптуре и архитектуре, а также в культурных, миссионерских и колонизационных предприятиях далеко за пределами Индии. Их разделяют периоды дисгармонии и конфликтов, порождаемых как внутренними причинами, так и вторжением извне. Все же в конечном счете они преодолеваются, и следует новый период расцвета творческой энергии. Последним большим периодом такой деятельности в ряде направлений была классическая эпоха, начавшаяся в 4 веке н. э. Примерно к 1000 году н. э. или несколько раньше признаки внутреннего упадка в Индии становятся очень заметными, хотя прежний художественный импульс продолжает действовать и создавать художественные произведения. Приход новых народов с иным историческим прошлым создавал новые движущие силы для утомленного разума и духа Индии, а эти импульсы вели к возникновению новых проблем и новых попыток найти решение.

Повидимому, крайний индивидуализм индо-ариев и породил в конечном счете все то хорошее и плохое, что создала их культура. Снова и снова, век за веком, а не только в какой-либо определенный период истории, он приводил к возникновению произведений, близких к совершенству. Он дал всей культуре в целом определенную идеалистическую и этическую основу, которая сохраняется и поныне, хотя, возможно, и не оказывает большого влияния на практическую деятельность. Благодаря этой основе и простой силе подражания совершенным образцам индо-ариям удавалось сохранять в целостности социальный строй и не раз восстанавливать его, когда он угрожал распасться на куски. Они добились поразительного расцвета цивилизации и культуры, которые, хотя и были достоянием главным образом верхних слоев общества, неизбежно распространялись в какой-то степени и на массы. Благодаря своей крайней терпимости по отношению к убеждениям и обычаям других, они избегали конфликтов, столь часто раздирающих общество, и, как

ДРЕВНИЕ ГОРОДА И ПАМЯТНИКИ.

Большая ступа в Санчи. 3 век до н. э.—1 век н. э.

правило, умели сохранять какое-то равновесие. Предоставив народу в широких рамках значительную свободу придерживаться избранного ими образа жизни, они выказали мудрость древнего и опытного народа. Все это были замечательные достижения.

Но этот же индивидуализм побудил их придавать мало значения социальному аспекту человека, долгу человека перед обществом. Жизнь каждого человека была размерена и раз и навсегда определена рядом повинностей и обязанностей в своей узкой сфере в рамках иерархической лестницы. У него не было понятия об обществе в целом или о долге по отношению к обществу, и не делалось никаких попыток заставить его проникнуться чувством солидарности с обществом. Возможно, что эта идея является продуктом современной эпохи и ее нельзя найти ни в одном древнем обществе. Поэтому неразумно искать ее и в древней Индии. Тем не менее в Индии упор на индивидуализм, на исключительность, на кастовую систему гораздо более очевиден. В последующие века индивидуализм и кастовость превратились в настоящую тюрьму для разума нашего народа — не только для особенно страдавших от этого низших каст, но также и для высших. На протяжении всей нашей истории это было фактором слабости, и, пожалуй, можно сказать, что наряду с ростом косности в кастовой системе росла и косность ума и убывала творческая энергия народа.

Обращает на себя внимание и другой любопытный факт. Крайняя терпимость к всевозможным верованиям и обычаям, ко всем суевериям и безрассудствам имела и свою вредную сторону, ибо увековечивала много вредных обычаев и мешала народу избавиться от бремени традиции, затруднявшей рост. Растущее жреческое сословие воспользовалось этим положением в своих выгодах и строило свою власть на суевериях масс. Это жреческое сословие, возможно, никогда не было столь могущественно, как в некоторых ответвлениях христианской церкви, потому что всегда находились духовные вожди, которые осуждали его деятельность, и потому еще, что имелось множество различных вероисповеданий, дававших возможность выбора. Однако сословие жрецов было достаточно сильно, чтобы держать в повиновении и эксплуатировать массы.

Итак, свобода мысли и ортодоксальность жили бок о бок, и из них выросли схоластицизм и пуританский ритуализм. При этом принято было взывать к авторитетам древних, но ничего не предпринималось, чтобы истолковать их истины в свете меняющихся условий. Творческие и духовные силы ослабевали, и от того, что было столь полно жизни и смысла, осталась одна пустая оболочка. Ауробиндо Гхош писал: «Если бы перенести в современную Индию древнего индийца периода Упанишад, Будды или более поздней классической эпохи... он увидел бы, как его народ цепляется за внешние формы, оболочку и

лохмотья прошлого, теряя девять десятых его благородного содержания... он был бы удивлен степенью умственного убожества, неподвижностью, статическим повторением, застоєм в науке, длительным бесплодием искусства и сравнительной слабостью творческой интуиции».

МАТЕРИАЛИЗМ

Одна из наших главных бед заключается в том, что мы утратили так много произведений древней литературы мира, созданной в Греции, Индии и других странах. Вероятно, это было неизбежно, поскольку первоначально эти книги писались на пальмовых листьях или на *бхурджанатре*, то есть тонких кусках берестяной коры, которые так легко ломаются, а позже — на бумаге. Каждое произведение имелось лишь в нескольких экземплярах, и если экземпляры терялись или уничтожались, исчезало и само произведение, и его можно проследить только по ссылкам или цитатам, приведенным в других книгах. Тем не менее сейчас уже выявлено и классифицировано около 50—60 тысяч рукописей на санскрите или его вариантах, и постоянно делаются новые находки. Многие стариндийские книги до сих пор вообще не найдены в Индии, а обнаружены их переводы на китайский или тибетский языки. Вероятно, организованные поиски старых рукописей в библиотеках религиозных учреждений, монастырей и частных лиц дали бы богатые результаты. Эти поиски и критическое изучение этих рукописей, а в тех случаях, когда это будет признано целесообразным, их опубликование и перевод относятся к числу многих задач, которые нам предстоит выполнить в Индии, когда нам удастся сбросить с себя оковы и действовать самостоятельно. Такое изучение непременно прольет свет на многие стадии индийской истории и особенно на социальную подоплеку исторических событий и меняющихся идей. Тот факт, что, несмотря на неоднократные потери и уничтожения и отсутствие каких-либо организованных попыток по обнаружению их, удалось найти свыше 50 тысяч рукописей, показывает, каким поразительно богатым должно было быть литературное, драматическое, философское и иное творчество древности. Многие обнаруженные рукописи еще ожидают тщательного изучения.

Среди утерянных книг — вся литература о материализме, возникшем вслед за периодом ранних Упанишад. Единственные найденные до сих пор ссылки на него содержатся в критике и в тщательных попытках опровергнуть материалистические теории. Не может быть, однако, сомнения в том, что материалистическая философия имела распространение в Индии на протяжении ряда веков и что в то время она оказывала сильное влияние на народ. В знаменитой книге Каутильи «Артхашастра», относящейся к 4 веку до н. э. и посвященной политической и

экономической организации общества, о материализме упоминается как об одной из основных философий Индии.

Поэтому нам приходится полагаться на критику и высказывания лиц, заинтересованных в опровержении этой философии и пытающихся высмеять ее и показать, насколько все это абсурдно. Это, конечно, неудобный путь выяснения того, что он собой представлял. Тем не менее само их стремление дискредитировать материализм показывает, какое огромное значение они ему придавали. Возможно, что значительная часть материалистической литературы в Индии была уничтожена в последующие периоды жрецами и другими последователями ортодоксальной религии.

Материалисты нападали на авторитет и на непогрешимость канонов в мышлении, религии и теологии. Они критиковали Веды, институт жрецов и традиционные верования и провозглашали, что убеждения должны быть свободными и не должны зависеть от предположений или попросту от авторитета прошлого. Они восставали против всех форм волшебства и суеверий. Во многих отношениях общий дух их теории подобен современному материалистическому подходу; они хотели избавиться от оков и бремени прошлого, от рассуждений по вопросам, не поддающимся восприятию, от поклонения воображаемым богам. Можно предположить существование лишь того, что поддается непосредственному восприятию; всякое другое умозаключение или предположение могут быть с равным успехом истинными или ложными. Стало быть, реально существуют лишь материя в ее различных формах и этот мир. Нет ни другого мира, ни рая или ада, ни души отдельно от тела. Разум, рассудок и все прочее возникли из основных элементов. Природные явления не согласуются с человеческими ценностями и безразличны к тому, что мы считаем хорошим или плохим. Моральные правила — всего лишь условности, придуманные людьми.

Все это нам знакомо; это кажется удивительно современным, а не относящимся к эпохе более чем двухтысячелетней давности. Как возникли эти идеи, сомнения и конфликты, этот бунт человеческого разума против традиционного авторитета? Мы недостаточно знаем социальные и политические условия того времени, но, по всей видимости, это была эпоха политических конфликтов и социальных беспорядков, которые вели к упадку веры, к глубоким интеллектуальным исследованиям и поискам какого-то выхода, удовлетворяющего разум. Новые пути и новые философские системы выросли именно на почве этого смятения духа и социальных неурядиц. Научная философия — не интуитивный подход Упанишад, а философия, основанная на тщательном исследовании и доводах, — начинает появляться во многих одеяниях — джайнистском, буддийском и в том, что, за неимением лучшего слова, можно назвать индусским. К этому же периоду относится возникновение эпоса и «Бхагавадгиты».

Точную хронологию этого периода установить трудно, так как идеи и теории переплетались и влияли друг на друга. Будда появился в 6 веке до н. э. Некоторые из этих явлений предшествовали ему, другие возникли позже, а многие появились во времена Будды.

Примерно ко времени возникновения буддизма Персидская империя достигла Инда. Это появление великой державы у самых границ Индии должно было оказать свое влияние на мышление народа. В 4 веке до н. э. произошло непродолжительное вторжение Александра Македонского в Северо-Западную Индию. Само по себе оно не представляло большого значения, но явилось предвестником далеко идущих изменений в Индии. Почти тотчас после смерти Александра Македонского Чандрагупта создал великую империю Маурьев. С исторической точки зрения это было первое сильное, обширное и централизованное государство в Индии. Предание упоминает о многих таких правителях и сюзеренах Индии, и в одном из произведений эпоса говорится о борьбе за сюзеренитет над Индией, причем, очевидно, имеется в виду Северная Индия. Но, по всей вероятности, древняя Индия, подобно древней Греции, была конгломератом небольших государств. Там существовало много племенных республик, часть которых охватывала обширные районы. Были также крошечные царства и, подобно Греции, города-государства с влиятельными купеческими гильдиями. Во времена Будды в Центральной и Северной Индии (включая Гандхару, или часть Афганистана) существовал ряд таких племенных республик и четыре главных царства. Независимо от формы организации, городские традиции и сельская автономия были очень сильны, и даже когда признавали кого-либо своим сюзереном, эта верховная власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь государства. Существовала своего рода примитивная демократия, хотя, как и в Греции, она ограничивалась, вероятно, высшими классами.

Древняя Индия и Греция, столь различные во многих отношениях, имеют в то же время так много общего, что можно предположить, что и условия жизни в них были весьма сходными. Пелопоннесскую войну, закончившуюся крахом афинской демократии, можно сравнить в некоторых отношениях с войной Махабхараты¹, великой войной древней Индии. Упадок эллинизма и свободного города-государства породил чувство сомнения и отчаяния, привел к поискам тайн и откровений, к снижению былых идеалов народа. Основное внимание с этого мира было перенесено на потусторонний. Позже возникли новые философские школы — стоическая и эпикурейская.

Строить исторические сравнения на скудных и порой противоречивых данных весьма опасно, и это может повести к

¹ Эпос об этой войне также называется «Махабхарата».

заблуждениям. Тем не менее это весьма соблазнительно. Период, наступивший в Индии после войны Махабхараты с его явно хаотической духовной атмосферой, напоминает послеэллинистический период истории Греции. Для этого периода характерны вульгаризация идеалов и поиски новых философий. Возможно, что и в Индии происходили аналогичные политические и экономические изменения, как, например, ослабление племенной республики и города-государства и тенденция к централизации государственной власти.

Но это сравнение заводит нас не очень далеко. Греция так и не оправилась от этих потрясений, хотя греческая цивилизация процветала еще несколько веков в районе Средиземного моря и оказала влияние на Рим и Европу. Индия же сумела полностью оправиться, и целое тысячелетие, начиная с периода создания эпических поэм, с времен Будды, было наполнено творческой энергией. В философии, литературе, драме, математике и искусстве появляется множество блестящих имен. В первые столетия христианской эры замечательная вспышка энергии приняла форму организации колонизационных предприятий, благодаря которым индийский народ и его культура проникли на отдаленные острова в восточных морях.

ЭПОС. ИСТОРИЯ, ЛЕГЕНДЫ И МИФ

Два великих произведения древнеиндийского эпоса — «Рамаяна» и «Махабхарата» — складывались, вероятно, на протяжении нескольких сотен лет, и даже впоследствии в них вносились дополнения. Они повествуют о ранней истории индо-ариев, о их завоеваниях и междоусобицах в период их экспансии и консолидации, но сами эти произведения написаны и собраны позднее. Я не знаю в какой-либо стране книг, оказавших столь длительное и глубокое влияние на умы масс, как эти два произведения. Созданные в глубокой древности, они все еще являются живой силой в жизни индийского народа. Он знакомится с ними не на санскрите, если не считать узкого круга интеллигентов, а в переводах и пересказах и теми бесчисленными способами, посредством которых распространяются предания и легенды, становясь неотъемлемой частью жизни народа.

Они представляют типично индийский метод удовлетворения всех людей различного культурного уровня — от высокообразованного интеллигента до простого неграмотного крестьянина. Они позволяют нам частично понять секрет, помогавший древним индийцам удерживать от распада пестрое, расчлененное во многих отношениях и разделенное на касты общество, улаживать свои разногласия и обеспечивать общность героической традиции и этических норм. Они обдуманно старались добиться единства взглядов среди народа — единства, которому суждено было сохраниться и отодвинуть на задний план все различия.

К самым ранним воспоминаниям моего детства относятся легенды из этих эпических произведений, рассказанные мне моей матерью и женщинами более старшего поколения в нашей семье, подобно тому как ребенку в Европе или Америке рассказывают сказки или повести о приключениях. Я находил в них как элемент сказок, так и элемент приключений. Кроме того, меня каждый год водили на народные представления, во время которых разыгрывались отрывки из «Рамаяны». Эти представления, происходившие под открытым небом, собирали огромные толпы людей, приходивших посмотреть и принять участие в шествиях. Представления были примитивны, но это не имело значения, так как все знали «Рамаяну» наизусть, и это было время народных гуляний.

Так индийская мифология и старые предания проникли в мое сознание и смешались с различными другими созданиями моей фантазии. Не думаю, чтобы я когда-либо слишком верил в правдоподобность этих рассказов, и я даже критиковал содержащийся в них элемент волшебного и сверхъестественного. Но они воздействовали на мое воображение с такой же силой, как сказки из «Тысячи и одной ночи» или из «Панчатантры», этой сокровищницы басен, из которой столь много почерпнули Западная Азия и Европа¹. По мере того как я подрастал, другие образы заполнили мое воображение: индийские и европейские сказки, рассказы из греческой мифологии, история Жанны д'Арк, сказка об Алисе в стране чудес и много рассказов об Акбаре и Бирбале, о Шерлоке Холмсе, короле Артуре и его рыцарях, о юной героине восстания в Индии в 1857 году Рани Джанси и сказания о рыцарстве и героизме раджпутов. Эти и многие другие истории создавали причудливую путаницу у меня в голове, но в основе всегда лежала индийская мифология, которую я впитал в раннем детстве.

Я сознавал, что если так было со мной, несмотря на разнообразные влияния, действовавшие на мой ум, то насколько же сильнее должны были влиять древняя мифология и предания на умы других, и особенно неграмотных масс нашего народа. Это — влияние благотворное как в культурном, так и в этиче-

¹ История бесчисленных переводов и пересказов «Панчатантры» на азиатских и европейских языках длинна, сложна и увлекательна. Первый известный перевод был сделан с санскрита на язык пехлеви в середине 6 века н. э. по заказу правителя Персии Хосрова Ануширвана. Вскоре после этого (около 570 года н. э.) появился сирийский перевод и позже арабский. В 11 веке появились новые переводы на сирийском, арабском и персидском языках. Последний из них приобрел известность как сказание о «Калиле и Димне». Благодаря этим переводам «Панчатантра» достигла Европы. В конце 11 века с сирийского был сделан перевод на греческий язык, а несколько позже — на древнееврейский. В 15 и 16 веках появился ряд переводов и пересказов на латинском, итальянском, испанском, немецком, шведском, датском, голландском, исландском, французском, английском, венгерском, турецком и ряде славянских языков. Таким образом сказания «Панчатантры» влились в азиатскую и европейскую литературу.

ском отношении, и я ни за что не хотел бы уничтожить или отбросить все то прекрасное и все те богатые символические образы, которые содержатся в этих сказаниях и аллегориях.

Индийская мифология не исчерпывается эпосом. Она восходит к ведическому периоду и предстает в санскритской литературе во множестве форм и образов. Поэты и драматурги всемерно используют ее в своих рассказах и прекрасных вымыслах. Говорят, что дерево Ашоки зацветает, когда к нему прикасается нога прекрасной женщины. Мы читаем о приключениях бога любви Камы, его жены Рати («Восторг») и их друга, бога весны Васанты. Полный отваги, Кама пускает свою увитую цветами стрелу в самого Шиву и обращается в пепел огнем, вспыхнувшим в третьем глазу Шивы. Но он остается жить как Ананга, бестелесный.

Большинство мифов и сказаний по своему замыслу — героические и учат правде и верности данному слову независимо от последствий, преданности до смерти и даже после нее, мужеству, добродетели и самопожертвованию во имя общего блага. Иногда такое сказание носит чисто мифологический характер, иногда это смесь фактов и мифов, преувеличенное описание какого-нибудь события, сохраненного преданием. Факты и вымысел переплетаются столь тесно, что становятся неразделимыми, и из этого сплава возникает вымышленная история, которая, возможно, не говорит нам точно о происшедшем, однако повествует нам кое о чем не менее важном — о событиях, в подлинность которых верил народ, о том, на что, по его мнению, были способны его героические предки, и о вдохновлявших его идеалах. Так в форме факта или вымысла эти сказания стали живым элементом в жизни народа, постоянно уводившим его от тяжелого труда и убожества повседневного существования в высшие сферы, неизменно зовя его на путь усилий и правильной жизни, хотя идеал и мог быть далеким и трудно достижимым.

Говорят, что Гете резко порицал тех, кто называл лживыми и поддельными сказания древних римлян о героизме Лукреции и других. Все лживое и поддельное в своей сущности, говорил он, может быть лишь нелепым и бесплодным и никогда — прекрасным и вдохновляющим; «если римляне были достаточно велики, чтобы изобрести подобные вещи, то мы, по меньшей мере, должны быть достаточно велики, чтобы поверить им».

Так эта вымышленная история, смешение фактов и вымысла, а иногда и чистый вымысел становится символически истинной и повествует нам о мыслях, чаяниях и целях людей той эпохи. Она истинна также в том смысле, что становится основой мышления и действия, основой будущей истории. В древней Индии вся концепция истории испытала на себе влияние умозрительных и этических тенденций философии и религии. Написанию хроники или фиксации событий придавалось мало значения. Людей того времени больше интересовало влияние общественных

событий и действий на поведение человека. Подобно грекам, они обладали богатым воображением и художественным чутьем и давали волю этому художественному чутью и воображению в отношении событий прошлого, стараясь извлечь из них какую-то мораль и какой-то урок для будущего поведения.

В отличие от греков, китайцев и арабов древние индийцы не были историками. Это весьма печально, так как затруднило нам установление дат или точной хронологии. События набегают одно на другое, переплетаются и создают страшную путаницу. Лишь постепенно современные ученые находят ключ к лабиринту индийской истории. Собственно говоря, единственной старинной исторической книгой можно считать «Раджатарангини» Калханы, историю Кашмира, написанную в 12 веке н.э. В остальном нам приходится обращаться в поисках случайных намсков к воображаемой истории в эпических произведениях и других книгах, к некоторым старым документам, к надписям, художественным и архитектурным памятникам, к монетам и к обширной санскритской литературе, а также, конечно, к записям иностранных путешественников, посетивших Индию, а именно греков и китайцев, а в более поздний период — арабов.

Это отсутствие исторического чувства не отразилось на массах, ибо, как и в других странах и даже в большей мере, чем в других странах, они черпали свои представления о прошлом из преданий, мифов и легенд, передававшихся из поколения в поколение. Эта воображаемая история, смесь фактов и легенд, приобрела широкую известность и дала народу прочную и постоянную культурную основу. Однако игнорирование истории имело и свои дурные последствия, которые мы все еще испытываем на себе. Оно породило расплывчатость взглядов, оторванность от реальной жизни, легкое верие и некоторую неповоротливость ума там, где дело касалось фактов. Этот ум отнюдь не был неповоротливым в гораздо более трудной, но неизбежно более расплывчатой и неопределенной сфере — в философии. Он был в одно и то же время аналитическим и синтетическим, часто весьма критическим и иногда скептическим. Но когда дело касалось фактов, он был некритичен, может быть потому, что не придавал большого значения фактам как таковым.

Влияние науки и современного мира привело к более внимательному отношению к фактам; появилась способность критиковать и взвешивать данные, не принимая на веру предания только потому, что это предания. Сейчас работает много компетентных историков, но они часто грешат в другом направлении, и их работа представляет собой скорее педантичное фиксирование фактов, чем живую историю. Но и сейчас мы удивительно быстро поддаемся влиянию преданий, причем даже высокообразованные люди теряют способность критически мыслить. Отчасти это, возможно, объясняется национализмом, который пожирает нас в нашем нынешнем подчиненном состоянии.

Только когда мы станем экономически и политически свободными, деятельность нашего разума будет нормальной и критической.

Совсем недавно мы наблюдали многозначительный и показательный пример этого столкновения между критическим воззрением и националистической верой в предания. На большей части территории Индии придерживаются календаря *викрам самват*. Он основан на солнечном времени, но месяцы являются лунными. В прошлом месяце, в апреле 1944 года, по этому календарю истекло 2000 лет и началось новое тысячелетие. Это было отмечено празднествами по всей Индии, и эти торжества были вполне оправданными — как потому, что это явилось важной вехой в исчислении времени, так и потому, что Викрам или Викрамадитья, с именем которого связывают календарь, издавна считается великим героем народных преданий. С его именем связывают бесчисленные легенды, и в средние века многие из них проникли в различных формах в ряд стран Азии, а затем и Европы.

Викрама издавна считают национальным героем, положительным идеалом правителя. О нем вспоминают как о владыке, изгнавшем иноземных захватчиков. Но его слава зиждется на литературном и культурном блеске его двора, где он собрал ряд наиболее прославленных писателей, художников и музыкантов, которых называли «девятью жемчужинами» его двора. В большинстве легенд рассказывается о его стремлении благодетельствовать свой народ и готовности пожертвовать по малейшему поводу собой и своими личными интересами ради блага других. Он прославился своим великодушием, служением другим, мужеством, отсутствием высокомерия. В сущности, его популярность объяснялась тем, что он был добрым человеком и покровителем искусств. В этих легендах мало говорится о том, что он был удачливым воином или завоевателем. Этот упор на доброту и готовность к самопожертвованию типичен для разума и идеалов индийца. Имя Викрамадитьи, подобно имени Цезаря, стало своего рода символом и титулом, и многие последующие правители присоединяли его к своим именам. Это усугубляло путаницу, так как в истории упоминается о многих Викрамадитьях.

Но кто же был этот Викрам и когда он жил? С точки зрения истории все это представляется весьма туманным. Около 57 года до н. э., когда должна была начаться эра *викрам самват*, нет следов, которые указывали бы на существование такого правителя. Однако в 4 веке н. э. в Северной Индии был некий Викрамадитья, который воевал против вторгшихся гуннов и изгнал их. Полагают, что именно он держал у себя при дворе «девять жемчужин» и что все легенды относятся к нему. Тогда возникает вопрос — какая связь существует между этим Викрамадитьей, жившим в 4 веке н. э., и летоисчислением,

начавшимся в 57 году до н. э.? Возможным объяснением является то, что летоисчисление, началом которого считается 57 год до н. э., было принято в государстве Малавов в Центральной Индии, и лишь много времени спустя после Викара это летоисчисление и календарь связали с ним и назвали по его имени. Но все это туманно и недостоверно.

Самым поразительным во всем этом являются старания высокообразованных индийцев подтасовать исторические факты, чтобы как-то связать легендарного героя Викара с летоисчислением, начавшимся 2000 лет назад. Интересно, что упор был сделан на его борьбу против иноземцев и стремление обеспечить единство Индии в едином национальном государстве. В действительности власть Викара распространялась лишь на Северную и Центральную Индию.

Влияние националистических побуждений и мнимонациональных интересов на изложение или изучение истории характерно не только для индийцев. Каждой нации и каждому народу, видимо, свойственно это желание позолотить и подправить прошлое и исказить его в свою пользу. Истории Индии, которые приходилось читать большинству из нас, написанные главным образом англичанами, представляют собой обычно пространные апологии и панегирики английскому владычеству и слабо завуалированное презрительное описание того, что произошло в нашей стране в предшествующие тысячелетия. Собственно говоря, настоящая история начинается для них с приходом в Индию англичан. Все, что было до того, представляет собой неким загадочным образом подготовку к осуществлению этого священного предначертания. Даже история периода английского владычества искажается с целью прославить правление и добродетели англичан. Очень медленно раскрывается более правильная картина. Но нам незачем обращаться к прошлому, чтобы найти примеры подтасовки истории во имя определенных целей и поддержания чьих-то домыслов и предвзятых суждений. Настоящее изобилует такого рода примерами, а если можно исказить настоящее, свидетелями и участниками которого мы сами являемся, то что же сказать о прошлом?

Верно, однако, что индийцы особенно склонны верить преданиям и преподносить их как историю, некритично и без достаточного изучения. Им придется отказаться от этого небрежного мышления и от поспешных выводов.

Но я уклонился в сторону от богов, богинь и тех дней, когда складывались мифы и легенды. Это была эпоха, когда жизнь была полной и гармонировала с природой, когда разум человека с восторгом и изумлением взирал на тайну вселенной, когда небо и земля казались очень близкими друг к другу, а боги и богини сходили на землю с Кайласы и из других убежищ в Гималаях, подобно богам Олимпа, чтобы развлекаться с мужчинами и женщинами, а иногда чтобы карать их. На почве этой полноты

жизни и богатого воображения выросли мифы и легенды о сильных и прекрасных богах и богинях, ибо древние индийцы, подобно грекам, любили красоту и жизнь. Профессор Гилберт Мэррей¹ рассказывает нам о совершенной красоте олимпийской системы. Это описание вполне приложимо и к ранним творениям индийского разума. «Это мечты, идеалы, аллегории художника; это символы чего-то, лежащего вне их самих. Это боги наполовину отвергнутых преданий, бессознательной игры воображения и устремлений. Это боги, к которым обуреваемые сомнениями философы могут обратиться со всей подобающей философу настороженностью, как к лучезарным и глубоким гипотезам. Это не те боги, в которых верят, как в несомненный факт». Столь же приложимы к Индии и следующие слова профессора Мэррея: «Подобно тому как самый прекрасный образ, изваянный человеком, был не богом, а лишь символом, который должен был помочь постичь бога, так и сам бог, когда он был постигнут, был не реальностью, а лишь символом, помогающим постичь реальность... В то же время они не создавали никаких верований, которые противоречили бы знаниям, никаких заповедей, которые заставили бы человека погрешить против своих внутренних убеждений».

Постепенно дни ведических и других богов и богинь отошли на задний план и их место заняла суровая и трудно доступная пониманию философия. Но их образы запечатлелись в умах народа, образы спутников в радости и друзей в горе, символы его собственных смутных идеалов и чаяний. А вокруг них поэты сложили свои вымыслы и построили замки своих мечтаний, полные богатых узоров и прекрасной фантастики. Многие из этих легенд и поэтических вымыслов были замечательно пересказаны Ф. У. Бейном в его сериях небольших книг, содержащих индийские мифы. В одном из них, носящем название «The Digit of the Moon», рассказывается о сотворении женщины. «Вначале, когда Тваштри (божественный творец) взялся за сотворение женщины, он обнаружил, что израсходовал все материалы на создание мужчины и что плотных материалов не осталось. Поразмыслив, он поступил так: взял округлость луны и изгибы ползучих растений, цепкость усиков вьюна и трепет листьев травы, гибкость тростника и прелесть цветка, легкость листьев и форму слоновьего хобота, взгляд лани и сплоченность пчелиного роя, веселую радость солнечных лучей, плач облаков и переменчивость ветра, робость зайца и тщеславие павлина, мягкость груди попугая и твердость алмаза, сладость меда и свирепость тигра, жар огня и холод снега, болтовню сойки и воркование голубя, вероломство журавля и верность дикой утки и, смешав все это, он сотворил женщину и дал ее мужчине».

¹ Gilbert Murray's, *Five Stages of Greek Religion*, p. 76 et seq. (Thinker's Library, Watts, London).

Время написания эпических произведений установить трудно. Они повествуют о тех далеких временах, когда арии еще расселялись и закреплялись в Индии. Очевидно, в их создании участвовало много авторов, которые вносили в них дополнения и в последующие периоды. «Рамаяна» представляет собой эпическую поэму, отличающуюся определенным единством стиля. «Махабхарата» — огромное, пестрое собрание древних сказаний. Обе сложились, повидимому, в добуддийский период, хотя дополнения, несомненно, были внесены позже.

Французский историк Мишле писал в 1864 году о «Рамаяне»: «Тот, кто слишком много действовал или желал, пусть припадет и пьет из этой глубокой чаши жизни и молодости... На Западе все мелко. Греция мала, и я задыхаюсь; Иудея суха, и я изнываю. Дайте мне бросить взгляд на величественную Азию и мудрый Восток. Там находится моя великая поэма, столь же обширная, как Индийский океан, благословенная, позлащенная солнцем, — книга божественной гармонии, в которой нет диссонансов. Там царит безмятежный мир и, в разгар конфликта, бесконечное благодушие, безграничное братство, которое охватывает все живое; там океан (бездонный и беспредельный) любви, сострадания, милосердия».

Как бы велика и любима народом ни была «Рамаяна» как эпическая поэма, именно «Махабхарата» является одной из величайших книг мира. Это колоссальный труд, энциклопедия преданий, легенд, политических и социальных институтов древней Индии. На протяжении десятилетия или больше множество компетентных индийских ученых занималось ее критическим изучением и сопоставлением различных обнаруженных текстов с целью опубликовать снабженное комментариями издание. Они выпустили в свет некоторые части поэмы, но работа еще не закончена и продолжается в настоящее время. Интересно отметить, что даже в дни этой ужасной войны, охватившей весь мир, русские востоковеды выпустили в свет русский перевод «Махабхараты».

Вероятно, это был период, когда в Индию проникали иноземные племена, приносившие с собой свои обычаи. Многие из этих обычаев отличались от обычаев ариев, и в связи с этим наблюдается любопытное смешение противоречивых идей и обычаев. Арии не знали полиандрии, и однако одна из ведущих героинь «Махабхараты» является общей женой пяти братьев. Постепенно происходило поглощение коренных жителей и пришельцев и соответственно менялась и ведическая религия. Она начала принимать всеобъемлющую форму, которая породила, в конечном счете, современный индуизм. Это стало возможным, ибо в основе ее, видимо, лежало убеждение, что монополии на истину не существует и что есть много способов видеть

истину и приближаться к ней. Таким образом проявлялась терпимость ко всем видам различных и даже противоречивых убеждений.

В «Махабхарате» делается весьма определенная попытка подчеркнуть единство Индии — или Бхаратварши, как ее называли по легендарному прародителю расы — Бхарату. Более ранним названием Индии было Ариаварта, земля ариев, но оно обозначало лишь Северную Индию до гор Виндхия в Центральной Индии. Вероятно, в тот период арии не продвинулись дальше этого горного хребта. «Рамаяна» повествует об экспансии ариев на юг. Великая междоусобная война, описанная в «Махабхарате», происходила, согласно приблизительным предположениям, примерно в 19 веке до н. э. Эта война велась за господство над Индией (или, возможно, над Северной Индией), и она знаменует зарождение понятия об Индии как о едином целом, Бхаратварше. В это понятие включалась значительная часть современного Афганистана, называвшаяся тогда Гандхара (отсюда ведет свое название город Кандагар) и считавшаяся неотъемлемой частью страны. Супруга верховного правителя звалась Гандхари, то есть госпожа из Гандхары. Столицей Индии становился Дили или Дели, но не современный Дели, а древние города, расположенные близ его настоящего местоположения и именовавшиеся Хастинапура и Индрапрастха.

Сестра Ниведита (Маргарет Нобл) указывала в своей книге о «Махабхарате»: «Иностранного читателя... сразу же поражают две особенности: во-первых, ее единство в сложности и, во-вторых, ее постоянные усилия внушить слушателям идею единой централизованной Индии с собственной героической традицией в качестве образующего и объединяющего импульса»¹.

«Махабхарата» содержит легенды о Кришне и знаменитую поэму «Бхагавадгиту». Независимо от философского содержания «Гиты» в ней уделяется большое внимание этическим и моральным принципам управления государством и жизни вообще. Без этого основания, дхармы, нет истинного счастья и общество не может существовать. Целью является общественное благо, благо не одной какой-либо группы, а всего мира в целом, ибо «весь мир смертных представляет собой цельный организм». Однако сама дхарма относительна и зависит от времени и преобладающих в данное время принципов, помимо таких основных принципов, как верность истине, ненасилие и т. д. Эти принципы остаются неизменными и не меняются, но в остальном дхарма — это соединение обязанностей и долга — меняется с изменением эпохи. Интересен тот упор на ненасилие, который делается здесь и в других произведениях, так как, повидимому, между

¹ Я заимствовал эту цитату из книги Sir S. Radhakrishnan «Indian Philosophy». Я в долгу у Радхакришнана и за другие цитаты и многое другое в этой и последующих главах.

ним и борьбой за правое дело не усматривается никаких противоречий. Весь эпос строится вокруг великой войны. Очевидно, понятие об *ахимсе*, то есть ненасилии, тесно связано с мотивом действия; оно имеет в виду отсутствие агрессивных намерений, самодисциплину и обуздание гнева и ненависти, а не физическое воздержание от насильственных действий, когда они становились необходимыми и неизбежными.

«Махабхарата» — богатейшая сокровищница, в которой мы можем обнаружить всевозможные драгоценности. Она полна богатой, бьющей ключом жизни, крайне далекой от того аспекта индийского мышления, в котором подчеркивались аскетизм и самоотречение. Это не только книга моральных заповедей, хотя в ней много места отведено этике и морали. Мораль «Махабхараты» выражена во фразе: «не делай другим того, что было бы неприятно тебе». Упор делается на общественное благо, что весьма примечательно, ибо принято считать, что ум индийца больше занят личным совершенствованием, чем общественным благом. В ней говорится: «Никогда не делай того, что не содействует общественному благу или чего ты, возможно, будешь стыдиться».

И далее: «Истина, самообладание, аскетизм, великодушие, ненасилие, постоянство в добродетели — вот средства достижения успеха, а не каста или род». «Добродетель лучше бессмертия и жизни». «Истинная радость связана со страданием». Там есть и насмешка над стяжателем: «Богатство убивает шелковичного червя». И, наконец, изречение, столь типичное для жизнедеятельного и развивающегося народа: «Недовольство есть стимул к прогрессу».

«Махабхарата» содержит в себе политеизм Вед, монизм Упанишад, а также деизм, дуализм и монотеизм. В ней все еще отражается творческое и более или менее рационалистическое мировоззрение, а чувство обособленности пока ограничено. Каста не является застывшей: чувство уверенности еще не утрачено, но по мере того как вторжение внешних сил стало угрожать стабильности старого порядка, эта уверенность несколько ослабела и возникла потребность в большей сплоченности в целях обеспечения внутреннего единства и силы. Появились новые запреты. Допускавшееся прежде потребление говядины позднее категорически запрещается. В «Махабхарате» есть упоминание об угощении почетных гостей говядиной и телятиной.

«БХАГАВАДГИТА»

«Бхагавадгита» является частью «Махабхараты», одним из эпизодов обширной драмы. Но она стоит особняком и представляет собой законченное произведение. Эта сравнительно небольшая поэма в 700 строф — «самая прекрасная, возможно единственная, подлинно философская песнь, существующая на

каком-либо известном нам языке», — так охарактеризовал ее Вильгельм фон Гумбольдт. Ее популярность и влияние не уменьшились со времени ее создания в добуддийскую эпоху, и сейчас в Индии ее притягательная сила так же велика, как и прежде. Все школы мышления и философии обращаются к ней и толкуют ее каждая по-своему. В период кризиса, когда разум человека мучат сомнения и терзают противоречивые обязанности, он все более обращается к «Гите» в поисках света и руководства, ибо это — поэма, созданная в эпоху политического и социального кризиса и, более того, кризиса человеческого духа. В прошлом к «Гите» было написано бесчисленное количество комментариев; они продолжают неизменно появляться и сейчас. О ней писали даже современные властители дум и действия — Тилак, Ауробиндо Гхош, Ганди, — причем каждый давал ей свое толкование. Ганди основывает на ней свою незыблемую веру в ненасилие; другие оправдывают с ее помощью насилие и борьбу во имя правого дела.

Поэма начинается с беседы Арджуны и Кришны на поле боя перед началом великой войны. Арджуна смущен; его совесть возмущается при мысли о войне и связанных с ней массовых убийствах, убийствах друзей и сородичей. Для какой цели? Какая мыслимая выгода может перевесить эту потерю, этот грех? Все его старые представления изменяют ему, идеалы рушатся. Арджуна становится символом терзаемого человеческого духа, который извечно раздирают противоречивые обязанности и этические принципы. От этой беседы Арджуны и Кришны поэма шаг за шагом уводит нас в более высокие и абстрактные сферы личного долга и общественного поведения, применения этики к жизни человека, духовных воззрений, которые должны направлять всех людей. Здесь много метафизического и делается попытка примирить и согласовать три пути человеческого прогресса: путь интеллекта, или знания, путь действия и путь веры. Вероятно, наибольший упор делается на веру, и появляется даже личный бог, следящий за судьбой каждой личности. «Гита» касается главным образом духовной основы человеческого существования, и именно в этом контексте предстают практические проблемы повседневной жизни. Это призыв к действию, для того чтобы выполнить обязанности и долг, налагаемые жизнью, всегда имея, однако, в виду духовную основу и более широкую цель вселенной. Бездействие осуждается, а действие и жизнь должны соответствовать высшим идеалам эпохи, ибо сами эти идеалы могут меняться от одной эпохи к другой. Следует всегда иметь в виду *юга-дхарму*, то есть идеал данной конкретной эпохи.

Поскольку для современной Индии весьма характерно чувство глубокого разочарования и она пострадала от излишнего квиетизма, этот призыв к действию обладает особой притягательной силой. Это действие можно также истолковать с современных позиций как действие в интересах улучшения социальных

условий и практического, бескорыстного, патриотического и благородного служения обществу. Согласно «Гите», такое действие желательно, но в нем должен содержаться духовный идеал. Кроме того, действие должно совершаться в духе отрешенности и не следует особенно беспокоиться о его результатах. Закон причины и следствия сохраняет свою силу при всех обстоятельствах, поэтому правильное действие должно неизбежно дать правильные результаты, хотя они, возможно, и не скажутся сразу.

Сказание «Гиты» не является сектантским по своему содержанию и не адресуется какой-либо одной школе мышления. Она универсальна в своем подходе ко всем: и к брахману и к парии. «Все пути ведут ко Мне»,— гласит она. Именно в силу этой универсальности она пользуется успехом у всех классов и школ. В ней есть нечто нестареющее и способное постоянно обновляться — некое внутреннее качество, состоящее в способности к серьезному исследованию и исканиям, к созерцанию и действию, устойчивости и равновесию, несмотря на конфликты и противоречия. Во всем этом имеется какая-то уравновешенность и единство среди неравенства, и вся она проникнута духом превосходства над меняющимся окружением, но не уходит от него, а приспосабливается к нему. В течение 2500 лет, истекших со времени ее написания, природа индийца неоднократно подвергалась процессам изменения, развития и упадка. Опыт сменялся опытом, мысль следовала за мыслью, но она всегда находила в «Гите» что-то живое, что-то отвечавшее развитию мышления, что-то свежее и применимое к тем духовным проблемам, над разрешением которых бьется разум.

ЖИЗНЬ И ТРУД В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Ученые и философы проделали немалую работу для того, чтобы проследить развитие философского и метафизического мышления в древней Индии. Много было сделано и для составления хронологии исторических событий и, в общих чертах, политических карт той эпохи. Но до сих пор мало сделано для того, чтобы исследовать социальные и экономические условия тех дней, выяснить, как жили и трудились эти люди, что они производили, как и в каких направлениях велась их торговля. Сейчас этим важным вопросам уделяется большое внимание, и уже вышло в свет несколько трудов индийских ученых и одна работа американского ученого. Но остается сделать еще очень много. Сама «Махабхарата» представляет собой сокровищницу социологических и других данных о жизни древней Индии, и многие другие книги дадут, несомненно, полезные сведения. Но изучать их нужно критически. Одной из бесценных в этом отношении книг является «Артхашастра» Каутильи, написанная в 4 веке до н. э., где приводятся подробные данные о поли-

тической, социальной, экономической и военной организации империи Маурьев.

Более раннее описание, уводящее нас к добуддийскому периоду в Индии, содержится в сборнике Джатак. Свою нынешнюю форму эти Джатаки получили уже после Будды. Джатаки, которые, как полагают, рассказывают о прежних воплощениях Будды, стали важной частью буддийской литературы. Но сами рассказы относятся, очевидно, к значительно более раннему периоду. Они повествуют о добуддийском периоде и дают нам много ценных сведений о жизни в Индии в те времена. Профессор Рис Дэвидс охарактеризовала их как самые древние, самые полные и самые значительные из всех известных сборников фольклора. Джатаки являются источниками и многих позднейших сборников басен и рассказов, написанных в Индии и проникших в Западную Азию и Европу.

Джатаки относятся к периоду, когда происходило окончательное слияние двух главных рас Индии — дравидов и ариев. Они рассказывают о «многообразном и хаотическом обществе, которое довольно трудно поддается классификации и в отношении которого не может быть и речи о наличии в ту эпоху организации по кастовому принципу»¹. Можно сказать, что Джатаки представляют народные сказания в отличие от жреческих, или брахманских, сказаний и сказаний кшатриев, или правящего класса.

Имеются хронологии и генеалогии различных государств и их правителей. Титул правителя, первоначально присваивавшийся, становится наследственным в соответствии с правом первородства. Женщины лишены права престолонаследия, но имеются исключения. Как и в Китае, правитель считается ответственным за все бедствия. Если что-нибудь неладно, вина ложится на правителя. Существовал совет министров, и встречаются также упоминания о какого-то рода государственном собрании. Тем не менее правитель был самодержавным монархом, хотя ему и приходилось действовать в установленных рамках. Верховный жрец занимал видное положение при дворе как советник и лицо, ведавшее религиозными церемониями. Имеются упоминания о народных восстаниях против несправедливых и деспотичных правителей, которые иногда платили жизнью за свои преступления.

Сельские собрания пользовались некоторой степенью автономии. Главным источником доходов была земля. Поземельный налог представлял собой, повидимому, долю урожая, причитавшуюся правителю, и обычно, хотя и не всегда, уплачивался натурой. Вероятно, этот налог составлял одну шестую часть

¹ Richard Fick, *The Social Organization in North-East India in Buddha's Time* (Calcutta, 1920), p. 286.

Более новой книгой, основанной главным образом на Джатаках, является книга Ratilal Mehta «Pre-Buddhist India» (Bombay, 1939). Большинство приводимых здесь фактов я заимствовал из этой последней книги.

продукции. Это была по преимуществу сельскохозяйственная цивилизация, и основной административной единицей была самоуправляющаяся деревня. В основе политической и экономической структуры лежали сельские общины, объединявшиеся в десятки и сотни. Широкое применение получили садоводство, разведение скота и молочное хозяйство. В стране было много садов и парков, а фрукты и цветы пользовались большим спросом. Упоминаются названия многих цветов. К числу излюбленных фруктов относились плоды манго, фиги, виноград, пизанг и финики. В городах было, очевидно, много лавок зеленщиков и торговцев фруктами и цветами. Индийский народ, как и в наши дни, питал пристрастие к цветочным гирляндам.

Распространенным занятием была охота — главным образом как источник получения продуктов питания. Широко употреблялись в пищу мясо, птица и рыба. Высоко ценилась оленина. Существовали бойни, и был развит рыбный промысел. Однако главными продуктами питания были рис, пшеница, просо и кукуруза. Сахар добывался из сахарного тростника. Молоко и молочные продукты высоко ценились, как и в наши дни. Имелись винные лавки, и вино перегонялось, вероятно, из риса, фруктов и сахарного тростника.

Осуществлялась добыча металлов и драгоценных камней. В числе металлов упоминаются золото, серебро, медь, железо, свинец, олово и бронза. Среди драгоценных камней были алмазы, рубины, кораллы; был также и жемчуг. Имеются упоминания о золотых, серебряных и медных монетах. Существовали торговые общества, и практиковалось предоставление ссуд под проценты.

Среди производившихся товаров были шелк, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, одеяла и ковры. Процветали и получили широкое распространение прядильное, ткацкое и красильное производство. Оружейники производили оружие. Строители применяли камень, дерево и кирпич. Плотники выделывали различную мебель и другие изделия, включая телеги, колесницы, суда, кровати, стулья, скамьи, шахматы, игрушки и т. д. Плетельщики плели из тростника циновки, корзины, веера и зонты. В каждой деревне работали горшечники. Из цветов и сандалового дерева добывался ряд благовоний, масел и других продуктов парфюмерии, включая сандаловую пудру. Изготавливались также различные лекарства и снадобья, а тела покойников иногда подвергались бальзамированию.

Помимо перечисленных различного рода мастеров и ремесленников, упоминается также ряд других профессий: учителя, врачи и хирурги, купцы и торговцы, музыканты, астрологи, зеленщики, актеры, танцоры, бродячие жонглеры, акробаты, владельцы кукольных театров, разносчики.

Домашнее рабство было, повидимому, довольно распространенным явлением, но сельскохозяйственные и другие работы

выполнялись силами наемных рабочих. Было даже некоторое количество неприкасаемых — так называемые *чандала*, — главным занятием которых была уборка трупов.

Известное значение к тому времени приобрели торговые общества и ремесленные гильдии. «Появление торговых обществ, — пишет Фик, — возникавших отчасти в силу экономических причин, в интересах лучшего помещения капитала и содействия торговым связям, а отчасти для защиты законных интересов своего класса, несомненно, относится к раннему периоду индийской культуры». В Джатаках говорится о существовании восемнадцати ремесленных союзов, но фактически упоминаются только четыре: деревообделочники и каменщики, кузнецы, кожевники и маляры.

Упоминания о торговых и ремесленных организациях содержатся даже в эпических поэмах. В «Махабхарате» говорится: «Охраной корпораций (гильдий) является союз». Говорится также, что «купеческие гильдии пользовались такой властью, что правителю не разрешалось вводить никаких законов, не угодных этим торговым союзам. Главы гильдий упоминаются сразу вслед за жрецами, и им уделялось серьезное внимание со стороны правителя»¹. Старшина купцов *шреши* (современное «сетх») пользовался весьма значительным авторитетом.

Джатаки свидетельствуют о существовании одного довольно необычного явления, а именно — создания специальных поселений или деревень для людей, занимавшихся определенным ремеслом. Так, например, существовала деревня плотников, состоявшая, как указывается, из тысячи семейств, деревня кузнецов и т. д. Эти специализированные деревни располагались обычно неподалеку от города, который поглощал их продукцию, в свою очередь снабжая их различными предметами первой необходимости. Вся деревня работала, повидимому, на кооперативных началах и выполняла большие заказы. Вполне вероятно, что из этой обособленной жизни и организации и развилась кастовая система. Примеру брахманов и знати последовали мало-помалу ремесленные корпорации и купеческие гильдии.

Большие дороги с постоянными дворами, а кое-где и с больницами для путников покрывали Северную Индию и связывали отдаленные части страны. Торговля процветала не только в самой стране, но и между Индией и иностранными государствами. Около 5 века до н. э. в Мемфисе (Египет) существовала колония индийских купцов, о чем свидетельствуют найденные там лепные бюсты индийцев. Индия вела, вероятно, торговлю и с островами Юго-Восточной Азии. Для морской торговли нужен был торговый флот, и ясно, что в Индии строились суда как для внутренних водных путей, так и для дальних плаваний.

¹ Prof. E. Washburn Hopkins, Cambridge History of India, Vol. I, p. 269.

В эпосе упоминается о том, что «прибывавшие издалека купцы» платили судовые пошлины.

Джатаки изобилуют упоминаниями о путешествиях купцов. Купеческие караваны направлялись на запад через пустыни к морскому порту Броч и на север в Гандхару и Среднюю Азию. Из Броча суда шли к Персидскому заливу и в Вавилон (Баверу). Оживленное движение шло по рекам, и, согласно Джатакам, суда направлялись из Бенареса, Патны, Чампы (Бхагалпура) и других мест к морю и затем в южные порты, а также на Цейлон и в Малайю. В старых тамильских поэмах рассказывается о богатом порте Каверипаттинаме на реке Кавери в Южной Индии, который был центром международной торговли. Эти суда были, должно быть, довольно вместительны, так как в Джатаках сказано, что на одно из таких судов сели «сотни» купцов и эмигрантов.

В «Милинде» (это произведение относится к 1 веку н. э.; Милинда — греко-бактрийский царь Северной Индии, ставший пламенным последователем буддизма) говорится: «Ибо судовладелец, разбогатевший благодаря взиманию платы за фрахт в каком-нибудь морском порту, сможет пересечь открытое море и отправиться в Вангу (Бенгалию), Такколу, Китай, Севиру, Сурат, Александрию, к Коромандельскому берегу, в Дальнюю Индию или в любое другое место, где собираются суда»¹.

Индия вывозила «шелка, муслин, тонкую шерсть, ножевые изделия и доспехи, парчу, вышивки и ковры, благовония и лекарства, слоновую кость и изделия из нее, драгоценности и золото (изредка — серебро). Это были главные предметы торговли, которую вели купцы»².

Индия, или, вернее, Северная Индия, славилась своим оружием, особенно качеством своей стали, своими мечами и кинжалами. В 5 веке до н. э. большой отряд индийских войск, состоявший из кавалерии и пехоты, сопровождал персидскую армию в Грецию. В знаменитой персидской эпической поэме «Шахнамэ» Фирдоуси говорится, что, когда Александр вторгся в Персию, персы спешно послали в Индию за мечами и другим оружием. До появления ислама арабы называли меч «муханнад», что означает «из Хинда» или «индийский». Это слово до сих пор употребляется в разговорном языке.

Древняя Индия добилась, очевидно, больших успехов в обработке железа. Близ Дели высится огромная железная колонна, ставящая в тупик современных ученых, которые не могут определить способ ее изготовления, предохранивший железо от окисления и других атмосферных влияний. Надпись на колонне сделана письмом времен Гупта, которое было в употреблении

¹ Цитата приведена С. А. F. Rhys Davids в книге «Cambridge History of India», Vol. I, p. 212.

² Rhys Davids, *Buddhist India*, p. 98.

с 4 по 6 век н. э. Однако, по мнению некоторых ученых, сама колонна гораздо старше, а эта надпись добавлена позже.

Вторжение Александра в Индию в 4 веке до н. э. было, с военной точки зрения, незначительной операцией. Это был скорее рейд через границу и притом рейд не очень успешный. Александр натолкнулся на такое стойкое сопротивление со стороны вождя одного из пограничных племен, что ему пришлось отказаться от своего намерения продвинуться вглубь Индии. Если вождь небольшого племени мог оказать такое сопротивление, то чего же надо было ожидать от более обширных и могущественных царств, расположенных дальше к югу? Это, вероятно, и послужило главной причиной того, что его армия отказалась идти дальше и настояла на возвращении.

Насколько значительной была военная мощь Индии, стало очевидным вскоре же после возвращения Александра и его смерти, когда Селевк попытался предпринять новое вторжение. Он был разбит и отброшен Чандрагуптой. У индийских армий было тогда одно преимущество, которого не имели другие. Это преимущество состояло в обладании обученными боевыми слонами, которых можно сравнить с современными танками. Селевк Никатор приобрел в Индии 500 таких боевых слонов для похода против Антигона в Малой Азии в 302 году до н. э., и, по словам военных историков, эти слоны сыграли решающую роль в сражении, которое закончилось смертью Антигона и бегством его сына Деметрия.

Существуют книги об обучении слонов, о коневодстве и т. п. Каждая из таких книг называется *шастра*. Это слово приобрело значение «писания» или «священного писания», но оно применялось по отношению ко всякого рода знаниям и наукам, от математики до танцев. В сущности, четкой линии, которая отделяла бы религиозные знания от светских, не было. Они переплетались между собой, и предметом исследования служило все, что казалось полезным для жизни.

Возникновение письменности в Индии относится к очень древнему периоду. На древней керамике, относящейся к эпохе неолита, имеются надписи письмом брахми. Надписи, обнаруженные в Мохенджо-Даро, до сих пор не расшифрованы полностью. Надписи на брахми, открытые на всей территории Индии, несомненно, представляют собой основное письмо, из которого возникли деванагари и другие индийские письмена. Некоторые из надписей Ашоки написаны буквами брахми; другие, на северо-западе, — письменами кхарошти.

Еще в 6 или 7 веке до н. э. Панини написал свою большую грамматику санскритского языка¹. Он упоминает о более ранних

¹ Кит и некоторые другие относят время жизни Панини примерно к 300 году до н. э., но большинство специалистов склоняется к мнению, что Панини жил и писал в добуддийский период.

грамматиках, так как в его время санскритский язык сложился и стал языком непрерывно растущей литературы. Книга Панини представляет собой нечто большее, чем простая грамматика. Советский ленинградский профессор Ф. Щербатской назвал ее «одним из величайших творений человеческого разума». Панини до сих пор остается признанным авторитетом в области санскритской грамматики, хотя последующие ученые дополняли ее и давали свои толкования. Интересно отметить, что Панини упоминает о греческих письменах. Это свидетельствует о том, что какие-то связи между Индией и греками существовали задолго до появления Александра на Востоке.

Особенное развитие получила астрономия, которая часто сливалась с астрологией. Имелись медицинские книги и больницы. Легендарным основоположником индийской медицины считается Дханвантари. Однако наиболее известные древние руководства относятся к первым векам христианской эры. Это труды Чарака о терапии и Сушруты о хирургии. Предполагается, что Чарак был придворным врачом царя Канишки, столица которого находилась на северо-западе. В этих руководствах перечисляется большое количество болезней и приводятся методы определения болезней и их лечения. В них говорится о хирургии, акушерстве, купаниях, диете, гигиене, кормлении детей и медицинском образовании. Метод обучения был экспериментальный, и в ходе обучения хирургии применялось вскрытие трупов. Сушрута упоминает о множестве хирургических инструментов и операций, включая ампутацию конечностей, операцию брюшной полости, кесарево сечение, удаление катаракты и т. п. Раны стерилизовались посредством окуривания. В 3 или 4 веке до н. э. имелись также лечебницы для животных. Здесь, вероятно, сказалось влияние буддизма и джайнизма с его проповедью ненасилия.

Ряд открытий исторической важности был сделан древними индийцами в области математики. В частности, они ввели употребление нуля, изобрели десятичную систему счисления, ввели знак минуса, применили буквы алфавита в алгебре для обозначения неизвестных величин. Даты этих открытий трудно установить, так как между открытием и его практическим применением всегда имеется большой разрыв во времени. Но совершенно ясно, что начатки арифметики, алгебры и геометрии были заложены в древнейший период. Число «десять» было положено в основу счисления в Индии еще в эпоху «Ригведы». У древних индийцев было необычайно развито чувство времени и чисел. Они имели длинный ряд названий для очень больших чисел. У греков, римлян, персов и арабов, очевидно, не было терминов для обозначения чисел свыше тысячи или, самое большое, мириад ($10^4 = 10\,000$). В Индии же имелось 18 специальных наименований (10^{13}) и встречались даже более длинные перечни. В сказании о раннем периоде

учения Будды говорится, что он ввел наименования для чисел до 10^{50} .

С другой стороны, применяется мельчайшее деление времени, наименьшая единица которого составляла примерно одну семнадцатую секунды, а наименьшая линейная мера представляла нечто близкое к $1,37 \times 7^{-10}$ дюйма. Правда, все эти большие и малые величины были, несомненно, только теоретическими и использовались в философских целях. Тем не менее, в отличие от других древних народов, древние индийцы имели широкое понятие о времени и пространстве. Они мыслили широкими масштабами. Даже их мифология имеет дело с периодами в сотни миллионов лет. Огромные периоды, которыми оперирует современная геология, или астрономические расстояния до звезд не поразили бы их. Именно поэтому дарвиновская и другие аналогичные теории не могли вызвать в Индии того смятения и внутреннего конфликта, которые они породили в Европе в середине 19 века. Сознание европейских народов привыкло к историческим периодам, не превышающим несколько тысячелетий.

В «Артхашастре» приводятся единицы мер и весов, которые были в ходу в Северной Индии в 4 веке до н. э. На рынках осуществлялось тщательное наблюдение за весами.

В эпический период встречаются частые упоминания о лесных университетах, расположенных неподалеку от города, в которых учащиеся собирались вокруг известных ученых, чтобы получить подготовку и образование по различным предметам, в том числе и военную подготовку. Предпочтение, которое отдавалось этим лесным университетам, объяснялось желанием избежать соблазнов городской жизни и дать учащимся возможность вести дисциплинированную и целомудренную жизнь. После нескольких лет такого обучения они возвращались обратно и жили жизнью семьянина и гражданина. Вероятно, в этих лесных школах обучались небольшие группы, хотя имеются указания, что известные учителя привлекали большое число учеников.

Бенарес всегда был центром просвещения, и даже во времена Будды он пользовался известностью как древний центр просвещения. В Оленьем парке близ Бенареса Будда произнес свою первую проповедь. Однако Бенарес, видимо, никогда не был чем-либо похожим на университет, подобно тем университетам, которые существовали тогда и позже в других частях Индии. Там было множество групп, состоявших из учителя и его учеников, и часто между соперничавшими группами велись яростные диспуты и споры.

Однако на северо-западе, близ современного Пешавара, в Такшашиле или Таксиле, находился древний знаменитый университет. Он особенно прославился в области науки, главным образом медицины и искусств, и туда стекались люди

из отдаленных районов Индии. В Джатаках нередко рассказывается о том, как сыновья знати и брахманы отправлялись без всякого сопровождения и вооружения в Таксилу, чтобы получить там образование. Вероятно, туда прибывали также учащиеся и из Средней Азии и Афганистана, чему способствовало его удобное расположение. Окончить Таксилу считалось весьма почетным. Врачи, учившиеся на медицинском факультете, пользовались большой известностью, и рассказывают, что всякий раз, когда Будда чувствовал себя нездоровым, его последователи приводили к нему знаменитого врача, окончившего Таксилу. Там же учился и великий грамматик 6—7 веков до н. э. Панини.

Таким образом, Таксила был добуддийским университетом и центром брахманской науки. В буддийский период он стал также центром буддийской учености и привлекал учащихся-буддистов из всех уголков Индии и из-за границы. Это был центр Северо-западной провинции государства Маурьев.

Юридическое положение женщин было, как сообщает древнейший толкователь законов Ману, определенно плохое. Они всю жизнь зависели от кого-либо: от отца, мужа или сына. Закон почти приравнивал женщин к движимому имуществу. Тем не менее, судя по многочисленным историям в эпических поэмах, этот закон применялся не очень строго, и женщины занимали почетное место в семье и обществе. Сам древний законодатель Ману говорит: «Боги обитают там, где чтут женщину». Мы не встречаем упоминаний о женщинах-учащихся в Таксиле или других древних университетах, но некоторые из них, несомненно, где-то учились, так как неоднократно попадают упоминания об ученых женщинах. В более поздние эпохи также был ряд видных ученых-женщин. Каким бы плохим ни было, с точки зрения современных норм, юридическое положение женщины в древней Индии, оно было гораздо лучше, чем их положение в древней Греции и Риме в период раннего христианства, в каноническом праве средневековой Европы и вплоть до сравнительно современной эпохи — до начала 19 столетия.

Толкователи законов, начиная с Ману, упоминают о различных формах деловых объединений. Ману говорит главным образом о жречестве; Яджнавалкья включает также торговлю и земледелие. Более поздний автор Нарада заявляет: «Убытки, расходы и прибыль каждого компаньона равны, больше или меньше убытков, расходов и прибыли других компаньонов в зависимости от того, является ли его доля [вложенная] равной, большей или меньшей. Хранение, питание, сборы [пошлины], убытки, стоимость перевозки, расходы по содержанию должны оплачиваться каждым компаньоном в соответствии с условиями соглашения».

Ману представлял себе государство, очевидно, как небольшое царство. Эта концепция, однако, расширялась и менялась и

привела в 4 веке к образованию обширной империи Маурьев и международным связям с греческим миром.

Греческий посол в Индии в 4 веке до н. э. Мегасфен полностью отрицает существование рабства в Индии. Однако в этом он заблуждался, так как в Индии были, несомненно, домашние рабы, и в индийских книгах того времени имеются ссылки на улучшение участи рабов. Ясно, однако, что не имело места ни широко распространенное рабство, ни практика использования партий рабов на работах, как это было принято во многих странах. Это, возможно, и побудило Мегасфена сделать вывод о полном отсутствии рабства. Закон устанавливал, что «арий никогда не должен быть обращен в рабство». Кто в точности был или не был арием, сказать трудно, но к этому времени термин арий стал обозначать все четыре основные касты, в том числе и шудры, за исключением неприкасаемых.

В Китае в раннюю эпоху династии Хань рабы также использовались прежде всего на домашней работе. В сельском хозяйстве или на крупных работах их труд не получил широкого применения. И в Индии, и в Китае домашние рабы составляли очень небольшой процент населения, и в этом отношении между индийским и китайским обществом, с одной стороны, и современным им греческим или римским обществом, с другой, существовала огромная разница.

Что представляли собой индийцы в те далекие времена? Нам трудно представить себе эпоху, столь отдаленную и столь отличную от нашей эпохи, и все же на основании разнообразных сведений, которыми мы располагаем, можно составить о ней некое смутное представление. Это был беззаботный народ, уверенный в себе и гордый своими традициями, народ, блуждавший в поисках таинственного, выдвигавший много вопросов, касавшихся природы и человеческой жизни, народ, придававший большое значение созданным им нормам и ценностям, но легко и радостно принимавший жизнь и встречавший смерть без особой боязни. Греческий историк Арриан, описавший поход Александра в Северную Индию, был поражен этой беззаботностью. «Ни один народ,— пишет он,— не питает большей любви к танцам и песням, чем индийский».

МАХАВИРА И БУДДА. КАСТЫ

Такая примерно обстановка существовала в Северной Индии начиная с эпической эпохи и до раннебуддийского периода. Она подвергалась непрерывным изменениям в области политики и экономики; в стране происходил процесс синтеза, слияния, а также процесс разделения труда. В области идеологии наблюдались непрерывное развитие и частые конфликты. За эпохой ранних Упанишад последовало развитие мышления и деятельности во многих направлениях; сами Упанишады были реакцией

на власть жрецов и ритуализм. Умы людей восставали против многого из того, что им приходилось видеть; на почве этого бунта и выросли ранние Упанишады, а несколько позже и сильное материалистическое течение, а также джайнизм и буддизм и возникла попытка синтезировать различные формы верований в «Бхагавадгите». Все это породило, в свою очередь, шесть систем индийской философии. Тем не менее за этим идейным конфликтом и бунтом скрывалась живая и развивавшаяся национальная жизнь.

Как джайнизм, так и буддизм представляли собой отход от ведической религии и ее ответвлений, хотя, в известном смысле, они выросли из нее. Они отрицают авторитет Вед и, что самое важное, отрицают первопричину или хранят молчание по этому вопросу. Они проповедуют ненасилие и создают ордена монахов, связанных обетом безбрачия. В их подходе отмечается определенный реализм и рационализм, хотя, конечно, это мало способствует нашему познанию незримого мира. Один из основных догматов джайнизма заключается в том, что истина относительна и зависит от нашего подхода. Это строго этическая и нетрансцендентная система, делающая особый упор на аскетическом аспекте жизни и мышления.

Основоположник джайнизма Махавира и Будда были современниками, и оба принадлежали к военному классу кшатриев. Будда умер в возрасте восьмидесяти лет в 544 году до н. э., и с этой даты начинается буддийская эра. (Это традиционная дата. Историки называют более позднюю дату — около 487 года до н. э., но в настоящее время они склонны принять традиционную дату как более правильную.) В силу странного совпадения я пишу эти строки в день буддийского 2488 нового года — день полнолуния месяца вайшакха, так называемого *вайшакхи пурнима*. В буддийской литературе говорится, что Будда родился в полнолуние месяца вайшакха (май — июнь) и что его просветление и смерть приходятся на этот же день года.

У Будды хватило мужества выступить против популярной религии, суеверий, обрядности и жреческого ритуала, а также против всех привилегированных групп, цеплявшихся за них. Он осудил также метафизические и теологические воззрения, чудотворство, откровения и сношения со сверхъестественными силами. Он взывал к логике, разуму и опыту; на первый план он выдвигал этику; его метод был методом психологического анализа — психология без души. Весь его метод после затхлой атмосферы метафизических рассуждений был подобен струе свежего ветра, дующего с гор.

Будда не нападал прямо на касты, но у себя в ордене не признавал их, и нет никакого сомнения, что вся его позиция и деятельность ослабили кастовую систему. Вероятно, в его время и в течение еще нескольких последующих столетий каста была неустойчивой. Ясно, что общество, расколотое на касты,

не могло бы вести торговлю с иностранными государствами или пускаться в какие-либо другие предприятия за пределами страны. Однако торговля между Индией и соседними странами развивалась еще в течение полутора тысяч лет или даже больше после Будды и индийские торговые колонии процветали. Иноземные элементы продолжали вторгаться в Индию с северо-запада и ассимилировались.

Интересно отметить, что этот процесс ассимиляции происходил как на высших, так и на низших ступенях кастовой лестницы. У подножья лестницы образовывались новые касты, а те пришлые элементы, которые одерживали победу, вскоре превращались в правящий класс кшатриев. Монеты периода кануна и начала христианской эры свидетельствуют о быстрых изменениях, происшедших в течение двух-трех поколений. Первый правитель носит иностранное имя. Его сын или внук получает уже санскритское имя и коронуется в соответствии с традиционными обычаями, установленными для кшатриев.

Многие кланы раджпутов-кшатриев возникли еще во времена набегов саков, или скифов, которые начались около 2 века до н. э., или же в более поздний период вторжения белых гуннов. Все они принимали веру и обычаи страны, а затем пытались доказать свое происхождение от знаменитых эпических героев. Таким образом, принадлежность к группе кшатриев зависела скорее от положения и рода занятий, чем от происхождения, и это облегчало иноземцам присоединение к ней.

Весьма любопытно и показательно, что на протяжении длительного отрезка индийской истории великие люди не раз предостерегали против жречества и строгой кастовой системы, против них возникали мощные движения; тем не менее медленно и почти неощутимо, словно это было предначертанием судьбы, касты росли, распространялись и зажали в своих губительных тисках все области индийской жизни. Мятежники, восстававшие против каст, имели много сторонников, однако с течением времени группа их последователей сама становилась кастой. Джайнизм, выступивший против старой религии и во многих отношениях весьма отличный от нее, мирился с кастовой системой и приспособился к ней. Благодаря этому он продолжает существовать в Индии почти как ответвление индуизма. Буддизм, не приспособившийся к системе каст и отличавшийся большей независимостью в своем мышлении и воззрениях, в конце концов исчез из Индии, хотя и сейчас оказывает глубокое влияние на Индию и индуизм. Христианство, появившееся в Индии 1800 лет назад, закрепилось там и постепенно создало собственные касты. Кастовая система повлияла отчасти и на социальную структуру мусульман в Индии, несмотря на их энергичное осуждение всяких подобных перегородок внутри общины.

В нашу эпоху среди буржуазии возникает много движений за уничтожение тирании каст, и они добились кое-каких успехов, которые не затронули существенно положения масс. Они обычно пользовались методом любовой атаки. Затем появился Ганди, который взялся за решение этой проблемы косвенным путем в соответствии с методами, принятыми в Индии с незапамятных времен; взоры его были обращены на массы. Он был достаточно прямолинеен, агрессивен и настойчив, но не оспаривал основной функциональной теории, на которой зижделись четыре главные касты. Он нападал на явные искривления, хорошо зная, что тем самым подрывает всю кастовую систему в целом¹. Он уже потряс ее фундамент, что оказало глубокое влияние на массы. В их глазах вся структура либо продолжает существовать, либо рушится полностью. Однако сейчас действует еще более мощная сила, чем Ганди, — условия современной жизни, и, повидимому, эта древняя и живучая реликвия прошлого должна в конце концов отмереть.

Но пока мы ведем борьбу с кастами в Индии (которые при своем зарождении основывались на цвете кожи), на Западе возникли новые деспотичные касты с учениями о расовой исключительности, порой облекаемые в политические и экономические формы и даже говорящие языком демократии.

До Будды и за 700 лет до Христа один великий индиец, мудрец и законодатель Яджнавалкья, по преданию, сказал: «Добродетель определяется не нашей религией и, тем более, не цветом нашей кожи. Добродетель нужно проявлять на деле. Поэтому пусть никто не поступает с другими так, как он не хочет, чтобы поступили с ним».

ЧАНДРАГУПТА И ЧАНАКЬЯ. ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ МАУРЬЕВ

Буддизм распространялся в Индии постепенно. Хотя буддизм по своему происхождению представлял собой движение кшатриев и отражал конфликт между правящим классом и жрецами, его этическая и демократическая стороны и особенно его

¹ Высказывания Ганди о кастах постепенно становились все более энергичными и целеустремленными; он неоднократно давал понять, что касты вообще и, в частности, в том виде, в каком они существуют, следует уничтожить. Говоря о конструктивной программе, которую он предложил вниманию нации, он заявляет:

«Целью ее, несомненно, является политическая, социальная и экономическая независимость. Это моральная, ненасильственная революция во всех областях жизни большой нации, которая должна привести к исчезновению каст и прочих подобных суеверий; разногласия между индусами и мусульманами станут делом прошлого, а вражда к англичанам и европейцам будет полностью забыта...» И опять, совсем недавно: «Кастовая система в том виде, как мы ее знаем, представляет собой анахронизм. Она должна исчезнуть, чтобы индуизм и Индия могли жить и расти изо дня в день».

борьба против жречества и ритуализма привлекали народ. Буддизм развивался как народное реформатское движение, находя сторонников даже среди некоторых мыслителей брахманов. Но, как правило, брахманы выступали против него и называли буддистов еретиками и мятежниками, восставшими против ортодоксальной религии. Более важным, чем внешние успехи, было взаимное влияние буддизма и старой религии и постоянный подрыв положения брахманов. Через два с половиной столетия правитель Ашока принял буддизм и со всей энергией отдался делу распространения его мирными миссионерскими средствами в Индии и других странах.

За эти два века в Индии произошло много изменений. Долгое время в стране происходили различные процессы, которые способствовали слиянию народностей и объединению крошечных государств и небольших монархий и республик. Действовала старая тенденция к созданию единого централизованного государства, и результатом всего этого явилось образование могучей и высокоразвитой державы. Окончательным толчком к этому послужило вторжение Александра в Северо-Западную Индию. Появились два замечательных человека, которые сумели воспользоваться изменившимися условиями и подчинили их себе. Это были Чандрагупта Маурья и его друг, министр и советник брахман Чанакья. Вдвоем они добились больших успехов. Оба были изгнаны из могущественного царства Магадха, которым правила династия Нанда и центр которого находился в Паталипутре (современная Патна). Оба отправились на северо-запад, в Таксилу, и установили связи с греками, оставленными там Александром. Чандрагупта встречался с самим Александром. Он слышал о его завоеваниях и славе и горел честолюбивым желанием превзойти его. Чандрагупта и Чанакья наблюдали за событиями и готовились. Они вынашивали большие честолюбивые планы и выжидали возможности претворить их в жизнь.

Вскоре пришло известие о смерти Александра в Вавилоне в 323 году до н. э., и тотчас Чандрагупта и Чанакья выдвинули старый и вечно новый призыв к национализму и подняли народ против иноземных захватчиков. Греческий гарнизон был изгнан, и Таксила взята. Обращение к национальным чувствам помогло Чандрагупте приобрести себе союзников, и он прошел с ними через Северную Индию к Паталипутре. Через два года после смерти Александра Чандрагупта уже владел этим городом и царством; так была образована держава Маурьев.

Военачальник Александра Селевк, унаследовавший после смерти своего вождя страны от Малой Азии до Индии, попытался восстановить свою власть в Северо-Западной Индии и переправился со своей армией через Инд. После того как он был разбит, он был вынужден уступить Чандрагупте часть Афганистана до Кабула и Герата. Сам Чандрагупта женился на дочери

Селевка. Империя Чандрагупты охватывала за исключением южной части всю Индию от Аравийского моря до Бенгальского залива и простиралась на севере до Кабула. Впервые за всю известную историю Индии в ней возникло огромное централизованное государство. Столицей этой великой империи была Паталипутра.

Что представляло собой это новое государство? К счастью, мы располагаем полными описаниями этого государства, оставленными как индийцами, так и греками. Посол Селевка Мегафен оставил свои записки, но еще более важным является трактат Каутильи «Артхашастра» («Наука о государственном устройстве»), о котором уже упоминалось выше. Каутилья — второе имя Чанакья; таким образом, мы имеем книгу, написанную не только большим ученым, но и человеком, который сыграл определяющую роль в создании, развитии и сохранении империи. Чанакью называли индийским Макиавелли, и это сравнение до некоторой степени оправдано. Однако он был во всех отношениях значительно более крупной фигурой, превосходя Макиавелли как умом, так и делами. Он не был просто приверженцем царя, смиренным советником всемогущего повелителя. Образ его дает нам старая индийская пьеса Мудра Ракшаса, посвященная этому периоду. Смелый интриган, гордый и мстительный, никогда не прощавший обид и не забывавший о своей цели, не гнушавшийся никакими средствами, чтобы обмануть и победить врага, он держал в своих руках бразды государственного правления и смотрел на правителя скорее как на любимого ученика, чем на повелителя. Скромный аскет, простой в личной жизни, безразличный к блеску и пышности своего высокого положения, он, выполнив свой обет и достигнув своей цели, хотел удалиться от дел, чтобы, подобно брахману, вести созерцательный образ жизни.

Ни перед чем не остановился бы Чанакья ради достижения своей цели; он был крайне беззастенчив в применяемых средствах, но в то же время он обладал достаточной мудростью, чтобы понимать, что самую цель можно погубить, применяя негодные средства. Задолго до Клаузевица он, по сообщениям некоторых источников, сказал, что война есть лишь продолжение политики государства другими средствами. Но, добавлял он, война должна всегда служить более широким целям политики, а не становиться самоцелью. Целью государственного деятеля всегда должно быть улучшение положения государства в результате войны, а не просто поражение и уничтожение врага. Если война влечет за собой гибель обеих сторон, это означает банкротство государственной политики. Войну следует вести с помощью вооруженных сил, но гораздо более важной, чем сила оружия, является высшая стратегия, которая подрывает дух врага, разлагает его силы и вызывает его крушение или же подводит к крушению, перед тем как на него будет совершено вооруженное

нападение. Каким бы беззастенчивым и непреклонным ни был Чанакья в достижении своей цели, он никогда не забывал, что лучше привлечь на свою сторону умного и благородного врага, чем раздавить его. Свою окончательную победу он одержал, сея раздоры в рядах врага, и в самый момент этой победы, как гласит история, побудил Чандрагупту проявить великодушие по отношению к своему сопернику. Говорят, что сам Чанакья вручил эмблему своего высокого поста министру этого соперника, ибо на него произвели глубокое впечатление ум и верность этого министра своему бывшему повелителю. Таким образом, это драматическое повествование заканчивается не горечью поражения и унижения, а примирением и закладкой прочного и устойчивого фундамента государства, которое не только победило, но и привлекло на свою сторону главного врага.

Держава Маурьев поддерживала дипломатические отношения с греческим миром — как с Селевком и его преемниками, так и с Птолемеем Филадельфом. Эти отношения строились на прочном фундаменте взаимных торговых интересов. Страбон рассказывает нам, что река Окс¹ в Средней Азии служила звеном важной цепи, по которой индийские товары доставлялись через Каспийское и Черное моря в Европу. В 3 веке до н. э. это был оживленный путь. В то время Средняя Азия была богата и плодородна. Спустя тысячу с лишним лет она начала высыхать. В «Артхашастре» упоминается, что «в царской конюшне стояли арабские скакуны».

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Что представляло собой новое государство, возникшее в 321 году до н. э. и охватывавшее большую часть Индии вплоть до Кабула на севере? Как и большинство империй прошлого и настоящего, это была автократия, где верховная власть представляла собой диктатуру. Города и сельские общины пользовались значительной местной автономией, и местными делами вершили выборные старшины. Этой местной автономией очень дорожили, и едва ли какой-либо царь или верховный правитель нарушал ее. Тем не менее влияние и многосторонняя деятельность центрального правительства проникали во все уголки, и в некоторых отношениях это государство Маурьев напоминает современные диктаторские государства. В ту чисто земледельческую эпоху не могло быть ничего похожего на контроль государства над личностью, который мы наблюдаем в настоящее время. Однако, несмотря на эти ограничения, делалась попытка контролировать и регулировать жизнь. Это государство

¹ Окс — древнее название Аму-Дарьи. Греки познакомились с рекой Окс во время похода Александра Македонского в Бактрию и Согдиану в 329 — 328 годах до н. э. — *Прим. ред.*

отнюдь не было только полицейским государством, заинтересованным в сохранении внешнего и внутреннего мира и взимании налогов.

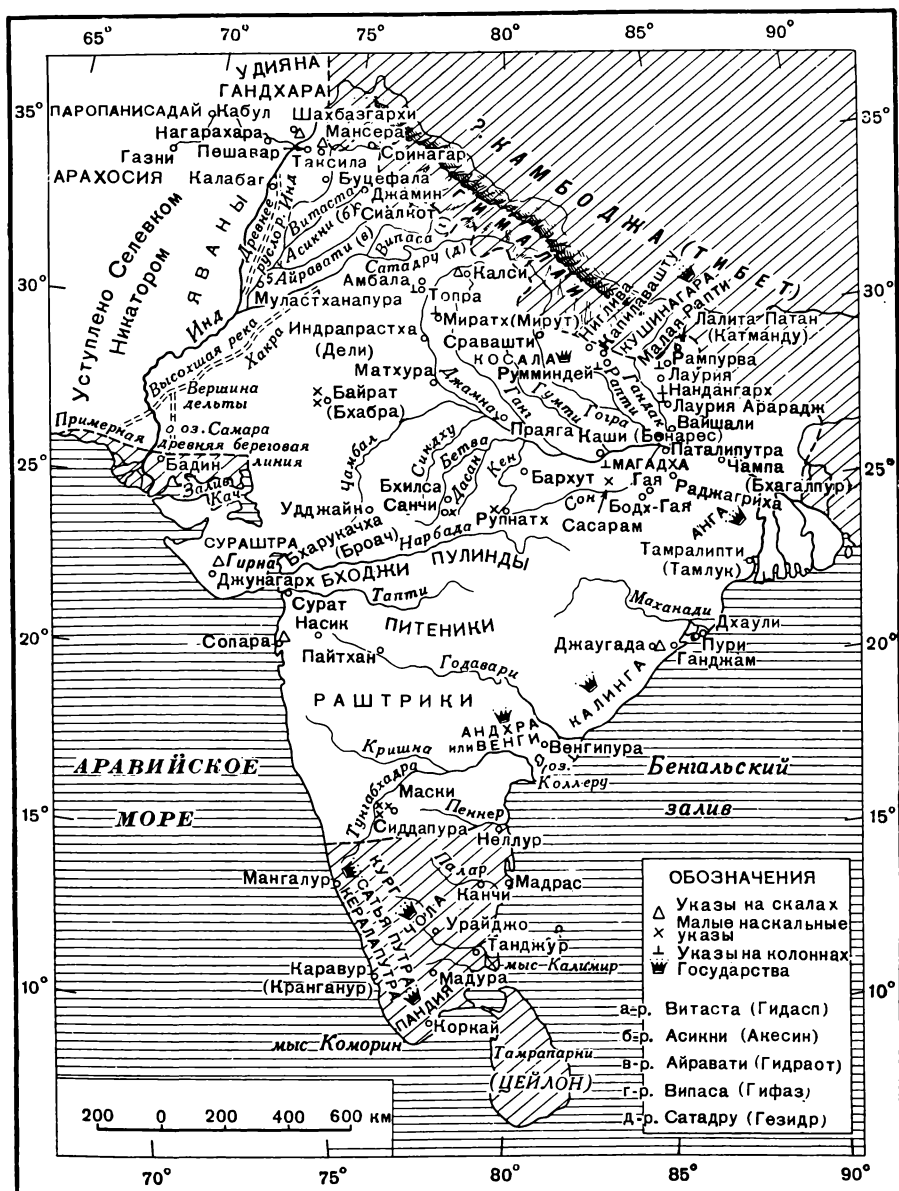
Существовал значительный и сложившийся бюрократический аппарат, и неоднократно встречаются упоминания о шпионаже. Сельское хозяйство во многих отношениях регулировалось, регулировалась и норма ссудного процента. Регулированию и периодической инспекции подлежали продукты питания, рынки, ремесленное производство, бойни, скотоводство, водоснабжение, зрелища, публичные дома и питейные заведения. Были установлены стандартные единицы мер и весов. Скупка и фальсификация продуктов питания строго карались. Торговля, а также в некоторых отношениях и совершение религиозных обрядов облагались налогами. В случае нарушения правил или какого-нибудь другого проступка конфисковывали храмовые сборы. Конфискации подлежало также имущество богатых людей, виновных в каких-либо злоупотреблениях или в попытке нажиться на национальном бедствии. Проводились санитарные мероприятия, и существовали больницы, а в главных центрах имелись врачи. Государство оказывало помощь вдовам, сиротам, больным и инвалидам. Особой заботой государства было оказание помощи во время голода, и поэтому половину запасов на всех государственных складах придерживали на случай нехватки и голода.

Все эти порядки и постановления, вероятно, в гораздо большей степени относились к городам, чем к деревням. Вполне вероятно также, что практика значительно отставала от теории. Тем не менее интересна сама теория. Сельские общины были практически автономными.

«Артхашастра» Чанакья охватывает большой круг вопросов и затрагивает почти все стороны теории и практики управления государством. Там рассматриваются обязанности правителя, его министров и советников, функции заседаний совета, правительственных ведомств, дипломатия, вопросы войны и мира. Подробно описана огромная армия Чандрагупты, состоявшая из пехоты, кавалерии, колесниц и слонов¹. В то же время Чанакья высказывает мнение, что одна численность армии мало чего стоит; без дисциплины и надлежащего руководства она может стать обузой. Разбираются также вопросы обороны и строительства укреплений.

В числе других вопросов в этой книге говорится о торговле, торговых сношениях, законе и суде, городском управлении, общественных обычаях, браке и разводе, правах женщин, налогообложении и государственных доходах, сельском хозяйстве,

¹ Игра в шахматы, зародившаяся первоначально в Индии, развилась, вероятно, из этого деления армии на четыре части. Она называлась *чатуранга*, четырехчленная, откуда произошло слово *шахмат*. Ал-Бируни рассказывает, что в Индии в эту игру играли четыре игрока.

Территория государства Ашоки. 250 год до н. э.

Колонны, поддерживающие веранду
Бадами, 3-я пещера. 6 век н. э.

работе рудников и предприятий, ремесленниках, рынках, садоводстве, ремесленных изделиях, орошении и водных путях, судах и навигации, гильдиях, переписях, рыбном промысле, боянях, паспортах и тюрьмах. Признавалось право вдов вновь вступить в брак; при известных обстоятельствах допускался также развод.

В книге встречается упоминание о *чинапатта* — шелковых тканях китайского производства — и проводится различие между этими шелками и шелками, которые выделялись в Индии. Вероятно, индийский шелк был более грубым. Ввоз китайского шелка свидетельствует о том, что уже в 4 веке до н. э. поддерживались торговые отношения с Китаем.

Во время коронации правитель должен был дать клятву служить народу. «Пусть я буду лишен неба, жизни и потомства, если буду угнетать вас». «В счастье его подданных заключено и его счастье; радея о их благе, он будет считать хорошим не то, что нужно ему, а то, что нужно его подданным». «Если правитель энергичен, его подданные также будут энергичны». Общественные дела не должны страдать и ждать, пока правителю заблагорассудится заняться ими; он всегда должен найти для них время. Если же правитель вел себя неподобающе, народ имел право свергнуть его и поставить на его место другого.

Существовали ведомство орошения, наблюдавшее за множеством каналов, и ведомство судоходства, следившее за гаванями, паромами, мостами и многочисленными лодками и судами, которые сновали вверх и вниз по рекам и отправлялись морем до Бирмы и дальше. В качестве придатка к армии существовал также, очевидно, какой-то военный флот.

В империи процветала торговля, и отдаленные части страны связывали большие дороги, на которых было много постоянных дворов для путешественников. Главная дорога называлась царским путем и вела от столицы к северо-западной границе. Особо упоминаются иноземные купцы, которые обеспечивались всем необходимым и, видимо, пользовались своего рода экстерриториальностью. Сообщают, что древние египтяне заворачивали свои мумии в индийский муслин и красили свою одежду индиго, который доставлялся из Индии. В развалинах обнаружен также какой-то вид стекла. Греческий посол Мегасфен рассказывает, что индийцы любили украшения, и даже упоминает, что они носили обувь, чтобы казаться выше ростом.

Образ жизни в империи Маурьев становился все более роскошным. Жизнь делалась более сложной, специализированной и организованной. «Число гостиниц, постоянных дворов, харчевен, караван-сараев и игорных домов было, очевидно, очень велико. Секты и ремесленные объединения имели свои помещения для собраний; последние устраивали также общественные обеды. Увеселения давали средства к существованию множества разных танцоров, певцов и актеров, которые заходили даже

в деревни, и автор «Артхашастры» не склонен поощрять существование общественных помещений с происходившими там представлениями, так как это отвлекало людей от семейной жизни и работы на полях. В то же время были введены штрафы за отказ помочь организации общественных увеселений. Правитель поддерживал строительство амфитеатров для драматических представлений, борьбы и других состязаний людей и животных, а также для зрелищ, во время которых демонстрировались изображения различных редкостей... улицы часто освещались для празднеств»¹. Устраивались также царские шествия и охоты.

В этой обширной империи было много густо населенных городов, но главным из них была столица Паталипутра (современная Патна), великолепный город, раскинувшийся на берегах Ганга при слиянии с ним реки Сон. Вот как описывает его Мегасфен: «При слиянии этой реки (Ганга) с другой расположен Палиботра, город длиной в 80 стадий (9,2 мили) и шириной в 15 стадий (1,7 мили). По форме он напоминает параллелограмм и обнесен деревянной стеной, в которой проделаны отверстия для пуска стрел. Перед стеной имеется ров для обороны и для приема сточных вод города. Этот ров, опоясывающий весь город, достигает 600 футов в ширину и 30 локтей в глубину, а стена увенчана 570 башнями и имеет 64 ворот».

Из дерева была построена не только эта большая стена, но и большинство домов. Очевидно, это была мера предосторожности против землетрясений, так как этот район особенно им подвержен. Сильное землетрясение в Бихаре в 1934 году служит ярким напоминанием об этом факте. Поскольку дома строились из дерева, принимались тщательные меры предосторожности против пожаров. Каждый домохозяин обязан был держать в доме лестницы, крюки и сосуды с водой.

Паталипутра имела городское управление, избиравшееся народом. Оно состояло из 30 человек, разделенных на шесть комитетов по пяти членов в каждом. Эти комитеты занимались вопросами промышленности и ремесел, смертей и рождений, товаров, устройства путешественников и паломников и т. п. Весь городской совет в целом ведал финансами, санитарией, водоснабжением, общественными зданиями и садами.

УЧЕНИЕ БУДДЫ

За всеми этими политическими и экономическими сдвигами, менявшими лицо Индии, действовал фермент буддизма с его влиянием на старые вероисповедания и его борьбой против привилегированных групп в религии. Гораздо больше, нежели дискуссии и

¹ Dr. F. W. Thomas, The Cambridge History of India. Vol. 1, p. 480.

споры, которыми всегда столь увлекалась Индия, действовала на народ эта лучезарная титаническая личность, память о которой жила в душе народа. Его учение, старое и в то же время совершенно новое и оригинальное для тех, кто был погружен в метафизическую схоластику, завладело воображением просвещенных людей и глубоко проникло в душу народа. «Идите во все страны, сказал Будда своим ученикам, и проповедуйте это учение. Скажите им, что бедные и униженные, богатые и знатные — все равны, что все касты объединяются в этой религии, как реки в море». Учение его было пронизано всеобъемлющей благожелательностью и любовью ко всем. Ибо «никогда в этом мире ненависть не побеждается ненавистью»; и далее: «пусть человек одолеет гнев благодушием, а зло добром».

Это был идеал праведности и самодисциплины. «Можно победить тысячу людей в бою, но величайшим победителем будет тот, кто одержит победу над самим собой». «Не рождение, а лишь поведение делает человека либо членом низшей касты, либо брахманом». Даже грешника не нужно осуждать, ибо «кто по доброй воле обратится с жестокими речами к согрешившим, тот как бы сыплет соль на рану их вины». Сама победа над другим ведет к печальным последствиям: «Победа рождает ненависть, ибо побежденный несчастен».

Все это он проповедует, не узаконяя какой-либо религией, не ссылаясь на бога или иной мир. Он опирается на разум, логику и опыт и призывает людей искать истину в своем сознании. Ему приписывают слова: «Пусть никто не приемлет мой закон из благоговения, а сперва испытает его подобно тому, как золото испытывается огнем». Причиной всех бед являлось незнание истины. Существует ли бог или абсолют, или нет — этого он не говорит. Он не утверждает и не отрицает этого. Там, где знание невозможно, нам следует воздержаться от суждения. Предание говорит, что как-то в ответ на один вопрос Будда сказал: «Если под абсолютom мыслится нечто не связанное ни с какими известными вещами, тогда его существование нельзя установить никакими рассуждениями. Как можем мы знать, что нечто, не связанное с другими вещами, вообще существует? Вся известная нам вселенная представляет собой систему связей. Мы не знаем ничего, что не связано или может быть не связанным с чем-либо другим». Поэтому нам надлежит ограничиться тем, что мы в состоянии ощутить и о чем мы можем иметь определенное знание.

Будда не дает ясного ответа и на вопрос о существовании души. Он не отрицает и не утверждает ее существования. Он отказывается обсуждать этот вопрос, что весьма знаменательно, ибо в его время ум индийца весьма сильно занимали вопросы об индивидуальной и абсолютной душе, о монизме и монотеизме и другие метафизические гипотезы. Но разум Будды был против всех форм метафизики. Он верил в вечность закона природы,

во всеобщую причинность, в то, что каждое последующее состояние определяется ранее существовавшими условиями, и в то, что добродетель и счастье, так же как порок и страдание, органически связаны между собой.

Мы применяем в нашем мире опыта различные термины и описания и говорим: «это есть» или «этого нет». Однако и то и другое может оказаться неправильным, когда мы заглядываем вглубь вещей, и наш язык, возможно, не в силах описать то, что происходит в действительности. Истина, возможно, лежит где-то между этим «есть» и «нет» или же за их пределами. Река течет непрерывно и кажется неизменной, и, тем не менее, воды постоянно меняются. Так же и огонь. Пламя горит и даже сохраняет очертания и форму, и все же оно никогда не бывает одним и тем же и меняется каждое мгновение. Так и все в мире непрерывно изменяется, и жизнь во всех ее формах есть поток становления. Реальность не есть нечто постоянное и неизменное, а скорее своего рода лучистая энергия, продукт сил и движений, смена следствий. Идея времени—это всего лишь «условное понятие, в целях удобства выделенное из того или иного явления». Мы не можем сказать, что одна вещь является причиной чего-то другого, ибо нет внутренней основы постоянного бытия, которая бы менялась. Сущностью вещи является имманентный закон связи с другими так называемыми вещами. Наши тела и души меняются каждое мгновение; они перестают существовать, и на их месте появляется и вновь исчезает нечто другое, похожее на них и все же отличное от них. В известном смысле мы непрерывно умираем и возрождаемся вновь, и это создает видимость непрерывности индивидуальности. Это есть «непрерывность вечно меняющейся индивидуальности». Все представляет собой течение, движение, изменение.

Нашему уму, привыкшему к установившимся методам мышления и объяснения физических явлений, трудно понять все это. Тем не менее удивительно, насколько близко эта философия Будды подводит нас к некоторым понятиям современной физики и современного философского мышления.

Метод Будды был методом психологического анализа, и опять-таки поразительно, насколько глубоким было его проникновение в эту новейшую из современных наук. Жизнь человека рассматривалась и изучалась без какой-либо ссылки на неизменное я, ибо, даже если такое я существует, оно недоступно нашему пониманию. Разум рассматривался как часть тела, как совокупность духовных сил. Тем самым личность становится совокупностью духовных состояний, я есть простой поток идей. «Все, чем мы являемся, есть результат того, о чем мы думали».

Особенное внимание уделяется горестям и страданиям, сопутствующим жизни, и «четырем благородным истинам», в которых, как провозгласил Будда, говорится об этом страдании, его

причине, возможности прекратить страдание и о способе достичь это. По преданию, Будда обратился к своим ученикам со следующими словами: «И пока в течение долгих веков вы испытывали (печаль), пока вы блуждали и совершали это странствие (жизни), и печалились, и плакали, ибо такова была ваша участь, которую вы ненавидели, а то, что вы любили, не было вашей участью, — из ваших глаз текло и было пролито вами больше слез, чем содержится воды в четырех больших океанах».

С прекращением этого состояния страдания достигается нирвана. О том, что такое нирвана, мнения расходятся, ибо наш слабый язык не в силах описать трансцендентное состояние понятиями нашего ограниченного разума. Одни говорят, что это просто угасание или затухание. Однако нам известно, что Будда отрицал это и указывал, что это вид интенсивной деятельности. Это — угасание ложного желания, а не просто уничтожение, но описать его можно лишь в негативных понятиях.

Путь Будды был средним путем, лежавшим между двумя крайностями — потворством своим желаниям и умерщвлением плоти. Исходя из собственного опыта умерщвления плоти, он говорил, что человек, потерявший силы, не может идти правильным путем. Этот средний путь был арийским путем, состоявшим из восьми стадий: правильные убеждения, правильные устремления, правильные речи, правильное поведение, правильный образ жизни, правильные усилия, правильный образ мыслей и правильное наслаждение. Все это дается самовоспитанием, а не милостью свыше. И если человеку удастся воспитать себя в этом духе и одержать над собой победу, он не может потерпеть поражения. «Даже бог не может превратить в поражение победу человека, который переборол самого себя».

Будда говорил своим ученикам то, что, по его мнению, они способны были понять и претворить в жизнь. Его учение не претендовало на полное объяснение всего, полное раскрытие всего сущего. Говорят, что однажды он взял в руку пучок сухих листьев и спросил своего любимого ученика Ананду, есть ли кругом еще листья кроме тех, что находятся у него в руке. Ананда ответил: «Осенние листья падают повсюду, и их не счесть». И тогда сказал Будда: «Вот так и я дал вам лишь горсть истины, но кроме них есть бесчисленное количество других истин, и их тоже не счесть».

ИСТОРИЯ БУДДЫ

История Будды увлекала меня даже в раннем детстве. Сердце влекло меня к юному Сиддхартхе, который после долгой внутренней борьбы, мук и страданий превратился в Будду. Одной из моих любимых книг была «*Light of Asia*» Эдвина Арнольда. Впоследствии, когда мне приходилось часто разъезжать по своей

провинции, я любил посещать те многие места, которые предание связывает с Буддой. Иногда я даже делал для этого крюк. Большинство этих мест находится в моей родной провинции. Здесь (на границе Непала) родился Будда, здесь он странствовал, здесь (в Гае, в Бихаре) он сидел под деревом Бодхи и достиг просветления, здесь он прочел свою первую проповедь, и здесь он умер.

Бывая в странах, где буддизм остается живой и господствующей верой, я посещал храмы и монастыри, встречался с монахами и мирянами и старался выяснить, что дал буддизм этим людям. Как он повлиял на них, какой след оставил в их душах и на их лицах, как они относятся к современной жизни? Многое мне не нравилось. На рациональное этическое учение было нагромождено обильное многословие, множество обрядностей, канонических прав и, вопреки Будде, слишком много метафизики и даже магии. Несмотря на предостережение Будды, они обожествили его, и его колоссальные изваяния в храмах и других местах смотрели на меня, и я задавал себе вопрос: что бы он сам подумал по этому поводу? Многие монахи были невежественными людьми, полными тщеславия и требовавшими почтения если не к самим себе, то к своему облачению. В каждой стране религия приобрела национальные черты и приспособилась к различным обычаям и образу жизни. Все это было довольно естественным и, пожалуй, неизбежным явлением.

Но я видел и много такого, что мне понравилось. В некоторых монастырях и монастырских школах царила атмосфера мирного изучения и созерцания. Лица многих монахов отражали смирение и покой, достоинство, мягкость, отрешенность и свободу от мирских забот. Отвечало ли это все современной жизни, или было лишь бегством от нее? Нельзя ли было привнести все это в непрерывную борьбу жизни и несколько умерить одолевающие нас вульгарность, дух наживы и насилия?

Пессимизм буддизма, так же как и тенденция уйти от жизни и ее проблем, не отвечал моим взглядам на жизнь. Где-то в глубине души я был язычником, с языческой любовью к богатствам жизни и природы, и не испытывал особого отвращения к конфликтам, порождаемым жизнью. Все, что я испытал, все, что видел вокруг, каким бы печальным и мучительным это ни было, не подавило во мне этого инстинкта.

Был ли буддизм пассивным и пессимистическим? Истолкователи буддизма могут сказать, что это так: многие из его последователей, возможно, восприняли его в таком духе. Я не компетентен судить о всех его тонкостях и его последующем сложном и метафизическом развитии. Но когда я думаю о Будде, у меня не появляется такого чувства, и я не могу представить себе, чтобы религия, основанная главным образом на пассивности и пессимизме, могла иметь такое влияние на множество людей и в том числе на людей высоко одаренных.

Образ Будды, с любовью воспроизведенный тысячами рук в камне, мраморе и бронзе, словно символизирует весь дух индийского мышления или, по меньшей мере, один его жизненно важный аспект. Сидящий на цветке лотоса, спокойный и безмятежный, выше страстей и желаний, выше бурь и борьбы этого мира, такой далекий, он кажется далеким и недостижимым. Но стоит приглядеться, и мы увидим, что за этими спокойными, неподвижными чертами скрываются страсти и эмоции, странные и более сильные, чем те страсти и эмоции, которые испытывали мы. Глаза его закрыты, но они как бы излучают силу духа, и весь образ наполнен жизненной энергией. Идут века, а Будда все же не кажется столь уж далеким; мы слышим его голос, призывающий нас не бояться борьбы, а со спокойным взором принять ее и видеть в жизни все большие возможности роста и прогресса.

В наши дни личность не утратила своего значения, и человек, оставивший, подобно Будде, такой отпечаток на образе мышления человечества (ибо даже сейчас в мыслях о нем есть что-то живое и волнующее), должен был быть замечательным человеком, представлявшим собой, по словам Барта, «законченный образец спокойствия и кроткого величия, безграничной нежности ко всему, что дышит, и жалости ко всему, что страждет, образец совершенной нравственной свободы и освобождения от всякого предрассудка». А страна и народ, способные дать столь изумительный тип человека, должны обладать большим запасом мудрости и внутренней силы.

АШОКА

Отношения между Индией и западным миром, установленные Чандрагуптой Маурья, поддерживались и в царствование его сына Биндусары. Ко двору в Паталипутре прибывали послы от Птолемея из Египта и от Антиоха, сына и преемника Селевка Никатора, из Западной Азии. Внук Чандрагупты Ашока расширил эти связи, и в его время Индия, главным образом благодаря распространению буддизма, стала важным международным центром.

Ашока принял в наследство эту огромную империю примерно в 273 году до н. э. До этого он был наместником правителя в Северо-западной провинции, столицей которой был университетский центр Таксила. К этому времени империя включала уже большую часть Индии и даже часть Центральной Азии. Только юго-восток и частично юг оставались еще за ее пределами. Старая мечта об объединении всей Индии под одной высшей властью воодушевила Ашоку, и он не медля предпринял завоевание Калинги на восточном побережье, охватывавшем примерно территорию современной Ориссы и часть Андхры. Его армии одержали победу, несмотря на мужественное и упорное сопротивление населения Калинги. Эта война сопровождалась

жестокой резней, и, когда весть об этом дошла до Ашоки, его охватило раскаяние и он почувствовал отвращение к войне. Единственный из победоносных монархов и полководцев мира, он решил прекратить войну в самый разгар победы. Вся Индия признала его власть, за исключением южной части, но и эта область легко могла стать его добычей. Тем не менее он воздержался от дальнейших завоеваний, и под влиянием учения Будды его разум обратился к завоеваниям и исканиям в других областях.

О том, что думал и как действовал Ашока, мы узнаем из изданных им многочисленных указов, высеченных на камне или выгравированных на металле. Эти указы, распространявшиеся по всей Индии, дошли и до нас, передав его завет не только его современникам, но и потомкам. В одном из них сказано: «Калинга была завоевана Его Священным и Милосердным Величеством на восьмой год его царствования. Сто пятьдесят тысяч человек было взято в плен, сто тысяч убито в бою и еще больше умерло.

Сразу же после присоединения Калинги началось ревностное соблюдение Его Священным Величеством Закона Благочестия, возникла любовь Его к этому Закону и насаждение Им этого Закона (дхармы). Так Его Священное Величество стал испытывать раскаяние в том, что завоевал Калингу, ибо завоевание прежде свободной страны влечет за собой убийства, гибель и увод в плен людей. Это наполняет Его Священное Величество глубокой печалью и раскаянием».

Далее в указе говорится, что Ашока не допустит больше убийств или увода в плен даже сотой или тысячной доли того числа людей, которое было убито или взято в плен в Калинге. Истинное завоевание — это завоевание сердец с помощью закона долга или благочестия и, добавляет Ашока, эти подлинные победы одержаны им не только в его собственных владениях, но и в отдаленных царствах.

Далее указ гласит:

«Более того, если кто-либо причинит ему зло, Его Священное Величество смирится с этим, насколько возможно. Его Священное Величество взирает с благоволением даже на жителей лесов в своих владениях и хочет внушить им правильные мысли, ибо, если Его Священное Величество не сделает этого, им овладеет раскаяние. Ибо Его Священное Величество желает, чтобы все живое обрело безопасность, самообуздание, душевное спокойствие и радость».

Этот удивительный правитель, все еще любимый в Индии и во многих других частях Азии, посвятил себя делу распространения учения Будды, праведности и состраданию, а также общественным деяниям на благо народа. Он не был пассивным созерцателем событий, погруженным только в созерцание и самосовершенствование. Он много трудился для общественного блага

и заявлял, что всегда готов к такому труду: «всегда и всюду, обедаю ли я, или нахожусь в женских покоях, у себя в спальне или в своей комнате, в колеснице или в дворцовом саду, государственные чиновники должны оповещать меня о делах народа. ...В любой час и в любом месте должен я трудиться ради общего блага».

Его гонцы и послы отправлялись в Сирию, Египет, Македонию, Кирену и Эпир, неся приветствия от него и слово Будды. Они направлялись также в Среднюю Азию, в Бирму и Сиам, а на юг, на Цейлон, он послал своих детей — сына и дочь, Махендру и Сангхамитру. Повсюду они обращались к уму и сердцу людей; сила, принуждение не имели места. Будучи истинным буддистом, он выказывал уважение ко всем другим вероисповеданиям. В одном из указов он провозгласил:

«Все секты заслуживают уважения по той или иной причине. Поступая так, человек возвеличивает свою секту и в то же время оказывает услугу другим сектам».

Буддизм быстро распространился в Индии от Кашмира до Цейлона. Он проник в Непал и позже достиг Тибета, Китая и Монголии. В Индии одним из последствий этого был рост вегетарианства и воздержания от употребления алкогольных напитков, а до этого как брахманы, так и кшатрии часто ели мясо и пили вино. Было запрещено приносить в жертву животных.

Благодаря росту связей с внешним миром и распространению миссионерства должна была расти и торговля между Индией и другими странами. Мы располагаем сведениями о существовании индийской колонии в Хотане (ныне Синцзянь в Центральной Азии). Индийские университеты, особенно Таксила, также стали привлекать больше обучающихся из-за границы.

Ашока вел большую строительную деятельность, и высказывались предположения, что на строительстве некоторых его колоссальных сооружений работали иноземные мастера. Такой вывод делается в связи с тем, что архитектурные формы некоторых колонн напоминают групповую колонну Персеполиса. Однако даже в тех ранних скульптурах и других памятниках искусства видна типично индийская традиция.

Тридцать лет назад археологами был частично раскопан знаменитый колонный зал во дворце Ашоки в Паталипутре. Сотрудник археологического департамента Индии д-р Спунер заявил в своем официальном докладе, что «степень сохранности является почти невероятной. Бревна, из которых сложен зал, остались такими же гладкими и имеют такой же вид, как в тот день, свыше двух тысяч лет назад, когда они были уложены». Он указывает дальше, что «чудесно сохранившиеся балки, края которых зачищены настолько совершенно, что нельзя различить линий стыка, вызвали восхищение всех очевидцев. Все здание построено с такой точностью и тщательностью, которые

невозможно было бы превзойти и поныне... Словом, постройка эта была верхом совершенства».

В других зданиях, раскопанных в различных частях страны, также обнаружены великолепно сохранившиеся балки и стропила. Это было бы удивительно в любой стране, и тем более удивительно в Индии, где дерево изнашивается под действием климата и подтачивается всевозможными насекомыми. Вероятно, дерево подвергалось какой-то специальной обработке. В чем она заключалась, насколько мне известно, остается все еще тайной.

Между Паталипутрой (Патной) и Гаей лежат величественные развалины университета Наланды, прославившегося в более позднюю эпоху. Не выяснено, когда именно он начал действовать, так как период Ашоки не дает о нем никаких упоминаний.

Ашока умер в 232 году до н. э., после 41 года царствования, полного кипучей деятельности. Х. Г. Уэллс пишет о нем в «Outline of History»: «Среди десятков тысяч имен монархов, упомянутых в анналах истории, всех этих величеств, светлостей, королевских высочеств, имя Ашоки сверкает, подобно одинокой звезде. От Волги до Японии все еще чтят его имя. Китай, Тибет и даже Индия, хотя она и отошла от его учения, хранят предание о его величии. И сейчас на земле больше людей, чтящих память Ашоки, чем людей, когда-либо слышавших о Константине или Карле Великом».

Глава пятая

СКВОЗЬ ВЕКА

НАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ ПРИ ГУПТАХ

Империя Маурьев пришла в упадок и уступила место династии Сунгов, власть которой распространялась уже на гораздо меньшую территорию. На юге возникали большие государства, а на севере бактрийцы, или индо-греки, расширяли свои владения от Кабула до Пенджаба. При Менандре они угрожали самой Паталипутре, но потерпели поражение и были отброшены. На самого Менандра оказала влияние духовная атмосфера Индии, и он стал знаменитым буддистом под именем царя Милинды. Он был широко известен в буддийских преданиях, считался чуть ли не святым. В результате слияния индийской и греческой культур выросло греко-буддийское искусство Гандхары, области, охватывающей Афганистан и Пограничный район Индии.

В Беснагаре, близ города Санчи в Центральной Индии, высится гранитная колонна с надписью на санскритском языке, называемая колонной Гелиодора и относящаяся к 1 веку до н. э. Она дает нам некоторое представление о процессе индианизации греков, проникавших в Пограничную область, и о том, как они впитывали индийскую культуру. Надпись переводится следующим образом: «Эта колонна Васудевы (Вишну), бога богов, с изображением Гаруды¹ воздвигнута Гелиодором, почитателем Вишну, сыном Диона, жителем Таксилы, который прибыл в качестве греческого посла от великого царя Антиалкида к царю Кашипутре Бхагабхадре, спасителю, вступившему в ту пору в четырнадцатый год своего царствования.

Три бессмертные заповеди, если они хорошо выполняются, ведут к небу: самообуздание, самопожертвование (благотворительность), совестьливость».

В Средней Азии, в долине Окса расселились саки или скифы (Сейстан — Сакистан). Юечжи, прибывшие с востока, вытеснили их и отбросили в Северную Индию. Эти саки приняли буддизм и индуизм. Среди юечжи возвысился один из кланов —

¹ Согласно индийской мифологии, Гаруда — орел, на котором летает бог Вишну, отсюда — символ самого Вишну. — *Прим. ред.*

кушаны, распространивший затем свою власть на Северную Индию. Саки понесли поражение от кушанов, оттеснивших их еще дальше на юг, и двинулись на Катхиавари в Декан. Затем кушаны создали обширную и прочную империю, в которую входила вся Северная Индия и большая часть Средней Азии. Часть кушанов приняла индуизм, но большинство из них стало буддистами, и их наиболее известный царь Канишка также является одним из героев буддийских легенд, которые приписывают ему великие подвиги и деяния. Хотя сам он был буддистом, государственная религия представляла собой, видимо, смесь различных вероисповеданий, в которой нашел отражение даже зороастризм. Это государство, называвшееся империей кушанов, с центром близ современного Пешавара и старым университетом Таксилы поблизости, было местом, где встречались люди самых различных национальностей. Там индийцы встречались со скифами, юечжи, иранцами, бактрийскими греками, тюрками и китайцами; различные культуры действовали здесь друг на друга. В результате такого взаимодействия возникла выдающаяся школа скульптуры и живописи. Согласно историческим данным, в этот период завязались первые связи между Китаем и Индией, и в 64 году н. э. в Индию прибыло китайское посольство. Небольшим, но весьма ценным даром Китая Индии в эту эпоху были персиковые и грушевые деревья. На самых границах пустыни Гоби, в Турфане и Куче, возникли замечательные сочтения индийской, китайской и иранской культур.

В эпоху кушанов буддизм раскололся на две ветви — *махаяну* и *хинаяну*, — между которыми происходили ярые споры и, как это было в обычае Индии, вопрос был вынесен на обсуждение больших соборов, куда стекались представители всей страны. Кашмир находился неподалеку от центра империи и был полон этих споров и культурной деятельности. В этом споре особенно видную роль играл Нагарджуна, живший в 1 веке н. э. Это была выдающаяся личность, сыгравшая огромную роль в буддийском учении и индийской философии, и благодаря главным образом ему махаяна восторжествовала в Индии. Это учение махаяны распространилось на Китай, тогда как Цейлон и Бирма придерживались хинаяны.

Кушаны индианизировались и стали покровителями индийской культуры. Тем не менее подспудно продолжало существовать националистическое сопротивление их власти, и в начале 4 века н. э., когда в Индию нахлынули новые племена, оно приняло форму националистического и направленного против иноземцев движения. Другой крупный правитель, также называвшийся Чандрагуптой, изгнал новых захватчиков и создал могущественную и широко раскинувшуюся империю.

Так в 320 году н. э. началась эра династии Гуптов, которая дала замечательную плеяду великих правителей, преуспевавших как в войнах, так и в мирных делах. Неоднократные

вторжения породили сильную враждебность к иноземцам, и старые сословия брахманов и кшатриев были вынуждены подумать о защите своей родины и своей культуры. Ассимилировавшиеся иноземные элементы были признаны, но новые пришельцы наталкивались на сильное сопротивление, и была сделана попытка создать однородное государство, основанное на старых брахманических идеалах. Но бывшая уверенность в себе исчезала, и эти идеалы начали порождать замкнутость, чуждую брахманизму. Индия как бы замыкалась физически и духовно в своей скорлупе.

Скорлупа эта была, однако, достаточно велика. В былое время, в века, истекшие с тех пор, как арии пришли в страну, которую они называли Арьяварта или Бхаратварша, перед Индией стояла проблема синтеза между этой новой расой и ее культурой, с одной стороны, и старой расой и цивилизацией страны — с другой. Этой проблеме посвятил себя ум Индии, и он нашел прочное решение, основанное на твердом фундаменте индо-арийской культуры. Другие иноземные элементы приходили и ассимилировались. Они мало что изменяли. Хотя Индия поддерживала через торговлю и иными путями много связей с другими странами, в сущности, она углубилась в себя и обращала мало внимания на то, что происходило за ее пределами. Но теперь периодические нашествия чужеземных народностей с чуждыми обычаями всколыхнули ее, и она не могла уже игнорировать эти вторжения, которые не только ломали ее политическую структуру, но и подвергали опасности ее культурные идеалы и социальную систему. Реакция была в основном националистическая, с силой и узостью, присущими национализму. Это смешение религии и философии, истории и традиций, обычаев и социальной системы, которое включало в свои широкие рамки почти все стороны жизни Индии и которое можно назвать брахманизмом или (употребляя более поздний термин) индуизмом, стало символом национализма. Это, по существу, была национальная религия, взывавшая ко всем тем глубоким инстинктам, национальным и культурным, которые образуют повсюду основу национализма в наши дни. Буддизм, детище индийского мышления, также имел свой националистический фон. Индия была для него святой землей, где жил, проповедовал и умер Будда. где знаменитые ученые и святые распространяли религию. Но по своей сути буддизм был интернационален, он был мировой религией, и это становилось все отчетливее по мере его развития и распространения. Таким образом, было вполне естественно, что старая брахманская религия всякий раз становилась символом возрождения национализма.

Эти вера и философия терпимо и великодушно относились к различным религиям и расовым элементам в Индии и продолжали поглощать их в своей обширной системе. Однако постепенно они становились все более агрессивными по отношению к посторонним и старались защитить себя от их воздействия

При этом вызванный ими дух национализма часто уподоблялся империализму, как это нередко бывает с национализмом, когда он обретает силу. Хотя эпоха правления Гуптов была эпохой просвещения, энергии, высокой культуры и кипучей жизни, в ней быстро развились эти империалистические тенденции. Одного из ее великих правителей, Самудрагупту, называют индийским Наполеоном. С точки зрения развития литературы и искусства, это был блестящий период.

С начала 4 века и на протяжении почти ста пятидесяти лет Гупты правили могущественным и процветающим государством на севере. Еще почти полтора столетия царствовали их преемники, но они занимали уже оборонительную позицию, и их империя сжималась и становилась все меньше и меньше. Из Средней Азии в Индию вторгались новые захватчики и нападали на них. Это были так называемые белые гунны, которые опустошали страну, так же как при Аттиле они опустошали Европу. В конце концов варварское поведение и исключительная жестокость гуннов возмутили народ, и на них было совершено нападение объединенных сил союза под водительством Яшовармана. Власть гуннов была сломлена, а их вождь Махирагула взят в плен. Но потомок Гуптов Баладितья, в согласии с обычаями своей страны, обошелся с ним великодушно и разрешил ему покинуть Индию. Махирагула отблагодарил за это тем, что, вернувшись через некоторое время, коварно напал на своего благодетеля.

Власть гуннов в Северной Индии длилась, впрочем, недолго — всего около полувека. Многие из гуннов остались в стране в качестве мелких вождей, доставляя время от времени беспокойство и растворяясь в море индийского населения. В начале 7 века н. э. некоторые из этих вождей стали проявлять агрессивность. Они были разгромлены правителем Канауджа Харшавардханой, который создал затем могущественное государство, охватывавшее Северную и Центральную Индию. Он был пламенным буддистом, но его буддизм принадлежал к разновидности махаяны, родственной во многих отношениях индуизму. Он поощрял как буддизм, так и индуизм. При нем Индию (в 629 году н. э.) посетил знаменитый китайский паломник Сюань Цзан. Харшавардхана был поэтом и драматургом; он собрал при дворе много художников и поэтов, сделав свою столицу Уджайини прославленным культурным центром. Харша умер в 648 году н. э., почти в то самое время, когда ислам начал выходить из аравийских пустынь, чтобы быстро распространиться по Африке и Азии.

ЮЖНАЯ ИНДИЯ

В Южной Индии еще на протяжении тысячи с лишним лет после того, как империя Маурьев значительно сократилась и в конце концов перестала существовать, процветали большие государства. Андхры нанесли поражение сакам и были в более

позднюю эпоху современниками кушанов. Затем на западе появилась империя Чалукьев, за которыми последовали Раштракуты. Южнее находились Паллавы, которые были главными организаторами колонизационных экспедиций из Индии. Позже возникла империя Чола, распространившаяся на весь полуостров и завоевавшая Цейлон и Южную Бирму. Последний великий правитель Чолы Раджендра умер в 1044 году н. э.

Южная Индия особенно славилась своими художественными изделиями и морской торговлей. Государства Южной Индии были морскими державами, и их суда доставляли товары в отдаленные страны. Существовали колонии греков, найдены также и римские монеты. Империя Чалукьев обменивалась послами с сасанидскими правителями Персии.

Неоднократные вторжения в Северную Индию не затронули юг непосредственно. Косвенно они вызвали переселение с севера на юг большого числа людей, среди которых были строители, мастера и ремесленники. Таким образом юг стал средоточием старых художественных традиций, тогда как север был больше затронут новыми течениями, которые принесли с собой захватчики. В последующие века этот процесс ускорился, и юг стал оплотом индусской ортодоксии.

МИРНОЕ РАЗВИТИЕ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Краткое описание неоднократных вторжений и сменявших друг друга империй может создать совершенно ошибочное представление о том, что происходило в Индии. Следует помнить, что затрагиваемый период охватывает тысячу или более лет и что в течение длительных отрезков времени страна находилась в условиях мирного и организованного правления.

Маурьи, Кушаны, Гупты, а также на юге Андхры, Чалукья, Раштракуты и другие обычно правили по двести-триста лет — дольше, чем пока что Британия правит Индией. Почти все они были туземными династиями, и даже те, кто, подобно Кушанам, пришел через северную границу, вскоре приспособлялись к этой стране и к ее культурным традициям и действовали как коренные индийские правители. Бывали пограничные стычки и отдельные столкновения между смежными государствами, но в общем страна находилась в условиях мирного правления, и ее правители особенно гордились поощрением художественной и культурной деятельности. Эта деятельность выходила за пределы государственных границ, ибо культурная и литературная основа была одинаковой во всей Индии. Любой религиозный или философский спор немедленно распространялся и делался предметом обсуждения повсюду, на севере и на юге.

Даже во время войн между двумя государствами или во время внутренних политических переворотов вмешательство в деятельность народных масс было сравнительно незначительным.

Найдены тексты соглашений между воевавшими правителями и главами самоуправляющихся сельских общин, содержащие обещания не причинять никакого вреда посевам и возмещать всякий ущерб, если таковой будет неумышленно причинен полям. Это, конечно, было неприменимо к армиям, вторгавшимся из-за границы, а также к какой-либо серьезной борьбе за власть.

Старая индо-арийская теория ведения войны строго устанавливала, что никакие противозаконные методы не должны применяться и что войну за правое дело следует вести правильными способами. В какой мере практика отвечала теории, это уже другой вопрос. Употребление отравленных стрел было запрещено так же, как тайное оружие и убийство спящих и тех, кто прибывал в качестве беженцев и просителей. Было объявлено, что красивые здания не должны уничтожаться. Но уже во времена Чанакья эта точка зрения начала претерпевать изменения. Он одобряет более разрушительные и коварные методы, если они признаются необходимыми для разгрома врага.

Интересно отметить, что Чанакья в своей «Артхашастре», касаясь вооружения, упоминает о машинах, которые могут уничтожать сразу сто человек, и о каких-то взрывчатых веществах. Он говорит также об окопной войне. Что все это означало, сейчас сказать невозможно. Вероятно, имеются в виду какие-нибудь сказания о чудесных подвигах. Нет никакого основания думать, что подразумевался порох.

За свою долгую историю Индия пережила много тяжелых периодов, когда ее разрушали огнем и мечом или голодом и ее внутренний порядок рушился. Однако объективный обзор этой истории приводит к выводу, что в течение длительных периодов времени Индия пребывала в состоянии гораздо более мирного и упорядоченного существования, чем Европа. Это относится также к векам, последовавшим за вторжением тюрков и афганцев, вплоть до начала распада империи Моголов. Представление, будто Рах Britannica впервые принес Индии мир и порядок, является одним из самых необычайных заблуждений. Правда, в то время, когда в Индии утверждалось английское владычество, страна переживала крайний упадок и ее политическая и экономическая система находилась в состоянии распада. Это, собственно, и послужило одной из причин установления этого владычества.

ПОРЫВ ИНДИИ К СВОБОДЕ

Восток, перед бурей склонившись, затих,
С судьбой терпеливо смирился
И, дав легионам несметным пройти,
В раздумие вновь погрузился.

Так сказал поэт, и эти строки часто цитируются. Совершенно верно, что Восток или, во всяком случае, та его часть, которую называют Индией, любит предаваться размышлениям и часто—

размышлениям по поводу вопросов, которые кажутся нелепыми и бессмысленными тем, кто считает себя практическими людьми. Индия всегда глубоко чтит мысль и людей мысли, ученых, и не соглашалась признавать превосходство над ними солдат или обладателей денег. Даже в дни упадка она предавалась размышлениям и находила в них какое-то утешение.

Но неверно, что Индия когда-либо склонялась терпеливо перед бурей или оставалась равнодушной к вторжению иностранных легионов. Она всегда сопротивлялась им, часто успешно, иногда неудачно и, даже потерпев временно неудачу, всегда помнила об этом и готовилась к новой схватке. Метод ее был двойной: сражаться с захватчиками и вытеснять их, и ассимилировать тех, кого нельзя было вытеснить. Она оказала довольно успешное сопротивление легионам Александра и сразу же после его смерти изгнала находившиеся на севере Индии греческие гарнизоны. Позже она ассимилировала индо-греков и индо-скифов и, в конечном счете, вновь установила национальную гегемонию. На протяжении поколений она сражалась с гуннами и вытесняла их. Те, кто остался, слились с коренным населением. Когда пришли арабы, они были остановлены возле Инда. Тюрки и афганцы продвигались лишь постепенно. Им понадобилось несколько столетий, чтобы прочно закрепиться на дельтийском троне. Это был непрерывный затяжной конфликт, а пока шла эта борьба, не переставал действовать и другой процесс — процесс ассимиляции и индианизации, в результате которого захватчики стали такими же индийцами, как и коренное население.

Великим воплощением старого индийского идеала — синтеза различных элементов и слияния их в одну национальность — стал Акбар. Он отождествлял себя с Индией, и Индия полюбила его, хоть он и был пришелец; благодаря этому он успешно правил и заложил фундамент блестящей империи. Пока его преемники держались этой политики и уважали дух народа, их империя существовала. Когда же они оторвались и противопоставили себя всему ходу национального развития, они ослабели и их империя распалась на куски. Возникли новые движения, узкие по своим идеям, но представлявшие возрождавшийся национализм, и, будучи недостаточно сильны чтобы созидать, они были в состоянии уничтожить империю Моголов. Некоторое время они преуспевали, но они слишком уж оглядывались на прошлое и мечтали о его возрождении. Они не сознавали, что произошло много такого, чего нельзя было игнорировать или обходить, что прошлое никогда не может заменить настоящего и что даже это настоящее в Индии их дней представляло собой застой и упадок. Индия потеряла связь с меняющимся миром и осталась далеко позади. Они не понимали, что на Западе рождается новый, жизнеспособный мир, основанный на новом мировоззрении и технике, и что англичане представляли этот

новый мир, о котором они так мало знали. Англичане восторжествовали, но едва они закрепились на севере, как вспыхнул великий мятеж, который привел к войне за независимость и чуть не положил конец английскому владычеству. Стремление к свободе, к независимости всегда существовало, так же как и отказ покориться иноземному господству.

ПРОГРЕСС И СТАБИЛЬНОСТЬ

Мы были обособленным народом, гордым своим прошлым и своим наследием и для их сохранения пытающимся воздвигнуть стены и ограды. Однако, несмотря на нашу гордость своим происхождением и растущую кастовую замкнутость, мы, подобно другим народам, столь кичащимся чистотой своей расы, превратились в странное смешение рас—арийской, дравидской, туранской, семитической и монгольской. Арии прибывали сюда последовательными волнами и смешивались с дравидами. За ними на протяжении тысячелетий следовали волны других переселявшихся народностей и племен: мидян, иранцев, греков, бактрийцев, парфян, саков или скифов, кушанов или юечжи, тюрок, тюрко-монголов и других, которые приходили большими или маленькими группами и обретали в Индии свою родину. «Свирепые и воинственные племена,— пишет Додуэлл в своей книге «India»,— снова и снова вторгались на ее (Индии) северные равнины, свержали ее князей, захватывали и опустошали ее города, создавали новые государства и строили собственные новые столицы, а затем исчезали в огромном людском море, оставляя своим потомкам лишь быстро разбавлявшуюся частицу чужеземной крови да несколько обрывков чужих обычаев, которые очень скоро обретали сходство с господствующими обычаями».

Чем определялась эта господствующая среда? Частично—воздействием географии и климата, самого воздуха Индии. Но в гораздо большей степени—неким мощным импульсом, сильнейшим порывом или идеей о смысле жизни, которая оставила отпечаток в подсознании Индии на самой заре ее истории, когда она была еще молода и свежа. Этот отпечаток был достаточно сильным, чтобы сохраниться и отразиться на всех, кто соприкасался с Индией, позволяя ей включить их в свою жизнь, невзирая ни на какие различия. Не этот ли импульс, не эта ли идея были той животворной искрой, которая зажгла светоч цивилизации, сложившейся в нашей стране и, в разной степени, продолжавшей влиять на ее народ на протяжении ряда исторических эпох?

Может показаться абсурдным и бездоказательным говорить об импульсе или идее жизни, лежащих в основе развития индийской цивилизации. Жизнь даже отдельной личности питается от сотни источников; жизнь же нации или цивилизации представ-

ляется гораздо более сложной. В Индии, на волнах ее духовной жизни, плавают, подобно обломкам, мириады идей, и многие из них враждебны друг другу. Легко подобрать какую-либо группу их, чтобы обосновать тот или иной тезис, но не менее легко подобрать и другую группу, чтобы опровергнуть этот же тезис. Это имеет место в известной степени везде, и это особенно справедливо в отношении такой древней и большой страны, как Индия, где так много умершего цепляется за живое. Простая классификация очень сложных явлений также содержит очевидную опасность. Очень резкие контрасты весьма редко встречаются при постепенном развитии практической деятельности и мышления; каждая мысль набегаёт на другую, и даже идеи, сохраняющие свою внешнюю форму, меняют свое внутреннее содержание. Нередко бывает также, что идеи отстают от меняющегося мира и превращаются в тормоз для него.

Мы непрерывно изменялись на протяжении веков, и не было такого периода, когда бы мы оставались такими же, как в предыдущий период. В настоящее время мы весьма отличаемся в расовом и культурном отношении от того, чем мы были раньше; и повсюду, как в Индии, так и в других странах, я вижу стремительно происходящие изменения. Тем не менее я не могу не признать того факта, что индийская и китайская цивилизации проявили поразительную живучесть и способность к приспособлению и, несмотря на множество изменений и кризисов, сумели на протяжении огромного отрезка времени сохранить в основном свою индивидуальность. Они не смогли бы этого сделать, если бы не находились в гармонии с жизнью и природой. То, что держало их у старых причалов — что бы это ни было, хорошее или плохое или сочетание того и другого, — обладало большой силой, иначе это нечто не просуществовало бы так долго. Возможно, что оно давно исчерпало свою полезность и стало с тех пор тормозом и помехой, а быть может, позднейшие наслоения подавили все то хорошее, что было в нем, и осталась одна пустая оболочка ископаемого.

Возможно, что между идеей прогресса и идеей обеспеченности и стабильности всегда существует известный конфликт. Эти две идеи не согласуются друг с другом; первая хочет изменений, вторая ищет тихой безопасной гавани и сохранения старого порядка вещей. Идея прогресса современна и относительно нова даже на Западе; древние и средневековые цивилизации рассматривали историю больше в плане золотого прошлого и последующего упадка. В Индии прошлое также всегда возвеличивалось. Сложившаяся здесь цивилизация основывалась преимущественно на устойчивости и обеспеченности и, с этой точки зрения, была гораздо более преуспевающей, нежели любая, возникшая на Западе. Социальный строй, опиравшийся на систему каст и большую семью, служил этой цели и сумел создать социальную обеспеченность для всей группы и некоторое

обеспечение для каждого отдельного человека, который по старости, болезни или по причине иной немощности не мог позаботиться о себе. Такой порядок, устраивающий слабых, несколько скрывает сильных. Он поддерживает средний тип за счет тех, кто отклоняется от него: слабых или одаренных. Он нивелирует все отклонения вниз и вверх, и индивидуализм имеет меньшие возможности для своего проявления. Интересно отметить, что, хотя индийская философия глубоко индивидуалистична и посвящена почти всецело возвышению личности до некоего внутреннего совершенства, социальный строй Индии был общинным и обращало внимание только на группы. Личности была предоставлена полная свобода думать и верить во что угодно, но она должна была строго подчиняться социальным и общинным обычаям.

При всей этой подчиненности группа в целом отличалась также и гибкостью, и не было такого закона или социального установления, которые нельзя было бы изменить силой обычая. Кроме того, и новые группы могли иметь свои обычаи, верования и нравы и все же считаться членами более широкой социальной группы. Именно эта гибкость и приспособляемость содействовали ассимиляции иноземных элементов. За всем этим стояли какие-то основные этические доктрины, философский подход к жизни и терпимость к обычаям других.

Покуда главными целями были стабильность и обеспеченность, эта система действовала более или менее успешно, и даже когда экономические изменения подрывали ее, происходил процесс приспособления и она продолжала существовать. Серьезный вызов был брошен этому строю новой динамической концепцией социального прогресса, которая не укладывалась в рамки старых, статичных идей. Именно эта концепция подрывает сейчас корни старых систем на Востоке, как это случилось и на Западе. На Западе, где прогресс все еще остается лейтмотивом, растет требование стабильности. В Индии само отсутствие стабильности выбило людей из старой колеи и заставило подумать о прогрессе, который даст большую стабильность.

Однако в древней и средневековой Индии не было такого стремления к прогрессу. Но необходимость изменений и непрерывного приспособления признавалась, и на этой почве выросла страсть к синтезу. Это был не только синтез различных элементов, прибывавших в Индию, но и попытка добиться синтеза между внешней деятельностью и внутренним миром личности, между человеком и природой. В то время не было таких широких разрывов и раскола, какие, видимо, существуют в наши дни. Это общая культурная основа создала Индию и наложила на нее отпечаток единства, несмотря на все ее разнообразие. Основной политической структурой была самоуправляющаяся деревня, которая сохранялась без существенных изменений, в то время как правители приходили и уходили. Новые переселения извне и захватчики затрагивали лишь поверхность этого строя,

но не его корни. Власть государства при всем ее внешнем деспотизме обуздывалась тысячами обычаев и законодательных ограничений, и ни один правитель не мог свободно нарушить права и привилегии сельской общины. Эти основанные на обычае права и привилегии обеспечивали известную свободу как общине, так и личности.

Среди населения Индии никто не является более типичным индийцем и никто так не гордится индийской культурой и ее традициями, как раджпуты. Героические подвиги, совершенные ими в прошлом, стали неотъемлемой частью этих самых традиций. Тем не менее говорят, что многие раджпуты ведут свое происхождение от индо-скифов, а некоторые — даже от прибывших в Индию гуннов. Нет в Индии более здоровых и замечательных крестьян, нежели джаты, неразрывно связанные с землей и не терпящие никакого посягательства на свою землю. Они также происходят от скифов. То же относится к кати, рослым красивым крестьянам Катхиавара. Расовое происхождение одной части нашего народа можно проследить с известной точностью, происхождение же другой части не поддается такому определению. Но независимо от их происхождения все они стали несомненными индийцами, они вносят свой общий вклад в культуру Индии и считают своими ее древние традиции.

Повидимому, все инородные элементы, которые приходили в Индию и ассимилировались ею, дали Индии что-то свое и многое получили от нее; это сделало сильнее и их, и Индию. Но когда они держались обособленно или не сумели принять участия в жизни Индии и ее богатой и разнообразной культуре, их влияние не было прочным и в конце концов они исчезали, иногда нанося при этом ущерб и самим себе и Индии.

ИНДИЯ И ИРАН

Из всего множества народностей и рас, которые соприкасались с жизнью и культурой Индии и влияли на них, связи с иранцами были самыми древними и самыми устойчивыми. В сущности, эти связи следует отнести еще к периоду, предшествовавшему возникновению индо-арийской цивилизации, ибо индо-арии и древние иранцы имеют общее происхождение, но их дальнейшее развитие шло разными путями. Они связаны между собой не только в расовом отношении; их древние религии и языки также имеют общую основу. Ведическая религия имеет много общего с зороастризмом, а ведический санскрит и старый пехлеви, язык «Авесты», сильно напоминают друг друга. Классический санскрит и персидский язык [фарси] развивались самостоятельно, но у них много общих корней, а некоторые из этих корней свойственны всем арийским языкам. Языки древней Индии и Персии, и особенно их искусство и культура, испытывали на себе влияние соответствующей среды. Персидское искусство

тесно связано с почвой и природными условиями Ирана, и этим, вероятно, объясняется живучесть художественной традиции Ирана. Точно так же индо-арийская художественная традиция и идеалы возникли среди покрытых снегом гор, густых лесов и мощных рек Северной Индии.

Иран, подобно Индии, имел достаточно сильную культурную основу, чтобы влиять даже на захватчиков, а зачастую и поглощать их. Арабы, завоевавшие Иран в 7 веке н. э., вскоре подпали под это влияние и сменили простые нравы пустыни на утонченную культуру Ирана. Подобно французскому языку в Европе, персидский язык стал языком культурных людей на обширных пространствах Азии. Иранское искусство и культура распространились от Константинополя на западе до самой пустыни Гоби.

Индия постоянно испытывала на себе это иранское влияние, а в афганский и могольский периоды персидский язык в Индии был придворным языком страны. Это продолжалось до начала английского периода. Во всех современных индийских языках очень много персидских слов. Это было довольно естественно для языков, развившихся из санскрита, и особенно для хиндустани, который представляет собой продукт смешения, но влиянию персидского языка подверглись даже дравидские языки юга. В прошлом Индия дала несколько блестящих поэтов, писавших на персидском языке, и даже сейчас есть много замечательных знатоков персидского языка как среди индусов, так и среди мусульман.

Нет, видимо, никаких сомнений в том, что цивилизация долины Инда как-то соприкасалась с современной ей цивилизацией Ирана и Месопотамии. Некоторые рисунки и печати обнаруживают разительное сходство. Имеются кое-какие признаки, показывающие, что связи между Ираном и Индией существовали еще и до Ахеменидов. В «Авесте» имеется упоминание об Индии и своего рода описание Северной Индии. В «Ригведе» также содержатся упоминания о Персии. Персов называли «паршава» и позже «парасика», откуда происходит современное слово «парсы». О парфянах упоминают как о «партхавах». Таким образом, Иран и Индия по традиции интересовались друг другом с самых давних времен, еще до воцарения династии Ахеменидов. Царь царей Кир Великий оставил нам свидетельства о их дальнейших связях. Кир подошел к пограничным областям Индии, достигнув, вероятно, Кабула и Белуджистана. В 6 веке до н. э., при Дарии, Персидская империя простиралась вплоть до Северо-Западной Индии, включая Синд и, вероятно, часть Западного Пенджаба. Этот период называют иногда зороастрийским периодом индийской истории, и влияние его было, повидимому, широко распространенным. Поощрялся культ солнца.

Индийская провинция Дария была самой богатой в его империи и самой населенной. В те времена Синд, вероятно, совсем

не походил на ту бесплодную пустыню, какой он является сейчас. Геродот рассказывает нам о плотности индийского населения, о его богатстве и о дани, которая уплачивалась Дарию. «Индийское население значительно превышает другие известные нам народности, и оно платит пропорционально бóльшую дань, чем все остальные (в сумме), — 360 талантов золотого песка» (что составляет свыше миллиона фунтов стерлингов). Геродот упоминает также об индийском контингенте в персидских армиях, состоявшем из пехоты, кавалерии и колесниц. Позднее упоминаются также слоны.

Начиная с периода, предшествовавшего 7 веку до н. э., и на протяжении многих последующих веков имеются данные о торговых связях между Персией и Индией, особенно о ранней торговле между Индией и Вавилоном, которая велась, повидимому, главным образом через Персидский залив¹. С 6 века в результате походов Кира и Дария расширились и прямые связи. После завоевания Ирана Александром страна в течение многих столетий находилась под властью греков. Связи с Индией не прерывались, и говорят, что архитектура зданий, воздвигнутых Ашокой, находилась под влиянием архитектуры Персеполя. Греко-буддийское искусство, развившееся в Северо-Западной Индии и в Афганистане, также носит печать иранского влияния. Связи с Ираном сохранялись в 4 и 5 веках н. э., при династии Гуптов, которая прославилась своей деятельностью в области культуры и искусства.

Районы между Индией и Ираном — Кабул, Кандагар и Сейстан, нередко составлявшие в политическом отношении часть Индии, являлись местом встречи индийцев и иранцев. В более поздние парфянские времена они назывались «Белой Индией». Говоря об этих районах, французский ученый Жемс Дармстетер пишет: «Индусская цивилизация преобладала в этих районах, которые в течение двух столетий до и после начала н. э. были известны как Белая Индия и до самого мусульманского завоевания оставались больше индийскими, чем иранскими».

На севере купцы и путешественники прибывали в Индию сухим путем. Южная Индия зависела больше от моря, и морская торговля связывала ее с другими странами. Имеются сведения об обмене послами между одним южным государством и сасанидской Персией.

Завоевание Индии тюрками, афганцами и Моголами привело к быстрому развитию связей Индии со Средней и Западной Азией. В 15 веке (примерно в эпоху европейского Возрождения), при Тимуридах, в Самарканде и Бухаре, находившихся под сильным влиянием Ирана, начался расцвет культуры.

¹ Prof. A. V. Williams Jackson, The Cambridge History of India, Vol. I, p. 329.

Правитель династии Тимуридов Бабур вышел из этой среды и воцарился на делийском троне. Это произошло в начале 16 века, когда Иран переживал при Сефевидах блестящее возрождение искусства — период, известный как Золотой век персидского искусства. У сефевидского шаха искал убежища сын Бабура Хумаюн, и с его помощью Хумаюн вернулся в Индию. Могольские правители Индии поддерживали теснейшую связь с Ираном, и множество ученых и художников прибывало из-за границы искать славы и богатства при блестящем дворе Великого Могола.

В Индии возникла новая архитектура, сочетавшая в себе индийские идеалы и персидские мотивы. Агра и Дели украсились величественными и прекрасными зданиями. О самом знаменитом из них, Тадж-Махале, французский ученый Груссе сказал, что это «душа Ирана, воплощенная в теле Индии».

Не многие народы теснее связаны между собой происхождением и всем ходом истории, чем народ Индии и народ Ирана. К несчастью, последним нашим воспоминанием об этих долгих, тесных и благородных связях является вторжение Надир-шаха, недолговременное, но ужасное нашествие, имевшее место двести лет назад.

Затем пришли англичане, закрывшие все двери и преградившие все пути, связывавшие нас с нашими соседями в Азии. Были открыты новые морские пути, приблизившие нас к Европе, и особенно к Англии, но дальнейшим сухопутным связям между Индией, с одной стороны, и Ираном, Средней Азией и Китаем — с другой, суждено было прерваться до самого последнего времени, когда развитие авиасвязи позволило нам восстановить старое общение. Этот внезапный отрыв от остальной Азии был одним из самых значительных и прискорбных последствий английского владычества в Индии¹.

В одной области связи все же сохранились, но не с современным Ираном, а с древним. 1300 лет назад, когда в Иране распространился ислам, в Индию переселилось несколько сот тысяч последователей старой зороастрийской религии. Им был оказан здесь радушный прием, и они поселились на западном побережье, исповедуя свою веру и соблюдая свои обычаи. Никто не вмешивался в их дела, и сами они никого не трогали. Удивительно,

¹ Проф. Э. Дж. Рапсон пишет: «Держава, которой удалось объединить все подчиненные государства в одну большую систему управления, является в основном морской державой. И поскольку она контролирует морские пути, она была вынуждена, в интересах безопасности, закрыть сухопутные дороги. Это было целью британской политики в отношении стран, которые лежат на границах Индийской империи, — Афганистана, Белуджистана и Бирмы. Таким образом, политическая изоляция явилась необходимым следствием политического единства. Следует, однако, помнить, что эта политическая изоляция представляет собой совершенно новую черту в истории Индии. Это великая вежа, отделяющая настоящее от прошлого» («The Cambridge History of India», Vol. I, p. 52).

что эти парсы, как их называли, тихо и незаметно обосновались в Индии, обрели в ней свою родину и все же держались особняком, небольшой общиной, упрямо цепляясь за свои старые обычаи. Браки за пределами общины не разрешались, и таких случаев было очень мало. Само по себе это не вызывало в Индии никакого удивления, так как здесь было принято заключать браки внутри своей касты. Численность парсов росла очень медленно, и даже сейчас их насчитывается всего около ста тысяч. Они преуспели в деловой сфере, и многие из них и сейчас играют видную роль в индийской промышленности. Фактически они не имеют никаких связей с Ираном и являются настоящими индийцами, и все же они хранят свои старые традиции и воспоминания о своей древней родине.

За последнее время в Иране появилась сильная тенденция обратиться к старой цивилизации доисламской эпохи. Это не имеет никакого отношения к религии. Это культурное и националистическое течение, изучающее древнюю и стойкую культурную традицию Ирана и гордящееся ею.

Мировые события и общие интересы вынуждают страны Азии вновь обратиться друг к другу. Период европейского господства забывается, как дурной сон, а воспоминания о далеком прошлом говорят им о старой дружбе и совместных предприятиях. Не может быть никакого сомнения в том, что в ближайшем будущем Индия сблизится с Ираном так же, как она сейчас сблизается с Китаем.

Два месяца назад глава иранской культурной делегации в Индии заявил в Аллахабаде: «Иранцы и индийцы подобны двум братьям, которые, согласно персидской легенде, расстались друг с другом; один пошел на восток, а другой на запад. Их семьи забыли друг о друге, и единственное общее, что осталось между ними, были обрывки нескольких старых мелодий, которые они все еще наигрывали на своих флейтах. Через много веков семьи узнали друг друга по этим мелодиям и воссоединились. Так и мы приезжаем в Индию, чтобы сыграть на своих флейтах старинные песни, дабы, слушая их, наши индийские братья узнали в нас своих близких и воссоединились со своими иранскими братьями».

ИНДИЯ И ГРЕЦИЯ

Древнюю Грецию принято считать родоначальницей европейской цивилизации, и много работ было написано о коренном различии между Востоком и Западом. Мне лично это непонятно; многое из этого кажется мне расплывчатым, ненаучным и не подкрепленным фактами. До последнего времени многие европейские мыслители полагали, будто все заслуживающее внимания берет свои истоки в Греции или Риме. Генри Мэйн где-то сказал, что, кроме слепых сил природы, нет ничего

в этом мире, чего не было бы первоначально у греков. Европейские специалисты по античной культуре, знатоки греческого и латинского языков, очень мало знали об Индии и Китае. Однако профессор Э. Р. Доддс обращает внимание на «историческое наследие Востока, на котором выросла греческая культура и с которым она никогда не порывала полностью, разве только в воображении специалистов по античной культуре».

Наука в Европе была в течение длительного времени неизбежно ограничена греческим, древнееврейским и латинским языками, в связи с чем представление о мире возникало как о мире средиземноморском. Такое представление не отличалось, по существу, от представления древних римлян, хотя оно и подверглось значительному изменению. Эта основная идея не только определяла взгляды на историю, геополитику, на развитие культуры и цивилизации, но и задерживала прогресс науки. Господствующее влияние на умы людей оказывали Платон и Аристотель. Даже когда до европейцев и доходили какие-либо сведения о том, что было создано в прошлом народами Азии, они принимали их неохотно. Здесь имело место некое подсознательное сопротивление и попытка как-то вписать это в рамки старых представлений. И если такова была точка зрения ученых, то непросвещенные массы тем более верили в то, что между Востоком и Западом имеется коренное различие. Индустриализация Европы и последующий материальный прогресс еще больше убедили их в существовании этого различия, и в силу какого-то своеобразного процесса рационалистического мышления древняя Греция стала считаться прародителем или прародительницей современной Европы и Америки. Более глубокое знакомство с историей поколебало эти убеждения в умах некоторых мыслителей, что же касается широких масс, интеллигентов и не-интеллигентов, то они попрежнему держались старых, освященных веками идей, которые, подобно призракам, находились на поверхности их сознания и постепенно сливались с общим фоном их представлений.

Я не понимаю смысла употребления слов Восток и Запад — разве только это означает, что Европа и Америка высоко индустриализованы, а Азия отстала в этом отношении. Эта индустриализация представляет собой нечто новое в мировой истории, и именно она больше чем что-либо другое изменила и продолжает менять лицо мира. Между эллинистической цивилизацией и современной европейской и американской цивилизацией нет органической связи. Современное представление, будто единственно важное на свете — это материальные удобства, совершенно чуждо идеям, лежащим в основе греческой или любой другой древней литературы. И греки, и индийцы, и китайцы, и иранцы всегда искали такую религию и философию жизни, которые охватывали бы всю их деятельность и создавали бы равновесие и чувство гармонии. Эта идея пронизывает все

стороны жизни — литературу, искусство и общественные институты — и рождает чувство пропорциональности и полноты. Вероятно, эти впечатления не вполне оправданы, и действительные условия жизни могут быть совсем иными. Но и в этом случае важно помнить, сколь далеки современная Европа и Америка от взглядов и мировоззрения тех самых греков, которых они столь восхваляют в часы досуга и с которыми они ищут каких-то далеких связей, чтобы утолить некую внутреннюю потребность своих сердец или найти какой-то оазис в суровой и знойной пустыне современного существования.

Все страны и народы Востока и Запада обладали своей индивидуальностью и пытались, каждый на свой лад, разрешить проблемы жизни. Греция по-своему самобытна и великолепна; такими же являются Индия, Китай и Иран. Древняя Индия и древняя Греция отличались друг от друга и все же были родственны друг другу. Подобное же духовное родство существовало, несмотря на большие различия, между древней Индией и древним Китаем. Всем им были свойственны та же широта, терпимость и языческий характер мировоззрения, способность наслаждаться жизнью, поразительной красотой и бесконечным разнообразием природы, любовь к искусству и мудрость, которая дается опытом, накопленным древним народом. Каждый из них развивался в соответствии со своим национальным духом, формировавшимся под влиянием естественной среды, давая особенное развитие какой-нибудь одной стороне жизни. Эта особенность была различной для различных народов. Греки как народ, возможно, больше жили настоящим и находили радость и гармонию в красоте, которую они видели вокруг себя или создавали сами. Индийцы также обретали эту радость и гармонию в настоящем, но в то же время их взоры были обращены к более глубокому знанию, а их разум бился над разрешением трудных проблем. Китайцы, прекрасно понимая эти проблемы и их сложность, мудро избегали браться за их решение. Каждый народ старался на свой лад выразить полноту и красоту жизни. История показала, что Индия и Китай обладали более прочной основой и большей способностью выстоять; они дожили до наших дней, хотя и значительно ослабели, испытав сильные потрясения; и их будущее представляется туманным. Древняя Греция, при всей ее великолепии, была недолговечной; она не выстояла, она живет лишь в своих замечательных достижениях, в своем влиянии на сменявшие ее культуры и в воспоминаниях об этом кратком светлом дне полнокровной жизни. Возможно, она стала прошлым потому, что была слишком поглощена настоящим.

По своему духу и мировоззрению Индия гораздо ближе к древней Греции, чем современные нации Европы, хотя они и называют себя детищами эллинистического духа. Мы склонны забывать это, ибо мы унаследовали застывшие понятия, мешающие мыслить логично. Индию называют религиозной, философичной,

склонной к умозрительности, метафизичной, безразличной к этому миру и погруженной в мечты о потустороннем и будущем. Так нам говорят, и, пожалуй, те, кто говорит нам это, хотели бы, чтобы Индия осталась погруженной в раздумье и рассуждения, чтобы они могли владеть и наслаждаться этим миром во всей его полноте без препятствий со стороны этих мыслителей. И тем не менее Индия была такой, но она представляла собой еще и многое другое. Ей были известны невинность и беззаботность детства, страсть и увлечения юности и глубокая мудрость зрелости, которая дается долгим опытом страданий и наслаждений; и она вновь и вновь переживала свое детство, юность и зрелость. Инерция прошедших веков и огромных размеров Индии отягощала ее, отживавшие обычаи и порочная практика развевали ее, много паразитов присосалось к ней и пило ее кровь, но за всем этим стоят накопленная веками сила и подсознательная мудрость древнего народа. Ибо мы очень древний народ, и мы слышим шопот столетий, отошедших в незапамятное прошлое. Однако мы знаем, как обретать молодость вновь, хотя воспоминания и мечты этих минувших веков остаются с нами.

На протяжении всех этих долгих столетий не какая-нибудь тайная доктрина или сокровенные знания поддерживали жизнеспособность Индии, а величайшая гуманность, разнообразная и исполненная терпимости культура и глубокое понимание жизни и ее таинственных путей. Ее бьющая через край жизнеспособность из века в век насыщает ее изумительную литературу и искусство, хотя до нас дошла лишь малая частица этого и многое все еще остается скрытым или уничтожено природой и вандализмом человека. Быть может, статуя Тримурти (трехликая) в пещерном храме в Элефанте и есть многоликий образ самой Индии, могучий, взирающий на нас неотразимым взглядом, полным глубокого знания и понимания. Фрески в Аджанте полны нежности и любви к прекрасному и к жизни и в то же время вызывают чувство чего-то более глубокого и большого.

В географическом и климатическом отношении Греция отличается от Индии. Там нет широких рек, лесов и больших деревьев, которыми изобилует Индия. Море с его просторами и изменчивыми настроениями оказало на греков гораздо большее влияние, чем на индийцев, за исключением тех, которые жили на побережье Индии. Жизнь Индии была более континентальной; она была жизнью широких равнин и высоких гор, могучих рек и больших лесов. В Греции тоже были горы, и местопребыванием своих богов греки избрали Олимп, подобно тому как индийцы поселили своих богов и мудрецов на вершинах Гималаев. И в Греции, и в Индии была создана мифология, неразрывно связанная с историей, в которой невозможно отделить факты от вымысла. Говорят, что древние греки не искали наслаждений, но они не были и аскетами. Они не избегали наслаждений как чего-то дурного и безнравственного, но и не гонялись

за развлечениями, как это склонны делать современные люди. Не стесняемые запретами, сдерживающими столь многих из нас, они принимали жизнь как она есть, отдаваясь без остатка тому делу, которым они были заняты; поэтому они и кажутся сейчас более жизнедеятельными, чем мы. Примерно такое впечатление о жизни в Индии оставляет наша древняя литература. В Индии существовал и аскетический взгляд на жизнь, распространенный позднее и в Греции, но этот аскетизм ограничивался узким кругом людей и не затрагивал жизнь в целом. Под влиянием джайнизма и буддизма аскетизму суждено было занять более значительное место в Индии, но при этом он не изменил существенно основного характера жизни.

Как в Индии, так и в Греции жизнь воспринималась такою, как она есть, и в обеих странах люди жили полной жизнью. При всем этом сохранялась вера в превосходство некой внутренней жизни. Это рождало любознательность и размышления, но дух исследования был направлен не столько в сторону объективного опыта, сколько к логическим рассуждениям, опиравшимся на известные посылки, которые считались непреложной истиной. Собственно говоря, до появления научного метода такой подход был повсеместным. Вероятно, такими размышлениями занималось лишь небольшое число образованных людей, однако даже простые граждане испытывали на себе их влияние и на своих публичных собраниях обсуждали наряду со всем прочим и философские проблемы. Жизнь в Индии была общинная, как еще и сейчас, особенно в сельских районах, где люди собираются на базарной площади, в ограде храма или мечети, у источника или же в *панчаят-гхар*, то есть помещении для собраний, там где они имеются, чтобы обсудить новости и общие горести. Так складывалось и находило свое выражение общественное мнение. Времени для этих дискуссий имелось в избытке.

И все же среди множества блестящих достижений эллинизма имеется одно еще более удивительное, чем все остальные, а именно — возникновение основ экспериментальной науки. Она развивалась не столько в самой Греции, сколько в эллинистическом мире Александрии. Особенное развитие наука и механические изобретения получили в течение двух столетий, с 330 по 130 год до н. э. До 17 века, когда наука вновь сделала большой шаг вперед, ни в Индии, да и ни в одной другой стране не было ничего подобного этому. Даже Рим, несмотря на созданную им империю и распространение *Pax Romana* на значительной территории, несмотря на свои тесные связи с эллинистической культурой и возможности использовать знания и опыт многих народов, не сделал значительного вклада в науку, изобретения или развитие механики. После крушения классической цивилизации в Европе арабы поддерживали огонь научного познания на всем протяжении средних веков.

Этот расцвет научной деятельности и изобретений в Александрии был, несомненно, социальным продуктом своей эпохи, порожденным потребностями растущего общества и мореходства, подобно тому как развитие арифметики и алгебры, введение знака «нуль» и десятичной системы счисления в Индии объяснялось социальными нуждами, ростом торговли и более сложной организацией. Не ясно, однако, в какой степени этот научный дух был присущ древним грекам в целом; в жизни они, должно быть, следовали традиционным обычаям, основанным на старом философском методе — поисках цельности и гармонии в самом человеке и во взаимоотношениях человека с окружающей его природой. Именно этот метод является общим для древней Греции и Индии. В Греции, как и в Индии, год разделялся народными празднествами, которые возвещали смену времен года и подготавливали человека к переменам в природе. У нас в Индии попрежнему отмечаются праздники весны и урожая, диипавали, то есть праздник света в конце осени, и *холи* — карнавал в начале лета, а также торжества в честь эпических героев. Некоторые из этих праздников до сих пор сопровождаются народными танцами и пением, как, например, *рисамила* — танец Кришны с *гопи* (пастушками).

Древняя Индия не знала затворничества женщин; оно имело место иногда лишь в царствующих семьях и среди знати. Вероятно, в Греции разделение полов было в ту эпоху более строгим, чем в Индии. В старых индийских книгах часто упоминается об известных и образованных женщинах, нередко принимавших участие в публичных дискуссиях. В Греции брак основывался, вероятно, на чисто договорных началах, а в Индии он всегда рассматривался как священный союз, хотя имеются упоминания и о других формах.

Гречанкам оказывался в Индии особенно теплый прием. В старых пьесах часто фигурируют в качестве придворных прислужниц гречанки. Говорят, что в числе важных статей импорта из Греции в Индию через порт Баригаса (Броч в Западной Индии), были «поющие юноши и красивые девушки». Мегасфен, описывая жизнь царя династии Маурьев Чандрагупты, рассказывает нам: «Пищу царя готовили женщины, которые также подавали ему вино, широко потребляемое всеми индийцами». Некоторые из вин поступали, несомненно, из греческих земель или колоний, ибо один старый тамильский поэт упоминает о «прохладном и ароматном вине, которое яваны (ионийцы или греки) привозят на своих замечательных судах». В одном греческом источнике рассказывается, что царь Паталипутры (вероятно, отец Ашоки Биндусара) обратился к Антиоху с просьбой купить и прислать ему сладкого вина, сушеных фиг и философа софиста. Антиох ответил: «Мы пошлем вам фиг и вина, но законы в Греции запрещают продавать софистов».

Из греческой литературы видно, что в Греции гомосексуальные отношения не считались чем-то предосудительным. Они даже романтически одобрялись. Возможно, это объяснялось разделением полов в юности. Аналогичные вещи встречаются и в Иране, и персидская литература изобилует такого рода примерами. Повидимому, образ мужчины как предмета мужской любви стал литературной традицией. В санскритской литературе этого нет; очевидно, в Индии гомосексуализм не одобрялся и не получил сколько-нибудь широкого распространения.

Греция и Индия были связаны друг с другом с древнейших летописных времен, а в более поздний период между Индией и находившейся под влиянием эллинизма Западной Азией поддерживались тесные связи. Большая астрономическая обсерватория в Удджайини (ныне Удждайн) в Центральной Индии была связана с Александрией в Египте. На протяжении длительного периода связи между этими двумя древними цивилизациями должен был существовать и активный обмен в области мышления и культуры. В некоторых греческих книгах сохранилось предание о том, что образованные индийцы посетили Сократа и задавали ему вопросы. Особенно сильное влияние индийской философии испытал на себе Пифагор. Профессор Х. Г. Роулинсон замечает по этому поводу, что «почти все теории, религиозные, философские и математические, которые проповедовались пифагорейцами, были известны в Индии в 6 веке до н. э.». Европейский ученый — специалист по античной культуре, Урвик, основывал свое толкование «Республики» Платона на индийской философии¹. Гностицизм считается определенной попыткой слить воедино элементы греческого учения Платона и индийской философии. Примерно в начале христианской эры университет в Таксиле посетил философ Аполлоний Тианский.

В 11 веке н. э. в Индию прибыл знаменитый путешественник и ученый ал-Бируни, перс, родившийся в Хоросане, в Средней Азии. Он изучил греческую философию, которая пользовалась известностью в Багдаде в эпоху зарождения ислама. В Индии он занялся изучением санскрита, чтобы ознакомиться с индийской философией. Его поразило большое количество общих черт, и он сравнивает эти две философии в своей книге об Индии. Ал-Бируни упоминает о написанных на санскрите книгах о греческой и римской астрономии.

Неизбежно влияя друг на друга, греческая и индийская цивилизации были, однако, достаточно сильны, чтобы сохранить свою самобытность и развиваться самостоятельными путями. В последние годы наметился отход от старой тенденции

¹ В труде Zimmern «The Green Commonwealth» имеется ссылка на книгу Urwick «The Message of Plato» (1920). Я этой книги не видел.

приписывать все Греции и Риму, и стали подчеркивать роль Азии и особенно Индии. «Говоря в общем, — пишет профессор Тарн, — азиаты брали у греков обычно лишь внешние черты, форму; они редко заимствовали сущность (возможное исключение составляют гражданские институты) и никогда — дух. Ибо Азия была совершенно уверена, что в вопросах духа она переживет, и действительно пережила, греков». И далее: «Индийская цивилизация была достаточно сильна, чтобы не подпасть под влияние греческой цивилизации, но все же, за исключением религиозной сферы, недостаточно сильна, чтобы со своей стороны оказать на Грецию влияние, подобное влиянию Вавилонии. Тем не менее есть основание думать, что в некоторых отношениях Индия была ее главным партнером». «Если не считать изваяний Будды, то история Индии осталась бы неизменной во всех существенных чертах, даже если бы греки никогда не существовали».

Интересна мысль о том, что поклонение образу божества пришло в Индию из Греции. Ведическая религия не признавала никаких форм идолопоклонства или поклонения образу божества. В те времена не было даже храмов для богов. В старых религиях Индии были, вероятно, какие-то следы поклонения образу божества, хотя оно, несомненно, не получило широкого распространения. Ранний буддизм решительно восставал против этого, и имелось специальное запрещение создавать изображения и изваяния Будды. Однако в Афганистане и пограничных областях влияние греческого искусства было сильным, и постепенно оно дало себя знать, но и в этом случае первыми статуями были статуи не Будды, а Аполлона — наподобие изваяний бодисаттв (считающихся прежними воплощениями Будды). За этим последовали статуи и изображения самого Будды. Это поощрило поклонение образу божества в некоторых формах индуизма, но не в ведической религии, которая оставалась свободной от этого. В персидском языке и на хиндустани образ или статуя все еще называется «бут», от слова Будда.

Человеку, видимо, присуще стремление отыскивать некое единство в жизни, природе и вселенной. Это стремление, оправданное или нет, должно удовлетворять некой насущной потребности разума. Философы древности неустанно искали это единство, и даже современные ученые руководствуются этим стремлением. В основе всех наших схем и планов, наших идей о воспитании, о социальной и политической организации лежат поиски единства и гармонии. Некоторые способные мыслители и философы говорят нам, что эта концепция является ложной и что в нашей основанной на случайностях вселенной нет порядка или единства. Может быть, это и так, но нет никакого сомнения в том, что в Индии, Греции и в других странах даже это ошибочное убеждение (если только оно было таковым) и поиски единства дали положительные результаты и создали гармонию, равновесие и полноту жизни.

БАРЕЛЬЕФ В МЕДАЛЬОНЕ НА КОЛОННЕ.
БАДАМИ, 3-Я ПЕЩЕРА. 6 ВЕК Н. Э.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ТЕАТР

Открытие Европой древнеиндийской драмы немедленно вызвало предположения о том, что индийская драма обязана своим происхождением драме греческой или испытала на себе сильное влияние последней. Эта теория выглядела правдоподобной, ибо до тех пор вообще не знали о существовании какой-либо другой древней драмы, а после набега Александра на границы Индии возникли эллинизированные государства. Эти государства существовали еще в течение нескольких веков, и там, вероятно, были известны греческие театральные представления. В течение всего 19 века этот вопрос являлся предметом тщательного изучения и обсуждения среди европейских ученых. В настоящее время всеми признано, что индийский театр был совершенно независим как по своему происхождению и идее, лежавшей в его основе, так и по своему дальнейшему развитию. Его возникновение можно проследить от гимнов и диалогов «Ригведы», носивших в известной степени драматизированный характер. Упоминания о *натака*, или драме, имеются в «Рамаяне» и «Махабхарате». Она начала оформляться в виде песен, музыки и танцев, связанных с легендами о Кришне. О некоторых драматических формах упоминает и великий грамматик 6 или 7 века до н. э. Панини.

К 3 веку н. э. относят написание трактата о театральном искусстве «Натья-шастра», опиравшегося, очевидно, на более ранние произведения по этому вопросу. Такая книга могла быть написана лишь в эпоху развитого драматического искусства, когда публичные представления стали обычным явлением. Ей должны были предшествовать значительная литература и долгие века постепенного развития. Недавно в Рамгархских холмах в Чота-Нагпуре был раскопан древний театр, относящийся ко 2 веку до н. э. Показательно, что он очень похож на театры, общее описание которых содержится в «Натья-шастре».

Сейчас считается, что драма на санскритском языке окончательно сложилась в 3 веке до н. э., хотя некоторые ученые относят это к 5 веку. В дошедших до нас драмах часто упоминаются более древние авторы и их драмы, которые до сих пор не найдены. Одним из таких авторов утерянных произведений был Бхаса, которого высоко ценили многие последующие драматурги. В начале этого века было обнаружено собрание тринадцатого драм. Вероятно, самыми древними из обнаруженных до сих пор драм на санскритском языке являются драмы Ашвагхоши, который жил накануне или в начале нашей эры. Это, в сущности, лишь фрагменты рукописей на пальмовых листьях, и, как это ни странно, они были найдены в Турфане, на краю пустыни Гоби. Ашвагхоша был благочестивым буддистом. Он является также автором жизнеописания Будды «Буддачарита», которое было хорошо известно и долгое время пользовалось популярностью

в Индии, Китае и Тибете. Сделанный тогда перевод на китайский язык был выполнен индийским ученым.

Эти открытия дают новое освещение истории древнеиндийской драмы, и вполне возможно, что дальнейшие открытия и находки прольют новый свет на это замечательное явление в области индийской культуры. Ибо, как писал в своей книге «Le théâtre Indien» Сильвен Леви: «Le théâtre est la plus haute expression de la civilisation qui l'enfante. Qu'il traduise ou qu'il interprète la vie réelle, il est tenu de la résumer sous une forme frappante, dégagée des accessoires insignifiants, généralisée dans un symbole. L'originalité de l'Inde s'est exprimée toute entière dans son art dramatique; elle y a combiné et condensé ses dogmes, ses doctrines, ses institutions...»¹

Впервые Европа познакомилась с древнеиндийской драмой по изданному в 1789 году переводу пьесы Калидасы «Шакунтала», выполненному сэром Уильямом Джонсом. Это открытие вызвало нечто вроде смятения среди европейской интеллигенции, и книга выдержала несколько изданий. Переводы «Шакунталы» (сделанные с перевода сэра Уильяма Джонса) появились также на немецком, французском, датском и итальянском языках. «Шакунтала» произвела огромное впечатление на Гете, и он очень высоко оценил ее. Говорят, что мысль написать пролог к «Фаусту» была подсказана Гете прологом Калидасы, отвечавшим традициям санскритской драмы².

¹ «Театр есть высшее выражение породившей его цивилизации. Независимо от того, копирует ли он действительную жизнь или даст ее в своей трактовке, он стремится воспроизвести ее в яркой форме, очищенной от второстепенных аксессуаров, обобщенной в виде символа. Оригинальность Индии полностью отразилась в ее драматическом искусстве. Она собрала в нем в сжатой форме свои догмы, свои учения, свои институты...»

² У части индийских авторов наблюдается тенденция (которой не избежал отчасти и я) приводить выдержки и цитаты из произведений европейских ученых, восхваляющих древнеиндийскую литературу и философию. Было бы столь же легко и даже много легче привести другие выдержки, в которых высказывается прямо противоположная точка зрения. Ознакомление европейских ученых в 18 и 19 веках с индийским мышлением и философией вызвало бурю восторгов и энтузиазма. Казалось, что они удовлетворяют некой потребности в чем-то таком, что европейская культура была не в состоянии сделать. Затем наступила отрицательная реакция, и возникли критика и скептицизм. Это было вызвано ощущением, что философия бесформенна и расплывчата, и, кроме того, также антипатией к замкнутой кастовой структуре индийского общества. Обе эти реакции, и положительная и отрицательная, основывались на весьма несовершенном знании древнеиндийской литературы. Сам Гете склонялся то к одному, то к другому мнению и, признавая колоссальное воздействие индийского мышления на западную цивилизацию, отказывался в то же время поддаться его далеко идущему влиянию. Этот двойственный и противоречивый подход весьма типичен для отношения европейцев к Индии. В последние годы великий европеец и типичный представитель лучшего, что создано европейской культурой, Ромен Роллан взглянул на истоки индийского мышления с более синтетической и весьма дружественной точки зрения. Для него

Калидаса признан величайшим поэтом и драматургом в санскритской литературе. «Le nom de Kâlidâsa,— говорит профессор Сильвен Леви,— domine la poésie indienne et la résumé brillamment. Le drame, l'épopée savante, l'élégie attestent aujourd'hui encore la puissance et la souplesse de ce magnifique génie; seul entre les disciples de Sarasvati il a eu le bonheur de produire un chef d'oeuvre vraiment classique, où l'Inde s'admire et où l'humanité se reconnaît. Les applaudissements qui saluèrent la naissance de Cakuntala à Ujjayini ont après de long siècles éclaté d'un bout du monde à l'autre, quand William Jones l'eut révélé à l'Occident. Kâlidâsa a marqué sa place dans cette pléiade étincelante où chaque nom résume une période de l'esprit humain. La série de ces noms forme l'histoire, ou plutôt elle est l'histoire même»¹.

Перу Калидасы принадлежит ряд других пьес и несколько длинных поэм. Даты его жизни неизвестны, но вполне вероятно, что он жил в Удджайини в конце 4 века н. э., в царствование Чандрагупты II Викрамадитьи из династии Гуптов. Предание гласит, что он был одной из девяти жемчужин двора, и нет никакого сомнения в том, что еще при жизни гений его был оценен, и он получил полное признание. Калидаса принадлежал к числу тех баловней судьбы, с которыми жизнь обходится, как с любимыми сыновьями, и которым ее красота и нежность знакомы лучше, нежели ее острые шипы и шероховатые края. Его произведения говорят о его любви к жизни и преклонении перед красотой природы.

Одна из больших поэм Калидасы называется «Мегхадута», то есть «Облако-вестник». Герой поэмы, попавший в плен и разлученный со своей возлюбленной, просит облако в дождливое время года передать любимой, как он томится по ней. Замечательную

Восток и Запад представляли разные фазы вечной борьбы человеческой души. По этому вопросу — о реакции Запада на индийское мышление — талантливо и со знанием дела писал преподаватель университета Шантиникетан Алекс Аронсон. Университет Шантиникетан, находящийся в Болпуре, близ Калькутты, основан Рабиндранатом Тагором, который жил в Шантиникетане и возглавлял это единственное в своем роде учебное заведение до самой своей смерти в 1941 году. Слово «Шантиникетан» означает «мирная обитель».

¹ «Имя Калидасы доминирует в индийской поэзии и блестяще резюмирует ее. Драма, санскритский эпос, элегия по сей день говорят о силе и гибкости этого могучего гения. Он единственный из учеников Сарасвати [богини наук и искусств], который имел счастье создать подлинно классический шедевр, в котором Индия любит себя своим отражением, а человечество узнает себя. Гром рукоплесканий, приветствовавших рождение «Шакунталы» в Удджайини, прокатился после долгих веков с одного конца мира до другого, когда Уильям Джонс открыл эту драму Западу. Калидаса по праву занял место в той блестящей плеяде, где каждое имя воплощает целый период в развитии человеческого духа. Ряд этих имен составляют историю, или, вернее, они и есть сама история».

дань этой поэме и самому Калидасе отдал американский ученый Райдер. Касаясь двух частей этой поэмы, он заявляет: «Первая половина содержит описание природы, тесно переплетенное с описанием человеческих чувств. Вторая половина рисует душу человека, но на фоне красот природы. Эта вещь написана столь изысканно, что нельзя сказать, какая половина лучше. Одни из тех, кто читал эту совершенную поэму в оригинале, отдают предпочтение первой, другие — второй части. Калидаса в 5 веке понимал то, что Европа поняла только в 19, да и сейчас понимает еще ограниченно, а именно: мир не создан для человека, и человек лишь тогда встает во весь свой рост, когда сознает достоинство и ценность жизни, не принадлежащей человеку. То, что Калидаса постиг эту истину, делает честь его интеллектуальной силе, качеству, столь же необходимому для большой поэзии, как и совершенство формы. Поэтический дар не является редкостью; острый ум также не такое уж необычное явление, но сочетание того и другого встречалось, быть может, не больше десяти раз с сотворения мира. Обладание этим гармоничным сочетанием ставит Калидасу в один ряд не с Анакреоном, Горацием и Шелли, а с Софоклом, Вергилием и Мильтоном».

Вероятно, задолго до Калидасы была написана другая пьеса — «Мричхакатика» или «Глиняная тележка» Шудраки. Это нежная, несколько искусственная пьеса, отличающаяся, тем не менее, реалистичностью, которая волнует нас и дает нам некоторое представление о мышлении и культуре той эпохи. Около 400 года н. э., в царствование Чандрагупты II, была написана еще одна замечательная драма «Мудра-Ракшаса», то есть перстень с печатью, Вишакхадатты. Это чисто политическая пьеса, без какого-либо любовного или мифологического сюжета. В ней говорится о времени Чандрагупты Маурья, и героем ее является его главный министр, автор «Артхашастры» Чанакья. В некоторых отношениях эта пьеса удивительно актуальна и сейчас.

Харша, правитель, создавший в начале 7 века н. э. новую империю, также был драматургом, и до нас дошли три его пьесы. Около 700 года н. э. жил Бхавабхути, другая яркая звезда в санскритской литературе. Его произведения с трудом поддаются переводу, так как главная их прелесть — в языке. В Индии Бхавабхути пользуется большой популярностью, уступая в этом отношении одному Калидасе. Вильсон, который был профессором санскрита в Оксфордском университете, сказал об этих двух авторах: «Невозможно представить себе язык, столь музыкальный или величественно прекрасный, как язык стихов Бхавабхути и Калидасы».

Поток санскритской драмы не прекращался еще в течение многих веков, но после Мурари, жившего в начале 9 века, качество ее заметно снижается. Это снижение и постепенный

упадок становились очевидными и в других областях жизни и деятельности. Высказывались предположения, что упадок драмы отчасти был следствием отсутствия покровительства со стороны правителей в индо-афганский и могольский периоды и, кроме того, результатом неодобрительного отношения ислама к драме как к форме искусства, главным образом из-за ее тесной связи с национальной религией. Для этой литературной драмы, если не считать сохранившихся народных элементов, характерны были ученость и изощренность, и ее развитие зависело от покровительства знати. Однако это слабый довод, хотя политические изменения в верхах и могли оказать известное косвенное влияние. В действительности упадок санскритской драмы стал очевиден задолго до этих политических изменений. К тому же эти изменения ограничивались в течение нескольких веков Северной Индией, и, сохранив эта драма какую-либо жизнеспособность, она могла бы продолжать развиваться на юге. Если не считать кратковременных периодов пуританской суровости, то индо-афганские, тюркские и могольские правители определенно поощряли индийскую культуру, внося в нее иногда некоторые вариации и дополнения. Индийская музыка в целом встретила восторженный прием при мусульманских дворах и у знати, и некоторые из крупнейших мастеров индийской музыки были мусульмане. Литература и поэзия также поощрялись, и среди известных поэтов, писавших на хинди, есть мусульмане. Правитель Биджапура Ибрагим Адил-шах написал на хинди трактат об индийской музыке. Индийская поэзия и музыка изобиловали ссылками на индуистских богов и богинь, и все же они были приняты, и старые аллегории и метафоры были попрежнему в ходу. Можно сказать, что, за небольшими исключениями, мусульманские правители не пытались подавить какую-либо форму искусства, если не считать запрещения воздвигать статуи богов.

Санскритская драма пришла в упадок потому, что в те дни многое в Индии приходило в упадок и ее творческий дух угасал. Она пришла в упадок задолго до воцарения на делийском троне афганцев и тюрков. Впоследствии санскриту, как языку образованной знати, пришлось соперничать до некоторой степени с персидским языком. Но одной несомненной причиной была, видимо, все расширявшаяся пропасть между языком санскритской драмы и языками повседневной жизни. К 1000 году н. э. народные языки, на основе которых сложились современные языки, начали принимать литературную форму.

Однако, как это ни удивительно, санскритская драма продолжала жить в течение всего средневекового периода вплоть до самого последнего времени. В 1892 году появился персвод на санскрит пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь». Непрерывно обнаруживаются рукописи старых драм. Список таких драм, составленный в 1890 году профессором Сильвенем Леви, содержал

377 названий драм 189 авторов. В более позднем списке числится уже 650 драм.

Старые драмы (Калидасы и других авторов) написаны смешанным языком. Это санскрит и один или несколько *пракритов*, то есть народных вариантов санскрита. В одной и той же драме образованные люди говорят на санскрите, а простой люд, обычно женщины, на пракрите, хотя есть и исключения. Поэтические и лирические места, которых очень много в драмах, написаны на санскрите. Это смешение, вероятно, делало драмы более доступными для средней аудитории. Это был компромисс между литературным языком и требованиями народного искусства. Тем не менее в основном старая драма представляет аристократическое искусство, предназначенное для искушенной аудитории, обычно для придворных и им подобных. Сильвен Леви сравнивает ее в некоторых отношениях с французской трагедией, которая, будучи далека от народа в выборе тем и отвернувшись от реальной жизни, создавала условное общество.

Но кроме этого литературного театра высшего класса, в Индии всегда существовал и народный театр, репертуар которого был основан на сказаниях индийской мифологии и эпоса, хорошо знакомых аудитории. Поэтому задачей театра был скорее показ этих сказаний, чем их драматизация. Представление шло на народном языке каждой данной местности и поэтому ограничивалось ее пределами, в то время как санскритские драмы, написанные на общем для всех образованных индийцев языке, были в моде во всей Индии.

Эти санскритские драмы предназначались, несомненно, для постановки. Они сопровождаются тщательными режиссерскими указаниями и правилами рассаживания публики. В отличие от древней Греции в представлениях принимали участие актрисы. Как греческая, так и санскритская драма пронизана утонченным восприятием природы и чувством, что человек является частью природы. Она проникнута лирикой, и поэзия кажется неотъемлемой частью жизни, полной смысла и значения. Стихи часто декламировались. Читая греческую драму, наталкиваясь на много обычаев, часто на образ мысли и жизни, которые вызывают воспоминание о старых индийских обычаях. Тем не менее греческая драма в своем существе глубоко отлична от драмы санскритской.

В основе греческой драмы лежит трагедия, проблема зла. Почему человек страдает? Зачем в мире существует зло? Загадка религии, бога. Какое жалкое существо человек, игрушка времени, слепо и бесцельно стремящийся побороть всемогущую судьбу — «закон, который живет и не меняется веками». Человек должен познавать мир через страдания, и, если ему посчастливится, он поднимется над своими стремлениями.

Счастлив будь, отыскавший путь,
Избежавший бурь и бросивший якорь в гавани.
Счастлив будь, сказавший — забудь!—
Одоловший себя... Ибо самое странное
Из искусств — это жизнь. Властью силы и злата
Здесь один попирает другого; брат — брата;
И миллионы людей — как вода, как поток;
И миллионы надежд — как зыбучий песок;
Здесь достигшие цели и те, что достичь не смогли,
Чьи надежды мертвы или сохнут в пыли.
Но однажды постигший
То, что жить — это счастье,
Свое Небо нашел навсегда. Свое Небо найдет навсегда.

Человек познает посредством страданий, он познает, как воспринимать жизнь, но он узнает также, что конечная тайна остается неразгаданной, и он не может найти ответ на свои вопросы или разрешить загадку добра и зла

Есть много призраков, рожденных тайной,
И много есть вещей, что создал бог,
Они лежат за страхом и надеждой.
И тот конец, который ищут люди, еще не виден,
И тропа там пролегла, где человек не ищет.¹

В санскритской литературе нет ничего подобного по силе и величественности греческой трагедии. Собственно, в Индии вообще нет трагедии, так как трагическая развязка не допускалась. Подобные большие проблемы не обсуждались, ибо драматурги придерживались общепринятых шаблонов религиозных убеждений. К их числу относились учения о повторном рождении и о причине и следствии. Случайности и беспричинное зло исключались, ибо то, что происходит сейчас, есть неизбежный результат какого-нибудь события в прежней жизни. Нет никакого вмешательства слепых сил, с которыми следует бороться человеку, к тому же эта борьба и бесполезна. Эти примитивные объяснения не удовлетворяли философов и мыслителей, и они постоянно выходили за их рамки в поисках конечных причин и более полных объяснений. Но в общем жизнь направлялась этими убеждениями, и драматурги не оспаривали их. Драма и санскритская поэзия вообще полностью отвечали индийскому духу, и следов какого-либо возмущения против него очень мало. Драматургические каноны были строги, и их нелегко было преступить. Это, однако, не означало безвольной покорности судьбе. Герой — это всегда мужественный человек, готовый взглянуть в лицо любой опасности. «Невежда уповает на провидение», —

¹ Цитируется из произведений Еврипида: первая — из «Вакханки», вторая — из «Алкеста».

презрительно говорит Чанакья в «Мудра-Ракшасе». Он ждет помощи от звезд, вместо того чтобы полагаться на свои силы. Закрадывается и некоторая искусственность: герой всегда герой, а злодей почти неизменно совершает одни злодейские поступки. Промежуточных оттенков очень мало.

Однако пьесы содержат сильные драматические коллизии, волнующие сцены и известное отражение жизни, похожее на сновидение — реальное и в то же время нереальное, все сплетенное воедино силой поэтического вымысла и изложенное великолепным языком. Начинает казаться (хотя, возможно, это было и не так), что жизнь в Индии в ту пору была более мирной, более устойчивой, словно она открыла и нашла ответ на свои вопросы. Она безмятежно течет в своем русле, и даже буйные ветры и проносящиеся мимо вихри вызывают лишь легкую рябь на ее поверхности. Здесь нет ничего похожего на яростные бури греческой трагедии. Зато она глубоко человечна, и ей присущи известная эстетическая гармония и логическое единство. Натура, индийская драма, говорит Сильвен Леви, до сих пор остается самым удачным творением индийского гения.

Профессор А. Берридейл Кит¹ также заявляет, что «санскритская драма может по праву считаться вершиной индийской поэзии и законченным выражением системы взглядов на литературное искусство, сложившихся у творцов индийской литературы, полностью отдававших себе отчет в своем предназначении... Источником достижений Индии в интеллектуальной области был тот самый брахман, на которого столько клеветали как в этом, так и в других вопросах. Подобно тому как он создал индийскую философию, он другим усилием своего интеллекта породил тонкую и действенную драматическую форму».

В 1924 году в Нью-Йорке была поставлена в английском переводе пьеса Шудраки «Мриччхакатика». Вот что писал о ней театральный критик журнала «Нойшн» Джозеф Вуд Крач: «Здесь, или нигде, зритель сумеет увидеть истинный образец того чистого театрального искусства, о котором говорят теоретики; и здесь же он получит пищу для размышлений о той подлинной восточной мудрости, которая кроется не в некой доктрине для посвященных, а в сочувствии гораздо более глубоком и истинном, нежели сочувствие, присущее традиционному христианству, подвергнутому тлетворному влиянию суровых нравственных догматов юдаизма... Это вещь совершенно искусственная и все же глубоко волнующая, ибо она не реалистична, а реальна... Кем бы ни был ее автор и когда бы он ни жил, в 4 или в 8 веке, он был добрым и мудрым человеком, обладавшим не той добротой и мудростью, которые слетают

¹ Я часто обращался к книге Sylvain Levi «Le 'théâtre Indien» (Paris, 1890) и A. Berriedale Keith «The Sanskrit Drama» (Oxford, 1924), и некоторые цитаты взяты из этих двух книг.

с уст или выходят из-под бойкого пера какого-нибудь моралиста, а той, что исходит из самой глубины души. Утонченное восхищение перед свежей красотой юности и любовью как бы умеряло его спокойствие, и он был достаточно стар, чтобы понимать, что веселая и хитроумная история может послужить средством передачи нежной гуманности и уверенной доброты.

...Такую пьесу могла создать цивилизация, уже достигшая устойчивости. Когда цивилизация уже продумала все свои проблемы, она неизбежно приходит к чему-то столь же безмятежному и наивному. Макбет и Отелло, при всем их волнующем величии,— герои варварские, ибо страстное бунтарство Шекспира — это бунтарство, порожденное конфликтом между недавно пробудившейся чувствительностью и рядом этических норм, унаследованных от времен дикости. Реалистическая драма наших дней — продукт аналогичного смятения. Но когда проблемы решены, а страсти примирились с велениями рассудка, тогда остается лишь форма.

...Среди классических произведений прошлого Европы мы нигде не находим произведения более гуманного».

ЖИВУЧЕСТЬ И СТОЙКОСТЬ САНСКРИТА

Санскрит — язык удивительно богатый, цветистый, полный различных новых образований и в то же время точный и строго выдержанный в рамках грамматики, изложенной Панини 2600 лет пазад. Он разрастался, обогащался, становился более полным и витиеватым, но всегда держался за свои первоначальные корни. В годы упадка санскритской литературы он утратил в какой-то степени свою силу и простоту стиля и обрел ряд очень сложных форм и витиеватых сравнений и метафор. В руках эпигонов грамматические правила словообразования стали лишь способом показать свою ученость, нанизывая на протяжении многих строк целые гирлянды слов.

Сэр Уильям Джонс заметил еще в 1784 году: «При всей своей древности санскритский язык обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих; в то же время он обнаруживает близкое родство с ними в области корней глаголов и грамматических форм, которое не может быть результатом случайного сходства, родство, настолько сильное, что ни один изучающий их филолог не может не прийти к убеждению, что они происходят из *некоего общего источника*, возможно уже не существующего...»

За Уильямом Джонсом последовало много европейских ученых, английских, французских, немецких и других, которые изучали санскрит и заложили основы новой науки — сравнительного языкознания. Немцы опередили всех в этой новой области, и именно этим немецким ученым 19 века принадлежит главная заслуга в исследовании санскрита. В каждом

немецком университете было отделение санскрита, возглавлявшееся одним-двумя профессорами. Индийские ученые, проделавшие значительную работу, применяли старый некритический метод и редко бывали знакомы с иностранными классическими языками, кроме арабского и персидского. Под влиянием Европы в Индии возникла наука нового типа, и многие индийцы отправлялись в Европу (обычно в Германию), чтобы научиться новым методам исследования и критического сравнительного изучения. У этих индийцев было преимущество перед европейцами, зато, с другой стороны, был и недостаток. Этим недостатком было некоторое количество предвзятых мнений, унаследованных убеждений и традиций, препятствовавших объективному критическому подходу. Преимуществом, и притом большим, являлась способность проникаться духом произведения, представлять себе среду, в которой оно появилось, и тем самым лучше его чувствовать.

Язык — нечто неизмеримо более широкое, чем грамматика и филология. Это поэтическое завещание духа народа, его культуры и живое воплощение тех мыслей и образов, под влиянием которых они складывались. Значение слов меняется из века в век, и старые идеи превращаются в новые, зачастую сохраняя свою старую форму. Трудно уловить смысл, а тем более дух древнего слова или древней фразы. Необходим известный романтический и поэтический подход, если мы хотим проникнуть в этот старый смысл и понять мысли людей, говоривших этим языком в былое время. Чем богаче и многообразнее язык, тем большей становится эта трудность. В санскрите, как и в других классических языках, множество слов, обладающих не только поэтической красотой, но и глубоким значением, рождающих множество ассоциаций, которые нельзя передать на языке, чуждом по своему духу и форме. Даже его грамматика, его философия насыщены глубоким поэтическим содержанием; и один из старых санскритских словарей составлен в поэтической форме.

Даже тем из нас, кто изучал санскрит, не легко проникнуть в дух этого древнего языка и снова жить в его мире, давным-давно канувшем в вечность. И все же в небольшой степени мы можем это сделать, ибо мы наследники старых традиций, и старый мир все еще живет в нашем воображении. Современные индийские языки — детище санскрита, обязанные ему большей частью своего словарного фонда и своих форм выражения. Многие богатые и выразительные слова в санскритской поэзии и философии, не переводимые на иностранные языки, все еще живут в наших народных языках. Да и сам санскрит, давно умерший как народный язык, все еще обладает поразительной жизненной способностью. Но для иностранцев, какими бы образованными они ни были, эти трудности возрастают. К несчастью, ученые и специалисты редко бывают поэтами, а для истолкования языка нужен ученый-поэт. От этих ученых, как указал Барт, мы

обычно получаем «traductions infidèles à force d'être littérales»¹. Таким образом, несмотря на все успехи сравнительного языкознания и большую исследовательскую работу в области санскрита, работа в общем остается сухой и бесплодной с точки зрения поэтического и романтического подхода к этому языку. На английском, да и на любом другом иностранном языке вряд ли имеется хоть один перевод с санскрита, который можно назвать достойным оригинала или близко передающим его. Ни индийцы, ни иностранцы по разным причинам не достигли в этом успеха. Это весьма прискорбно, и мир теряет таким образом нечто полное красоты, воображения и глубоких мыслей, нечто такое, что является наследием не только Индии, но что должно быть наследием всего человечества.

Благодаря результатам строгой школы обучения, благоговейному подходу и проникновенности, которыми отличается английский перевод Библии², удалось не только создать величественное произведение, но и придать английскому языку силу и достоинство. Поколения европейских ученых и поэтов любовно трудились над произведениями греческих и латинских классиков и дали прекрасные переводы их на различные европейские языки. Таким образом, даже простые люди могут приобщиться в какой-то степени к этим культурам и среди однообразия своего существования узреть мимолетное видение истины и красоты. Над трудами санскритских классиков еще предстоит проделать такую работу. Когда она будет выполнена и будет ли выполнена вообще — я не знаю. Число наших ученых и их эрудиция все время растут. Есть у нас и свои поэты, но между теми и другими существует большой и все расширяющийся разрыв. Наши творческие тенденции устремлены в иное направление, а множество требований, предъявляемых к нам современным миром, вряд ли оставляет нам время для кропотливого изучения классиков. В Индии нам приходится думать о другом и наверстывать упущенное время. Мы слишком много уделяли внимания классикам в прошлом, а так как мы утратили свои творческие инстинкты, нас перестали вдохновлять даже те классики, которые, по нашему утверждению, столь дороги нашему сердцу. Мне думается, что переводы индийских классиков будут появляться и впредь; ученые проследят за тем, чтобы санскритские слова и названия правильно транскрибировались, имея все необходимые диакритические знаки, и были бы снабжены необходимыми примечаниями, пояснениями и сравнениями. Все будет передано добросовестно и дословно, не будет лишь живого духа. То, что было столь прекрасно и музыкально, пронизано жизнью и радостью, преисполнено смелого воображения, станет дряхлым, плоским и затхлым; они не сохранят ни

¹ «Переводы, неслучайно именно в силу своей дословности».

² Английский переработанный перевод Библии, сделанный в 1611 году, при короле Якове I — Authorised Version. — *Прим. ред.*

молодости, ни красоты, а будут лишь отдавать пылью кабинета ученого и запахом светильного масла.

Мне неизвестно, давно ли санскрит стал мертвым языком в том смысле, что его перестал употреблять народ. Даже в дни Калидасы он не был народным языком, хотя и являлся языком образованных людей всей Индии. Таким он оставался на протяжении столетий и даже был распространен в индийских колониях в Юго-Восточной и Центральной Азии. Имеются летописные свидетельства, что в 7 веке н. э. в Камбодже регулярно декламировались произведения на санскритском языке, и вполне вероятно даже, что давались представления санскритских пьес. В Таиланде (Сиаме) санскрит до сих пор употребляется в некоторых торжественных случаях. Живучесть санскрита в Индии поразительна. Когда, примерно в начале 13 века, на дельйском троне утвердились афганские правители, придворным языком в большей части Индии стал персидский, и постепенно многие образованные люди начали отдавать ему предпочтение перед санскритом. Развились и обрели литературные формы народные диалекты. Но, несмотря на все это, санскрит сохранился, хотя качество его снизилось. Выступая на Восточной конференции, состоявшейся в 1937 году в Тривандруме, председатель конференции д-р Ф. Ф. Томас указал, какой огромной объединяющей силой был санскрит в Индии и насколько широко он распространен до сих пор. Д-р Томас, по существу, высказал предположение, что в настоящее время следовало бы поощрить создание некой простой формы санскритского языка, своего рода упрощенного санскрита, в качестве всеиндийского языка. Он сочувственно процитировал следующие слова Макса Мюллера: «Между прошлым и настоящим Индии существует такая замечательная преемственность, что, несмотря на неоднократные социальные потрясения, религиозные реформы и иноземные нашествия, санскрит все еще можно считать единственным языком, на котором говорят на всем протяжении этой обширной страны. Я считаю, что и сейчас, после ста лет английского правления и преподавания на английском языке, санскрит в Индии распространен гораздо шире, чем латинский язык в Европе во времена Данте».

Я не имею никакого представления, сколько европейцев во времена Данте понимало латинский язык. Мне неизвестно также число людей в современной Индии, понимающих санскрит. Тем не менее число их все еще велико, особенно на юге. Простой разговорный санскрит нетрудно понять тем, кто знает какой-нибудь из современных индо-арийских языков—хинди, бенгали, маратхи, гуджарати и др. Даже современный урду, являющийся всецело индо-арийским языком, вероятно, содержит восемьдесят процентов слов, заимствованных из санскрита.

Часто трудно сказать, из персидского или санскритского языка пришло к нам то или иное слово, так как корни обоих

этих языков одинаковы. Любопытно, что дравидские языки юга, хотя и совершенно отличные по своему происхождению, заимствовали и восприняли из санскрита такую массу слов, что почти половина их словаря очень тесно связана с санскритом.

Книги на санскрите на самые разнообразные темы, включая драматические произведения, продолжали появляться на протяжении всего средневековья и вплоть до современного периода. Время от времени такие книги, а также журналы на санскрите выходят и сейчас. Однако уровень их невысок, и они не добавляют к санскритской литературе ничего ценного. Но нас поражает то, что санскрит в состоянии оказывать такое влияние на протяжении всего этого долгого периода: иногда даже речи на публичных собраниях произносятся на санскрите; правда, аудитория в этих случаях бывает более или менее избранная.

Это продолжающееся употребление санскрита, несомненно, помешало нормальному росту современных индийских языков. Образованные люди смотрели на них как на вульгарные языки, непригодные для творческой или научной работы, которая выполнялась на санскрите или, нередко, в более позднюю эпоху, на персидском языке. Однако, несмотря на это, языки больших провинций, постепенно оформляясь на протяжении ряда столетий, развили свою литературную форму и создали свою литературу.

Заслуживает внимания следующий факт: когда в современном Таиланде возникла потребность в новых технических, научных и административных терминах, многие из них были заимствованы из санскрита.

Древние индийцы придавали большое значение звуку, поэтому их литература, будь то поэзия или проза, отличается ритмичностью и музыкальностью. Прилагались особые усилия, чтобы обеспечить правильное произношение слов, и для этой цели были разработаны сложные правила. Это было тем более необходимо, что в древности обучение было устное и целые книги заучивались на память и так передавались из поколения в поколение. Значение, придававшееся звучанию слов, породило попытки координировать смысл слова с его звучанием, что приводило иногда к восхитительным сочетаниям, а порой и к грубому искусственному смещению. Э. Г. Джонстон писал по этому поводу: «Классическим поэтам Индии было присуще такое чувство звуковых оттенков, которому почти не найдется параллели в литературах других стран. Созданные ими очаровательные звуко сочетания служат неисчерпаемыми источниками наслаждения. Однако некоторые из них склонны сочетать смыслосочетанием таким способом, которому явно не хватает тонкости, и они совершали настоящие зверства, сочиняя стихи с ограниченным числом согласных, а иногда и с одним согласным звуком»¹.

¹ Цитируется по книге Asvaghosa «Buddhacarita» (Lahore, 1936), переведенной Е. Н. Johnston.

Даже в настоящее время ведические тексты декламируются в соответствии с точными правилами произношения, установленными в древности.

Современные индийские языки, ведущие свое происхождение от санскрита, называются индо-арийскими языками. Это языки хинди-урду, бенгали, маратхи, гуджарати, ория, ассамский, раджастан (разновидность хинди), пенджабский, синдхи, пушту и кашмирский. К дравидским языкам относятся тамильский, телугу, каннара и малаялам. Эти пятнадцать языков охватывают всю Индию, и самым распространенным из них является хинди с его разновидностью урду, который понимают даже там, где на нем не говорят. Помимо этих языков, имеется лишь несколько диалектов и несколько неразвитых языков, на которых говорят в очень ограниченных районах некоторые отсталые племена, обитающие в горах и джунглях. Часто повторяющаяся версия о том, что в Индии насчитывается пятьсот или больше языков, — досужий вымысел филологов и чиновников бюро переписи, которые относят к самостоятельным языкам все диалектные наречия и все мелкие говоры племен, живущих на ассамо-бенгальской границе с Бирмой, хотя иногда на этих диалектах говорит всего несколько сот или несколько тысяч человек. Сфера распространения большинства этих так называемых сотен языков не выходит за пределы восточных пограничных областей Индии и прилегающих районов Бирмы. Следуя методу этих чиновников, в Европе насчитывают сотни языков и в одной Германии, мне думается, их можно насчитать около шестидесяти.

Подлинная языковая проблема Индии не имеет никакого отношения к этому разнообразию. На практике она сводится к хинди-урду, одному языку с двумя литературными формами и двумя шрифтами. В разговорном языке вряд ли имеется какое-либо различие. В письменности и особенно в литературной форме разрыв между хинди и урду становится больше. Делались и делаются попытки уменьшить этот разрыв и создать общую форму, которой обычно называется хиндустани. Хиндустани превращается в общий язык, понятный населению всей Индии.

Народным языком Северо-западной пограничной провинции, равно как и Афганистана, является пушту, один из индо-арийских языков, ведущих свое происхождение от санскрита. Пушту, больше чем любой из наших языков, испытал на себе влияние персидского языка. В прошлом этот пограничный район дал ряд блестящих мыслителей, ученых и специалистов по санскритской грамматике.

Языком Цейлона является сингалезский язык. Это также индо-арийский язык, непосредственно происходящий от санскрита. Сингалезцы получили от Индии не только свою религию — буддизм; они родственны индийцам также по своему происхождению и в языковом отношении.

Санскрит, как сейчас окончательно признано, связан с классическими и современными языками Европы. Даже в славянских языках имеется много общих с санскритом форм и корней. Ближе всего к санскриту стоит в Европе литовский язык.

БУДДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Считается, что Будда говорил на народном языке того района Индии, где он жил, на пракрите, производном от санскрита. Вероятно, Будда владел и санскритом, но предпочитал говорить на народном языке, чтобы быть понятным народу. На основе этого пракрита возник язык ранних буддийских текстов — пали. Диалоги Будды, а также другие высказывания и дискуссии были записаны на языке пали через много лет после его смерти, и сейчас они образуют основу буддизма на Цейлоне, в Бирме и Сиаме, где преобладает разновидность буддизма — хинаяна.

Через несколько сот лет после Будды в Индии произошло возрождение санскрита и буддийские ученые начали писать свои философские и иные произведения на санскрите. На санскрите написаны труды и драмы Ашвагхоши (самые древние из имеющихся у нас драм), предназначавшиеся для пропаганды буддизма. Эти санскритские произведения буддийских ученых в Индии посылались в Китай, Японию, Тибет и Центральную Азию, где господствующей разновидностью буддизма была махаяна.

Эпоха, давшая миру Будду, была в Индии периодом огромного брожения умов и философских исканий. Да и не только в Индии, ибо это был век Лао-цзы и Конфуция, Зороастра и Пифагора. В Индии этот период привел к возникновению материализма, так же как и «Бхагавадгиты», буддизма и джайнизма и многих других течений мысли, которые впоследствии сложились в различные системы индийской философии. Существовали различные идейные течения, из которых одно возникало из другого и которые иногда отчасти совпадали друг с другом. Бок о бок с буддизмом развивались разнообразные философские школы, а в самом буддизме возник раскол, приведший к образованию различных школ мышления. Мало-помалу философский дух убывал, уступая место схоластике и полемическим спорам.

Будда не раз предостерегал свой народ против ученых споров по поводу метафизических проблем. Ему приписывают слова: «Если не можешь говорить о чем-либо, лучше молчи». Истину нужно искать в самой жизни, а не в спорах вокруг вопросов, лежащих за пределами жизни и потому недоступных пониманию человека. Будда уделял большое внимание этическим аспектам жизни и, очевидно, считал, что они находятся в загоне и ими пренебрегают из-за чрезмерного увлечения метафизическими тонкостями. Ранний буддизм отразил в известной степени этот философский и рационалистический дух Будды, опираясь в своих

исследованиях на опыт. В мире опыта понятие о чистом бытии не могло быть воспринято, и поэтому от него отказались. Также отказались и от идеи божественного творца, поскольку эта посылка не могла быть доказана логически. Тем не менее опыт оставался и, в известном смысле, являлся реальным. Чем могла быть эта реальность, как не потоком становления, вечно превращающимся во что-то иное? Таким образом, признавалось существование этих промежуточных степеней реальности, и дальнейшее исследование велось исходя из этой предпосылки на психологической основе.

Будда, при всем своем бунтарстве, вряд ли порвал с древней религией страны. Рис Дэвидс говорит, что «Гаутама родился, воспитывался, жил и умер индусом... В метафизике и принципах Гаутамы нет ничего такого, чего нельзя было бы найти в той или другой из ортодоксальных систем, а многое из его этических воззрений находит себе подобное в более ранних или более поздних индусских книгах. Оригинальность Гаутамы заключалась в том, как он переработал, расширил, облагородил и систематизировал то, что уже было сказано до него другими, и в том, как он довел до логического завершения принципы равенства и справедливости, уже признававшиеся рядом виднейших индусских мыслителей. Его отличие от других проповедников заключается главным образом в его глубокой искренности и в его широком народном духе филантропии»¹.

И все же Будда посеял семена бунта против условной религиозной практики своего времени. Возражения вызывала не его теория или философия (так как в рамках ортодоксальной веры можно было отстаивать любую мыслимую философию, пока она оставалась всего лишь теорией), а его вмешательство в область социальной жизни и организации людей. Старая система была свободной и гибкой во всем, что касалось мышления; она допускала существование всех оттенков мнений, но в сфере практики оставалась косной и отступление от установленной практики не одобрялось. Поэтому буддизм неизбежно тяготел к разрыву со старой верой, и после смерти Будды эта пропасть расширилась.

С упадком раннего буддизма развилась его новая форма — махаяна. Старая его форма была известна под названием хинаяны. Именно в махаяне Будда был обожествлен и возникло поклонение ему как божеству, принимающему участие в жизни человека. С греческого северо-запада также пришла форма изваяния Будды. Примерно в это же время в Индии происходило возрождение брахманизма и санскритской учености. Между последователями хинаяны и махаяны возникли ожесточенные споры и диспуты, и на протяжении всей последующей истории

¹ Эта цитата, как и многие другие, взята из книги Sir S. Radhakrishnan «Indian Philosophy» (George Allen and Unwin, London, 1940).

они находились в оппозиции друг к другу. Страны, в которых распространена хинаяна (Цейлон, Бирма, Сиам), даже теперь смотрят свысока на буддизм, распространенный в Китае и Японии, и я полагаю, что чувство это взаимно.

В то время как хинаяна держалась в некоторой степени древней чистоты учения и ограничила его палийским каноном, махаяна распространялась по всем направлениям, терпимо относясь почти ко всему и приспособляясь к особенностям каждой страны. В Индии она начала сближаться с народной религией. Во всех остальных странах — Китае, Японии и Тибете — она развивалась своим путем. Некоторые из крупнейших раннебуддийских мыслителей отошли от занятой Буддой позиции агностицизма в отношении существования души и полностью отвергли эту позицию. В плеяде людей замечательного интеллекта особенно выделяется Нагарджуна, один из величайших умов, которые дала Индия. Он жил в царствование Канишки, примерно в начале христианской эры, и ему принадлежит главная заслуга в формулировании доктрин махаяны. Сила и дерзновенность его ума поистине замечательны, и он не боится приходить к выводам, которые большинству людей должны были казаться кощунственными и чудовищными. С беспощадной логикой он развивает свои доводы, пока они не приводят его к отрицанию даже того, во что он верил. Мысль не может познать самое себя и не может выйти из самой себя или познать другое. Нет бога, помимо вселенной, и нет вселенной, помимо бога, и то и другое лишь видимости. Так он продолжает, пока не остается ничего, никакого различия между истиной и заблуждением, никакой возможности правильно или ложно понять что-либо, ибо как можно ложно понять то, что не существует реально? Нет ничего реального. Мир существует лишь в феноменах; это просто идеальная система свойств и связей, в которые мы верим, но которые не можем разумно объяснить. Однако он намекает на нечто, стоящее за всем этим, — абсолют, который выше нашего разума, ибо в самом процессе мышления он становится чем-то относительным¹.

¹ Профессор Ф. Щербатской из Академии Наук СССР в своей книге «The Conception of Buddhist Nirvana» (Ленинград, 1927) высказывает мнение, что Нагарджуну следует поставить «в один ряд с великими философами человечества». Он говорит о его «чудесной манере письма», неизменно увлекательной, смелой, интригующей, а порой как бы высокомерной. Он сравнивает взгляды Нагарджуны с взглядами Бредли и Гегеля: «Весьма примечательны совпадения между негативизмом Нагарджуны и осуждением Бредли почти всех представлений о мире: о вещах и их свойствах, об отношениях, пространстве и времени, изменениях, причинности, движении, личном я. С индийской точки зрения, Бредли можно охарактеризовать как истинного мадхьямика. Но помимо всех этих параллелей, мы, возможно, сумеем найти еще большее фамильное сходство между диалектическим методом Гегеля и диалектикой Нагарджуны».

Щербатской указывает на известное сходство между некоторыми буддийскими философскими школами и воззрениями современной науки, осо-

В буддийской философии об этом абсолюте часто говорится как о *шуньята* или «ничто» (*шунья* — название знака нуля), однако это — понятие, весьма отличное от концепций пустоты или «ничто» в нашем понимании¹. В нашем мире опыта мы вынуждены называть его «ничто», ибо у нас нет другого слова, но с точки зрения метафизической реальности это означает нечто трансцендентное и имманентное во всех вещах. Один известный буддийский ученый сказал: «Все становится возможным именно благодаря шуньяте, без нее ничто не возможно в мире».

Все это показывает, куда ведет метафизика и насколько мудрым было предостережение Будды против таких спекуляций. Тем не менее разум человека отказывается ограничить себя и продолжает тянуться к этим плодам знания, которые, как ему хорошо известно, недостижимы. В буддийской философии развился метафизический метод, но этот метод был основан на психологическом подходе. Поразительно опять-таки обнаружить проникновение в психологическое состояние разума. Здесь явно предвосхищается и анализируется подсознательное я современной психологии. Мне указали на удивительное место в одной из старых книг. Оно несколько напоминает теорию эдипова комплекса, хотя подход совершенно иной².

Внутри буддизма возникли четыре определенные философские школы. Две из них принадлежали к хиньяне и две к махаяне. Все эти буддийские философские системы берут начало

бенно концепцией окончательного состояния вселенной в соответствии с законом энтропии. Он рассказывает интересную историю. Когда органы просвещения молодой Бурятской республики в Забайкалье начали антирелигиозную пропаганду, они подчеркивали, что современная наука придерживается материалистического взгляда на вселенную. Буддийские монахи этой республики, будучи последователями махаяны, выпустили в ответ на это брошюру, в которой указывали, что они знакомы с материализмом и что одна из их школ создала некую материалистическую теорию.

¹ Профессор Щербатской, являющийся авторитетом в этом вопросе, так как он лично изучал оригинальные тексты на различных языках, включая тибетский, заявляет, что шуньята значит относительность. Все, что является относительным и взаимозависимым, не имеет абсолютности само по себе. Стало быть, это есть шунья. С другой стороны, существует нечто, выходящее за пределы мира феноменов, но охватывающее его, что может считаться абсолютном. Его нельзя представить себе или описать понятиями конечного мира феноменов, и поэтому о нем говорят как о *тамхата* или что-то, нечто. Этот абсолют называется также шуньята.

² Оно находится в «Абхидхармакоше» Васубандху, написанной в начале 5 века н. э., где собраны прежние взгляды и традиции. Оригинал, написанный на санскрите, утерян, но имеются переводы на китайский и тибетский языки. Китайский перевод сделан знаменитым китайским паломником в Индию Сюань Цзаном. С этого китайского перевода был сделан французский перевод (Paris — Louvain, 1926). Мой коллега и товарищ по заключению Ачарья Нарендра Дева переводил эту книгу с французского языка на языки хинди и английский, и он указал мне это место. Оно находится в третьей главе указанной книги.

от Упанишад, но не признают авторитета Вед. Именно это отрицание Вед отличает их от так называемых индуистских систем философии, возникших примерно в то же время. Эти последние, признавая в общем Веды и, в известном смысле, формально выказывая почтение им, не считают их непогрешимыми и, в сущности, идут своим путем, не особенно считаясь с ними. Поскольку Веды и Упанишады говорили множеством голосов, последующие мыслители всегда могли выделить какой-то один аспект и строить на этой основе свою систему.

Профессор Радхакришнан следующим образом описывает логическое развитие буддийского мышления, нашедшее свое выражение в четырех школах. Оно начинается с дуалистической метафизики, которая рассматривает познание как непосредственное восприятие вещей. На следующей стадии утверждается, что реальность может быть познана лишь через идеи, и тем самым между разумом и вещью воздвигается ширма. Эти две стадии представляют хинаянские школы. Махаянские школы шли дальше, уничтожив вещь за ее образом и сводя весь опыт к ряду идей в сознании. Появляются идеи относительности и подсознательного я. На последней стадии это была философия Нагарджуны, называемая *мадхьямикой*, или средним путем: сам разум растворяется, превращаясь в простые идеи, оставляя нам отрывочные кусочки идей и ощущений, о которых мы не можем сказать ничего определенного.

Таким образом, в конечном счете мы приходим к воздушной пустоте или к чему-то такому, что настолько недоступно пониманию нашего ограниченного ума, что не поддается описанию или определению. Самое большее мы можем сказать, что это какого-то рода сознание — *виджняна*, как его называют.

Несмотря на этот вывод, получаемый посредством психологического и метафизического анализа, который в конечном счете сводит концепцию незримого мира или абсолюта к чистому сознанию, а тем самым к пустоте — в той мере, в какой мы можем употреблять или понимать слова, — подчеркивается, что этические отношения имеют определенную ценность в нашем конечном мире. Поэтому в своей жизни и в своих отношениях с людьми мы должны соотноситься с этикой и жить праведной жизнью. По отношению к этой жизни и к миру феноменов мы можем и должны применять разум, знание и опыт. Бесконечное — или как бы его там ни называли — лежит где-то вовне, и поэтому к нему все это не применимо.

ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА НА ИНДУИЗМ

Какое влияние оказало учение Будды на древнюю арийскую религию и на распространенные в Индии народные верования? Нет никакого сомнения, что оно оказывало сильное и постоянное воздействие на многие стороны религиозной и национальной

жизни. Возможно, что Будда не смотрел на себя как на основоположника новой религии, считая себя лишь реформатором. Но его динамическая личность и энергичные проповеди, в которых он нападал на многие социальные и религиозные порядки, неизбежно привели к конфликту с привилегированным жрецеским сословием. Он не претендовал на роль ниспровергателя существующего общественного строя или экономической системы; он принимал их основные послышки и нападал лишь на порожденное ими зло. Тем не менее он, в известной степени, выступал как социальный революционер и этим навлек на себя гнев класса брахманов, который был заинтересован в сохранении существующих социальных порядков. В учениях Будды нет ничего такого, что нельзя было бы примирить с индусским мышлением в его широком аспекте. Но другое дело, когда под ударом оказалось привилегированное положение брахманов.

Интересно отметить, что впервые буддизм пустил корни в государстве Магадха, в той части Северной Индии, где брахманизм был слаб. Постепенно буддизм распространился на запад и север, и к нему примкнули также многие брахманы. Это было прежде всего движение кшатриев, но оно пользовалось сочувствием и среди народных масс. Вероятно, благодаря примкнувшим к нему позднее брахманам, оно развивалось больше в философском и метафизическом направлении. Может быть, также благодаря главным образом брахманам-буддистам и появилась махаяна, ибо в некоторых отношениях, и особенно в ортодоксальной ее форме, она больше походила на разновидность арийской религии.

Влияние буддизма на индийскую жизнь сказывалось во многих областях. Это было естественно, так как следует помнить, что буддизм был в Индии живой, динамичной и распространенной религией на протяжении более тысячи лет. Даже в долгие годы своего упадка в Индии и позже, когда он фактически утратил здесь свое значение в качестве самостоятельной религии, многое из него сохранилось как часть индусского вероисповедания и нашло свое отражение в национальном образе жизни и мышления. Хотя в конечном счете эта религия, как таковая, была отвергнута народом, она оставила на нем неизгладимый след и оказала сильнейшее влияние на развитие нации. Это постоянное воздействие не имело почти никакого отношения к догматам, философским теориям или религиозным верованиям. Именно этический, социальный и практический идеализм Будды и его религии оказали неизгладимое воздействие на наш народ, подобно тому как Европа испытала на себе влияние этических идеалов христианства, хотя она, возможно, и не обратила большого внимания на его догматы, а также подобно тому как гуманистический, социальный и практический аспекты ислама повлияли на многих людей, которых не привлекали его религиозные формы и убеждения.

Арийское вероисповедание в Индии было преимущественно национальной религией, не выходящей за пределы страны, а порожденный ею социальный кастовый строй подчеркивал этот ее аспект. Не было ни миссионеров, ни прозелитизма, ни попыток выйти за пределы Индии. Внутри Индии эта религия действовала свойственными ей ненавязчивыми методами, стихийно привлекая как новых пришельцев, так и прежних, зачастую создавая из них новые касты. Для той эпохи подобное отношение к внешнему миру было естественным, ибо поддерживать связи было трудно и большой потребности во внешних сношениях не было. Такие связи в интересах торговли и для других целей, несомненно, существовали, но они ничего не меняли в жизни и обычаях Индии. Океан индийской жизни был замкнутым, но достаточно широким и разнообразным, чтобы давать полный простор множеству имевшихся в его недрах течений, тихим и поглощенным самим собой, мало заботящимся о том, что происходит за его пределами. В самом сердце этого океана забил новый родник, извергающий свежую прозрачную струю, которая взволновала его вековую поверхность и потекла через край, не считаясь со старыми границами и преградами, воздвигнутыми человеком и природой. Этот родник учения Будды был обращен к индийскому народу, но и не только к индийскому народу. Это был призыв ко всем людям вести праведную жизнь, призыв, не признававший ни классовых, ни кастовых, ни национальных барьеров.

Для Индии того времени это был совершенно новый подход. Ашока с его посольствами и миссионерской деятельностью в иноземных странах был первым, кому суждено было осуществить широкие действия в связи с этим новым подходом. Так Индия начала знакомиться с внешним миром, и, вероятно, именно это привело в первые века христианской эры к обширным колониальным предприятиям. Эти заморские экспедиции были организованы индусскими правителями и несли с собой брахманскую систему и арийскую культуру. Это был неожиданный поворот для замкнутой религии и культуры, которые постепенно создавали кастовую систему, где каждая каста отделялась от другой. Это могло быть вызвано лишь каким-то мощным стремлением и чем-то таким, что существенно изменило воззрения жителей Индии. Стремление это могло вызываться многими причинами и прежде всего торговлей и потребностями развивавшегося общества. Но воззрения могли отчасти измениться под влиянием буддизма и возникших благодаря ему связей с иноземными государствами. В то время индуизм был достаточно динамичен и полон кипучей энергии, но вначале он не был распространен в других странах. Одним из последствий универсализма новой веры как раз и было то, что она направила поток этой динамической энергии в дальние страны.

Значительная часть ритуализма и обрядности, связанных с ведической, а также и другими, более народными формами религии, исчезла, в особенности принесение в жертву животных. Буддизм и особенно джайнизм развили идею ненасилия, уже содержащуюся в Ведах и Упанишадах. Этим религиям были свойственны особое уважение к жизни и доброта к животным. И неизменно за всем этим скрывалось стремление вести праведную и более возвышенную жизнь.

Будда отрицал моральную ценность сурового аскетизма. Но в целом его учение породило пессимистическое отношение к жизни. Это было особенно свойственно хиньяне и даже в еще большей степени — джайнизму. Особое внимание уделялось потусторонности мира, стремлению к освобождению, к избавлению от мирских тягот. Поощрялось половое воздержание и наблюдался рост вегетарианства. Все эти идеи были знакомы Индии еще до Будды, но их значение было иное. Старый арийский идеал придавал большое значение полной и всесторонней жизни. Период ученичества был периодом воздержания и дисциплины, семьянин принимал полное участие в жизненной деятельности и воспринимал семью как часть этой жизни. Затем начинался постепенный отход от этого и большее сосредоточение на служении обществу и самосовершенствовании. Только последняя стадия жизни, с наступлением старости, была стадией *саньаса*, или полного разрыва с обычной жизненной деятельностью и привязанностями.

Прежде небольшие группы людей, склонных к аскетизму, жили в лесных поселениях, куда к ним обычно стекались ученики. С появлением буддизма повсюду выросли большие мужские и женские монастыри, к которым постоянно притекало новое пополнение. Само название современной провинции Бихар происходит от слова *вихара*, то есть монастырь; это показывает, какое большое количество монастырей должно было быть в этом огромном районе. Такие монастыри были также учебными заведениями или были связаны со школами и иногда с университетами.

Большое количество крупных буддийских монастырей имелось не только в Индии, но и во всей Центральной Азии. Известен монастырь в Балхе, насчитывавший тысячу монахов, о котором у нас имеется много сведений. Этот монастырь назывался *Нава-вихара*, то есть новый монастырь, откуда произошла персианизированная форма названия города Наубахар.

Почему буддизм вызвал в Индии гораздо большую отрешенность от мира, чем в других странах, где он процветал в течение длительного периода времени, например в Китае, Японии и Бирме? На это трудно ответить, но думается, что каждая из этих стран обладала достаточно сильным национальным духом, чтобы перестроить религию на свой лад. В Китае, например, были живы сильные традиции, восходившие к Конфуцию, Лао-цзы

и другим философам. Кроме того, Китай и Япония усвоили махаянскую разновидность буддизма, которая отличалась меньшей пессимистичностью, чем хинная. Индия также испытала на себе влияние джайнизма, которому больше, чем всем этим учениям и философиям, было присуще отрицание жизни и стремление к потустороннему миру.

Однако влияние буддизма в Индии имело еще одно любопытное последствие для ее социальной системы, которое, казалось, полностью шло вразрез со всем его мировоззрением. Это было связано с кастами, которые буддизм не одобрял, хотя и мирился с их первоначальной основой. Во времена Будды кастовая система была гибкой и еще не приобрела той косности, которой она отличалась позже. Способностям, характеру и роду занятий придавалось больше значения, чем происхождению. Сам Будда часто употребляет выражение «брахман», означающее способного, серьезного и дисциплинированного человека. В «Чхандагга упанишаде» есть широко известный рассказ, показывающий нам, как тогда смотрели на касты и взаимоотношения мужчин и женщин.

Это рассказ о Сатьякаме, мать которого звалась Джабалой. Сатьякама захотел стать учеником мудрого Гаутамы (не Будды) и, покидая свой дом, спросил у матери: «К какой готре (семье или клану) я принадлежу?» Его мать сказала ему: «Я не знаю, дитя мое, от какого рода ты происходишь. В молодости, когда у меня было много хлопот как у служанки (прислуживая гостям в доме моего отца), я зачала тебя. Я не знаю твоего происхождения. Меня звали Джабала, тебя зовут Сатьякама. Говори, что ты Сатьякама Джабала (то есть Сатьякама, сын Джабалы)».

Затем Сатьякама отправился к Гаутаме, и мудрец спросил его о семье. Сатьякама ответил так, как учила его мать. На это учитель сказал: «Никто, кроме истинного брахмана, не сказал бы так. Иди, друг, и принеси топливо. Я посвящу тебя. Ты не поступился истиной».

Вероятно, во времена Будды лишь брахманы представляли собой более или менее замкнутую касту. Кшатрии, или правящий класс, гордились своими групповыми и семейными традициями, но как сословие они держали двери открытыми для принятия отдельных лиц или семей, которые попали в число правителей. Большинство остальных людей были вашья, земледельцами, занятие которых считалось почетным. Существовали и другие касты, основанные на роде занятий. Так называемых людей без касты, неприкасаемых, было, видимо, очень мало; вероятно, к ним относились некоторые обитатели лесов, а также люди, занимавшиеся уборкой трупов, и т. п.

Особое значение, которое буддизм и джайнизм придавали принципу ненасилия, привело к тому, что земледелие стало считаться низким занятием, ибо оно часто было связано с убоем животных. Это занятие, служившее некогда предметом гордости

индо-ариев, стало считаться в некоторых районах страны не столь почетным, несмотря на его важнейшее значение, а те, кто непосредственно обрабатывал землю, заняли более низкую ступень на социальной лестнице.

Так буддизм, возникший как бунт против жреческого сословия и ритуализма, а равно и против унижения любого человеческого существа и лишения его возможности совершенствоваться и вести более возвышенную жизнь, невольно привел к деградации большого числа земледельцев. Было бы неправильно винить в этом буддизм, ибо в других странах он не оказал подобного воздействия. Что-то в самой кастовой системе толкало ее в этом направлении. Джайнизм толкнул ее на этот путь благодаря своей страстной приверженности идее ненасилия. Буддизм также неумышленно содействовал этому процессу.

КАК ИНДУИЗМ ПОГЛОТИЛ БУДДИЗМ В ИНДИИ

Восемь или девять лет назад, в бытность мою в Париже, Андре Мальро задал мне в самом начале нашей беседы странный вопрос. Что, спросил он меня, позволило индуизму вытеснить организованный буддизм из Индии свыше тысячи лет назад без какого-либо крупного конфликта? Как удалось индуизму поглотить большую и широко популярную религию без обычных религиозных войн, омрачающих историю столь многих стран? Какой внутренней жизнеспособностью или силой, позволившими совершить этот замечательный подвиг, был наделен тогда индуизм? И обладает ли Индия этой внутренней жизнеспособностью и силой сейчас? Если да, то ее свобода и величие обеспечены.

Этот вопрос был, пожалуй, типичен для французского интеллигента, который был также человеком действия. И все же мало кто в Европе или Америке стал бы ломать себе голову над такими вопросами. Там слишком поглощены текущими проблемами. Эти текущие проблемы занимали и беспокоили также и Мальро, и своим сильным аналитическим умом он искал ответа на них всюду, где он только мог найти его в прошлом и в настоящем, — в мышлении, речи, литературе или, лучше всего, в действии, в игре жизни и смерти.

Для Мальро этот вопрос явно не был просто академическим. Он был полон им и задал его, как только мы встретились. Вопрос его пришелся мне по душе, или вернее, это был вопрос, который постоянно возникал в моем сознании. Но я не мог пайти удовлетворительного ответа ни для Мальро, ни для себя. Ответов и объяснений достаточно, но все они, видимо, не затрагивают сути проблемы.

Ясно, что в Индии не было широкого или насильственного искоренения буддизма. Время от времени вспыхивали местные беспорядки или возникали конфликты между каким-нибудь

индусским правителем и буддийской *сангха* (монашеской организацией), которая стала могущественной. Обычно они были политическими по своему происхождению и не приводили к сколько-нибудь существенным переменам. Следует также помнить, что индуизм никогда не был полностью вытеснен буддизмом. Даже когда буддизм в Индии переживал пору своего расцвета, индуизм все же был широко распространен. Буддизм в Индии умер естественной смертью, или, вернее, это было угасание и переход в нечто другое. «Индия, — говорит Кит, — обладает удивительным даром преобразовывать и усваивать то, что она заимствует. Если это правильно в отношении того, что заимствовано из-за границы или из чужеземных источников, то это тем более правильно в отношении того, что порождено ее собственным разумом и мышлением. Буддизм не только был всецело продуктом Индии; его философия находилась в соответствии с прежним индийским мышлением и философией веданты (Упанишад). Упанишады даже высмеивали культ жрецов, их ритуализм и не придавали большого значения касте.

Брахманизм и буддизм влияли друг на друга и, несмотря на свои диалектические споры, а может быть благодаря им, сближались друг с другом в области как философии, так и народных верований. Особенно близко подошла к брахманской системе и формам махаяна. Пока ее этическая основа оставалась неприкосновенной, она была готова пойти на компромисс с чем угодно. Брахманизм сделал Будду *аватарой*, то есть божеством. Так же поступил буддизм. Учение махаяны быстро распространялось, но по мере своего распространения утрачивало свои отличительные свойства и черты. Монастыри богатели, превращались в центры власти, и дисциплина в них ослабевала. Магия и суеверия проникали в народные формы культа. После первого тысячелетия своего существования буддизм в Индии начал постепенно вырождаться. Рис Дэвидс отмечает его болезненное состояние в течение этого периода. «Под сильнейшим влиянием этих болезненных фантазий моральные доктрины Гаутамы стали почти незаметными. Теории росли и процветали; каждый новый шаг, любая новая гипотеза, в свою очередь, требовали других шагов и гипотез, пока все небо не оказалось заполнено вывертами ума, а более благородные и простые заветы основоположника религии задавлены грудой метафизических хитросплетений»¹.

Это описание вполне приложимо ко многим «болезненным фантазиям» и «вывертам ума», от которых страдали в то время брахманизм и его боковые ветви.

Буддизм возник в период социального и духовного возрождения и реформ в Индии. Он вдохнул новую жизнь в народ,

¹ S. Radhakrishnan, Indian Philosophy, Allen and Unwin, London, 1927.

вскрыл новые источники народной силы и высвободил новые таланты и способности к руководству. Под высоким покровительством Ашоки он быстро распространился и стал господствующей религией Индии. Он проник также в другие страны, и между Индией и иностранными государствами непрерывно циркулировал поток буддийских ученых. Это продолжалось в течение многих столетий. Когда в 5 веке н. э., через тысячу лет после Будды, в Индию прибыл китайский паломник Фа Сянь, он увидел, что буддизм процветает у себя на родине. В 7 веке н. э. Индию посетил еще более знаменитый паломник Сюань Цзан, который был свидетелем признаков упадка, хотя даже тогда буддизм был силен в некоторых районах. Довольно большое число буддийских ученых и монахов постепенно переселилось из Индии в Китай.

Наряду с этим в 4 и 5 веках н. э., при династии Гуптов, наблюдается возрождение брахманизма и новый расцвет культуры. Оно не было направлено против буддизма, но, тем не менее, увеличило значение и силу брахманизма и явилось в то же время реакцией на присущую буддизму отрешенность от мира. Последующим представителям династии Гуптов пришлось в течение долгого времени воевать против нашествий гуннов, и хотя в конце концов гунны были изгнаны, страна была ослаблена и начался процесс упадка. Впоследствии было еще несколько ярких периодов, давших миру много замечательных людей. Но как брахманизм, так и буддизм деградировали, и в них возникла грубая обрядность. Их стало трудно различать. Хотя брахманизм и поглотил буддизм, этот процесс изменил также и брахманизм во многих отношениях.

В 8 веке один из величайших философов Индии Шанкарачарья основал религиозные ордена или *матхи* для индусских *саньясинов*, то есть монахов. Это было возрождение старой буддийской практики сангха. Прежде брахманизм не знал таких организаций саньясинов, хотя небольшие их группы существовали.

Некоторые выродившиеся формы буддизма сохранились в Восточной Бенгалии и на северо-западе, в Синде. В остальном буддизм как массовая религия постепенно исчез из Индии.

ИНДИЙСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Хотя одна мысль влечет за собой другую, причем каждая из них обычно связана с меняющимися условиями жизни, и хотя порой удается различить логический ход мыслей человеческого разума, тем не менее идеи переплетаются между собой: старые и новые развиваются бок о бок друг с другом, непримиримые и зачастую противоречащие одна другой. Даже разум отдельного человека представляет собой клубок противоречий, и его действия трудно примирить между собой. Народ, охватывая

все стадии культурного развития, воплощает в самом себе и в своих мыслях, верованиях и деятельности также и различные минувшие века, ведущие к настоящему. Вероятно, его деятельность больше отвечает социальным и культурным представлениям современности, ибо в противном случае он был бы выброшен на берег и изолирован от движущегося потока жизни, но за всей этой деятельностью кроются примитивные верования и нелепые убеждения. Поразительно, что в передовых промышленных странах, где каждый механически пользуется новейшими современными открытиями и изобретениями, можно встретить убеждения и предвзятые идеи, которые здравый смысл отвергает и которые разум не может принять. Какой-нибудь политический деятель может, конечно, преуспевать на своем поприще, отнюдь не являя собой образец большого ума и здравого смысла. Законовед может быть блестящим адвокатом и юристом и оставаться поразительным невеждой в других вопросах. Даже ученый, этот типичный представитель современной эпохи, часто забывает о научных методах и воззрениях, когда выходит из своего кабинета или лаборатории.

Это относится даже к проблемам, затрагивающим нашу повседневную жизнь в ее материальном аспекте. В сфере философии и метафизики проблемы являются более отдаленными, менее преходящими и не столь связанными с повседневной рутинной. Они совершенно недоступны пониманию большинства из нас, если только мы не подвергнем наш ум строгой дисциплине и тренировке. И тем не менее у всех нас есть некая сознательная или подсознательная философия жизни, если и не созданная нашим умом, то унаследованная или заимствованная у других и считающаяся очевидной. Либо мы ищем прибежища от опасностей мышления в вере, в каком-либо религиозном кредо или догме, либо в вере в национальное предназначение, либо в расплывчатом и утешительном гуманизме. Часто налицо имеется все это и многое другое, хотя их трудно бывает связать, и тогда наблюдается раздвоение личности, причем каждая часть действует в собственных рамках.

Вероятно, в старину человеческая личность была более цельной и гармоничной, хотя и стояла на более низком уровне, чем сейчас, за исключением отдельных личностей, несомненно стоявших очень высоко. В течение длительного переходного периода, через который прошло человечество, мы ухитрились разрушить ту цельность, но пока что нам не удалось отыскать другой. Мы по-старому цепляемся за традиции догматической религии, придерживаемся отживших обычаев и убеждений и в то же время говорим и считаем, что живем в соответствии с научными методами. Быть может, подход науки к жизни был слишком узким, и она игнорировала много важнейших аспектов этой жизни, а потому не смогла дать надлежащую основу для нового единства и гармонии. Может быть, сейчас она постепенно

расширяет эту основу, и мы обречем новую гармонию человеческой личности на значительно более высоком уровне, чем прежде.

Но сейчас эта проблема стала труднее и сложнее, ибо она вышла за пределы человеческой личности. Возможно, что гармоничной личности было легче появиться в узкой сфере древности и средневековья. В этом мирке, который ограничивался пределами города и деревни, с его установившимися представлениями о социальной организации и поведении, индивидуум и группа жили своей обособленной жизнью, защищенные, как правило, от внешних бурь. Сейчас сфера интересов даже индивидуума охватывает весь мир, и различные представления о социальной организации приходят в столкновение друг с другом, а за ними скрываются различные мировоззрения. Сильный ветер, поднимающийся где-либо, вызывает циклон в одном месте и антициклон в другом. Поэтому личность может достичь гармонии лишь в том случае, если она будет подкреплена какого-то рода социальной гармонией во всем мире.

В Индии гораздо больше, чем в других странах, старое представление о социальной организации и лежащие в ее основе мировоззрения дожили, в известной степени, до наших дней. Это было бы невозможно, не обладай они какими-то достоинствами, которые стабилизировали общество и сделали его соответствующим условиям жизни. С другой стороны, если бы их отрицательные стороны не оказались сильнее этих достоинств, они не потерпели бы краха в конечном счете, не оторвались бы от жизни и не стали обузой и помехой. Но, во всяком случае, к ним нельзя подходить сейчас как к изолированным явлениям. Они должны рассматриваться в связи с мировыми условиями и соответствовать им.

«В Индии,— говорит Хейвелл,— религия не столько догма, сколько рабочая гипотеза человеческого поведения, приспособленная к различным стадиям духовного развития и к различным условиям жизни». В догму можно продолжать верить, даже если она оторвана от жизни, но рабочая гипотеза человеческого поведения должна действовать и сообразовываться с жизнью, или же она тормозит жизнь. Самый *raison d'être* такой гипотезы заключается в ее практичности, ее соответствии с жизнью и способности принаравливаться к меняющимся условиям. Пока она в состоянии это делать, она служит своей цели и выполняет возложенную на нее функцию. Когда же она устремляется по касательной, отрываясь от кривой линии жизни, теряет контакт с социальными потребностями, а расстояние между ней и жизнью начинает увеличиваться, тогда она утрачивает всю свою жизнеспособность и значение.

Метафизические теории и спекуляции пнеют дело не с постоянно меняющимся жизненным материалом, а с лежащей за ним постоянной реальностью, если таковая существует. Ввиду этого их отличает известное постоянство, не затрагиваемое внешними

изменениями. Но они неизбежно являются продуктами породившей их среды и соответствуют уровню развития человеческого мышления, создавшего их. Если их влияние распространяется, они сказываются на общем мировоззрении народа. В Индии философия, хотя и ограниченная в своей высшей сфере избранным кругом, получила более широкое распространение, чем в других странах, и оказала сильное влияние на формирование национального мировоззрения и на развитие некоего характерного склада ума.

Важная роль в этом процессе принадлежала буддийской философии, а в средние века ислам наложил, прямо и косвенно, свой отпечаток на национальное мировоззрение, поскольку возникли новые секты, стремившиеся перекинуть мост через пропасть, разделявшую индуизм и социальные и религиозные установления ислама. Но в основном господствующим влиянием пользовались шесть систем индийской философии или, как их называют, *даршаны*. Некоторые из этих систем сами испытали на себе сильное влияние буддийского мышления. Все они считаются ортодоксальными, но все же разнятся между собой с точки зрения метода и выводов, хотя имеют много общих идей. Среди них есть политеизм и теизм с личным богом, и чистый монизм, а также система, полностью игнорирующая бога и основывающаяся на теории эволюции. Они включают как идеализм, так и реализм. Различные грани сложного и содержательного индийского разума показаны в их единстве и разнообразии. Макс Мюллер обратил внимание на оба эти фактора: «...тем больше я осознавал ту истину... что за разнообразием этих шести систем скрывается общий фонд того, что можно назвать национальной и народной философией... из которого каждому мыслителю было дозволено черпать для своих собственных целей».

Всем им свойственна одна общая посылка о том, что во вселенной царит определенный порядок, что движение во вселенной происходит в соответствии с законом и строго ритмично. Такого рода посылка становится необходимой, ибо в противном случае вряд ли могли бы существовать и объясняющие ее системы. Хотя закон причинности, причины и следствия, действует, тем не менее личность обладает некоторой степенью свободы в определении своей судьбы. Все эти системы содержат веру в переселение душ и придают большое значение бескорыстной любви и самоотверженной деятельности. Логика и разум считаются надежными и эффективно используются в спорах, но в то же время признается, что интуиция зачастую стоит выше их. В общем аргументация строится на рационалистической основе в той мере, в какой разум применим к вопросам, которые нередко выходят за пределы его охвата. Профессор Кит указывал, что «эти системы действительно являются ортодоксальными и признают авторитет священных писаний, но они берутся

за решение проблем существования человеческими средствами, а писание, в сущности, должно лишь придать ореол святости результатам, которые не только достигаются без его помощи, но и часто находятся в весьма сомнительном соответствии с его догматами».

ШЕСТЬ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ

Возникновение индийских философских систем относится к добуддийской эре. Они развиваются постепенно, брахманические бок о бок с буддийскими, часто критикуя друг друга или заимствуя одна у другой. Еще до начала христианской эры из множества таких систем возникли и выкристаллизировались шесть брахманических систем: каждой из них свойственен свой независимый метод и особая аргументация, и все же они не были изолированы друг от друга и представляли собой скорее части более широкого плана.

Эти шесть систем известны под следующими названиями: 1) *ньяя*, 2) *вайшешика*, 3) *санкхья*, 4) *йога*, 5) *миманса* и 6) *веданта*. Ньяя пользуется аналитическим и логическим методом. В сущности, ньяя значит логика, или наука правильного рассуждения. Она походит во многих отношениях на силлогизмы Аристотеля, хотя между ними имеются и существенные различия. Принципы, лежащие в основе логики ньяя, принимались всеми остальными системами, и как своего рода умственная дисциплина ньяя преподавалась в школах и университетах Индии на протяжении всего древнего и средневекового периода и даже до сегодняшнего дня. Современное образование в Индии отвергает ее, но всюду, где санскрит изучают старыми методами, ньяя попрежнему представляет собой важную часть учебной программы. Она не только считалась обязательной для подготовки к изучению философии, но и признавалась необходимой умственной тренировкой для всех образованных людей. В старой схеме индийского образования она занимала по меньшей мере столь же важное место, как логика Аристотеля в системе европейского образования.

Разумеется, метод ньяи весьма отличался от современного научного метода объективного исследования. Тем не менее он был по-своему критическим и научным и, вместо того чтобы уповать на веру, старался критически изучить объекты познания и двигаться шаг за шагом методами логических доказательств. За этим методом скрывалась какая-то вера, известные посылки, не поддающиеся логическому истолкованию. Приняв некоторые гипотезы, система строилась на этих основаниях. Предполагалось, что жизни и природе присущи ритмичность и единство. Была вера в личного бога, в индивидуальные души и в состоящую из атомов вселенную. Личность не представляла собой только душу или тело, а была продуктом их союза. Реальность считалась совокупностью душ и природы.

Система вайшешики напоминает ньяю во многих отношениях. Она подчеркивает раздельность существования индивидуальных *я* и предметов и развивает атомистическую теорию вселенной. Вселенной правит принцип дхармы, то есть морального закона, и вокруг этого вращается вся система. Гипотеза бога не признается с достаточной ясностью. Между системами ньяи и вайшешики, с одной стороны, и раннебуддийской философией — с другой, имеется много точек соприкосновения. В целом они придерживаются реалистического подхода.

Весьма примечательна система санкхья, созданная, как говорят, Капилой (около 7 века до н. э.) на основе множества добуддийских и более ранних идейных течений. По словам Ричарда Гарбе, «в учении Капилы, впервые в истории мира, были продемонстрированы абсолютная независимость и свобода человеческого разума, его полная вера в свои силы».

Санкхья стала вполне разработанной системой уже после возникновения буддизма. Эта теория представляет собой чисто философскую и метафизическую концепцию, возникающую в сознании человека и не имеющую почти никакого отношения к объективному наблюдению. Собственно, такое наблюдение было невозможно в вопросах, находящихся за пределами досягаемости человеческого разума. Подобно буддизму, санкхья пользовалась рационалистическим методом исследования и боролась с буддизмом его же оружием, то есть с помощью доводов разума, не ссылаясь на авторитеты. Такой рационалистический подход заставлял исключать понятие о боге. Таким образом, в санкхье нет ни личного, ни безличного бога, ни монотеизма, ни монизма. Ее подход был атеистическим и подрывал основы веры в сверхъестественное. Вселенная не творение бога, а скорее результат непрерывной эволюции, продукт взаимодействия между духом, или вернее духами, и материей, хотя сама эта материя является чем-то вроде энергии. Эта эволюция — процесс постоянный.

Санкхью называют *двайта* или дуалистической философией, ибо она исходит в своих построениях из двух первопричин: *пракрити*, то есть вечно деятельная и изменяющаяся природа или энергия, и *пуруша* — неменяющийся дух. Существует несмтное количество пуруш, душ или чего-то вроде сознания. Под влиянием пуруши, который сам по себе инертен, *пракрити* начинает развиваться и ведет к возникновению мира непрерывного становления. Причинность признается, но при этом указывается, что следствие в действительности присутствует в скрытом виде в самой причине. Причина и следствие становятся неразвитым и развитым состояниями одной и той же вещи. Хотя с нашей, практической точки зрения причина и следствие различны и определены, но по существу они тождественны.

И так разворачивается цепь аргументации, показывая, как из непроявленной *пракрити*, или энергии, под влиянием *пуруши*, или сознания, и принципа причинности природа с ее огромной

сложностью и разнообразием элементов возникла, продолжает непрерывно изменяться и развиваться. Между низшим и высшим во вселенной имеются известная преемственность и единство. Вся концепция в целом метафизична, а доводы, основанные на некоторых гипотезах, длины, сложны и построены на умозаключениях. Система йога, создателем которой был Патанджали, представляет собой в основном метод дисциплинирования тела и разума, подводящий к психическому и духовному воспитанию. Патанджали не только сформировал эту старую систему, но и написал знаменитый комментарий к санскритской грамматике Панини. Этот комментарий, называемый «Махабхашья», — такое же классическое произведение, как и труд самого Панини. Ленинградский профессор Щербатской писал, что «идеальной научной работой для Индии является грамматика Панини вместе с «Махабхашьей» Патанджали»¹.

Слово «йога» сейчас хорошо известно в Европе и Америке, хотя значение его не понимают и ассоциируют со странными обычаями и, в частности, с обычаем сидеть в позе Будды, уставившись на собственный пуп или кончик носа². Кое-кто, научившись проделывать эксцентричные трюки над телом, воображают себя знатоками этого вопроса на Западе и морочат голову доверчивым людям и любителям сенсаций. Система далеко не ограничивается этими трюками, а основана на психологической теории, что при надлежащей тренировке ума можно достигнуть известных, более высоких уровней сознания. Она мыслится скорее как метод познания вещей для самого себя, нежели как некая предвзятая метафизическая теория реальности или вселенной. Таким образом, она является экспериментальной, причем указываются наилучшие условия проведения эксперимента. В качестве метода она может быть усвоена и использована любой философской системой независимо от ее теоретического подхода. Так, последователи атеистической философии санхьи могут использовать этот метод. Буддизм разработал свои, отчасти сходные и отчасти отличные, формы йогического воспитания. Поэтому значение теоретических частей йогической системы Патанджали относительно не велико; важен метод. Вера в бога не является неотъемлемой частью этой системы, но высказывается предположение, что такая вера в личное божество и поклонение ему помогает сосредоточению разума и тем самым имеет практическое значение.

Предполагается, что дальнейшие стадии йоги ведут к некоему интуитивному прозрению или к состоянию экстаза такого

¹ До сих пор не установлено, были ли Патанджали — автор комментария к грамматике и Патанджали — автор «Йога сутра» одно и то же лицо. Время жизни первого известно точно. Он жил во 2 веке до н. э. Кое-кто считает, что автор «Йога сутра» был другим лицом и жил двумя-тремя столетиями позже.

² Слово «йога» означает соединение и происходит, возможно, от того же корня, что и английское слово «уок» — соединение.

рода, о котором говорят мистики. Является ли это неким высшим духовным состоянием, открывающим путь к дальнейшим знаниям, или же это только род самогипноза — я не знаю. Даже если первое возможно, второе несомненно случается, и хорошо известно, что чрезмерное увлечение методом йога иногда приводило к печальным последствиям для разума человека.

Но прежде чем достигнуть этих конечных стадий размышления и созерцания, необходимо дисциплинировать тело и разум. Тело должно быть закаленным и здоровым, гибким и изящным, упругим и сильным. Предписывается ряд физических упражнений и способов дыхания, чтобы как-то контролировать его, и делать обычно долгий и глубокий вдох. Слово «упражнение» не подходит, так как в данном случае не требуется энергичное движение. Это скорее позы, как их называют — *асана*, и при правильном их применении они придают телу бодрость, отнюдь не утомляя его. Этот старый и типично индийский метод сохранения физической бодрости представляется довольно примечательным, если сравнить его с более обычными методами, то есть с бегом, резкими движениями и прыжками, от которых человек тяжело дышит и устает. Довольно распространены также в Индии такие методы, как, например, борьба, плавание, верховая езда, фехтование, стрельба из лука, поединки на индийских дубинках, иногда напоминающие джиу-джитсу, и много других развлечений и игр. Но старый метод *асана*, пожалуй, более типичен для Индии и, видимо, отвечает духу ее философии. Ему присущи достоинство и нерушимое спокойствие, хотя он и связан с физическими упражнениями. Сила и бодрость достигаются без всякой траты физической или умственной энергии. Благодаря этому *асана* годятся для любого возраста и некоторые из них могут выполняться даже стариками.

Таких *асана* насчитывается большое количество. Вот уже много лет я при каждой возможности выполняю некоторые наиболее простые из них, и я несколько не сомневаюсь, что они мне очень помогли, тем более, что мне часто приходилось жить в нездоровой для тела и разума обстановке. Ими и несколькими упражнениями, связанными с дыханием, ограничивается мое практическое знакомство с физическими упражнениями системы йога. Я не пошел дальше элементарных стадий тренировки тела, и мой разум остается непокорным и слишком часто дурно ведет себя.

Дисциплине тела, к которой относится употребление одних кушаний и напитков и воздержание от других, должно сопутствовать то, что система йога называет этической подготовкой. Сюда входят ненасилие, правдивость, воздержание и т. п. Ненасилие, или *ахимса*, — это не просто воздержание от физического насилия. Это отречение от всякой злобы и ненависти.

Все это должно вести к контролю над чувствами; затем приходит созерцание и размышление и под конец усиленное сосредоточение, которое должно повести к различным видам интуиции.

Вивекананда, один из величайших современных представителей йоги и веданты, неоднократно подчеркивал экспериментальный характер йоги и то, что она основывается на разуме. «Ни одна из этих [систем] йоги не отвергает разум, ни одна не просит, чтобы вы дали себе завязать глаза или отдали свой разум в руки каких бы то ни было жрецов... Каждая из них требует, чтобы вы цеплялись за свой разум, крепко держались за него». Хотя дух йоги и веданты, возможно, родственен духу науки, они, конечно, применяют различные средства, и отсюда возникает коренное различие между ними. Согласно йоге, дух не ограничивается разумом, и далее: «Мысль есть действие, и только действие может придать мысли какую-то ценность». Вдохновение и интуиция признаются, но не могут ли они привести к обману? Вивекананда отвечает, что вдохновение не должно противоречить разуму: «То, что мы называем вдохновением, есть развитие разума. Путь к интуиции ведет через разум. Истинное вдохновение никогда не противоречит разуму. Там, где оно противоречит,— это не вдохновение». И еще: «Вдохновение должно быть направлено на благо одному и всем, но не на приобретение известности, славы или личной выгоды. Оно всегда должно идти на благо миру и быть совершенно бескорыстным».

Вивекананда говорит далее: «Опыт — единственный источник знания». Тот же исследовательский метод, который мы применяем к науке и к познанию внешнего мира, должен применяться и к религии. «Если такое исследование ведет к уничтожению религии — значит, она была всего лишь бесполезным и недостойным суеверием; чем скорее оно исчезнет, тем лучше». «Неизвестно, почему религии должны утверждать, будто они не обязаны соотноситься с доводами разума... Ибо лучше людям стать атеистами, внимая голосу разума, нежели слепо верить в двести миллионов богов, основываясь на чьем-то авторитете... Может быть, и существуют провидцы, которые вышли за пределы ощущений и заглянули в потусторонний мир. Мы поверим этому лишь тогда, когда сумеем проделать это сами, но не раньше». Говорят, что разум недостаточно силен, что он часто заблуждается. Если разум слаб, то почему группа жрецов должна считаться лучшим авторитетом? «Я буду держаться разума,— продолжает Вивекананда,— ибо, при всей его слабости, имеется некоторая возможность благодаря ему добраться до истины... Поэтому мы должны следовать за разумом и сочувствовать тем, кто не признает никаких убеждений и следует разуму. При изучении этой раджа йоги нет необходимости ни в какой вере или убеждении. Не верьте ничему, пока не выясните сами»¹.

Постоянный упор Вивекананды на разум и его отказ принимать что-либо на веру вытекал из его страстной веры в свободу

¹ Большинство выдержек из произведений Вивекананды взято из книги Ромена Роллана «Жизнь Вивекананды».

разума. Объяснялось это также тем, что Вивекананда видел, какое зло причинило преклонение перед авторитетами в его родной стране: «Ибо я родился в стране, где идея авторитета была доведена до крайности». Сообразно с этим он истолковал (с полным на это правом) старые системы — йога и веданта. Но в какой бы мере эти системы ни опирались на эксперимент и разум, они рассматривают области, совершенно недостижимые для познания средним человеком и даже непонятные ему: сферу психических и психологических опытов, полностью отличающуюся от знакомого и привычного нам мира. Эти эксперименты и опыты, несомненно, не ограничивались Индией; об этом свидетельствуют записи христианских мистиков, персидских суфиев и других. Удивительно, насколько эти опыты походят друг на друга, демонстрируя, как сказал Ромен Роллан, «универсальность и повторяемость выдающихся явлений религиозного опыта, их большое сходство при всех их различиях для разных времен и разных народов, свидетельствующее об устойчивом единстве человеческого духа или, вернее, — ибо это проникает глубже духа, который сам вынужден доискиваться до этого, — о тождестве материалов, образующих человечество».

Стало быть, йога — это экспериментальная система воздействия на физическую основу человека и развития таким образом некоторых восприятий и способности контролировать разум. Мне трудно сказать, насколько это может быть использовано современной психологией. Но какую-то попытку, видимо, стоило бы сделать. Ауробиндо Гхош следующим образом определил йогу: «Вся раджа йога зависит от этого восприятия и опыта, утверждающего, что посредством определенных внутренних процессов наши внутренние элементы, сочетания, функции, силы могут быть разделены или растворены, могут снова быть соединены и использованы совершенно новыми и ранее невозможными способами или же могут быть преобразованы и объединены в новом общем синтезе».

Следующая философская система известна под названием мимансы. Это ритуалистическая система, тяготеющая к политеизму. Современный широко распространенный индуизм, так же как индусское право, испытал на себе сильное влияние этой системы и ее правил, которые устанавливают дхарма или метод праведной жизни. Можно отметить, что политеизм индусов странного свойства, ибо *дэвы*, то есть сияющие или божества, несмотря на всю их власть, считаются созданиями более низкого порядка, чем человек. Как индусы, так и буддисты верят, что рождение в образе человека есть высшая стадия, достигнутая бытием на пути к самопознанию. Даже дэвы могут достичь свободы и познания, лишь возродившись в образе человека. Эта концепция, очевидно, весьма далека от обычного политеизма. Буддисты заявляют, что только человек может достичь высшей ступени и стать буддой.

Шестой и последней в этой серии является система веданты, которая, возникнув на основе Упанишад, развилась и приняла много видов и форм, но всегда опиралась на монистическую концепцию вселенной. Пуруша и пракрити санкхьи считаются не независимыми субстанциями, а видоизменениями единственной реальности — абсолюта. На фундаменте ранней веданты Шанкара (или Шанкарачарья) построил систему, которая называется адвайта веданта, или не-дуалистическая веданта. Именно эта философия представляет господствующие философские взгляды современного индуизма.

В основе ее лежит чистый монизм; единственной первичной реальностью в метафизическом смысле признается *атман*, абсолютная душа. Она есть субъект, все прочее — объективно. Каким образом эта абсолютная душа пронизывает все, как единое проявляется во множественном и все же сохраняет свою целостность, ибо абсолют неделим и не может быть разделен, — все это нельзя объяснить логическими рассуждениями, ибо наш разум ограничен конечным миром. Упанишады следующим образом описывают этот атман, если это можно назвать описанием: «Целое есть то, целое есть (также) это; из целого возникает целое; возьми целое от целого, (все же) целое остается».

Шанкара создает сложную и тонкую теорию познания и, исходя из известных посылок, шаг за шагом, посредством логических доводов подводит к полной системе адвайтизма или не-дуализма. Индивидуальная душа есть не особая сущность, а сама абсолютная душа, хотя и ограниченная в некоторых отношениях. Ее сравнивают с пространством, заключенным в кувшине, причем атман является мировым пространством. В практических целях их можно считать отличными друг от друга, но это лишь видимое, а не реальное отличие. Свобода заключается в осознании этого единства, этого тождества индивидуума с абсолютной душой.

Таким образом, окружающий нас мир явлений становится лишь отражением этой реальности или тенью, отбрасываемой ею на эмпирическую плоскость. Его называют *майя*, что неправильно переводится как «иллюзия». Но это не есть небытие. Это промежуточная форма между бытием и небытием. Это своего рода относительное существование, и, таким образом, понятие относительности, пожалуй, ближе подводит нас к смыслу майи. Что в таком случае представляют собой в этом мире добро и зло? Являются ли они также только лишенными сущности отражениями и тенями? Чем бы они ни были в конечном счете, в нашем эмпирическом мире эти этические различия имеют вес и значение. Они приобретают значение там, где действуют индивидуумы как таковые.

Эти индивидуумы, конечные по своей природе, не могут представить себе бесконечность, не ограничивая ее; они могут

создавать лишь ограниченные и объективные представления о ней. Однако в итоге даже эти конечные формы и концепции покоятся в бесконечном и абсолюте. Тем самым форма религии становится относительным делом, и каждый индивидуум волен создавать такие концепции, какие он может.

Шанкара соглашался с брахманической организацией социальной жизни на кастовой основе, как отражающей коллективный опыт и мудрость народа. Но он считал, что высшего знания может достигнуть каждый человек, принадлежащий к любой касте.

В позиции и философии Шанкары чувствуется отрицание мира и уход от нормальной деятельности в поисках освобождения своего *я*, что было в его глазах конечной целью каждого человека. Неизменно содержится также призыв к самопожертвованию и отрешенности.

При всем этом Шанкара был поразительно энергичным и деятельным человеком. Он не был эскапистом, замыкавшимся в своей раковине или лесном убежище, занимавшимся самосовершенствованием и не думавшим о том, что происходит с другими. Шанкара родился на крайнем юге Индии, в Малабаре. Он неустанно разъезжал по всей Индии, встречаясь с огромным числом людей, доказывая, споря, рассуждая, убеждая и передавая им часть своей собственной страстности и потрясающей жизнеспособности. Он определенно был человеком, глубоко сознававшим свою миссию, человеком, который рассматривал всю Индию, от мыса Коморин до Гималаев, как свое поле деятельности и как нечто, связанное общностью культуры и проникнутое единым духом, хотя он и мог принимать различные внешние формы. Он упорно стремился объединить различные течения, волновавшие разум Индии его времени, и создавать на почве этого разнообразия единство мировоззрения. За свою короткую тридцатидвухлетнюю жизнь он проделал работу, которой хватило бы на много долгих жизней, а его могучий ум и богатая индивидуальность оставили в Индии неизгладимый след, сохранившийся даже до нашего времени. Шанкара причудливо сочетал в себе черты философа и ученого, агностика и мистика, поэта и святого, и, кроме того, он был практический реформатор и способный организатор. Он впервые создал в рамках брахманизма десять религиозных орденов, из которых четыре ведут оживленную деятельность и в настоящее время. Он учредил четыре больших *мата*, монастыря, разместив их далеко друг от друга, почти в четырех разных концах Индии. Один из этих монастырей находился на юге, в Срингери в Майсуре, другой в Пури на восточном побережье, третий в Двараке в Катхиаваре на западном побережье и четвертый в Бадринатхе, в сердце Гималаев. Тридцати двух лет этот брахман с тропического юга умер в Кедарнатхе среди покрытых снегом вершин Гималаев.

Эти долгие странствия Шанкары по обширной стране в ту эпоху, когда путешествовать было трудно, а средства передвижения были медленными и примитивными, говорят о многом. Сама идея этих странствий, его встречи с единомышленниками и беседы с ними на санскрите, общем языке образованных людей всей Индии, свидетельствуют о наличии существенного единства Индии даже в те далекие времена. Такие поездки, повидимому, не были чем-то необычным в ту или даже более раннюю эпоху. Люди разъезжали по стране, несмотря на политические разделения; распространялись новые книги, и каждая новая мысль или свежая теория быстро становилась известной по всей стране, являясь предметом широкого обсуждения, а зачастую и яростных споров. Не одни только образованные люди жили общей интеллектуальной и культурной жизнью, но и простой народ часто совершал паломничества к святым местам, разбросанным по всей стране и славившимся еще с эпических времен. Все эти путешествия и встречи людей из различных частей страны должны были усиливать ощущение общности территории и культуры. Путешествовали не только представители высших каст; среди паломников были мужчины и женщины всех каст и классов. Какое бы религиозное значение ни имели эти паломничества в глазах людей, их рассматривали так же, и как праздники, во время которых можно повеселиться и повидать различные части страны. Каждое из святынь мест являло картину индийских народов, представавших во всем разнообразии их обычаев, одежды и языка и вместе с тем проникнутых чувством общности этих черт и уз, которые их соединяли и приводили всех в одно место. Даже языковые различия между севером и югом не создавали больших преград для этого общения.

Все это было так, и Шанкара, несомненно, полностью это сознавал. Повидимому, Шанкара хотел усилить это чувство национального единства и идейной общности. Он действовал в интеллектуальной, философской и религиозной сферах и старался добиться большего идейного единства во всей стране. Он действовал также среди народных масс, разрушая много догм и открывая двери в свое философское святилище каждому, кто был способен вступить в него. Разместив свои четыре больших монастыря на севере, юге, востоке и западе, он, очевидно, хотел поддержать представление об Индии как о единой в культурном отношении. Эти четыре места и прежде считались святыми местами, куда со всех сторон стекались паломники, но после этого они стали пользоваться еще большей известностью.

Как хорошо выбирали древние индийцы свои святые места! Почти всегда это красивые места с восхитительными окрестностями. Это ледяная пещера Амарантха в Кашмире, это храм девственной богини на южном полуострове Индии, в Рамешвараме

близ мыса Коморин. Это, конечно, и Бенарес, и Хардвар, гнездящийся у подножья Гималаев, где Ганг течет из извилистых горных долин к раскинувшимся внизу равнинам, и Праяга (или Аллахабад), где Ганг встречается с Джамной, и Матхура и Бриндабан на Джамне, овеянные легендами о Кришне, и Будх Гая, где, как говорят, Будда достиг просветления, и множество мест на юге. Многие из старых храмов, особенно на юге, богаты знаменитыми скульптурами и другими художественными памятниками. Таким образом, посещения ряда этих святых мест позволяет составить представление о древнеиндийском искусстве.

Считается, что Шанкара помог положить конец буддизму в Индии как распространенной религии и что после этого брахманизм поглотил его, приняв в свои братские объятия. Но буддизм пришел в упадок в Индии еще до Шанкары. Кое-кто из брахманов — противников Шанкары — называл его переодетым буддистом. Совершенно верно, что буддизм оказал на Шанкару значительное влияние.

ИНДИЯ И КИТАЙ

Буддизм способствовал сближению Китая и Индии и установлению между ними множества связей. Неизвестно, существовали ли подобные связи до царствования Ашоки; вероятно, какая-то морская торговля была, так как шелк доставлялся обычно из Китая. Надо думать, однако, что сухопутные связи и переселения народов имели место и раньше, ибо в восточных пограничных районах Индии часто встречаются монголоидные черты. В Непале они очень заметны. Они часто встречаются также в Ассаме (древняя Камарупа) и Бенгалии. Однако исторически путь был проложен миссионерами Ашоки, и по мере распространения буддизма в Китае множество паломников и ученых начали разъезжать между Индией и Китаем. Это продолжалось в течение тысячи лет. Они путешествовали по суше через пустыню Гоби, равнины и горы Центральной и Средней Азии и через Гималаи. Это был долгий, тяжелый путь, полный опасностей. Много индийцев и китайцев погибло в пути, а в одном источнике говорится, что погибало 90 процентов этих паломников. Многие из тех, кому удалось добраться до цели своего странствия, не вернулись обратно и поселились в принявшей их стране. Был и другой путь, не менее опасный, хотя, вероятно, более короткий: это был морской путь через Индо-Китай, Яву и Суматру, Малайю и Никобарские острова. Этим путем также часто пользовались, и иногда паломник, отправляясь сушей, возвращался морем. Буддизм и индийская культура были распространены по всей Центральной и Средней Азии и, кроме того, в некоторых районах Индонезии; вся территория этих обширных районов была покрыта большим количеством монастырей и учебных заведений. Таким образом, путешественники

из Индии или Китая, странствуя по этим сухопутным и морским путям, находили радушный прием и кров. Иногда ученые из Китая задерживались на несколько месяцев в какой-нибудь индийской колонии в Индонезии, чтобы изучить санскрит до прибытия в Индию.

Первые сведения о посещении Китая индийским ученым касаются Кашьяпа Матанги, который добрался до Китая в 67 году н. э., вероятно по приглашению императора Мин-ди. Кашьяпа Матанги поселился в Ло-яне на реке Ло. Его сопровождал Дхармаракша. Среди известных ученых, посетивших Китай в более поздние годы, были Буддабхадра, Джинабхадра, Кумараджива, Парамартха, Джинагупта и Бодхидхарма. Каждый из них привозил с собой группу монахов или учеников. Известно, что в 6 веке н. э. в одной только провинции Ло-ян было больше 3000 индийских буддийских монахов и 10 000 индийских семей.

Приезжавшие в Китай индийские ученые не только привозили с собой много санскритских рукописей, которые они переводили на китайский язык, но некоторые из них даже писали оригинальные произведения на китайском языке. Они сделали весьма значительный вклад в китайскую литературу, в том числе и в поэзию. Кумараджива, прибывший в Китай в 401 году н. э., был плодовитым писателем, и до нас дошло 47 написанных им различных книг. Его китайский стиль считается очень хорошим. Он сделал перевод жизнеописания великого индийского ученого Нагарджуны. Джинагупта приехал в Китай во второй половине 6 века н. э. Он перевел с оригинала 37 санскритских произведений. Его обширные знания вызывали такое восхищение, что даже император династии Тан стал его учеником.

Связи между Индией и Китаем осуществлялось в обоих направлениях, и многие китайские ученые приезжали в Индию. К числу наиболее известных ученых, оставивших записки о своих путешествиях, относятся Фа Сянь, Сунь Юн, Сюань Цзан и И Цзин. Фа Сянь прибыл в Индию 5 веке. В Китае он был учеником Кумарадживы. Существует интересный рассказ о том, что сказал Фа Сяню Кумараджива накануне его отъезда в Индию, когда Фа Сянь пришел попрощаться со своим учителем. Кумараджива наставлял его не тратить все свое время на приобретение одних лишь религиозных знаний, но и тщательно изучать жизнь и обычаи индийского народа, с тем чтобы Китай мог лучше понять индийский народ, и его страну. Фа Сянь учился в университете Паталипутры.

Самым знаменитым китайским путешественником, посетившим Индию, был Сюань Цзан, приехавший туда в 7 веке, когда Китай процветал при великой династии Тан, а империей в Северной Индии правил Харшавардхана. Сюань Цзан прибыл по суше, через пустыню Гоби, и, миновав Турфан и Кучу, Хотан

и Яркенд, Ташкент, Самарканд и Балх, переправился через Гималаи в Индию. Он рассказывает нам о множестве приключений и о тех опасностях, которые он преодолел, о буддийских правителях и монастырях в Средней Азии, и о тюрках, которые были пламенными буддистами. В Индии он путешествовал по всей стране, встречая повсюду почет и уважение, тщательно изучая страну, ее народ и записывая ряд слышанных им интересных и фантастических историй. Много лет он провел в большом университете Наланды, неподалеку от Паталипутры, который славился множеством преподававшихся там дисциплин и привлекал учащихся из самых отдаленных уголков страны. По имеющимся сведениям, в Наланде проживало до 10 000 учащихся и монахов. Сюань Цзан получил звание магистра права и позднее стал проректором университета.

Книга Сюань Цзана «Сиюй цзи», или «Записки о западных странах», весьма увлекательна. Поскольку он прибыл из высокоцивилизованной и умудренной опытом страны, в период, когда столица Китая Сианьфу была центром развития искусства и науки, его комментарии и описания Индии очень ценны. Сюань Цзан рассказывает нам о системе обучения, которое начиналось рано и продолжалось стадиями до университета, где преподавалось пять следующих дисциплин: 1) грамматика, 2) наука искусств и ремесел, 3) медицина, 4) логика и 5) философия. Его особенно поразила любовь индийского народа к знаниям. Та или иная форма начального обучения была широко распространена в Индии, поскольку все монахи и жрецы были учителями. О народе он говорит: «Что касается простых людей, то, хотя по природе своей они и беззаботны, это люди честные и благородные. В денежных делах они бесхитростны, а в вопросах правосудия осмотрительны... Они не лживы и не коварны в своем поведении и верны своим клятвам и обещаниям. Их правила управления отличаются высокой нравственностью, тогда как их поведение характеризуется большой вежливостью и мягкостью. Что касается преступников или мятежников, то их немного и они лишь изредка доставляют беспокойство». Далее Сюань Цзан говорит: «Так как управление основано на гуманных принципах, правительственный аппарат несложен... Людей не заставляют выполнять принудительные работы... В связи с этим налоги, взимаемые с народа, невелики... Купцы, занимающиеся внешней торговлей, приезжают и уезжают, осуществляя свои торговые сделки».

Сюань Цзан вернулся в Китай тем же путем, через Среднюю Азию, и привез с собой много рукописей. Его рассказ дает нам яркое представление о широком распространении буддизма в Хорасане, Ираке, Мосуле — вплоть до границ Сирии. И тем не менее это было время, когда буддизм находился там в состоянии упадка и ислам, уже зарождавшийся в Аравии, должен был вскоре распространиться на все эти страны. Сюань Цзан делает

интересное замечание об иранском народе: иранцы «не заботятся об образовании, но посвящают себя целиком художественному творчеству. Все, что они делают, высоко ценится в соседних странах».

В это время Иран, так же как в предыдущие и в последующие периоды, сосредоточил свои усилия на том, чтобы придать жизни большую красоту и утонченность, и влияние его в Азии было распространено далеко. Сюань Цзан рассказывает нам и о маленьком царстве Турфан, на краю пустыни Гоби, о котором за последние годы мы получили новые сведения из трудов археологов. Сюда проникало множество культур, которые смешивались и соединялись, создавая богатое сочетание, черпая вдохновение в Китае, Индии, Персии и даже из эллинистических источников. Язык Турфана был индо-европейским языком, пришедшим из Индии и Ирана и напоминавшим в некоторых отношениях кельтские языки Европы; религия пришла из Индии; образ жизни был китайский; многие художественные изделия были из Ирана. Красиво выполненные статуи и фрески, изображавшие Будду, богов и богинь, часто были облачены в индийские одеяния и греческие головные уборы. Эти богини, говорит Грусс, представляют собой «удачнейшее сочетание индийской гибкости, эллинистической выразительности и китайского очарования».

Сюань Цзан вернулся на родину, тепло встреченный императором и народом; он начал писать книгу и переводить множество привезенных им рукописей. Сказание повествует, что, когда Сюань Цзан отправлялся в свое странствие, император Танской династии подмешал в питье горсть земли и подал ему, сказав: «Вы поступили бы хорошо, выпив эту чашу, ибо разве не сказано нам, что горсть родной земли стоит больше, чем десять тысяч цзиней иноземного золота?»

Приезд Сюань Цзана в Индию и то большое уважение, которым он пользовался как в Китае, так и в Индии, повели к установлению политических связей между правителями двух стран. Царь Канауджа Харшавардхана и император Танской династии обменивались посольствами. Сам Сюань Цзан поддерживал связь с Индией, обмениваясь письмами с друзьями и получая от них рукописи. В Китае сохранилось два интересных письма, первоначально написанных на санскрите. Одно из них было написано Сюань Цзану в 654 году н. э. индийским буддийским ученым Стхавирой Праджнадевой. После приветствий и новостей об общих друзьях и их литературной работе он писал: «Мы посылаем вам пару белых одеяний, чтобы показать, что мы не забываем о вас. Путь долог, а потому не сетуйте на ничтожность подарка. Мы хотим, чтобы вы его приняли. Что касается сутр и шастр, которые вам могут понадобиться, то просим вас прислать список. Мы перепишем его и пришлем их вам». В своем ответе Сюань Цзан сообщает: «Я узнал от одного посла, вернувшегося недавно

из Индии, что великого учителя Шилабхадры больше нет. Это известие преисполнило меня беспредельным горем... Из числа сутр и шастр, которые я, Сюань Цзан, привез с собой, я перевел уже «Йогачарьябхуми-шастру» и другие произведения— всего тридцать томов. Я должен со смирением уведомить вас, что, переправляясь через Инд, я потерял груз со священными текстами. Сейчас я посылаю вам список этих текстов, приложенный к этому письму. Я прошу вас прислать их мне, если у вас будет такая возможность. Я посылаю в подарок несколько мелких предметов. Пожалуйста, примите их»¹.

Сюань Цзан много сообщает нам об университете в Наланде, кроме того имеются и другие описания этого университета. И все же, когда несколько лет назад я поехал и увидел раскопанные развалины Наланды, я был поражен размерами и колоссальными масштабами университета. До сих пор раскопана лишь часть его, а над остальным находятся населенные пункты, но даже и эта часть состояла из огромных дворов, окруженных величественными каменными зданиями.

Вскоре после смерти Сюань Цзана в Китае Индию посетил еще один знаменитый китайский паломник — И Цзин. Он выехал в 671 году н. э., и ему потребовалось почти два года, чтобы достигнуть индийской части Тамралипти, в устье Хугли, ибо он ехал морем и остановился на много месяцев в Шрибхога (современный Палембанг на Суматре), чтобы изучить санскрит. Тот факт, что он путешествовал морским путем, имеет определенное значение, так как, вероятно, в ту пору в Средней Азии было беспокойно и там происходили политические перемены. Многие дружественные буддийские монастыри, расположенные вдоль этого пути, возможно, перестали существовать. Возможно также, что морской путь был удобнее ввиду роста индийских колоний в Индонезии, а также ввиду постоянной торговли и других связей между Индией и этими странами. Из оставленного им отчета и других описаний видно, что в то время между Персией (Ираном), Индией, Малайей, Суматрой и Китаем поддерживалось постоянное судоходство. И Цзин отплыл на персидском судне из Квантуна и прибыл сначала на Суматру.

И Цзин также долгое время занимался науками в университете Наланды и привез с собой несколько сот санскритских текстов. Он интересовался главным образом тонкостями буддийского ритуала и обрядностями и подробно описал их. Однако он много рассказывает нам и об обычаях, одежде и пище. Тогда, как и теперь, пшеница была основным продуктом питания в Северной Индии, а рис — на юге и на востоке. Мясо иногда употреблялось в пищу, но это было редким явлением (повидимому, И Цзин больше рассказывает нам о буддийских монахах, чем

¹ Цитируется по книге Dr. P. C. Bagchi, «India and China» (Calcutta, 1944).

о других). Топленое масло, растительное масло, молоко и сливки имелись повсюду, а сладости и фрукты были в изобилии. И Цзин отметил то значение, которое индийцы всегда придавали известной культовой чистоте. «Первым и главным различием между Индией пяти областей и другими нациями является специфическое различие между чистотой и нечистойой». И далее: «Сохранение остатков еды, как это имеет место в Китае, отнюдь не соответствует индийским правилам».

Вообще Индию И Цзин называет Западом (Сиюй), однако он рассказывает нам, что она была известна и под названием Арьядеша; «арья» означает благородный, «деша» — область, отсюда — благородная область, название Запада. Ее называют так потому, что там один за другим появляются люди благородного характера, и весь народ славит свою страну этим именем. Она называется также Мадхьядеша, то есть срединная земля, ибо это центр сотен мириадом стран. Всем известно это название. Одни северные племена (ху, или монголы, или турки) называют Благородную Землю «Хинду» (Син-ду), но это вовсе не общее название; это лишь местное название, не имеющее особого значения. Народ Индии не знает этого наименования, и самое подходящее название для Индии — это «Благородная Земля».

Интересно упоминание И Цзина о «Хинду». Он пишет: «Некоторые говорят, что Инду значит луна, и от этого происходит китайское название Индии, то есть Инду (Йин-ду). Хотя такое значение возможно, это, тем не менее, не обычное название. Что касается индийского названия Великого Чжоу (Китая), то есть Чина, — это название, ничего не означающее». Он упоминает также о санскритских названиях Кореи и других стран.

При всем своем восхищении Индией и многим индийским И Цзин дал понять, что первое место он отводил своей родной стране, Китаю. Индия могла быть «благородной областью», но Китай был «божественной землей». Население пяти частей Индии гордится своей чистотой и превосходством. Но высокую утонченность, литературное изящество, пристойность, умеренность, церемонии при встрече и расставании, восхитительный вкус пищи и полноту благожелательности и праведности можно найти только в Китае, и никакая другая страна не может превзойти его. «В искусстве врачевания, лечении наколами и прижиганием и в умении щупать пульс Китай никогда не был превзойден ни одной частью Индии; средство для продления жизни имеется только в Китае... По характеру людей и качеству вещей Китай зовется «божественной землей». Есть ли кто-либо в пяти частях Индии, кто не восхищается Китаем?»

На древнем санскрите китайский император назывался *дэвануптра*, что является точным переводом выражения «Сын Неба».

И Цзин, большой знаток санскрита, хвалит этот язык и говорит, что он пользуется признанием в далеких странах на севере и юге... «Насколько же больше должны жители божественной земли (Китая), равно как и небесной сокровищницы (Индии), изучать истинные правила языка!»¹ Знание санскритского языка было, вероятно, довольно широко распространено в Китае. Интересно, что некоторые китайские ученые пытались ввести санскритскую фонетику в китайский язык. Так, монах Шэнь Вэнь, живший в эпоху династии Тан, пытался создать на этой основе алфавитную систему в китайском языке.

С упадком буддизма в Индии это общение между индийскими и китайскими учеными фактически прекратилось, хотя паломники из Китая иногда посещали святые места буддизма в Индии. Во время политических переворотов, начиная с 11 века н. э. и далее, много буддийских монахов, увозя с собой связки рукописей, переселялись в Непал или через Гималаи в Тибет. В этот период и раньше значительная часть древнеиндийской литературы проникла в Китай и Тибет и за последние годы была вновь обнаружена там в оригиналах или, еще чаще, в переводах. В китайских и тибетских переводах сохранено много индийских классических произведений, касающихся не только буддизма, но и брахманизма, астрономии, математики, медицины и т. д. В коллекции Сун-ба в Китае насчитывается 8000 таких произведений. В Тибете их очень много. Индийские, китайские и тибетские ученые постоянно сотрудничали между собой. Выдающимся примером этого сотрудничества, сохранившимся до наших дней, является санскритско-тибетско-китайский словарь буддийских технических терминов. Он восходит к 9 или 10 веку н. э. и называется «Махавьютпатти».

Среди обнаруженных в Китае древнейших печатных книг, относящихся к 8 веку н. э., имеются книги на санскрите. Они печатались с деревянных досок. В 10 столетии в Китае была организована Императорская печатная комиссия, способствовавшая быстрому развитию типографского искусства, продолжавшегося вплоть до эпохи династии Сун. Удивителен и трудно объясним тот факт, что, несмотря на тесные связи между индийскими и китайскими учеными и их обмен книгами и рукописями на протяжении столетий, нет совершенно никаких признаков существования печатных книг в Индии в этот период. Печатание с деревянных досок довольно рано проникло из Китая в Тибет и, мне думается, все еще практикуется там. При монгольской династии Юань (1260—1368 годы) китайский способ книгопечатания проник в Европу. Ставши впервые известен в Германии, он в течение 15 столетия распространился и на другие страны.

¹ Эти выдержки взяты из переведенной Такакусу книги И Цзина «Описание буддийских религий, исповедуемых в Индии и на Малайском архипелаге» (Оксфорд, 1896).

Даже в индо-афганский и могольский периоды в Индии поддерживались нерегулярные дипломатические связи между Индией и Китаем. Делийский султан Мухаммед Туглак (1326—1351 годы) отправил в качестве посла к китайскому двору известного арабского путешественника Ибн-Батуту. К этому времени Бенгалия сбросила с себя делийский сюзеренитет и стала независимым султанатом. В середине 14 столетия китайский двор направил к бенгальскому султану двух послов — Ху Сэня и Фэн Сэня. В результате этого из Бенгалии в царствование султана Гийяс-уд-дина был также направлен в Китай ряд послов. В Китае это был период императоров династии Мин. Одно из более поздних посольств, отправленных в 1414 году Саиф-уд-дином, повезло ценные подарки и среди них живого жирафа. Как жираф ухитрился попасть в Индию, остается тайной. Вероятно, он был получен в качестве подарка из Африки и послан императору Мин как диковина, которую должны были оценить. Этот подарок действительно был высоко оценен в Китае, где последователи Конфуция считают жирафа благоприятным символом. Нет никакого сомнения, что животное было именно жирафом, ибо, помимо пространного описания этого животного, имеется также китайское изображение его на шелке. Придворный художник, написавший эту картину, оставил подробный отчет, превознося его и то благо, которое он должен принести. «Министры и народ собирались поглядеть на него, и радость их не знала предела».

Торговля между Индией и Китаем, процветавшая в буддийский период, продолжалась и на протяжении всего индо-афганского и могольского периодов, и между ними происходил постоянный товарообмен. Сухопутная торговля велась через северные проходы в Гималаях и вдоль старых караванных путей Средней Азии. Велась также значительная морская торговля через острова Юго-Восточной Азии, главным образом с южно-индийскими портами.

В течение тысячи и более лет общения между Индией и Китаем обе страны кое-чему научились друг у друга не только в области мышления и философии, но также и в области искусств и практических наук. Вероятно, влияние Индии на Китай было сильнее, чем влияние Китая на Индию, что весьма прискорбно, ибо Индия вполне могла бы с пользой для себя позаимствовать у китайцев немного их здравого смысла и с его помощью обуздать свои экстравагантные фантазии. Китай много взял у Индии, но он был всегда достаточно силен и уверен в себе, чтобы брать это по-своему и как-то вплетать в ткань своей жизни. Даже буддизм и его сложная философия были окрашены доктринами Конфуция и Лао-цзы. Несколько пессимистическое мировоззрение буддийской философии не могло изменить или подавить жизнерадостность и веселый нрав китайцев. Старая китайская пословица гласит: «Если вами завладеет правительство, оно

засечет вас; если вами завладеют буддисты, они уморят вас голодом!»

В известном китайском романе 16 века «Си ю цзи», написанном У Чэн-энем (переведен на английский язык Артуром Уайли), рассказывается о мифических и фантастических приключениях Сюань Цзана по пути в Индию. Книга заканчивается посвящением Индии: «Я посвящаю этот труд чистой стране Будды. Да вознаградит она доброту покровителя и наставника, да умерит она страдания заблудших и осужденных...»

Отрезанные друг от друга на протяжении многих веков, Индия и Китай по странной прихоти судьбы оказались под влиянием британской Ост-Индской компании. Индии пришлось долго терпеть это; в Китае этот контакт был непродолжителен, но все же успел принести опиум и войну.

Сейчас колесо судьбы описало полный круг, Индия и Китай вновь обращают взоры друг к другу, и воспоминания о прошлом живы в их памяти; паломники нового типа пересекают по суше или по воздуху разделяющие их горы, неся слова бодрости и доброжелательства и создавая новые прочные узы дружбы.

ИНДИЙСКИЕ КОЛОНИИ И КУЛЬТУРА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чтобы узнать и понять Индию, нужно много странствовать во времени и пространстве, нужно забыть на время о ее нынешнем положении с его нищетой, ограниченностью и ужасами и получить представление о том, чем она была и что она создала. «Чтобы узнать мою страну, — писал Рабиндранат Тагор, — нужно обратиться к той эпохе, когда она поняла свою душу и вышла за свои географические границы, когда она проявила свою сущность в лучезарном великодушии, которое озарило восточный горизонт, и люди, населяющие другие берега, проснувшиеся в восхищении перед жизнью, признали ее равной себе; но не к современной эпохе, когда она укрылась за узким барьером неизвестности, замкнувшись в жалкой гордости своей исключительности, в нищете разума, который тупо вращается вокруг самого себя в бессмысленном повторении прошлого, утратившего свой свет и ничего не завещающего паломникам будущего».

Нужно не только вернуться вспять во времени, но и попутешествовать — если не физически, то мысленно — по различным странам Азии, где Индия распространяла свое влияние во многих областях, оставив бессмертное свидетельство своего духа, своей силы и своей любви к прекрасному. Сколь немногие из нас знают об этих великих достижениях нашего прошлого, сколь немногие сознают, что, если Индия была великой в мышлении и философии, она была не менее великой и в действии. Историю, которую создавали вдвоем от своей родины мужчины и женщины из Индии, еще предстоит написать. Большинство

на Западе все еще думает, будто древняя история связана в основном со средиземноморскими странами, а в средневековой и современной истории господствующее положение занимает маленький задорный европейский континент. Поэтому и свои планы на будущее они строят исходя из того, что якобы одна Европа что-то значит, а все остальное можно подогнать к чему угодно.

Сэр Чарльз Элиот писал, что «неправильное представление о роли Индии в истории создают написанные европейцами книги, в которых повествуется о подвигах захватчиков, вторгавшихся в Индию, и после этого остается впечатление, будто народ Индии был слабым мечтательным народом, отрезанным от остального человечества своими морями и горными границами. В такой картине не принимаются во внимание интеллектуальные завоевания индусов. Между тем даже их политические завоевания имеют значение; они были замечательны по дальности, если не по размерам занятых территорий... Но такие военные или коммерческие вторжения ничтожны в сравнении с распространением индийского образа мышления»¹.

Элиот не знал, вероятно, когда писал эти строки, о многих недавних открытиях в Юго-Восточной Азии, которые произвели переворот в представлении о прошлом Индии и Азии. Знакомство с этими открытиями подкрепило бы его доводы и показало бы, что деятельность индийцев за границей, даже помимо распространения индийского образа мышления, была довольно значительной. Мне вспоминается, как я был удивлен и воодушевлен, когда около пятнадцати лет назад прочитал впервые подробное изложение истории Юго-Восточной Азии. Передо мной открылись новые панорамы, новые исторические перспективы, новые представления о прошлом Индии, и мне пришлось соответственно пересмотреть свой образ мыслей и прежние представления. Чампа, Камбоджа и Ангкор, Шри-Виджая и Маджапахит внезапно возникли из небытия, приняли живой образ, полный того инстинктивного чувства, которое сближает прошлое с настоящим.

Вот что писал о Сайлендре, этом могущественном полководце и завоевателе, совершившем подвиги и в других областях, д-р Х. Г. Куорич Уэлс: «Этот великий завоеватель, подвиги которого можно сравнить лишь с подвигами величайших воинов, известных истории Запада, и слава которого гремела в его время повсюду от Персии до Китая, создал за одно-два десятилетия обширную морскую империю, которая просуществовала пять столетий и сделала возможным чудесный расцвет индийского искусства и культуры на Яве и в Камбодже. Однако в наших энциклопедиях и историях... вы не найдете упоминания об этой широко раскинувшейся империи или о ее благородном основателе... Сам факт, что такая империя существовала когда-то,

¹ Eliot, *Hinduism and Buddhism*, Vol. I, p. XII.

вряд ли известен кому-либо, кроме горстки востоковедов»¹. Военные подвиги этих ранних индийских колонистов важны потому, что они проливают свет на некоторые стороны индийского характера и гения, которые до сих пор не были оценены. Но еще большее значение имеет та богатая цивилизация, которую они создали в своих колониях и поселениях и которая просуществовала свыше тысячи лет.

За последнюю четверть века на историю этого обширного района в Юго-Восточной Азии, который иногда называют Великой Индией, пролито много света. Но имеется еще немало пробелов, немало расхождений, и ученые продолжают выдвигать свои противоречащие друг другу теории. Однако история в общих чертах ясна, а по некоторым вопросам имеются в изобилии и дополнительные сведения. В материалах нет недостатка, ибо имеются ссылки в индийских книгах и записи арабских путешественников и, что еще важнее, китайские исторические летописи. Есть также много старых надписей, медных табличек и т. п., а на Яве и в Бали существует богатая литература, основанная на индийских источниках, часто пересказывающая индийский эпос и мифы. Греческие и латинские источники также дали некоторые сведения. Но главное — имеются великолепные руины древних памятников, особенно в Ангкоре и Боробудуре².

Начиная с первого столетия христианской эры и далее индийские колонисты последовательными волнами эмигрировали на восток и юго-восток, достигая Цейлона, Бирмы, Малайи, Явы, Суматры, Борнео, Сиамы, Камбоджи и Индо-Китая. Некоторые из них добрались даже до Формозы, Филиппинских островов и Целебеса. Даже на Мадагаскаре говорят на индонезийском языке с примесью санскритских слов. Понадобилось, должно быть, несколько сот лет, чтобы расселиться подобным образом, и, возможно, не все эти места были достигнуты непосредственно из Индии, а до некоторых из них добирались через промежуточные поселения. С первого столетия н. э. и примерно до 900 года н. э. было, вероятно, четыре главные волны колонизации, но и в промежутке между ними поток людей двигался на восток. Однако самая замечательная черта этих предприятий заключалась в том, что они, очевидно, были организованы государством. Широко разбросанные колонии возникали почти одновременно, и почти всегда эти поселения были расположены в стратегических пунктах и на важных торговых путях. Названия, которые давались этим поселениям, были древнеиндийскими. Так, Камбоджа, как она известна сейчас, называлась

¹ Dr. H. G. Quaritch Wales, *Towards Angkor*, Harrap, 1937.

² Можно сослаться на книгу Dr. R. C. Majumdar «Ancient Indian Colonies in the Far East», Calcutta, 1927, и его «Sarnadvipa», Calcutta, 1937, а также на издания Общества Индийской империи (Calcutta).

Камбуджа — по имени хорошо известного в древней Индии города в Гандхаре или в долине Кабула. Это дает возможность примерно определить период этой колонизации, ибо в то время Гандхара (Афганистан) должна была быть важной частью арийской Индии.

Чем были вызваны эти необычайные экспедиции через опасные моря и какой мощный стимул двигал ими? Они бы не могли быть задуманы или организованы, если бы им не предшествовала на протяжении многих поколений или столетий деятельность отдельных лиц или небольших групп, стремившихся к ведению торговли. В древнейших санскритских книгах имеются неясные ссылки на эти восточные страны. Приводимые в них названия не всегда легко понять, хотя иногда это и не представляет труда. Ява определенно происходит от «Ява двипа», или остров проса. Даже сейчас джавой называют в Индии ячмень или просо. Другие названия, приводимые в старых книгах, также обычно связаны с наименованием минералов, металлов или каких-либо промышленных либо сельскохозяйственных продуктов. Сама эта номенклатура уже наводит на мысль о торговле. Д-р Р. С. Маджумдар указывает, что «если литературу можно считать верным отражением народного духа, то главной страстью в Индии на протяжении столетий, непосредственно предшествовавших христианской эре и следовавших за ней, должны были быть торговля и коммерция». Все это указывает на развивающуюся экономику и на постоянные поиски отдаленных рынков.

В 3 и 2 веках до нашей эры эта торговля постепенно возрастала; за отважными торговцами и купцами, возможно, последовали миссионеры, ибо это был как раз период, следовавший за правлением Ашоки. В старых санскритских текстах содержится много описаний опасных морских путешествий и кораблекрушений. Из греческих и арабских источников видно, что регулярная морская связь между Индией и Дальним Востоком существовала, по крайней мере, еще в 1 веке н. э. Малайский полуостров и индонезийские острова лежат на прямом торговом пути между Китаем и Индией, Персией, Аравией и районами Средиземного моря. Эти страны имели не только географическое значение. Там были ценные минералы, металлы, пряности и лес. Малайя славилась тогда, как и сейчас, своими оловянными рудниками. Вероятно, наиболее ранние путешествия совершались вдоль восточного побережья Индии — Калинга (Орисса), Бенгалия, Бирма и далее к Малайскому полуострову. Позже были открыты прямые морские пути из Восточной и Южной Индии. Именно этим морским путем приезжали в Индию многие китайские паломники. Фа Сянь в 5 столетии, посетив по пути Яву, сетовал на то, что в то время там было много еретиков, то есть людей, исповедующих не буддизм, а брахманическую религию.

Нет сомнений в том, что судостроение было в древней Индии хорошо развито и процветало. Мы располагаем некоторыми подробностями и деталями относительно судов, строившихся в те времена. Упоминаются многие индийские порты. На южно-индийских монетах (из Андхры) 2 и 3 столетий н. э. имеется изображение двухмачтового судна. Фрески в Аджанте изображают завоевание Цейлона, и в частности суда, везущие слонов. Огромные государства и империи, возникшие из первоначальных индийских поселений, были в основном морскими державами, заинтересованными в торговле, а следовательно, и в контролировании морских путей. Они сталкивались друг с другом на морях, и однажды одно из них бросило вызов государству Чола в Южной Индии. Но Чолы также были сильны на море, и они послали морскую экспедицию, результатом которой было временное покорение империи Сайлендра.

Существует одна интересная надпись на тамильском языке, относящаяся к 1088 году н. э., в которой говорится о «гильдии пятнадцати сотен». Это был, очевидно, союз торговцев, которых надпись характеризует как «отважных людей, рожденных, чтобы странствовать по многим странам начиная с Золотого века¹, проникая по суше и воде в области шести континентов и торгуя оптом и в розницу такими различными товарами, как кони, слоны, драгоценные камни, ароматические и лекарственные вещества».

Такова была причина ранних колонизационных предприятий индийского народа. Торговля, дух предприимчивости и стремление к экспансии влекли индийцев в эти восточные земли, которые в старых санскритских книгах имеют общее название Сварнабхуми — Золотая земля или Сварнадвипа — Золотой остров. Само это название уже звучало заманчиво. Селились первые колонисты, за ними следовали новые, и таким образом происходило мирное проникновение колонистов в страну. Происходило смешение индийцев с местными народами, развивалась смешанная культура. Повидимому, только в это время возникли первые элементы политической власти; представителями ее были, вероятно, какие-нибудь правители из касты кшатриев, младшие сыновья из знатных семей, приехавшие в поисках приключений и власти. На основании сходства названий высказывается предположение, что многие из этих пришельцев были выходцами из многочисленного индийского племени мальва, отсюда название малайской расы, которая сыграла столь важную роль в истории всей Индонезии. Часть Центральной Индии до сих пор называется Мальва. Предполагается, что первые колонисты прибыли из Калинги на восточном побережье

¹ Согласно индийской мифологии, все мироздание прошло 4 юга (периода): Критаюга (Золотой век), Третаюга (Серебряный век), Двапаяюга (Медный век) и Калиюга (Железный век), в котором мы живем и сейчас. — *Прим. ред.*

(Орисса), однако организованная попытка колонизации была предпринята южным индусским государством Паллаво. Считается, что из Ориссы пришла династия Сайлендра, столь прославившаяся в Юго-Восточной Азии. В то время Орисса была оплотом буддизма, но правящая династия исповедовала брахманизм.

Все индийские колонии были расположены между двумя большими странами и двумя большими цивилизациями — Индией и Китаем. Некоторые из них, на Азиатском материке, фактически подходили к границам Китайской империи, другие лежали на прямом торговом пути между Китаем и Индией. Таким образом, индийские колонии испытывали на себе влияние обеих этих стран; это вело к возникновению смешанной индокитайской цивилизации, но природа этих двух культур была такова, что между ними не было конфликта, возникли лишь смешанные структуры различных форм и разнообразного содержания. В материковых странах — Бирме, Сиаме, Индо-Китае — влияние Китая было большим, на островах же Малайского полуострова сильнее чувствовалось влияние Индии. Как правило, методы правления и общая философия жизни приходили из Китая, религия и искусство — из Индии. В торговле материковые страны зависели в основном от Китая, и между ними и Китаем происходил частый обмен послами. Даже в Камбодже и в величественных памятниках Ангора чувствуется лишь художественное влияние Индии. Но индийское искусство обладало гибкостью и приспособляемостью, и в каждой стране оно расцветало заново, в множестве новых форм, всегда сохраняя характерный индийский колорит. Сэр Джон Маршалл отмечает «удивительно жизненный и гибкий характер индийского искусства» и указывает, что как индийскому, так и греческому искусству была присуща способность «приспосабливаться к требованиям каждой страны, народа и религии, с которыми они соприкасались».

Основные черты индийского искусства определяются некоторыми идеалами, связанными с религиозными и философскими воззрениями Индии. Подобно религии, эта основная концепция искусства распространилась из Индии на все эти восточные страны. Вероятно, религия первых колоний была исключительно брахманической, и буддизм распространился позднее. Обе эти религии существовали бок о бок, как друзья, и на их почве выросли смешанные формы общераспространенного культа. Этот буддизм принадлежал главным образом к типу махаяны, обладавшему способностью легко приспосабливаться. Брахманизм и буддизм под влиянием местных обычаев и традиций, вероятно, отошли от чистоты своих первоначальных доктрин. В дальнейшем между буддийскими и брахманическими государствами возникали крупные конфликты, но это были в основном политические и экономические войны за контроль над торговлей и морскими путями.

История индийских колоний охватывает период примерно в 1300 лет или больше — с начала 1 или 2 столетия н. э. до конца 15 столетия. История предшествующих веков окутана туманом, и о них мало что известно за исключением того, что в то время существовало множество небольших государств. Постепенно они консолидируются, и к 5 веку возникают большие города. К началу 8 века уже существовали морские империи, частично централизованные, но осуществлявшие также власть в той или иной форме над многими странами. Иногда эти зависимые владения обретали независимость и даже осмеливались нападать на центральную державу, и это вносит некоторую путаницу в понимание нами истории того периода.

Крупнейшим среди этих государств была империя Сайлендра, или империя Шри-Виджая, которая к 8 веку стала господствующей державой на море и на суше на всем Малайском полуострове и Малаккском архипелаге. До недавнего времени полагали, что она возникла на Суматре и имела там свою столицу, однако последние исследования показывают, что она зародилась на Малайском полуострове. В период расцвета империи Сайлендра в ее состав входили Малайя, Цейлон, Суматра, часть Явы, Борнео, Целебес, Филиппины, часть Формозы. Вероятно, она осуществляла сюзеренитет над Камбоджей и Чампой (Аннамом). Это была буддийская империя.

Но задолго до того, как династия Сайлендра создала и укрепила эту империю, в Малайе, Камбодже и на Яве возникли могущественные государства. В северной части Малайского полуострова, близ границ Сиамы, огромные руины, говорит Р. Дж. Уилкинсон, «указывают на бывшее существование могущественных государств и на высокий уровень богатства и роскоши». В Чампе (Аннаме) в 3 столетии существовал город Пандурангам, а в 5 столетии большим городом стала Камбоджа. В 9 веке великий правитель Джайяварман объединил малые государства и создал империю Камбоджа со столицей в Ангкоре. Время от времени Камбоджа, вероятно, подпадала под сюзеренитет династии Сайлендра, но этот сюзеренитет был, должно быть, номинальным, и в 9 веке она полностью восстановила свою независимость. Государство Камбоджа просуществовало почти четыреста лет под властью ряда великих правителей и великих строителей — Джайявармана, Яшовармана, Индравармана, Сурьявармана. Столица ее прославилась в Азии и была известна под названием «Ангкор Великолепный», город с миллионным населением, более крупный и более блестящий, нежели Рим при цезарях. Близ города был расположен большой храм Ангкор Ват. Империя Камбоджа процветала до конца 13 века; о богатстве и великолепии ее столицы говорится в описаниях одного китайского посла, посетившего ее в 1297 году. Но внезапно столица перестала существовать, и некоторые здания остались недостроенными. В то время происходили вторжения извне и

внутренние смуты, но главным бедствием было, видимо, заиливание русла реки Меконг, в результате чего подступы к городу превратились в болота, и это обстоятельство вынудило покинуть его.

Ява также отложила от империи Сайлендра в 9 веке, и все же империя Сайлендра оставалась ведущей державой в Индонезии до 11 века, когда она пришла в столкновение с державой Чола в Южной Индии. Чолы вышли победителями и свыше 50 лет сохраняли власть над значительными частями Индонезии. С уходом Чола империя Сайлендра воспрянула вновь и существовала в качестве независимого государства еще около трехсот лет. Но она не была уже господствующей державой в странах восточных морей, и в 13 веке империя стала распадаться. Ява, так же как и Таи (Сиам), выросла на ее развалинах. Во второй половине 14 века Ява полностью покорила Сайлендрскую империю Шри-Виджаяи.

Возвысившееся яванское государство имело большую историю. Это было брахманическое государство, сохранившее приверженность к старой вере, несмотря на распространение буддизма, и сопротивлявшееся политическому и экономическому владычеству Сайлендрской империи Шри-Виджаяи, даже когда половина территории Явы была захвачена этой империей. Это была страна мореходов, занимавшихся торговлей и питавших страсть к большим каменным зданиям. Первоначально она называлась царством Сингхасари, но в 1292 году был основан новый город Маджапахит, положивший начало империи Маджапахит, сменившей Шри-Виджаяю в качестве господствующей державы в Юго-Восточной Азии. Государство Маджапахит оскорбило каких-то китайских послов, присланных Хубилайханом; в ответ на это китайцы предприняли поход против Маджапахита. Вероятно, яванцы научились у китайцев применению пороха, и это помогло им в конце концов нанести поражение Сайлендрам.

Маджапахит был высоко централизованной растущей империей. По имеющимся сведениям, ее система налогообложения была хорошо организована и особое внимание уделялось торговле и колониям. Имелись государственные ведомства по делам торговли, колоний, по общественному здравоохранению, по военным, внутренним делам и т. д. Имелся также верховный суд, состоявший из нескольких судей. Удивительно, насколько хорошо был организован государственный строй этой империи. Главным занятием государства была торговля, распространявшаяся от Индии до Китая. В числе известных правителей этого государства была королева Сухита.

Война между Маджапахитом и Шри-Виджаей была очень жестока, и, несмотря на полную победу Маджапахита, она посеяла семена будущего конфликта. Из развалин державы Сайлендра на Суматре и в Малакке возникла Малайская держава,

объединенная с другими элементами, а именно с арабами и но-вообращенными мусульманами. Господство на восточных морях, длительное время находившееся в руках Южной Индии или ин-дийских колоний, перешло теперь к арабам. Малакка выдвину-лась как крупный торговый центр и средоточие политической власти, и на Малайском полуострове и на островах распростра-нился ислам. Эта новая держава и положила к исходу 15 сто-летия конец Маджапахиту. Но через несколько лет, в 1511 году, пришли португальцы во главе с Албукерком и завладели Малак-кой. Европа пришла на Дальний Восток благодаря своей развивавшейся морской мощи.

ВЛИЯНИЕ ИНДИЙСКОГО ИСКУССТВА ЗА ГРАНИЦЕЙ

Сведения о древних империях и династиях представляют ин-терес для археолога, но они имеют более широкое значение для истории цивилизации и искусства. С точки зрения Индии, они особенно важны, ибо именно Индия воздействовала на эти стра-ны и проявила в самых различных отношениях свою жизнеспособность и свой гений. Мы видим ее, полную бьющей через край энергии и распространяющейся вдаль и вширь, несущей не только свою мысль, но и другие свои идеалы, свое искусство, свою торговлю, свой язык и литературу и свои методы правле-ния. Она не находилась в состоянии застоя и не осталась в сто-роне, изолированная и отрезанная горами и морями. Ее жители преодолели эти высокие горные преграды и опасные моря и создали, как говорит Рене Груссе, «Индийскую империю, по-литически столь же мало организованную, как греческая, но столь же гармоничную морально». Фактически даже полити-ческая организация этих малаккских государств была органи-зацией высокого порядка, хотя она и не была частью индийской политической системы. Но Груссе касается более обширных районов распространения индийской культуры: «На высокогор-ном плато восточного Ирана, в оазисах Серинды, в безводных просторах Тибета, Монголии и Маньчжурии, в древних цивили-зованных землях Китая и Японии, землях первобытных монов и кхмеров и других племен в Индо-Китае, в малайско-полинезий-ских странах, в Индонезии и Малайе Индия оставила неизгла-димый отпечаток своей высокоразвитой культуры не только на религии, но также на искусстве и литературе, словом, на всей высшей духовной деятельности...»¹

Особенно глубокие корни индийская цивилизация пустила в странах Юго-Восточной Азии, и свидетельства этому можно найти и сейчас повсюду в этом районе. Крупные центры сан-скритского образования находились в Чампе, Ангкоре, Шри-Виджае, Маджапахите и других местах. Имена правителей

¹ René Grousset, *Civilizations of the East*, Vol. II, p. 276.

различных возникавших государств и империй были чисто индийские и санскритские. Это не значит, что они были чистокровными индийцами, но это несомненно указывает на то, что они индианизировались. Государственный церемониал был индийский и выполнялся на санскритском языке. Все государственные чиновники носили древние санскритские титулы, и некоторые из этих титулов и званий сохранились до настоящего времени не только в Таиланде, но и в мусульманских государствах Малайи. Древняя литература этих мест в Индонезии полна индийских мифов и легенд. Знаменитые яванские и балийские танцы берут свое начало в Индии. Маленький остров Бали в значительной мере сохранил свою древнеиндийскую культуру до современной эпохи, и там удержался даже индуизм. Искусство письма пришло на Филиппины из Индии.

Камбоджа заимствовала у Южной Индии алфавит и переняла, с незначительными изменениями, много санскритских слов. Гражданское и уголовное право было основано на законах древнего законодателя Индии Ману, и, с некоторыми изменениями, вызванными буддийским влиянием, оно было приведено в систему в современном законодательстве Камбоджи¹.

Но больше всего индийское влияние сказывается в великольном искусстве и архитектуре этих старых индийских колоний. Первоначальный импульс видоизменялся, приспособлялся и сливался с духом местности, и на почве этого слияния возникли памятники и замечательные храмы Ангкора и Бوروبудура. В Бوروبудуре, на Яве, высечена на камне вся история жизни Будды. В других местах барельефы воспроизводят легенды о Вишну, Раме и Кришне. Вот что писал об Ангкоре Осберт Ситуэлл: «Нужно прямо сказать, что Ангкор, такой как он есть, является сейчас одним из главных чудес света, одной из тех вершин, до которых возвысился, воплотившись в камне, человеческий гений. Он бесконечно более внушителен, красив и романтичен, нежели все, что можно видеть в Китае... Это вещественные остатки цивилизации, которая на протяжении шести веков сверкала крыльями своего великолепного оперения и затем погибла столь безвозвратно, что даже имени ее не произносят уста человека»².

Вокруг большого храма Ангкор Ват простирается обширный район величественных руин с искусственными озерами и прудами, с каналами и мостами над ними и с большими воротами, увенчанными «огромной скульптурной головой с красивым улыбающимся, но загадочным камбоджийским лицом, лицом человека, достигшего могущества и красоты божества». Это

¹ A. Leclère. Recherches sur les origines brahmaniques des lois Combodgiennes, цитируется по книге B. R. Chatterji «Indian Cultural Influence in Camhodia», Calcutta, 1928.

² Цитируется по книге Osbert Sitwell «Escape with Me, An Oriental Sketch Book», 1941.

лицо с его странно обаятельной и волнующей улыбкой — «улыбкой Ангкора» — повторяется снова и снова. Эти ворота ведут в храм. «Расположенный по соседству Байон можно назвать самым фантастическим и необычайным в мире, более красивым, чем Ангкор Ват, ибо он более неземной по своему замыслу; его можно назвать храмом города на какой-нибудь далекой планете... пронизанным той же неуловимой красотой, какая часто живет между строк великой поэмы»¹.

Вдохновение, создавшее Ангкор, пришло из Индии, но развил его кхмерский гений, вернее, то и другое слилось вместе и произвело на свет это чудо. Правителя Камбоджи, которому приписывают построение этого большого храма, звали Джайяварман VII; это уже типично индийское имя. Д-р Куорич Уэлс говорит, что «когда направляющая рука Индии была убрана, вдохновляющее влияние Индии не было забыто, но кхмерский гений обрел свободу, чтобы формировать новые поразительные построения, совершенно отличные, а потому не сравнимые ни с чем, что выросло в чисто индийской среде... Верно, что кхмерская культура черпала свое вдохновение в Индии, без чего кхмеры никогда не смогли бы создать ничего более великого, нежели варварское великолепие культуры центральноамериканских майя. Но следует признать, что здесь, больше чем где-либо в Индийской империи, это вдохновение пало на благодатную почву»².

Это приводит к мысли о том, что в самой Индии этот источник вдохновения постепенно иссякал, ибо истомленные разум и душа устали и им нехватало пищи из-за недостатка свежих веяний и идей. До тех пор пока разум Индии оставался открытым и Индия делилась своими богатствами с другими, получая, в свою очередь, от них то, чего неоставало ей, она оставалась свежей, сильной и жизнеспособной. Но чем глубже она уходила в свою раковину, стремясь укрыться от внешних влияний, тем больше она утрачивала это вдохновение, и ее жизнь все чаще становилась унылым повторением бессмысленных действий, сосредоточенных целиком в мертвом прошлом. Утрачивая искусство создавать прекрасное, ее дети утратили даже способность распознавать его.

Раскопки и открытия на Яве, в Ангкоре и в других местах индийской колонизации являются заслугой европейских ученых, особенно французских и голландских. Большие города и памятники, вероятно, все еще лежат погребенными, ожидая своего открытия. Пока же говорят, что значительные участки в Малайе, покрытые древними руинами, были разрушены горными разработками или в целях получения материала

¹ Цитируется по книге Osbert Sitwell «Escape with Me, An Oriental Sketch Book», 1941.

² Цитируется по книге Dr. H. G. Quaritch Wales «Towards Angkor», Harrap, 1933.

для строительства дорог. Война, несомненно, усугубит эти разрушения.

Несколько лет назад я получил письмо от тайландского (сиамского) студента, возвращавшегося в Таиланд из Шантиникетана Тагора. Он писал: «Я всегда считаю себя особенно счастливым, ибо мне удалось посетить эту великую и древнюю землю Арьяварты и смиренно выразить мое почтение праматери Индии, чьи нежные руки так любовно взрастили мою родную страну, научили ее ценить и любить все, что есть величественного и прекрасного в культуре и религии». Это, может быть, не типично, но зато дает некоторое представление об общих чувствах, питаемых к Индии, которые, хотя и неясны, и задавлены многим другим, еще сохраняются во многих странах Юго-Восточной Азии. Повсюду распространился ярый и узкий национализм, занятый собой и не доверяющий другим. Наблюдаются страх и ненависть к европейскому господству и в то же время стремление подражать Европе и Америке; часто чувствуется и некоторое презрение к Индии из-за ее зависимого положения. И все же за всем этим кроется чувство уважения и дружбы к Индии, ибо воспоминания о былом все еще живы и люди не забыли, что было время, когда Индия была им родиной и потчевала их богатыми яствами со своего стола. Подобно тому как эллинизм распространился из Греции на страны Средиземноморского бассейна и Западной Азии, культурное влияние Индии распространилось на многие страны и оставило в них свой глубокий след.

«От Персии до Китайского моря,— пишет Сильвен Леви,— от ледяных просторов Сибири до островов Ява и Борнео, от Океании до Сокотры Индия распространяла свои верования, свои предания и свою цивилизацию. За долгие века она оставила неизгладимый след в жизни четверти всего человечества. Она вправе требовать себе места во всеобщей истории, в котором долго отказывало ей невежество, и занять подобающее ей положение среди великих наций, воплощающих и символизирующих дух Человечества»¹.

ДРЕВНЕИНДИЙСКОЕ ИСКУССТВО

Широкое распространение индийской культуры и искусства на другие страны привело к тому, что некоторые из лучших образцов этого искусства мы находим за пределами Индии. К сожалению, многие из наших древних памятников и скульптур, особенно в Северной Индии, не сохранились. «Знать индийское искусство в одной лишь Индии,— говорит сэр Джон Маршалл,— значит знать его историю лишь наполовину. Чтобы понять его полностью, мы должны пойти за ним по следам буддизма в Сред-

¹ Цитируется по книге U. N. Ghosal «Progress of Greater Indian Research, 1917—1942», Calcutta, 1943.

нюю Азию, Китай и Японию; мы должны проследить за тем, как по мере своего распространения на Тибет, Бирму и Сиам оно принимало новые формы и раскрывалось в новом великолепии; мы должны благоговейно взглянуть на неподражаемое величие его творений в Камбодже и на Яве. В каждой из этих стран индийское искусство встречается с иным национальным гением, с иной средой, и под их преобразующим влиянием облачается в иные одежды»¹.

Индийское искусство столь тесно связано с индийской религией и философией, что его трудно узнать полностью, не имея представления об идеалах, которые владели умом индийца. В искусстве, как и в музыке, существует пропасть, отделяющая восточные концепции от западных. Вероятно, великие художники и зодчие средневековой Европы почувствовали бы себя более созвучными индийскому искусству и культуре, нежели современные европейские художники, которые, по крайней мере частично, черпают вдохновение в периоде Возрождения и в последующей эпохе. В индийском искусстве всегда есть религиозный мотив, стремление заглянуть в потусторонний мир, воодушевлявшее, вероятно, зодчих больших соборов Европы. Красота мыслится как нечто субъективное, а не объективное; это — творение духа, хотя оно способно, обретая форму и содержание, принимать красивые очертания. Греки любили красоту ради красоты и находили в ней не только радость, но и истину; древние индийцы также любили красоту, но они всегда стремились вложить в свое произведение какое-то более глубокое содержание, некое видение внутренней истины, как они ее представляли себе. Лучшие образцы их творческого труда вызывают восхищение, хотя человек может и не понять того, к чему они стремились и какие идеи вдохновляли их. В менее совершенных произведениях это непонимание, неспособность уловить дух художника становится препятствием, мешающим оценить их. Появляется смутное чувство неловкости, раздражения против того, чего никак нельзя постичь, и это приводит к выводу, что художник не знал своего дела и потерпел неудачу. Иногда возникает даже чувство отвращения.

Я ничего не знаю об искусстве, будь оно восточное или западное, и не компетентен что-либо сказать о нем. Я реагирую на него так, как мог бы реагировать любой несведущий любитель. Иная картина, скульптура, иное здание заставляют меня восторгаться, трогают меня и вызывают во мне странные чувства; порой они доставляют мне лишь небольшое удовольствие, а то и вовсе не задевают меня, и я прохожу, почти не замечая их; иногда они даже отталкивают меня. Я не могу объяснить эти ощущения, говорить научно о достоинствах или недостатках

¹ Из предисловия к книге Reginald May «Buddhist Art in Siam», Cambridge, 1938, цитируемого в работе Ghosal «Progress of Greater Indian Research», Calcutta, 1943.

произведений искусства. Статуя Будды в Анурадхапуре на Цейлоне глубоко взволновала меня, и ее изображение много лет сопровождает меня. Вместе с тем, некоторые знаменитые храмы в Южной Индии со множеством лепных украшений и деталей раздражают меня и вызывают во мне чувство неловкости.

Вначале европейцы, воспитанные в греческих традициях, рассматривали индийское искусство с греческой точки зрения. Они узнавали кое-что знакомое им в греко-буддийском искусстве Гандхары и Пограничной области и рассматривали другие формы искусства в Индии как деградировавшие образцы этого искусства. Постепенно возник новый подход и стало ясно, что индийское искусство было чем-то оригинальным и значительным и никоим образом не вело свое происхождение от греко-буддийского искусства, которое было лишь его бледным отражением. Этот новый подход пришел скорее из континентальной Европы, нежели из Англии. Любопытно, что индийское искусство (это относится и к санскритской литературе) больше ценилось на европейском континенте, чем в Англии. Я часто задумывался над тем, в какой мере это было обусловлено теми злополучными политическими отношениями, которые существуют между Индией и Англией. Вероятно, эти отношения сыграли определенную роль, хотя должны быть также и другие, более существенные причины этого различного подхода. Есть, конечно, много англичан — художников, ученых и других, которые хорошо поняли национальный дух и воззрения Индии; они помогли открыть наши старые сокровища и объяснить их миру. Есть также много таких людей, которым Индия благодарна за их теплую дружбу и услуги. Это, однако, не меняет того факта, что между индийцами и англичанами существует пропасть, и притом пропасть все расширяющаяся. В отношении индийцев это легче понять, по крайней мере мне лично, ибо за последние годы произошло много такого, что глубоко запало нам в душу. В отношении другой стороны подобные чувства вызваны, возможно, разными причинами и, в частности, возмущением тем, что их обвиняют перед всем миром, тогда как, по их мнению, виноваты не они. Но чувство глубже политики, оно возникает произвольно, и ему, видимо, больше всего подвержена английская интеллигенция. Индеец кажется им особым проявлением первородного греха, и все его творения носят на себе такой отпечаток. Недавно один популярный английский автор, вряд ли являющийся типичным выразителем английского образа мышления, написал книгу, дышащую злобной ненавистью и отвращением почти ко всему индийскому. Более выдающийся и представительный английский автор, Осберт Ситуэлл, заявляет в своей книге «Escape with Me» (1941), что «идеи Индии, несмотря на их многообразные и различные чудеса, остаются отталкивающими». Он говорит также о «той отвратительной скабрёзности, которая часто портит индусские произведения искусства».

Ситуэлл имеет полное право придерживаться такого мнения об индийском искусстве или Индии вообще. Я уверен, что он искренне так думает. Меня самого многое отталкивает в Индии, но я не испытываю такого чувства по отношению к Индии в целом. Это естественно, ибо я индеец и мне нелегко ненавидеть самого себя, каким бы недостойным я ни был. Но это вопрос мнений или взглядов на искусство; в гораздо большей мере это сознательная или подсознательная нелюбовь и неприязнь к целому народу. Разве не верно, что мы не любим и ненавидим тех, кого мы обидели?

К числу англичан, которые ценят индийское искусство и подходят к нему с новой меркой, относятся Лоуренс Биньон и Э. Б. Хейвелл. Хейвелл особенно восторженно относится к идеалам индийского искусства и к понижающему их духу. Он подчеркивает, что большое национальное искусство глубоко отражает образ мышления и характер нации, но его можно постичь, лишь поняв лежащие в его основе идеалы. Чужеземная господствующая нация, не понимая и принижая эти идеалы, сеет тем самым семена интеллектуальной антипатии. Он говорит, что индийское искусство было обращено не к узкому кружку высокообразованных людей. Его стремлением было сделать понятным для масс основные идеи религии и философии. «О том, что индусское искусство преуспело в своих воспитательных задачах, можно заключить по тому факту, известному каждому, кто близко знаком с индийской жизнью, что индийские крестьяне, хотя и неграмотные в западном понимании этого слова, принадлежат к числу самых культурных представителей своего класса во всем мире»¹.

В искусстве, так же как в санскритской поэзии и в индийской музыке, художник как бы отождествлял себя с природой во всех ее настроениях, выражал присущую человеку гармонию с природой и вселенной. Это лейтмотив всего азиатского искусства, и именно благодаря этому искусство Азии отличается известным единством, несмотря на все его большое разнообразие и столь очевидные национальные различия. Древних произведений живописи в Индии немного, если не считать прекрасных фресок в Аджанте. Возможно, что многие произведения погибли. Индия славилась своими успехами в области скульптуры и архитектуры, подобно тому как Китай и Япония были известны в области живописи.

Индийская музыка, столь отличная от музыки европейской, была по-своему высоко развита; Индия славилась своей музыкой, оказавшей значительное влияние на музыку Азии, исключая Китай и Дальний Восток. Таким образом, музыка стала еще одним связующим звеном с Персией, Афганистаном, Аравией, Туркестаном и, до некоторой степени, с другими районами, где

¹ E. B. Havell, *The Ideals of Indian Art*, 1920, p. 19.

процветала арабская цивилизация, например с Северной Африкой. Индийская классическая музыка будет, вероятно, иметь успех во всех этих странах.

Значительное влияние на развитие искусства в Индии, как и в других странах Азии, оказал религиозный предрассудок, направленный против изваяний богов. Веды были против поклонения образу божества, и образ Будды был запечатлен в скульптуре и живописи лишь в сравнительно поздний период развития буддизма. В Матхурском музее имеется большая исполненная силы и мощи каменная статуя бодисаттвы. Она относится к эпохе кушанов, то есть примерно к началу христианской эры.

Ранний период индийского искусства насыщен натурализмом, который частично возник в результате китайского влияния. Китайское влияние на развитие индийского искусства в различное время, и в том числе на развитие его натурализма, напоминает проникновение индийского идеализма в Китай и Японию и его сильное влияние в этих странах в течение длительного периода времени.

В период Гуптов, с 4 по 6 век н. э., в так называемый Золотой век Индии, были сооружены пещеры Аджанты и написаны фрески. Багх и Бадами также относятся к этому периоду. Фрески Аджанты, очень красивые, оказывали со времени их открытия сильное влияние на наших современных художников, которые отворачивались от жизни, стараясь подражать стилю Аджанты, что приводило, естественно, к отрицательным результатам.

Аджанта уводит в некий далекий, похожий на грезу и все же очень реальный мир. Эти фрески были написаны буддийскими монахами. Сторонись женщин, даже не гляди на них, ибо они опасны, сказал много лет назад их Учитель. И тем не менее женщин много, прекрасных женщин, принцесс, певиц, танцовщиц, сидящих и стоящих, украшающих себя или шествующих друг за другом. Женщины Аджанты стали знаменитыми. Как хорошо эти художники-монахи, должно быть, знали мир и волнующую драму жизни, с какой любовью они изображали ее, подобно тому как они рисовали бодисаттву во всем его спокойствии и неземном величии.

В 7 и 8 веках были высечены в скале огромные Эллорские пещеры с великолепным храмом Кайласы в центре; трудно представить себе, как мог родиться у людей подобный замысел и как, имея подобный замысел, они облекли его в плоть и форму. Пещеры Элефанты с могучим и искусным изваянием Тримурти также относятся к этому периоду, равно как группа памятников в Мамаллапуре в Южной Индии.

В пещерах Элефанты есть разбитая статуя Шивы Натараги, танцующего Шивы. Хейвелл отмечает, что даже в поврежденном состоянии она являет собой величественный замысел и воплощение титанической мощи. «Хотя кажется, будто сама скала

вбирирует в такт ритмическому движению танца, в чертах благородного лица разлито то же безмятежное спокойствие и бесстрашие, которые светятся в лице Будды».

В Британском музее есть другой Шива Натарага, и о нем Эпштейн писал: «Шива танцует, создавая мир и уничтожая его, его широкие ритмические движения вызывают представление об огромных мировых периодах, а его движения исполнены безжалостной магической силы заклинаний. Небольшая скульптурная группа в Британском музее — это наиболее трагичное из где-либо виданных воплощений идеи смерти в любовной теме; оно увековечивает, как никакое другое произведение, роковой элемент, присущий человеческим страстям. Наши европейские произведения банальны и бессмысленны в сравнении с этими глубокими произведениями, лишенными побрякушек символизма, сосредоточенными на главном и глубоко пластичными»¹.

В копенгагенской глипготекке имеется скульптурная голова бодисаттвы, вывезенная из Боробудура на Яве. Она красива с точки зрения чистой красоты, но, как говорит Хейвелл, в ней есть нечто более глубокое, отражающее, как в зеркале, чистую душу бодисаттвы. «Это — лицо, воплощающее спокойствие океанских глубин, безмятежность лазурного, безоблачного неба, блаженство, недоступное пониманию смертных».

«Индийское искусство на Яве, — добавляет Хейвелл, — имеет самобытный характер, который отличает его от искусства континента, откуда оно пришло. Оба пронизаны духом глубокой безмятежности, но в яванском идеале божества утрачено то аскетическое чувство, которое характеризует индусскую культуру Элефанты и Мамаллапурама. В индо-яванском искусстве больше человеческой удовлетворенности и радости. Это — выражение спокойной уверенности, которую испытывали индийские колонисты на их счастливом острове после столетий бурь и борьбы, которые пришлось пережить их предкам на материке»².

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ИНДИИ

На протяжении всего первого тысячелетия христианской эры Индия вела обширную торговлю и индийские купцы контролировали многие иностранные рынки. Индия господствовала в торговле на восточных морях и достигла также Средиземноморья. Перец и другие пряности вывозились из Индии или через Индию на запад, часто на индийских и китайских судах, и рассказывают, что вождь готов Аларих забрал в Риме 3000 фунтов перца. Римские авторы сетовали по поводу того, что золото утекало из Рима в Индию и на Восток в обмен на различные предметы роскоши.

¹ Epstein, *Let There be Sculpture*, 1942, p. 193.

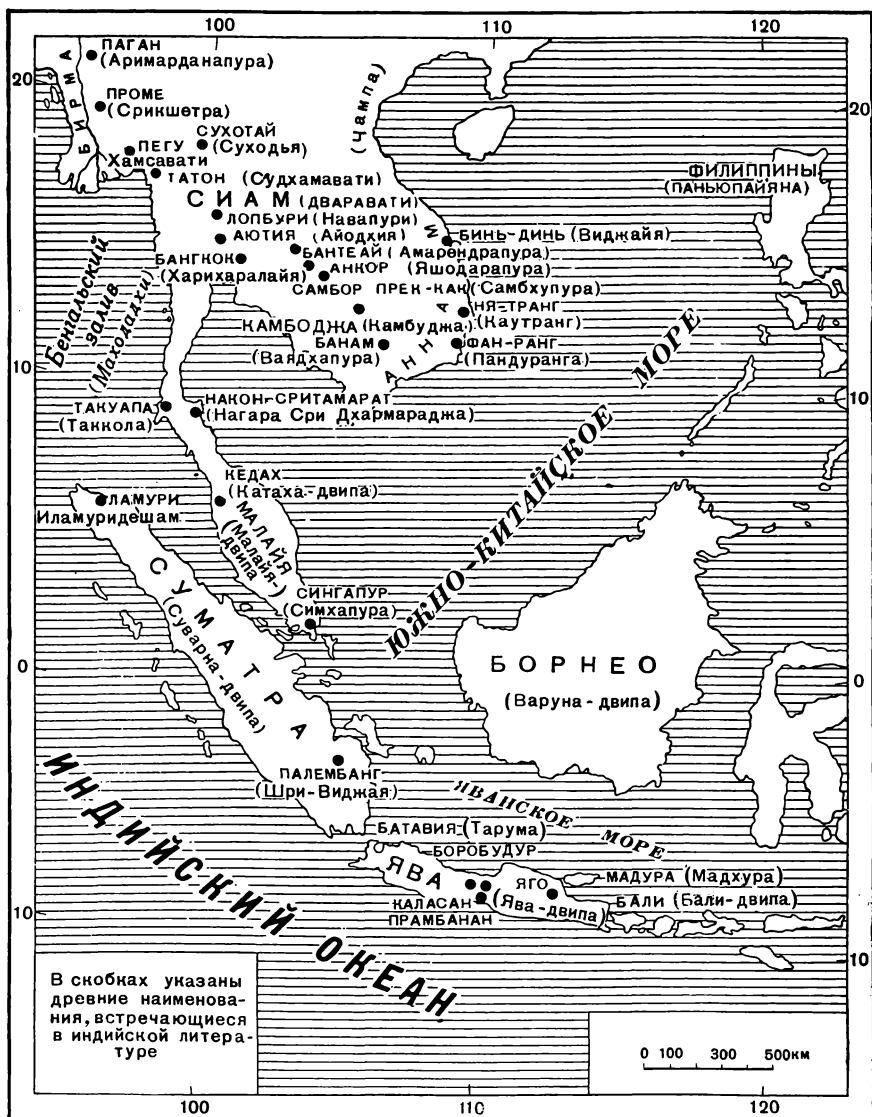
² Havell, *The Ideals of Indian Art*, 1920, p. 169.

Торговля в Индии, как и везде, в то время была основана на обмене товарами, которые можно было найти или изготовить на месте. Индия была плодородной землей, богатой некоторыми продуктами, которых нехватало другим странам, и, поскольку ей были открыты морские пути, она посылала эти продукты за границу. Она получала их также с восточных островов и извлекала прибыль из перевозок. Но у нее были и другие преимущества. С давних пор, задолго до того, как этим занялись другие страны, в Индии выделялись ткани и развилась текстильная промышленность. Индийский текстиль вывозился в дальние страны. Шелк тоже начал изготавливаться очень рано, хотя, вероятно, он был далеко не так хорош, как китайский шелк, который начали ввозить еще в 4 веке до н. э. Возможно, что индийская шелковая промышленность развилась позже, хотя она, видимо, ушла не очень далеко. Важные успехи были достигнуты в крашении тканей и были изобретены особые методы изготовления стойких красителей. В их числе был краситель индиго (слово, заимствованное через Грецию у Индии). Вероятно, это искусство крашения и дало большой толчок торговле Индии с иноземными странами.

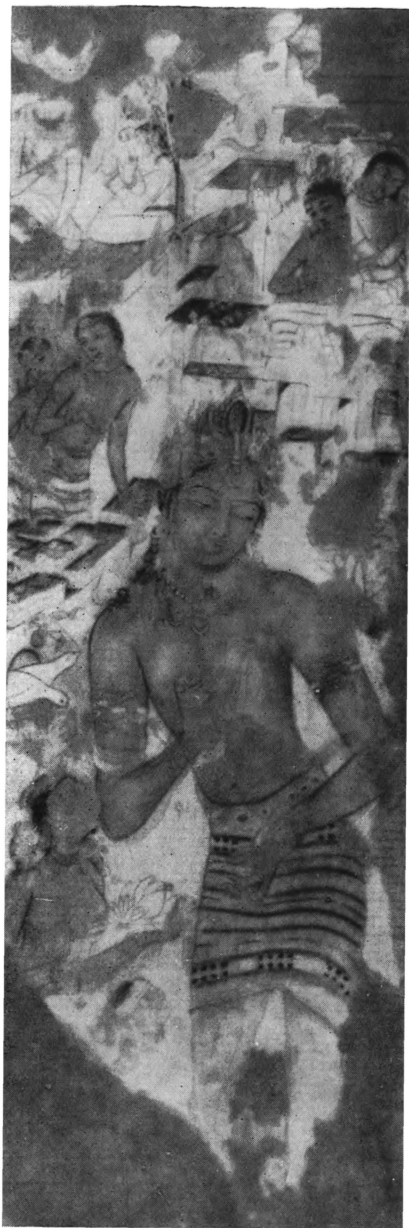
Химия в Индии в первые века н. э. была, вероятно, более развита, чем в других странах. Я мало что знаю об этом, но имеется «History of Hindu Chemistry», написанная старейшиной индийских химиков и ученых сэром П. К. Раем, который воспитал несколько поколений индийских ученых. В те древние века химия была тесно связана с алхимией и металлургией. Один известный индийский химик и металлург носил имя Нагарджуна, и это обстоятельство дало основание для предположения, что он и великий философ 1 столетия н. э. — одно и то же лицо. Однако это весьма сомнительно.

Термическая обработка железа была издавна известна в Индии, и индийские сталь и железо высоко ценились за границей, особенно в оружейном деле. Известно также использование многих других металлов. Металлы применялись и для приготовления медицинских снадобий. Были хорошо известны процессы дистилляции и кальцинирования. Хотя медицина была основана главным образом на старых медицинских трактатах, врачебная наука была довольно хорошо развита, и вплоть до начала средневековья велись успешные экспериментальные работы. Изучались анатомия и физиология, а предположение относительно кровообращения было высказано в Индии задолго до Гарвея.

Астрономия, древнейшая из наук, входила в качестве обязательного предмета в университетскую программу и была связана с астрологией. Был составлен весьма точный календарь, и этим календарем все еще пользуются в народе. Это солнечный календарь, имеющий лунные месяцы; в связи с этим происходило периодическое выправление календаря. Как и везде,

Юго-Восточная Азия или Великая Индия.

Бодисаттва. Фреска из Аджанты.
6 век н. э. Копия Гриффитса.
(Музей Виктории и Альберта.)

особенный интерес этот календарь представлял для жрецов или брахманов, устанавливавших празднества, связанные со сменой времен года, а кроме того, жрецы и брахманы указывали точное время солнечных и лунных затмений, чему также придавался характер празднеств. Они пользовались этими знаниями, чтобы поддерживать в массах такие верования и обряды, которые, как им должно было быть известно, являлись суевериями, и тем самым поднимать свой престиж. Практическое применение астрономической науки оказывало большую помощь людям, отправлявшимся в морское плавание. Древние индийцы гордились успехами, достигнутыми ими в области астрономических знаний. Они поддерживали связи с арабской астрономией, центром развития которой была преимущественно Александрия.

Трудно сказать, насколько большое развитие получили в то время механические приспособления, но судостроение процветало, и имеются частые упоминания о различного рода «машинах», особенно военных. Это побудило некоторых восторженных и доверчивых индийцев предположить, что существовали всевозможные сложные машины. Думается, однако, что Индия в ту эпоху не уступала никакой другой стране в изготовлении и применении орудий, в знании химии и производстве металлов. Именно это дало ей преимущества в торговле и позволило контролировать в течение нескольких столетий ряд иностранных рынков.

Вероятно, у нее было и еще одно преимущество — отсутствие рабского труда, которое тормозило развитие греческой и других ранних цивилизаций и препятствовало их прогрессу. Кастовая система со всеми ее пороками, которые постепенно возрастали, была неизмеримо лучше, нежели рабство, даже для тех, кто занимал самое низкое положение в обществе. Внутри каждой касты существовали равенство и известная степень свободы; каждая каста была основана на роде занятий и трудилась в своей области. В результате достигалась высокая специализация и большая сноровка в ремеслах и кустарном деле.

МАТЕМАТИКА В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Древние индийцы с их высокой интеллектуальностью и склонностью к абстрактному мышлению, естественно, должны были занять ведущее положение в математике. Европа заимствовала начатки арифметики и алгебры у арабов (чем и объясняется название «арабские цифры»), а арабы, в свою очередь, заимствовали их у Индии. Поразительные успехи, достигнутые индийцами в математике, сейчас хорошо известны, и признано, что основы современной арифметики и алгебры были заложены еще в древней Индии. Примитивный метод использования абак и применение римских и подобных им цифр долгое время задерживали прогресс, пока, наконец, десять индийских

пифр, включая знак нуль, не освободили человеческий разум от этих ограничений и не показали в новом свете значение чисел. Эти цифровые обозначения были единственными в своем роде и полностью отличались от всех иных обозначений, которые применялись в других странах. Сейчас они получили достаточно широкое распространение, и мы принимаем их как должное, однако в свое время они создали условия для революционного прогресса. Понадобилось много веков, чтобы эти цифровые обозначения пришли из Индии через Багдад в западный мир.

Сто пятьдесят лет назад, во времена Наполеона, Лаплас писал: «Индия дала нам остроумный метод выражения всех чисел посредством десяти знаков, причем, кроме величины каждого знака, имеет значение и его расположение. Эта глубокая и важная мысль кажется нам сейчас настолько простой, что мы не замечаем ее истинных достоинств, но ведь сама ее простота и большая легкость, которую она придала всем вычислениям, делают нашу арифметику одним из самых полезных изобретений. Мы оценим все величие этого достижения, когда вспомним, что мимо него прошел даже гений Архимеда и Аполлония, двух величайших людей древности»¹.

Возникновение геометрии, арифметики и алгебры в Индии восходит к далеким временам. Прежде всего, существовала, вероятно, какого-то рода геометрическая алгебра, применявшаяся при начертании фигур для ведических алтарей. В древнейших книгах упоминается о геометрическом методе преобразования квадрата в прямоугольник по заданной стороне: $ax = c$. Геометрические фигуры до сих пор широко используются в индусских обрядах. Индия добилась успехов в области геометрии, но в этом отношении Греция и Александрия ее опередили. Пальма первенства принадлежала Индии в области арифметики и алгебры. Изобретатель или изобретатели десятичной системы счисления и знака нуль неизвестны. Первое известное нам употребление знака нуль мы находим в одной из священных книг, датированной примерно 200 годом до н. э. Считается вероятным, что десятичная система счисления была изобретена в начале христианской эры. Нуль, называемый шунья, или «ничто», изображался вначале в виде точки, а позже в виде маленького кружка. Он считался таким же числом, как и все остальные. Профессор Холстед следующим образом подчеркивает важнейшее значение этого изобретения: «Значение введения знака нуль нельзя переоценить. Эта способность дать пустому «ничто» не только место, имя, образ, символ, но также и практическое значение типична для народа Индии, страны, из которой все это пришло. Это все равно, что создать из нирваны динамомашину. Ни одно математи-

¹ Цитируется по книге L. Hogben «Mathematics for the Million», London, 1942.

ческое изобретение не имело такого значения для общего прогресса разума и могущества»¹.

Еще один современный математик красноречиво повествует об этом историческом событии. Данциг пишет в своем труде «*Number*»: «За этот долгий, почти пяти тысячелетний период возвысилось и пало много цивилизаций, каждая из которых оставила в наследие свою литературу, искусство, философию и религию. Но каков же был общий итог достижений в области счета, этой наиболее древней науки, применявшейся человеком? Негибкая цифровая система, такая несовершенная, что она делала прогресс почти невозможным, и система счисления, столь ограниченная в масштабах, что даже для элементарных вычислений требовалось призывать специалиста... Человек пользовался этими системами на протяжении тысячелетий, не сделав в них ни единого ценного улучшения и не внося ни одной значительной идеи... Даже по сравнению с медленным развитием идей в период средневековья история счета являет странную картину удручающего застоя. Рассматриваемые в этом свете достижения неизвестного индуса, который в первые века нашей эры открыл позиционный принцип, приобретают значение мирового события»².

Данциг озадачен тем фактом, что великие математики Греции не натолкнулись на это открытие. «Может быть, все дело в том, что греки питали явное презрение к прикладной науке, предоставляя даже обучение своих детей рабам? Но если это и так, то как могло случиться, что нация, давшая нам геометрию и так далеко продвинувшая эту науку, не создала даже элементарной алгебры? Не странно ли также, что алгебра, этот краеугольный камень современной математики, также зародилась в Индии и примерно в одно время с позиционной системой?»

Ответ на этот вопрос подсказывает профессор Хогбен: «Трудность понимания того факта, почему именно индусы сделали это открытие, почему оно не было сделано математиками древности, почему оно выпало на долю практика, становится непреодолимой лишь в том случае, если мы ищем объяснения интеллектуального прогресса в гении немногих одаренных личностей, а не во всей социальной умственной среде, которая окружает даже самого великого гения. То, что произошло в Индии примерно в начале 2 столетия н. э., случалось и раньше. Может быть, сейчас это совершается в Советской России... Согласиться с этим [с этой истиной] — значит признать, что каждая культура несет в себе семена своей собственной гибели, если

¹ G. B. Halsted, *On the Foundation and Technique of Arithmetic*, p. 20, Chicago, 1912; цитируется по книге Datta and Singh «*History of Hindu Mathematics*», London, 1935.

² Цитируется по книге L. Hogben «*Mathematics for the Million*», 1942, p. 285.

она не уделяет образованию народных масс столько же внимания, сколько и образованию исключительно одаренных людей»¹.

Мы должны, стало быть, предположить, что этими грандиозными изобретениями мы обязаны не просто минутному просветлению некоего случайного гения, значительно опередившего свою эпоху, но что это был, в сущности, продукт социальной среды и что эти изобретения отвечали некой насущной потребности своего времени. Несомненно, чтобы сделать открытие и удовлетворить потребность эпохи, нужен был гений высшего порядка, но, не будь такой потребности, отсутствовало бы и стремление найти какой-то выход, и даже если бы открытие было сделано, оно было бы забыто или отложено до возникновения более благоприятной обстановки для его использования. Из ранних санскритских математических произведений, видимо, явствует, что такая потребность существовала, ибо в этих книгах обсуждается много проблем, затрагивающих торговлю и социальные отношения и связанных со сложными вычислениями. Там есть проблемы, касающиеся налогообложения, кредита и процентов; проблемы торговых товариществ, меновой торговли, а также обмена и определения пробы золота. Общество стало сложным, и много людей было занято выполнением административных функций и широкой торговлей. Это невозможно было делать без простых методов вычисления.

Принятие в Индии нуля и десятичной системы счисления дало простор разуму для быстрого прогресса в арифметике и алгебре. Происходит ряд открытий: введение дробей, умножение и деление дробей; введение и усовершенствование тройного правила; квадраты и квадратные корни (вместе с символом квадратного корня, $\sqrt{\quad}$); кубы и кубические корни; знак минус; таблицы синусов; вычисление для π значения 3,1416; использование букв алфавита в алгебре для обозначения неизвестных величин; применение простых и квадратных уравнений; исследование свойств нуля. Ноль определяется из условий: $a - a = 0$; $a + 0 = a$; $a - 0 = a$; $a \times 0 = 0$; $a : 0$ является бесконечностью. Вводится также понятие отрицательных величин, например: $\sqrt[4]{4} = \pm 2$.

Эти и другие достижения в математике излагаются в книгах видных математиков, живших между 5 и 12 веками н. э. Имеются также и более древние книги (Баудхаяна около 8 века до н. э.; Апастамба и Катьяяна, оба около 5 века до н. э.), трактующие геометрические проблемы, особенно касающиеся треугольников, прямоугольников и квадратов. Древнейшая из дошедших до нас книг по алгебре написана знаменитым астрономом Арьяхатой, который родился в 476 году н. э. Он написал эту книгу по астрономии и математике, когда ему было всего двадцать три года. Арьяхата, которого называют иногда изобретателем алгебры, должен был опираться, хотя бы отчасти, на работу

¹ H o g b e n, Mathematics for the Million, London, 1942, p. 285.

своих предшественников. Следующей крупной фигурой в индийской математике был Бхаскара I (522 год н. э.), за ним следует Брахмагупта (628 год н. э.), который был также знаменитым астрономом и изложил законы применения пушью, или нуля, и сделал другие важные открытия. Далее следует ряд математиков, которые писали по вопросам арифметики и алгебры. Последним крупным математиком был Бхаскара II, который родился в 1114 году н. э. Он написал три книги: по астрономии, алгебре и арифметике. Его книга по арифметике называется «Лилавати», что является странным названием для математического трактата, так как это имя женщины. В книге часто упоминается о молодой девушке, к которой автор обращается со словами «О Лилавати!» и затем разъясняет ей излагаемые проблемы. Полагают, без каких-либо определенных доказательств, что Лилавати была дочерью Бхаскары. Стиль книги ясен и прост и доступен пониманию юношества. Эта книга до сих пор используется, отчасти из-за своего стиля, в санскритских школах.

Математические книги продолжали появляться и позднее (Нараяна — 1150 год, Ганеша — 1545 год), но это лишь повторения того, что было сделано. После 12 века и до современной эпохи в Индии было сделано очень мало оригинальной работы в области математики.

В 8 веке, в царствование халифа ал-Мансура (753—774 годы) в Багдад отпразднели ряд индийских ученых, и среди книг, которые они повезли с собой, были труды по математике и астрономии. Вероятно, индийские цифровые обозначения достигли Багдада еще раньше, но это было первое систематическое изложение их, и книги Арьябхаты и других авторов были переведены на арабский язык. Они оказали влияние на развитие математики и астрономии в арабском мире и способствовали введению там индийских цифровых обозначений. Багдад был в то время крупным центром науки, и туда стекались греческие и еврейские ученые, а вместе с ними проникала греческая философия, геометрия и другие науки. Культурное влияние Багдада ощущалось во всем мусульманском мире, от Средней Азии до Испании, и труды индийских математиков в арабских переводах распространились на весь этот обширный район. Арабы называли цифровые обозначения «цифрами Хинда» (то есть Индии), а число называется по-арабски «хандаса», то есть «из Хинда».

Из этого арабского мира новая математика проникла в европейские страны, вероятно через мавританские университеты Испании, и легла в основу европейской математики. В Европе противились применению новых чисел, так как они считались неточными символами, и понадобилось несколько столетий, чтобы они нашли всеобщее применение. Наиболее ранним известным нам случаем применения их является сицилианская монета 1134 года; в Англии впервые они были применены в 1490 году.

Нет сомнения, что какие-то сведения об индийской математике и особенно о позиционной системе счисления проникли в Западную Азию еще до того, как официальное посольство привезло в Багдад книги. В жалобе одного сирийского ученого монаха, оскорбленного высокомерием некоторых греческих ученых, которые смотрели свысока на сирийцев, содержится одно интересное высказывание. Этот монах, по имени Северус Себохт, жил в монастыре на Евфрате. В своей жалобе, написанной в 662 году н. э., он старается показать, что сирийцы ни в каком отношении не уступали грекам. В качестве примера он ссылается на индийцев: «Я не стану касаться науки индусов, народа, отличного от сирийцев; их замечательных открытий в астрономии, более глубоких, нежели открытия греков и вавилонян; их системы счисления, превосходящей все описания. Я хочу лишь сказать, что счет ведется с помощью 9 знаков. Если бы об этих вещах узнали те, кто думает, будто достиг пределов науки, только потому, что говорит по-гречески, то они убедились бы, что имеются и другие, знающие кое-что»¹.

Говоря о математике в Индии, нельзя не вспомнить об одной выдающейся личности нового времени. Это был Сриниваса Рамануджам. Родившись в семье бедного брахмана в Южной Индии и не имея возможности получить надлежащее образование, он стал клерком в Мадрасской портовой корпорации. Но его природная гениальность все же сказалась, и часы досуга он посвящал математике. По счастливой случайности он обратил на себя внимание одного математика, который послал некоторые его любительские работы в Кембриджский университет в Англии. Эти работы произвели впечатление на ученых, и Рамануджам получил стипендию. Тогда он бросил свою работу конторщика и поехал в Кембридж, где за очень короткий срок написал работу, отличавшуюся большой ценностью и удивительной оригинальностью. Королевское общество Англии, несколько вопреки своим обычаям, сделало его своим членом, но два года спустя он умер, вероятно от туберкулеза, в возрасте тридцати трех лет. Я припоминаю, что профессор Джулиан Хаксли писал о нем где-то как о величайшем математике нашего столетия.

Недолгая жизнь Рамануджама и его смерть символизируют условия в Индии. Какое ничтожное число людей из многих миллионов в нашей стране вообще получает хоть какое-нибудь образование; какое множество живет на грани голода; да и из тех, кто получает какое-то образование, большинству не на что рассчитывать, кроме службы в какой-нибудь конторе за вознаграждение, которое обычно бывает гораздо меньше, чем пособие по безработице в Англии. Если бы жизнь распахнула перед ними свои двери, если бы им были обеспечены пища, здоровые жизнен-

¹ Цитируется по книге Datta and Singh «History of Hindu Mathematics», 1933. Я обязан этой книге многими сведениями по данному вопросу.

ные условия, возможности для образования и роста, то многие из этих миллионов были бы видными учеными, педагогами, инженерами, промышленниками, писателями и художниками, помогающими строить новую Индию и новый мир!

РОСТ И УПАДОК

В течение первого тысячелетия христианской эры в Индии было много периодов подъема и падения, много столкновений с захватчиками и внутренних смут. И все же это период интенсивной национальной жизни, исполненной кипучей энергии и распространяющейся во всех направлениях. Культура рождает богатую цивилизацию, пышно расцветающую в области философии, литературы, драмы, искусства, науки и математики. Экономика Индии развивается, горизонты перед Индией раздвигаются, и в поле ее зрения попадают новые страны. Растут связи с Ираном, Китаем, эллинистическим миром, Средней Азией, а главное — наблюдается могучий порыв к восточным морям, который приводит к организации индийских колоний и распространению индийской культуры далеко за пределы Индии. В средний период этого тысячелетия, с начала 4 по 6 век, процветает империя Гуптов, которая становится покровительницей и символом этой широкой интеллектуальной и художественной деятельности. Это время называют Золотым или Классическим веком Индии, и произведения этого периода, которые являются классическими в санскритской литературе, отражают безмятежность, спокойную веру народа в себя и пламенную гордость тем, что им выпало счастье жить в эту эпоху расцвета цивилизации, и вместе со всем этим — стремление использовать до предела свои большие интеллектуальные и художественные возможности.

Однако еще до того, как окончился этот Золотой век, становятся очевидными признаки слабости и упадка. С северо-запада, волна за волной, приходят белые гунны; их отбрасывают назад, но они приходят вновь и вновь и постепенно прокладывают себе путь в Северную Индию. В течение полувека они даже являлись господствующей силой на всем севере. Но затем последний из великих Гуптов, вступив в союз с правителем Центральной Индии Яшоварманом, с огромным усилием вытесняет гуннов. Этот затяжной конфликт ослабил Индию в политическом и военном отношении, и, вероятно, расселение большого числа этих гуннов по всей Северной Индии постепенно вызвало внутренние изменения в народе. Они ассимилировались, как ассимилировались до того все иноземные элементы, но они оставили свой след и ослабили старые идеалы индо-арийских народов. Старые сочинения о гуннах рассказывают о их крайней жестокости и варварских повадках, столь чуждых индийским понятиям о правилах ведения войны и управления.

В 7 веке, при Харше, произошло некоторое оживление и возрождение, как политическое, так и культурное. Удджайини (современный Уджайин), бывший блестящей столицей Гуптов, снова стал средоточием искусства и культуры и центром могущественного царства. Но в последующие столетия он тоже ослабевает и угасает. В 9 веке правитель Гуджарата Михира Бходжа создает в Северной и Центральной Индии объединенное государство со столицей в Канаудже. Происходит новое литературное возрождение, центральной фигурой которого является Раджашекхара. В начале 11 века выделяется могучая и интересная фигура другого Бходжи, и Удджайини вновь становится великой столицей. Этот Бходжа был замечательным человеком, отличившимся во многих областях. Он был знатоком грамматики, лексикографом, интересовался медициной и астрономией. Он был строителем и покровителем искусства и литературы и был известен также как поэт и писатель, автор многих произведений. Имя его вошло в народные сказания и легенды как символ величия, учености и великодушия.

И все же, несмотря на все эти просветы, Индию, видимо, охватывала внутренняя слабость, которая коснулась не только ее политического положения, но и ее творческой деятельности. Трудно точно установить длительность этого процесса, ибо он проходил медленно и постепенно и затронул Северную Индию раньше, чем Южную. Юг даже начал играть более важную роль, как в политическом, так и в культурном отношении. Возможно, это объяснялось тем, что юг избегал непрерывного напряжения борьбы с повторяющимися вторжениями. Быть может, многие писатели, художники и зодчие переселились на юг, чтобы уйти от беспокойной обстановки на севере. Могущественные государства юга с их блестящими дворами привлекали этих людей и создавали им условия для творчества, которых они не находили в других местах.

Хотя север и не занимал господствующего положения в Индии, как это часто бывало в прошлом, и был расколот на мелкие государства, тем не менее жизнь там все еще была богатой, и имелось много центров культурной и философской деятельности. Центром религиозного и философского мышления был, как всегда, Бенарес, и каждый, кто выдвигал новую теорию или давал новое толкование старой теории, должен был явиться туда, чтобы доказать свою правоту. Кашмир был в течение долгого времени крупным санскритским центром буддийской и брахманической науки. Большие университеты продолжали процветать. Самый знаменитый из них, Наланда, славился своей научной деятельностью по всей Индии. Пребывание в Наланде было свидетельством высокой образованности. В этот университет было нелегко попасть, ибо допускались лишь те, кто уже достиг известного уровня знаний. В этом университете происходило обучение лиц, окончивших другие университеты; при этом при-

влекались учащиеся из Китая, Японии и Тибета и даже из Кореи, Монголии и Бухары. Помимо религиозных и философских предметов (как буддийских, так и брахманических), преподавались также естественные, гуманитарные и прикладные науки. Там была школа искусства и отделение архитектуры, медицинская школа, сельскохозяйственное отделение, отделение молочных и животноводческих хозяйств. По имеющимся сведениям, интеллектуальная жизнь университета характеризовалась оживленными спорами и дискуссиями. Распространение индийской культуры за границей было в основном результатом трудов ученых из Наланды.

Кроме Наланды, существовали университет Викрамашила близ современного Бхагалпура в Бихаре и Валлабхи в Катхиаваре. В период Гуптов прославился университет Удджайини. На юге находился университет Амравати.

И все же, по мере того как тысячелетие подходило к концу, все это представляется уже закатом цивилизации. Блеск утра давно исчез, полдень миновал. Юг сохранял жизнеспособность и силу, и это длилось еще несколько столетий. Индийские колонии за границей жили активной и полнокровной жизнью до середины следующего тысячелетия. Но сердце, казалось, останавливалось, его биение замирало, и постепенно это оцепенение и одряхление распространялись на конечности. После Шанкары, жившего в 8 веке, уже не было ни одной крупной фигуры в философии, хотя следует целый ряд комментаторов и диалектиков. И сам Шанкара пришел с юга. Пытливость и дух дерзания уступают место формальной логике и бесплодной диалектике. И брахманизм, и буддизм приходят в упадок, и возникают деградированные формы культа, особенно некоторые разновидности тантрического культа и извращения системы йоги.

В литературе последней крупной фигурой является Бхавабхути (8 век). Продолжало выходить много книг, но стиль их становится все более и более вычурным и сложным. Они утратили свежесть мысли и формы. В математике последнее крупное имя — Бхаскара II (12 век). В искусстве Э. Б. Хейвелл уводит нас несколько дальше, за рамки этого периода. Он заявляет, что форма выражения не была художественно совершенной до 7—8 веков, когда была создана большая часть крупных произведений скульптуры и живописи. По его словам, время с 7 или 8 века по 14 век было великим периодом индийского искусства, соответствовавшим высшей ступени развития готического искусства в Европе. Он добавляет, что творческий импульс старинного индийского искусства начал заметно убывать в 16 веке. Насколько правильно это мнение, я не берусь судить, но думаю, что и в области искусства Южная Индия дольше продолжала старые традиции, чем Северная Индия.

Последняя из наиболее крупных волн эмиграции из Южной Индии с целью создания колониальных поселений имела место

в 9 веке, но Чолы на юге оставались крупной морской державой до 11 столетия, когда они победили и завоевали Шри-Виджая.

Таким образом, мы видим, что Индия иссякала и теряла свой творческий гений и жизнеспособность. Процесс этот был медленным и продолжался несколько столетий, начавшись на севере и под конец достигнув юга. Каковы были причины этого политического упадка и застоя в области культуры? Объяснялось ли это лишь старостью, которая, видимо, настигает цивилизации так же, как и людей, или же цивилизация должна проходить через стадии подъема и падения, подобно морским приливам и отливам? Может быть, виной тому были внешние причины и вторжения? Радхакришнан заявляет, что индийская философия утратила свою силу с потерей политической свободы. Сильвен Леви пишет: «La culture sanscrite a fini avec la liberté de l'Inde; des langues nouvelles, des littératures nouvelles ont envahi le territoire aryen et l'en ont chassé; elle s'est réfugiée dans les collèges et y a pris un air pédantesque»¹.

Все это верно, ибо утрата политической свободы неизбежно ведет к упадку культуры. Но почему вообще должна произойти утрата политической свободы, если ей не предшествовал какой-то упадок? Небольшая страна легко может быть подавлена превосходящей силой, но такая огромная, развитая и высоко цивилизованная страна, как Индия, не может уступить натиску нападения извне, если нет внутреннего упадка или если захватчик не обладает более высокой военной техникой. Такой внутренний упадок ясно чувствовался в Индии в конце прошлого тысячелетия.

В жизни каждой цивилизации не раз бывают периоды загнивания и распада; такие периоды бывали и раньше в истории Индии. Но Индия преодолевала их и снова обретала молодость, иногда уходя на время в свою раковину и вновь появляясь, исполненная свежих жизненных сил. Всегда сохранялось некое динамическое ядро, которое могло обновляться благодаря новым связям и развиваться вновь, несколько отличное от прошлого и все же тесно с ним связанное. Может быть, эта способность к приспособлению, эта гибкость ума, столь часто спасавшие Индию в прошлом, теперь покинули ее? Может быть, ее предвзятые убеждения и растущая косность ее социальной системы сделали косным и ее разум? Ибо, если жизнь перестает идти вперед и развиваться, прекращается и эволюция мысли. Индия всегда была любопытным сочетанием консерватизма на практике и революционной мысли. Эта мысль неизбежно отражалась на практике, хотя она делала это на свой лад, не проявляя непочтительности к прошлому. «Mais si leurs yeux sui-

¹ «Конец санскритской культуры наступил вместе с потерей свободы Индии; новые языки, новая литература наводнили арийскую территорию и изгнали оттуда эту культуру. Она нашла приют в колледжах и приняла цедантичный характер».

ваient les mots anciens, leur intelligence y voyait des idées nouvelles. L'Inde s'est transformée à son insu¹. Но когда мысль утратила свою революционность и созидательную силу и стала смиренным слугой отжившей и бессмысленной практики, бормочущим старые слова и боящимся всего нового, тогда и жизнь оказалась застойной, связанной и заключенной в тюрьму, созданную собственными руками.

Мы знаем много примеров упадка цивилизации, и, быть может, самым примечательным из них является упадок европейской классической цивилизации, закончившейся падением Рима. Задолго до своего падения под натиском захватчиков с севера Рим был на краю гибели вследствие собственных внутренних столкновений. Его экономика, некогда развивавшаяся, захирела, породив всевозможные трудности. Городские ремесла пришли в упадок, цветущие города постепенно пустели и нищали, и даже плодородие почвы быстро падало. Императоры всеми способами старались преодолеть эти все возрастающие трудности. Существовало принудительное государственное регулирование деятельности купцов, ремесленников и рабочих, за которыми были закреплены определенные занятия. Многие профессии были закрыты для тех, кто не принадлежал к определенным группам рабочих. Таким образом некоторые профессии были фактически превращены в касты. Крестьяне стали крепостными. Но все эти поверхностные попытки предотвратить упадок потерпели неудачу и даже ухудшили положение, и Римская империя рухнула.

Индийская цивилизация не испытала и не испытывает столь драматического падения, она проявила поразительную устойчивость, несмотря на все, что случилось, но постепенный упадок является очевидным. Трудно установить сколько-нибудь точно, каковы были социальные условия в Индии в конце первого тысячелетия новой эры; но можно сказать с известной уверенностью, что экономика Индии перестала расти и появились явные признаки упадка. Вероятно, это было неизбежным результатом растущего окостенения и замкнутости индийской социальной системы, которую можно определить главным образом как кастовую систему. В странах, куда эмигрировали индийцы, как, например, в Юго-Восточной Азии, их мышление, обычаи и экономика не были так скованы и у них были возможности для роста и развития. В течение еще четырехсот или пятисот лет они процветали в этих колониях и проявляли энергию и творческую силу; но в самой Индии дух замкнутости подрывал творческие способности и порождал узкое, кастовое и ограниченное мировоззрение. Жизнь оказалась рассеченной и замкнутой в установленные рамки, занятие каждого человека было определено раз и навсегда, и дела других его мало касались.

¹ «Но если взорам их являлись старые слова, их разум видел в них новые идеи. Индия преобразовывалась помимо своей воли».

Защита страны была делом кшатриев, другие касты не интересовались и даже не допускались к этому. Брахманы и кшатрии смотрели свысока на торговлю и коммерцию. Образование и возможности роста были закрыты для низших каст; их учили покоряться тем, кто стоял выше их. Несмотря на хорошо развитую городскую экономику и ремесла, государственный строй был во многих отношениях феодальным. Вероятно, Индия осталась даже в области военной техники. В этих условиях, без изменения структуры и вскрытия свежих источников таланта и энергии, какой-либо существенный прогресс был бы невозможен. Кастовая система препятствовала таким изменениям. При всех своих достоинствах и стабильности, которую она придала индийскому обществу, кастовая система несла в себе семена гибели.

Индийская социальная система (позже я остановлюсь на этом подробнее) придала индийской цивилизации поразительную устойчивость. Она придала силу и сплоченность группе, но это стало помехой расширению и более широкому сплочению. Она развила мастерство и сноровку, торговлю и коммерцию, но все это внутри каждой группы в отдельности. Так, определенные виды деятельности стали наследственными, и появилась тенденция избегать новых типов работы и деятельности и держаться старой колеи, ограничивая инициативу и дух новаторства. Индийская социальная система давала известную свободу в ограниченной сфере, но за счет более широкой свободы и путем удержания огромного числа людей на нижней ступени социальной лестницы, лишая их возможности роста. Пока эта система предоставляла возможности для роста и развития, она была прогрессивной. Когда же она достигла установленных пределов развития, она стала неподвижной, реакционной и позже неизбежно регрессивной.

Это повлекло за собой упадок во всех областях: в интеллектуальной, философской, политической, в технике и методах войны, в знакомстве и связях с внешним миром. Местнические чувства и феодальные, групповые настроения усиливались за счет более обширной идеи Индии как единого целого; экономика переживала упадок. И все же, как показали последующие века, старая структура еще обладала жизнеспособностью и поразительной цепкостью, равно как и некоторой гибкостью и способностью к приспособлению. Поэтому ей удалось устоять и извлечь выгоды из новых связей и идейных течений и даже прогрессировать в некоторых отношениях. Однако избыток старых реликвий всегда связывал и тормозил этот прогресс.

Глава шестая

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

АРАБЫ И МОНГОЛЫ

В то время, когда Харша правил обширной державой на севере Индии, а китайский ученый и путешественник Сюань Цзан учился в университете Наланды, в Аравии зарождался ислам. В Индию ислам пришел и как религия, и как политическая сила; его появление породило много новых проблем. Следует, однако, иметь в виду, что потребовалось длительное время для того, чтобы в жизни Индии произошли существенные перемены. Прошло шестьсот лет, прежде чем ислам проник в сердце Индии, и к тому времени, когда его распространение закрепило ее политическое завоевание, он успел претерпеть большие изменения и его знаменосцы были уже иными. Арабы, которые в грозном завоевательном порыве с неудержимой энергией ринулись вперед и захватили территорию от Испании до границ Монголии, неся с собой высокую культуру, не проникли однако вглубь Индии. Они дошли до ее северо-западной границы и там остановились. Постепенно арабская цивилизация пришла в упадок и в Средней и Западной Азии выдвинулись на первый план различные тюркские племена. Именно эти турки и афганцы из соседних с Индией стран принесли в Индию ислам как политическую силу.

Вспомним некоторые даты, которые помогут нам лучше понять значение этих фактов. Можно считать, что ислам появился в 622 году, в год хиджры, когда пророк Мухамед переселился из Мекки в Медину. Через десять лет после этого Мухамед умер. Потребовалось некоторое время на укрепление позиций ислама в Аравии, а затем одно за другим последовали удивительные события. Под знаменем ислама арабы прошли на востоке через всю Среднюю Азию, а на западе — через Северную Африку до Испании и Франции. В 7 и в начале 8 века они распространили свою власть на Ирак, Иран и Среднюю Азию. В 712 году они достигли Синда на северо-западе Индии, заняли его и дальше уже не продвигались. Огромная пустыня отделяла эту область от более плодородных районов Индии. На западе арабы

пересекли узкий пролив, отделяющий Африку от Европы (названный впоследствии Гибралтарским проливом), и в 711 году вступили в Испанию. Они захватили всю страну и, перевалив через Пиренеи, проникли во Францию. В 732 году они были разбиты Карлом Мартеллом в битве при Туре, и их дальнейшее продвижение было остановлено.

Это триумфальное шествие народа, вышедшего из аравийских пустынь и не игравшего ранее сколько-нибудь видной исторической роли, чрезвычайно знаменательно. Арабы, видимо, почерпнули свою бурную энергию из динамичной и революционной природы своего пророка и его учения о братстве людей. Но было бы ошибочно полагать, что арабская цивилизация внезапно вышла из небытия и сформировалась только после появления ислама. Некоторые мусульманские ученые пытались преуменьшить значение доисламского периода в истории арабского народа, называя его периодом *джахилийя* (то есть мрачный век невежества и предрассудков). На самом деле арабская культура, подобно другим культурам, имеет большое прошлое, тесно связанное с развитием семитских народов — финикийцев, критян, халдеев, иудеев. Евреи были более замкнутым народом, отделившимся от более общительных халдеев и других народов. Они вступали в столкновения с другими семитскими народами. Однако во всем районе, населенном семитскими народами, между ними поддерживались связи, происходил взаимный обмен, существовала некоторая общность. Особое развитие получила доисламская арабская культура в Иемене. Во времена Мухамеда арабский язык был уже весьма развитым языком с примесью персидских и даже индийских слов. Подобно финикийцам, арабы отправлялись в далекие страны для установления с ними торговых связей. В доисламские времена в Южном Китае, близ Кантона, имелась арабская колония.

Справедливо, однако, и то, что пророк ислама вселил новые силы в свой народ, преисполнил его веры и энтузиазма. Считая себя провозвестниками новых идей, арабы прониклись тем рвением и той верой в свою миссию, которые иногда овладевают целыми народами и меняют ход исторических событий. Достигнутые арабами успехи бесспорно объясняются также упадком государств Западной и Средней Азии и Северной Африки. Северная Африка раздиралась распрями между различными соперничающими христианскими сектами; эти распри нередко выливались в кровавую борьбу за власть. Исповедовавшееся здесь в те времена христианство отличалось узостью и нетерпимостью, представляя в этом отношении разительный контраст с учением арабов и мусульман о братстве людей. Именно это и привлекло на сторону последних целые племена, которым надоели раздоры между христианами.

Культура, которую арабы несли в далекие страны, непрерывно менялась и развивалась. На ней был сильный отпечаток

новых идей ислама, но все же назвать ее культурой ислама было бы неправильно и это лишь запутало бы нас. Когда столицей стал Дамаск, арабы изменили свой простой образ жизни и создали более утонченную культуру. Этот период можно назвать периодом арабо-сирийской культуры. Чувствовалось в это время и влияние Византии, но после упрочения арабов в Багдаде сильнее всего сказалось воздействие традиций древнего Ирана и арабы создали арабо-персидскую культуру, ставшую господствующей во всем подвластном им обширном районе.

Хотя арабы, повидимому, легко покоряли огромные территории, однако ни тогда, ни позже они не сумели проникнуть в Индию дальше пределов Синда. Объяснялось ли это тем, что Индия все еще была достаточно сильна для того, чтобы успешно противостоять захватчикам? Вероятно, это было так, ибо трудно иначе объяснить то обстоятельство, что подлинное вторжение произошло лишь через несколько веков. В известной мере это могло быть результатом внутренних распр между арабами. Синд отделился от центрального багдадского правительства и стал небольшим самостоятельным мусульманским государством. Но, хотя вторжения и не произошло, связи между Индией и арабским миром развивались, путешественники посещали и Индию, и арабские страны, происходил обмен посольствами, индийские книги, особенно по математике и астрономии, доставлялись в Багдад и переводились на арабский язык. В Багдад приезжало много индийских врачей. Эти торговые и культурные связи не ограничивались Северной Индией. Они распространялись и на южные индийские княжества, которые также были заинтересованы в поддержании торговых связей с арабами. Одним из таких княжеств было княжество Раштракуты на западном побережье Индии.

В результате такого общения индийцы, естественно, знакомились с новой религией — исламом. Новую веру распространяли также миссионеры, встречавшие в Индии доброжелательный прием. Строились мечети. Это не встречало препятствий ни со стороны государства, ни со стороны народа; не возникало также никаких конфликтов на религиозной почве. В этом сказывалась древняя традиция Индии — терпимость ко всем религиям и к совершению различных религиозных обрядов. Таким образом, ислам как религия проник в Индию на много веков раньше, чем он пришел туда в качестве политической силы.

Столицей и резиденцией халифов новой арабской империи при Омейядах был Дамаск, ставший в этот период блестящим городом. Однако вскоре, примерно в 750 году, при Аббасидах столица была перенесена в Багдад. Началась внутренняя борьба, и Испания отпала от центральной империи, оставаясь, однако, в течение долгого времени независимым арабским государством. Постепенно Багдадская империя ослабла и распалась на несколько государств. Вышедшие из Средней Азии тюрки-

сельджуки фактически захватили в Багдаде политическую власть, хотя формально она продолжала оставаться в руках халифов. В Афганистане появился султан Махмуд Газневи, тюрк по национальности, смелый воин и талантливый полководец. Он не считался с халифами и даже издевался над ними. Тем не менее Багдад оставался культурным центром мусульманского мира, и даже далекая Испания черпала в нем вдохновение. В то время Европа была отсталой в области знаний, науки, искусства и светской жизни. Именно арабская Испания (и, в частности, Кордовский университет) не дала погаснуть факелу знаний и пытливых исканий на протяжении всего европейского средневековья, и лучи света от этого факела проникали сквозь царивший в Европе мрак.

Начавшиеся в 1095 году крестовые походы длились более полутора столетий. Они были вызваны не только борьбой между двумя воинствующими религиями, столкновением между крестом и полумесяцем. «Крестовые походы,— пишет видный историк, профессор Дж. Тревелиян,— были военным и религиозным выражением общего стремления на Восток возрожденной энергии Европы. Победы, одержанные Европой в результате крестовых походов, не привели к окончательному освобождению гроба господня и к потенциальному единству христианского мира: история крестовых походов является сплошным отрицанием этого единства. Но благодаря им Европа переняла изящные искусства, тонкие ремесла, роскошь, науку и пыливость ума — то самое, что больше всего осудил бы Петр Пустынник».

Еще до того как бесславно закончился последний крестовый поход, в глубинах Азии началось нечто, напоминающее ураган или потоп: Чингиз-хан предпринял свой опустошительный поход на Запад. Чингиз-хан родился в 1155 году, а в 1219 году он начал свой великий поход, в результате которого Средняя Азия была превращена в груды дымящихся развалин. В то время он был уже далеко не молод. Бухара, Самарканд, Герат, затем Балх — огромные города, каждый из которых насчитывал свыше миллиона жителей, — были сожжены дотла. Чингиз-хан дошел до Киева на Руси, а затем повернул обратно; Багдад спасся, поскольку не находился на его пути. Чингиз-хан умер в 1227 году, в возрасте семидесяти двух лет. Его преемники глубже проникли в Европу. А в 1258 году Хулагу занял Багдад и уничтожил этот прославленный центр науки и искусства, где свыше пятисот лет собирались и накапливались сокровища всех частей света. Это нанесло сильный удар тогдашней арабо-персидской цивилизации в Азии, хотя она продолжала еще существовать и при монголах. Эта цивилизация особенно сохранилась в отдаленных районах Северной Африки и в Испании. Множество ученых со своими книгами бежало из Багдада в Каир и в Испанию, и там началось возрождение искусства и науки. Но сама

Испания уже ускользывала из рук арабов. В 1236 году пала Кордова. Государство Гранада в течение еще двух с половиной столетий оставалось блестящим центром арабской культуры. В 1492 году Гранада сдалась Фердинанду и Изабелле, после чего господству арабов в Испании пришел конец. С тех пор главным арабским центром стал Каир, хотя он и подпал под власть турок. В 1453 году османские турки захватили Константинополь, освободив тем самым силы, которые создали европейское Возрождение.

Монгольские завоевания в Азии и Европе внесли новое в военную науку. «По своим масштабам и искусству, по внезапности и подвижности, по применению стратегии и тактики охвата проведенные монголами кампании не имеют себе равных в истории», — пишет Лидделл Гарт. Чингиз-хан, несомненно, был одним из величайших, если не самым великим полководцем в мире. Европейские и азиатские рыцари были ничтожествами по сравнению с ним и с его блестящими преемниками; Центральная и Западная Европа избегли завоевания по чистой случайности. Монголы преподали Европе уроки стратегии и военного искусства. Применение пороха тоже пришло в Европу из Китая через этих монголов.

Монголы не проникли в Индию. Они остановились на реке Инд и продолжали свои завоевания в других направлениях. Когда распались их великие империи, в Азии возник целый ряд малых государств, а затем, в 1369 году, Тимур, по национальности тюрк, объявивший себя потомком Чингиз-хана по женской линии, попытался повторить его подвиги. Столица Тимура, Самарканд, хотя и ненадолго, снова стала центром империи. После смерти Тимура его преемники обнаружили больше склонности к спокойной жизни и к покровительству искусствам, чем к ратному делу. В Средней Азии началось так называемое возрождение эпохи Тимуридов. В этих условиях родился и воспитывался потомок Тимура Бабур, явившийся основателем династии Моголов в Индии, первым Великим Моголом. В 1526 году он захватил Дели.

Чингиз-хан не был мусульманином, как думают, повидимому, некоторые люди, судя по его имени, которое теперь ассоциируется с исламом. Говорят, что он исповедовал шаманизм, религию неба. Я не знаю, что это такое, но само это слово напоминает арабское название буддистов — «самани», образованное от санскритского слова «шравана». В те времена в различных частях Азии, в том числе и в Монголии, были распространены искаженные формы буддизма, и возможно, что Чингиз-хан вырос под их влиянием. Любопытно, что величайший завоеватель в истории был последователем какой-то разновидности буддизма¹.

¹ Разновидность шаманизма, или шаманства, до сих пор еще сохранилась в полярных районах Сибири, в Монголии и в Тана-Туве, в Советской

И теперь еще в Средней Азии помнят ставшие легендарными имена четырех великих завоевателей: Искандера (Александра), султана Махмуда, Чингиз-хана и Тимура. К этим четырем именам следует прибавить теперь пятое — имя человека иного рода, не воина, но завоевателя в другой области, имя которого уже окружено легендой — имя Ленина.

РАСЦВЕТ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЯЗИ С ИНДИЕЙ

Быстро покорив обширные пространства Азии, Африки и часть Европы, арабы начали завоевания и в других областях. Их империя стабилизировалась, в их поле зрения попало много новых стран, и они хотели побольше узнать об этом мире и его образе жизни. В 8 и 9 веках арабы проявляли поразительную пытливость ума, склонность к рационалистическому мышлению, дух научного исследования. Обычно в ранний период существования какой-либо религии, основанной на установленных идеях и верованиях, господствует вера и отход от нее не встречает одобрения и поощрения. Эта вера привела арабов в далекие страны, и блестящий успех должен был бы, казалось, укрепить ее. Однако мы видим, что арабы выходили далеко за пределы догмы и вероучения, уделяя некоторое внимание агностицизму, и с большим пылом и рвением предавались умственным исканиям. Арабские путешественники, считавшиеся одними из наиболее прославленных в мире, отправлялись в далекие страны, стремясь узнать, что делают и думают другие народы, изучить и понять их мировоззрение и науки, ознакомиться с их образом жизни и тем самым расширить рамки своих знаний. Из других стран в Багдад приезжали ученые, доставлялись книги, и халиф ал-Мансур (середина 8 века) создал ведомство по исследованиям и переводам, где делались переводы с греческого, сирийского, зендского, латинского и санскритского языков. В древних монастырях Сирии, Малой Азии и Леванта происходили розыски хранившихся там рукописей. Христианские епископы закрыли древние александрийские школы; ученые были изгнаны. Многие из этих изгнанников прибыли в Персию и в другие страны. В Багдаде они встретили дружественный прием и надежный приют, ознакомив арабов с греческой философией, естественными науками и математикой — Платоном и Аристотелем, Птолемеем и Эвклидом. Среди них были ученые —

Средней Азии. Шаманство, видимо, сводится исключительно к вере в духов и не имеет ничего общего с буддизмом. Но возможно, что в давние времена оно находилось под влиянием каких-то искаженных форм буддизма, которые постепенно были поглощены первобытными местными суевериями. В Тибете, являющемся исконной страной буддизма, развилась его особая форма, именуемая ламаизмом. В Монголии с ее шаманством существует также вера в воплощение Будды. Таким образом, в Северной и Средней Азии, видимо, имеется множество разновидностей буддизма, растворяющегося в первобытных верованиях.

несториане, и евреи, и индийские врачи; были также философы и математики. Все это продолжалось и развивалось при халифах Харун-ар-Рашиде и ал-Мамуне (8 и 9 века), и Багдад стал крупнейшим интеллектуальным центром цивилизованного мира.

В этот период были установлены многочисленные связи с Индией, и арабы многое заимствовали из индийской математики, астрономии и медицины. При всем этом инициатива в установлении такого рода связей исходила преимущественно от арабов. Арабы многому учились в Индии, а индийцы мало чему учились у арабов. Индийцы держались в стороне, полные высокомерия и все глубже прячась в свою раковину. Это прискорбный факт, так как дух исследования, присущий Багдаду того времени и арабскому Возрождению мог бы всколыхнуть сознание индийцев как раз тогда, когда их творческая энергия начала в значительной мере иссякать. Индийцы более далеких времен обнаружили бы духовное родство с этой пытливостью ума.

Изучение индийской науки в Багдаде весьма поощрялось могущественным семейством Бармакидов (Бармесидов), откуда вышли визири халифа Харун-ар-Рашида. Это семейство, видимо, было обращено в ислам из буддизма. Во время болезни Харун-ар-Рашида из Индии был выписан врач по имени Манак. Манак обосновался в Багдаде и был поставлен во главе большой больницы. Арабские писатели приводят имена еще шести других индийских врачей, кроме Манака, живших в то время в Багдаде. В области астрономии арабы развили достижения как индийских, так и александрийских ученых. Широко известны имена математика и астронома 9 века ал-Хорезми и астронома 12 века Омара Хайяма, бывшего также знаменитым поэтом. Арабские врачи и хирурги славились в Азии и Европе. Самым знаменитым из них был Ибн-Сина (Авиценна) из Бухары, которого называли царем врачей. Он умер в 1037 году. Одним из крупнейших арабских мыслителей и философов был Абу Наср Фараби.

В области философии влияние Индии, видимо, не было особенно заметно. Философию и естественные науки арабы заимствовали из Греции и древних александрийских школ. Платон и в еще большей мере Аристотель оказали большое влияние на мышление арабов, и с тех пор вплоть до настоящего времени их учение, правда не столько в оригинале, сколько в виде арабских комментариев, является предметом изучения в мусульманских школах. Вывезенный из Александрии неоплатонизм тоже оказывал влияние на арабов. Арабы ознакомились с материалистической школой греческой философии, что способствовало развитию рационализма и материализма. Рационалисты пытались перевести религиозные догмы и предписания на язык разума; материалисты почти отвергли религию вообще. Примечательно, что в Багдаде существовала полная свобода дискуссий для любых противоречивых и враждебных друг другу учений. Эти

противоречия и борьба между верой и разумом распространились из Багдада на весь арабский мир и достигли Испании. Так, предметом обсуждения явилась природа бога; было высказано мнение, что он не может обладать теми качествами, которые ему обычно приписываются, ибо это — человеческие качества. Высказывалось мнение, что называть бога милосердным или праведным — такое же язычество и такое же убожество, как утверждать, что у него есть борода.

Рационализм привел к агностицизму и скептицизму. Постепенно, по мере упадка Багдада и роста мощи Турции, этот дух рационалистического искания ослабевал. Однако он сохранился в арабской Испании, и один из знаменитейших арабских философов в Испании дошел до атеизма. Это был Ибн-Рошд (Аверроэс), живший в 12 веке. По дошедшим до нас сведениям, он говорил по поводу различных религий своего времени, что они предназначены для детей или дураков и что нельзя следовать их предписаниям. Неизвестно, говорил ли он это на самом деле, но само предание показывает, что это была за личность: он пострадал за свои убеждения. Аверроэс был замечательной личностью во многих отношениях. Он решительно высказывался за предоставление женщинам возможности участвовать в общественной жизни и утверждал, что они вполне к этому способны. В то же время он считал, что неизлечимо больных и подобных им лиц следует уничтожать, так как они являются бременем для общества. Испания в то время далеко опередила другие европейские научные центры; ученые арабы и евреи из Кордовы пользовались большим уважением в Париже и других городах. Испанские арабы, видимо, были невысокого мнения о других европейских странах. Так, один арабский писатель из Толедо, по имени Саид, писал о европейцах, живущих севернее Пиренеев: «Они обладают холодным темпераментом и никогда не достигают зрелости. Это люди высокого роста с белой кожей. Но они полностью лишены пытливости ума и остроты мысли».

Арабская культура и цивилизация в Западной и Средней Азии в период расцвета черпала вдохновение из двух главных источников — арабского и иранского. Оба они тесно переплелись между собой, создав пытливую мысль и более высокий уровень жизни высших классов. От арабов пришли энергия и пытливость ума, от иранцев — изысканность образа жизни, искусства, роскошь. Когда под турецким господством Багдад пришел в упадок, дух рационализма и исканий тоже ослабл. Чингиз-хан и монголы положили всему этому конец. Через сто лет Средняя Азия снова пробудилась; Самарканд и Герат стали центрами живописи и архитектуры, в какой-то мере возродив старые традиции арабо-персидской культуры. Но арабский рационализм и интерес к науке уже не возродились. Ислам стал более косной верой, приспособленной больше для военных завое-

ваний, чем для завоевания умов. Его главными представителями в Азии были теперь уже не арабы, а турки¹ и монголы (позднее именуемые в Индии моголами) и в некоторой степени афганцы. Эти монголы в Западной Азии приняли мусульманство: на Дальнем Востоке и в среднеазиатских районах многие стали исповедовать буддизм.

МАХМУД ГАЗНЕВИ И АФГАНЦЫ

В самом начале 8 века, в 712 году, арабы проникли в Синд и заняли его. Дальше они не продвинулись. Примерно через полвека Синд тоже отпал от арабской империи, оставаясь, правда, небольшим самостоятельным мусульманским государством. Далее в течение почти трех веков не было ни вторжений в Индию, ни набегов на нее. Примерно в 1000 году султан Махмуд из Газны в Афганистане, тюрк, властвовавший в Средней Азии, начал походы в Индию. Таких походов было совершено много, они были жестокими и кровавыми; каждый раз Махмуд вывозил из страны много ценностей. Ученый ал-Бируни из Хивы так описывает эти походы: «Индусы превратились как бы в песчинки, разметанные во все стороны, в древние сказания в устах людей. Рассеянные остатки этого народа испытывают, без сомнения, самую лютую ненависть ко всем мусульманам». Это красочное описание дает нам некоторое представление об опустошениях, совершавшихся Махмудом, но при этом следует помнить, что Махмуд разграбил только часть Северной Индии, находившуюся на пути его нашествия. Вся Центральная, Восточная и Южная Индия осталась совершенно нетронутой им.

В то время и позднее Южная Индия входила в могущественную империю Чола, которая контролировала морские пути и распространялась до Шри-Виджайи на Яве и Суматры. Индийские колонии в восточных морях тоже процветали, были сильны и господствовали на море наравне с Южной Индией. Но это не спасло Северную Индию от вторжения с суши.

Махмуд присоединил Пенджаб и Синд к своим владениям и после каждого набега возвращался в Газну. Кашмир завоевать он не смог. Эта горная страна сумела задержать продвижение Махмуда и оттеснить его. Жестокое поражение понес он также в пустынных районах Раджпутаны, возвращаясь из Сомната в Катхиаваре². Это был его последний поход, больше Махмуд не возвращался.

¹ Я часто употребляю выражение «турки» или «тюрки». Это может вызвать недоумение, так как слово «турки» ассоциируется теперь с народом Турции, происходящим от османских или оттоманских турок. Но существовали также и другие разновидности: турки-сельджуки и пр. Все тюркские народы Средней Азии, Китайского Туркестана и других районов могут именоваться турками или тюрками.

² В древней персидской летописи «Тарих-и-Сорат» (переведена Ранчоджи Амарджи, Бомбей, 1882, стр. 112) имеется любопытное опи-

Махмуд был больше воином, чем носителем веры, но, подобно многим другим завоевателям, использовал религию для своих завоеваний. Индия была для него той страной, откуда он мог вывозить ценности и другую добычу. В Индии он создал армию и поставил ее под командование одного из своих видных военачальников — выходца из Индии, индуса Тилака. Эту армию Махмуд использовал против своих единоверцев в Средней Азии. Он хотел, чтобы его город Газна не уступал по красоте великим городам Средней и Западной Азии, и поэтому он вывез из Индии большое количество ремесленников и зодчих. Его интересовало строительство; сильное впечатление произвел на него город Матхура (современная Муттра) близ Дели. Он писал по этому поводу: «Там имеется тысяча строений, таких же прочных, как вера правоверного; трудно представить себе, чтобы этот город достиг своего нынешнего состояния иначе, как ценой затраты многих миллионов динаров; другой подобный не может быть построен менее чем за двести лет».

В промежутках между походами Махмуд поощрял развитие культурной жизни в своей стране; он собрал вокруг себя много видных деятелей, среди которых можно назвать имя знаменитого персидского поэта Фирдоуси, автора «Шах-Наме», который позднее впал в немилость у Махмуда. Ученый и писатель ал-Бируни был их современником; в своих книгах он дает нам представление о других сторонах жизни тогдашней Средней Азии. Перс по происхождению, но уроженец Хивы, он был в Индии и много путешествовал по ней. Он рассказывает о крупных оросительных сооружениях в государстве Чола на юге, хотя сомнительно, был ли он в Южной Индии и видел ли он эти сооружения лично. В Кашмире он овладел санскритским языком и изучал религию, философию, науку и искусство Индии. Ранее он изучил греческий язык, чтобы ознакомиться с греческой философией. Его книги не только содержат много фактических сведений; они рассказывают также о том, как, несмотря на войны, грабежи и массовые избиения, люди науки упорно продолжали

сание этого поражения: «Шах Махмуд в страхе обратился в бегство и спасся, но из его свиты многие лица обоего пола были захвачены в плен... Пленниц турчанок, афганок и монголох (если это были девушки) индийские солдаты брали себе в жены... Остальным пленницам при помощи рвотных и слабительных средств очищали внутренности, после чего их отдавали в жены лицам одного с ними происхождения». «Женщины низкого происхождения были соединены с мужчинами низкого происхождения. Мужчин благородного происхождения заставляли сбрить бороды и включали в состав раджпутских племен Шехават и Вадхел; люди низкого происхождения были распределены между кастами племен коли, ханта, бабрия и мер». Я лично не знаком с «Тарих-и-Сорат» и не знаю, насколько достоверным можно считать этот источник. Я привожу эту выдержку из книги К. Мунши «The Glory that was Gurjardesa». Особенно интересно то обстоятельство, что иностранцев принимали в кланы раджпутов и даже вступали с ними в браки. Описанный здесь процесс очищения не был ранее известен.

свою работу и как народ одной страны старался понять народ другой страны даже в то время, когда страсти и злоба омрачали их отношения. Эти страсти и злоба, конечно, влияли на суждения обеих сторон, причем каждая считала свой народ выше другого. Об индийцах ал-Бируни пишет, что они «высокомерны, нелепо тщеславны, замкнуты, бесстрастны» и что, по их мнению, «нет страны, подобной их стране, нет народа, подобного их народу, нет государей, подобных их государям, нет науки, подобной их науке». Это, пожалуй, довольно точное описание характера народа.

Походы Махмуда представляют собой крупное событие в истории Индии, хотя они мало изменили политическое положение в целом, а ее центральная часть осталась вообще нетронутой. Эти походы обнаружили слабость и упадок Северной Индии, а рассказы ал-Бируни показывают в новом свете политический распад северных и западных районов. Эти неоднократные нашествия с северо-запада внесли много нового в замкнутую духовную жизнь и экономику Индии. Прежде всего они принесли с собой ислам, который впервые проник в Индию как дополнение к беспощадному кровавому вторжению. До этого времени свыше трехсот лет ислам как религия проникал в Индию мирным путем и без столкновений и борьбы занял место в ряду других религий. Новые методы обращения в ислам вызвали в народе сильную психологическую реакцию, глубокое чувство негодования. Не было возражений против новой религии, но возмущало насилие и нарушение установившегося образа жизни.

Следует помнить, что, несмотря на преобладание индуизма в его различных формах и проявлениях, Индия была страной многих религий. Наряду с джайнизмом и буддизмом, которые в значительной мере исчезли и были поглощены индуизмом, исповедовались христианская и иудейская религии. И та и другая проникли в Индию, вероятно, в 1 веке н. э. и обе нашли последователей в стране. В Южной Индии имелось большое количество сирийцев — христиан и несториан, которые были полноправными гражданами страны, так же как и евреи. Имелась также небольшая община последователей Зороастра, попавших в Индию из Ирана в 7 веке. На западном побережье и на северо-западе страны было много мусульман.

Махмуд пришел как завоеватель, и Пенджаб превратился в отдаленную провинцию его государства. Однако после того, как он утвердился в качестве правителя, стали применяться более мягкие методы, чтобы в какой-то мере расположить к себе население провинции. Вмешательство в ее жизнь было ослаблено; на высокие посты в армии и государственном аппарате назначались индусы. При Махмуде этот процесс только начался, свое развитие он получил позднее.

В 1030 году Махмуд умер. Свыше 160 лет после его смерти не было новых вторжений в Индию, а господство тюрков не рас-

пространялось за пределы Пенджаба. Затем афганский вождь Шихаб-уд-дин Гури захватил Газну и положил конец империи Газневидов. Потом он пошел на Лахор и на Дели. Однако правитель Дели Притхвираджа Чаухан нанес ему сокрушительное поражение. Шихаб-уд-дин вернулся в Афганистан и через год начал поход с новой армией. На этот раз он одержал победу и в 1192 году воцарился в Дели.

Притхвираджа — популярный в Индии герой, до сих пор воспеваемый в песнях и легендах, так как страстная любовь всегда встречает сочувствие. Он похитил любимую девушку, которая тоже любила его, из дворца царя Канауджа Джайяччандры, ее отца, бросив вызов собравшимся там многочисленным князькам, добивавшимся ее руки. На короткий срок он отвоевал свою невесту, но это вызвало ожесточенную борьбу с могучим властелином и стоило жизни многим храбрецам с обеих сторон. Началась кровопролитная междоусобная война между рыцарями Делийского государства и Центральной Индии. Так из любви к женщине Притхвираджа лишился трона и жизни, и столица империи Дели попала в руки иноземного захватчика. Однако до сих пор в Индии поются песни о его любви; к нему относятся как к герою, тогда как Джайяччандру считают чуть ли не предателем.

Завоевание Дели не означало, однако, покорения всей Индии. На юге сохраняло свою мощь государство Чола, существовали также и другие независимые государства. Лишь через полтора столетия афганское господство распространилось на большую часть юга. Однако занятие Дели было знаменательным событием, означавшим установление нового порядка.

ИНДО-АФГАНЦЫ. ЮЖНАЯ ИНДИЯ. ВИДЖАЯНАГАР.

БАБУР. МОРСКОЕ МОГУЩЕСТВО

Английские, а также некоторые индийские историки обычно делят историю Индии на три крупных периода: древний, или индусский, мусульманский и британский. Это деление не является ни разумным, ни правильным. Оно вводит в заблуждение и создает ложную перспективу; при этом исходят скорее из поверхностных изменений в верхушке, чем из существенных перемен в политическом, экономическом и культурном развитии индийского народа. Так называемый древний период весьма обширен, внутри его имело место много сдвигов, подъем сменялся упадком, на смену которому приходил новый подъем. Период, называемый мусульманским или средневековым, ознаменовался новым и важным поворотом, но он в основном затронул только верхушку общества, не внося существенных изменений в жизнь страны. Захватчики, пришедшие в Индию с северо-запада, подобно своим многочисленным предшественникам в более древние времена, ассимилировались в Индии и вклю-

чились в ее жизнь. Их династии стали индийскими династиями, а в результате браков с индийцами происходило значительное смешение крови. За небольшими исключениями, они сознательно не трогали образа жизни и обычаев народа. Они считали Индию своей родиной и не чувствовали себя связанными с другими странами. Индия оставалась независимым государством.

Приход англичан сопровождался коренной ломкой; старая система была во многих отношениях разрушена. Англичане принесли с Запада совершенно иной стимул, который постепенно возникал в Европе со времен эпохи Возрождения, реформации и английской политической революции и сложился в начале промышленного переворота. Американская и французская революции еще больше развили этот стимул. Англичане были в Индии иноземцами, чужаками, инородным телом и вовсе не старались стать иными. И что самое главное, впервые в истории Индии политическая власть осуществлялась извне и центр экономики также находился в отдаленной стране. Англия превратила Индию в типичную современную колонию, в зависимую страну, впервые за ее многовековую историю.

Вторжение Махмуда Газневи было, разумеется, иноземным, тюркским вторжением и временно привело к отделению Пенджаба от остальной Индии. Господство афганцев, пришедших в конце 12 века, носило иной характер. Афганцы, так же как и индийский народ, принадлежали к индо-арийской расе. В течение длительных периодов Афганистан был, и не мог не быть, составной частью Индии. Язык афганцев пушту происходит в основном от санскритского. Даже в самой Индии мало районов, где имеется такое множество древних памятников и следов индийской культуры преимущественно буддийского периода, как в Афганистане. Правильнее было бы именовать афганцев индо-афганцами. Они значительно отличаются от населения индийской низменности, так же как обитатели горных ущелий Кашмира отличаются от жителей более теплых и равнинных районов. Но, несмотря на это различие, Кашмир всегда был и до сих пор остается очагом индийской науки и культуры. Афганцы отличались также и от более культурных и искушенных арабов и персов. Они были суровы и страшны как их горные твердыни и непреклонны в своей вере; это были воины, не склонные к умственным занятиям и смелым исканиям ума. В первое время они вели себя как завоеватели с непокоренным народом и проявляли грубость и жестокость.

Но вскоре они смягчились. Индия стала их родиной, их столицей был Дели, а не далекая Газна, как во времена Махмуда. Афганистан, откуда они пришли, превратился в отдаленную часть их государства. Процесс ассимиляции происходил быстро, многие афганцы женились на местных женщинах. Один из их великих вождей, Ала-уд-дин Хилджи, женился на индуске, и его сын последовал этому примеру. Позднее многие правители

были турки по национальности, как Кутб-уд-дин Айбек, султана Разийя и Илтутмиш, но аристократия и армия оставались в основном афганскими. Дели процветал, став столицей империи Знаменитый арабский путешественник 14 века Ибн-Батута из Марокко, посетивший много городов от Каира и Константинополя до Китая, писал, быть может несколько преувеличивая, что Дели — «один из величайших городов вселенной».

Территория Делийского султаната расширялась на юг. Государство Чола приходило в упадок, но вместо него выросла новая морская держава — княжество Пандья со столицей Мадура и портом Кайял на восточном побережье. Это небольшое государство было крупным торговым центром. Марко Поло, возвращаясь из Китая, дважды посетил этот порт, в 1288 и 1293 годах, и называл его «большим и прекрасным городом», куда прибывало множество судов из Аравии и Китая. Он упоминает также о необычайно тонком муслине, «напоминающем паутину», который выделялся на восточном побережье Индии. Марко Поло сообщает и еще один интересный факт. Из Аравии и Персии ввозилось морем в Южную Индию большое количество лошадей. Климат Южной Индии неблагоприятен для коневодства, а между тем лошади, помимо всего прочего, были необходимы для военных нужд. Наилучшие условия для коневодства имелись в Средней и Западной Азии, и этим в известной мере можно объяснить превосходство среднеазиатских народов в военном деле. Монголы Чингиз-хана были превосходными наездниками, очень любившими своих коней. Турки тоже были хорошие наездники; широко известна любовь араба к своему коню. В Северной и Западной Индии имеется несколько пригодных для коневодства районов, особенно в Катхиаваре, а раджпуты очень дорожат лошадьми. Немало междоусобиц возникало из-за прославленных скакунов. Известна история делийского султана Лоди, который, придя в восторг от коня одного из раджпутских вождей, просил уступить его. Вождь племени хара ответил султану Лоди: «Трех вещей ты не должен просить у раджпута — его коня, его возлюбленной и его меча», — и усакал. За этим последовали неприятности.

В конце 14 века с севера пришел тюрк или тюрко-монгол Тимур и разгромил Делийский султанат. Он пробыл в Индии лишь несколько месяцев, дошел до Дели и вернулся назад. И всюду, куда ступила его нога, образовалась пустыня, усеянная пирамидами из черепов убитых им людей. Дели тоже стал городом смерти. К счастью, Тимур зашел не далеко, и только отдельные районы Пенджаба и Делийского государства стали жертвами этого ужасного бедствия.

Лишь через много лет Дели пробудился от мертвого сна, и, пробудившись, он уже не был столицей великой империи. Нашествие Тимура сломило империю, и на ее обломках возник ряд государств на юге. Еще задолго до этого, в начале 14 века,

появились две крупные державы — Гулбарга, называвшаяся государством Бахманидов¹, и индусское княжество Виджаянагар. Затем Гулбарга разделилась на пять государств, одно из которых — Ахмаднагар. Ахмад Низам-шах, основавший в 1490 году Ахмаднагар, был сыном Низам-уль-Мульк Бхайри — министра государей из династии бахманидов. Отцом этого Низам-уль-Мулька был казначей-брахман по имени Бхайру (отсюда Бхайри). Таким образом, Ахмаднагарская династия была местного происхождения и в жилах героини Ахмаднагара Чанд-Биби текла смешанная кровь. Правители всех мусульманских государств на юге были либо местного происхождения либо ассимилированными.

После разграбления Дели Тимуром Северная Индия оставалась слабой и раздробленной. Южная Индия находилась в лучшем положении; наиболее могущественным из южных княжеств был Виджаянагар. Это государство и город привлекали много беженцев индусов с севера. По свидетельству современников, это был богатый и очень красивый город. «Город невиданной и неслыханной красоты, с которой ничто на земле сравниться не может», — говорил Абд-ар Раззак из Средней Азии. В этом городе были аркады и великолепные галереи для базаров, и над всем этим возвышался княжеский дворец, окруженный «множеством ручьев и каналов, текущих по руслам из шлифованного камня, ровным и блестящим». В городе было много садов, и именно поэтому (как пишет итальянец Николо Конти, посетивший его в 1420 году) он имел 60 миль в окружности. Позднее, в 1522 году, здесь побывал португалец Паэс, предгарительно посетивший города итальянского Возрождения. Город Виджаянагар, заявил он, «равен по размерам Риму и очень красив на вид». Он полон очарования и чудес с его бесчисленными прудами, каналами и фруктовыми садами. Это «наиболее обеспеченный город в мире», «он изобилует всем». Залы дворца богато отделаны наверху резными украшениями из слоновой кости, изображающими розы и лотосы. «Все это настолько роскошно и прекрасно, что вряд ли можно найти где-либо что-нибудь подобное». О правителе государства Кришнадева Райя Паэс пишет: «Это наиболее почитаемый и самый могущественный государь, какого только можно встретить. У него веселый нрав, он очень жизнерадостен. Он оказывает почести иностранцам, принимает их благосклонно, расспрашивая об их делах, каково бы ни было их общественное положение».

В то время как на юге процветал Виджаянагар, крохотный Делийский султанат подвергся новому нападению. С северных

¹ Интересны происхождение названия и история возникновения государства Бахманидов на юге. Его основателем был афганский мусульманин, имевший ранее покровителем индуса Гангу Брахмана. В знак признательности он взял его имя, и его династия стала именоваться династией бахманидов (от слова брахман).

гор спустился еще один захватчик, и в битве при Панипате, на знаменитом поле боя близ Дели, где так часто решалась судьба Индии, он завоевал в 1526 году делийский престол. Это был Бабура, тюрко-монгол, потомок Тимура, выходец из Средней Азии. Он положил начало Могольской империи в Индии.

Победа Бабура объяснялась, вероятно, не только слабостью Делийского султаната, но и тем, что он располагал новым, усовершенствованным видом артиллерии, не известным еще в то время в Индии. Начиная с этого периода Индия, видимо, уже отстает в развитии военной науки. Правильнее было бы сказать, что вся Азия застыла на одном месте, в то время как Европа двигалась вперед. Начиная с 17 века и далее империя Великих Моголов, как ни могущественна она была в Индии в течение двухсот лет, не могла бы, вероятно, устоять перед европейской армией. Но ни одна европейская держава не могла переправить свою армию в Индию, если она не обладала контролем над морскими путями. Главная перемена, происшедшая в течение этих веков, заключалась в развитии морского могущества Европы. С падением княжества Чола на юге Индии в 13 веке морская мощь Индии быстро ослабла. Маленькое княжество Пандья, хотя оно было тесно связано с морем, не обладало достаточной мощью. Индийские колонии, однако, все еще сохраняли господство в Индийском океане вплоть до 15 века, когда они были вытеснены арабами, которых, в свою очередь, заменили португальцы.

СИНТЕЗ И РАЗВИТИЕ СМЕШАННОЙ КУЛЬТУРЫ.

ЗАТВОРНИЧЕСТВО ЖЕНЩИН. КАБИР.

ГУРУ НАНАК. АМИР ХУСРОУ

Таким образом, говорить о мусульманском вторжении в Индию или о мусульманском периоде в Индии было бы так же ошибочно и неправильно, как и называть приход англичан в Индию христианским вторжением или именовать период английского господства в Индии христианским периодом. Ислам не вторглся в Индию: он пришел в Индию несколькими веками раньше. Имели место тюркское (Махмуд) и афганское вторжения, а затем — тюрко-монгольское (или могольское) нашествие; наиболее важное значение имели два последних. Афганцев вполне можно считать смежной индийской группой, не являющейся чуждой Индии, и период их политического господства следовало бы именовать индо-афганским периодом. Моголы были чуждым элементом и чужестранцами в Индии, и все же они необыкновенно быстро влились в индийскую жизнь, положив начало индо-могольскому периоду.

По своей воле или в силу сложившихся обстоятельств, а может быть, в силу того и другого, афганские правители и те, кто их сопровождал, ассимилировались в Индии. Их династии пол-

ностью индианизировались, пустив корни в индийскую почву, и считали Индию своей родиной, а остальной мир — чужбиной. Несмотря на политические конфликты, именно так на них и смотрели в стране, и многие раджпутские князья даже признавали их своими сюзеренами. Правда, отдельные вожди раджпутов отказывались покориться, и на этой почве происходили ярые столкновения. Один из известных делийских султанов, Фируз-шах, был сыном индуски; мать Гийяс-уд-дин Туглака тоже была индуской. Подобные браки между представителями афганской, тюркской и индусской знати хотя и не были частым явлением, но все же имели место. Так, на юге правитель Гулбарги — мусульманин торжественно и с большими церемониями отпраздновал свое бракосочетание с виджаянагарской княжной — индуской.

В мусульманских государствах Средней и Западной Азии индийцы пользовались, видимо, доброй славой. Еще в 11 веке, то есть до афганского нашествия, арабский географ Идриси писал: «Индийцы по природе склонны к справедливости и никогда не отступают от нее в своих действиях. Их добросовестность, честность и верность своему слову хорошо известны, и они так прославились этими добродетелями, что люди устремляются в их страну со всех концов земли»¹.

Был создан действенный государственный аппарат; особое внимание было уделено строительству дорог — главным образом по военным соображениям. Власть была теперь более централизованной, но она старалась не нарушать местные обычаи. Наиболее одаренным из афганских правителей был Шер-шах, правивший в ранний могольский период. Он заложил основы налоговой системы, которая позднее была широко распространена Акбаром. Раджа Тодар Мал, знаменитый министр по делам государственных доходов Акбара, находился ранее на службе у Шер-шаха. Афганские правители все шире использовали таланты индусов.

Воздействие афганского нашествия на Индию и индуизм было двояким и противоречивым. Непосредственной реакцией было бегство народа из районов, подпавших под власть афганцев, на юг. Оставшиеся племена стали более суровыми и замкнутыми, уходили в себя и пытались оградиться от иноземных порядков и влияний, придавая более жесткий характер кастовой системе. С другой стороны, наблюдалось постепенное и почти бессознательное приспособление к этому иноземному образу жизни и мышления. Возник своего рода синтез: появились новые архитектурные стили, иная одежда и пища, жизнь оказалась затронутой и измененной во многих отношениях. Этот синтез особенно проявился в музыке, которая, сохраняя древние индийские классические традиции, получила разностороннее развитие.

¹ Sir H. M. Elliot, History of India, Vol. I, p. 88.

Персидский язык стал официальным придворным языком, и многие персидские слова получили широкое распространение. Одновременно с этим развивались и народные языки.

К числу отрицательных явлений следует отнести *парда*, затворничество женщин в Индии. Что положило ему начало — трудно сказать, но в какой-то мере это было результатом взаимодействия новых элементов со старыми. Раньше в Индии, так же как и во многих других странах, в частности в древней Греции, в аристократической среде существовало некоторое разделение полов. В некоторой мере подобное разделение имело место также в древнем Иране и частично оно наблюдалось во всей Западной Азии. Но строгого затворничества женщин не было нигде. Вероятно, начало этому было положено в придворных кругах Византии, где помещения женщин охранялись евнухами. Византийское влияние распространилось на Россию, где довольно строгое затворничество женщин существовало до времени Петра Великого. Это затворничество ни в коей мере не было связано с влиянием татар, которые, как точно установлено, не изолировали женщин от мужчин. Смешанная арабо-персидская культура восприняла многие византийские обычаи, и возможно, что в связи с этим возросла степень изоляции женщин, принадлежавших к высшему классу. И все же ни в Аравии, ни в других районах Западной и Средней Азии не было строгого затворничества женщин. Не было *парда* и у афганцев, вторгшихся в Северную Индию после захвата Дели. Тюркские и афганские принцессы и придворные дамы часто охотились, катались верхом и ездили в гости. До сих пор сохранился древний мусульманский обычай, согласно которому женщины не закрывают лицо во время хаджа — паломничества в Мекку. Видимо, система затворничества получила развитие в Индии во времена Моголов, когда это стало признаком высокого положения и требованием престижа как у индусов, так и у мусульман. Этот обычай затворничества женщин особенно распространился в высших слоях общества тех местностей, где сильнее всего было мусульманское влияние — в обширном центральном и восточном районах, включающих Дели, Соединенные провинции, Раджпутану, Бихар и Бенгалию. Но странно, что этот обычай не соблюдался строго в Пенджабе и в Пограничной провинции, среди населения которых преобладают мусульмане. В Южной и Западной Индии столь строгому затворничеству подвергались только мусульманские женщины.

Я не сомневаюсь в том, что среди многих причин, вызвавших упадок Индии в последние века, *парда*, или затворничество женщин, занимает не последнее место. Еще более я убежден в том, что прогрессивная общественная жизнь может развиваться в Индии лишь после того, как будет окончательно покончено с этим варварским обычаем. Совершенно очевидно, что он наносит вред женщине; не меньший вред наносится мужчине,

а также подрастающему ребенку, который проводит много времени на женской половине, наносит ущерб всей общественной жизни страны. К счастью, этот скверный обычай быстро исчезает среди индусов и, несколько медленнее, среди мусульман. В деле уничтожения затворничества большую роль играют организованные Индийским Национальным конгрессом политические и общественные кампании, которые втянули в различную общественную деятельность десятки тысяч женщин, принадлежащих к средним классам. Ганди был и остается ярким противником затворничества и называет его «гнусным и жестоким обычаем», увековечивающим отсталость и неразвитость женщин. «Я думал о том зле, которое причиняют женщинам Индии мужчины, цепляющиеся за этот варварский обычай, ставший теперь, независимо от его первоначального назначения, совершенно бесполезным и наносящий стране неисчислимый вред», — говорил Ганди. Он настаивал на том, чтобы женщины пользовались теми же свободами и имели такие же возможности для саморазвития, как и мужчины. «Отношения между мужчиной и женщиной должны основываться на здравом смысле. Между ними не должно быть никаких искусственных барьеров. Их взаимоотношения должны быть естественными и непосредственными». В своих устных и письменных выступлениях Ганди горячо отстаивал равноправие и свободу женщин, сурово осуждая домашнее рабство, в котором они находятся.

Я несколько отвлёкся и внезапно перескочил в современность; теперь мне надлежит вернуться к средневековой, к периоду после обоснования афганцев в Дели и к происходившему в то время синтезу старых и новых порядков. Большая часть этих перемен совершалась только среди знати и высших классов и не затрагивала народные массы, особенно крестьянство. Они возникали в придворных кругах и распространялись в городах и городских районах. Так начался продолжавшийся веками процесс образования смешанной культуры в Северной Индии. Ее центром стали Дели и район, известный теперь под наименованием Соединенных провинций, подобно тому как они были и продолжают оставаться центром старой арийской культуры. Однако эта арийская культура в значительной мере переместилась на юг, ставший твердыней ортодоксального индуизма.

После ослабления Делийского султаната в результате нашествия Тимура в Джаунпуре (Соединенные провинции) возникло небольшое мусульманское государство. Вплоть до конца 15 века это был центр культуры, искусства и религиозной терпимости. Поощрялся развивавшийся народный язык хинди; делались даже попытки объединить религиозные верования индусов и мусульман. Примерно в это же время в далеком Кашмире, на севере, независимый мусульманский правитель Зайн-ул-Абедин тоже прославился своей религиозной терпимостью, поощрением санскритской науки и древней культуры.

По всей Индии сказывалось действие этих новых тенденций, и новые идеи волновали умы людей. Как и в старину, Индия бессознательно реагировала на новую обстановку, пытаясь ассимилировать новые элементы и одновременно несколько меняясь сама. Эти тенденции породили новые типы реформаторов, которые сознательно проповедовали этот синтез и часто осуждали или игнорировали кастовую систему. К их числу принадлежали в 15 веке индус Рамананд, живший на юге, и его еще более прославленный последователь — мусульманин Кабир, ткач из Бенареса. Поэмы и песни Кабира были весьма любимы народом и не забыты до сих пор. На севере подвизался гуру (учитель) Нанак, считающийся основателем сикхизма. Влияние этих реформаторов выходило далеко за пределы сект, созданных их последователями. Индуизм ощущал влияние новых идей, а ислам в Индии, в свою очередь, стал отличаться от того, чем он был в других странах. Индуизм в целом поддался воздействию неистового монотеизма ислама, а смутные пантеистические представления индуистов оказали влияние на индийских мусульман. Большинство этих индийских мусульман были новообращенными, воспитанными в духе старых традиций и находившимися под их влиянием; лишь сравнительно небольшая часть мусульман пришла извне. Получили развитие мусульманский мистицизм и суфизм, происходящий, вероятно, от неоплатонизма.

Пожалуй, наиболее показательным признаком растущей ассимиляции иноземных элементов в Индии было то, что они пользовались местным народным языком, хотя придворным языком оставался персидский. Много замечательных книг написано ранними мусульманами на языке хинди. Наиболее известным из таких писателей был тюрок Амир Хусроу, живший в 14 веке, в период правления ряда афганских султанов. Его предки обосновались в Соединенных провинциях за два или три поколения до него. Он был замечательным поэтом, писавшим на персидском языке, но владел также и санскритским языком и был выдающимся музыкантом, внесшим в индийскую музыку много нового. Его считают также изобретателем народного струнного инструмента — *ситары*. Амир Хусроу писал на многие темы и, в частности, восхвалял Индию, перечисляя все то, чем она славилась: ее религию, философию, логику, грамматику (санскритскую), музыку, математику, естественные науки и ... плоды манго.

Но больше всего он был известен в Индии своими песнями, написанными на обычном разговорном языке хинди. Хусроу поступил мудро, отказавшись писать на литературном языке, понятном лишь избранному меньшинству; он шел к крестьянину не только затем, чтобы изучить его язык, но и для того, чтобы узнать его жизнь и обычаи. Он пел о различных временах года, и для каждого времени, согласно требованиям древнего

Шива — Кайласа. Крытая аркада в Эллоре. 8 век н. э.

классического индийского стиля, были особые мотивы и слова. Он пел о жизни в ее различных проявлениях, о приходе в дом невесты, о разлуке с любимой, о дожде, после которого выжженная солнцем земля снова рождает жизнь. Эти песни часто поют и теперь, их можно услышать в любой деревне и в любом городе Северной и Центральной Индии. Поют их, например, в начале периода дождей, когда в каждой деревне к ветвям дерева манго или дерева пикул подвешивают большие качели и сюда собираются, чтобы повеселиться, все местные девушки и юноши.

Амир Хусроу составил множество загадок и головоломок, которыми увлекаются как дети, так и взрослые. Еще во время долгой жизни Хусроу его песни и загадки сделали его знаменитым. В дальнейшем слава его продолжала расти. Я не знаю другого такого примера, чтобы песни, написанные шестьсот лет назад, сохранили до сих пор популярность и любовь народа и исполнялись без всякого изменения текста.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ИНДИИ. ЗНАЧЕНИЕ ГРУППЫ

Почти каждый человек, знающий что-либо об Индии, слышал о кастовой системе. Почти все иностранцы, да и многие в самой Индии осуждают или критикуют эту систему в целом. Пожалуй, даже в Индии не найдется человека, который одобрял бы кастовую систему во всех ее разветвлениях и проявлениях, хотя, бесспорно, многие еще признают ее теоретическую основу и немало индусов придерживается кастовой системы в жизни. Некоторую неясность вызывает само слово «каста», так как разные люди вкладывают в него различный смысл. Средний европеец или индеец, близкий ему по своему мировоззрению и подходу, рассматривает эту систему как окаменелость классов, как хитроумный метод сохранения определенной классовой иерархии для увековечения положения, при котором одни классы находятся на верху социальной лестницы, а другие внизу. Это отчасти верно. Вероятно, в начале кастовая система предназначалась для того, чтобы отделить завоевателей арийцев от покоренных народов и поставить их над последними. Несомненно, что в период своего развития кастовая система служила этой цели, хотя первоначально она, видимо, обладала значительной гибкостью. Однако это лишь часть правды, не объясняющая причин силы и прочности этой системы и того, как она могла сохраниться до наших дней. Она пережила не только мощное влияние буддизма, многовековое господство афганцев и Моголов и распространение ислама, но также и настойчивые нападки бесчисленных индусских реформаторов, поднимавших голос против нее. Только теперь она находится под серьезной угрозой, и атаки ведутся на ее основу. Главная причина этого заключается не в том, что в индусском обществе возникло мощное стремление

к перестройке, хотя это стремление бесспорно существует, и не в распространении западных идей, хотя эти идеи безусловно оказывают свое влияние. Перемены, происходящие на наших глазах, вызваны главным образом коренными экономическими сдвигами, которые распатали весь фундамент индийского общества и могут совершенно опрокинуть его. Условия жизни изменились, и образ мышления настолько меняется, что сохранение кастовой системы представляется невозможным. Я не могу предсказать, что займет ее место, так как на карту поставлено нечто значительно большее, чем кастовая система. Происходит конфликт между двумя диаметрально противоположными подходами к проблеме организации общества: между старой индусской концепцией группы как единицы, лежащей в основе организации, и крайним индивидуализмом Запада, ставящим личность выше группы.

Этот конфликт имеет место не только в Индии, но и на Западе и во всем мире, но там он принимает иные формы. Европейская цивилизация 19 века, олицетворением которой является демократический либерализм и его проявление в экономической и социальной области, представляет собой высшее выражение этого индивидуализма. Эта идеология 19 века с соответствующей ей общественной и политической организацией просуществовала до начала 20 века и жива даже сейчас, но теперь она кажется уже совершенно отжившей и рушится под напором кризисов и войн. Значение группы и общины теперь выявляется сильнее, и проблема заключается в примирении требований личности и группы. Решение этой проблемы может принять различные формы в разных странах, но тенденция к тому, чтобы найти такое решение существа этой проблемы, которое было бы применимо повсюду, будет непрестанно возрастать.

Кастовая система не существует сама по себе; она является составной частью более широкой системы общественной организации. Может быть, и можно устранить некоторые из ее наиболее очевидных недостатков и сделать ее несколько гибче, сохранив, однако, в неприкосновенности самую систему. Но это крайне маловероятно, так как действующие социальные и экономические силы мало заинтересованы в сохранении этой структуры; они наносят удары по самому ее основанию и подрывают другие опоры, поддерживающие ее. Значительная часть этих последних уже разрушена или быстро разрушается, и кастовая система все в большей мере оказывается висящей в воздухе. Вопрос уже не стоит так, нравится или не нравится нам кастовая система. Сдвиги происходят независимо от нашего отношения к ней. Однако, безусловно, в наших силах придать определенную форму этим сдвигам и направлять их так, чтобы можно было дать максимальную свободу проявлению характера и гению всего индийского народа в целом, которые нашли такое яркое выражение

в прочности и устойчивости созданного им общественного строя.

Сэр Джордж Бэрдвуд где-то сказал: «Пока индусы сохраняют кастовую систему, Индия останется Индией; но с того дня, когда они порвут с ней, она перестанет быть Индией. Этот славный полуостров докатится до состояния жалкого «Ист-энда» англосаксонской империи». С кастами или без них, но мы уже давно докатились до этого положения в Британской империи, и, во всяком случае, каково бы ни было наше положение в будущем, оно не будет ограничено рамками этой империи. Но в словах сэра Джорджа Бэрдвуда все-таки есть доля истины, хотя, по всей вероятности, он не подходил к вопросу с этой точки зрения. Разрушение колоссальной, прочно установившейся общественной организации вполне может привести к полному развалу общественной жизни, следствием чего будет исчезновение цельности, страдание масс и значительные ненормальности в личном поведении, если ее место не займет какой-то другой общественный строй, более соответствующий эпохе и духу народа. Возможно, что в переходный период разрушение неизбежно; сегодня мы достаточно видим эти разрушения во всем мире. Возможно, что только через муки и страдания, которыми сопровождается такое разрушение, народ вырастет, усвоит уроки жизни и заново приспособится к изменившимся условиям.

Но мы не можем только разрушать и надеяться на что-то лучшее, не имея некоторого, хотя бы туманного, представления о том будущем, для которого мы работаем. Мы не можем попросту создать вакуум, ибо этот вакуум может наполниться таким содержанием, что нам придется пожалеть об этом. В создаваемых нами конструктивных планах мы должны учитывать человеческий материал, с которым нам приходится иметь дело, основу стремлений и мыслей, и окружение, в котором нам приходится действовать. Игнорировать все это и сооружать какие-то идеалистические воздушные замки или просто взять курс на подражание тому, что сделали другие в других местах, было бы безрассудством. Поэтому желательно проанализировать и понять старый индийский общественный строй, оказавший такое мощное влияние на наш народ.

Этот строй был основан на трех концепциях: самоуправляющейся сельской общине, касте и большой семье. Во всех трех случаях значение имеет группа, а отдельная личность занимает второстепенное место. Если взять каждую из этих систем в отдельности, мы не найдем здесь ничего самобытного, и для каждой из них нечто аналогичное легко найти в других странах, особенно в средние века. Примитивные республики, сходные с древними индийскими республиками, имелись и в других странах. Существовал также своего рода первобытный коммунизм. Старый русский «мир» можно в известной мере сравнить с индийской сельской общиной. Касты носят в основе своей

профессиональный характер и подобны средневековым европейским ремесленным гильдиям. Китайская семейная организация весь ма напоминает индусскую большую семью. Я не располагаю достаточными сведениями обо всем этом, чтобы продолжить эти сравнения и, во всяком случае, это не столь важно для тех целей, которые я перед собой ставлю. Но в целом индийский строй безусловно уникален, и по мере своего развития он становился еще более уникальным.

СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. «НИТИСАРА» ШУКРАЧАРЬЯ

Существует старинная книга 10 века, дающая нам некоторое представление о государственном устройстве Индии до тюркского и афганского нашествий. Эта книга — «Нитисара» («Наука о государственном устройстве»), написанная Шукрачарьей. В ней говорится как об организации центрального правительства, так и о жизни города и села; о государственном совете при правителе и о различных государственных ведомствах. Сельский выборный совет, *панчаят*, обладал большой властью как исполнительной, так и судебной, и государственные чиновники относились к членам этого совета с величайшим уважением. Панчаят распределял землю, собирал налоги с урожая и по уполномочию села уплачивал государству его долю. Несколько сельских панчаятов подчинялись более крупному панчаяту, в функции которого входил надзор, а в случае необходимости и вмешательство в дела сел. Ряд древних надписей говорит о порядке избрания членов сельских панчаятов, о качествах, которыми они должны обладать, о проступках, за которые их лишают доверия. Создавались различные комиссии, избираемые ежегодно; в их состав могли входить и женщины. В случае, если член совета вел себя недостойно, он лишался полномочий. Член совета мог быть также отстранен от должности, если он не давал отчета в расходовании общественных средств. Существовало любопытное правило для недопущения кумовства: близкие родственники членов совета не могли быть назначены на общественные должности.

Эти сельские советы ревниво охраняли свои свободы; существовало правило, что воин не может войти в деревню, не имея разрешения от правителя. Если народ жалуется на чиновника, говорится в «Нитисаре», правитель «должен стать на сторону не своих чиновников, а своих подданных». В случае если жалобы на должностное лицо поступали от многих лиц, его увольняли, ибо «кто же не пьянеет от тщеславия, занимая высокий пост». Правитель должен был считаться в своих действиях с мнением большинства народа. «Народ могущественнее, чем правитель, подобно тому как канат, сделанный из многих волокон, достаточно прочен, чтобы удерживать льва». «При назначении должностного лица следует учитывать его работу, характер и достоинства,

а не касту или происхождение». «Дух, достойный брахмана, не создается ни цветом кожи, ни происхождением».

В крупных городах имелось много ремесленников и торговцев; создавались ремесленные гильдии, объединения торговцев и ростовщиков. Каждая из этих организаций распоряжалась своими внутренними делами.

Сведения такого рода очень отрывочны, но приведенные здесь, а также и многие другие данные показывают, что в городах и в сельской местности существовала широко распространенная система самоуправления, и центральное правительство, как правило, не вмешивалось в местные дела, если причитающиеся ему налоги своевременно вносились. Обычное право строго соблюдалось, и политические и военные власти редко посягали на права, вытекавшие из обычая. Первоначальной основой аграрной системы была сельская община. Отдельные лица и семьи пользовались известными правами и имели также известные обязанности, которые были определены обычаем и охранялись.

В Индии не было обожествления монарха. В случае если монарх оказывался тираном, индийская государственная система признавала за народом право на его смещение. К Индии можно отнести изречение китайского философа Мын-цзы, жившего две тысячи лет назад: «Когда правитель обращается со своими подданными как с грязью и травой, то подданные обращаются с ним как с разбойником и врагом». В Индии само понятие «власть монарха» отличалось от понятия, характерного для европейского феодализма, где король обладал властью над всеми людьми и всем имуществом в пределах своих владений. Эту власть он передавал лордам и баронам, признавшим свою вассальную зависимость от него. Так была создана иерархия власти. И земля и связанные с ней люди принадлежали феодальному сеньору, а через него — королю. Это было развитием римской концепции права собственности. В Индии ничего подобного не было. Правитель имел право на известный налог с земли и мог передавать другим только право на сбор этого налога. Индийский крестьянин не был крепостным феодала. Имелось в наличии сколько угодно свободной земли и не было никакой выгоды в том, чтобы отнять ее у крестьянина. Таким образом, в Индии не было системы помещичьего землевладения в том виде, как она существовала на Западе, и в то же время отдельный крестьянин не был собственником своего участка земли. Оба эти понятия были привнесены значительно позднее англичанами, и результаты оказались губительными.

Иноземные завоевания сопровождались войнами и разорением, восстаниями и беспощадными расправами, они вели также к возникновению новых правящих классов, опиравшихся главным образом на вооруженную силу. Правящий класс часто отказывался признавать многочисленные ограничения своей власти, которые всегда составляли часть обычного права

страны. Это привело к важным последствиям и подорвало самоуправляющиеся сельские общины, а позднее в систему земельного налога были внесены различные изменения. Тем не менее афганские и могольские правители старательно воздерживались от посягательства на древние обычаи и порядки и не внесли в них каких-либо существенных изменений, так что экономический и общественный уклад индийской жизни оставался прежним. Гийяс-уд-дин Туглак дал своим должностным лицам твердое указание соблюдать обычаи и не смешивать государственные дела с религией, которая представляла собой частное дело, зависящее от личной склонности каждого. Но время и конфликты, а также рост централизации государственной власти медленно, но неуклонно ослабляли уважение к обычному праву. Однако самоуправляющаяся сельская община продолжала существовать. Ее распад начался только при господстве англичан.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КАСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

«В Индии,— говорит Хейвелл,— религия не столько догма, сколько рабочая гипотеза поведения человека, приспособленная к различным ступеням духовного развития и к различным условиям жизни». В древние времена, когда впервые сложилась индо-арийская культура, религия должна была удовлетворить запросы людей, в высшей степени отличных друг от друга по уровню культуры и по интеллектуальному и духовному развитию. Наряду с первобытными обитателями лесов, фетишистами, тотемистами и людьми, проникнутыми всевозможными суевериями, имелись люди, которым был свойственен высокий полет мысли. Кроме того, существовали самые различные оттенки верований и культов. В то время как некоторые овладели высшими формами мышления, большинству они были совершенно недоступны. По мере развития общественной жизни распространилось некоторое единообразие в верованиях, но и при этом сохранилось много различий, связанных с культурным уровнем и темпераментом. Индо-арийский принцип не допускал насильственного подавления какого бы то ни было верования или запрещения того или иного вида культа. Каждой группе была предоставлена возможность выработать себе идеалы по своему усмотрению, в соответствии с уровнем своего умственного развития и знаний. Попытки ассимиляции не сопровождались ни наложением запрета, ни принуждением.

Подобная и даже еще более сложная проблема возникла в области общественной организации. Как сочетать эти коренным образом отличающиеся друг от друга группы в одной общественной системе с тем, чтобы каждая группа участвовала в общей жизни и в то же время сохраняла свободу жить самостоятельно

и развиваться? В некотором смысле (правда, такое сравнение несколько искусственно) это напоминает многочисленные современные проблемы национальных меньшинств, которые тревожат так много стран и которые все еще далеки от разрешения. Соединенные Штаты Америки более или менее разрешают проблему меньшинств, стремясь сделать каждого гражданина стопроцентным американцем. Они подгоняют всех под один тип. Другие страны, имеющие более длительную и более сложную историю, находятся в менее благоприятном положении. Даже Канада имеет многочисленную группу французского населения, сохранившую свои национальные черты, религию и язык. В Европе различия еще сильнее и глубже. И тем не менее все сказанное относится только к европейцам или к выходцам из Европы, к людям, имеющим какую-то общность происхождения и культуры. Что касается не-европейцев — их положение особое. В Соединенных Штатах негры, хотя бы они были стопроцентными американцами, являются особой расой, лишенной многих привилегий и возможностей, которыми другие безоговорочно пользуются. Можно привести множество еще более вопиющих примеров из жизни других стран. Говорят, что только Советская Россия разрешила национальную проблему и проблему национальных меньшинств, создав то, что называется многонациональным государством.

Если эти трудности и проблемы преследуют нас даже сегодня, при всех наших познаниях и прогрессе, то насколько сложнее они были в древние времена, когда индо-арии создавали свою цивилизацию и свой общественный строй в стране, населенной людьми разных племен и различного типа. Обычный способ разрешения таких проблем в то время и позднее заключался в истреблении или порабощении населения завоеванных земель. В Индии это не имело места, но ясно, что были приняты все меры для сохранения господствующего положения высших групп общества. После того как такое превосходство было обеспечено, образовалось своего рода многообщинное государство, в котором в определенных рамках и при условии соблюдения некоторых общих правил каждая группа могла свободно заниматься своими делами и жить своей собственной жизнью в соответствии со своими обычаями и желаниями. Единственное существенное ограничение заключалось в недопущении вмешательства одной группы в дела другой или столкновения между ними. Это была гибкая система, способная к дальнейшему развитию, так как всегда могли возникать новые группы — либо из новых пришельцев, либо из лиц, отколовшихся от старых групп, при условии, что их численность была для этого достаточной. В каждой группе царили равенство и демократия, она управлялась выборными руководителями, которые нередко обращались за советом ко всей группе, когда возникали важные вопросы.

Эти группы почти во всех случаях были профессиональными, каждая из них специализировалась в каком-нибудь занятии или ремесле. Таким образом, они были своего рода профессиональными союзами или гильдиями ремесленников. В каждой группе существовало сильное чувство солидарности, которое не только охраняло группу в целом, но и защищало отдельного ее члена, если он попадал в затруднительное положение или испытывал нужду. Деятельность всех групп или каст была связана, и основная идея заключалась в том, что успешная деятельность каждой группы обеспечит единство общества в целом. Кроме этого, была сделана энергичная и достаточно успешная попытка создать общенациональную связь, объединяющую эти группы, привить им чувство общей культуры, общих традиций, общих героев и святых и общей территории, во все концы которой совершались паломничества. Эта национальная связь значительно отличалась от современного нам национализма; она была слабой в политическом смысле, но сильной в социальном и культурном отношении. Отсутствие политического единства облегчало иноземное вторжение, но социальная сила этой системы способствовала восстановлению, а также ассимиляции новых элементов. Она имела столько голов, что они не могли быть отсечены все, и потому система смогла устоять, несмотря на многочисленные нашествия и бедствия.

Таким образом, кастовая система была системой групп, построенной по принципу разделения обязанностей и занятий. Это была всеохватывающая система без какой-либо общей догмы, предоставлявшая каждой группе полнейшую свободу деятельности. В ее широких рамках существовали единобрачие, многобрачие, безбрачие; все это допускалось, так же как допускались и другие обычаи, верования и порядки. Жизнь должна была развиваться во всех слоях общества. Меньшинство не обязано было подчиняться большинству, потому что оно всегда могло образовать отдельную независимую группу при одном лишь условии — чтобы это была единообразная группа, достаточно многочисленная для самостоятельного существования. Между двумя группами могло существовать любое различие в отношении расы, цвета кожи, культуры и умственного развития.

Каждый человек рассматривался лишь как член группы; он мог делать что ему угодно, если только это не нарушало деятельности всей группы. Он не имел права нарушать эту деятельность, но если он был достаточно силен и имел определенное количество сторонников, он мог создать новую группу. Если он не был в состоянии ужиться ни с одной группой, это означало, что он отщепенец — в той мере, в какой это касалось общественной жизни страны. Тогда он мог стать *саньяси*, человеком, отказавшимся от касты, от группы, от какой-либо общественно-полезной деятельности, он мог бродить по стране и делать что ему вздумается.

Следует помнить, что, хотя в общественной жизни Индии личность подчинялась требованиям группы и общества, религиозная мысль и духовное искание всегда выдвигали на первый план личность. Спасение и познание высшей истины были доступны всем, членам всех каст, высших и низших. Это спасение или просветление не могло быть достигнуто группой; оно было глубоко индивидуальным. В поисках этого спасения не было надобности придерживаться каких-то непоколебимых догм; считалось, что все пути ведут к нему.

Хотя в общественной организации господствовала групповая система, ведущая к касте, в Индии всегда существовала индивидуалистическая тенденция. Противоречие между этими двумя направлениями проявлялось часто. Частично этот индивидуализм был порождением религиозной доктрины, выдвигавшей на первое место личность. Социальные реформаторы, подвергавшие критике или осуждавшие кастовую систему, были обычно религиозными реформаторами, и их главный довод сводился к тому, что деление общества на касты препятствует духовному развитию и тому крайнему индивидуализму, к которому ведет религия. Буддизм был отходом от кастово-группового идеала к своего рода индивидуализму, а также к универсализму. Но этот индивидуализм был связан с отказом от нормальной общественной деятельности. Он не предлагал жизнеспособного общественного строя, могущего заменить кастовую систему, и поэтому касты сохранились до нашего времени.

Каковы же главные касты? Если мы временно оставим в стороне тех, кто считался за пределами касты, то есть неприкасаемых, то существовали следующие касты: брахманы — жрецы, учителя, люди умственного труда; кшатрии — правители и воины; вайшьи — торговцы, ремесленники, ростовщики и т. д.; шудры — сельскохозяйственные и другие работники. Пожалуй, тесно спаянной и замкнутой была только каста брахманов. Кшатрии постоянно принимали в свой состав как пришельцев из других стран, так и уроженцев своей страны, достигших власти и могущества. Вайшьи были преимущественно ремесленниками и ростовщиками, а также представителями ряда других профессий. Шудры были преимущественно земледельцами и домашними слугами. Происходил также непрерывный процесс образования новых каст по мере появления новых профессий и по другим причинам, а старые касты постоянно старались подняться выше по социальной лестнице. Этот процесс продолжается и в наши дни. Некоторые из низших каст внезапно начинали носить священный шнур, который имеют право носить только высшие касты. Это не имело большого значения, поскольку каждая каста продолжала свою деятельность в отведенной ей сфере и занималась своим делом. Иногда люди, происходившие из низших классов, благодаря своим дарованиям достигали высоких государственных постов, но такие случаи были исключением.

Поскольку в целом общественная организация не способствовала конкуренции и стяжательству, это деление на касты не имело такого значения, какое оно могло иметь при других обстоятельствах. Находившийся на вершине общества брахман, гордящийся своим умом и своей ученостью и уважаемый другими, редко обладал большими земными благами, зато богатый и преуспевающий купец не занимал высокого общественного положения.

Подавляющее большинство населения составляли земледельцы. В стране не существовало системы помещичьего землевладения, не было и крестьянской собственности на землю. Трудно сказать, кто был собственником земли по закону; тогда не существовало чего-либо подобного нынешнему понятию собственности. Земледелец имел право обрабатывать свою землю, и единственным существенным вопросом был вопрос о распределении урожая. Наибольшая его часть шла земледельцу, определенную долю (обычно одну шестую) брал правитель государства или государство; получали также свою долю все профессиональные группы сельского населения, так или иначе обслуживавшие крестьян: брахман — жрец и учитель, торговец, кузнец, плотник, сапожник, гончар, каменщик, цирюльник, мусорщик и т. д. Таким образом, все, начиная с государства и кончая мусорщиком, получали свою долю урожая.

Кто принадлежал к угнетенным классам и неприкасаемым? «Угнетенные классы» — это новый термин, применяемый довольно неопределенно к нескольким кастам, находящимся на низших ступенях социальной лестницы. Не существует ясной и определенной грани, отделяющей их от других. Понятие «неприкасаемые» более определено. В Северной Индии к неприкасаемым относится только очень небольшая категория лиц, занятая уборкой нечистот и другой грязной работой. Фа Сянь рассказывает, что в его время люди, убравшие человеческие нечистоты, считались неприкасаемыми. В Южной Индии эта категория значительно обширнее. Трудно сказать, как она образовалась и достигла такой численности. Вероятно, первоначально к ней относились те, кто исполнял работу, считавшуюся нечистой, а потом к ним добавились безземельные батраки. Идея обрядовой чистоты чрезвычайно сильна среди индусов. Это имеет одну хорошую и много плохих сторон. Хорошая сторона — это физическая чистоплотность. Ежедневная ванна всегда была необходима для индуса, в том числе и для большей части угнетенных классов. Именно из Индии этот обычай распространился на Англию и другие страны. Для среднего индуса и даже для беднейшего крестьянина сверкающие чистотой горшки и чашки являются предметом гордости. Но это стремление к чистоте не основано на науке, и человек, который купается дважды в день, будет, не задумываясь, пить грязную воду, зараженную микробами. Нет также стремления соблюдать чистоту в

местах общего пользования, во всяком случае теперь. Люди держат свой дом в относительной чистоте, но выкидывают все отбросы на деревенскую улицу, прямо перед домом соседа. Селения, как правило, очень грязны, на каждом шагу — помойные ямы. Чувствуется также, что чистота соблюдается не ради нее самой, а в силу требования религии. Если это требование религии отпадает, уровень чистоплотности снижается.

Дурным следствием соблюдения обрядовой чистоты является отчужденность, высокомерие и отказ принимать пищу вместе с представителями других каст. Это явление достигло в Индии фантастических масштабов, неизвестных в какой-либо другой части света. Оно привело также к тому, что некоторые категории считаются неприкасаемыми потому, что они имеют несчастье выполнять какую-либо необходимую работу, считающуюся нечистой. Обычай принимать пищу только с членами своей касты распространен среди всех каст. Это стало признаком общественного положения, и члены низших каст цеплялись за это еще упорнее, чем члены высших. В настоящее время в высших кастах стали отказываться от этого обычая, но среди низших каст, в том числе и среди угнетенных классов, он попрежнему соблюдается.

Если нельзя было пообедать с людьми другой касты, то тем более недопустимо было заключать браки между представителями разных каст. Разумеется, смешанные браки имели место, но все же поразительно, насколько члены каждой касты замыкались в своем кругу и стремились производить на свет только себе подобных. Сохранение чистоты расы на протяжении веков — вещь, конечно, невозможная, но все же кастовая система в Индии в некоторой мере способствовала сохранению определенных характерных типов, особенно среди высших каст.

О некоторых группах, находящихся у подножия социальной лестницы, иногда говорят как о находящихся вне каст. На самом деле ни одна группа, в том числе даже неприкасаемые, не находится за пределами кастовой системы. Угнетенные классы и неприкасаемые образуют собственные касты и имеют свои панчаиты, кастовые советы для ведения своих собственных дел. Но многим из них пришлось жестоко страдать от того, что они оказывались исключенными из общей жизни деревни.

Таким образом, двумя характерными элементами старинного общественного строя были самоуправлявшаяся сельская община и кастовая система. Третьим элементом была большая семья, все члены которой являлись равноправными владельцами общей собственности и получали наследство на равных правах. Отец или другой старший был главой семьи, но он скорее выполнял функции распорядителя, чем древнеримского отца семейства. В некоторых случаях при желании заинтересованных сторон допускался раздел имущества. Общая

собственность служила для удовлетворения потребностей всех членов семьи — как работающих, так и не работающих. Она гарантировала обеспеченный минимум для каждого, а не использовалась для высокого вознаграждения некоторых. Это было своего рода страхование всех, в том числе слабых и неполноценных в физическом и умственном отношении. Таким образом, наряду с обеспечением каждого члена семьи существовало некоторое снижение требований в отношении выполняемых обязанностей и их вознаграждения. На первый план выдвигалась не личная выгода и не личное честолюбие, а интересы группы, то есть семьи. Воспитание и жизнь в большой семье сглаживали эгоцентрические наклонности ребенка и способствовали развитию склонности к общественной жизни.

Все это диаметрально противоположно тому, что имеет место в условиях крайне индивидуалистической западной цивилизации, особенно американской, где поощряется личное честолюбие, а личная выгода является почти единственной целью, где все блага достаются расторопным и напористым людям, тогда как слабые, робкие или малоодаренные оттираются в сторону. Большая семья в Индии быстро распадается, и развиваются индивидуалистические настроения, что не только влечет за собой далеко идущие последствия в области экономической жизни, но также выдвигает новые морально-этические проблемы.

Таким образом, все три основы индийского общественного уклада опирались на группу, а не на личность. Целью было социальное обеспечение, устойчивость и сохранение группы, то есть общества. Прогресс не был целью и поэтому он был замедлен. Каждая группа, будь то сельская община, определенная каста или многочисленная большая семья, жила общей жизнью, в которой участвовали все ее члены; в ней было равенство и господствовали демократические методы. И теперь деятельность кастовых панчаятов демократична. Одно время меня поражала готовность крестьянина, часто неграмотного, принимать участие в работе выборного органа, созданного для политических или иных целей. Он быстро входил в курс дела и становился полезным работником, когда возникал какой-нибудь вопрос, касающийся его жизни, и его нелегко было заставить отступить от начатого дела. Однако у членов этих выборных органов наблюдалась скверная тенденция разбиваться на мелкие группировки и ссориться между собой.

Демократический метод был не только хорошо известен, но был обычным методом деятельности в общественной жизни, в местном самоуправлении, внутри ремесленных гильдий, религиозных общин и т. д. При всех своих пороках каста сохраняла в каждой группе демократические привычки. Существовали подробно разработанные правила процедуры, выборов и обсуждения. Маркиз Зетланд так описывает буддийские соборы раннего периода: «Для многих будет неожиданностью узнать, что

на буддийских соборах в Индии две тысячи или более лет назад существовали зачатки нашей современной парламентской практики. Порядок ведения собрания обеспечивался назначением специального должностного лица (прообраз спикера в палате общин). На обязанности другого должностного лица лежало обеспечение в необходимых случаях кворума: это своего рода прототип нынешнего организатора парламентской фракции. Член собрания, желавший поставить какой-либо вопрос, вносил предложение, которое затем подвергалось обсуждению. В некоторых случаях вопрос обсуждался один раз, а в некоторых — трижды; это также предвосхищало парламентскую практику, требующую, чтобы законопроект был рассмотрен в трех чтениях, прежде чем он получит силу закона. Если обсуждение выявляло наличие разногласий, вопрос решался большинством голосов путем тайного голосования¹.

Староиндийский общественный строй имел, таким образом, известные достоинства, и, конечно, без них он бы не просуществовал так долго. Этот строй был основан на философском идеале индийской культуры — совершенствовании человека и преимуществе добра, красоты и правды над стяжательством. Принимались меры к тому, чтобы воспрепятствовать соединению воедино и сосредоточению в одном месте почестей, власти и богатства. На первый план выдвигались не права, а обязанности личности и группы. «Смрити» (индусские священные книги) содержат перечни дхарм — функций и обязанностей различных каст, но ни одна из них не перечисляет их прав. Каждая группа, особенно сельская община и, в ином смысле, каста, стремились к самостоятельности. Это была закрытая система, допускавшая известное приспособление, изменения и свободу в ее общих рамках, но неизбежно становившаяся все более замкнутой и жесткой. Постепенно она теряла способность развиваться и вскрывать новые источники таланта. Влиятельные привилегированные силы не допускали никаких радикальных перемен и препятствовали распространению образования среди других классов. Старые религиозные предрассудки (хотя многие представители высших классов и понимали, что это всего лишь предрассудки) сохранялись, и к ним добавлялись новые. Не только национальная экономика, но и самая мысль становилась неподвижной, косной, мертвой, неспособной к развитию и прогрессу.

Идея и практика кастовой системы были олицетворением аристократического идеала и явно противоречили демократическим принципам. В этой системе было сильно развито чувство долга, создаваемого положением, но при условии, что люди будут приращивать своего наследственного положения и не будут посягать на установленный порядок. В целом успехи и достижения Индии распространялись только на высшие классы;

¹ G. T. Garratt, *The Legacy of India*, 1937, p. xi.

те, кто находился на низших ступенях лестницы, имели очень мало перспектив, и их возможности были жестко ограничены. Высшие классы не были малочисленной группой; напротив, они были многочисленны, и между ними широко распределялись власть, могущество и влияние. Так продолжалось в течение очень длительного периода времени. Но коренная слабость и основной порок кастовой системы и общественного строя Индии заключались в том, что они низвели на низшую ступень огромную массу людей и лишили их возможности выйти из этого состояния в области образования, а также в культурном и в экономическом отношении. Эта деградация влекла за собой упадок для всех, в том числе и для высших классов. Она привела к застою, ставшему главной чертой экономики и всей жизни Индии. Контраст между этим общественным строем и тем, который существовал в прошлом в других странах, не был велик, но по мере того как во всем мире на протяжении жизни ряда поколений происходили изменения, он становился все более разительным. В условиях современного нам общества кастовая система и многое из того, что ей сопутствует, совершенно нетерпимы, реакционны, представляют собой балласт и препятствуют прогрессу. При этой системе невозможно равенство в положении и равные возможности, невозможна политическая демократия, а еще в меньшей мере — демократия экономическая. Касты и прогресс диаметрально противоположны друг другу и не могут существовать одновременно.

БАБУР И АКБАР. ПРОЦЕСС АССИМИЛЯЦИИ

Вернемся назад. Афганцы обосновались в Индии и ассимилировались здесь. Перед их правителями стояла задача — сначала ослабить враждебность к себе народа, а затем привлечь его на свою сторону. Для осуществления этой задачи они прекратили жестокости, распространенные в первое время, стали более терпимыми, старались наладить сотрудничество и держали себя не как иноземные завоеватели, а как индийцы, родившиеся и выросшие в стране. Вначале это была политика, но постепенно она превратилась в неизбежную тенденцию, по мере того, как пришедшие с северо-запада люди подпадали под влияние индийского окружения и ассимилировались. В то время как этот процесс продолжался в высших сферах, в народе стихийно возникали более мощные течения, приводившие к синтезу мысли и образа жизни. Начали появляться зачатки смешанной культуры, и был заложен фундамент, на котором Акбар основывал впоследствии свою деятельность.

Акбар был третьим правителем Могольской династии в Индии, но фактически именно он консолидировал империю. Его дед Бабур завоевал делийский престол в 1526 году, но он был чужд Индии и всегда чувствовал себя чужеземцем в стране. Он при-

шел с севера; там, на его родине, в Средней Азии, процветало Возрождение эпохи Тимуридов и было сильно влияние иранского искусства и культуры. Бабур недовольствовало дружеского общества, к которому он привык, радости беседы, изысканного комфорта, занесенного из Ирана и Багдада. Он тосковал по снегам и ледникам северных гор, по мясной пище, по цветам и фруктам Ферганы. Однако при всем своем разочаровании в Индии он все же говорил, что Индостан — необыкновенно красивая страна. Бабур умер спустя четыре года после прихода в Индию. Большую часть времени он посвящал войнам и строительству великолепной столицы в Агре, для чего заручился услугами знаменитого архитектора из Константинополя. Это было время царствования в Константинополе Сулеймана Великолепного, когда в этом городе возводились прекрасные здания.

Бабур мало видел Индию и, находясь во враждебном окружении, многого не замечал. Однако он рассказывает нам об упадке культуры Северной Индии. Частично упадок был вызван опустошением, произведенным Тимуром, частично — бегством на юг множества ученых и людей искусства, а также умелых мастеров. Но это свидетельствовало также и об упадке творческих сил индийского народа. Бабур отмечает, что в стране не было недостатка в умелых рабочих и ремесленниках, но не хватало изобретательности и мастерства в области технических нововведений. Вместе с тем и в отношении роскоши и комфорта Индия, видимо, сильно отставала от Ирана. Я не знаю, было ли это вызвано врожденным отсутствием интереса к этой стороне жизни или результатом последующих событий. Возможно, что в те времена индийцы придавали меньшее значение комфорту и предметам роскоши, чем иранцы. Если бы это их интересовало, они бы легко могли достать предметы роскоши в Иране, поскольку между обеими странами существовала постоянная связь. Но более вероятно, что это было результатом последующих событий, еще одним признаком культурного застоя и упадка Индии. Как видно из классической литературы и живописи, в более ранние периоды была достигнута достаточная степень утонченности, образ жизни был для того времени сложным, а уровень ее — высоким. Даже в то время, когда Бабур вступил в Северную Индию, многие путешественники-европейцы писали о чрезвычайно высоком развитии искусства и культуры и изысканной роскоши, которые они видели в Виджаянагаре, на юге страны.

Но в Северной Индии упадок культуры был совершенно очевиден. Застывшие религиозные верования и окаменелый общественный уклад сковывали общественную жизнь и задерживали прогресс. Распространение ислама и приход большого числа иноземцев с другим образом жизни и мысли отразились на существовавших верованиях и общественном укладе. При всех бедствиях, которые приносит иноземное нашествие,

оно имеет одно преимущество: расширяет умственный кругозор людей и вынуждает их выглянуть из своей раковины. Люди осознают, что мир значительно шире и разнообразнее, чем они думали. Так, афганское нашествие оказало воздействие на Индию и привело ко многим переменам. Моголы, которые были значительно культурнее афганцев и достигли более высокого уровня жизни, оказали еще большее воздействие на Индию. В частности, они принесли с собой изысканность, которой славился Иран, вплоть до введения крайне искусственного и строго регламентированного придворного этикета, который оказал влияние на образ жизни знати. Государство Бахманидов на юге имело непосредственную связь с Ираном через Каликут.

В Индии произошли большие сдвиги, и новые стимулы вдохнули свежесть и жизнь в искусство, архитектуру и другие области культуры. И все же это было результатом того, что две древние культуры пришли в соприкосновение, причем каждая из них уже лишилась своей первоначальной жизнеспособности и творческой силы и была ограничена жесткими рамками. Индийская культура была очень древней и уже истощила себя; арабо-персидская культура давно уже пережила свой зенит, и в ней не было больше той пытливости и влечения к умственным исканиям, которыми отличались прежде арабы.

Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью. Его внук Акбар был еще более обаятельным и обладал еще большими достоинствами. Смелый и отважный, талантливый полководец и в то же время великодушный и милосердный, идеалист и мечтатель, он был одновременно человеком действия и вождем, снискавшим беззаветную преданность своих последователей. Как воин, он покорил обширные территории Индии, но мечтал он о другом, более прочном завоевании, о завоевании умов и сердец людей. По словам португальских иезуитов, бывших при дворе Акбара, его взгляд обладал притягательной силой и глаза «сверкали, как море, освещенное солнцем». Акбар возродил древнюю мечту о единой Индии, не только политически объединенной в одно государство, но и органически слившейся в один народ. На всем протяжении своего долгого, почти пятидесятилетнего правления, начавшегося в 1556 году, он стремился к этой цели. Акбар привлек на свою сторону многих гордых раджпутских вождей, которые не подчинились бы никому другому. Он женился на раджпутской княжне, и его сын и наследник Джахангир был, таким образом, наполовину Моголом, а наполовину индусом-раджпутом. Мать сына Джахангира, Шах Джахана, тоже была из раджпутов. Так тюрко-монгольская династия стала в расовом отношении скорее индийской, чем тюркской или монгольской. Акбар восхищался раджпутами и считал себя родственным им по духу; при помощи браков,

а также другими средствами он создал союз с раджпутскими правящими классами, который значительно укрепил его империю. Это моголо-раджпутское сотрудничество, продолжавшееся и при последующих правителях, оказало воздействие не только на государственный строй, управление и армию, но также и на искусство, культуру и весь образ жизни Индии. Могольская знать постепенно ассимилировалась, а раджпуты и другие индийцы испытали влияние персидской культуры.

Акбар привлек на свою сторону многих людей, но ему не удалось сломить гордый и неукротимый дух Рана Пратапа из княжества Мевар в Раджпутане, предпочитавшего скрываться в джунглях, чем признать, хотя бы формально, власть того, кого он считал иноземным захватчиком.

Акбар окружил себя блестящей плеядой людей, преданных ему и его идеалам. Среди них были знаменитые братья Файзи и Абу-л-Фазл, Бир Бал, раджа Ман Сингх и Абд-ур-Рахим, хан-ханан. При его дворе встречались люди самых различных вероисповеданий, люди, высказывавшие новые идеи или сделавшие новые открытия. Его терпимость к взглядам и поощрение любых верований и мнений зашли так далеко, что вызывали негодование со стороны некоторых более ортодоксальных мусульман. Он даже пытался создать новую синтетическую религию, могущую удовлетворить всех. Именно в его правление значительно продвинулось вперед культурное слияние индусов и мусульман в Северной Индии. Сам Акбар был, безусловно, одинаково популярен как среди индусов, так и среди мусульман. Могольская династия твердо закрепилась как подлинно индийская династия.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ В ОБЛАСТИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И ТВОРЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Акбар был крайне любознателен, он всегда стремился проникнуть в природу явлений, как религиозных, так и мирских. Он интересовался техническими изобретениями и военным делом. Особенно большое значение он придавал боевым слонам, и они составляли важную часть его армии. Состоявшие при его дворе португальские иезуиты сообщали, что «он интересовался многими вещами и стремился изучить их, обладая глубокими знаниями не только в военных и политических вопросах, но также и во многих областях техники». В своем «жадном стремлении к знанию» он «пытался изучать все сразу, подобно тому как изголодавшийся человек пытается проглотить разом всю пищу».

Очень странно, однако, что его любознательность не распространилась на некоторые области и не побудила его исследовать некоторые насущные проблемы, возникавшие перед ним. При всем своем огромном престиже Великого Могола и при всей

мощи его империи как сухопутной державы он был бессилен на море. В 1498 году Васко да Гама достиг Каликута, обогнув мыс Доброй Надежды; в 1511 году Албукерк захватил Малакку и установил господство Португалии на Индийском океане. Гоа на Западном побережье Индии стал португальским владением. Все это не привело португальцев в непосредственное столкновение с Акбаром. Однако португальцы часто брали в плен индийских паломников, отправлявшихся морем в Мекку, среди которых нередко находились члены императорской фамилии и представители знати, и держали их в заключении, требуя выкупа. Было ясно, что, как ни силен Акбар на суше, португальцы являются господами на море. Нетрудно понять, что континентальная держава не придавала большого значения морскому могуществу, хотя в прошлом величие и значение Индии в известной мере были результатом ее контроля над морскими путями. Акбару надо было завоевать огромный континент, и у него нехватало времени на португальцев, которым он не придавал значения, хотя они временами и досаждали ему. Одно время он подумывал о судостроении, но смотрел на это скорее как на развлечение, чем как на серьезное развитие флота.

Далее, в области артиллерии могольская армия, так же как и армии других индийских государств, опиралась на чужеземных специалистов, которыми были обычно турки из Османской империи. Начальник артиллерии носил титул Руми-хана (Рум — это Восточный Рим, то есть Константинополь). Эти чужеземные специалисты обучали местных людей. Возникает вопрос, отчего Акбар, или кто-либо другой, не посылал своих людей за границу для обучения и почему он сам не проявил интереса к усовершенствованию артиллерии путем поощрения исследовательских работ?

Еще одно чрезвычайно характерное обстоятельство. Иезуиты преподнесли Акбару печатную Библию, а также, видимо, несколько других печатных книг. Почему он не проявил интереса к книгопечатанию, которое могло бы принести огромную пользу в его государственной деятельности, а также в осуществлении его обширных предприятий?

Еще один пример — часы. Часы пользовались большим спросом среди могольской знати и ввозились из Европы португальцами, а позднее англичанами. Эти привозные часы считались предметом роскоши, предназначенным для богатей, а простой народ довольствовался солнечными, песочными и водяными часами. Не было сделано даже попытки разобраться в конструкции пружинных часов и организовать их изготовление в Индии. Это отсутствие интереса к технике весьма примечательно, особенно если учесть наличие в Индии весьма искусных ремесленников и кустарей.

Не в одной только Индии в этот период обнаружился паралич творческого духа и изобретательской мысли. Вся Западная и

Средняя Азия в еще большей мере страдали от этого. Мне неизвестно, как обстояло дело в Китае, но думается, что подобный застой имел место и там. Следует помнить, что в прошлом как в Индии, так и в Китае различные отрасли знаний получили значительное развитие. Судостроение и обширная морская торговля были постоянным стимулом для совершенствования техники. Правда, ни в этих, ни в других странах в то время не произошло крупных технических сдвигов. С этой точки зрения человечество 15 века недалеко ушло по сравнению с тем, что оно представляло собой одно или два тысячелетия ранее.

Арабы, которые в эпоху европейского средневековья разработали до некоторой степени основы прикладных наук и развили знания во многих областях, позднее отстали и потеряли свое значение. Утверждают, что одни из первых часов были сделаны арабами в 7 веке. В Дамаске были знаменитые башенные часы, а также в Багдаде во времена Харун-ар-Рашида. Но с упадком арабов часовое мастерство также было забыто в этих странах, хотя в ряде европейских государств оно развивалось и часы там уже не были редкостью.

Задолго до Кэкстона испанские арабы-мавры печатали книги с деревянных досок¹. Это делалось государством для размножения официальных приказов. Видимо, типографское искусство не развилось дальше стадии деревянных досок и даже в таком виде оно позднее было забыто. Османская Турция, которая долгое время была главной мусульманской державой в Европе и Западной Азии, в течение многих веков игнорировала книгопечатание, хотя в Европе, у самого порога ее владений, печаталось большое количество книг. Турки, несомненно, знали об этом, но не проявляли ни малейшего желания использовать это великое изобретение. Частично этому препятствовали религиозные чувства, так как считалось кощунством печатать священную книгу — Коран. Печатные листы могли получить ненадлежащее употребление, на них могли наступить, их могли выбросить в помойную яму. Наполеон первым ввел печатный станок в Египте, и оттуда он медленно и постепенно распространился в других арабских странах.

В то время как Азия, истощенная своими прежними усилиями, впадала в спячку, отставая во многих отношениях Европа находилась на пороге важных сдвигов. В Европе возник новый дух, действовал новый стимул, толкая предприимчивых людей за океаны и обращая умы ее мыслителей на решение новых проблем. Возрождение мало способствовало научному прогрессу; в некотором отношении оно даже отвлекало внимание

¹ Мне неизвестно, как этот вид книгопечатания проник к арабам в Испанию. Вероятно, его занесли монголы из Китая еще задолго до того, как он стал известен в Северной и Западной Европе. Арабский мир от Кордовы до Каира, Дамаска и Багдада поддерживал постоянную связь с Китаем даже до появления монголов на исторической сцене.

людей от науки, и гуманитарное, консервативное образование, введенное в то время в университетах, препятствовало распространению даже признанных научных идей. Известно, что еще в середине 18 века большинство образованных англичан, вопреки открытиям Коперника, Галилея и Ньютона и несмотря на изготовление хороших телескопов, не хотело верить тому, что земля вращается вокруг своей оси и вокруг солнца. Воспитанные на греческих и латинских классиках, они продолжали придерживаться системы Птолемея, считавшей центром вселенной Землю. Знаменитый английский государственный деятель 19 века Гладстон, при всей своей глубокой эрудиции, не разбирался в естественных науках и не интересовался ими. Даже и теперь, вероятно, найдется немало государственных и общественных деятелей (и не только в Индии), которые мало знакомы с точными науками и с научными методами, хотя они живут в мире, где широко применяются эти науки, и сами пользуются ими для разрушений и массового истребления людей.

Однако Возрождение освободило сознание Европы от многих старых оков и низвергло много идолов, которым она поклонялась. Произошло ли это под частичным и косвенным влиянием эпохи Возрождения или вопреки ей, но появился новый дух — дух объективного исследования, дух, который бросил вызов не только установившимся авторитетам, но также абстракциям и туманным рассуждениям. Фрэнсис Бэкон писал, что «пути к человеческому могуществу и человеческому знанию проходят рядом и почти совпадают, но, тем не менее, учитывая пагубную и укоренившуюся привычку увлекаться абстракциями, целесообразнее основывать и развивать науки на фундаменте, имеющем отношение к практике, с тем чтобы активная часть ее скрепляла своей печатью созерцательную часть и определяла ее». Позднее, в 17 веке, сэр Томас Броун говорил: «Безоговорочная верность авторитету и особенно основание наших убеждений на предписаниях древности является смертельным врагом знания и наносит величайший ущерб истине. Ибо (как это может видеть любой ум) большинство людей нашего века с таким суеверием взирает на прошедшие времена, что авторитет этих последних берет верх над разумом первых. Произведения людей, живших в далекие времена, которые вряд ли избежали бы критической оценки со стороны современников или ближайших потомков, теперь находятся вне пределов завистливого внимания. И чем дальше они отстоят от нашего времени, тем более приближающимися к истине они считаются. Таким образом, мне думается, мы явно обманываем себя и далеко уходим от пути, ведущего к истине».

Акбар жил в 16 веке, когда в Европе происходило рождение движущих сил, революционного прогресса в жизни человечества. Благодаря этому открытию Европа двинулась вперед,

сначала медленно, но нарастающими темпами, а в 19 веке она совершила прыжок и создала новый мир. В то время как Европа брала верх над силами природы и использовала их, неподвижная и дремлющая Азия продолжала следовать установившемуся образу жизни, опираясь на человеческий тяжелый труд.

Чем это объясняется? Азия слишком велика и разнородна, чтобы можно было дать на этот вопрос единый ответ. Каждая страна, особенно такие обширные страны, как Китай и Индия, должна подвергнуться самостоятельному анализу. Китай, безусловно, был и в то время и позднее более культурным, и его народ вел более цивилизованный образ жизни, чем какой-либо из европейских народов. Индия внешне также являла картину не только придворного блеска, но и расцвета торговли, ремесел и кустарного производства. Во многих отношениях европейские страны могли показаться в то время посетившему их индийцу отсталыми и грубыми. И тем не менее в Индии полностью отсутствовал тот динамизм, который все отчетливее проявлялся в Европе.

Цивилизация приходит в упадок в значительно большей мере от внутренней слабости, чем от нападения извне. Она может ослабеть потому, что в некотором смысле она изжила себя и ей нечего больше дать миру, находящемуся в движении, либо потому, что представляющий ее народ выродился в качественном отношении и не в состоянии больше достойно нести свое бремя. Может случиться, что социальный строй явится преградой для поступательного движения, и оно станет возможным лишь тогда, когда эта преграда будет устранена или когда в этот строй будет внесено какое-то существенное качественное изменение. Упадок индийской цивилизации был достаточно очевиден и до тюркского и афганского нашествий. Привело ли столкновение этих захватчиков и их новых идей со старой Индией к возникновению нового социального комплекса, освободило ли оно тем самым мысль от оков, дало ли простор свежей энергии?

В некоторой степени это произошло, и искусство, архитектура, живопись, музыка и образ жизни оказались затронутыми новыми веяниями. Но это влияние оказалось недостаточно глубоким; оно было более или менее поверхностным, и социальный строй в основном оставался неизменным. В некоторых отношениях он даже стал еще менее гибким. Афганцы не способствовали прогрессу; они были представителями отсталого феодального и племенного строя. Индия не была феодальной страной в европейском смысле этого слова, но раджпутские кланы, представлявшие собой основу ее обороны, были построены по своеобразной феодальной системе. Государство Моголов тоже было полуфеодальным, но с сильным монархическим центром. Эта монархия одержала верх над феодализмом Раджпутаны.

Акбар мог бы способствовать социальным сдвигам, если бы его живой, пытливый ум был направлен к этому и он стремился узнать, что происходит в других странах мира. Но он был слишком занят укреплением своей империи, и главная проблема, которая стояла перед ним, заключалась в том, как примирить такую стремящуюся к распространению религию, как ислам, с национальной религией и обычаями народа и достичь таким образом национального единства. Он пытался истолковать религию в рационалистическом духе, и, казалось, одно время ему удалось добиться поразительного изменения индийской действительности. Но этот прямой подход, как это обычно случается, не принес успеха.

Таким образом, даже Акбар не внес существенных изменений в социальный комплекс Индии, а после него созданная им атмосфера стремления к переменам и умственных исканий исчезла, и Индия вернулась к своей неподвижной и чуждой всему новому жизни¹.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ

Акбар строил так прочно, что созданная им империя просуществовала сто лет даже при его бездарных преемниках. Почти каждый раз после смерти правителя Могольской династии происходили войны между претендентами на престол, ослаблявшие центральную власть. Но двор оставался блестящим, и Великие Моголы славились по всей Азии и Европе. В Агре и Дели выросли новые прекрасные сооружения, сочетавшие древнеиндийский архитектурный стиль с новой благородной простотой линий. Это индо-могольское искусство представляло разительный контраст с храмами и другими зданиями на севере и юге, построенными в упадническом, вычурном стиле, с изливством скульптурных украшений. Вдохновенные зодчие и

¹ Абу-л-Фазл сообщает, что Акбар слышал об открытии Колумбом Америки. Позднее, в царствование Джахангира, в Индию через Европу был доставлен из Америки табак. Он сразу же получил большое распространение, несмотря на попытки Джахангира запретить его. В течение всего Могольского периода Индия поддерживала тесные связи со Средней Азией. Эти связи распространялись и на Россию, и имеются сведения о дипломатических и торговых миссиях. Один русский друг обратил мое внимание на такого рода сведения в русских летописях. В 1532 году в Москву прибыл посланник императора Бабура по имени Ходжа Хусейн для заключения договора о дружбе. В царствование Михаила Федоровича (1613—1645) на Волге обосновались индийские купцы. В 1625 году в Астрахани по приказу воеводы был построен индийский караван-сарай. В Москву приглашали индийских мастеров, особенно ткачей. В 1695 году русский торговый представитель Семен Маленький посетил Дели и был принят Аурангзебом. В 1722 году Петр Великий посетил Астрахань и беседовал с индийскими купцами. В 1743 году в Астрахань прибыла группа индийских *садху* (отшельников). Двое из них обосновались в России и приняли русское подданство.

строители создали любящими руками мавзолеев Тадж-Махал в Агре.

Последний из так называемых Великих Моголов — Аурангзеб пытался отвести назад стрелку часов и в этой попытке остановил часы и сломал их. Могольские правители были сильны до тех пор, пока они отождествляли себя с духом народа, содействовали формированию национального единства и объединению различных элементов в стране. Когда Аурангзеб начал противиться этому процессу и подавлять его, когда он выступил в качестве не столько индийского, сколько мусульманского правителя, начался развал империи Моголов. Плоды трудов Акбара, а в некоторой степени также и его преемников были уничтожены, и различные силы, сдерживавшиеся политикой Акбара, вырвались на свободу и вступили в борьбу с империей. Появились новые движения, узкие по своим целям, но представлявшие возрожденный национализм, и хотя они не были достаточно сильны для того, чтобы прочно строить, и обстоятельства были против них, им удалось разрушить империю Моголов.

Нашествие с северо-запада и распространение ислама оказали на Индию сильное воздействие. Вскрылись язвы, разъедавшие индийское общество, — окаменелость каст, неприкасаемость, доведенная до неслыханной степени замкнутость. Проповедовавшаяся исламом идея братства и теоретического равенства его последователей в большой мере привлекала к себе людей, в особенности тех индусов, которым было отказано даже в каком-либо намеке на равноправие. Под влиянием этих идей возникли различные движения, стремившиеся к синтезу религий. Многие перешли в мусульманскую веру, но это были главным образом члены низших каст, особенно в Бенгалии. Некоторые представители высших каст тоже обратились в новую веру либо в результате действительного изменения своих убеждений, либо по политическим или экономическим соображениям: принятие религии правящей династии сулило несомненные выгоды.

Несмотря на то, что обращение в ислам было широко распространено, индуизм во всех его разновидностях оставался главной религией страны, прочной, замкнутой, независимой и уверенной в себе. Высшие касты не сомневались в своем превосходстве в области идей и мышления и считали ислам грубым подходом к философским и метафизическим проблемам. Они находили в своей собственной религии даже монотеизм ислама в сочетании с монизмом, являвшимся основой большинства их философских концепций. Каждый человек мог делать выбор между этими и более простыми и доступными верованиями. Он мог быть вишнуитом, верить в личного бога и поклоняться ему. Если у него был более философский склад ума, он мог бродить в дебрях метафизики и высокой философии. Хотя весь

общественный строй Индии был основан на группе, в области религии господствовал полный индивидуализм. Высшие касты не придерживались прозелитизма, и их мало заботило то, что некоторые люди переходили в иную веру. Не допускалось только посягательство на их общественный строй и образ жизни. Если какая-либо группа желала жить по-своему, это было ее дело. Следует отметить, что, как правило, обращение в ислам носило групповой характер — настолько сильным было влияние группы. Среди высших каст случалось, что отдельные лица меняли религию, но на низших ступенях социальной лестницы обычно меняла религию целая каста в той или иной местности или почти все население деревни. Таким образом, жизнь и деятельность группы продолжались попрежнему, лишь с небольшими изменениями, связанными с религиозным культом и т. д. По этой причине мы встречаем сегодня целые профессии и ремесла, полностью монополизированные мусульманами. Так, ткачи в большинстве своем, а в некоторых обширных районах все без исключения, являются мусульманами. То же самое имело место прежде среди торговцев обувью и мясников. Портные почти всегда мусульмане. Большое количество кустарей и ремесленников также мусульмане. В связи с распадом групповой системы многие лица переменили профессию, и это несколько стерло грани между различными профессиональными группами. Уничтожение кустарного и крестьянского производства, первоначально сознательно осуществлявшееся на ранней стадии английского господства, а позднее явившееся следствием развития новой колониальной экономики, привело к тому, что множество этих кустарей и ремесленников, особенно ткачей, лишилось работы и средств к существованию. Те, кто пережили эту катастрофу, ушли в сельскую местность и стали безземельными батраками, либо же приняли участие в обработке крохотных наделов земли своих родственников.

В те времена обращение в ислам, как индивидуальное, так и групповое, не вызывало особого противодействия, за исключением случаев, когда применялась сила или какой-либо вид принуждения. Друзья, родственники или соседи могли осудить переход в другую веру, но индусская община как таковая, видимо, не придавала этому особого значения. В отличие от этого безразличного отношения, в наши дни обращение как в ислам, так и в христианство привлекает к себе всеобщее внимание и вызывает возмущение. Это в значительной мере объясняется политическими факторами, в особенности введением системы выборов по религиозным общинам. Считается, что каждый обращенный усиливает местную общину, что в конечном счете ведет к большему представительству и, следовательно, большей политической власти. Делаются даже попытки подтасовать данные переписи в этих целях. Помимо политических соображений, в индуизме растет также стремление к прозелитизму, к обращению неиндусов

в индуизм. Это один из прямых результатов воздействия ислама на индуизм, хотя на практике это приводит к конфликту индуизма с исламом. Ортодоксальные индусы до сих пор не одобряют эту тенденцию.

В Кашмире в результате длительного процесса обращения в ислам 95 процентов населения является мусульманским, хотя оно сохранило многие древние индусские обычаи. В середине 19 века правитель этого государства — индус — обнаружил, что очень большая часть населения хочет или готова вернуться *en bloc* к индуизму. Он направил к пандитам¹ в Бенарес депутацию, чтобы выяснить, возможно ли это осуществить. Пандиты отказались поддержать такого рода перемену религии; тем дело и кончилось.

Те мусульмане, которые были в Индии пришлым элементом, не принесли с собой новой техники или новой политической и экономической системы. Вопреки идее братства, провозглашенной исламом, они были связаны классовыми связями и проникнуты феодальной психологией. В области техники, в методах и организации производства они стояли ниже уровня, существовавшего в то время в Индии. Поэтому они оказали лишь очень незначительное влияние на экономическую жизнь Индии и ее общественный строй. Жизнь продолжалась, как и прежде, и все население, как индусы, так и мусульмане, приспособилось к ней.

Положение женщин ухудшилось. Древние законы также ставили женщину в невыгодное положение в отношении права наследования и положения в семье; впрочем, эти законы были справедливее тех, которые действовали в Англии в 19 веке. Эти законы о наследовании вытекали из индусской системы большой семьи и были направлены на то, чтобы предотвратить переход общей собственности к другой семье. Женщина, вступая в брак, меняла семью. В экономическом отношении она считалась зависимой от отца, мужа или сына, но она могла иметь и имела свою собственность. Во многих отношениях она пользовалась почетом и уважением и обладала достаточной степенью свободы, принимая участие в общественной и культурной жизни. В индийской истории мы находим множество имен выдающихся женщин, в том числе мыслителей и философов, правителей и воинов. Эта свобода постепенно ограничивалась. Мусульманский закон о наследовании более справедлив, но он не распространялся на индусских женщин. Зато на многих из них распространялся, нанося им большой ущерб (в еще большей степени он затрагивал мусульманских женщин), обычай строгого затворничества. Этот обычай был распространен среди высших классов во всей Северной Индии и в Бенгалии, но женщины юга и запада Индии избегали этого унижительного обычая. Впрочем, даже

¹ Пандиты — индийские ученые, знатоки индусского богословия.—
Прим. ред.

на севере его соблюдали только высшие классы, а массы, к счастью, были свободны от него. Уменьшилась возможность для женщин получить образование, и сфера их деятельности была в значительной мере ограничена домашним очагом¹. Этим затворницам, лишенным всякой возможности проявить себя, внушали, что их высшая добродетель заключается в целомудрии и самый страшный грех — лишиться его. Эту доктрину создали мужчины, но на себя мужчины ее не распространяли. В своей знаменитой поэме «Рамаяна», написанной во времена Джахангира, Тулси Дас дает глубоко несправедливое и пристрастное изображение женщины.

Отчасти потому, что значительное большинство мусульман в Индии были обращенными индусами, отчасти в результате длительной совместной жизни индусы и мусульмане в Индии обрели много общих черт, навыков, обычаев, выработали одинаковые художественные вкусы, особенно в Северной Индии, в музыке, живописи, архитектуре, в пище и одежде, а также общие традиции. Они мирно жили вместе, как один народ, принимали, взаимно, участие в празднествах и торжествах, говорили на одном языке, вели приблизительно одинаковый образ жизни, сталкивались с одинаковыми экономическими проблемами. Аристократия и феодальная знать и их многочисленные прихлебатели подражали во всем придворной жизни. (Эти люди не были помещиками или землевладельцами. Они не получали ренты, но имели право собирать в свою пользу государственные налоги с определенной территории. Это право было обычно пожизненным.) Они создали весьма сложную и утонченную общую культуру. Они носили одинаковую одежду, одинаково питались, в равной мере увлекались искусством, военными играми, поединками и состязаниями. Любимой игрой было поло; большой популярностью пользовались бои слонов.

Эта взаимосвязь и сосуществование имели место несмотря на кастовую систему, не допускавшую тесного общения. Браки между последователями различных религий были большой редкостью, однако и в этом случае не было смешения, так как индуска обычно переходила в мусульманство. Не полагалось также совместного принятия пищи, но этот запрет не был столь строгим. Затворничество женщин препятствовало развитию общественной жизни. Это относилось скорее к чисто мусульманской среде, так как затворничество здесь было более строгим. Хотя мужчины — индусы и мусульмане часто встречались между собой, женщины обоих вероисповеданий были лишены такой возможности. Женщины, принадлежавшие к аристократии и высшим классам, были, таким образом, значи-

¹ И тем не менее даже в этот и в более поздние периоды было немало видных женщин — ученых и правительниц. В 12 веке Лакшми Девп написала обширный юридический комментарий к знаменитому своду законов средневекового периода — «Митахшгаре».

тельно больше отрезаны друг от друга и представляли собой более отличные в идеологическом отношении группы, так как они ничего не знали друг о друге.

Жизнь простого народа в деревне, то есть подавляющего большинства населения, строилась на более коллективных и общих началах. В ограниченной сфере сельской жизни индусы и мусульмане поддерживали между собой тесные взаимоотношения. Каста не служила здесь препятствием, и индусы смотрели на мусульман как на членов другой касты. Мусульмане были в большинстве своем обращенными индусами, еще сохранившими все старые традиции. Они хорошо знали быт индусов, их мифологию и эпос. Они выполняли одинаковую работу, вели сходный образ жизни, одинаково одевались, говорили на одном языке. Они посещали празднества друг у друга, а некоторые полурелигиозные торжества были у них общими. Они пели одни и те же народные песни. Большую часть их составляли крестьяне, кустари и ремесленники.

Третью крупную группу, промежуточную между знатью, с одной стороны, и крестьянством и ремесленниками — с другой, составлял торговый класс. Он состоял главным образом из индусов и хотя не обладал политической властью, но в значительной мере контролировал экономическую жизнь. Представители этого класса меньше поддерживали личные связи с мусульманами, чем высший и низший классы. Мусульмане, пришедшие в Индию извне, были феодалами по своей психологии и относились к торговле с презрением. Занятию торговлей мешало также и то, что ислам воспрещает взимание процентов. Мусульмане считали себя правящим классом, аристократией, они занимали государственные посты, владели земельными пожалованиями или являлись военачальниками. Среди них было также много ученых, находившихся при дворе или руководивших богословскими и другими академиями.

В могольский период многие индусы писали книги на персидском языке, который был официальным придворным языком. Некоторые из этих книг стали классическими в своем роде. В то же время мусульмане-ученые переводили санскритские книги на персидский язык и писали на хинди. Прославленными поэтами, слагавшими стихи на хинди, были Малик Мухаммед Джайси, автор «Падмавата», и Абд-ур-Рахим, хан-ханан, один из первых вельмож двора Акбара, и сын его опекуна; хан-ханан владел арабским, персидским и санскритским языками и был выдающимся поэтом на хинди. Одно время он был главнокомандующим императорской армии, и, тем не менее, он в своих произведениях воздавал хвалу Рану Пратапу из Мевара, который постоянно боролся против Акбара, так и не подчинившись ему. Хан-ханан восхищался патриотизмом своего боевого противника, его высоким чувством рыцарской чести и превозносил его. Именно на таком рыцарском и дружественном

подходе основывал Акбар свою политику, и ее переняли многие его советники и министры. Особенно привязан был Акбар к раджпутам, восхищаясь в них качествами, которыми обладал сам, — беззаветной доблестью, чувством рыцарской чести и верностью данному слову. Он склонил на свою сторону раджпуты, но при всех своих замечательных достоинствах раджпуты были представителями средневекового общества, которое уже изживало себя по мере роста новых сил. Акбар не замечал этих новых сил, так как он сам был пленником своего социального наследия.

Акбар достиг поразительных успехов: он создал чувство единства среди различных элементов Северной и Центральной Индии. Ему препятствовали в этом правящие классы, состоявшие преимущественно из людей чужестранного происхождения, религиозный и кастовый барьеры, прозелитствующая религия, противостоящая неподвижной, но чрезвычайно стойкой системе. Эти препятствия не исчезли, но, тем не менее, чувство единства продолжало расти. Это объяснялось привязанностью не только к личности Акбара, но и к созданной им системе. Его сын и внук — Джахангир и Шах Джахан — приняли эту систему и действовали в ее рамках. Они не были высокоодаренными людьми, но их правление было успешным, потому что они продолжали идти путем, проложенным Акбаром. Следующий правитель, Аурангзеб, человек более одаренный, но другого склада, свернул с проложенного пути и свел на нет то, что было создано Акбаром. Но он уничтожил это не полностью, и приходится поражаться тому, как, вопреки Аурангзебу и его слабым и жалким преемникам, сохранилось чувство благоговения перед созданной Акбаром системой. Это чувство было распространено на севере и в центре и не распространялось на юг и запад. Поэтому удар ему был нанесен из Западной Индии.

АУРАНГЗЕБ ОТВОДИТ НАЗАД СТЕЛКУ ЧАСОВ. РОСТ ИНДУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА. ШИВАДЖИ

Шах Джахан был современником французского короля Людовика XIV, «великого монарха»; в то время тридцатилетняя война опустошала Центральную Европу. Когда строился Версаль, в Агре были построены мавзолей Тадж-Махал и Жемчужная мечеть, а в Дели — Джами Масджид и Диван-и-ам и Диван-и-хас в императорском дворце. Эти прекрасные сооружения сказочной красоты отображают блеск Моголов в эпоху их расцвета. Двор Дели с его «павлиньим трон» был роскошнее и величественнее Версаля, но, подобно Версалью, он держался на нищете и эксплуатации народа. В Гуджарате и Декане свирепствовал ужасающий голод.

Тем временем морское могущество Англии росло и распространялось. Акбар знал только один европейский народ —

португальцев. При его сыне Джахангире английский флот разбил португальцев в индийских морях, и в 1615 году ко двору Джахангира явился посол короля Якова I сэр Томас Роу. Ему удалось получить разрешение на основание факторий. Первой была открыта фактория в Сурате, а в 1639 году основана фактория в Мадрасе. Свыше ста лет никто в Индии не считался с англичанами. Могольские правители и их советники не придавали значения тому факту, что англичане теперь господствовали на морских путях и фактически вытеснили португальцев. В правление Аурангзеба, когда империя Моголов заметно ослабела, англичане сделали организованную попытку расширить при помощи вооруженной силы свои владения в Индии. Это было в 1685 году. Хотя Аурангзеб был ослаблен и поглощен борьбой со своими врагами, ему все же удалось разбить англичан. Еще раньше французы создали в Индии свои опорные базы. Кипучая энергия Европы устремилась в Индию и на Восток как раз в тот момент, когда Индия быстро клонилась к упадку в политическом и экономическом отношении.

Во Франции продолжалось долгое царствование Людовика XIV, при котором были посеяны семена будущей революции. В Англии растущие средние классы отрубили голову своему королю, расцвела недолговечная республика Кромвеля, пришел и ушел Карл II, бежал Яков II. Парламент, представлявший в значительной мере новый торговый класс, ограничил права короля и установил свое господство.

В это время Аурангзеб занял Могольский престол, одержав победу в гражданской войне и заключив в темницу своего собственного отца Шах Джахана. Только человек, подобный Акбару, мог бы разобраться в создавшемся положении и обуздать поднимавшиеся новые силы. Возможно, что он смог бы и задержать развал своей империи, если бы любознательность и жажда знаний открыли ему значение новой техники и происходящих экономических сдвигов. Аурангзеб не только не мог понять настоящего, он был неспособен разобраться даже в недавнем прошлом: приверженец старины, хотя человек незаурядный и искренний, он пытался уничтожить дело своих предшественников. Этот фанатик, аскет и пуританин не был ценителем искусства и литературы. Он привел в ярость большинство своих подданных, вновь обложив индусов ненавистным им подушным налогом «джизия» и разрушив множество их храмов. Он оскорбил гордых раджпутов, бывших главной опорой империи Моголов. На севере он вызвал восстание сикхов, которые из мирной секты, представлявшей своеобразный синтез индусских и мусульманских идей, в результате репрессий и преследований превратились в воинствующее братство. В районе западного побережья Индии он восстановил против себя воинственных маратхов, потомков древних

Раштракутов, как раз в то время, когда в их среде появился блестящий полководец.

На всем обширном пространстве Могольской империи происходило брожение и рост освободительных настроений, представлявших собой смешение религиозных чувств и национализма. Это не был, конечно, современный национализм, и он, как правило, не охватывал всю Индию. Он носил следы феодализма, местнических настроений и сектантского духа. Раджпуты, больше других приверженные феодализму, на первый план ставили верность клану; сикхи (сравнительно немногочисленная группа в Пенджабе) были поглощены своей обороной и вряд ли могли видеть что-либо за пределами Пенджаба. Но сама религия имела ярко выраженное национальное происхождение, и все ее традиции были связаны с Индией. «Индийцы,— писал профессор Макдонелл,— являются единственной ветвью индо-европейской семьи, которая создала великую национальную религию — брахманизм и великую мировую религию — буддизм; все остальные, далекие от проявления оригинальности в этой области, давно уже приняли иностранную веру». Это сочетание религии с национализмом черпало силу и спаянность из обоих источников, но его основная слабость и недостаточность тоже были порождением этого смешения, ибо этот национализм мог быть только ограниченным и частичным, не включающим многочисленные элементы в Индии, находящиеся за пределами религиозной сферы. Индусский национализм был естественным плодом индийской почвы, но он неизбежно представлял собой препятствие для возникновения более всеохватывающего национализма, стоящего выше разногласий в области религии и убеждений.

Верно, что в этот период разложения, когда рушилась великая империя и множество авантюристов, как индийских, так и чужеземных, пытались выкроить для себя владения, национализм в нынешнем смысле этого слова вряд ли проявлялся вообще. Каждый отдельный авантюрист стремился к расширению собственной власти; каждая группа заботилась только о себе. Имеющиеся в нашем распоряжении данные рассказывают нам лишь об этих авантюристах, придавая больше значения их личности, чем глубоким явлениям, скрытым за этими событиями. Однако имеются отдельные свидетельства, говорящие о том, что, хотя многие авантюристы играли большую роль, дело не сводилось только к авантюризму. В частности, маратхи обладали более широкой концепцией, и по мере того как росла их мощь, значение этой концепции также усиливалось. В 1784 году сэр Уоррен Гастингс писал: «Лишь маратхи из всех народов Индостана и Декана, проникнуты идеей национальной приверженности, которая прочно проникла в сознание всего этого народа и могла бы, вероятно, объединить их вождей вокруг общего дела, если бы всему

государству угрожала серьезная опасность». Вероятно, это национальное чувство в значительной мере ограничивалось районом, население которого говорит на языке маратхи. Однако в политической и военной системе маратхов, а также в их обычаях не было косности и в их среде существовала некоторая внутренняя демократия. Это придавало им силы. Шиваджи, хотя он боролся с Аурангзебом, охотно пользовался услугами мусульман.

Столь же важным фактором упадка Могольской империи был развал экономической системы. Неоднократно происходили крестьянские восстания, причем некоторые были весьма крупными. Начиная с 1669 года крестьяне-джаты, населявшие прилегающий к столице район, неоднократно восставали против делийского правительства. Еще одним примером восстания бедняков был мятеж Сатнами, о которых один могольский вельможа писал, что это «шайка кровожадных, гнусных мятежников: мастеров по золоту, плотников, метельщиков, дубильщиков и других подлых существ». Прежде восстания поднимали только князья и аристократия. Теперь к этому средству прибегнул совсем иной класс.

В то время как империя раздиралась распрями, в Западной Индии росло и укреплялось новое государство маратхов. Шиваджи, родившийся в 1627 году, был замечательным предводителем закаленных горцев; его конница совершала далекие набеги, грабя город Сурат, где англичане создали факторию, и облагая налогом «чаутх» отдаленные районы Могольского государства. Шиваджи был типичным представителем возрождавшегося индусского национализма, черпавшим вдохновение в произведениях древних классиков, мужественным человеком, обладавшим высокими качествами вождя. Он объединил маратхов в сильную единую боевую группу, сплотил их вокруг национальной идеи и сделал их мощной силой, разрушившей Могольскую империю. Он умер в 1680 году, но мощь маратхов продолжала расти, пока они не стали господствующей силой в Индии.

МАРАТХИ И БОРЬБА АНГЛИЧАН ЗА ГОСПОДСТВО.

ПОБЕДА АНГЛИЧАН

В течение ста лет после смерти Аурангзеба, последовавшей в 1707 году, происходила сложная борьба за власть над Индией, в которой участвовало много претендентов. Могольская империя быстро разваливалась на части, и императорские наместники начали держать себя как полунезависимые правители. Однако престиж сидевшего в Дели потомка Моголов был еще так велик, что его власть формально признавалась даже тогда, когда он был совершенно беспомощен и являлся фактически пленником других. Эти сатрапы не имели

большой силы или значения, если не считать того, что они оказывали помощь главным претендентам на власть или являлись помехой для них. В первое время низам — правитель Хайдарабада приобрел, казалось, некоторое значение благодаря важному стратегическому положению его государства, расположенного на юге Индии. Но вскоре стало ясно, что его значение чисто фиктивное и что его государство было «соломенным чучелом», державшимся на ногах только при помощи внешних сил. Особенно характерным для низама были двуличие и способность использовать в своих интересах чужие неудачи без риска и опасностей для себя. Сэр Джон Шор характеризовал его как человека «совершенно разложившегося, лишенного энергии... и, следовательно, обреченного на положение вассала». Маратхи смотрели на низама как на одного из своих подвластных вождей, платящего им дань. Его попытка уклониться от выплаты дани и проявить независимость вызвала немедленное возмездие, и маратхи обратили в бегство его слабое и не слишком храброе войско. Он нашел убежище под крылом все усиливавшейся британской Ост-Индской компании и сумел сохранить Хайдарабад как государство благодаря этой вассальной зависимости. Более того, территория Хайдарабада была значительно расширена без сколько-нибудь значительных усилий с его стороны в результате победы англичан над правителем Майсура Типу-султаном.

В 1784 году Уоррен Гастингс писал о низаме Хайдарабада: «Его владения невелики по размерам и дают скудный доход; его военные силы совершенно ничтожны; ни в один период своей жизни он не отличался личным мужеством или предприимчивостью. Напротив, он всегда руководствовался правилом: разжигать пламя раздора среди своих соседей, чтобы пользоваться их слабостью и затруднениями, не принимая участие в каком-либо столкновении между ними и идя даже на унизительные жертвы, чтобы избежать случайностей войны»¹.

Серьезных претендентов на власть в Индии в 18 веке было четверо, из них двое индийского и двое иностранного происхождения. Индийскими претендентами были маратхи и Хайдар Али с его сыном Типу-султаном на юге. Иностранцами претендентами были англичане и французы. В первой половине того столетия казалось почти несомненным, что именно маратхи установят свое господство над всей Индией и станут преемниками Могольской империи. Еще в 1737 году их войска появились у самых ворот Дели, и не было силы, способной противостоять им.

В это самое время (в 1739 году) произошло новое вторжение на северо-западе: правитель Персии Надир-шах прорвался к Дели, убивая и грабя на своем пути, и захватил огромную добычу,

¹ Edward Thompson, The making of Indian Princes (1943), p. 1.

в том числе знаменитый «павлиний трон». Для него это был легкий набег, так как делийские правители были слабы, изнежены и совершенно непривычны к войне, а с маратхами Надир-шаху не пришлось столкнуться. В некотором смысле его набег облегчил задачу маратхам, которые в последующие годы проникли в Пенджаб. Вновь казалось, что близится установление господства маратхов в Индии.

Набег Надир-шаха имел два последствия. Он положил конец всяким претензиям на власть и господство делийских Моголов; отныне они превратились в тени, пользующиеся призрачной властью, в марионетки в руках каждого, кто был достаточно силен, чтобы управлять ими. В сущности они дошли до такого состояния еще до набега Надир-шаха: он только завершил этот процесс. И все же настолько сильна власть традиции и прочно укоренившегося обычая, что английская Ост-Индская компания, так же как и другие, продолжала чуть ли не до самой битвы при Плесси смиренно посылать им подарки в знак своего уважения к ним. И даже после этого в течение долгого времени Компания считала себя агентом делийского правителя и действовала в качестве такового; до 1835 года от его имени чеканилась монета.

Вторым последствием набега Надир-шаха было отделение Афганистана от Индии. Афганистан, входивший в течение многих веков в состав Индии, был теперь отторгнут и присоединен к владениям Надир-шаха. Через некоторое время, в результате заговора, Надир-шах был убит группой его собственных военачальников, и Афганистан стал независимым государством.

Маратхи ни в каком отношении не были ослаблены Надир-шахом и продолжали проникать все дальше в Пенджаб. Однако в 1761 году они были наголову разбиты при Панипате афганским захватчиком Ахмад-шахом Дуррани, правившим в то время Афганистаном. Лучшие силы армии маратхов погибли в этой катастрофе, и от мечты о создании империи им пришлось на время отказаться. Маратхи оправлялись от полученного удара постепенно, и их владения были разделены на ряд независимых государств, объединившихся в конфедерацию во главе с пешвой, находившимся в городе Пуна. Правителями наиболее крупных из этих государств были: в Гвалиоре — Синдхия, в Индоре — Холкар, в Бароде — Гаэквар. Конфедерация маратхов господствовала на большой территории Западной и Центральной Индии. Однако поражение, нанесенное маратхам Ахмад-шахом при Панипате, ослабило их именно в тот момент, когда английская Ост-Индская компания выходила на арену как крупная сила, владевшая в Индии значительной территорией.

В Бенгалии Клайв вероломством и подлогами и в очень малой степени силой оружия выиграл битву при Плесси в 1757 году. Эта дата, по мнению некоторых, знаменует начало

основания Британской империи в Индии. Это было непривлекательное начало, и скверный привкус его остался до сих пор. Вскоре англичане завладели всей Бенгалией и Бихаром. Одним из первых следствий их правления был страшный голод, опустошивший в 1770 году обе эти провинции. Погибло около трети населения этого богатого, обширного и густонаселенного района.

В Южной Индии борьба между Англией и Францией — одно из проявлений борьбы, происходившей во всем мире между этими двумя державами, — закончилась полной победой англичан, и французы были почти совершенно вытеснены из Индии.

После вытеснения французских сил из Индии остались три претендента на господство — маратхская конфедерация, Хайдар Али на юге и англичане. Несмотря на победу англичан при Плесси и на то, что ими были захвачены Бенгалия и Бихар, в Индии тогда, по существу, никто не смотрел на англичан как на господствующую силу, которой суждено было править всей Индией. Любой наблюдатель считал, что наибольшие шансы имели маратхи, которые занимали всю Западную и Центральную Индию вплоть до Дели и чьи отвага и боевые качества были хорошо известны. Хайдар Али и Типу-султан были грозными противниками англичан, они нанесли им тяжелое поражение и чуть не сломили мощь Ост-Индской компании. Но они находились на юге и не влияли непосредственно на судьбы Индии в целом. Хайдар Али был выдающейся личностью, одним из крупных деятелей в истории Индии. Ему было свойственно некоторое чувство национального единства, и он обладал дальновидностью вождя. Несмотря на хроническую тяжелую болезнь, причинявшую ему большие страдания, Хайдар Али проявлял поразительную выдержку и работоспособность. Он значительно раньше других понял значение морского могущества и осознал растущую опасность в лице англичан, опиравшихся на мощь своего флота. Он пытался объединить силы всех частей Индии, для того чтобы вытеснить англичан, и с этой целью направил послов к маратхам, к низаму и к Шуджауд-доулу в Ауд. Однако из этого ничего не вышло. Хайдар Али начал строить собственный флот и, захватив Мальдивские острова, сделал их центром судостроения и морской базой. Он умер в походе, находясь при своей армии. Его сын Типу продолжал укреплять флот. Типу также обратился с посланиями к Наполеону и к турецкому султану в Константинополь.

На севере, в Пенджабе, создавалось государство сикхов, возглавлявшееся Ранджит Сингхом. Впоследствии оно распространилось также на территорию Кашмира и Северо-западной пограничной провинции: но и это было окраинное государство, не оказавшее влияния на исход основной борьбы за власть. К концу 18 века стало ясно, что двумя решающими силами,

между которыми шла борьба, были маратхи и англичане. Все прочие государства и княжества находились в подчинении у этих сил и играли вспомогательную роль.

Правитель Майсура Типу-султан был окончательно разбит англичанами в 1799 году, и это расчистило поле боя для решающей схватки между маратхами и английской Ост-Индской компанией. Один из наиболее способных английских чиновников, служивших в Индии, Чарльз Меткаф писал в 1806 году: «В Индии имеются только две крупные силы — англичане и Махратта, все прочие государства признают влияние той или другой. Каждый дюйм, уступаемый нами, будет занят ими». Но между вождями маратхов также происходили раздоры; они боролись между собой за власть, и были поодиночке разбиты англичанами.

Однако маратхи все же одержали несколько серьезных побед и, в частности, нанесли англичанам жестокое поражение под Агрой в 1804 году, но к 1818 году мощь маратхов была окончательно сломлена, их крупнейшие вожди в Центральной Индии покорились и признали верховную власть Ост-Индской компании. С тех пор англичане стали безраздельными властителями большей части Индии, управляя страной непосредственно или через марионеточных князей, связанных с ними «субсидиарными» договорами¹. Пенджаб и некоторые другие отдаленные районы попрежнему не подчинялись англичанам, но создание Британской империи в Индии стало совершившимся фактом; имевшие место впоследствии войны с сикхами и гурками и в Бирме только округлили границы ее владений.

ОТСТАЛОСТЬ ИНДИИ. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО АНГЛИЧАН

Если бросить ретроспективный взгляд на этот период, может возникнуть впечатление, что англичанам удалось овладеть Индией в результате благоприятного стечения обстоятельств и ряда счастливых случайностей. Ценой исключительно небольших усилий по сравнению с достигнутыми блестящими результатами они завоевали великую империю и несметные богатства, что помогло Англии стать ведущей державой в мире. Кажется, что достаточно было незначительного поворота в ходе событий, чтобы их мечты потерпели крушение и их честолюбивым планам был положен конец. Англичане неоднократно

¹ «Субсидиарные» договоры — договоры, заключавшиеся Ост-Индской компанией с княжествами. Согласно этим договорам, княжества должны были оплачивать (субсидировать) войска Компании; Компания брала на себя поддержание власти правителей княжеств. Характерной чертой «субсидиарных» договоров был отказ княжеств от непосредственных внешних сношений. — *Прим. ред.*

терпели поражения от Хайдара Али и Типу-султана, маратхов, сикхов и гурков. Немного меньше счастливых случайностей — и они могли лишиться опорных пунктов в Индии или, в лучшем случае, удержат в своих руках только некоторые прибрежные территории.

Но более тщательный анализ приводит нас к выводу, что при тогдашних обстоятельствах случившееся было в какой-то мере неизбежным. Конечно, случайности тоже имели место, но нужно уметь воспользоваться случайностью. В то время, после развала Могольской империи, Индия пахотилась в состоянии распада и дезорганизации; в таком слабом и беспомощном состоянии она не была в течение многих веков. Поскольку организованная власть рухнула, поле действия оказалось открытым для авантюристов и новых претендентов на власть. Среди этих авантюристов и претендентов англичане и только англичане обладали тогда многими из качеств, необходимых для достижения успеха. Невыгодное для них положение заключалось прежде всего в том, что они были иноземцы, прибывшие из далекой страны. Но и это обстоятельство шло им на пользу, ибо никто не принимал их всерьез и не считал возможными претендентами на верховную власть в Индии. Поразительно, что эта иллюзия продолжала существовать еще долго после битвы при Плесси и что, выступая формально в качестве агентов призрачного дельйского императора, они укрепляли это ложное представление. Грабеж, которым они занимались в Бенгалии, и их своеобразные методы торговли создавали впечатление, что англичане главным образом гонятся за деньгами и сокровищами, а не за властью, и что они представляют собой большое, но временное зло, вроде Тимура или Надир-шаха, которые приходили, грабили и возвращались в свои страны.

Ост-Индская компания первоначально была создана для ведения торговых операций, и ее вооруженные силы были предназначены для охраны этой торговли. Постепенно и почти незаметно для других она расширила размеры территории, находившейся под ее контролем, главным образом путем участия в местных распрях, поддерживая одного соперника против другого. Войска Компании были обучены лучше местных войск и представляли ценность для любой стороны, поэтому Компания брала за свою помощь высокую плату. Так росла мощь Компании, и ее вооруженные силы увеличивались. Местное население смотрело на эти войска как на наемников, услуги которых можно купить. К тому времени, когда стало ясно, что англичане работают не на кого-нибудь, а только на самих себя, стремясь к политическому господству в Индии, они уже успели прочно укрепиться в стране.

Чувство вражды к чужеземцам, разумеется, существовало и нарастало с годами, но это было далеко не всеобщее или широко распространенное национальное чувство. Подоплека его

была феодальная, и лояльность проявлялась только по отношению к местному вождю. Повсеместная нищета, подобная обнищанию в Китае во времена военных диктаторов, вынуждала людей вступать в войска любого военачальника, который сулил регулярную плату или возможность грабежа. Войска Ост-Индской компании в значительной мере состояли из индийцев-сипаев. Только маратхи обладали известным национальным чувством, чем-то значительно большим, чем верность своему вождю, но и это чувство было узким и ограниченным. Они умудрялись восстанавливать против себя отважных раджпут-ов своим отношением к ним. Вместо того чтобы иметь их в качестве союзников, маратхи вынуждены были обращаться с ними как с противниками или недовольными, ропщущими вассалами. Между самими вождями маратхов также велась ожесточенная борьба и иногда возникала междоусобная война, несмотря на наличие некоего расплывчатого союза, под руководством пешвы. В решающие моменты они не оказывали друг другу поддержки, и их разбивали поодиночке.

Но все же маратхи дали ряд весьма одаренных государственных деятелей и полководцев. К их числу принадлежат Нана Фарнавис, пешва Баджи Рао I, Махададжи Синдхия из Гвалиора и Джесвант Рао Холкар из Индора, а также замечательная женщина — княгиня Ахалия Баи из Индора. Рядовые бойцы были стойки, редко оставляли свой пост и часто не колеблясь шли на верную смерть. Но, как это ни удивительно, за их мужеством как в военное, так и в мирное время часто чувствовались авантюризм и неумение. Их неосведомленность об окружающем мире была потрясающей, и даже их знание географии Индии было очень ограниченным. Более того, они не заботились о том, чтобы выяснить, что происходит в других местах и что предпринимают их враги. При такой ограниченности не могло быть дальновидной государственной политики и эффективной стратегии. Их быстрота передвижения и мобильность часто поражали и приводили в замешательство противника, но сами они смотрели на войну как на цепь доблестных атак и не больше. Они были замечательными воинами для партизанской войны. Позднее они реорганизовали свои войска, придав им более регулярный характер, но то, что они выгадали в вооружении, они проиграли в быстроте и мобильности, и им было трудно приспособиться к этим новым условиям. Они считали себя ловкими, но все же их было нетрудно перехитрить и в военное и в мирное время, так как их мысль была скована отжившими представлениями и не могла выйти за их пределы.

Разумеется, индийские правители быстро заметили превосходство обученных иностранных войск в области дисциплины и вооружения. Они приглашали французских и английских офицеров для обучения своих войск, и соперничество между

французами и англичанами помогало созданию индийских армий. Хайдар Али и Типу-султан также имели некоторое представление о значении морского могущества, и они сделали попытку, правда, безуспешную и запоздалую, создать флот, чтобы бороться с англичанами на море. В свою очередь, и маратхи делали слабые попытки в этом направлении. В Индии в тот период существовало судостроение, но нелегко было создать флот за короткий срок при наличии постоянного противодействия. С вытеснением французов из Индии многим французским офицерам, находившимся в армиях индийских государств, пришлось уехать. Оставшиеся иностранные офицеры, преимущественно англичане, часто покидали своих хозяев в критические моменты, а в некоторых случаях и предавали их, капитулируя и переходя на сторону противника (англичан) со своими войсками и казной. Эта зависимость от иностранных офицеров не только свидетельствовала об отсталости военной организации индийских государств, но, ввиду ненадежности этих офицеров, представляла также постоянный источник опасности. Англичане часто имели мощную «пятую колонну» как в государственном аппарате, так и в армиях индийских правителей.

Если маратхи, с их однородностью и групповым патриотизмом, отстали в области гражданской и военной организации, то другие индийские государства были еще более отсталыми. Раджпуты при всем их мужестве придерживались старофеодальных порядков, романтических, но совершенно неэффективных; кроме того, их раздирали междоусобицы. Многие из них из чувства вассальной верности сюзерену, а отчасти в результате политики Акбара в прошлом, поддерживали слабеющую власть Дели. Но делийское государство было слишком хилым, чтобы использовать это, и раджпуты деградировали, становясь игрушкой в руках других сил, и в конечном счете попали в орбиту влияния маратхского правителя Синдхия. Некоторые из вождей раджпутов, спасая себя, пытались осторожно играть на равновесии сил. Различные мусульманские правители и вожди Северной и Центральной Индии были в такой же мере феодалами и такими же отсталыми в своих взглядах, как и раджпуты. Они не оказывали существенного воздействия на обстановку и лишь усиливали неразбериху и бедствия среди народных масс. Некоторые из них признали верховную власть маратхов.

Гурки, жители Непала, были прекрасными, дисциплинированными воинами. Они не уступали любым войскам, которые могла выставить Ост-Индская компания, а возможно, даже превосходили их. Хотя организация гурков была полностью феодальной, их привязанность к родной земле была огромна, и это чувство делало их отважными бойцами за независимость своей родины. Они наводили страх на англичан; однако это не могло повлиять на исход основной борьбы, происходившей в Индии.

Маратхам не удавалось утвердиться в обширных районах Северной и Центральной Индии, куда они проникли. Они приходили и уходили, не закрепляясь там прочно. Возможно, что в то время никто не смог бы закрепиться в этих районах ввиду переменного успеха военных действий; и действительно, многие территории, подпавшие под контроль англичан или признавшие их верховную власть, находились в значительно худшем положении, и англичане не могли там обосноваться и закрепить над ними свою власть.

Если методы борьбы маратхов (и это в еще большей степени относится к другим индийским правителям) были неумелыми и авантюристическими, то англичане в Индии действовали как настоящие профессионалы. Многие из английских руководителей были в значительной мере авантюристами, но в политике, которую они все вместе проводили, каждый в отведенной ему области, они ни в коей мере не были авантюристами. «Секретариат Ост-Индской компании, — писал сэр Эдуард Томпсон, — постоянно держал при местных индийских дворах такую группу выдающихся людей, какой даже Британская империя вряд ли располагала в течение какого-либо другого периода истории». Одна из главных обязанностей британских резидентов при этих дворах заключалась в том, чтобы подкупать и развращать министров и других должностных лиц. Как утверждает один историк, англичане создали совершенную систему шпионажа. Они располагали полной информацией о дворах и войсках своих противников, тогда как последние не имели никакого представления о том, что делают и намереваются делать англичане. «Пятая колонна» англичан действовала постоянно; поэтому в критические моменты, в разгар боя, имели место дезертирство и переход армий на сторону англичан, ослаблявшие индийские силы. Большую часть сражений они выигрывали еще до того, как начинались военные действия. Так было при Плесси, и подобные случаи повторялись часто, вплоть до войн с сикхами. Известным примером дезертирства был переход на сторону англичан крупного военачальника, находившегося на службе у правителя Гвалиора Синдхия; этот военачальник тайно договорился с англичанами и во время сражения перешел на их сторону со всей своей армией. В награду за это он был сделан впоследствии правителем нового индийского княжества, выкроенного из территории государства Синдхии, которого он предал. Княжество существует до сих пор, но имя этого военачальника стало синонимом измены и предательства, подобно имени Квислинга в наше время.

Таким образом, англичане обладали более совершенной политической и военной организацией, хорошо спаянной и имевшей очень способных руководителей. Они были значительно лучше осведомлены, чем их противники, и полностью использовали разлад и распри между индийскими государствами.

Их господство на море обеспечивало им надежные базы и возможности для пополнения своих ресурсов. Даже испытывая временные поражения, они имели возможность собраться с силами и вновь перейти в наступление. Овладев Бенгалией после битвы при Плесси, они приобрели огромные богатства и ресурсы для ведения войн с маратхами и другими народностями, и каждое новое завоевание увеличивало эти ресурсы. Для индийских же государств поражение часто было равносильно непоправимой катастрофе.

Этот период войн, захватов и грабежа превратил Центральную Индию, Раджпутану и некоторые части юга и запада в опустошенные районы, население которых было обречено терпеть насилие, горе и нищету. Вслед за армией шли разбойничьи шайки, отнимавшие деньги и имущество у населения этих районов. Некоторые районы Индии напоминали собой Центральную Европу периода Тридцатилетней войны. Плохо было почти везде, но хуже всего было в районах, находившихся под контролем или властью англичан. «... трудно представить себе что-нибудь чудовищнее, чем зрелище, которое являет Мадрас и вассальные государства Ауд и Хайдарабад,— это потрясающий кошмар нищеты. В противоположность этому районы, где правит Нана (маратхский вождь Фарнавис), являются оазисами спокойствия и безопасности», — пишет сэр Эдуард Томпсон.

До этого времени, несмотря на развал Могольской империи обширные районы Индии, как это ни странно, не находились в состоянии беспорядка. В Бенгалии в долгое правление полунезависимого могольского наместника Алаверди царил мир и порядок, процветали торговля и ремесла, увеличивая огромное богатство этой провинции. Вскоре после смерти Алаверди, в 1757 году, произошла битва при Плесси, и Ост-Индская компания утвердила себя в качестве агента делийского императора, хотя в действительности она была совершенно независимой и могла делать все, что ей было угодно. Затем началось ограбление Бенгалии Компанией и ее агентами и комиссионерами. Через несколько лет после Плесси в Индоре (Центральная Индия) вступила на престол Ахалия Баи, правившая тридцать лет (1765—1795). Этот период стал почти легендарным, как период безупречного порядка, умелого управления и процветания народа. Ахалия Баи была очень способной правительницей и организатором. Она пользовалась при жизни большим уважением, а после смерти была причислена благодарным народом к лику святых. Таким образом, в то самое время, когда Бенгалия и Бихар под новой властью Ост-Индской компании испытывали упадок и подвергались организованному ограблению, когда в них царил политический и экономический хаос, приведший к ужасающему голоду, Центральная Индия, а также многие другие части страны процветали.

Англичане обладали властью и богатством, но они не считали себя обязанными хорошо или хоть как-нибудь организовать управление страной. Коммерсанты из Ост-Индской компании интересовались барышами и сокровищами, а не улучшением положения или хотя бы защитой тех, кто находился под их властью. В частности, в вассальных княжествах существовал полный разрыв между властью и ответственностью, налагаемой ею.

Когда англичане покончили с маратхами и закрепили свои завоевания, они занялись гражданским управлением, установив какой-то порядок. Однако в государствах, связанных с ними «субсидиарными» договорами, упорядочение шло очень медленно, ибо в так называемых защищаемых княжествах был постоянный разрыв между ответственностью за управление и правами, которые давала власть.

Нам часто напоминают, боясь, как бы мы не забыли, что англичане избавили Индию от хаоса и анархии. Это верно в том смысле, что они установили порядок после периода, который маратхи называли «временем ужаса». Но этот хаос и эта анархия были, по крайней мере частично, вызваны политикой Ост-Индской компании и ее представителей в Индии. Надо полагать также, что после окончания борьбы за власть, даже без добрых услуг англичан, которые так охотно были предоставлены, в Индии могли быть установлены мир и нормальное управление. Пятитысячелетняя история Индии, как и история других стран, знает такие примеры.

РАНДЖИТ СИНГХ И ДЖАЙ СИНГХ

Несомненно, что Индия стала добычей иностранных завоевателей из-за отсталости ее народа и в силу того, что англичане были представителями более совершенного и передового общественного строя. Контраст между руководящими деятелями обеих сторон разителен: индийцы при всех своих дарованиях не выходили за пределы узкой, ограниченной сферы мышления и действия, они не знали, что происходит в других странах, и не были поэтому в состоянии приспособиться к изменившимся условиям. Даже когда у отдельных лиц пробуждалась любознательность, они не были в состоянии выбраться из той скорлупы, которая держала в плену их самих и народ. Англичане же обладали гораздо более широким кругозором; события, происходившие в их стране, во Франции и в Америке, встряхнули их и заставили мыслить. Совершились две великие революции. Войны, которые вели французские революционные армии и Наполеон, совершенно преобразовали военную науку. Даже самые невежественные англичане, прибывавшие в Индию, знакомились в пути с различными странами мира. В самой Англии происходили великие открытия, предвещавшие промышленный переворот, хотя, пожалуй, в то время

лишь немногие понимали их огромное значение. Но ферменты перемен вызвали сильное брожение, и люди испытывали это воздействие. Прорывалась наружу бурная энергия, заставлявшая англичан устремляться в дальние страны.

Те, кто писал историю Индии, были настолько поглощены историей войн и мятежей, политических деятелей и полководцев того времени, что они очень мало сообщают нам о том, что происходило в сознании Индии, как совершались социальные и экономические процессы. Из всех этих убогих описаний можно извлечь лишь отдельные, случайные намеки. Как видно, в этот ужасный период люди, как правило, были подавлены и измучены, покорно подчиняясь воле злой судьбы, ошеломлены и лишены любознательности. Должно быть, имелось много людей, проявивших любознательность и пытавшихся понять новые действующие силы, но их захлестнул ход событий и они не могли воздействовать на них.

Одним из таких людей, преисполненных любознательности, был махараджа Ранджит Сингх, сикх, из джатов, создавший в Пенджабе княжество, территория которого в дальнейшем распространилась на Кашмир и Пограничную провинцию. И у него были слабости и пороки, но, тем не менее, он был выдающейся личностью. Француз Жакмон называл его «исключительным храбрецом» и писал, что «Ранджит Сингх чуть ли не первый индеец с пытливым умом, которого я видел, и его любознательность компенсирует апатичность всей нации». «Беседа с ним потрясает», — добавляет Жакмон¹. Следует иметь в виду, что, как правило, все индийцы, и особенно индийская интеллигенция, очень сдержанны. В то время лишь немногие из них могли проявить желание поддерживать связи с иностранными военными руководителями и авантюристами в Индии, действия которых часто приводили их в ужас. Поэтому такие образованные люди старались оградить свое достоинство, держась как можно дальше от иностранцев, и встречались с ними только в официальной обстановке, когда к этому вынуждали обстоятельства. Индийцы, с которыми обычно общались англичане и другие иностранцы, были либо окружавшие их приспособленцы или холопы, либо же министры индийских дворов, большей частью продажные и интриганы.

Ранджит Сингх не только обладал любознательным и пытливым умом, он был исключительно гуманным человеком — и это в то время, когда Индия и весь мир были насквозь проникнуты жестокостью и бесчеловечностью. Он создал государство и мощную армию, хотя и не любил войн. «Еще не было создано такой обширной империи одним человеком почти без применения преступных методов», — говорит Принсеп. В то время

¹ Цитируется по книге Edward Thompson «The making of Indian Princes», 1943, p. 158.

когда в Англии даже мелкие кражи карались смертной казнью, Ранджит Сингх отменил смертную казнь вообще. «Вне военных действий, — пишет посетивший его Осборн, — он никогда не лишал людей жизни, хотя на его собственную жизнь неоднократно совершались покушения. В его правление было меньше вопиющих жестокостей и угнетения, чем в царствование многих более цивилизованных монархов»¹.

Другим выдающимся государственным деятелем Индии, хотя и иного типа, был Савай Джай Сингх из Джайпура в Раджпутане. Он жил в более раннее время и умер в 1743 году. Савай Джай Сингх правил в период развала, следовавшего за смертью Аурангзеба. Он был достаточно умен и гибок и выдержал много ударов и перемен, быстро следовавших друг за другом. Джай Сингх признал верховную власть делийского императора. Убедившись в том, что наступающие маратхи так сильны, что задержать их невозможно, он заключил с ними соглашение от имени императора. Но меня интересуют не его политические и военные успехи. Будучи храбрым воином и превосходным дипломатом, он представлял собой и нечто значительно большее. Он был математиком и астрономом, ученым и градостроителем и проявлял интерес к изучению истории.

Джай Сингх построил большие обсерватории в Джайпуре, Дели, Удждайини, Бенаресе и Матхуре. Узнав от португальских миссионеров об успехах астрономии в Португалии, он послал своих людей с одним из миссионеров ко двору португальского короля Мануэла. Мануэл направил к Джай Сингху своего представителя Ксавье де Сильва с таблицами де ла Гира. Сравнив эти таблицы со своими собственными, Джай Сингх пришел к выводу, что португальские таблицы менее точны и содержат ряд ошибок. Он объяснял это «недостаточным диаметром» применявшихся инструментов.

Джай Сингх был, разумеется, хорошо знаком с индийской математикой. Он изучал древнегреческие трактаты и знал также новейшие достижения европейских математиков. У него имелись в переводе на санскритский язык некоторые греческие книги (произведения Эвклида и др.), а также европейские труды по плоской и сферической тригонометрии и по составлению и применению логарифмов. Он велел перевести также и арабские книги по астрономии.

Джай Сингх основал город Джайпур. Проявляя интерес к градостроительству, он собрал планы ряда европейских городов своего времени, а затем разработал собственный план. Многие из этих планов старых европейских городов хранятся сейчас в музее Джайпура. Город Джайпур был так хорошо и разумно спланирован, что до сих пор считается образцом городского планирования.

¹ Цитируется по книге Edward Thompson «The making of Indian Princes», 1943, pp. 157—158.

Все это и многое другое Джай Сингх совершил за свою сравнительно короткую жизнь, среди непрерывных войн и придворных интриг, в которых часто оказывался замешанным и он сам. Он умер через четыре года после нашествия Надир-шаха. Джай Сингх был бы выдающимся человеком в любой стране и в любое время. Тот факт, что он появился и действовал как ученый в типично феодальном окружении Раджпутаны, в один из самых мрачных периодов индийской истории, в период упадка, войн и смуты, весьма показателен. Это говорит о том, что дух научного исследования не был мертв в Индии и что там действовали скрытые силы, которые могли бы принести богатые плоды, если бы им дали возможность созреть. Джай Сингх не был представителем старины или одиноким мыслителем во враждебном и неспособном понять его окружении. Он был человеком своего времени, привлечшим к своим работам многих ученых. Некоторых из них он направил с миссией в Португалию, не смущаясь обычаями и запретами. Вполне возможно, что в стране нашлось бы много своих талантливых людей для научной работы, как теоретической, так и технической, если бы только имелась возможность для деятельности. Этой возможности не было в течение долгого времени. Даже когда беспорядки и смуты были уже позади, научная деятельность не получала поощрения со стороны тех, кто стоял у власти.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИИ. ДВЕ АНГЛИИ

Каково же было экономическое положение Индии в период, когда происходили все эти важные политические события? В. Энсти писал, что вплоть до 18 века «применявшиеся в Индии методы производства и организация производства и торговли могли выдержать сравнение с теми, которые были приняты в любой другой стране света». Индия была высокоразвитой производящей страной, вывозившей свои готовые изделия в европейские и другие страны. Существовала эффективная и хорошо организованная во всей стране банковская система, и «хунди», или векселя, выданные крупными торговыми или финансовыми фирмами, принимались не только по всей Индии, но и в Иране, в Кабуле, Герате, а также Ташкенте и в других городах Средней Азии. Был развит торговый капитал, существовала разветвленная сеть агентов, маклеров, комиссионеров и посредников. Процветало судостроение, и один из флагманских кораблей одного английского адмирала во время наполеоновских войн был построен в Индии индийской фирмой. Фактически в области производства, торговли и финансов Индия находилась на уровне любой другой страны периода, предшествовавшего промышленному перевороту. Достижение такого уровня было бы невозможным, если бы в стране в течение длительных периодов не было устойчивого и мирного

правления и если бы ее дороги не были безопасны для передвижения и для торговли.

Первоначально иностранных авантюристов привлекало в Индию высокое качество ее готовых изделий, находивших большой сбыт в Европе. Главным занятием Ост-Индской компании в первый период ее существования была торговля индийскими товарами в Европе; это была очень выгодная торговля, дававшая огромные барыши. Производство в Индии было настолько эффективным и хорошо организованным, и мастерство индийских кустарей и ремесленников ценилось так высоко, что они могли выдержать конкуренцию даже с более совершенной техникой производства, существовавшей в Англии. Когда в Англии начался великий машинный век, индийские товары продолжали поступать в огромном количестве, и путь этим товарам приходилось преграждать весьма высокими таможенными пошлинами, а в некоторых случаях и запрещать их ввоз.

В 1757 году, том самом, когда состоялась битва при Плесси, Клайв писал о Муршидабаде в Бенгалии, что этот город «так же велик, многолюден и богат, как Лондон, с той разницей, что в первом из них имеются лица, обладающие неизмеримо большим богатством, чем во втором». Город Дакка в Восточной Бенгалии славился тончайшим муслином. Но эти два города, хотя и крупные, находились на окраине Индостана. На всем протяжении огромной страны имелись еще более крупные города и много промышленных и торговых центров; существовала очень остроумная система быстрой передачи новостей и сведений о рыночных ценах. Крупные фирмы часто получали сообщения даже о происходивших войнах задолго до того, как соответствующие депеши поступали в конторы Ост-Индской компании. Таким образом, экономика Индии достигла такого высокого уровня, какой только был возможен в период, предшествовавший промышленному перевороту. Трудно сказать, содержала ли она в себе семена дальнейшего прогресса или она была слишком скована неподвижным общественным строем. Однако представляется вполне возможным, что при нормальных условиях в индийской экономике произошли бы такого рода сдвиги и она начала бы по-своему приспособляться к новым условиям производства. Но все же, хотя она и созрела для сдвига, его осуществление требовало коренного переворота в самой ее структуре. Возможно, что для этого понадобился бы какой-то катализатор. Ясно, что, каким бы высоким ни был уровень развития и организации неиндустриализованной экономики Индии, она не могла бы долго конкурировать с изделиями индустриальных держав. Индия должна была или индустриализироваться, или смириться с иностранным экономическим проникновением, которое повлекло бы за собой политическое вмешательство. На деле же первым пришло

иностранное политическое господство, и оно привело к быстрому разрушению экономики, которую создала Индия, а взамен ее не было создано ничего позитивного или конструктивного. Ост-Индская компания представляла одновременно английскую политическую власть, интересы английского капитала и его экономическую мощь. Она была верховной властью и, являясь компанией торговцев, стремилась наживать деньги. Именно в то время, когда Ост-Индская компания с поразительной быстротой и в фантастических количествах наживала эти деньги, Адам Смит писал о ней в 1776 году в «Исследовании о природе и причинах богатства народов»: «Правление монопольной компании купцов является, пожалуй, наилучшей формой правления для любой страны».

Хотя группы, представлявшие торговлю и производство в Индии, были богаты и многочисленны и даже играли руководящую роль в ее экономике, они не обладали политической властью. Государственная власть была деспотической и в значительной мере носила еще феодальный характер. Фактически она была тогда в еще большей мере феодальной, чем в какой-либо предыдущий период истории Индии. Следовательно, в Индии не существовало среднего класса, обладающего достаточной силой или хотя бы сознательно стремящегося захватить власть, как это было в некоторых западных странах. Народ был в общем равнодушен и покорен. Таким образом, существовала брешь, которая должна была быть заполнена до того, как мог быть совершен какой-либо переворот. Возможно, что эта брешь образовалась из-за неподвижности индийского общества, не желавшего никаких изменений, несмотря на происходившие в мире перемены, ибо всякая цивилизация, сопротивляющаяся переменам, деградирует. То общество, которое существовало, не могло больше играть созидательной роли. Перемены были необходимы уже давно.

В политическом отношении англичане к тому времени значительно ушли вперед. Они уже совершили политическую революцию и установили власть парламента над королем. Средние классы Англии, сознавая свою растущую силу, были полны стремления к развитию. Эта жизнеспособность и энергия — признак растущего прогрессивного общества — были ясно видны в Англии. Они проявили себя в различных областях и прежде всего в изобретениях, возмещавших промышленный переворот.

Интересно, что же представлял собой в то время английский правящий класс? Видные американские историки Чарльз и Мэри Бирд рассказывают о том, как в результате победы американской революции внезапно были изгнаны из королевских провинций в Америке «английский правящий класс — класс, свывшийся с варварским уголовным кодексом, ограниченной и нетерпимой университетской системой, государственным

аппаратом в виде огромной пирамиды из постов и привилегий, с презрением к мужчинам и женщинам, трудящимся на полях и в мастерских, с отказом массам в образовании, навязыванием государственной религии как диссидентам, так и католикам, с господством сквайров и священников в графствах и селах, со зверской жестокостью в армии и флоте, системой наследования по праву первородства, поддерживающей господство помещного дворянства, с толпами голодных чиновников, пресмыкающихся перед королем ради постов, sinecur и пенсий, и таким устройством церкви и государства, которое закрепило бы господство над массами этого нагромождения спеси и грабежа. Американские революционеры освободили колониальных подданных британской короны от этой тяжести. В течение одного-двух десятилетий после освобождения они произвели такие преобразования в законодательстве и в политике, на которые в метрополии потребовалось сто или больше лет упорной агитации, — преобразования, которые дали государственным деятелям, возглавлявшим эту агитацию, право на бессмертие в английской истории»¹.

Американская Декларация независимости, явившаяся поворотным пунктом в истории свободы, была подписана в 1776 году, а через шесть лет после этого колонии отделились от Англии и начали осуществлять подлинную интеллектуальную, экономическую и социальную революцию. Система землевладения, созданная под влиянием Англии и по английскому образцу, была полностью преобразована. Многие привилегии были отменены, крупные поместья конфискованы, а земля распределена в виде небольших наделов. Начался захватывающий период пробуждения, бурной умственной и экономической деятельности. Свободная Америка, сбросив феодальные путы и избавившись от иностранного владычества, двинулась вперед гигантскими шагами.

Во Франции Великая революция разрушила символ старого порядка — Бастилию, смела феодализм и короля и провозгласила перед всем миром права человека.

Что же происходило в это время в Англии? Перепуганная этими революционными переворотами в Америке и Франции, Англия стала еще более реакционной, и ее свирепый и варварский уголовный кодекс стал еще более жестоким. Когда в 1760 году на английский престол вступил Георг III, существовал список 160 преступлений, за совершение которых мужчины, женщины или дети подлежали смертной казни. Когда в 1820 году кончилось его долгое царствование, к этому страшному списку было добавлено еще около ста преступлений, караемых смертью. К рядовому солдату английской армии относились хуже, чем к рабочему скоту, по отношению к нему

¹ The Rise of American Civilisation, 1928, Vol. I, p. 292.

проявлялась неслыханная жестокость и бесчеловечность. Смертные приговоры стали обычным явлением, но еще больше была распространена порка, которой подвергали публично. Эта порка в несколько сот ударов плетью либо приводила к смерти, либо настолько уродовала жертву, что на теле до гробовой доски оставались страшные следы.

В этой области, как и во многих других областях, связанных с проявлением человечности и уважения к личности и к группе, Индия была значительно более передовой страной, и ее цивилизация стояла неизмеримо выше. Хотя воспитание было старомодное, уровень грамотности в Индии в то время был выше, чем в Англии и в других европейских странах. Пожалуй, было больше учтивости в обращении. Общее положение народных масс в Европе было отсталым и тяжелым и весьма невыгодно отличалось от условий, преобладавших в Индии. Но имелось следующее существенное различие: в Западной Европе подспудно действовали новые силы и живые течения, приносившие с собой перемены; в Индии же условия были значительно более статичными.

Англия пришла в Индию. Когда королева Елизавета в 1600 году выдала Ост-Индской компании хартию, был еще жив и творил Шекспир. В 1611 году был издан английский официальный перевод Библии. В 1608 году родился Мильтон. Затем были Хэмпден и Кромвель и политическая революция. В 1660 году было основано Королевское общество, так много сделавшее для прогресса науки. Через сто лет, в 1760 году, был изобретен механический летучий челнок, за ним вскоре последовали прядельная машина «Дженни», паровой двигатель и ткацкий станок.

Какая из двух Англий пришла в Индию? Англия Шекспира и Мильтона, Англия благородных речей, писаний и смелых деяний, политической революции и борьбы за свободу, науки и технического прогресса или Англия жестокого уголовного кодекса и грубости в обращении, феодальных пережитков и реакции? Ибо существовали две Англии, так же как и в каждой стране существуют эти две стороны национального характера и культуры. «В Англии, — пишет сэр Эдуард Томпсон, — разрыв между высшим и средним уровнем нашей цивилизации всегда был огромен; я сомневаюсь, существует ли нечто подобное в любой стране, с которой мы пожелаали бы сравнить себя, и этот разрыв уменьшается так медленно, что часто кажется, будто он вовсе не уменьшается»¹.

Обе Англии живут бок о бок, влияя друг на друга, и не могут быть разделены; не могла также одна из них прийти в Индию, предав другую полному забвению. Но в каждом важном действии одна из них играет главную роль, преобладая над другой, и эту роль в Индии неизбежно должна была играть

¹ Making of Indian Princes, 1943, p. 264.

именно дурная Англия, и она должна была вступить в соприкосновение с дурной Индией и поощрять ее в этом процессе.

Завоевание независимости Соединенными Штатами Америки и потеря свободы Индией произошли примерно одновременно. Оглядываясь на прошедшие полтора столетия, индеец с грустью и завистью взирает на огромные успехи, достигнутые Соединенными Штатами за это время, и сравнивает их с тем, что сделано и чего не было сделано в его собственной стране. Верно, конечно, что американцы имеют много достоинств, а у нас много недостатков, что Америка была девственной почвой, чистой доской, на которой можно было писать заново, тогда как мы были скованы древними воспоминаниями и традициями. И все же не исключено, что если бы Англия не взяла на себя это тяжелое бремя в Индии и не пыталась бы так долго, как она говорит, обучать нас трудному искусству самоуправления, в котором мы были так мало искушены, Индия могла бы быть не только более свободной и процветающей, но и значительно более передовой в области науки и искусства и всего того, ради чего стоит жить.

Глава седьмая

ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ (1). КОНСОЛИДАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА И ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ИДЕОЛОГИЯ ИМПЕРИИ. НОВАЯ КАСТА

«Наши попытки изложить историю Индии вызывают, пожалуй, большее негодование, чем все то, что мы делали до сих пор». Эти слова принадлежат англичанину, хорошо знакомому с Индией и ее историей. Трудно сказать, какие действия больше всего возмущали индийцев в истории английского владычества в Индии. Перечень этих деяний весьма пространен и разнообразен. Несомненно одно, что работы англичан по истории Индии, особенно относящиеся к так называемому английскому периоду, вызывают резкое негодование индийцев. История почти всегда пишется победителями и завоевателями и отражает их точку зрения или, по крайней мере, версии победителей дается предпочтение, и она берет верх. Вполне вероятно, что все ранние данные об ариях в Индии, их эпосе и традициях прославляют ариев и пристрастны в отношении народа той страны, которую они подчинили. Никто не способен полностью отрешиться от взглядов своего народа и преодолеть ограниченность своей культуры, а при наличии конфликта между народами и странами малейшее стремление к объективности рассматривается как предательство своего народа. Война, представляющая собой высшее выражение такого конфликта, приводит к преднамеренному отказу от справедливости и объективности во всем, что касается враждебной нации; ум ожесточается и отвергает все методы подхода за исключением одного. Основная потребность момента — это оправдать собственные действия и осудить, очернить действия врага. Истина скрывается где-то на дне глубокого колодца, а надо всем царит ложь, открытая и бесстыдная.

Даже при отсутствии настоящей войны, между соперничающими странами и противоречивыми интересами часто существует скрытая война и конфликт. В стране, находящейся под властью чужеземцев, такой конфликт внутренне обусловлен и носит постоянный характер, воздействуя на мысли и поступки людей и извращая их; военные настроения никогда не исчезают

полностью. В древние времена, когда война с ее последствиями, жестокость, захват чужих территорий и порабощение народов воспринимались как естественный ход событий, не было особой необходимости в маскировке или оправдании этих явлений с какой-либо иной точки зрения. Но с развитием более высоких норм морали возникла потребность в оправдании этих действий, и это ведет к извращению фактов, иногда умышленному, а зачастую бессознательному. Таким образом, лицемерие превозносит добродетель, в то время как лживое, отвратительное благочестие вступает в союз с преступными деяниями.

В любой стране, особенно в такой огромной стране, как Индия с ее сложной историей и смешанной культурой, всегда можно найти нужные факты и тенденции для оправдания того или иного тезиса, который затем послужит признанной основой для нового аргумента. Говорят, Америка — страна противоречий, несмотря на всю ее стандартизацию и единообразие. Насколько же больше противоречий и несоответствий должно тогда быть в Индии. Тут мы можем найти, как и в любой другой стране, то, что нам требуется, и на основе такой предвзятой концепции мы можем построить систему убеждений и взглядов. И тем не менее такое здание будет построено на шатком фундаменте и даст неправильное представление об истинном положении вещей.

Недавний период истории Индии, то есть период английского владычества, настолько тесно связан с современными событиями, что страсти и предрассудки сегодняшнего дня оказывают сильнейшее влияние на наше толкование того периода. Возможно, как англичане, так и индийцы ошибаются, хотя их ошибки диаметрально противоположны. Подавляющее большинство документов и отчетов, на основе которых вырисовывается и составляется история Индии, исходят из английских источников и неизбежно отражают английскую точку зрения. Сама обстановка поражения и развала препятствовала надлежащей записи индийской стороны событий, а многие имевшиеся записи были уничтожены во время великого восстания 1857 года. Те же записи, которые избежали уничтожения, были спрятаны в фамильных архивах и не могли быть опубликованы из боязни последствий. Они оставались разбросанными, малоизвестными, и многие из них так и погибли в рукописях от нашествия термитов и других насекомых, которыми изобилует Индия. Впоследствии, когда некоторые из этих документов были обнаружены, они пролили новый свет на многие исторические события. Даже написанную англичанами историю Индии пришлось несколько изменить; вместе с тем сложилась индийская концепция истории, во многом значительно отличающаяся от английской. В основе этой концепции лежит также масса традиций и преданий, связанных не с далеким прошлым, но с событиями тех

времен, живыми свидетелями, а нередко и жертвами которых были наши деды и прадеды. Историческая ценность этих традиций невелика, но их значение состоит в том, что они позволяют нам понять те условия, которые воздействуют на индийское мышление. Злодей в глазах англичан в Индии нередко является национальным героем для индийцев, а те, кого англичане осыпали почестями и наградами, часто считаются большинством индийцев квислингами и предателями. Это пятно лежит и на их потомках.

История американской революции освещалась по-разному англичанами и американцами, и даже теперь, когда былые страсти уже улеглись и между английским и американским народом установилась дружба, версия одной стороны вызывает возмущение у другой. В наши дни Ленин для многих известных английских государственных деятелей является чудовищем и разбойником, но миллионы людей смотрят на него как на спасителя и величайшего человека эпохи. Эти примеры дадут нам некоторое слабое представление о том возмущении, которое испытывают индийцы, когда их заставляют изучать в школах и колледжах так называемую историю, в которой всесторонне принижают Индию, поносят тех, чью память она чтит, прославляют и воспевают достижения английского владычества в Индии.

Гопал Кришна Гокхале как-то писал с присущей ему мягкой иронией о непостижимой мудрости провидения, предопределившего связь Индии с англичанами. Сыграла ли здесь роль действительно непостижимая мудрость провидения, или некий исторический процесс, или, наконец, просто случай, но приход англичан в Индию сблизил два совершенно различных народа или, во всяком случае, должен был сблизить; однако на деле они редко обращались друг к другу, и связи между ними были косвенные. Английская литература и английские политические идеи оказывали влияние только на небольшую прослойку людей, владевших английским языком. Но для этих политических идей, несмотря на динамичность их содержания, в то время в Индии не было подходящей почвы. Прибывшие в Индию англичане не принадлежали к числу политических или социальных революционеров; это были консерваторы, представлявшие самый реакционный класс Англии, а сама Англия была в некоторых отношениях одной из самых консервативных стран Европы.

Воздействие западной культуры на Индию было воздействием динамического общества и «современного» сознания на статичное, прикованное к средневековому образу мышления общество, которое хотя и было изощренным и по-своему развитым, но не могло дальше прогрессировать в силу присущей ему ограниченности. И все же, как это ни удивительно, носители этого исторического процесса не только совершенно не сознавали

своей миссии в Индии, но как класс на деле и не представляли этого процесса. В Англии их класс боролся против этого исторического процесса, но противостоявшие ему силы были слишком велики и сдержать их было невозможно. В Индии англичане были хозяевами положения и им удалось затормозить эти перемены и сам этот процесс, который в более широком смысле они представляли. Англичане поощряли и упрочили положение социально реакционных групп индийского общества и противодействовали всем, кто стремился к политическим и социальным преобразованиям. Если эти перемены все же произошли, то это случилось вопреки им или как случайный и непредвиденный результат их деятельности. Появление паровой машины и железных дорог означало огромный шаг вперед по пути изменения средневекового строя, но англичане сделали это с целью упрочения английского владычества и облегчения эксплуатации природных богатств Индии ради собственного обогащения. Это противоречие между намерениями в политике англичан в Индии и некоторыми непредусмотренными результатами ее создает известную путаницу и маскирует самую эту политику. Перемены пришли в Индию под этим воздействием Запада, но они пришли почти вопреки намерениям англичан в Индии. Им удалось настолько замедлить темп этих изменений, что даже в настоящее время преобразование еще очень далеко от завершения.

Феодалы-помещики и им подобные, прибывшие из Англии править индийцами, смотрели на весь мир глазами помещиков. Для них Индия была огромным поместьем, принадлежавшим Ост-Индской компании, а сам помещик был наилучшим и естественным представителем своего поместья и своих арендаторов. Эта точка зрения сохранилась и после того, как Ост-Индская компания передала свое индийское поместье британской короне, получив при этом очень крупную компенсацию за счет Индии. (Так образовался государственный долг Индии. Это была продажная цена Индии, уплаченная Индией же.) Английское правительство в Индии стало тогда помещиком (или агентом помещика). Фактически оно считало себя «Индией» точно так же, как герцог Devonshire олицетворяет в глазах ему подобных весь Devonshire. Миллионы людей, которые жили и действовали в Индии, превратились в своего рода арендаторов помещика, обязанных выплачивать ему ренту и земельный налог и продолжать занимать свои места в нормальном феодальном строе. Их посягательство на этот строй считалось оскорблением самих моральных устоев вселенной и протестом против ниспосланного богом испытания.

Это несколько метафизическое представление англичан о характере владычества в Индии не подверглось радикальным изменениям, хотя теперь оно выражается по-иному. Старый метод открытого взимания непомерной арендной платы уступил

место более изощренным и хитроумным приемам. Стали признавать, что помещик должен быть благосклонен к своим арендаторам и должен стараться защищать их интересы. Существовало даже мнение, что некоторые из более лояльных и преданных арендаторов должны допускаться к управлению поместьем на положении подчиненных. Но никакое посягательство на систему крупного землевладения не могло допускаться. Поместье должно продолжать функционировать, как и раньше, даже при переходе в другие руки. Когда ход событий делал такие изменения неизбежными, то обуславливалось, что все преданные служащие поместья остаются, все старые и новые друзья, приверженцы и иждивенцы помещика должны быть обеспечены, престарелые пенсионеры должны попрежнему получать свои пенсии, а сам старый помещик должен быть теперь благожелательным патроном и советчиком поместья, и, таким образом, все попытки провести существенные изменения пресекаются.

Эта тенденция отождествлять Индию с собственными интересами наиболее сильно проявлялась в высших административных кругах, которые полностью состояли из англичан. В последующие годы эти круги превратились в то тесное и крепко спаянное сообщество, которое носило название «Индийской гражданской службы» — «самого цепкого профсоюза в мире», как его назвал один из английских писателей. Эти люди управляли Индией, они олицетворяли Индию, и все, что ущемляло их интересы, неизбежно считалось вредным для Индии. От чиновников Индийской гражданской службы и того подобию истории и отчетов о текущих событиях, которые к ним поступали, эта идея распространилась в той или иной степени в различные слои английского народа. Правящий класс, естественно, разделял ее в полной мере, даже английские рабочий и фермер в какой-то степени подпали под ее влияние и, несмотря на подчиненное положение у себя на родине, испытывали гордость владельцев и властелинов. Тот же рабочий или фермер, приехав в Индию, неизбежно был бы причислен здесь к правящему классу. Он был совершенно не осведомлен об истории и культуре Индии и принимал господствующую идеологию англичан в Индии, ибо у него не было другого мерила для сравнения или оценки. В лучшем случае он был преисполнен смутного благожелательства, но такого, которое не выходит за строгие рамки данной системы. В течение сотни лет эта идеология проникла во все слои английского народа и, как таковая, превратилась в национальную традицию, в застывшее и почти неизменное понятие, определявшее отношение англичан к Индии и незаметно наложившее отпечаток даже на их взгляды на внутреннюю политику. В наши дни руководители английской лейбористской партии — эта своеобразная группа, не имеющая ни установившихся норм, ни принципов, ни больших познаний о внешнем мире, — являются

обычно самыми упорными защитниками существующего порядка в Индии. Иногда их охватывает какое-то неясное чувство беспокойства при мысли о проявляющемся противоречии между внутренней и колониальной политикой Англии, между их заявлениями и действиями, но, считая себя прежде всего практичными людьми со здравым смыслом, они сурово подавляют все, что тревожит их совесть. Люди практического склада должны неизбежно руководствоваться установленными и хорошо известными фактами, существующей обстановкой, а не бросаться очертя голову в неизвестность попросту во имя какого-то принципа или непроверенной теории.

Вице-короли, прибывающие в Индию непосредственно из Англии, должны приспособляться к структуре Индийской гражданской службы и опираться на нее. Как представители имущего и правящего класса Англии, они без труда усваивают укоренившиеся взгляды чиновников Индийской гражданской службы, а их единственное в своем роде положение неограниченных властелинов, не имеющее аналогии где-либо еще, приводит к незаметным изменениям в манере держаться и говорить. Всякая власть портит, а абсолютная власть портит абсолютно, и никто на земном шаре не имел и не имеет теперь такой безграничной власти над таким огромным количеством людей, как английский вице-король в Индии. Вице-король говорит в таком тоне, какого не может позволить себе ни премьер-министр Англии, ни президент Соединенных Штатов. Пожалуй, его можно сравнивать только с Гитлером. И это относится не только к вице-королю, но и к членам его совета — англичанам, к губернаторам и даже к мелкой сошке — секретарям департаментов или начальникам округов. Они разговаривают с высоты своего величия и недостижимости, преисполненные не только непоколебимой уверенности в правоте своих слов и действий, но и в том, что эти слова и действия должны быть восприняты как закон, что бы ни думали простые смертные по этому поводу, ибо их же есть сила и слава¹.

Некоторые члены совета при вице-короле назначаются непосредственно в Англии и не принадлежат к аппарату Индийской гражданской службы. Их поведение и высказывания обычно заметно отличаются от манеры чиновников Гражданской службы. Они довольно легко находят свое место в этой структуре, но не могут полностью усвоить тот тон превосходства и самодовольства, который присущ людям, облеченным властью. Еще хуже удастся это индийцам — членам совета (сравнительно недавнее нововведение), которые явно играют роль статистов, независимо от их числа или способностей. Индийцы — чиновники Гражданской службы, какое бы положение они ни

¹ «... ибо Его же есть сила и слава. Аминь» — слова воскресной службы англиканской церкви. — *Прим. ред.*

занимали в официальной иерархии, не имеют доступа в этот магический круг. Некоторые из них пытаются, как обезьяны, перенимать манеры своих коллег, но не особенно успешно; они становятся скорее напыщенными и смешными.

Новое поколение английских чиновников Индийской гражданской службы, с моей точки зрения, несколько отличается по взглядам и складу от своих предшественников. Они не так легко приспосабливаются к старой структуре, но вся власть и политика исходят от старшего поколения, а роль новичков невелика. Они вынуждены принять установленный порядок или, что иногда случалось, подать в отставку и возвратиться на родину.

Я припоминаю, что, когда я был подростком, газеты, принадлежавшие англичанам в Индии, были заполнены официальными сообщениями и выступлениями, служебными новостями, сведениями о перемещениях и повышениях по службе, о времяпрепровождении английского общества, о бегах, балах, любительских спектаклях и матчах в поло. В них почти ни словом не упоминался индийский народ, его политическая, культурная, общественная или экономическая жизнь. Читая эти газеты, едва ли можно было заподозрить, что все это существовало.

В Бомбее раньше происходили четырехсторонние состязания в крикет между командами индусов, мусульман, парсов и европейцев. Европейская команда именовалась командой Бомбейского президентства, а остальные — просто командами индийской, мусульманской и парсийской. Бомбей, таким образом, был, по существу, представлен европейцами; остальные, как можно было предположить, являлись чужеземными элементами, которые признавались только на время матча. Эти четырехсторонние состязания практикуются и поныне, хотя по этому поводу было немало споров и требований не подбирать команды по религиозному признаку. Насколько мне известно, команда «Бомбейского президентства» сейчас именуется «Европейской».

Английские клубы в Индии обычно носят территориальные названия — Бенгальский клуб, Аллахабадский клуб и т. п. Доступ в них открыт только британцам, или вернее европейцам. Нельзя возражать против территориального разграничения этих клубов или даже против того, что какая-либо группа людей организует свой клуб и не хочет допускать в него посторонних. Однако территориальные названия, приданные этим клубам, обусловлены старой привычкой англичан считать, что они и есть та подлинная Индия, с которой следует считаться, подлинная Бенгалия, подлинный Аллахабад. Остальные — лишь придаток, по-своему полезный, если они знают свое место, а в противном случае — только помеха. Запрет для не-европейцев является в гораздо большей степени расовым принципом, нежели оправданной мерой со стороны

людей одинаковой культуры, которые хотят провести вместе часы досуга, развлечься и побеседовать без вмешательства посторонних элементов. Я лично не возражаю против чисто английских или чисто европейских клубов, и очень немногие индийцы захотели бы вступить в них, но когда эта социальная исключительность явно основана на расизме и на стремлении правящего класса неизменно подчеркивать свое превосходство и недостижимость, она приобретает иной характер. В Бомбее имеется хорошо известный клуб, который не разрешал и, насколько мне известно, не разрешает индийцу (за исключением слуг) входить даже в приемную, если бы даже этот индеец был владетельным князем или промышленным магнатом.

Расизм в Индии означает не столько противопоставление англичан индийцам, сколько противопоставление всего европейского всему азиатскому. В Индии каждый европеец, будь он немец, или поляк, или румын, автоматически причисляется к правящей расе. В железнодорожных вагонах, в залах ожидания на вокзалах, над скамьями в парках и т. п. имеются надписи: «Только для европейцев». Это выглядит достаточно отвратительно в Южной Африке или в других странах, но когда человек вынужден мириться с этим у себя на родине, это является унижительным и невыносимым напоминанием о собственном порабощении.

Правда, эти внешние проявления расового превосходства и пренебрежения империалистов претерпевают постепенное изменение, но этот процесс протекает медленно, и многочисленные случаи показывают, насколько он поверхностен. Политический нажим и рост воинствующего национализма вызывают эти изменения и приводят к сознательным попыткам смягчить былой расизм и агрессивность; но это же политическое движение, когда оно достигает критической стадии и когда его пытаются сломить, приводит к возрождению всего бывшего империалистического и расового высокомерия в самой резкой форме.

Англичане — чуткий народ, и все же, когда они приезжают в другие страны, у них появляется какое-то странное отсутствие осознания. В Индии, где взаимопонимание затруднено отношениями правителей с управляемыми, это отсутствие осознания проявляется особенно ярко. Может даже создаться впечатление, что оно является преднамеренным, с целью видеть только то, что им хочется, закрывая глаза на все остальное. Однако факты не исчезают от того, что их не замечают, и когда они все же привлекают внимание, то появляется чувство недовольства и возмущения при виде неожиданных явлений, как будто от какого-то обмана.

В этой стране каст англичане, и особенно чиновники Индийской гражданской службы, создали касту, которая является незабываемой и обособленной. Даже индийцы — чиновники этой службы фактически не принадлежат к этой касте, хотя носят

ее знаки различия и подчиняются ее правилам. Эта каста создала нечто напоминающее религиозную веру в собственное высшее предназначение, и вокруг этой веры выросла соответствующая мифология, которая помогает ее поддерживать. Сочетание веры и материальной заинтересованности — могущественная сила, и любой вызов, брошенный ей, пробуждает глубочайшие страсти и ярое негодование.

РАЗГРАБЛЕНИЕ БЕНГАЛИИ СПОСОБСТВУЕТ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ

Ост-Индская компания получила разрешение могольского правителя на открытие фактории в Сурате в начале 17 века. Спустя несколько лет она купила участок земли на юге и основала Мадрас. В 1662 году остров Бомбей был преподнесен Португалией в качестве приданого английскому королю Карлу II, а он передал его Ост-Индской компании. В 1690 году был основан город Калькутта. Таким образом, к концу 17 столетия англичане завоевали ряд опорных пунктов в Индии и создали несколько предмостных укреплений на индийском побережье. Они продвигались вглубь страны медленно. Битва при Плесси в 1757 году впервые отдала под их контроль обширную территорию, и за несколько лет ими были покорены Бенгалия, Бихар и Орисса, а также восточное побережье Индии. Следующее крупное продвижение в этом наступлении произошло почти через 40 лет, в начале 19 столетия. Это привело англичан к воротам Дели. Третье крупное наступление произошло вслед за последним поражением маратхов в 1818 году; четвертое в 1849 году, после войн с сикхами, завершило завоевание Индии.

Итак, англичане находятся в городе Мадрасе свыше 300 лет, они правят Бенгалией, Бихаром и т. д. на протяжении 187 лет, они распространили свое владычество над югом 145 лет тому назад, они утвердились в Соединенных провинциях (как их теперь называют), в Центральной и Западной Индии около 125 лет назад, и они проникли в Пенджаб 95 лет назад. (Эти строки пишутся в июне 1944 года.) Не принимая в расчет города Мадрас в виду незначительности этой территории, следует отметить, что почти сто лет протекло между оккупацией англичанами Бенгалии и Пенджаба. За этот период английская политика и методы управления неоднократно менялись. Эти изменения диктовались как ходом событий в Англии, так и консолидацией английского владычества в Индии. Подход англичан к каждой новой завоеванной территории менялся в соответствии с этими переменами и зависел также от характера правящей группы, которая была побеждена англичанами. Так, в Бенгалии, где победа досталась очень легко, мусульманские землевладельцы считались правящим классом и политика англичан

была направлена на подрыв их власти. В Пенджабе, наоборот, власть была захвачена у сикхов, и там вначале не существовало антагонизма между англичанами и мусульманами. На большей части Индии маратхи были противниками англичан.

Обращает на себя внимание тот знаменательный факт, что районы Индии, которые дольше всего находились под властью англичан, теперь самые бедные. Можно даже составить своеобразную диаграмму, чтобы показать тесную связь между продолжительностью английского владычества и непрерывным ростом обнищания этих районов. Несколько крупных городов и новых промышленных районов не могут существенным образом повлиять на этот вывод. Показательным в этом отношении является положение народных масс в целом, и нет никаких сомнений, что самыми бедными районами Индии являются Бенгалия, Бихар, Орисса и части президентства Мадрас; положение и жизненный уровень масс наиболее высок в Пенджабе. Бенгалия, несомненно, была очень богатой и цветущей провинцией до прихода англичан. Возможно, существует много причин, объясняющих эти контрасты и особенности. Но нельзя закрывать глаза на тот факт, что Бенгалия, некогда столь богатая и цветущая, после 187 лет английского владычества, сопровождавшегося, как пас заверяют, энергичными попытками со стороны англичан улучшить условия жизни и научить народ искусству самоуправления, теперь представляет собой жалкую массу нищих, голодных и умирающих людей.

Бенгалия первая в полной мере испытала английское господство в Индии. Это господство началось с открытого грабежа и введения системы земельного налога, который отбирал последнюю копейку не только у живых, но и у мертвых землепашцев. Английские историки Индии Эдуард Томпсон и Дж. Т. Гарретт рассказывают нам, что «страсть к золоту, не имевшая себе равных со времен психоза, охватившего испанцев при Кортесе и Пизарро, завладела душой англичан. Бенгалии, в частности, не суждено было остаться в покое до тех пор, пока из нее не была выжата последняя капля крови». «За чудовищную финансовую беспринципность поведения англичан в Индии в течение многих последующих лет ответственность в значительной степени лежит на Клайве»¹. Этот Клайв — великий строитель империи, памятник которому теперь возвышается против входа в Департамент по делам Индии в Лондоне. Это был открытый грабеж. «Древо злата» трясло вновь и вновь, пока неоднократный чудовищный голод не опустошил Бенгалию. Этот процесс стал именоваться позднее торговлей, но это почти ничего не меняло. Правительство олицетворяло эту так называемую торговлю, а торговля была грабежом. Подобное редко встречается в истории.

¹ Edward Thompson and G. T. Garratt, *Rise and Fulfilment of British Rule in India*, London, 1935.

И следует помнить, что это продолжалось — под различными названиями и в разных формах — не несколько лет, а целые поколения. Прямой грабеж постепенно принимал форму узаконенной эксплуатации, которая хотя и не была столь очевидной, но в действительности была еще ужаснее. Коррупция, продажность, семейственность, насилие и алчность этих первых поколений английских правителей Индии были невообразимы. Показательно, что одним из слов языка хинди, перешедшим в английский язык, является слово «грабеж» (loot). Сэр Эдуард Томпсон пишет о Бенгалии, но это относится не только к ней: «Вспоминается ранняя история Британской Индии, которая, возможно, является мировым рекордом обогащения бесчестным путем».

Результатом всего этого, даже на первых порах, явился голод 1770 года, который унес с собой свыше одной трети населения Бенгалии и Бихара. Но все это совершалось во имя прогресса, и Бенгалия может гордиться тем обстоятельством, что она содействовала в значительной степени зарождению промышленного переворота в Англии. Американский писатель Брукс Адамс точно излагает нам, как это произошло: «Приток индийского богатства, который в значительной мере пополнил наличный капитал страны, не только увеличил его запас энергии, но и в большой мере способствовал увеличению его гибкости и скорости его обращения. Вскоре после Плесси награбленное в Бенгалии начало поступать в Лондон, и эффект оказался почти немедленно, ибо все авторитеты признают, что «промышленный переворот» начался с 1770 года... Битва при Плесси произошла в 1757 году, и изменения последовали, пожалуй, с ни с чем не сравнимой быстротой. В 1760 году появился летучий челнок и уголь стал заменять дрова при выплавке металла. В 1765 году Харгривс изобрел прядильную машину, в 1799 году Кромптон создал мюль-машину, в 1785 году Картрайт взял патент на механический станок, а в 1769 году Уатт закончил свою паровую машину... Но хотя в то время эти машины и служили средством для ускоренного обращения, они не были причиной этого ускорения. Сами по себе изобретения пассивны... они ожидают накопления достаточного запаса сил, способных ввести их в действие. Этот запас всегда должен принимать форму денег, причем денег, находящихся в обращении, а не мертвого капитала. До притока индийского богатства и расширения кредита, последовавшего за этим, не существовало силы, достаточной для этой цели... Вероятно, с самого сотворения мира никакие инвестиции не приносили такой прибыли, как грабеж Индии, так как в течение почти пятидесяти лет Великобритания не имела там конкурентов»¹.

¹ Brooks Adams, *The Law of Civilization and Decay*, 1928, p. 259—260; цитируется по книге Kate Mitchell, «India», 1943.

РАЗРУШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И УПАДОК СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИНДИИ

Главным занятием Ост-Индской компании в первые годы ее существования, основной задачей, для выполнения которой она была создана, являлась доставка индийских промышленных товаров, текстиля и т. п., а также специй и других аналогичных товаров с Востока в Европу, где на них существовал большой спрос. С развитием в Англии техники промышленного производства там появился новый класс промышленных капиталистов, потребовавший изменения этой политики. Английский рынок должен был закрыться для индийских товаров, а индийский — открыться для английских готовых изделий. Английский парламент под влиянием этого нового класса начал проявлять большой интерес к Индии и к деятельности Ост-Индской компании. Прежде всего индийским товарам был закрыт доступ в Англию в законодательном порядке, и поскольку Ост-Индская компания имела монополию на экспорт из Индии, то это ограничение повлияло и на другие внешние рынки. За этим последовали энергичные попытки ограничить и задуть индийскую промышленность с помощью различных мероприятий и внутренних пошлин, которые препятствовали циркуляции индийских товаров даже внутри страны. Тем временем английские товары могли свободно ввозиться в Индию. Текстильное производство Индии пришло в полный упадок, что затронуло огромное количество ткачей и ремесленников. Этот процесс протекал быстро в Бенгалии и Бихаре, а в других областях развивался постепенно, по мере распространения английского владычества и постройки железных дорог. Он продолжался в течение всего 19 столетия, разрушая также другие старые отрасли промышленности, судостроение, металлообработку, стеклодувную, бумажную промышленность и многие ремесла.

До некоторой степени это было неизбежно, так как старое производство сталкивалось с новой промышленной техникой. Но это ускорялось политическим и экономическим нажимом, а никаких попыток применить в Индии новую технику не было сделано. Наоборот, прилагались все усилия, чтобы воспрепятствовать этому, и таким образом экономическое развитие Индии было приостановлено, а развитие новых отраслей промышленности пресечено. Машины не могли ввозиться в Индию. Создалась пустота, которая могла быть заполнена только английскими товарами и которая привела к быстрому росту безработицы и нищеты. Это был классический образец современной колониальной экономики — Индия превратилась в аграрную колонию индустриальной Англии, поставлявшую сырье и обеспечивавшую рынок сбыта для английских промышленных товаров.

Ликвидация класса ремесленников привела к чудовищной безработице. Что должны были теперь делать все эти десятки миллионов людей, занятых до этого в промышленности и на производстве? Куда они должны были направиться? Их старая профессия была теперь закрыта для них, путь к новой был прегражден. Они могли умереть, конечно; этот выход из любого невыносимого положения открыт всегда. И они действительно умирали десятками миллионов. Генерал-губернатор Индии лорд Бентинк докладывал в 1834 году: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии усеяны костями ткачей».

Но все же оставалось очень много ремесленников, вытесненных с производства, и их количество возрастало из года в год, по мере того как политика англичан затрагивала все более отдаленные районы страны и вызывала рост безработицы. Все эти армии кустарей и ремесленников не имели ни занятий, ни работы, и все их старинное мастерство было бесполезно. Они обратились к земле, ибо земля еще существовала. Но земля была полностью занята и никак не могла обеспечить им выгодного занятия. Поэтому они стали бременем для земли, и это бремя все увеличивалось, а вместе с ним росло обнищание страны, и жизненный уровень снизился до невиданных размеров. Это принудительное возвращение кустарей и ремесленников к земле привело ко все возрастающей диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью; сельское хозяйство все больше и больше становилось единственным занятием народа ввиду отсутствия других занятий и деятельности, дающей средства к существованию.

Индия все более превращалась в аграрную страну. Во всех прогрессивных странах в прошлом веке происходило перемещение населения из сельского хозяйства в промышленность, из деревни в город; в Индии в результате английской политики этот процесс происходил в обратном направлении. Цифры весьма поучительны и показательны. По имеющимся данным, в середине 19 столетия около 55 процентов населения, зависело от сельского хозяйства; за последнее время эта часть населения составляла 74 процента (это — предвоенные данные). Несмотря на увеличение занятости населения в промышленности в годы войны, число зависящих от сельского хозяйства, по данным переписи 1941 года, даже увеличилось за счет прироста населения. Рост нескольких крупных городов (в основном за счет мелких) может ввести в заблуждение поверхностного наблюдателя и дать неправильное представление об условиях в Индии.

Такова, следовательно, основная и истинная причина ужасающей нищеты индийского народа, и она возникла сравнительно недавно. Другие причины, которые еще усугубляют положение, сами являются результатом нищеты, хронического голода и недоедания, — как, например, болезни и неграмотность.

Перенаселенность создает трудности, и следует принимать меры для уменьшения ее там, где это необходимо, но в Индии все же положение более благоприятно по сравнению с плотностью населения во многих индустриальных странах. Это является перенаселением лишь в условиях преобладания сельскохозяйственного характера экономики, а при надлежащей экономической системе все население может быть превращено в производителей и должно приумножать богатства страны. Фактически, большая плотность населения существует только в отдельных районах, как Бенгалия и долина Ганга, в то время как другие обширные области все еще слабо заселены. Уместно напомнить, что плотность населения Великобритании более чем вдвое превышает плотность населения Индии.

Кризис в промышленности быстро распространился и на сельское хозяйство, где он превратился в постоянное явление. Земельные участки становились все меньше и меньше, и степень их дробления становилась нелепой и фантастической. Бремя сельскохозяйственной задолженности возрастало, и право владения землей зачастую переходило к ростовщикам. Число безземельных рабочих росло миллионами. Индия подчинялась стране промышленного капитализма, но экономика самой Индии в значительной степени оставалась докапиталистической при отсутствии многих производительных элементов, присущих докапиталистическому периоду. Индия превратилась в пассивное орудие современного промышленного капитализма, страдая от всех его недостатков и не имея никаких его преимуществ.

Переход от допромышленной экономики к экономике промышленного капитализма связан с большими трудностями и оплачивается тяжелыми страданиями широких масс населения. Это проявлялось особенно ярко в те времена, когда не делалось никаких попыток спланировать этот переход или смягчить его пагубные последствия и все было предоставлено частной инициативе. Эти же трудности ощущались и в Англии в переходный период, но в целом они не были так велики, так как этот переход совершился там быстро и вызванная им безработица вскоре исчезла с появлением новых отраслей промышленности. Но это не означало, что он не был оплачен человеческими страданиями. Стоимость была оплачена, и оплачена сполна, но другими людьми — особенно индийским народом, его голодом и смертью и огромной безработицей. Можно сказать, что большая часть стоимости индустриализации Западной Европы была оплачена Индией, Китаем и другими колониальными странами, экономика которых была порабощена европейскими державами.

Ясно, что Индия всегда располагала обильным материалом для развития промышленности — административным и техническим персоналом, квалифицированными рабочими, даже

некоторым капиталом, несмотря на непрерывную выкачку его из Индии. Историк Монтгомери Мартин, отвечая на запрос одной из комиссий английского парламента в 1840 году, заявил: «Индия в такой же степени промышленная, как и аграрная страна; и тот, кто стремится низвести ее на положение сельскохозяйственной страны, фактически стремится поставить ее на более низкую ступень цивилизации». Это именно то, что стремились осуществить англичане в Индии неуклонно и настойчиво, и мерилом их успехов является существующее положение в Индии после того, как они были ее деспотическими правителями в течение полутора столетий. С момента возникновения в Индии потребности к развитию современной промышленности (а я полагаю, что это произошло по крайней мере 100 лет назад) нас убеждали, что Индия является преимущественно аграрной страной и что в ее интересах сосредоточить свои усилия на сельском хозяйстве. Промышленное развитие страны может нарушить равновесие и пагубно отразиться на главной ее отрасли — сельском хозяйстве. Заботливость, которую английские промышленники и экономисты проявляли по отношению к индийскому крестьянину, поистине достойна похвалы. Учитывая это обстоятельство, а также нежное внимание, которое оказывало ему английское правительство в Индии, остается только сделать вывод, что какая-то всемогущая злобная сила, какое-то сверхъестественное существо противостояло их намерениям и действиям и превратило индийского крестьянина в одно из самых бедных и самых жалких существ на земле.

Сейчас трудно кому бы то ни было помешать промышленному развитию Индии, но даже теперь, при разработке какого-либо широкого плана, рассчитанного на достижение важных целей, наши английские друзья, которые продолжают расточать свои советы, предостерегают нас, что сельским хозяйством не следует пренебрегать и что ему должно быть отведено первое место. Как будто кто-либо из индийцев, обладающий хотя бы каплей разума, может игнорировать или недооценить сельское хозяйство или позабыть о крестьянине. Индийский крестьянин олицетворяет Индию больше, чем кто-либо другой; и именно от его прогресса и благосостояния будет зависеть прогресс Индии. Но наш кризис в сельском хозяйстве, при всей его тяжести, тесно связан с кризисом в промышленности, который его породил. Их нельзя разъединять и рассматривать отдельно, и необходимо устранить диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью.

В способности Индии к развитию современной промышленности можно убедиться по тем успехам, которых она добилась в тех случаях, когда ей предоставлялась такая возможность. Надо отметить, что эти успехи были достигнуты, несмотря на энергичное сопротивление английского правительства в Индии и акционеров в Англии. Впервые настоящая возможность для

этого представилась Индии во время войны 1914—1918 годов, прекратившей приток английских товаров. Она воспользовалась этим, хотя и в сравнительно небольшой мере вследствие политики англичан. С этого момента на правительство оказывался постоянный нажим с требованием облегчить рост индийской промышленности путем устранения различных ограничений и специальных привилегий, которые препятствовали этому. Формально соглашаясь принять эту политику, правительство препятствовало всякому действительному росту промышленности, особенно тяжелой. Даже в Законе об управлении Индией 1935 года было особо оговорено, что индийские законодательные органы не могут препятствовать интересам английских промышленников в Индии. Довоенные годы ознаменовались неоднократными и энергичными попытками создать основные отрасли промышленности, в том числе тяжелую, но их тормозила официальная политика. Однако наиболее разительные примеры официальной обструкции имели место во время нынешней войны, когда требования, предъявлявшиеся войной к промышленности, имели первостепенное значение. Даже эти жизненно важные требования оказались недостаточными, чтобы побороть неприязнь англичан к развитию индийской промышленности. Эта промышленность выросла силой обстоятельств, но ее рост незначителен по сравнению с тем, каким он мог быть, или с ростом промышленности во многих других странах.

Первоначальное прямое сопротивление росту индийской промышленности уступило место косвенным методам, которые были столь же эффективны, подобно тому как прямое взимание дани сменилось махинациями с таможенными пошлинами, акцизными сборами, а также финансовой и валютной политикой, которые способствовали обогащению Англии за счет Индии.

Длительное подчинение народа и лишение его свободы несут с собой много бедствий, и, возможно, величайшие из них в сфере духовной жизни — это деморализация и подрыв духовных сил нации. Их трудно оценить, даже когда они очевидны. Проще проследить и оценить экономический упадок нации. Когда мы обращаемся к экономической политике англичан в Индии, то видим, что современное обнищание индийского народа является ее неизбежным последствием. Нет никакой тайны в этой нищете; мы можем выявить ее причины и проследить те процессы, которые привели индийский народ к существующему положению.

ИНДИЯ ВПЕРВЫЕ СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРИДАТКОМ ДРУГОЙ СТРАНЫ

Установление английского владычества в Индии было для нее совершенно новым явлением, не сравнимым ни с каким другим вторжением, политическим или экономическим преобразованием. «Индия подвергалась вторжениям и раньше,

но со стороны завоевателей, которые оседали в пределах ее рубежей и становились частью ее жизни (подобно норманам в Англии или манчжурам в Китае). Она никогда не теряла своей независимости, никогда не была порабощена. То есть она никогда не была втянута в политическую и экономическую систему, центр тяжести которой лежал за пределами ее земли, никогда не была подчинена правящему классу, который был и оставался чуждым ей по своему происхождению и характеру»¹.

Раньше любой правящий класс, пришел ли он когда-то извне или был местного происхождения, принимал структурное единство индийской социальной и экономической жизни и старался приспособиться к ней. Он индианизировался и встал корнями в почву страны. Новые правители были совершенно иными, их родиной была другая страна, и между ними и рядовым индийцем лежала огромная, непроходимая пропасть — различие традиций, взглядов, доходов, обычаев. Первые англичане в Индии, до некоторой степени оторванные от Англии, переняли многие индийские обычаи. Но это сближение было поверхностным, и даже от него сознательно отказались с улучшением средств сообщения между Индией и Англией. Считалось, что английский правящий класс должен поддерживать свой престиж в Индии, чуждаясь индийцев, замыкаясь в своем кругу, сторонясь их, живя в собственном высшем мире. Существовало два мира — мир английских чиновников и мир миллионов индийцев, и между ними не было ничего общего за исключением взаимной ненависти друг к другу. В прошлом народы смешивались между собой или, по крайней мере, находили свое место в пределах системы, части которой органически зависели друг от друга. Теперь расизм был возведен в признанный символ веры, и это усугублялось тем обстоятельством, что господствующая раса обладала политической и экономической властью, бесконтрольной и не встречавшей помех.

Мировой рынок, который создавался новым капитализмом, должен был при любых обстоятельствах повлиять на экономическую систему Индии. Самодовлеющая сельская община с ее традиционным разделением труда не могла более существовать в старой форме. Но происшедшая перемена не являлась следствием естественного развития и привела к расколу всей экономической и социальной основы индийского общества. Система, опиравшаяся на общественное одобрение и контроль и являвшаяся частью культурного наследия индийского народа, была внезапно и насильственно изменена, и была навязана другая система, управляемая извне, за пределами этого общества. Индия не вышла на мировой рынок, а превратилась в колониальный и аграрный придаток английского общественного строя.

¹ K. S. Sh e l v a n k a r, *The Problem of India*, Penguin Special, London, 1940.

Сельская община, которая до тех пор являлась основой индийской экономики, была расколота, утерев как свои экономические, так и административные функции. В 1830 году сэр Чарльз Меткаф — один из способнейших английских чиновников в Индии — охарактеризовал эти общины словами, которые неоднократно цитировались: «Сельские общины — это маленькие республики, имеющие почти все, что им необходимо, внутри себя и почти не зависящие от внешних сношений. Они, как видно, выживают там, где все остальное погибает. Этот союз сельских общин, каждая из которых образует маленькое государство в себе... в высокой степени благоприятствует их счастью и пользованию значительной долей свободы и независимости».

Уничтожение крестьянской промышленности явилось тяжелым ударом для этих общин. Равновесие между промышленностью и сельским хозяйством было нарушено, традиционное разделение труда уничтожено, и множество бездомных людей не могли быть приобщены к какой-либо коллективной деятельности. Еще более сильным ударом явилось введение системы постоянного заминдарства, изменившей все идеи о владении землей. В прошлом это была идея общинного владения — и не столько землей, сколько продуктами земли. Возможно, не осознав это в полной мере, а еще более вероятно, предприняв этот шаг умышленно, исходя из собственных интересов, английские губернаторы, сами представлявшие класс английских крупных помещиков, ввели в Индии нечто напоминавшее английскую систему. Вначале они передавали на короткие сроки сбор земельного налога откупщикам, то есть лицам, на которых была возложена ответственность за сбор земельного налога и уплату его правительству. Позднее эти откупщики налогов превратились в крупных землевладельцев. Сельскую общину лишили всякого контроля над землей и ее продуктами, и то, что всегда считалось основным делом сельской общины, теперь стало частной собственностью новоиспеченного землевладельца. Это привело к уничтожению совместной жизни и коллективного характера общины, и система содержания общинных ремесленников, слуг и должностных лиц начала постепенно исчезать.

Введение этого типа земельной собственности не только внесло огромные изменения в экономику, но имело более глубокое влияние и нанесло удар всей индийской концепции кооперативно-групповой социальной системы. Появился новый класс — владельцы земли, класс, созданный английским правительством и, в силу этого, в значительной мере отождествляемый с ним. Ломка старой системы создала новые проблемы, и, возможно, с этим связаны зачатки новой индуко-мусульманской проблемы. Система постоянного заминдарства была впервые введена в Бенгалии и Бихаре, где крупные землевладельцы

были созданы в соответствии с системой, известной под названием постоянного земельно-налогового устройства. Впоследствии оказалось, что эта система невыгодна для государства, так как земельный налог, платимый помещиками, был установлен навсегда и не мог быть увеличен. Поэтому в других районах Индии новые земельноналоговые системы вводились лишь на определенный срок, и время от времени происходило увеличение ставок налога. В некоторых провинциях был введен некий вид крестьянской земельной собственности. Крайняя жестокость, проявляемая при сборе налога, привела, особенно в Бенгалии, к разорению прежних землевладельцев, и их место заняли новые люди из денежных и деловых кругов. Так Бенгалия стала провинцией, в которой крупными помещиками были преимущественно индусы, в то время как их арендаторами были в основном мусульмане, хотя среди них имелись также и индусы.

Крупные землевладельцы были созданы англичанами по своему собственному английскому образцу, главным образом потому, что значительно легче было иметь дело с несколькими отдельными лицами, чем с массой крестьян. Это мероприятие проводилось с целью собрать как можно больше денег в форме земельного налога и как можно быстрее. Если владелец не выполнял это в установленный срок, то его немедленно выгоняли и его место занимал другой. Считалось также необходимым создать класс, интересы которого были бы тождественны с интересами англичан. Боязнь восстания владела мыслями английских чиновников в Индии, и они неоднократно писали об этом в своих документах. Генерал-губернатор лорд Уильям Бентинк заявил в 1829 году: «Если требуется гарантия против широкого народного мятежа или переворота, то я полагаю бы, что постоянное земельноналоговое устройство, несмотря на его провал во многих других отношениях, имеет, по крайней мере, то огромное преимущество, что оно создало обширную группу богатых землевладельцев, глубоко заинтересованных в сохранении английского владычества и полностью господствующих над массами народа».

Таким образом, английское господство упрочилось путем создания новых классов и материально заинтересованных групп, которые были тесно связаны с этим господством и привилегии которых зависели от его сохранения. К этим классам и группам принадлежали землевладельцы и князья, а также большое число мелких чиновников в различных частях аппарата управления, начиная от *патвари* (сельский староста) и выше. Двумя основными частями правительственного аппарата были налоговая система и полиция. В каждом округе их возглавлял коллектор (начальник округа), который являлся главной опорой администрации. Он действовал в своем округе как самодержец, сочетая в своем лице исполнительную, судебную, налоговую

и полицейскую власть. Если имелись какие-либо мелкие индийские княжества, примыкавшие к подвластной ему территории, то в отношении их он выступал также в качестве английского агента.

Кроме того, существовала индийская армия, состоявшая из английских и индийских войск, но с офицерским составом исключительно из англичан. Она реорганизовывалась неоднократно, особенно после восстания 1857 года, и в конце концов организационно была объединена с английской армией. Это было сделано с целью уравновесить различные ее элементы и держать английские войска на командных позициях. «Создание солидного противовеса туземцам в виде достаточных по размерам европейских войск дополняется созданием еще одного противовеса в виде туземных же частей», — говорится в официальном отчете о реорганизации армии в 1858 году. Первоочередной задачей этих войск должна была быть служба в качестве оккупационной армии — «войск по охране внутренней безопасности», как их называли, и в большинстве своем они состояли из англичан. Пограничная провинция использовалась как учебный плац для английской армии за счет Индии. Действующая армия (главным образом из индийцев) была предназначена для службы за границей и принимала участие в многочисленных английских имперских войнах и экспедициях, причем Индия всегда оплачивала расходы по ним. Были приняты меры к тому, чтобы изолировать индийских солдат от остального населения.

Так, Индия должна была нести расходы по ее собственному завоеванию, а затем по ее переходу (или продаже) от Ост-Индской компании к британской короне, по экспансии Британской империи в Бирме и других территориях, по экспедиции в Африку, Персию и т. д. и по ее обороне против самих индийцев. Индия не только использовалась британской империей в качестве базы без всякой компенсации за это, но она должна была, кроме того, оплачивать обучение части английской армии в Англии; эти налоги назывались «подушными». Кроме того, Индии приходилось оплачивать всевозможные другие расходы, понесенные Англией, а именно содержание английских дипломатических и консульских представительств в Китае и Персии, полную стоимость телеграфной связи между Англией и Индией, часть расходов британского средиземноморского флота и даже приемы, устроенные в честь турецкого султана в Лондоне.

Постройка железных дорог в Индии, несомненно желательная и необходимая, осуществлялась невероятно расточительным образом. Правительство Индии гарантировало 5 процентов прибыли на все капиталовложения, и не требовалось подсчитывать или оценивать, что же необходимо. Все закупалось в Англии.

Гражданские учреждения правительства также содержались с непомерной расточительностью и излишествами, причем все высокооплачиваемые должности сохранялись за англичанами. Процесс индианизации административного аппарата проходил очень медленно и стал замечен только в 20 столетии. Этот процесс, отнюдь не передавая какой-либо власти индийцам, оказался еще одним методом упрочения английского владычества. Ведущие посты попрежнему остались в руках англичан, а индийцы в составе администрации могли действовать только как агенты английских властей.

Ко всем этим методам следует добавить умышленную, проводившуюся в течение всего периода английского владычества, политику создания распрей среди индийцев, поощрения одной группы за счет другой. Эта политика открыто признавалась в ранний период английского владычества и была характерна для империалистической державы. С ростом националистического движения эта политика приняла более изощренные и более опасные формы и хотя и отрицалась официально, но в действительности проводилась гораздо интенсивнее, чем раньше.

Почти все основные наши проблемы сегодняшнего дня зародились в период английского господства и как прямой результат английской политики: князья, проблема меньшинств, различные частнособственнические интересы, иностранные и индийские, отсутствие промышленности и пренебрежение сельским хозяйством, крайняя отсталость социального обслуживания, а главное — трагическое обнищание народа. Показательным было отношение к образованию. В книге Кэя «The Life of Lord Metcalfe» указывается, что «эта боязнь свободного распространения знаний превратилась в хроническую болезнь... всегда заставляющую членов правительства страдать разнообразными видами бредовых фантазий и кошмаров; при этом от ужаса при виде печатной машины и Библии у них появлялся озноб и волосы становились дыбом. Наша политика того периода имела целью держать туземное население Индии в состоянии глубочайшего варварства и темноты, и любая попытка распространить свет знания среди населения как Британской Индии, так и независимых княжеств встречала неистовое сопротивление и возмущение»¹.

Империализм должен действовать такими методами, иначе он перестает быть империализмом. При современном типе финансового империализма прибавились новые виды экономической эксплуатации, которые были неизвестны на более ранних этапах. Действия английских властей в Индии на протяжении 19 века неизбежно угнетают и возмущают индийца, и в то же время они свидетельствуют о превосходстве англичан во многих областях и в особенности об их способности использовать наше

¹ Цитируется по книге Edward Thompson «The Life of Lord Metcalfe».

разъединение и слабости. Народы слабые и отставшие от хода времени навлекают на себя беду и в конце концов должны винить только самих себя. Английский империализм со всеми его последствиями должен был в этих условиях укрепиться естественным ходом событий, но точно так же неизбежен был и рост оппозиции против него и открытый конфликт между ними.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИНДИЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

Одной из наших основных проблем в Индии в настоящее время является проблема князей или индийских княжеств. Эти княжества — единственные в своем роде во всем мире, и они сильно отличаются друг от друга по размерам, а также по политическим и социальным условиям. Всего их 601. Около пятнадцати из них могут быть отнесены к ведущим княжествам, самыми крупными из которых являются Хайдарабад, Кашмир, Майсур, Траванкур, Барода, Гвалиор, Индор, Кочин, Джайпур, Еканир, Бопал и Патиала. Затем следует ряд средних княжеств и, наконец, несколько сот очень небольших территорий, иногда не превышающих размером точку на карте. Большинство этих крошечных княжеств находятся в Катхиаваре, Западной Индии и в Пенджабе.

Эти княжества отличаются не только своими размерами, которые колеблются от площади, занимаемой Францией, почти до площади среднего крестьянского участка, но также рядом других особенностей. Майсур является в промышленном отношении самым развитым; Майсур, Траванкур и Кочин в вопросах образования значительно опередили Британскую Индию¹. Большинство княжеств, однако, крайне отстали, а некоторые полностью сохранили феодальный строй. Все они являются неограниченными монархиями, хотя некоторые ввели у себя выборные советы, возможности которых строго ограничены. В Хайдарабаде, ведущем княжестве, все еще сохраняется типичный феодальный строй, подкрепляемый почти полным отсутствием гражданских свобод. То же самое и в большинстве княжеств Раджпутаны и Пенджаба. Отсутствие гражданских свобод — общая черта всех княжеств.

Эти княжества не образуют компактных групп; они разбросаны по всей Индии и являются островками, окруженными территориями, не входящими в княжества. Огромное большинство

¹ Траванкур, Кочин, Майсур и Барода с точки зрения народного просвещения значительно опередили Британскую Индию. Интересно отметить, что в Траванкуре всеобщее обучение было введено в 1801 году. (Сравните с Англией, где оно было введено в 1870 году.) Процент грамотных в Траванкуре теперь составляет: 58 процентов для мужчин и 41 процент для женщин; это более чем в четыре раза превышает данные по Британской Индии. Народное здравоохранение также лучше поставлено в Траванкуре. Женщины в Траванкуре играют активную роль в общественных учреждениях и общественной деятельности.

княжеств совершенно неспособно экономически быть даже полунезависимыми; даже самые большие при существующем их расположении вряд ли могут рассчитывать на это без тесного сотрудничества с окружающими районами. Если бы возник экономический конфликт между Индией княжеств и Индией, не входящей в княжества, то первую можно было бы легко привести в подчинение с помощью тарифных барьеров и других экономических санкций. Ясно, что как в политическом, так и в экономическом отношении эти княжества, даже самые крупные из них, не могут рассматриваться как отдельные и независимые единицы. Если бы их отделить, они не выжили бы и остальная Индия также значительно пострадала бы. Они превратились бы во враждебные территории, окруженные другими владениями и разбросанные по всей Индии, а если бы они опирались на помощь какой-либо иностранной державы, то уж одно это явилось бы длительной и серьезной угрозой для свободной Индии. Они вообще не дожили бы до наших дней, если бы не то обстоятельство, что политически и экономически вся Индия, включая и княжества, находится под властью одной господствующей державы, которая охраняет их. Кроме возможных конфликтов между Индией княжеской и остальной Индией, следует помнить о существовании постоянного воздействия на деспотического правителя княжества со стороны его собственного народа, который требует свободных институтов. Попытки достигнуть этой свободы подавляются и сдерживаются с помощью английской власти.

Уже в 19 веке эти княжества, в той форме, в какой они были организованы, превратились в анахронизм. При современных условиях невозможно представить себе Индию раздробленной на десятки отдельных независимых государств. Подобное положение не только привело бы к постоянным столкновениям, но и сделало бы невозможными всякую плановую экономику и культурный прогресс. Мы должны помнить, что в начале 19 столетия, когда эти княжества оформились и заключили договоры с Ост-Индской компанией, Европа была расчленена на многочисленные мелкие княжества. Многочисленные войны и революции изменили с тех пор лицо Европы и продолжают его менять и теперь, но лицо Индии застыло и окаменело в результате оказываемого на нее внешнего пажима, препятствовавшего ее изменению. Абсурдно придерживаться договора, заключенного сто сорок лет тому назад, обычно на поле боя или сейчас же после битвы, между двумя враждующими военачальниками или их правителями и заявлять, что это временное соглашение должно сохраняться навеки. Население княжеств, разумеется, не имело права голоса при заключении этих соглашений, а другой стороной в то время была торговая корпорация, заботившаяся только о собственных интересах и прибылях. Эта торговая корпорация — Ост-Индская компания — действовала не как агент

британской короны или парламента, но теоретически как агент дельийского правителя, от которого якобы исходили власть и престиж, хотя в действительности он был совершенно лишен власти. Ни британская корона, ни парламент не имели никакого отношения к этим договорам. Парламент рассматривал индийские дела только тогда, когда время от времени представлялась на обсуждение хартия Ост-Индской компании. То обстоятельство, что Ост-Индская компания действовала в Индии на основе полномочий, пожалованных ей могольским правителем при даровании Компании *дивани*¹, делало ее не зависящей от какого бы то ни было прямого вмешательства английской короны или парламента. Косвенным путем парламент мог бы при желании аннулировать хартию или навязать новые условия в период ее возобновления. Но мысль о том, что английский король или парламент вынуждены были бы, хотя бы даже теоретически, действовать как агенты, а следовательно, как подчиненные призрачного правителя в Дели, не нравилась в Англии, и поэтому они сознательно держались в стороне от деятельности Ост-Индской компании. Деньги, израсходованные на войны в Индии, были индийскими деньгами, которые собирала и которыми распоряжалась Ост-Индская компания.

Впоследствии, по мере того как территория, контролируемая Ост-Индской компанией, расширялась и ее господство упрочивалось, английский парламент начал проявлять больший интерес к индийским делам. В 1858 году, после потрясения, вызванного беспорядками и восстанием в Индии, Ост-Индская компания передала свои владения в Индии (за деньги, уплаченные Индией) британской короне. Эта передача не предусматривала передачи индийских княжеств по одному, отдельно от остальной Индии. Вся Индия рассматривалась как единое целое, и английский парламент действовал в Индии через правительство Индии, которое осуществляло верховную власть над княжествами. Княжества не имели самостоятельных сношений с английской короной или парламентом. Они являлись неотъемлемой частью этой системы управления, прямого и косвенного, представленного правительством Индии. Это правительство в последующие годы пренебрегало старыми договорами всякий раз, когда это соответствовало целям его менявшейся политики, и осуществляло весьма реальную верховную власть над княжествами.

Таким образом, британская корона совершенно не участвовала в вопросах, связанных с индийскими княжествами. Только за последние годы от имени княжеств были выдвинуты претензии на какую-то степень независимости и, кроме того, было заявлено, что у них имеются особые отношения с британской

¹ В 1765 году Ост-Индской компании по указу могольского правителя было предоставлено *дивани* (то есть право сбора налогов) в Бенгалии, Бихаре и Ориссе. Со сбором налога было связано и все внутреннее управление и отправление правосудия. — *Прим. ред.*

короной, отдельно от правительства Индии. Следует отметить, что такие договоры имеются у очень немногих княжеств; существует только сорок договорных княжеств, у остальных имеются «соглашения и *санады*¹». В этих сорока княжествах сосредоточено три четверти населения всех индийских княжеств, и в шести из них проживает гораздо больше одной трети этого населения².

В Законе об управлении Индией 1935 года впервые было введено некоторое отличие во взаимоотношениях английского парламента с княжествами и с остальной Индией. Княжества были изъяты из-под контроля и руководства правительства Индии и подчинены непосредственно вице-королю, который в связи с этим стал именоваться представителем короны. Вице-король оставался в то же время главой правительства Индии. Политический департамент правительства Индии, который ранее ведал княжествами, теперь был подчинен непосредственно вице-королю и не находился более в ведении его исполнительного совета.

Как возникли эти княжества? Некоторые появились совсем недавно, созданные англичанами; другие были наместничествами могольского правителя, и англичане разрешили их правителям остаться в качестве феодальных вассалов; иные, главным образом вожди маратхов, были побеждены английскими войсками, а затем превращены в феодальных вассалов. Возникновение почти всех этих княжеств относится к началу английского владычества; они не имели более ранней истории. Если некоторые из них и являлись независимыми в течение какого-то времени, то эта независимость была кратковременной и заканчивалась поражением в войне или угрозой войны. Только немногие из княжеств, главным образом княжества Раджпутаны, возникли в домогольский период. Княжество Траванкур имеет древнюю, тысячелетнюю историю. Некоторые из гордых раджпутских кланов могут проследить свою генеалогию с доисторических времен. Махарана Удайпура из рода *Сурьявани* («Происходящий от солнца»), имеет родословное дерево, которое можно сравнить с родословной японского микадо. Но эти раджпутские вожди превратились в феодальных вассалов Моголов, а затем покорились маратхам и наконец англичанам. Представители Ост-Индской компании, пишет сэр Эдуард Томпсон, «теперь вернули князьям их положение, подняв их из хаоса, в который они были погружены. Будучи таким образом подняты и восста-

¹ То есть односторонние указы. — *Прим. ред.*

² Эти шесть княжеств: Хайдарабад — двенадцать-тринадцать миллионов человек, Майсур — семь с половиной миллионов человек, Траванкур — шесть с четвертью миллионов человек, Барода — четыре миллиона человек, Кашмир — три миллиона человек и Гвалиор — три миллиона человек; итого — свыше тридцати шести миллионов. Общее население индийских княжеств — около девяноста миллионов человек.

новлены, эти «князья» были наиболее беспомощными и покинутыми из всех правителей с сотворения мира. Не будь вмешательства английского правительства, раджпутские княжества прекратили бы свое существование, а маратхские княжества распались бы. Что касается таких княжеств, как Ауд и владения низама, то самое их существование было фикцией, в них поддерживалось подобие жизни только благодаря той струе, которую вдохнула в них покровительствующая держава»¹.

Хайдарабад, теперь ведущее княжество, был вначале не-большой территорией. Его границы расширялись дважды — после поражения Типу-султана в войнах с англичанами и после войн с маратхами. Это расширение происходило по настоянию англичан и при специальном условии, что низам должен действовать в качестве подчиненного им. После поражения Типу-султана предложение о передаче части его территории было даже сначала сделано пешве, вождю маратхов, но он отказался принять ее на этих условиях.

Кашмир, другое крупное княжество, было продано Ост-Индской компанией после войн с сикхами прадеду нынешнего правителя. Оно было впоследствии взято под прямой контроль англичан под предлогом плохого управления. Позднее правителю была возвращена его власть. Нынешнее княжество Майсур было создано англичанами после войн с Типу-султаном. Оно также находилось под непосредственным господством англичан в течение длительного периода.

Единственным поистине независимым княжеством в Индии является Непал, на северо-восточной границе, который занимает положение, аналогичное положению Афганистана, хотя он несколько изолирован. Все остальные княжества входили в сферу так называемой «субсидиарной системы», при которой вся фактическая власть принадлежала английскому правительству, действовавшему через резидента или агента. Зачастую даже министрами правителя были навязанные ему чиновники-англичане. Но вся ответственность за управление княжеством и реформы лежала на правителе, который при самых добрых намерениях (у него обычно не было ни таких намерений, ни способностей) мало что мог сделать в этих условиях. Генри Лоуренс писал в 1846 году об индийской системе княжеств: «Если существует верный способ обеспечить плохое управление, то он

¹ Edward Thompson, *The Making of the Indian Princes*, pp. 270—271. В этой книге, равно как и в его «*Life of Lord Metcalfe*», даны яркие картины Хайдарабада и английского правления и коррупции в этом княжестве, а также в Дели и Пенджабе при Ранджит Сингхе. Комиссия Батлера (1928—1929 годы), назначенная английским правительством для рассмотрения проблемы индийских княжеств, заявляла в своем отчете: «Утверждение, что индийские княжества были независимыми, когда они пришли в соприкосновение с английским владычеством, не соответствует историческим фактам. Некоторые были спасены, другие были созданы англичанами».

заключается в утверждении местного правителя и министра, опирающихся на иностранные штыки и руководимых английским резидентом; даже если бы все они были способными, добродетельными и внимательными, все же колеса государственной машины вряд ли вертелись бы плавно. Если трудно выбрать одного человека, европейца или туземца, обладающего необходимыми качествами справедливого правителя, то где же найти троих, которые смогли бы или захотели бы работать вместе? Каждый из трех может причинить неисчислимый вред, но никто из них просто не в состоянии сделать добро, если ему мешает другой».

Еще раньше, в 1817 году, сэр Томас Манро писал генерал-губернатору: «Имеется много веских возражений против использования субсидиарных войск. Это естественно ведет к тому, что правительство любой страны, в которой они существуют, становится слабым и деспотичным, уничтожает всякие благородные чувства у высших классов общества и унижает и доводит до обнищания весь народ. Обычным лекарством против плохого управления в Индии является либо небольшая дворцовый переворот, либо взрыв восстания, либо чужеземное завоевание. Но присутствие английских войск устраняет всякую возможность применить это лекарство, ибо они поддерживают князя на троне против всех его внешних и внутренних врагов. Это делает князя вялым, приучая доверять свою безопасность чужестранцам, но в то же время жестоким и алчным, так как ему нечего опасаться ненависти своих подданных. Где бы ни вводилась субсидиарная система, если только правитель не является человеком больших способностей, ее воздействие на страну вскоре проявляется в виде разорения деревень и сокращения численности населения... Даже в том случае, если сам князь склонен строго придерживаться союза (с англичанами), среди его главных чиновников всегда найдутся такие, которые будут побуждать его нарушить этот союз. До тех пор, пока в стране сохраняется дух благородной независимости, стремящийся сбросить с себя власть чужестранцев, будут находиться такие советники. Я слишком хорошего мнения о туземном населении Индии, чтобы предположить, что эти настроения когда-либо будут уничтожены полностью; и поэтому я не могу сомневаться в том, что субсидиарная система должна повсюду прийти к своему логическому концу, к уничтожению любого правительства, которое она обязуется защищать»¹.

Несмотря на подобные протесты, была создана система субсидиарных индийских княжеств, и она неизбежно привела к коррупции и тирании. Правительства этих княжеств зачастую были довольно плохи, но при любых обстоятельствах они

¹ Цитируется по книге Edward Thompson «The Making of the Indian Princes», 1943, pp. 22—24.

были почти бессильны; не многие из английских резидентов или агентов в этих княжествах, подобно Меткафу, являлись честными и добросовестными людьми. Гораздо чаще у них не было ни честности, ни добросовестности, и они пользовались привилегией соержанок — имели власть и не несли никакой ответственности. Частные лица, авантюристы из Англии, убежденные в своей безнаказанности благодаря принадлежности к английской нации и уверенные в официальной поддержке, расхищали казну княжеств. Некоторые сведения о том, что происходило в этих княжествах в первой половине 19 века, особенно в Ауде и Хайдарабаде, кажутся почти невероятными. Ауд был присоединен к Британской Индии незадолго до восстания 1857 года.

Английская политика того периода была в пользу подобных аннексий, и любой предлог применялся для осуществления перехода княжества к английским властям в качестве «выморочного владения». Однако мятеж и великое восстание 1857 года показали английскому правительству ценность системы субсидиарных княжеств. За редкими исключениями индийские князья не только остались в стороне от восстания, но в некоторых случаях даже помогали англичанам подавить его. Это вызвало изменение английской политики по отношению к ним, и было решено их поддерживать и даже укреплять.

Была провозглашена доктрина английского «верховного владычества», и в действительности контроль политического департамента правительства Индии над княжествами оставался строгим и постоянным. Правителей смещали или лишали их власти; им навязывали министров из английских служащих. Довольно большое число таких министров и теперь продолжает работать в этих княжествах, и они считают себя в большей мере ответственными перед английской властью, нежели перед своим номинальным главой, князем.

Некоторые князья — хороши, другие — плохи; даже хорошим мешают и стесняют их на каждом шагу. Как класс они, естественно, отстали, феодальны по своим взглядам и деспотичны по своим методам, за исключением сношений с английским правительством, когда они проявляют надлежащее раболепие. Шелванкар справедливо назвал индийские княжества «английской пятой колонной в Индии».

ПРОТИВОРЕЧИЕ АНГЛИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИНДИИ.

РАМ МОХАН РОЙ. ПРЕССА. СЭР УИЛЬЯМ ДЖОНС.

АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В БЕНГАЛИИ

При рассмотрении истории английского владычества в Индии одно удивительное противоречие бросается в глаза на каждом шагу. Англичане стали правителями Индии и самой передовой державой мира, потому что они были пионерами новой крупной

машинной индустриальной цивилизации. Они представляли новую историческую силу, которая намеревалась изменить мир, и являлись, таким образом, сами не сознавая этого, авангардом и представителями перемен и революции. И все же они сознательно пытались препятствовать переменам, за исключением тех случаев, когда это было необходимо для упрочения их положения и помогало им эксплуатировать страну и ее народ ради собственной выгоды. Их взгляды и цели были реакционными отчасти вследствие происхождения того социального класса, который пришел сюда, но главным образом вследствие умышленного стремления задержать изменения прогрессивного характера, так как они могли бы усилить индийский народ и, таким образом, в конечном итоге ослабить английское господство над Индией. Страх перед народом пронизывает все их мысли и политику, ибо они не хотели и не могли слиться с ним, и им суждено было остаться изолированной чужеземной правящей группой, окруженной совершенно отличной от них и враждебной массой. Перемены все же произошли, причем некоторые из них — в прогрессивном направлении, но они пришли вопреки английской политике, хотя стимулом для них явилось воздействие нового Запада через англичан.

Отдельные англичане — педагоги, востоковеды, журналисты, миссионеры и др. — играли важную роль во внедрении западной культуры в Индию; в своих попытках осуществить это они часто вступали в конфликт с собственным правительством. Это правительство боялось распространения современного образования и воздвигало много препятствий на его пути, и все же английские идеи, литература, и политическая традиция были введены в Индии именно благодаря новым усилиям способных и энергичных англичан, которые сплотили вокруг себя группы полных энтузиазма индийских студентов. (Когда я говорю об англичанах, я подразумеваю, конечно, население всей Великобритании и Ирландии, хотя мне известно, что это неправильно и неверно. Но мне не нравится слово «британец», и даже оно, вероятно, не включает ирландцев. Приношу мои извинения ирландцам, шотландцам и уэльсцам. В Индии все они действовали одинаково и считались одной группой, без каких бы то ни было различий.) Даже английское правительство, несмотря на свою неприязнь к образованию, вынуждено было под давлением обстоятельств организовать обучение и подготовку низших чиновников для своего растущего аппарата. Оно не могло позволить себе привозить из Англии большое количество людей для замещения этих низших должностей. Поэтому образование медленно распространялось, и хотя это было ограниченное и извращенное образование, оно раскрыло души индийцев для восприятия новых идей и динамичных мыслей.

Печатный станок и фактически все машины также считались опасными и вредными для индийских умов, и введение машин

никоим образом не поощрялось, дабы они не привели к распространению мятежного духа и к промышленному развитию. Рассказывают, что низам Хайдарабада однажды выразил желание посмотреть европейские машины, вследствие чего английский резидент приобрел для него пневматический насос и печатную машину. После того как мимолетное любопытство низама было удовлетворено, их отправили на хранение вместе с другими подарками и редкостями. Но когда об этом узнало правительство в Калькутте, оно выразило свое неудовольствие резиденту, упрекнув его особенно за привоз печатной машины в индийское княжество. Резидент выразил готовность дать указание сломать ее тайно, если правительство пожелает этого.

Но хотя правительство не поощряло частные типографии, оно не могло продолжать свою деятельность без печатных изданий, и поэтому в Калькутте, Мадрасе и других городах были открыты правительственные типографии. Первая частная типография была открыта миссионерами-баптистами в Серампуре, а первая газета начала издаваться англичанином в Калькутте в 1780 году.

Все эти и другие подобные новшества проникали постепенно, оказывая влияние на взгляды индийцев и пробуждая в них «современное» самосознание. Только небольшая группа индийцев подверглась непосредственному воздействию европейской мысли, так как Индия цеплялась за свои собственные философские принципы, считая их выше западных. По-настоящему воздействие и влияние Запада затронуло практическую сторону жизни, в которой Запад явно опередил Восток. Никак нельзя было игнорировать современную технику — железные дороги, печатные и другие машины, более эффективные приемы ведения войны, — а это, почти незаметно, косвенными путями, воздействовало и на старый образ мыслей, создавая разлад в умах индийцев. Наиболее очевидной и чреватой последствиями переменой явился распад аграрной системы и введение понятий частной собственности и помещичьего землевладения. В Индию постепенно все более проникали денежные отношения, и «земля стала предметом купли-продажи. То, что когда-то считалось неизблемым по традиции, постепенно исчезло под воздействием денег».

Бенгалия значительно раньше, чем какая-либо другая крупная провинция Индии, увидела и испытала на себе все эти аграрные, технические, образовательные и интеллектуальные перемены, ибо Бенгалия в течение полувека находилась под английским владычеством, прежде чем оно распространилось на другие области. Поэтому в течение второй половины 18 и первой половины 19 века Бенгалия играла ведущую роль в жизни Британской Индии. Бенгалия была не только центром и сердцем английской администрации, но из нее также вышли первые группы получивших английское образование индийцев, которые под сенью английской державы направлялись затем в другие районы страны. В 19 столетии в Бенгалии появился ряд

выдающихся людей, которые в культурных и политических вопросах повели за собой остальную Индию, и благодаря их усилиям в конечном счете оформилось новое националистическое движение. Бенгалия не только значительно дольше была знакома с английским господством, но она испытала его на самых ранних стадиях, когда оно было одновременно и более грубым, более безудержным и более гибким и менее застывшим в неподвижных рамках. Она примирилась с этим господством, приспособилась к нему задолго до того, как ему подчинилась Северная и Центральная Индия. Великое восстание 1857 года мало повлияло на Бенгалию, хотя первая его искра случайно вспыхнула в Дум-Думе, близ Калькутты.

До установления английского господства Бенгалия была дальней провинцией Могольской империи, важной, но все же довольно оторванной от ее центра. В ранний период средневековья среди индусского населения Бенгалии процветали многие низшие формы культа, вера в магию и ее заклинания. Затем возникли многочисленные индусские реформатские движения¹, оказавшие влияние на социальные обычаи и законы и несколько изменившие даже глубоко укоренившиеся в других местах права наследования. Чайтанья, человек большой учености, проповедовавший, что главное — это вера и чувство, основал одну из форм вишнуизма, опирающуюся на примат веры, и оказал сильное влияние на народ Бенгалии. Для бенгалцев стала характерной странная смесь высоких интеллектуальных достижений со столь же сильным эмоционализмом. Эта традиция веры в силу любви к богу и служения человечеству воплотилась в Бенгалии во второй половине 19 века в другом замечательном святом человеке — Рамакришне Парамахансе; в честь его был основан орден, который приобрел непревзойденную репутацию в служении людям и благотворительной деятельности. Посвятив себя идеалу терпеливого любовного служения человечеству, подобно монахам-францисканцам древних времен, спокойные, скромные и умелые, напоминая этим квакеров, члены миссии Рамакришны трудятся в своих больницах и учебных заведениях и в периоды бедствий всегда приходят на помощь по всей Индии и даже за ее пределами.

Рамакришна представлял старинную индийскую традицию. До него, в 18 веке, в Бенгалии выдвинулась другая выдающаяся личность — раджа Рам Мохан Рой, который был человеком нового типа, сочетавшим в себе древнюю и современную мудрость. Глубоко осведомленный в области индийской мысли и философии, знаток санскритского, персидского и арабского языков,

¹ В то время официальный индуизм настаивал на схоластической учености, достижимой только для брахманов, как на единственном пути религиозного усовершенствования. Индусские реформаты, подчеркивавшие примат веры в бога и любви к нему над ученостью, утверждали, что член низшей касты может таким образом стать выше брахмана. — *Прим. ред.*

он был продуктом смешанной индо-мусульманской культуры, преобладавшей в то время среди образованных кругов Индии. Приход англичан в Индию и их превосходство во многих областях заставили этого любознательного и энергичного человека заняться изучением истоков их культуры. Он овладел английским языком, но этого оказалось недостаточно. Он изучил греческий, латинский и древнееврейский языки — тоже для того, чтобы познать происхождение религии и культуры Запада. Его привлекала также наука и технические достижения западной цивилизации, хотя в тот период эти технические изменения были еще не так очевидны, как впоследствии. Отличаясь склонностью к философии и науке, Рам Мохан Рой неизбежно должен был обратиться к древней литературе. Характеризуя его, востоковед Моньер-Вильямс заявил, что это был «пожалуй, первый серьезный исследователь науки о сравнительной религии, которого когда-либо дал мир»; и все же,ряду с этим, Рам Мохан Рой стремился модернизировать образование и вырвать его из тисков древней схоластики. Даже в тот ранний период он выступал в защиту научного метода и писал генерал-губернатору, подчеркивая необходимость преподавания «математики, натурфилософии, химии, анатомии и других полезных наук».

Он был больше чем ученый и исследователь, в первую очередь он был реформатор. Находясь в ранние годы под влиянием ислама, а позднее до некоторой степени под влиянием христианства, он, тем не менее, всегда оставался верен принципам своей собственной религии. Но он пытался реформировать эту религию и освободить ее от крайностей и вредных обрядов, которые ассоциировались с нею. Главным образом под влиянием его выступлений за отмену *сати* английское правительство запретило этот обряд. Сати, то есть самосожжение вдовы на погребальном костре мужа, никогда не имело широкого распространения. Но в редких случаях оно попрежнему имело место среди высших классов. Вероятно, этот обычай был впервые занесен в Индию скифо-татарами, среди которых господствовал обычай, согласно которому вассалы и ленники убивали себя после смерти своего господина. Древняя санскритская литература осуждает обряд сати. Акбар упорно пытался запретить его, и маратхи также восставали против него.

Рам Мохан Рой был одним из основателей индийской прессы. Начиная с 1780 года англичане стали издавать в Индии ряд газет. Обычно они очень резко критиковали правительство, что привело к конфликту и введению строгой цензуры. В числе первых борцов за свободу печати в Индии были англичане, и один из них, Джеймс Силк Бакингом, память о котором сохранилась до сих пор, был выслан из страны. Первая газета, принадлежавшая индийцам и издававшаяся ими, начала выходить (на английском языке) в 1818 году, и в том же году баптисты-миссионеры в Серампуре приступили к изданию одного

ежемесячного и одного еженедельного журнала на бенгальском языке, первых периодических изданий на одном из языков Индии. Затем в Калькутте, Мадрасе и Бомбее одна за другой начали возникать газеты и периодические издания на английском и индийском языках.

К тому времени уже началась борьба за свободную прессу, то вспыхивающая, то затихающая, продолжающаяся до наших дней. 1818 год ознаменовался также изданием знаменитого Постановления III, впервые предусматривавшего тюремное заключение без суда. Это постановление все еще действует в наши дни, и множество людей томится в тюрьмах на основании этого закона 126-летней давности.

Рам Мохан Рой был связан с несколькими газетами. Он основал журнал на двух языках — бенгальском и английском, — а впоследствии, стремясь к распространению своего издания по всей Индии, он начал издавать еженедельный журнал на персидском языке, который в то время считался языком образованных слоев населения по всей Индии. Но это начинание потерпело неудачу вскоре после введения в силу в 1823 году новых мероприятий по контролю над печатью. Рам Мохан и другие энергично протестовали против этих мероприятий и даже обратились с петицией к королю Англии и его Совету.

Журналистская деятельность Рам Мохан Роя в конечном итоге была связана с его деятельностью реформатора. Его почерпнутые из разных источников всеобъемлющие взгляды возмущали ортодоксальные слои населения, которые противились также многим выдвигавшимся им реформам. Но у него были и стойкие последователи, в том числе семья Тагоров, которая сыграла впоследствии выдающуюся роль в возрождении Бенгалии. Рам Мохан Рой отправился в Англию от имени дельийского правителя и умер в Бристоле в начале тридцатых годов 19 столетия.

Рам Мохан Рой, Тагоры и другие изучали английский язык частным образом. Тогда не было ни английских школ, ни колледжей, и политика правительства явно была направлена против обучения индийцев английскому языку. В 1781 году правительством в Калькутте были открыты Индусский колледж и Калькуттское медресе, первый для изучения санскрита, а второе — арабского языка. В 1791 году был открыт Санскритский колледж в Бенаресе. Возможно, что в двадцатых годах 19 столетия в некоторых миссионерских школах преподавался английский язык. В эти же годы в правительственных кругах возникли веяния в пользу обучения индийцев английскому языку, но они столкнулись с сопротивлением. Однако в виде эксперимента в Арабской школе в Дели и в некоторых учебных заведениях Калькутты было введено изучение английского языка. Окончательное решение в пользу преподавания английского языка было введено в связи с памятным докладом Маколея о просвещении от февраля 1835 года. Позднее в Калькутте был

открыт Колледж Бенгальского президентства. В 1857 году начали свою деятельность университеты в Калькутте, Мадрасе и Бомбее.

Если английское правительство в Индии неохотно соглашалось на обучение индийцев английскому языку, то ученые брахманы еще больше возражали, хотя и по иным соображениям, против обучения англичан санскриту. Когда сэр Уильям Джонс, уже ставший лингвистом и ученым, прибыл в Индию в качестве члена Верховного суда, он выразил желание изучить санскрит. Однако ни один брахман не согласился обучать чужеземца и незваного гостя этому священному языку, даже несмотря на предложенное солидное вознаграждение. В конце концов Джонсу с большим трудом удалось повлиять не на брахмана, а на вайдью — практикующего врача, который согласился обучать его, но на предъявленных им особых и строгих условиях. Джонс был согласен на любые требования, — так велико было его стремление изучить древний язык Индии. Санскрит очаровал его, а особенно открытие древней индийской драмы. Именно благодаря трудам и переводам Джонса Европа впервые получила представление о некоторых сокровищах санскритской литературы. В 1784 году сэром Уильямом Джонсом было организовано Бенгальское азиатское общество, впоследствии переименованное в Королевское азиатское общество. Индия в неоплатном долгу перед Джонсом и многими другими европейскими учеными, которые вновь открыли ее литературу прошлого. Разумеется, многое из нее было известно во все времена, но знакомство с нею постепенно становилось доступным лишь самым избранным и замкнутым группам, а преобладание персидского языка как языка культуры отвратило от нее умы народа. Поиски рукописей помогли обнаружить многие мало известные работы, а применение современных критических методов анализа дало новое истолкование найденной обширной литературе.

Появление и применение печатной машины явилось большим стимулом для развития народных индийских языков. Некоторые из этих языков — хинди, бенгали, гуджарати, маратхи, урду, тамильский и телугу — не только вошли в употребление с давних пор, но на них были написаны и литературные произведения. Многие из книг на этих языках были широко известны массам. Почти всегда это были эпические произведения, поэмы или сборники песен и стихов, которые легко запоминались. Фактически прозы на этих языках в тот период не было. Серьезные труды почти всегда появлялись лишь на санскрите или на персидском языке; предполагалось, что каждый культурный человек знает один из них. Эти два классических языка играли ведущую роль и тем препятствовали развитию народных языков индийских провинций. Издание книг и газет разбило сдерживающие оковы классических языков, и сейчас же вслед за этим начала развиваться проза

на языках провинций. Первые христианские миссионеры, особенно члены баптистской миссии в Серампуре, в значительной степени способствовали этому процессу. Они основали первые частные типографии, и их усилия по переводу Библии прозой на индийские языки увенчались значительным успехом.

При работе с хорошо известными и сложившимися языками не встречалось затруднений, но миссионеры не остановились на этом и, взявшись за овладение некоторыми второстепенными и слабо развитыми языками, способствовали их формированию, составляя грамматики и словари этих языков. Они даже занимались диалектами первобытных горных и лесных племен, вводя у них письменность. Стремление христианских миссионеров перевести Библию на все существующие языки привело, таким образом, к развитию многих индийских языков. Деятельность христианских миссионеров в Индии не всегда была замечательной или достойной похвалы, но в этом отношении, так же как и в сборе фольклора, они, несомненно, оказали большую услугу Индии.

Нежелание Ост-Индской компании распространять просвещение было обоснованным, так как еще в 1830 году группа студентов Индусского колледжа в Калькутте (где обучали только санскритскому, но не английскому языку) потребовала некоторых реформ. Они требовали ограничить политическую власть Компании и ввести бесплатное и обязательное обучение. Бесплатное обучение было хорошо известно в Индии с самых древних времен. Это обучение было традиционным, не весьма совершенным или полезным, но доступным для бедных студентов, которые не должны были ничего платить, не считая некоторых личных услуг учителю. В этом отношении у индусов и мусульман были одинаковые традиции.

В то время как распространению нового просвещения ставили умышленные препятствия, старая система обучения в Бенгалии была в значительной мере уничтожена. Когда англичане захватили власть в Бенгалии, там существовало очень большое количество *муафи*, то есть свободных от налогообложения земельных пожалований. Многие из них принадлежали отдельным лицам, но большинство было даровано учебным заведениям. За счет этих участков кормилось большое число начальных школ старого типа, а также некоторые высшие учебные заведения, где обучение велось главным образом на персидском языке. Ост-Индская компания стремилась к быстрейшему обогащению для уплаты дивидендов своим акционерам в Англии, и требования ее директоров были постоянными и настойчивыми. В силу этого была принята преднамеренная политика, ставившая своей целью возврат и конфискацию этих земель — *муафи*. Потребовали представления точных доказательств первоначального пожалования, но старые санады и документы были давно либо потеряны, либо съедены термитами;

поэтому муафи были отобраны, и их прежние владельцы выселены, а школы и колледжи лишились этих дарованных им земель. Это затронуло огромную территорию, и многие старинные роды были разорены. Учебные заведения, которые существовали за счет этих муафи, перестали функционировать, и большое число преподавателей и других связанных с ними лиц лишились работы.

Этот процесс способствовал гибели старых феодальных классов Бенгалии, как мусульман, так и индусов, равно как и тех классов, которые зависели от них. Особенно сильно это отразилось на мусульманах, поскольку у них сохранилось в целом больше феодальных традиций, чем у индусов, и к тому же они были главными владельцами муафи. Среди индусов насчитывалось гораздо большее число людей, принадлежавших к буржуазии, которые занимались торговлей, коммерцией и овладели различными профессиями. Эти люди были более восприимчивы и охотнее приобщались к английскому образованию. Они были также более полезны англичанам для замещения низших должностей. Мусульмане сторонились английского образования и в Бенгалии не пользовались благосклонностью английских правителей, которые опасались, что остатки старого правящего класса могут причинить им неприятности. Бенгальские индусы, таким образом, на первых порах пользовались почти монопольным правом на замещение мелких должностей в правительственных учреждениях, и их же посылали в северные провинции. Позднее на эту службу были приняты некоторые мусульмане, представители старых родов.

Английское образование привело к расширению кругозора индийцев, к восхищению английской литературой и институтами, к возмущению против некоторых обычаев и сторон индийской жизни и к растущему требованию политических реформ. Новая интеллигенция возглавила политическую агитацию, которая выразилась главным образом в представлении петиций правительству. Получившие английское образование интеллигенты и чиновники образовали, по существу, новый класс, впоследствии появившийся во всех частях Индии, класс, находившийся под влиянием западной мысли и обычаев и в значительной мере оторванный от народных масс. В 1852 году в Калькутте была учреждена Англо-индийская ассоциация. Она являлась одним из предшественников Индийского Национального конгресса, и все же целое поколение должно было сойти со сцены, прежде чем в 1885 году этот Конгресс был создан. Этот промежуток ознаменован восстанием 1857—1858 годов, его подавлением и его последствиями. Большое различие между положением Бенгалии и положением Северной и Центральной Индии в середине 19 столетия подчеркивается тем обстоятельством, что в то время как в Бенгалии новая интеллигенция (главным образом индусская) находилась под влиянием английских идей и литературы

и ожидала от Англии политических конституционных реформ, другие области были охвачены духом восстания.

В Бенгалии отчетливее, чем где бы то ни было, можно проследить первые результаты английского господства и западного влияния. Прежняя аграрная система была совершенно подорвана, и старые феодальные классы были почти уничтожены. На смену им пришли новые землевладельцы, чьи органические и традиционные связи с землей были значительно слабее; у них было мало добродетелей и большинство недостатков старых феодальных помещиков. Крестьянство страдало от голода и разнообразных форм грабежа и было доведено до крайней нищеты. Класс ремесленников был почти уничтожен. На этом шатком и расколотом фундаменте выросли новые группы и классы — результат английского владычества, — связанные с англичанами многочисленными узами. Это были купцы, которые фактически являлись посредниками английской торговли и промышленности и наживались на остатках, ненужных этой промышленности. Это были также мелкие государственные чиновники и интеллигенция, получившие английское образование; как те, так и другие ожидали содействия прогрессу от английских властей и находились в той или иной степени под влиянием западных идей. Среди них нарастал дух протеста против окостеневших обычаев и социального строя индусского общества. Они искали вдохновения в английском либерализме и английских институтах.

Такова была перемена, происшедшая в высших слоях индусского населения Бенгалии. Основная масса этого населения не была затронута непосредственно, и даже индусские лидеры, вероятно, редко вспоминали о массах. Мусульмане, за исключением нескольких лиц, вообще не были затронуты этим влиянием и сознательно держались в стороне от нового просвещения. Они еще раньше отстали в экономическом отношении, а впоследствии это еще усилилось. 19 век дал плеяду блестящих индусских деятелей в Бенгалии, однако в это время вряд ли существовал хоть один сколько-нибудь выдающийся мусульманский лидер в Бенгалии. Что касается народных масс, то едва ли между индусами и мусульманами имелаась какая-либо существенная разница; их нельзя было отличить друг от друга по обычаям, образу жизни, языку, для них были характерны общая нищета и общие несчастья. Нигде в Индии религиозные и иные различия между индусами и мусульманами всех классов не были так мало заметны, как в Бенгалии. Вероятно, 98 процентов мусульман, обычно из самых низших слоев общества, в прошлом исповедовали индуизм. По численности мусульмане, вероятно, несколько превосходили индусов. (В настоящее время в Бенгалии существует следующее соотношение: 53 процента мусульман, 46 процентов индусов, 1 процент прочих.)

Все эти первые последствия знакомства с англичанами и различные экономические, социальные, интеллектуальные и политические движения, которые оно вызвало в Бенгалии, проявлялись и в других областях Индии, но в меньшей степени. Распад старого феодального строя и экономики проходил там с меньшей полнотой и более постепенно. Этот строй энергично сопротивлялся и сохранился до некоторой степени даже после крушения. Мусульмане в Верхней Индии в культурном и экономическом отношении значительно превосходили своих единоверцев в Бенгалии, но даже они сторонились западного образования. Индусы легче приспособились к этому образованию, и западные идеи оказали на них большее влияние. На низших правительственных должностях и среди людей умственного труда было гораздо больше индусов, чем мусульман. Только в Пенджабе это различие было менее заметно.

Восстание 1857—1858 годов вспыхнуло и было подавлено, но Бенгалия почти не была затронута им. На протяжении 19 столетия новый, получивший английское образование класс (главным образом из индусов) с восхищением взирал на Англию и рассчитывал на прогресс с ее помощью и при ее сотрудничестве. Это был период культурного возрождения и значительного развития бенгальского языка, а лидеры Бенгалии выдвинулись как руководители политической жизни Индии.

Некоторое представление об этой вере в Англию, которая владела в тот период умами бенгальцев, а также о протесте против древнего социального кодекса можно получить из волнующего послания Рабиндраната Тагора, написанного им в день своего восьмидесятилетия (май 1941 года), за несколько месяцев до смерти. «Когда я обращаю свой взор,— говорит он,— на длинную вереницу лежащих позади годов и передо мною в четкой перспективе возникает история моего развития с юных лет, меня поражает та перемена, которая произошла как в моем собственном сознании, так и в психологии моих соотечественников,— перемена, в которой кроется причина глубокой трагедии.

Наш непосредственный контакт с широким миром был связан с современной историей английского народа, с которым нам пришлось познакомиться в те далекие дни. Главным образом с помощью его великой литературы сложились наши представления об этих припешьях, высадившихся на наших индийских берегах. В те дни преподносимые нам знания не отличались ни обилием, ни разнообразием, и дух научного исследования почти не проявлялся. Итак, вследствие крайней ограниченности своего кругозора просвещенные люди того периода обращались к английскому языку и литературе. Их дни и ночи были заполнены величавой декламацией Берка, длиннейшими изречениями Маколея, спорами по поводу драм Шекспира и поэзии

Байрона или главным образом по поводу великодушного либерализма английской политики 19 столетия.

В то время, несмотря на наши робкие попытки добиться национальной независимости, в душе мы не утратили веры в великодушные английского народа. Эта вера прочно укрепилась в сознании наших вождей и давала им основание надеяться, что победитель по собственному благоволению укажет побежденному дорогу к свободе. Эта вера основывалась на том, что Англия в тот период давала убежище всем, кто вынужден был бежать от преследований у себя на родине. Политические мученики, пострадавшие за честь своего народа, получали у англичан самый радушный прием. Меня поразило это доказательство либеральной гуманности в характере англичан, и это заставило меня вознести их на пьедестал моего величайшего уважения. Это великодушие, являющееся их национальной чертой, еще не было вытеснено высокомерием империалистов. Примерно в это же время, юношей, я побывал в Англии и имел возможность слушать выступления Джона Брайта в парламенте и за его стенами. Широкий радикальный либерализм этих речей, сметающий все узкие национальные преграды, оставил в моей памяти такой глубокий отпечаток, что какая-то частица его сохранилась и поныне, даже в эти дни жестоких разочарований.

Разумеется, это чувство жалкой зависимости от великодушия наших правителей не могло служить поводом для гордости. Наиболее знаменательной, однако, была та искренность, с которой мы признавали человеческое величие, даже когда оно проявлялось у чужеземца. Самые лучшие и благороднейшие дары человечества не могут быть монополией какого-либо одного народа или отдельной страны; их масштабы не могут быть ограничены, и их нельзя уподоблять сокровищу скупца, зарытому в землю. Вот почему английская литература, питавшая наши мысли в прошлом, даже теперь находит глубокий отклик в тайниках нашей души».

Далее Тагор переходит к индийскому идеалу праведного поведения, предписываемому народными традициями. «Эти освященные временем социальные обычаи, по существу ограниченные, возникли и сохранились на небольшой географической территории, на той полосе земли, которая именуется Брахмаварта и окружена с обеих сторон реками Сарасвати и Дрисадвати. Вот каким образом фарисейский формализм постепенно завладел свободной мыслью и идея «праведного поведения», которую Ману нашел укоренившейся в Брахмаварте, с неизбежностью выродилась в социальную тиранию.

В дни моей ранней юности культурные и образованные слои бенгальцев, вскормленные английскими идеями, были преисполнены чувством протеста против этих окостеневших обычаев общества... Вместо этого застывшего кодекса

поведения мы восприняли идеал «цивилизации» в английском понимании этого слова.

В моей семье эта смена идей приветствовалась, хотя бы только вследствие их рациональности и моральной силы, и их влияние ощущалось во всех сферах нашей жизни. Выросший в этой атмосфере, которая к тому же окрашивалась нашим интуитивным влечением к литературе, я, естественно, вознес англичан на трон в своей душе. Так протекали первые этапы моей жизни. Затем наши пути разошлись, и это сопровождалось болезненным чувством разочарования, когда я все больше начинал понимать, с какой легкостью те, кто усвоил высочайшие истины цивилизации, безнаказанно отвергали их, как только это касалось их своекорыстных национальных интересов».

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ 1857 ГОДА. РАСИЗМ

После почти ста лет английского владычества Бенгалия приспособилась к нему; крестьянство было разорено голодом и сгибалось под новыми экономическими тяготами, новая интеллигенция обратила свои взоры на Запад, надеясь, что прогресс придет через английский либерализм. Это же, в той или иной степени, происходило в Южной и Западной Индии, в Мадрасе и Бомбее. Но в Верхних провинциях¹ не было такого подчинения или приспособления, и дух протеста нарастал, особенно среди феодальных вождей и их сторонников. Даже среди масс были широко распространены недовольство и сильные антибританские настроения. Высшие классы остро переживали оскорбительное и высокомерное поведение чужеземцев, а народ в целом страдал от алчности и невежества чиновников Ост-Индской компании, пренебрегавших его освященными временем обычаями и не обращавших внимания на то, что думало население страны. Неограниченная власть над огромным числом людей вскружила чиновникам головы, и они не желали знать ни ограничений, ни помех. Даже введенная ими новая система судопроизводства превратилась в орудие террора в силу своей сложности и незнакомства судей как с языком, так и с обычаями страны.

Еще в 1817 году сэр Томас Манро, обращаясь к генерал-губернатору лорду Гастингсу и подчеркнув преимущества английского господства, заявил: «Но эти преимущества куплены дорогой ценой. В жертву им принесены независимость, национальное достоинство и все, что делает народ уважаемым... Поэтому результатом завоевания Индии британским оружием явится вместо возвышения унижение достоинства целого народа. Возможно, нет других примеров завоевания, при котором туземцы были бы в столь полной мере устранены от

¹ Так назывался в то время нынешний Уттар Прадеш.— *Прим. ред.*

всякого участия в управлении своей страной, как в Британской Индии».

Манро в то время убеждал использовать индийцев в администрации. Год спустя он снова писал: «Чужеземные завоеватели применяли к туземцам насилие и зачастую большую жестокость, но никто еще не обращался с ними с таким презрением, как мы; никто не заклеймил целый народ как недостойный доверия, неспособный к честным поступкам и пригодный для использования только там, где мы не можем обойтись без него. Унижение национального достоинства народа, попавшего под нашу власть, является не только неблагородным, но и неполитичным»¹.

Английское владычество распространилось на Пенджаб к 1850 году, после двух войн с сикхами. Махараджа Ранджит Сингх, который правил и расширил княжество сикхов в Пенджабе, умер в 1839 году. В 1856 году Ауд был аннексирован. Ауд фактически находился под английским господством в течение полувека, так как это было вассальное княжество, номинальный правитель которого был беспомощным и дегенеративным, а британский резидент — всемогущим. Ауд познал всю глубину нищеты и являл собой пример всех зол субсидиарной системы.

В мае 1857 года индийская армия в Мируте взбунтовалась. Это восстание было тайно и хорошо организовано, но преждевременный взрыв несколько нарушил планы его вождей. Это был не просто военный бунт: мятеж быстро распространился и принял характер народного восстания и войны за независимость Индии. Как народное восстание масс он ограничился пределами Дели, Соединенных провинций (как их сейчас называют) и некоторыми областями Центральной Индии и Бихара. По существу, это был феодальный мятеж, возглавляемый феодальными вождями и их сторонниками и поддерживаемый широкими античужеземными настроениями. Они, неизбежно, обратили свои взоры к обломку династии Моголов, все еще восседавшему во дворце в Дели, но слабому, старому и бессильному. Как индусы, так и мусульмане принимали в полной мере участие в восстании.

Это восстание поставило английские власти в отчаянное положение и было подавлено в конце концов с помощью индийцев. Оно выявило все врожденные слабости старого порядка, который делал последнее отчаянное усилие, чтобы сбросить чужеземное владычество. Феодальные вожди пользовались сознанием масс в обширных районах, но они были неспособными, неорганизованными и не имели ни положительной программы, ни общности интересов. Они уже сыграли свою роль

¹ Цитируется по книге Edward Thompson «The Making of the Indian Princes», 1943, pp. 273—274.

в истории, и для них не было места в будущем. Многие из них, несмотря на свое сочувствие, считали, что храбрость заключается в осторожности, и держались поодаль, выжидая, на чьей стороне окажется победа. Многие сыграли роль квислингов. Индийские князья в целом держались в стороне или помогали англичанам, боясь рисковать тем, что они приобрели или сумели сохранить. Едва ли у вождей имелось какое-либо национальное чувство, их объединяющее, а одни лишь античужеземные настроения в соединении с желанием сохранить свои феодальные привилегии служили ему плохой заменой.

Англичане получили поддержку гурков, а также сикхов, что еще удивительнее, ибо сикхи являлись их врагами и были побеждены ими за несколько лет до этого. Несомненно, к чести англичан следует отнести то, что они сумели склонить на свою сторону сикхов; следует ли это отнести к чести или позору сикхов тех времен — зависит от личной точки зрения. Ясно, однако, что в тот период отсутствовало национальное чувство, которое смогло бы сплотить народ Индии. Национальное сознание современного типа еще не пришло; Индии суждено было пережить еще много горя и испытаний, прежде чем она усвоила тот урок, который должен принести ей истинную свободу. Борьба за обреченное дело, за феодальный порядок не принесет свободы.

Восстание выдвинуло нескольких превосходных партизанских вождей. Одним из них был Фируз-шах, родственник Бахадур-шаха из Дели, но самым блестящим из всех был Тантия Топи, который в течение многих месяцев причинял беспокойство англичанам, даже тогда, когда ему угрожало поражение. В конце концов, когда он, перейдя реку Нарбада, очутился в землях маратхов, рассчитывая получить помощь и радушный прием у собственного народа, он не встретил сочувствия и был предан. Одно имя выделяется из числа других и все еще почитается в памяти народа — это имя Лакшми Бай, рани Джанси, двадцатилетней девушки, которая пала на поле боя. «Лучшей и храбрейшей» из повстанческих вождей назвала ее английский генерал, который сражался против нее.

Памятники англичанам, погибшим в восстании, воздвигнуты в Канпуре и других местах. Но памятника погибшим индийцам нет. Восставшие индийцы иногда позволяли себе жестокие и варварские действия; они были не организованы, угнетены и часто раздражены сообщениями об эксцессах англичан. Но имется также и другая картина этих событий, которая запечатлелась в памяти Индии, а в городах и селах моей родной провинции память о ней особенно хранится. Хотелось бы позабыть все это, ибо это страшная и отталкивающая картина, показывающая человека в самые худшие минуты, страшная даже в сравнении с новым мерилем варварства, установленным нацизмом и современной войной. Но эта картина может быть забыта

или может вспоминаться с беспристрастной объективностью только тогда, когда она действительно отойдет в прошлое и ничто не будет связывать ее с настоящим. До тех пор, пока существуют связующие звенья и воспоминания и живы и действуют те чувства, которые проявились в этих событиях, эти воспоминания также будут жить и влиять на наш народ. Попытки изгладить из памяти эту картину не уничтожат ее, а делают еще отчетливей. Ее впечатление можно ослабить лишь при правильном подходе к ней.

Много страниц истории, лживых и извращающих положение, написано об этом восстании и его подавлении. То, что думают о нем индийцы, редко проникает в печать. Саваркар написал «The History of the war of Indian Independence» около тридцати лет тому назад, но его книга была сейчас же запрещена и находится под запретом и поныне. Отдельные искренние и честные английские историки время от времени приподнимали завесу, давая некоторое представление о расистском психозе и мании линчевания, которые были распространены в огромных масштабах. Отчеты, приведенные в «History of the Mutiny» Кэя и Молсона и в книге Томпсона и Гаррета «Rise and Fulfilment of British Rule in India», заставляют содрогаться от ужаса. «Каждого индийца, который на деле не сражался за англичан, называли «убийцей женщин и детей...» Была открыто провозглашена массовая резня жителей Дели, большое число которых, как было известно, желали нам успеха». Вспоминали времена Тимура и Надир-шаха, но их подвиги затмевались размахом и длительностью этого нового террора. Грабеж был официально разрешен на неделю, но фактически он продолжался месяц и сопровождался массовой резней.

В моем родном городе и округе Аллахабад и в его окрестностях генерал Нид вершил свой «кровавый суд». «Военные и штатские в равной мере вершили кровавый суд или убивали туземцев без всякого судебного разбирательства, независимо от пола и возраста. В архивах нашего английского парламента, в документах, направленных в Англию генерал-губернатором и его советом, зафиксировано, что «старики, женщины и дети приносятся в жертву, равно как и те, кто виновен в участии в восстании». Их не вешали с соблюдением церемоний, а попросту сжигали живыми в деревнях; возможно, кое-где их «иногда расстреливали». «Группы добровольных вешателей отправлялись в районы, и при этом не было недостатка в палачах-любителях. Один джентльмен хвастался количеством людей, которых он прикончил «совершенно мастерски», используя в качестве виселиц деревья манго, а слонов вместо подставок, причем жертвы этого дикого правосудия подвешивались, как бы ради развлечения, в форме восьмерки». И то же было в Канпуре, Лакнау и повсюду.

Статуя генерала Нила, воздвигнутая, несомненно, за счет Индии, его благодарными соотечественниками, попрежнему смотрит на нас свысока — истинная эмблема английского владычества, каким оно было и продолжает оставаться. Статуя Никольсона с обнаженной шпагой все еще угрожает старому Дели.

Ужасно быть вынужденным возвращаться к этому прошлому, но чувства, приведшие к этим событиям, не исчезли с ними. Они остались до сих пор, и в минуты кризиса или при потере самообладания они снова проявляются. Мир знает об Амритсаре и Джалианвала Баге, но он не знает многого из того, что произошло со времен мятежа, многого, что имело место даже в последние годы и в наши дни, что отравило горечью современное поколение. Империализм и господство одного народа над другим — плохи, и плох также расизм. Но империализм плюс расизм могут привести только к ужасу и в конце концов к деградации всех, кто связан с ними. Будущим историкам Англии придется решать, в какой мере падение Англии с высоты ее величия было вызвано присущими ей империализмом и расизмом, которые внесли разложение в ее общественную жизнь и заставили позабыть уроки собственной истории и литературы.

С тех пор как Гитлер возник из неизвестности и стал фюрером Германии, мы слышали многое о расизме и нацистской теории господствующей расы. Эта доктрина осуждалась и осуждается теперь руководителями Объединенных наций. Биологи учат нас, что в основе расовой теории лежит миф и что расы господ не существует. Но мы в Индии узнали расизм во всех его формах с самого начала английского владычества. Вся идеология этого владычества была идеологией «народа господ» и господствующей расы, и структура правительства была основана на ней; идея господствующей расы заложена в империализме. Эта мысль не была завуалирована; она была провозглашена властителями в недвусмысленных выражениях. Но еще убедительнее слов были те дела, которые их сопровождали, и поколение за поколением, год за годом Индия в целом и каждый отдельный индеец подвергались оскорблениям и унижению, а также презрению. Нам говорили, что англичане — раса владык, сам бог даровал им право управлять нами и держать нас в подчинении; если мы протестовали, то нам наносили о «тигрином нраве расы владык». Как индийцу, мне стыдно писать обо всем этом, ибо подобные воспоминания причиняют боль и еще большую боль причиняет то, что мы так долго мирились с этим унижением. Я скорее предпочел бы любое сопротивление, каковы бы ни были его последствия, лишь бы наш народ не примирялся с таким обращением. И все же лучше, чтобы и индийцы и англичане знали об этом, так как это является психологической основой связи Англии с

Индией, а с психологией следует считаться, и воспоминания о расизме живут долго.

Одно довольно характерное высказывание поможет нам осознать, что чувствовало и как действовало большинство англичан в Индии. В период волнения, вызванного законопроектом Ильберта в 1883 году, Сетон Керр, бывший секретарем по иностранным делам при правительстве Индии, заявил, что этот законопроект оскорблял «взлелеянное убеждение, разделяемое каждым англичанином в Индии, от высшего до низшего, помощником плантатора в его скромном домике и издателем в ярко освещенной столице президентства — от них и до главного начальника, правящего важной провинцией, и до вице-короля на его троне, — убеждение каждого человека в том, что он принадлежит к расе, которой самим богом предназначено править и покорять»¹.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. ПОЛИТИКА РАВНОВЕСИЯ И ПРОТИВОВЕСОВ

Восстание 1857—1858 годов было по существу феодальным мятежом, хотя в нем и имелись некоторые национальные элементы. В то же время англичанам удалось подавить его именно благодаря тому, что князья и другие феодальные вожди не поддерживали мятеж и даже оказали им помощь. Те, кто присоединились к восстанию, были, как правило, лишены английскими властями наследства, могущества и привилегий или опасались, что им уготована подобная же участь. Английские политики после некоторого колебания приняли решение в пользу постепенного устранения князей и установления прямого английского владычества. Восстание вызвало изменение этой политики в пользу не только князей, но и талукдаров или крупных помещиков. Решили, что легче управлять массами через этих феодальных или полufeодальных вождей. Эти талукдары Ауда были в прошлом откупщиками налогов у Моголов, но вследствие слабости центральной власти начали действовать как феодальные помещики. Почти все они присоединились к восстанию, хотя некоторые позаботились сохранить путь к спасению открытым. Несмотря на их мятеж, английская власть предложила восстановить их (за немногими исключениями) и утвердить их в поместьях на условиях «лояльности и хорошей службы». Таким образом, эти талукдары, которые с гордостью именуют себя «баронами Ауда», стали одним из столпов английского владычества.

Хотя восстание непосредственно затронуло только некоторые части страны, оно потрясло всю Индию и особенно английскую

¹ Цитируется по книге Edward Thompson and G. T. Garrett «Rise and Fulfilment of British Rule in India», London, 1935.

систему управления. Правительство приступило к реорганизации всей своей системы; британская корона (то есть парламент) приняла страну от Ост-Индской компании; индийская армия, которая положила начало восстанию своим мятежом, была реорганизована. Тактические приемы английского управления, которые уже давно применялись, теперь были еще уточнены, подтверждены и положены в основу дальнейших действий. По существу, это были: создание и защита материально заинтересованных групп, связанных с английским владычеством; политика уравнивания и противопоставления различных элементов и поощрение раскольнических тенденций и разногласий среди них.

Князья и крупные помещики были основными материально заинтересованными группами, созданными и поощряемыми таким образом; но теперь выросло значение нового класса, еще больше связанного с английским владычеством. Он состоял из чиновников, обычно занимавших низшие должности. Использование индийцев ранее избегали, за исключением тех случаев, когда без этого нельзя было обойтись и Манро настаивал на их использовании. Опыт теперь наглядно показал, что принятые на службу индийцы настолько зависели от английской системы управления и английского владычества, что на них можно было положиться и рассматривать их как агентов этого владычества. В период до мятежа большинство индийских низших служащих были бенгальцы. Их посылали также в Верхние провинции, туда, где английской администрации требовались мелкие чиновники и тому подобные лица для ее гражданских или военных учреждений. Таким образом выросли настоящие колонии бенгальцев в административных или военных центрах Соединенных провинций, в Дели и даже в Пенджабе. Эти бенгальцы следовали за английскими армиями и проявили себя преданными служащими. В сознании повстанцев они ассоциировались с английской властью. К ним относились с сильной неприязнью и награждали нелестными кличками.

Таким образом начался процесс индианизации административной машины в ее подчиненных звеньях, но вся истинная власть и инициатива были сосредоточены в руках английского персонала. По мере того как распространялось английское образование, бенгальцы утратили фактическую монополию на службу в администрации, и как в судебный, так и в исполнительный аппарат пришли другие индийцы. Такая индианизация стала самым эффективным методом укрепления английского владычества. Возникла гражданская армия, и повсюду появились гарнизоны, а это было даже важнее, чем оккупационная армия. Среди этой гражданской армии имелись способные патриотичные и националистически настроенные люди, но, подобно солдату, который как личность также может быть

патриотичным, они были связаны армейским уставом и дисциплиной, а расплата за неподчинение, дезертирство и мятеж была тяжела. Не только создание этой гражданской армии, но и надежда и перспектива попасть в нее влияли на огромное, все возрастающее число других индийцев и деморализовали их. Служба в этой армии давала известный престиж, обеспечение и пенсию по окончании срока службы, а в случае проявления достаточного раболепия к начальству другие недостатки не имели значения. Эти гражданские служащие были посредниками между английскими властями и народом, и если перед своими начальниками им приходилось быть подобострастными, то они могли проявлять высокомерие и требовать повиновения как от своих собственных подчиненных, так и от ширших слоев населения.

Отсутствие других областей работы, других возможностей заработать на пропитание придавало особое значение правительственной службе. Редко кому удавалось стать адвокатом или врачом, но даже тогда это не означало еще успеха. Промышленности почти не существовало. Торговля была в основном в руках определенных наследственных групп, которые проявляли особые способности к ней и помогали друг другу. Новое образование не давало подготовки к торговле или промышленности; его главной целью была подготовка к правительственной службе. Образование было настолько ограниченным, что предоставляло мало возможностей для получения специальности; других общественных учреждений почти не существовало. Итак, оставалась правительственная служба, и по мере того, как из колледжей выливался поток окончивших, даже растущий государственный аппарат не мог поглотить их всех, и возникла жестокая конкуренция. Безработные выпускники колледжей и другие образовали резерв, из которого правительство всегда могло выбирать; они были потенциальной угрозой для обеспеченности даже тех, кто работал. Таким образом, английское правительство в Индии стало не только самым крупным, но фактически единственным крупным предпринимателем (включая железные дороги). Возникла громадная бюрократическая машина, строго руководимая и управляемая сверху. Эти огромные возможности предоставления мест использовались в целях укрепления английской власти над страной, для подавления несогласных и недовольных элементов и для поощрения соперничества и разногласий среди различных групп, жадно стремящихся поступить на правительственную службу. Это вело к деморализации и конфликту, и правительство могло натравливать одну группу на другую.

Политика равновесия и противопоставления умышленно насаждалась и в индийской армии. Различные группы распределялись таким образом, чтобы помешать росту среди них чувства национального единства, и поощрялась верность своему племени

и своей религии и свойственным им кличам и значкам. Прилагались все усилия для того, чтобы изолировать армию от народа, и даже обыкновенные газеты не допускались в индийские войска. Все командные должности сохранялись в руках англичан, и ни один индеец не мог получить королевского патента на офицерский чин. Неопытный английский младший офицер командовал старейшим и опытейшим индийским офицером, не имеющим патента, или теми, кто имел так называемые вице-королевские патенты на офицерский чин. Ни один индеец не мог служить в штабе, разве лишь на должности мелкого клерка в бухгалтерии. В виде дополнительной предосторожности более эффективные виды вооружения не выдавались индийским частям; они сохранялись для английских войск в Индии. Во всех важнейших центрах Индии эти английские войска всегда держали наряду с индийскими полками; они служили в качестве «войск внутренней охраны» для подавления беспорядков и устрашения народа. В то время как эта внутренняя армия, в которой преобладал английский личный состав, служила в Индии в качестве оккупационной армии, большая часть индийских войск составляла часть действующей армии, предназначенной для службы за границей. Индийские войска комплектовались только из особых каст, главным образом в Северной Индии, которые назывались воинскими кастами.

Снова мы замечаем в Индии все то же внутренне присущее английскому господству противоречие. Осуществив политическое объединение страны и освободив таким образом новые динамические силы, которые не только думали о единой Индии, но и стремились к ее освобождению, английское правительство попыталось расколоть то самое единство, которое оно помогло создать. Тогда этот раскол не мыслился в политическом отношении как расчленение Индии; его целью было ослабить националистические элементы, с тем чтобы английские власти могли господствовать над всей страной. Но это была, тем не менее, попытка внести раскол путем придания индийским княжествам большего значения, чем то, которым они когда-либо пользовались, путем поощрения реакционных элементов в расчете на их поддержку, путем поощрения разногласий и натравливания одной группы на другую, путем поддержки раскольнических тенденций, используя религиозные или провинциальные различия, и путем создания классов квислингов, которые боялись перемены, могущей поглотить их. С точки зрения иностранной империалистической державы такая политика была естественной и понятной, и удивляться ей было бы немного наивно, как бы вредна с индийской националистической точки зрения она ни была. Но об этой политике раскола следует помнить, если мы хотим понять последующие события. Из этой политики возникли те «важные элементы в национальной жизни Индии», о которых нам так часто напоминают теперь;

они были созданы и поощрялись в целях внесения разногласий и раскола, а теперь нас призывают к взаимному согласию.

Следствие этого естественного союза английской власти с реакционерами в Индии она стала покровителем и сторонником многих вредных обычаев и практики, которые она в других случаях осуждала. Индия была скована обычаями, когда пришли англичане, а тирания старого обычая — часто ужасная вещь. Все же обычаи меняются и вынуждены приспособляться в известной мере к изменившейся обстановке. Индусский закон был в основном обычаем, и когда обычай менялся, закон также применялся иным образом. Не было, по существу, ни одной статьи индусского закона, которая не могла быть изменена обычаем. Англичане заменили это гибкое обычное право судебными решениями, основанными на старых текстах, и эти решения стали прецедентами, которых следовало строго придерживаться. Теоретически это было преимуществом, так как обеспечивало большее единообразие и уверенность. Но в том виде, как это применялось, это привело к сохранению древнего закона, не модифицированного последующими обычаями. Так старый закон, который в некоторых деталях и в различных местностях был изменен обычаем и являлся в силу этого устаревшим, теперь застыл, и всякое стремление изменить его общепринятым, обычным путем подавлялось. Попрежнему имелась возможность для какой-либо группы доказать существование обычая, отвергающего закон, но в суде это было чрезвычайно трудно. Изменение могло прийти только с помощью издания новых законов, но английское правительство, которое являлось законодательной властью, не имело никакого желания вызвать антагонизм консервативных элементов, на чью поддержку оно рассчитывало. Когда впоследствии выборным собраниям были частично предоставлены некоторые законодательные полномочия, то всякая попытка ввести в закон социальные реформы встречала неодобрение властей и решительно отвергалась.

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Постепенно Индия оправлялась от последствий восстания 1857—1858 годов. Несмотря на английскую политику, действовали могучие силы, изменяя Индию, и появлялось новое социальное сознание. Политическое единство Индии, связь с Западом, технические успехи и даже несчастье общего подчинения привели к возникновению новых течений мысли, к медленному развитию промышленности и подъему нового движения за национальную свободу. Пробуждение Индии было двояким: она надеялась на Запад, и в то же время она всматривалась в себя и свое собственное прошлое.

Появление железных дорог в Индии показало преимущества индустриального развития; до этого проявлялась только отрицательная сторона этого развития в виде промышленных товаров из Англии. В 1860 году была отменена пошлина на импортные машины, введенная для того, чтобы помешать индустриализации Индии, и начала развиваться крупная промышленность, главным образом с английским капиталом. Первой появилась джутовая промышленность в Бенгалии, работавшая в основном на город Данди в Шотландии; гораздо позднее выросли хлопчатобумажные фабрики в Ахмадабаде и Бомбее, главным образом с индийским капиталом и принадлежавшие индийцам; затем появилась горная промышленность. Английское правительство в Индии продолжало ставить препятствия, и была введена пошлина на индийские хлопчатобумажные товары, чтобы помешать им конкурировать с ланкаширскими тканями даже в самой Индии. Проводимая правительством Индии политика полицейского государства ярче всего выявилась в том, что в Индии до 20 века не было ни департамента сельского хозяйства, ни департамента торговли и промышленности. Департамент сельского хозяйства был наконец основан в системе центрального правительства, кажется, только благодаря денежному пожертвованию на улучшение сельского хозяйства Индии, сделанному одним посетившим Индию американцем. (Даже теперь этот департамент очень невелик.) Вскоре затем, в 1905 году, был создан департамент торговли и промышленности. И тогда деятельность этих департаментов была очень незначительной. Рост промышленности был искусственно ограничен, а естественное развитие Индии было задержано.

Хотя массы Индии были ужасающе бедны и все больше нищали, крохотная верхушка общества процветала в новых условиях и накапливала капитал. Именно эта группа требовала политических реформ и возможностей для вложения своих капиталов. В политической области в 1885 году был создан Индийский Национальный конгресс. Торговля и промышленность росли медленно, и интересно отметить, что в них были заняты преимущественно те слои общества, для которых это было наследственной профессией в течение сотен лет. Ахмадабад, новый центр текстильной промышленности, был знаменитым ремесленным и торговым центром в эпоху Моголов и даже ранее и тогда уже вывозил свою продукцию в иностранные государства. Крупные купцы Ахмадабада имели собственные корабли для этой морской торговли с Африкой и странами Персидского залива. Броч, морской порт, находящийся недалеко от Ахмадабада, был хорошо известен еще в греко-римский период.

Жители Гуджарата, Катхиявара и Кача с древних времен были торговцами, ремесленниками, купцами и мореплавателями.

Много перемен произошло в Индии, но они продолжали свои старые занятия, приспособляясь к новым условиям. Теперь они являются выдающимися руководителями промышленности и торговли. Их религия или перемена религии не имели значения. Парсов, впервые поселившихся в Гуджарате тысячу триста лет назад, можно с этой точки зрения считать гуджаратцами (их языком уже давно стал язык гуджарати). У мусульман самыми видными сектами, занятыми промышленной и деловой деятельностью, являются ходжи, мемыны и бохра. Все они в прошлом исповедовали индуизм, и все вышли из Гуджарата, Катхиавара или Кача. Все эти гуджаратцы не только господствуют в промышленной и деловой жизни Индии, но действуют и в Бирме, и на Цейлоне, и в Восточной Африке, и в Южной Африке и в других чужеземных странах.

Марвари из Раджпутаны контролировали внутреннюю торговлю и финансы, и их можно было встретить во всех жизненных центрах Индии. Были среди них и крупные денежные тузы, были и мелкие деревенские менялы; векселя хорошо известного марварийского банкирского дома принимали повсюду в Индии и даже за границей. Марвари и ныне еще представляют крупный денежный капитал, но теперь принимают участие и в промышленности.

У синдхов, на северо-западе, также были старые торговые традиции, и из своего центра в Шикарпуре или Хайдарабаде на Инде они распространяли свою деятельность на Среднюю и Малую Азию и в другие страны. В настоящее время (то есть до войны) вряд ли существует в мире хоть один порт, где бы нельзя было увидеть одну или несколько лавок синдхов. Некоторые пенджабцы также давно по традиции занимаются деловой деятельностью.

Четти из Мадраса также с древних времен руководили деловой и особенно банковской деятельностью. Слово «четти» произошло от санскритского слова «шрешти» — глава купеческой гильдии. Распространенное название купца или ростовщика «сетх» также произошло от «шрешти». Мадрасские четти играли важную роль не только в Южной Индии, но распространились и по всей Бирме, даже в самых отдаленных деревнях.

Внутри каждой провинции ремесло и торговля также были преимущественно в руках старого класса *вайшья*, который занимался коммерческой деятельностью в течение бесчисленных поколений. Они были розничными и оптовыми торговцами и ростовщиками. В каждой деревне имелась лавка *банья*, где велась торговля всем необходимым для деревенской жизни и жители деревни могли получить ссуду на весьма выгодных для ростовщика условиях. Сельская кредитная система была почти целиком в руках этих банья. Они распространили свою деятельность даже на северо-западную территорию независимых племен и занимали там важные посты. По мере того как

росла нищета, быстро нарастала также сельскохозяйственная задолженность; ростовщические заведения имели закладные на землю и в конце концов приобрели значительную площадь. Так ростовщик стал одновременно помещиком.

Это ограничение деловых, торговых и банкирских классов от других становилось менее явным, по мере того как новые люди проникали в различные области деловой жизни; но эти разграничения все же сохранились и все еще заметны. Трудно определить, появились ли они вследствие кастовой системы, или влияния традиции, или благодаря унаследованным способностям, или всему этому вместе. Среди брахманов и кшатриев деловые занятия считались презренными и даже богатство, приятное само по себе, не являлось достаточной компенсацией за такую деятельность. Владение землей было знаком социального положения, как и в феодальные времена, и ученость и знания уважали даже независимо от материальных благ. При английском господстве правительственная служба давала престиж, обеспечение, положение, а позднее, когда индийцам было разрешено поступать на индийскую государственную службу, эта служба, называвшаяся «ниспосланной небом» — небом было некое бледное подобие Уайтхолла¹, — стала прибежищем для лиц, получивших английское образование. Лица интеллигентного труда, особенно адвокаты, часть которых имела большой заработок в новых судах, также пользовались престижем и высоким положением, и эти профессии привлекали молодежь. Эти-то адвокаты, естественно, возглавили политическое движение и требования социальных реформ.

Бенгальцы первыми занялись адвокатурой, и некоторые из них чрезвычайно преуспели и окружили эту профессию ореолом. Они были также политическими лидерами. В растущую промышленность они не пошли, то ли ввиду отсутствия способностей к этому, то ли по другим причинам. В результате когда промышленность начала играть важную роль в жизни страны и оказывать влияние на политику, Бенгалия утратила свою руководящую роль в политической жизни. Прежнее направление потока, когда бенгальцы покидали свою провинцию в качестве правительственных служащих или другом качестве, теперь изменилось, и люди из других провинций наводнили Бенгалию, особенно Калькутту, и заняли важное место там в деловой и промышленной жизни. Калькутта была и остается главным центром английского капитала и промышленности, англичане и шотландцы господствуют там в коммерческой жизни, но их догоняют марвары и гуджаратцы. Даже мало-важные профессии в Калькутте часто находятся в руках

¹ На улице Уайтхолл в Лондоне расположены правительственные учреждения. — *Прим. ред.*

не-бенгальцев. Все тысячи шоферов такси в Калькутте — почти без исключения сикхи из Пенджаба.

Бомбей стал центром и штабом принадлежавшей индийцам промышленности, торговли, банкового дела, страхового дела и т. д. Парсы, гуджаратцы и марвари занимали во всем этом руководящее положение, и важно отметить, что махараштрийцы, то есть маратхи, играют при этом весьма незначительную роль. Бомбей теперь — огромный космополитический город, но его население состоит главным образом из маратхов и гуджаратцев. Маратхи преуспевают в свободных профессиях и в науке; из них выходят, как и следовало ожидать, хорошие солдаты; большое их число — рабочие на текстильных фабриках. Они стойки и выносливы, а их провинция бедна. Они гордятся традицией Шиваджи и подвигами своих предков. Гуджаратцы изнежены, мягче характером, более богаты и великолепно освоились в торговле, в деловой сфере. Возможно, эти различия объясняются главным образом географией, ибо страна маратхов — неплодородная, каменистая и гористая, в то время как Гуджарат богат и плодороден.

Интересно наблюдать, как в различных частях Индии продолжают существовать эти и другие особенности, хотя они постепенно стираются. Высоко интеллектуальный Мадрас дал и продолжает давать выдающихся философов, математиков и специалистов. Бомбей теперь почти полностью предался коммерческой деятельности со всеми ее достоинствами и недостатками. Бенгалия, довольно отсталая в промышленности и деловой активности, выдвинула ряд крупных специалистов и особенно отличилась в искусстве и литературе. Пенджаб не дал выдающихся личностей, но является предприимчивой провинцией, развивающейся во многих отношениях; его жители отличаются практичностью, хорошие механики и преуспевают в мелкой торговле и кустарной промышленности. Соединенные провинции (включая Дели) представляют собой любопытную смесь и в некоторых отношениях олицетворяют всю Индию в миниатюре. Они являются средоточием старой индусской культуры, а также и персидской культуры, занесенной в эпоху династий афганцев и Моголов, поэтому там особенно заметно сочетание этих двух культур, смешанное еще с культурой Запада. Там меньше провинциализма, чем в какой-либо другой части Индии. В течение долгого времени жители Соединенных провинций считали себя сердцем Индии; так на них смотрели и другие. Именно поэтому в разговорном языке их часто называют индостанцами.

Следует отметить, что эти различия — географические, а не религиозные. Бенгальский мусульманин гораздо ближе к индусу из Бенгалии, чем к мусульманину из Пенджаба; то же имеет место и в других провинциях. Если индусы и мусульмане из Бенгалии случайно встречаются где-либо, в Индии

или в других странах, они немедленно собираются вместе и сразу же находят общий язык. Пенджабцы, будь то мусульмане, индусы или сикхи, ведут себя так же. У мусульман Бомбейского президентства (ходжей, мемонов и бохра) много индусских обычаев; ходжей (они являются последователями Ага-хана) и бохра мусульмане Севера не считают правоверными мусульманами.

Мусульмане в целом, особенно в Бенгалии и на севере, не только долгое время сторонились английского образования, но принимали также мало участия и в развитии промышленности. Частично это объясняется феодальными взглядами, частично (как у римских католиков) тем, что ислам запрещает ростовщичество и взимание процентов. Любопытно, однако, что среди известнейших ростовщиков имеется особое племя патанов, живущее недалеко от границы. Таким образом, во второй половине 19 века мусульмане отстали как в отношении английского образования и, следовательно, знакомства с западными идеями, так и в правительственной службе и в промышленности.

Как ни замедляли и ни задерживали рост промышленности в Индии, все же он происходил и привлекал внимание. Однако это развитие промышленности почти ничего не изменило в проблеме обнищания масс и нехватки земельных участков. Из десятков миллионов безработных и полубезработных в промышленность перешло несколько сот тысяч рабочих. Этот переход был настолько ничтожен, что не повлиял на растущую аграризацию страны. Широкая безработица и недостаток земельных участков привели к эмиграции большого числа трудящихся в другие страны, нередко при унижительных условиях. Они переселялись в Южную Африку, на Фиджи, в Тринидад, на Ямайку, в Гвиану, на остров Св. Маврикия, на Цейлон, в Бирму и Малайю. Небольшие группы или отдельные лица, которые преуспели и улучшили свое положение при чужеземном владычестве, оторвались от масс, положение которых продолжало ухудшаться. В руках этих групп произошло некоторое накопление капитала и постепенно создались условия для дальнейшего роста. Но основные проблемы — нищета и безработица — оставались нерешенными.

РЕФОРМАТСКОЕ И ДРУГИЕ ДВИЖЕНИЯ СРЕДИ ИНДУСОВ И МУСУЛЬМАН

По-настоящему воздействие Запада почувствовалось в Индии в 19 веке под влиянием технических изменений и их динамических последствий. В сфере идей также произошли потрясения, перемены и расширение горизонтов, которые были так долго крайне ограничены. Первой реакцией небольшой прослойки, получившей английское образование, было одобрение почти всего, что шло с Запада. Многие индусы,

почувствовав отвращение к некоторым социальным обычаям и образам индуизма, обратились к христианству, и некоторые выдающиеся личности в Бенгалии стали христианами. Поэтому раджа Рам Мохан Рой сделал попытку приспособить индуизм к этой новой обстановке и основал движение Брахмо Самадж на основе некоторого рационализма и требований социальных реформ. Его преемник Кешаб Чандер Сен придал этому обществу более христианский оттенок. Брахмо Самадж оказало влияние на растущую буржуазию Бенгалии, но как религиозную веру ее воспринимали немногие, в числе которых, однако, были выдающиеся личности и семьи. Но даже эти семьи, хотя и были горячо заинтересованы в социальных и религиозных реформах, склонялись к возврату к старым индийским философским идеям веданты.

В других частях Индии проявлялись те же тенденции и возникла неудовлетворенность жесткими социальными обычаями и теми многобразными формами, которые индуизм на деле принимал в разных местах. Инициатором одного из самых примечательных реформатских движений второй половины 19 столетия был гуджаратец Свами Дайянанда Сарасвати, но пустило оно корни среди индусов Пенджаба. Это было движение Ария Самадж, и его лозунгом был «возврат к Ведам». Этот лозунг в действительности означал устранение последствий эволюции веры ариев со времен Вед. Философия веданты в ее последующем развитии, центральная концепция монизма, пантеистические взгляды, равно как и распространенные более грубые формы культа, столь же сурово осуждались. Даже Веда толковали особым образом. Общество Ария Самадж явилось реакцией на влияние ислама и христианства, особенно на первый. Это воинствующее движение стремилось к реформам внутри индуизма и к защите его от нападения извне. Оно стало вовлекать в индуизм лиц других религий и, таким образом, могло прийти в столкновение с другими прозелитствующими религиями. Ария Самадж, которое сильно приближалось к исламу, стремилось стать защитником всего индусского против всего того, что оно считало вторжением других вер. Показательно, что движение Ария Самадж распространилось главным образом среди индусской буржуазии Пенджаба и Соединенных провинций. Одно время правительство считало его политическим революционным движением, но участие в нем большого числа правительственных служащих придало ему вполне респектабельный характер. Оно проделало хорошую работу по распространению образования как среди мальчиков, так и среди девочек, по улучшению положения женщин и повышению социального положения и уровня жизни угнетенных каст.

Примерно в одно время со Свами Дайянадой в Бенгалии жил человек иного склада, и его жизнь оказала влияние на многих из тех, кто получил английское образование. Это был

Шри Рамакришна Парамаханса, человек простой, не ученый, но глубоко религиозный. Его не интересовали социальные реформы сами по себе. Его идеи непосредственно восходили к учению Чайтаньи и других индийских святых. Человек глубоко религиозный, но все же с широкими взглядами, в своих поисках истинной веры он отправился к мусульманским и христианским мистикам и жил среди них много лет, подчиняясь их строгим порядкам. Он поселился в Калингхате, в Калькутте, и его необыкновенная личность и характер постепенно привлекли к нему внимание. Люди, приходившие его навестить (а кто и посмеяться над его религиозным простодушием), попадали под его сильное влияние, и многие, полностью перенявшие западный образ мыслей, чувствовали, что в нем есть нечто, чего им нехватает. Подчеркивая наиболее существенное в религиозной вере, он соединил различные стороны индуистской религии и философии и, казалось, олицетворил их все в себе самом. Он включил в свое учение и элементы других религий. Противник всякого сектантства, он подчеркивал, что все дороги ведут к истине. Он напоминал святых, о которых мы читаем в древних летописях Азии и Европы. Он с трудом подходил к обстановке современной жизни, но все же слился с многоцветным узором индийской жизни, и многие индийцы признавали и почитали его как человека, которого коснулся божественный огонь. Он производил большое впечатление на всех, кто его знал, и даже многие никогда не видевшие его подпадали под его влияние, прочтя историю его жизни. К числу последних относится Ромен Роллан, давший его жизнеописание и историю жизни его любимого ученика Свами Вивекананды.

Вивекананда, вместе со своими братьями, учениками Парамахансы, основал Миссию Рамакришны — нерелигиозную организацию, посвященную служению человечеству. Прочно связанный с прошлым и гордившийся славой Индии, Вивекананда все же подходил по-современному к жизненным проблемам и был своего рода связующим звеном между прошлым Индии и ее настоящим. Он был блестящим оратором, выступая на бенгальском и английском языках, и писал изящным стилем бенгальскую прозу и поэтические произведения. Он был великолепным образцом человека, внушительного, преисполненного спокойствия и достоинства, уверенного в себе и своей миссии и в то же время полного динамичной и пламенной энергии и страстного желания двинуть Индию вперед. Он оживил дух угнетенных и деморализованных индусов и придал им уверенность в себе и некоторую опору в прошлом. Он участвовал во Всемирном религиозном собрании в Чикаго в 1893 году, провел свыше года в США, совершил путешествие по Европе, побывав даже в Афинах и Константинополе, и посетил Египет, Китай и Японию. Куда бы он ни приезжал, он повсюду производил известную сенсацию не только своим появлением,

но и тем, что он говорил и как он говорил. Кто хоть раз видел этого индусского аскета, уже не мог забыть его и его слова. В Америке его называли «неистовым индусом». На него самого его путешествие по западным странам произвело сильное впечатление; он восторгался английской настойчивостью, а также жизнеспособностью и духом равенства американского народа. «Америка является наилучшей почвой в мире для распространения какой-либо идеи», — писал он одному из друзей в Индию. Но религиозная жизнь на Западе не привлекала его, и его вера в основные ценности индийской философии и духовной жизни еще более укрепилась. Индия, несмотря на свою деградацию, все еще олицетворяла для него Свет.

Он проповедовал монизм философии веданты и был убежден, что только это может стать будущей религией мыслящего человечества. Ибо веданта была не только религиозным, но и рационалистическим учением и ее методы совпадали с научными методами исследования внешней природы. «Эта вселенная не была создана каким-то надкосмическим божеством, не является она и делом рук какого-то потустороннего духа. Она — самосозидающаяся, саморастворяющаяся, самопроявляющаяся, Одно Бесконечное Существование, Брахма». Идеалом веданты было соответствие человека присущей ему от рождения божественной сущности; увидеть бога в человеке — это и есть поистине узреть бога; человек — величайшее из всех существ. Но «абстрактное учение веданты должно сделаться живым, поэтичным, проникнуть в повседневную жизнь; из безнадежно усложненной мифологии следует вывести конкретные моральные нормы, а из запутанного иогиизма должна появиться самая научная и практически применимая психология». Индия пришла в упадок потому, что она ограничила себя узкими рамками, ушла в свою скорлупу, потеряла связь с другими народами и, таким образом, погрузилась в состояние «мумифицированной» и «кристаллизованной» цивилизации. Каста, необходимая и желательная в ее ранних формах и предназначавшаяся для развития индивидуальности и свободы, превратилась в чудовищное унижение, в противоположность тому, для чего она была предназначена, и подавила массы. Каста являлась формой социальной организации, которая существовала и должна была оставаться отдельно от религии. Социальные организации должны меняться, когда меняются времена. Вивекананда страстно осуждал бессмысленные метафизические споры по поводу обрядов и особенно высокомерие высших каст. «Наша религия — на кухне. Наш бог — кухонный горшок и наша религия — в словах: «не прикасайся ко мне, я святой».

Вивекананда держался в стороне от политики и неодобрительно относился к политикам того времени. Однако он снова и снова подчеркивал необходимость свободы и равенства и поднятия уровня жизни масс. «Свобода мысли и действия

является единственным условием жизни, роста и благополучия. Там, где она не существует, человек, раса, нация должны погибнуть». «Единственная надежда Индия — в ее массах. Высшие классы физически и морально мертвы». Он хотел сочетать западный прогресс с духовной основой Индии. «Создайте европейское общество с религией Индии». «Сделайтесь самыми западными из всех западников в своих идеях равенства, свободы, труда и энергии и в то же время индусами до мозга костей в своей религиозной культуре и инстинктах». Постепенно Вивекананда становился все большим интернационалистом в своих высказываниях: «Даже в политике и социологии проблемы, которые вставали двадцать лет назад как проблемы данной нации, не могут теперь быть разрешены в национальных рамках. Они принимают огромные размеры, гигантские формы. Они могут быть разрешены только при рассмотрении их в более широком свете международной политики. Международные организации, международные союзы, международные законы — вот лозунг сегодняшнего дня. Это — проявление солидарности. В науке каждодневно приходят к аналогичным же широким взглядам». И снова: «Прогресса не может быть, если весь мир не присоединится к нему, и с каждым днем становится все яснее, что решения любой проблемы никогда нельзя добиться в пределах только одной расы, нации или узкой группы. Каждая идея должна рассматриваться широко, как охватывающая весь мир, каждая цель должна увеличиваться, пока она не охватит человечество в целом, даже жизнь в целом». Все это включалось в понимание Вивеканандой философии веданты, и он проповедовал это от края до края Индии. «Я глубоко убежден, что ни человек, ни нация не могут жить, держась в стороне от других, и когда подобная попытка делалась под влиянием ложных представлений о величии, политике или святости — последствия всегда бывали губительны для уединяющихся». «Наша изоляция от всех других народов мира является причиной нашего вырождения, и единственное средство от этого — снова влиться в общий поток с остальным миром. Движение — признак жизни».

Он писал однажды: «Я социалист не потому, что я считаю социализм совершенной системой, а потому, что лучше хоть что-нибудь, чем ничего. Другие системы мы испытали, и они оказались неподходящими. Испробуем эту — если не ради чего-либо иного, то хотя бы ради ее новизны».

Вивекананда говорил о многих вещах, но одна нота постоянно звучала в его речах и произведениях — *абхай*, будь бесстрашен, будь силен. Для него человек был не жалким грешником, а частью божества; зачем же ему страшиться чего-либо? «Если есть грех на свете, то это — слабость; избегай всякой слабости, слабость — это грех, слабость — это смерть». Таков был великий урок Упанишад. Страх порождает зло,

слезы и стелания. Было уже достаточно этого, достаточно мягкости. «Что нужно нашей стране теперь, так это железные мускулы и стальные нервы, гигантская воля, которой ничто не в силах противостоять, которая может проникнуть в тайны и загадки вселенной и любым путем добиться своей цели, даже если бы для этого потребовалось спуститься на дно океана и столкнуться лицом к лицу со смертью». Он осуждал «окултизм и мистицизм... заставляющие нас содрогаться; в них кроются, быть может, великие истины, но они чуть не уничтожили нас... А вот критерий истины: все, что делает тебя слабым физически, интеллектуально и духовно, отвергай, как яд, в нем нет жизни, оно не может быть истиной. Истина придает силы. Истина — это чистота, истина — это всезнание... Эти разные виды мистицизма, несмотря на какие-то крупинки истины в них, обычно расслабляют... Вернись к Упанишадям, к их сияющей, укрепляющей, светлой философии; и уйди от всего этого мистицизма, от всего, что расслабляет. Усвой эту философию: величайшая истина — самая простая вещь в мире, простая, как твое собственное существование». И бойся суеверия. «Я скорее предпочел бы, чтобы все вы превратились в заядлых атеистов, нежели в суеверных простофилю, ибо атеист — живой человек, и из него может что-нибудь выйти. Но когда приходит суеверие, разум исчезает, мозг размягчается, жизнь клонится к упадку... Стремление к сверхъестественному и суеверие — всегда признаки слабости»¹.

¹ Большинство этих выдержек взято из книг Swami Vivekananda «Lectures from Colombo to Almora», 1933 и «Letters of Swami Vivekananda», 1942, изданных Advaita Ashrama, Mayavati, Almora, Himalayas. В «Письмах» Вивекананды на стр. 390 имеется замечательное письмо, адресованное одному из его мусульманских друзей. В этом письме Вивекананда пишет:

«Называем ли мы это ведантизмом или каким-либо другим «измом», истина заключается в том, что адвайтизм [то есть монизм веданты. — *Прим. ред.*] — последнее слово религии и мышления, и единственно с ее высоты можно смотреть с любовью на все религии и секты. Мы считаем ведантизм религией будущего просвещенного человечества. Индусам, возможно, принадлежит честь открытия его ранее других народов, ибо они более древний народ, чем евреи и арабы; тем не менее практический адвайтизм, когда ко всем людям относиться, как к своей собственной душе, еще не развит среди всех индусов.

С другой стороны, мы видим, что если когда-либо последователи какой-либо религии сколько-нибудь приближались к этому равенству в сфере практической повседневной жизни (возможно, совершенно не сознавая в общем более глубокого значения и внутренних принципов такого поведения, что индусы, как правило, столь ясно понимают), то это последователи ислама и только ислама...

Единственная надежда для нашей собственной родины — это достичь слияния двух великих систем, индуизма и ислама — разума веданты и тела ислама.

Я вижу в своем воображении будущую совершенную Индию, восстановившую из этого хаоса и раздоров, славной и непобедимой, с мозгом веданты и телом ислама». Это письмо датировано: Альмора, 10 июня 1898 года.

Так громом прокатывался голос Вивекананды от мыса Коморин на южной оконечности Индии до Гималаев. Он изнурил себя этой деятельностью и умер в 1902 году, тридцати девяти лет от роду.

Современником Вивекананды и все же человеком, принадлежавшим в гораздо большей мере к последующему поколению, был Рабиндранат Тагор. Семья Тагоров играла ведущую роль в разных реформатских движениях в Бенгалии в течение 19 столетия. В ней были люди духовного склада, прекрасные писатели и художники, но Рабиндранат был головой выше их всех и постепенно даже вся Индия признала его неоспоримое превосходство. Его долгая жизнь, полная творческой деятельности, охватывает два поколения, и он, пожалуй, почти принадлежит к нашим дням. Он не был политическим деятелем, но он слишком близко принимал к сердцу судьбы индийского народа и слишком был предан его свободе, чтобы навсегда замкнуться в своей башне из слоновой кости со своими стихами и песнями. Снова и снова он выходил из нее, когда не мог более мириться с каким-либо событием, и, как древний пророк, предостерегал английское правительство или свой собственный народ. Он играл выдающуюся роль в движении *свадешии*¹, которое прокатилось по Бенгалии в первом десятилетии 20 века, и позднее — когда он отказался от своего титула во время резни в Амритсаре. Его созидательная деятельность в области просвещения, вначале незаметная, уже тогда превратила Шантиникетан в один из очагов индийской культуры. Его влияние на умы индийцев и особенно на последующие подрастающие поколения было огромно. Частично под влиянием его работ сформировался не только язык бенгали, на котором он сам писал, но и все современные языки Индии. Он, больше чем кто-либо другой из индийцев, помог гармоническому сочетанию идеалов Востока и Запада и расширил основы индийского национализма. Он был самым выдающимся интернационалистом в Индии, верившим в международное сотрудничество и работавшим во имя его. Он принес в другие страны то, что Индия могла им дать, а в Индию то, что мир мог дать его собственному народу. И все же, при всем своем интернационализме, он никогда не отрывался от почвы Индии, и его ум был насыщен мудростью Упанишад. Вопреки обычному ходу развития, по мере того как он становился старше, он делался более радикальным в своих взглядах и воззрениях. При всем своем индивидуализме он восхищался великими достижениями русской революции, особенно в деле распространения образования, культуры, здравоохранения и духа равенства. Национализм — убеждение ограничивающее, а

¹ Движение бойкота английских товаров с целью поощрения отечественной промышленности. — *Прим. ред.*

национализм, пришедший в столкновение с господствующим империализмом, порождает всевозможные разочарования и комплексы. Тагор оказал Индии ту огромную услугу (такую же огромную, какую в другой области оказал ей Ганди), что он заставил народ выйти до некоторой степени из узкой колеи его мышления и призадуматься о более широких проблемах, затрагивающих человечество. Тагор был великим гуманистом Индии.

Тагор и Ганди были, несомненно, самыми выдающимися и влиятельными личностями в Индии первой половины 20 века. Поучительно сравнить и противопоставить их. Нельзя было найти двух других людей, которые бы настолько отличались друг от друга по своему происхождению и характеру. Тагор, аристократ-художник, обратившийся в демократа, сочувствующего пролетариату, олицетворял, по существу, культурную традицию Индии, традицию принятия жизни во всей ее полноте и шествия по ней с песнями и плясками. Ганди, скорее человек народа, почти воплощение индийского крестьянина, олицетворял другую древнюю традицию Индии — традицию самоотрешения и аскетизма. И все же Тагор был прежде всего человеком мысли, а Ганди — человеком устремленного, непрерывного действия. Оба они, каждый по-своему, мыслили в рамках всего мира в целом, и каждый в то же время был полностью индийцем. Они как бы представляли различные, но гармоничные аспекты Индии и дополняли друг друга.

Тагор и Ганди переносят нас в современную эпоху. Но мы рассматривали более ранний период и влияние, оказанное на народ, а особенно на индусов тем, что Вивекананда и другие подчеркивали прошлое величие Индии и гордились им. Сам Вивекананда тщательно предостерегал свой народ не слишком думать о прошлом, а смотреть в будущее. «Когда же, о боже, — писал он, — наша страна освободится от этого вечного пребывания в прошлом?» Но сам он и другие вызвали это прошлое, оно очаровывало и нельзя было избавиться от него.

Этому обращению к прошлому и обретению в нем утешения и поддержки способствовало возобновление изучения древней литературы и истории, а позднее — раскрывшейся истории индийских колоний в восточных морях. Аппи Безант сыграла значительную роль, усилив веру индусских средних классов в их духовное и национальное наследие. Все это носило в известной мере духовный и религиозный характер, но в основе всего этого были сильные политические тенденции. Поднимающаяся буржуазия проявляла склонность не столько к религиозным исканиям, как к политике, но ей нужны были какие-то культурные корни, на которые она могла бы опереться, что дало бы ей уверенность в своей собственной ценности и уменьшило бы чувство отчаяния и унижения, вызванное чужеземным завоеванием и господством. В каждой стране растущего национализма, помимо религии, имеют место эти искания,

эта тенденция обращаться к прошлому. Иран, ни коим образом не ослабив своей религиозной веры, умышленно обратился к своему доисламскому периоду величия и использовал эти воспоминания для укрепления своего нынешнего национального чувства. То же было и в других странах. Прошлое Индии со всем его культурным многообразием и величием было общим наследием всего индийского народа — индусов, мусульман, христиан и других, и их предки помогли создать его. То, что они потом приняли другую веру, не лишило их этого наследия, точно так же, как греки после обращения в христианство не утратили своей гордости великими достижениями своих предков или итальянцы — славными днями римской республики и периода империи. Даже если бы весь народ Индии перешел в ислам или христианство, ее культурное наследие попрежнему вдохновляло бы индийский народ, придавая ему ту уравновешенность и достоинство, которые дает длинная история культурного существования и усилия многих умов разрешить жизненные проблемы.

Если бы мы были независимой нацией, то все мы в этой стране, совместно работая сейчас во имя общего будущего, несомненно, смотрели бы с равной гордостью на наше общее прошлое. И действительно, в могольскую эпоху правители и их главные приближенные, хотя они и были пришельцами, стремились отождествить себя с этим прошлым и разделить его с другими. Но историческая случайность и ход исторического процесса, а также, несомненно, человеческие ошибки и слабости повернули дело по-иному, и наступившие изменения помешали нормальному развитию. Можно было бы предположить, что новый средний класс (который был продуктом воздействия Запада, а также изменений техники и экономики) воспользуется общим наследием как индусов, так и мусульман. До известной степени так и произошло, и все же возникли различия, которые не проявлялись или значительно слабее проявились у феодальных и полуфеодальных групп населения и среди масс. Индусские и мусульманские массы были почти неотличимы друг от друга, а у старой аристократии выработались общие взгляды и обычаи. Эти группы населения все еще придерживались общей культуры и имели общие обычаи и празднества. В средних классах начались расхождения сначала в психологической области, а позднее и в других отношениях.

Прежде всего новые средние классы почти полностью отсутствовали среди мусульман. Их стремление уклониться от западного образования, держаться в стороне от торговли и промышленности, их приверженность феодальным обычаям дали преимущество индусам, которое те использовали и сохранили. Английская политика была скорее проиндусской и антимусульманской, за исключением Пенджаба, где мусульмане охотнее приобщались к западному образованию, чем в других

местах. Но индусы значительно опередили их задолго до того, как англичане завладели Пенджабом. Даже в Пенджабе, хотя условия там были в большей степени равными для индусов и мусульман, индусы имели экономическое преимущество. Античужеземные настроения индусская и мусульманская аристократия и массы разделяли в равной мере. Восстание 1857 года было общим делом, но в период его подавления мусульмане считали, и до некоторой степени справедливо, что они пострадали сильнее. Это восстание покончило также со всеми мечтами или фантазиями о возрождении Делийской империи. Эта империя исчезла давно, даже до того, как англичане появились на сцене. Маратхи ее сокрушили и управляли самим Дели. Ранджит Сингх правил в Пенджабе. Могольское господство закончилось на севере без всякого вмешательства англичан, а на юге оно также распалось. Однако призрачный император восседал в делийском дворце, и, хотя он обратился в подчиненного и пенсионера сначала маратхов, а потом англичан, он все еще является символом славной династии. Во время восстания повстанцы, естественно, попытались воспользоваться им как символом, несмотря на его слабость и нежелание. Конец восстания означал также и крушение этого символа.

Пока народ медленно оправлялся от ужасов дней восстания, новые представления еще не сложились, образовалась пустота, которая должна была чем-то заполниться. Приходилось по необходимости принять английское господство, но разрыв с прошлым принес нечто большее, чем новую власть; он принес, кроме того, сомнение и замешательство и потерю веры в себя. По существу, этот разрыв с прошлым произошел задолго до восстания и привел к возникновению многих новых идейных движений в Бенгалии и других местах, о которых я уже упоминал. Но мусульмане, как правило, ушли тогда в свою скорлупу значительно глубже, чем индусы, избегали западного образования и жили мечтами о реставрации старого порядка. Теперь нечего было больше мечтать, но нужно было найти что-то такое, что могло бы послужить им опорой. Они попрежнему сторонились нового образования. Постепенно, и после многочисленных споров и трудностей, сэр Саид Ахмад-хан убедил их обратиться к английскому образованию и организовал Алигархский колледж. Это был единственный путь, ведущий к правительственной службе, и соблазн этой службы оказался достаточно сильным, чтобы побороть старое чувство обиды и предрассудки. То обстоятельство, что индусы значительно опередили их в образовании и на службе, вызывало зависть у мусульман, и именно это больше всего побуждало их встать на тот же путь. Парсы и индусы шли впереди также и в промышленности, но внимание мусульман было устремлено только к правительственной службе.

Но даже это новое направление их деятельности, фактически коснувшееся сравнительно немногих, не разрешило сомнений

и замешательства в их умах. Индусы в подобном же затруднительном положении обращались к древним временам и искали в них утешения. Старинная философия и литература, искусство и история приносили им некоторое успокоение. Рам Мохан Рой, Дайянанда, Вивекананда и другие положили начало новым направлениям мысли. Утоляя свою жажду из богатых источников английской литературы, их души были также полны образами древних мудрецов и героев Индии, их мыслями и деяниями, мифами и традициями, которые они впитали с детства.

Многое из этого прошлого принадлежало и мусульманским массам, которые были хорошо знакомы с этими традициями. Но у некоторых, особенно у высшего слоя мусульман, появилось чувство, что им не вполне подобает придерживаться этих полурелигиозных традиций, что всякое поощрение их будет противно духу ислама. Они стали искать свои национальные корни в других периодах истории. До известной степени они обрели их в афганском и могольском периодах истории Индии, но этого было не совсем достаточно, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту. Эти периоды были общими и для индусов и для мусульман, и индусы перестали рассматривать их как время чужеземного вторжения. Могольских правителей рассматривали как национальных правителей Индии, хотя в отношении Аурангзеба мнения расходились. Знаменательно, что политика Акбара, которым индусы особенно восхищались, в последние годы не одобрялась некоторыми мусульманами. В прошлом году в Индии праздновалась четырехсотлетняя годовщина со дня его рождения. Все слои населения, включая многих мусульман, присоединились к этому, но Мусульманская лига держалась в стороне, ибо Акбар был символом единства Индии.

Эти поиски культурных корней привели индийских мусульман (то есть некоторых из них, из обеспеченных слоев) к истории ислама и к тем периодам, когда ислам был побеждающей и созидающей силой в Багдаде, Испании, Константинополе, Средней Азии и других местах. Интерес к истории ислама и некоторые связи с соседними странами ислама всегда существовали. Происходило также паломничество в Мекку, где встречались мусульмане из различных стран. Но все эти связи были ограниченными и поверхностными и фактически не оказывали влияния на общие взгляды индийских мусульман, и их интересы были прикованы к Индии. Афганские правители Дели, особенно Мухаммед Туглак, признавали халифа в Каире высшим духовным руководителем мусульман. Османские султаны в Константинополе впоследствии стали халифами, но их не признавали таковыми в Индии. Могольские правители не признавали никакого халифа за пределами Индии. Только после полного краха Могольской империи в начале 19 столетия

имя турецкого султана начало упоминаться в индийских мечетях. После восстания это стало обычаем.

Так, индийские мусульмане стремились извлечь какое-то психологическое удовлетворение от созерцания прошлого величия ислама главным образом в других странах и от существования Турции как мусульманской державы, фактически единственной, оставшейся независимой. Это чувство не противоречило индийскому национальному самосознанию и не приходило с ним в столкновение; даже многие индусы восторгались историей ислама и были хорошо с ней знакомы. Они сочувствовали Турции, так как считали турок жертвами европейской агрессии в Азии. Однако они воспринимали это иначе, чем мусульмане, так как им не требовалось удовлетворения определенной психологической потребности.

После восстания индийские мусульмане колебались в выборе пути. Английское правительство сознательно угнетало их, даже в большей степени, чем оно угнетало индусов, и эти репрессии особенно коснулись тех слоев мусульман, из которых мог выдвинуться новый средний класс, буржуазия. Они были крайне подавлены, настроены резко против англичан, но также и консервативны. Английская политика в отношении их в семидесятые годы постепенно изменилась и сделалась более благоприятной для них. Это изменение было, по существу, вызвано политикой равновесия и противопоставления, которую последовательно проводило английское правительство. Все же и сэр Саид Ахмад-хан сыграл в этом важную роль. Он был убежден, что сможет поднять мусульман только путем сотрудничества с английскими властями. Он стремился заставить их примириться с английским образованием и, таким образом, извлечь их из оболочки консерватизма. На него произвело большое впечатление то, что он увидел в европейских странах, и некоторые из его писем из Европы показывают, что он был настолько изумлен, что почти потерял равновесие.

Сэр Саид был страстным реформатором и хотел совместить современную научную мысль с исламом. Это должно было быть сделано, конечно, не путем нападок на основные верования, но путем рационалистического толкования священного писания. Он указывал на основные сходные черты между исламом и христианством. Он нападал на парда (затворничество женщин) у мусульман. Он восставал против какой-либо приверженности турецкому халифату. А главное, он стремился распространить новый тип образования. Первые проявления национального движения испугали его, так как он считал, что всякое противодействие английским властям лишило бы его помощи в его программе просвещения. Эта помощь казалась ему очень необходимой, и поэтому он пытался смягчить антибританские чувства среди мусульман и отвлечь их от Национального конгресса, который в то время оформлялся. Одной из признанных

целей Алигархского колледжа, основанного им, было «превращение мусульман Индии в достойных и полезных подданных британской короны». Он выступал против Индийского Национального конгресса не потому, что считал его преимущественно индусской организацией; он восставал против него потому, что считал его политически слишком агрессивным (хотя он был в то время на самом деле достаточно умеренным), и стремился получить помощь и сотрудничество англичан. Он пытался доказать, что мусульмане в целом не восставали во время мятежа и что многие остались верными английской власти. Он никоим образом не был настроен антииндусски и не являлся религиозным сепаратистом. Неоднократно он подчеркивал, что религиозные различия не должны иметь значения в политике или национальном движении. «Разве вы не живете в одной стране? — говорил он. — Помните, что слова «индус» и «мусульманин» означают лишь религиозные различия; в остальном же все проживающие в этой стране индусы, мусульмане и даже христиане принадлежат к одной и той же нации».

Влияние сэра Саид Ахмад-хана охватило лишь некоторые слои мусульман из высших классов, но не затронуло городских и деревенских масс. Эти массы были почти полностью отрезаны от своих высших классов и были значительно ближе индусским массам. В то время как некоторые из мусульманских высших классов были потомками правящих групп Могольской империи, у масс отсутствовали воспоминания или традиции могольских времен. Большинство из них перешло в ислам из самых низших слоев индусского общества и находилось в самых жалких условиях, так как принадлежало к самым бедным и эксплуатируемым группам населения.

У сэра Саида было много способных и выдающихся соратников. Его рационалистические взгляды поддерживали наряду с другими Саид Шираг Али и наваб Мохсин-ул-Мульк. Его просветительная деятельность привлекла мунши Карамат Али, мунши Зекаулла из Дели, д-ра Назира Ахмада, маулана Шибли Номани и поэта Хали, который являлся одним из выдающихся писателей на языке урду. Сэру Саиду удалось добиться первых шагов в деле распространения английского образования среди мусульман и отвлечь внимание мусульман от политического движения. Возникла Магометанская конференция по вопросам образования, и это привлекло растущий мусульманский средний класс к свободным профессиям и на правительственную службу.

Тем не менее многие выдающиеся мусульмане вступили в Национальный конгресс. Английская политика сделалась явно промусульманской или, вернее, стала благоприятствовать тем элементам среди мусульман, которые были противниками национального движения. Но в начале 20 века среди молодого поколения мусульман стало больше проявляться

стремление к национализму и политической деятельности. Чтобы отвлечь их внимание и направить их деятельность в безопасное русло, по инициативе английского правительства и под руководством Ага-хана, одного из главных приверженцев английской политики, была основана Мусульманская лига. Лига ставила себе две главные задачи: соблюдение верности английскому правительству и защиту интересов мусульман.

Следует отметить, что в течение периода, последовавшего за восстанием, все руководители индийских мусульман, включая сэра Саид Ахмад-хана, получили старое традиционное образование, хотя некоторые из них позднее добавили к этому знание английского языка и находились под влиянием новых идей. Новое западное образование еще не породило тогда ни одной выдающейся личности из их среды. Галиб, знаменитый поэт, писавший на урду, и один из видных литераторов Индии прошлого столетия, достиг расцвета еще до восстания.

В первые годы 20 столетия среди мусульманской интеллигенции существовали две тенденции: во-первых, стремление к национализму, главным образом среди молодежи; во-вторых, ослабление интереса к прошлому Индии, и даже в известной мере к ее настоящему, и большой интерес к странам ислама, особенно к Турции, местонахождению халифата. Панисламистское движение, поощряемое султаном Турции Абдул-Хамидом, нашло известный отклик в высших слоях индийских мусульман, но сэр Саид противодействовал этому и выступал против того, чтобы индийцы интересовались Турцией и султаном. Младотурецкое движение вызвало смешанную реакцию. Вначале большинство мусульман Индии смотрело на него с некоторым подозрением: существовало общее сочувствие к султану, который считался оплотом против интриг европейских держав в Турции. Но были и другие (в числе их Абул Калам Азад), горячо приветствовавшие младотурок и обещанные ими конституционные и социальные реформы. Когда Италия внезапно напала на Турцию в период Триполитанской войны 1911 года и потом во время балканских войн 1912 и 1913 годов, среди индийских мусульман прокатилась волна горячего сочувствия к Турции. Все индийцы испытывали эту симпатию и беспокойство, но мусульмане переживали это острее, как что-то почти лично их касающееся. Гибель угрожала последней оставшейся мусульманской державе; рушился единственный якорь спасения, на котором держалась их вера в будущее. Д-р М. А. Ансари возглавил большую медицинскую миссию, выехавшую в Турцию, и даже бедняки жертвовали деньги; средства на это поступали быстрее, чем на любой проект улучшения положения самих индийских мусульман. Первая мировая война была периодом испытаний для мусульман, так как Турция была на другой стороне. Они чувствовали себя беспомощными и не могли ничего поделать. Когда война закончилась,

их не нашедшие выхода чувства вылились в халифатистское движение.

1912 год отмечен в истории развития мусульманского самосознания в Индии появлением двух новых еженедельников — «ал-Хилала» на урду и «Комрейд» на английском языке. «Ал-Хилал» был основан Абул Калам Азадом (ныне председатель Национального конгресса), блестящим молодым человеком двадцати четырех лет, который вначале получил образование в ал-Азхарском университете в Каире и, когда ему еще не исполнилось двадцати лет, стал хорошо известен своим знанием арабской и персидской литературы и глубокой эрудицией. К этому добавилось еще знакомство с мусульманскими странами за пределами Индии и с реформистскими движениями в них, а также с европейскими событиями. Придерживаясь рационалистических взглядов, но при этом будучи глубоко сведущим в учении и истории ислама, он толковал Коран с рационалистической точки зрения. Впитав традиции ислама и обладая многочисленными личными связями с видными мусульманскими вождями и реформаторами Египта, Турции, Сирии, Палестины, Ирака и Ирана, он находился под сильным влиянием политического и культурного развития в этих странах. Благодаря своим произведениям он был известен в странах ислама, вероятно, больше, нежели любой другой индийский мусульманин. Войны, в которые Турция оказалась втянутой, вызвали у него горячий интерес и симпатию к этой стране, и все же он подходил к этому иначе, чем мусульманские деятели старшего поколения. Его точка зрения была широкой и более рационалистической; это отдаляло его от мусульманских руководителей старшего поколения, придерживавшихся феодальных, узкорелигиозных и сепаратистских взглядов, и неизбежно толкало его в ряды индийского националистического движения. Он лично наблюдал рост национализма в Турции и в других странах ислама и применил этот опыт к Индии; в индийском националистическом движении он видел общие черты с националистическим движением в этих странах. Другие мусульмане в Индии вряд ли были осведомлены об этих движениях в разных странах и, погруженные в собственную феодальную атмосферу, мало интересовались тем, что там происходило. Они думали только о религиозных вопросах, и если они и сочувствовали Турции, то это объяснялось главным образом их религиозной связью с ней. Несмотря на это сильное сочувствие Турции, они не одобряли развивавшегося там националистического, в основном светского, движения.

Абул Калам Азад говорил с ними новым языком в своем еженедельнике «ал-Хилал». Этот язык был новым не только по мыслям и методу, но даже по самой своей структуре, так как стиль Азада был энергичным и мужественным, хотя иногда несколько трудным, так как он употреблял много слов персидского происхождения. Он пользовался новыми выражениями

для новых идей и был человеком, оказавшим определенное влияние на формирование современного языка урду. Более старые, консервативные лидеры мусульман отнеслись неприязненно ко всему этому и критиковали взгляды Азада и его метод. Однако даже самым ученым из них не легко было противостоять ему в диспутах и спорах, даже если они велись на основе Корана и старинных традиций, так как познания Азада в этих вопросах были выше, чем у них. Он представлял собой удивительное сочетание средневековой схоластики, рационализма 18 столетия и современных взглядов.

Все же несколько человек из старшего поколения одобряли произведения Азада, в том числе ученый маулана Шибли Номани, который сам посетил Турцию и был связан с сэром Саидом Ахмад-ханом по Алигархскому колледжу. Традиция Алигархского колледжа была, однако, иной, консервативной как в политическом, так и в социальном отношении. Его попечителями были князья и крупные помещики, типичные представители феодального порядка. Под руководством ряда английских директоров, тесно связанных с правительственными кругами, в нем поощрялись сепаратистские настроения, антинационалистические и антиконгрессиистские взгляды. Главной своей задачей учащиеся там считали поступление на правительственную службу на второстепенные должности. Для этого необходимо было поддерживать правительство и сторониться националистического движения и бунтарства. Алигархцы стали руководителями новой мусульманской интеллигенции и оказывали влияние, иногда открыто, а чаще закулисно, почти на каждое мусульманское движение. Мусульманская лига возникла главным образом благодаря их усилиям.

Абул Калам Азад нападал на этот оплот консерватизма и антинационализма не прямо, а путем распространения идей, которые подрывали традицию Алигарха. Этот очень юный писатель и журналист произвел сенсацию в кругах мусульманской интеллигенции, и хотя старые люди относились к нему неодобрительно, его слова вызвали брожение в умах молодого поколения. Это брожение уже началось вследствие событий в Турции, Египте и Иране, а также развития индийского националистического движения. Азад придал ему определенное направление, указав, что между исламом, сочувствием к странам ислама и индийским национализмом нет противоречия. Это помогло сблизить Мусульманскую лигу с Конгрессом. Азад сам вступил в Лигу еще юношей, во время ее первой сессии в 1906 году.

Представители английского правительства не одобряли «ал-Хилал». От его издателя потребовали залог в соответствии с законом о печати, и в конце концов его типография была конфискована в 1914 году. Так закончил «ал-Хилал» свое существование, длившееся два года. Азад после этого основал другой еженедельник — «ал-Балаг», но он также был закрыт в 1916 году, когда

Азад был брошен английским правительством в тюрьму. Он пробыл в заключении почти четыре года, а по выходе оттуда немедленно занял свое место среди руководителей Национального конгресса. С тех пор он непрерывно состоит членом Исполнительного комитета, высшего органа Конгресса, и на него, несмотря на его молодые годы, смотрят как на одного из старейшин Конгресса, чей совет высоко ценится как в национальных, так и в политических вопросах, а также в вопросах религиозных и национальных меньшинств. Дважды он был президентом Конгресса и неоднократно проводил длительное время в тюрьме.

Другим еженедельником, который был основан в 1912 году, за несколько месяцев до «ал-Хилала», был «Комрейд». Он выходил на английском языке и оказал влияние особенно на более молодое поколение мусульман, получивших английское образование. Его издавал маулана Мухаммед Али, который получил странную смесь традиционно-мусульманского и оксфордского образования. Вначале он был приверженцем алигархской традиции и противился всякой активной политике. Но он был слишком способным и деятельным человеком, чтобы оставаться на такой пассивной позиции, и его речь всегда была энергичной и выразительной. Аннулирование раздела Бенгалии в 1911 году явилось для него ударом, и его вера в добрую волю английского правительства пошатнулась. Балканские войны взволновали его, и он страстно выступил в печати в защиту Турции и мусульманской традиции, которую она олицетворяла. Постепенно его взгляды становились все более антианглийскими, и вступление Турции в первую мировую войну завершило эту перемену в его воззрениях. Известна чрезвычайно длинная статья его (его речи и статьи не грешили, кстати сказать, краткостью или сжатостью изложения) в «Комрейд», озаглавленная «Выбор турок». Эта статья положила конец существованию этого еженедельника, так как он был закрыт правительством. Вскоре после этого правительство арестовало его и его брата Шауката Али и держало их в заключении до конца войны и еще год после того. Они были освобождены в конце 1919 года и сейчас же вступили в члены Национального конгресса. Братья Али играли весьма выдающуюся роль в халифатистском движении и в политике Конгресса в начале двадцатых годов и заплатились за это тюремным заключением. Мухаммед Али председательствовал на одной из ежегодных сессий Конгресса и в течение многих лет был членом его высшего органа, Исполнительного комитета. Он умер в 1930 году.

Перемена, происшедшая во взглядах Мухаммеда Али, была символична для изменявшихся воззрений индийских мусульман. Даже Мусульманская лига, основанная для того, чтобы изолировать мусульман от националистических течений, и полностью руководимая реакционными полуфеодальными элементами,

вынуждена была считаться с давлением со стороны более молодого поколения. Она, хотя и несколько неохотно, плыла по течению национализма и приближалась к Конгрессу. В 1913 году она сменила свою программу преданности правительству на требование самоуправления для Индии. Маулана Абул Казам Азад отстаивал это изменение в своих убедительных статьях в «ал-Хилале».

КЕМАЛЬ-ПАША. НАЦИОНАЛИЗМ В АЗПИ. ИКБАЛ

Кемаль-паша, естественно, был популярен в Индии как среди мусульман, так и среди индусов. Он не только освободил Турцию от чужеземного господства и от распада, но и сорвал происки европейских империалистических держав, особенно Англии. Но по мере того как раскрывалась политика Ататюрка — его выступления против религии, отмена им султаната и халифата, создание светского государства и роспуск религиозных орденов, — его популярность среди более ортодоксальных мусульман все убывала и росло молчаливое недовольство его политикой модернизации страны. Однако именно эта политика сделала его более популярным среди молодого поколения как индусов, так и мусульман. Ататюрк частично разрушил те воздушные замки, которые шаг за шагом воздвигали себе индийские мусульмане с самых дней восстания 1857 года. Снова образовалась своего рода пустота. Многие мусульмане заполнили эту пустоту, присоединившись к националистическому движению, многие, конечно, принимали в нем участие и раньше; другие держались в стороне, колеблясь и сомневаясь. Конфликт, по существу, заключался в столкновении феодального образа мышления с тенденциями современности. Феодальное руководство было временно сметено массовым халифатистским движением, но само движение не имело прочной основы ни в социальных, ни в экономических условиях, ни в потребностях масс. Его центр находился в другой стране, и, когда основа его была уничтожена Ататюрком, надстройка рухнула, вызвав среди мусульманских масс замешательство и нежелание участвовать в какой-либо политической деятельности. Старые феодальные вожди, ранее притаившиеся, снова выбрались на поверхность, чему способствовала политика англичан, которые всегда их поддерживали. Но они не могли вернуться к своему прежнему положению неоспоримых руководителей, так как обстановка изменялась. Из среды мусульман также выросла буржуазия, хотя и с некоторым запозданием, и самый опыт массового политического движения под руководством Национального конгресса существенно изменил положение.

Хотя воззрения мусульманских масс и новой растущей буржуазии формировались, по существу, под влиянием событий, но и сэр Мухаммед Икбал сыграл важную роль, оказав

влияние на эту мусульманскую буржуазию и особенно на более молодое поколение. Его влияние почти не затронуло массы. Свою деятельность Икбал начал с того, что писал вдохновенные стихи на националистические темы на урду, ставшие популярными. Во время балканских войн он обратился к мусульманским темам. На него подействовали господствовавшие тогда условия и массовое движение среди мусульман, и он сам оказывал влияние на усиление этих настроений. Но все же его отнюдь нельзя было назвать вождем масс; он был поэтом, интеллигентом и философом и был связан со старым феодальным строем; он происходил из кашмирского брахманского рода. В своих прекрасных стихах, которые он писал как на персидском языке, так и на урду, он дал мусульманской интеллигенции некоторую философскую основу и таким образом направил ее мысли в сторону сепаратизма. Его популярность, несомненно, объяснялась поэтичностью его стихов, но в еще большей мере тем, что он удовлетворил потребность мусульман в какой-то надежной моральной опоре. Старый панисламистский идеал потерял всякое значение; халифата не существовало, и каждая мусульманская страна, а больше всех Турция, со всей страстью занималась своими национальными проблемами, мало интересуясь судьбой других мусульманских народов. Национализм фактически был господствующей силой в Азии, как и в других странах, и в Индии тоже появилось мощное националистическое движение, которое неоднократно бросало вызов английскому владычеству. Этот национализм имел большую притягательную силу для умов мусульман в Индии, и большое количество мусульман играло ведущую роль в борьбе за свободу. Однако в индийском национализме господствовали индусы, и он носил оттенок индуизма. Поэтому в умах мусульман возникло противоречие; многие примкнули к этому национализму, пытаясь направить его в чуждую им сторону; многие сочувствовали ему, но, тем не менее, не участвовали в движении, колебались; а многие другие начали склоняться к сепаратизму, путь к которому был подготовлен для них поэзией и философией Икбала.

Это, я полагаю, явилось основанием появившегося в последние годы требования о разделе Индии. Здесь играли роль разные соображения, этому способствовало много причин, заблуждений и ошибок с каждой стороны и особенно рассчитанная сепаратистская политика английского правительства. Но за всем этим существовала психологическая подоплека, которая сама была создана, помимо известных исторических причин, задержкой развития мусульманской буржуазии в Индии. Основным внутренним противоречием в Индии, кроме борьбы всей нации в целом против чужеземного господства, является столкновение между пережитками феодального строя и современными идеями и институтами. Это столкновение происходит как внутри всей нации, так и внутри каждой крупной группы —

индусской, мусульманской и других. Национальное движение, олицетворяемое главным образом Национальным конгрессом, несомненно, представляет собой исторический процесс развития в направлении этих новых идей и институтов, хотя оно и стремится приспособить их к некоторым старым основам. Вследствие этого оно привлекает к себе самых разнообразных людей, сильно отличающихся друг от друга. Развитию этих идей среди индусов мешали замкнутость и окостенелость социального строя, отпугивавшего, кроме того, другие группы населения. Но сам этот социальный строй подорван, быстро лишается своей жесткости и, во всяком случае, недостаточно силен, чтобы помешать росту национального движения, как политического, так и социального, которое настолько энергично, что идет вперед, несмотря на препятствия. У мусульман феодальные элементы сохранили свою силу, и им обычно удается навязать свое руководство массам. Возникновение класса буржуазии у мусульман произошло более чем на поколение позже, чем у индусов, и эта разница продолжает сказываться в политике, экономике и других областях. Именно это отставание рождает психологию страха среди мусульман.

Пакистан, то есть предложение о разделе Индии, как бы оно ни привлекало некоторых эмоционально, не является, конечно, решением проблемы отсталости мусульман и может скорее всего только укрепить власть феодальных элементов еще на некоторое время и отдалить экономический прогресс мусульман. Икбал был одним из первых защитников идеи Пакистана, но, тем не менее, он, повидимому, сознавал всю опасность и нелепость этого плана. Как пишет Эдуард Томпсон, Икбал в беседе с ним заявил ему, что он отстаивал Пакистан как председатель сессии Мусульманской лиги, но что он был уверен, что это будет пагубным для Индии в целом и для мусульман в особенности. Возможно, Икбал изменил свое решение или раньше недостаточно обдумал этот вопрос, так как он не имел тогда большого значения. Все его взгляды на жизнь противоречат последующему развитию идеи Пакистана и раздела Индии.

В течение последних лет своей жизни Икбал все больше и больше обращался к социализму. Его привлекали огромные достижения Советской России. Даже его стихи приняли иное направление. За несколько месяцев до смерти, прикованный болезнью к постели, он послал за мной, и я с радостью повиновался его призыву. Когда я беседовал с ним о многих вещах, я чувствовал, как много общего у нас, несмотря на расхождения, и как легко ладить с ним. Он предавался воспоминаниям и переходил от одной темы к другой, а я слушал его, а сам говорил мало. Я всегда восхищался им и его стихами и с большим удовольствием почувствовал, что нравлюсь ему и что он хорошего мнения обо мне. Незадолго до моего ухода он сказал

мне: «Что общего между Джинной и вами? Он политик, а вы патриот». Я надеюсь, что между Джинной и мною еще много общего. Что касается того, что я патриот, то я не думаю, что это является особой рекомендацией в наше время, по крайней мере в узком смысле этого слова. При всей моей большой преданности Индии я давно считал, что нам нужно нечто большее, чем любовь к своей родине, для того чтобы понять и разрешить даже наши собственные проблемы и еще больше — проблемы всего мира в целом. Но Икбал, разумеется, был прав, утверждая, что я неважный политик, хотя политическая деятельность завладела мною и я стал ее жертвой.

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ТИЛАК И ГОКХАЛЕ. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КУРИИ

Стремясь определить подоплеку индусо-мусульманского вопроса и понять, что кроется за нынешним требованием создания Пакистана и отделения его от остальной страны, я перескочил через полвека. За это время произошло много изменений, и не столько вовне, то есть в правительственном аппарате, сколько в настроениях народа. Были проведены некоторые незначительные конституционные реформы; ими часто кичатся, но они вовсе не изменили деспотический и всеохватывающий характер английского господства; не затрагивали они и проблем нищеты и безработицы. В 1911 году Джамшеджи Тата заложил основы тяжелой промышленности Индии, построив сталелитейный завод в той местности, которая впоследствии получила название Джамшедпура. Правительство отнеслось неодобрительно к этой попытке построить промышленное предприятие и к другим таким же попыткам и ни в коей мере не поощряло их. Сталелитейная промышленность была первоначально создана главным образом с помощью американских специалистов. На первых порах она была очень слаба, но война 1914—1918 годов пришла ей на помощь. Потом она опять зачихала, и заводам угрожала опасность перейти в руки английских кредиторов, но их спасла помощь патриотов.

В Индии стал расти промышленный пролетариат; промышленные рабочие были неорганизованы и беспомощны, а чрезвычайно низкий жизненный уровень крестьянства, из которого они вышли, препятствовал повышению заработной платы и улучшению условий труда. Что касается неквалифицированных рабочих, то имелись миллионы безработных, из числа которых можно было черпать нужную рабочую силу, и ни одна забастовка не могла иметь успеха в этих условиях. Первый Всеиндийский конгресс профсоюзов был организован примерно в 1920 году. Численность этого нового пролетариата была недостаточна для изменения политической обстановки в Индии; промышленные рабочие были каплей в море крестьян и батраков.

В двадцатых годах впервые раздался слабый голос промышленных рабочих. Его можно было бы игнорировать, если бы не русская революция, которая показала значение промышленного пролетариата. Кроме того, несколько крупных и хорошо организованных забастовок также заставили обратить внимание на рабочих.

Хотя крестьяне были повсюду и аграрная проблема являлась главной проблемой Индии, но голоса крестьян не было слышно, и как политические лидеры, так и индийское правительство позабыли о них. На первом этапе политического движения в нем господствовала идеология верхушки средних классов, главным образом лиц умственного труда и тех, кто жаждал занять место в административном аппарате. С наступлением зрелости Национального конгресса, основанного в 1885 году, появился новый тип руководства, отличающийся более наступательным и непокорным характером и представляющий гораздо более широкий низший слой средних классов, а также студентов и молодежь. Большое движение в Бенгалии против ее раздела выдвинуло там много способных и боевых руководителей этого типа, но настоящим символом новой эры был Бал Гангадхар Тилак из Махараштры. Прежнее руководство также представлял маратх, человек сравнительно молодой и весьма способный — Гопал Кришна Гокхале. Революционные лозунги раздавались повсюду, раздражение нарастало, и столкновение становилось неизбежным. Чтобы избежать этого, вновь вызвали из уединения старого патриарха Конгресса Дадабхай Наороджи, повсеместно почитаемого и считавшегося отцом страны. Передышка была кратковременной, и в 1907 году произошло столкновение, внешне закончившееся победой старых, умеренных элементов. Но эта победа была одержана только с помощью организационного аппарата и ввиду ограниченного в те времена состава участников Конгресса. Не подлежало сомнению, что огромное большинство политически сознательных людей в Индии поддерживали Тилака и его группу. Конгресс в значительной мере потерял свое значение, и интерес переключился на другие сферы политической деятельности. В Бенгалии начали действовать террористы. Они последовали примеру, поданному русскими и ирландскими революционерами.

Мусульманская молодежь была также затронута этими революционными идеями. Алигархский колледж пытался сдерживать это развитие, и, по инициативе правительства, Ага-хан и другие основали Мусульманскую лигу, для того чтобы обеспечить мусульманам политическую трибуну и таким образом отвлечь их от Конгресса. Еще более важным, имеющим первостепенное значение для дальнейшего развития Индии было решение о введении отдельных избирательных курий для мусульман. С тех пор мусульмане могли выставить свои кандидатуры и быть избранными только отдельными избирательными

куриями. Так был создан политический барьер, изолировавший мусульман от остального населения Индии и повернувший вспять процесс объединения и слияния индусов и мусульман, который происходил в течение веков и был естественно ускорен техническим прогрессом. Этот барьер был сначала невысок, так как количество лиц, имеющих право голоса, было весьма ограничено, но по мере увеличения числа избирателей он все вырастал. Под конец это отделение мусульман от индусов стало охватывать все области общественной и социальной жизни, подобно язве, поражающей весь организм. Это сказалось в городских и местных самоуправлениях и в конечном итоге привело к невероятным случаям раскола. Появились (правда, значительно позднее) отдельные мусульманские профсоюзы, студенческие организации и торговые палаты. Так как мусульмане отстали во всех этих областях, то эти организации являлись не результатом естественного роста из низов, а искусственно насаждались сверху, и руководство было в руках людей старого полуфеодального типа. Так мусульманские средние классы и даже массы до известной степени были изолированы от хода развития, происходившего в остальной Индии. В Индии и без того имелось достаточное количество групп, созданных или сохраняемых английским правительством для защиты их частных интересов. Теперь, с введением отдельной избирательной курии для мусульман, возникла еще одна такая мощная группа.

Это не было временным злом, которое постепенно исчезало бы с развитием политического сознания. Вскормленное официальной политикой, оно росло, распространялось и заслоняло истинные политические, социальные и экономические проблемы, стоявшие перед страной. Разногласия и вражда возникали там, где их не было раньше, и привилегированная группа фактически оказалась ослабленной тем, что привыкала рассчитывать на поддержку свыше, а не полагаться на собственные силы.

Естественная политика по отношению к культурно и экономически отсталым группам и меньшинствам должна состоять в том, чтобы всемерно помогать их росту и ликвидации отсталости, особенно путем распространения передового просвещения. Ничего этого не было сделано ни для мусульман, ни для других отсталых меньшинств, ни для угнетенных каст, которые больше всего в этом нуждались. Все сводилось к спорам о назначениях на мелкие должности во второстепенные административные учреждения, и вместо того, чтобы повысить общий уровень, часто приносили в жертву достоинства.

Таким образом, отдельные избирательные курии ослабили те группы, которые уже были слабыми и отсталыми, они поощряли сепаратистские тенденции и препятствовали росту национального единства; они являлись отрицанием демократии,

они создали новые группы самого реакционного типа, защищающие свои частные интересы, они снизили требования к людям и отвлекли внимание от истинных экономических проблем страны, которые были общими для всех. Эти курии, введенные вначале для мусульман, распространились и на другие религиозные меньшинства и группы, пока Индия не оказалась вся перегороженной множеством изолированных частей. Возможно, это могло на короткое время принести какую-то пользу, хотя я ее и не вижу, но тот вред, который это несомненно нанесло во всех областях жизни Индии, огромен. В результате всего этого возникли всевозможные сепаратистские тенденции и, в конечном счете, требование раздела Индии.

Когда были введены эти отдельные избирательные курии, лорд Морли был государственным секретарем по делам Индии. Он противился их введению, но в конце концов согласился под нажимом вице-короля. В своем дневнике он указывал на опасности, заложенные в основе такой политики, и предупреждал, что это неминуемо задержит развитие представительных институтов. Вероятно, именно это и было целью вице-короля и его коллег. В докладе Монтегю — Челмсфорда об индийской конституционной реформе (1918 год) снова подчеркивалась опасность этих религиозно-общинных избирательных курий. «Разделение по признаку религии и класса означает создание враждебных политических лагерей и побуждает людей действовать в качестве приверженцев той или иной группы, а не в качестве граждан страны... Мы поэтому считаем всякую систему религиозно-общинных избирательных курий серьезной помехой развитию принципа самоуправления».

Глава восьмая

ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ (2). НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА

БЕСПОМОЩНОСТЬ СРЕДНИХ КЛАССОВ. ПОЯВЛЕНИЕ ГАНДИ

Началась первая мировая война. В политической жизни наблюдался спад, главным образом вследствие раскола Конгресса на два крыла — крайних и умеренных, а также в связи с ограничениями и предписаниями военного времени. Однако отчетливо выявилась одна тенденция: растущий в мусульманской среде средний класс все более проникался национальным самосознанием и толкал Мусульманскую лигу на сближение с Конгрессом. Эти организации даже начали согласовывать свои действия.

Промышленность во время войны развивалась. Акции бенгальских джутовых фабрик, бомбейских, ахмадабадских и других текстильных предприятий давали огромные дивиденды — по 100 и 200 процентов. Часть этих дивидендов утекала в Данди¹ и в Лондон, к владельцам иностранных капиталов, вложенных в Индии, часть умножала богатства индийских миллионеров. Между тем рабочие, создававшие эти прибыли, жили в невероятно тяжелых условиях — «в грязных лачугах, рассадниках всевозможных болезней», без окон и дымовых труб, без освещения, водопровода и канализации. И это вблизи Калькутты, получившей название города дворцов, города, где господствовал английский капитал! А в Бомбее, где индийский капитал играл более заметную роль, одна комиссия по обследованию обнаружила, что в комнате размером пятнадцать на двенадцать футов проживает шесть семей — в общей сложности тридцать человек взрослых и детей. Три женщины должны были скоро родить, и каждая семья имела в этой комнате отдельную печь. Это — особые случаи, но они были не так уж редки. Они характеризуют положение в двадцатых и тридцатых годах нашего века, когда некоторые улучшения были уже

¹ Данди — центр джутовой промышленности в Шотландии. — *Прим. ред.*

внесены. Трудно представить себе, каковы же были условия до этих улучшений¹.

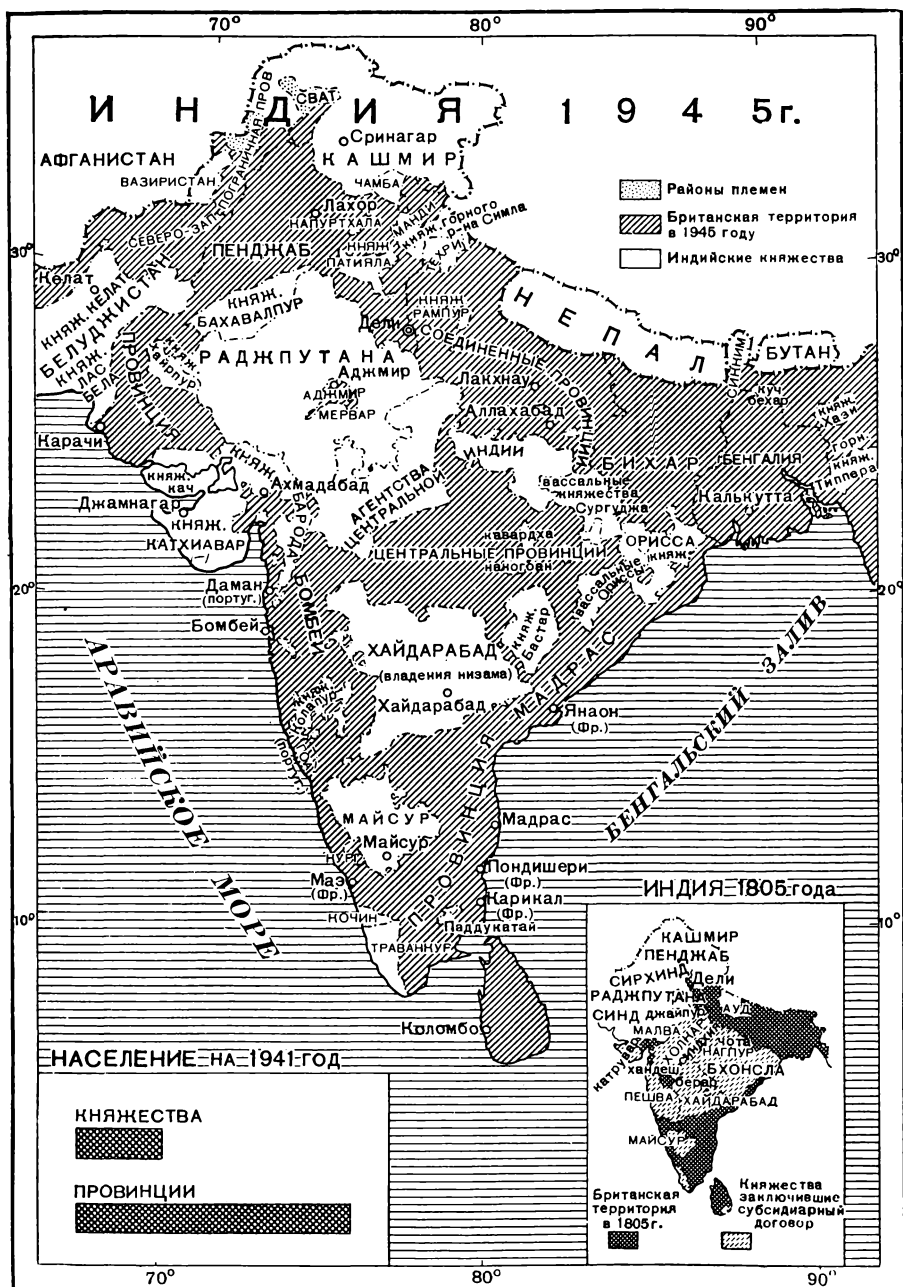
Помнится, мне приходилось бывать в этих трущобах и хибарках, где ютились фабричные рабочие; у меня спирало дыхание, и я выходил оттуда ошеломленный, охваченный ужасом и гневом. Помню также, как я спустился в каменноугольную шахту в Джхари и наблюдал, в каких условиях работали там наши женщины. Я не могу забыть ни того, что представилось моим глазам, ни потрясения, которое я испытал, увидев, что люди вынуждены работать в таких условиях. Впоследствии работа женщин под землей была запрещена, однако теперь их снова посылают туда, объясняя это тем, что для обслуживания военных нужд необходима дополнительная рабочая сила; а между тем миллионы мужчин голодают, не имея работы. В рабочих-мужчинах недостатка нет, но так как заработная плата на шахтах низка и условия труда ужасны, они не идут работать туда.

В 1928 году Индию посетила делегация Конгресса британских тред-юнионов. В отчете этой делегации говорится, что «из года в год чайные кусты в Ассаме вбирают в себя пот, голод и отчаяние миллионов индийцев». Директор Управления народного здравоохранения Бенгалии писал в своем отчете за 1927/28 год, что крестьянин этой провинции «живет на пайке, на котором даже крыса не просуществовала бы больше пяти недель».

Наконец окончилась первая мировая война, но мир принес нам не облегчение и не прогресс, а реакционное законодательство и военное положение в Пенджабе. Чувство глубокого гнева и унижения охватило наш народ. Все бесконечные разговоры об изменении конституции и индианизации государственного аппарата оказались пустой болтовней, издевательством, ибо в то же время все мужское население нашей страны истреблялось и непрерывный, беспощадный процесс эксплуатации все больше усиливал наше обнищание и подрывал наши жизненные силы. Мы стали беспризорной, брошенной на произвол судьбы нацией.

Но что мы могли сделать, как мы могли изменить этот роковой процесс? Мы казались беспомощными жертвами в когтях всемогущего чудовища: наши органы были парализованы, наше сознание притуплено. Крестьяне были запуганы и покорны, и промышленные рабочие мало чем отличались от них. Средние классы, интеллигенция, которые могли быть маяком в этой сгущающейся мгле, сами были охвачены общим унынием. В некотором смысле они находились в еще более плачевном

¹ Приведенная цитата и факты взяты из книги В. Shiva Rao «The Industrial Worker in India» (Allen and Unwin, London, 1939), посвященной рабочему вопросу и положению рабочих в Индии.

Британская территория и индийские княжества в 1945 году.

Махешасурамардини — Кайласа. Эллора. 8 век н. э.

положении, чем крестьяне. Многие из этих деклассированных интеллигентов, оторванных от земли и неспособных к выполнению какой бы то ни было физической или технической работы, пополняли собой растущую армию безработных; беспомощные, охваченные чувством безнадежности, эти люди все глубже погружались в трясину. Наличие небольшого числа преуспевавших адвокатов, врачей, инженеров и чиновников не меняло общей картины. Крестьянин голодал, но многовековая неравная борьба с окружающей средой приучила его к терпению, и даже в голоде и нищете он сохранял спокойное достоинство и чувство покорности всемогущей судьбе. Иное дело — средние классы, точнее новая «мелкая буржуазия», не прошедшая через такие испытания. Эти люди, политически недостаточно зрелые, обманутые в своих ожиданиях, не знали, куда стремиться, ибо ни старое, ни новое не сулило им никакой надежды. Они не нашли себе места в служении общественному делу, не испытывали удовлетворения, что создают что-то полезное, хотя их деятельность и приносила им страдания. Скованные традициями, они родились стариками, но древней культуры у них не было. Их привлекали современные идеи, но они не поняли их внутреннего содержания, не прониклись современным общественным и научным сознанием. Некоторые упорно цеплялись за мертвые формы прошлого, пытаясь найти в них облегчение своим страданиям. Но и там нельзя было найти облегчения, ибо, как сказал Тагор, мы не должны хранить в себе то, что умерло, так как мертвое несет с собой смерть. Другие стали слабым и жалким подражанием Западу. Так, подобно потерпевшим крушение, в отчаянии ища какой-то надежной опоры для души и тела и не находя ее, они бесцельно плыли в темных волнах индийской жизни.

Что мы могли сделать? Как могли мы вырвать Индию из засасывавшей ее трясины нищеты и безнадежности? Ведь наш народ отдавал «кровь и труд, слезы и пот» не только в течение нескольких лет страстного порыва, страданий и бездействия, а в продолжение жизни многих поколений. Этот процесс глубоко проник в тело и в душу Индии, отравляя своим ядом все стороны нашей общественной жизни, подобно жестокой болезни, которая, разрушая ткань легких, убивает медленно, но верно. Иногда нам казалось, что лучше бы болезнь протекала быстрее и более открыто, подобно холере или бубонной чуме; но эти мысли были преходящи, ибо авантюризм ни к чему не приводит, и заговоры при серьезном заболевании не приносят пользы.

И вот тогда пришел Ганди. Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света, он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю, он все всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление. Ганди не спустился сверху;

казалось, он вышел из миллионных масс индийцев, он говорил их языком и уделял им и их ужасающему положению все внимание.

«Слезайте со спин крестьян и рабочих все вы, живущие их эксплуатацией, — говорил он нам, — уничтожьте систему, порождающую эту нищету и эти страдания». И тогда понятие политической свободы получило новую форму и приобрело новое содержание. Много из того, что он говорил, мы принимали только частично или вообще не принимали. Но это все были вещи второстепенные. Сущностью его учения были бесстрашие и правда и связанное с ними действие, всегда направленное на благо народных масс. В наших древних книгах сказано, что величайшим даром и для отдельного человека и для народа является *абхай* (бесстрашие) — понятие, включающее не только физическое мужество, но и отсутствие страха в сознании. На заре нашей истории Джанака и Яджнавалкья¹ говорили, что вожди народа должны вселять в него бесстрашие. Но при владычестве англичан самым распространенным в Индии чувством был страх — всепроникающий, подавляющий, удушающий страх: страх перед армией, полицией, вездесущей секретной службой; страх перед чиновниками, перед законами, несущими угнетение, перед тюрьмой; страх перед приказчиком помещика, перед ростовщиком; страх перед безработицей и голодом, всегда стоявшими у порога. Против этого всеохватывающего страха поднялся спокойный и решительный голос Ганди. «Не бойтесь», — говорил он. Было ли это так просто? Не совсем. Но страх создает призраки, которые ужаснее самой действительности, а действительность, если спокойно разобраться в ней и быть готовым к любым испытаниям, становится значительно менее страшной.

Так совершенно внезапно черный плащ страха был снят с плеч людей — хотя и не полностью. И подобно тому как страх является спутником лжи, так и правда следует за бесстрашием. Индийский народ не стал более правдивым, чем он был ранее, его характер не переменялся в мгновение ока, но общая перемена была совершенно очевидной, так как уменьшилась необходимость лжи и притворства. Эта перемена была психологическая, как будто некий специалист по психоанализу, глубоко проникнув в прошлое больного, установил происхождение его комплексов, разъяснил их и тем самым избавил больного от их бремени.

Произошла и другая психологическая реакция: появилось чувство стыда за наше долгое подчинение иностранному господ-

¹ Джанака — правитель Вадехи (около 7 века до н. э.). Он был покровителем философа Яджнавалкья. Вошел в древнеиндийский эпос Рамаяна в качестве одного из героев. Яджнавалкья (около 7 века до н. э.) — один из создателей и видных представителей философской системы веданты. — *Прим. ред.*

ству, которое отбросило нас назад и унизило нас, и возникло стремление любой ценой избавиться от этого подчинения.

Быть может, мы и не стали более правдивыми, чем были раньше, но Ганди всегда стоял перед нами как непоколебимый символ правды, он подтягивал нас, стыдил и учил правде. Что такое правда? Я не могу дать на это точный ответ, и возможно, что наша правда относительна и абсолютная правда недоступна нам. Различные люди могут иметь и имеют различное представление о правде, и каждый человек находится под сильным влиянием своего происхождения, воспитания и побуждений. Это относится и к Ганди. Но, во всяком случае, каждому человеку его чувство и сознание подсказывают, что такое правда. Согласно такому определению, я не знаю человека, который был бы более правдив, чем Ганди. Это опасное качество для политического деятеля, ибо он раскрывает свою душу и позволяет людям видеть формирование своих воззрений.

Степень влияния Ганди на миллионы индийцев была различна. Одни полностью изменили свою жизнь, другие поддались влиянию только частично, и сила влияния на них ослабевала, хотя и не исчезала совсем, ибо полностью освободиться от влияния Ганди было невозможно. Различные люди по-разному воспринимали его учение, и на этот вопрос каждый дает свой собственный ответ. Некоторые могли бы ответить словами Алкивиада: «По крайней мере, никому из нас, когда мы слушаем какого-нибудь оратора — будь это даже очень хороший оратор, — нет до него, так сказать, никакого дела. Но когда слушаем тебя или когда кто-либо другой передает твои слова, даже если это и посредственный оратор, все слушающие — будь это женщина, мужчина, отрок, — все мы бываем потрясены и захвачены. Я, по крайней мере, если бы не опасался показаться в ваших глазах совершенно пьяным, под клятвою скажу вам, что я испытал сам от его речей да испытываю и по сие время. Когда я слушаю Сократа, мое сердце «прыгает» гораздо сильнее, чем у человека, пришедшего в иступление, подобно корибантам¹, слезы льются от его речей. Я видел, что и многие другие испытывали то же самое.

Когда я слушал Перикла и других хороших ораторов, я признавал, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал; душа моя не приходила в волнение и не негодовала на то, что я влачу жизнь раба. Но этот вот Марсий² часто приводил меня в такое состояние, что мне думалось: да стоит ли жить так, как я живу?!

¹ Корибанты — мифические жрецы Кибелы — малоазийского божества, поклонение которому было распространено также в Греции. Культ Кибелы носил характер иступленных оргий. — *Прим. ред.*

² Марсий — герой греческой мифологии, прославившийся игрой на флейте. — *Прим. ред.*

Это — единственный человек, перед которым я испытываю то, что, по общему мнению, вовсе мне несвойственно — чувство стыда перед кем бы то ни было. Я только одного Сократа стыжусь. Сознаю свое бессилие противоречить ему и что не следует поступать вопреки его приказаниям; но стоит мне уйти от него, и я увлечен тем почетом, которым окружает меня толпа. Поэтому я бегу от него, спасаюсь бегством; а когда увижу его, мне стыдно за те обещания, которые я ему давал...

Я уже укушен тем, что причиняет еще более сильную боль (чем укус змеи), укушен... в сердце, или душу, или как бы там ни называть это...»¹

ПОД РУКОВОДСТВОМ ГАНДИ КОНГРЕСС СТАНОВИТСЯ ДЕЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Когда Ганди впервые вступил в Индийский Национальный конгресс, он немедленно полностью изменил его устав. Он превратил Конгресс в демократическую и массовую организацию. Конгресс и прежде был демократической организацией, но его состав был ограничен представителями высших классов. Теперь в него устремились крестьяне, и в своем новом виде он стал приобретать характер широкой крестьянской организации с большой прослойкой представителей средних классов. Преобладание крестьян в дальнейшем усилилось. Пришли также и промышленные рабочие, но поодиночке, а не в организованном порядке.

Основой и целью этой организации стало действие, осуществляемое мирными средствами. Прежде считалось, что существуют две возможности: разговоры и принятие резолюций или террористическая деятельность. И то и другое было отвергнуто, причем тактика террора была осуждена, как противоречащая основной политике Конгресса. Был выработан новый метод действия: являясь абсолютно мирным, оно, тем не менее, заключало в себе неподчинение тому, что считалось неправильным, и, следовательно, означало готовность подвергаться карам и выносить страдания, сопряженные с этим неподчинением. Ганди был пацифист своеобразного типа, ибо он был человек действия, преисполненный динамической энергии. В нем не было покорности судьбе или чему-либо, что он считал злом; он был всегда готов к сопротивлению, но это сопротивление было мирное и проявлялось в учливой форме.

Действия требовались двоякие. Во-первых, действие, связанное с противодействием и сопротивлением иностранному господству, во-вторых, действие, связанное с борьбой против нашего собственного социального зла. Кроме основной цели

¹ Платон, Пир.

Конгресса — освобождения Индии методом мирных действий, — главными пунктами программы Конгресса были: национальное единство, предполагавшее разрешение проблемы меньшинств, улучшение положения угнетенных классов и избавление от проклятия неприкасаемости.

Понимая, что главными опорами английского господства были страх, престиж, добровольное или принудительное сотрудничество со стороны народа и некоторые общественные классы, материально заинтересованные в господстве англичан, Ганди повел наступление на эти основы. Он призывал отказываться от почетных титулов, и хотя лишь немногие обладатели этих титулов откликнулись на его призыв, народ потерял уважение к титулам, дарованным англичанами, и они стали символом падения. Появились новые нормы и ценности. Пышность и величие дворов вице-короля и князей, производившие прежде такое сильное впечатление, показались вдруг до крайности нелепыми, пошлыми и даже постыдными на фоне нищеты и страданий народа. Богачи стали меньше выставлять напоказ свое богатство; многие из них начали, по крайней мере внешне, вести более скромный образ жизни и по одежде почти не отличались от простого народа.

Старым лидерам Конгресса, воспитанным в иных, более консервативных традициях, трудно было привыкнуть к этим новым веяниям; их тревожил подъем масс. Но волна новых настроений, прокатившаяся по стране, была такой мощной, что некоторые из них тоже прониклись этими настроениями. Лишь очень немногие отошли от Конгресса, и в их числе был М. А. Джинна. Он вышел из Конгресса не из-за разногласий по вопросу об отношениях между индусами и мусульманами, а потому, что не мог приспособиться к новой и более передовой идеологии, а в еще большей мере потому, что ему неприятны были толпы оборванных людей, говоривших на языке хиндустани, которые хлынули в Конгресс. Он считал, что политика — это более высокая материя, которой надлежит заниматься в законодательной палате или в узкой комиссии. На несколько лет он совсем ушел со сцены и решил навсегда покинуть Индию. Он обосновался в Англии и прожил там несколько лет.

Говорят, и, мне кажется, не без основания, что индийцы по складу своего ума склонны к квиетизму. Возможно, что у древних народов и вырабатывается такое отношение к жизни, к этому ведет также многовековая традиция философского мышления. Но Ганди, являющийся типичным сыном Индии, представляет полную противоположность квиетизму. Ганди — олицетворенная энергия и деятельность, он не теряет времени попусту; он не только действует сам, но и заставляет действовать других. Он больше, чем кто-либо иной, боролся с квиетизмом индийского народа и искоренял его.

Ганди послал нас в деревни и села; в сельских районах закипела деятельность множества проповедников нового учения о действии. Это всколыхнуло крестьянство; оно начало пробуждаться от своей спячки. На нас это оказало иное, но в такой же мере сильное действие, так как мы, в сущности, впервые увидели жизнь крестьянина в его глинобитной хибарке с постоянно нависающей над ним угрозой голода. Эти поездки помогли нам изучить экономику Индии лучше, чем книги и ученые доклады. Эмоциональный подъем, который мы испытывали, получил конкретное выражение и подкрепление, и отныне нам уже не было возврата к старой жизни или к нашим прежним нормам, как бы ни изменились впоследствии наши воззрения.

Ганди имел четко определенные взгляды по экономическим, социальным и другим вопросам. Он не пытался навязывать все свои взгляды Конгрессу, хотя продолжал развивать свои идеи и временами, в процессе работы, вносил в них новое, излагая это в своих сочинениях. Однако некоторые свои взгляды он все же старался внушить Конгрессу. Ганди действовал осторожно, так как хотел, чтобы люди сами пошли за ним. Иногда он заходил слишком далеко в Конгрессе, и ему приходилось отступать. Не все приняла его взгляды во всей их совокупности; многие не соглашались с его основными принципами. Но большинство приняло их в той видоизмененной форме, приспособленной к существовавшим в то время обстоятельствам, в которой они были приняты Конгрессом. В двух отношениях взгляды, лежавшие в основе его учения, оказали хотя и не вполне четкое, но сильное влияние: а) подходить ко всему с критерием — в какой мере это полезно массам и б) никогда не забывать о значении применяемых средств, даже если преследуемая цель справедлива, ибо средства управляют целью и меняют ее.

Ганди был по своей сущности человеком религии, индусом до глубины своей души, но его религиозная концепция не имела ничего общего с догмой, обычаем или ритуалом¹. Основа этой концепции заключается в его твердой вере в моральный закон, который он называет законом правды или любви. Правда и ненасилие для него одно и то же или различные стороны одного и того же понятия, для него эти слова почти взаимозаменяемы. Он считает, что воспринял дух индуизма, и

¹ В январе 1928 года Ганди говорил, обращаясь к Федерации международных братств: «На основании долгих размышлений и опыта я пришел к выводу, что: 1) всякая религия истинна; 2) всякая религия заключается в себе некоторые заблуждения; 3) все религии почти так же дороги мне, как мой индуизм. Я отношусь к другим верам с таким же благоговением, как к своей собственной. Следовательно, мысль о переходе из одной веры в другую нелепа... Молясь за других, мы не должны просить: «Господи, дай им свет, который ты дал мне!» Мы должны просить: «Дай им всем свет и правду, которые нужны для наивысшего развития!»

отвергает любой текст и любое действие, расходящееся с его идеалистическим представлением о том, что должен представлять собой индуизм, называя их интерполяцией, или позднейшими наслоениями. «Я отказываюсь,— сказал он,— быть рабом прецедентов или порядков, которые я не могу понять и отстаивать на моральной основе». Таким образом, в своей деятельности он совершенно свободен, для того чтобы выбирать пути по своему усмотрению, изменять свои взгляды, приспособляться, развивать свою философию жизни и действия, руководствуясь в качестве высшего критерия только моральным законом в том виде, как он его понимает. Можно спорить о том, правильна или ложна эта философия, но Ганди требует применять этот основной критерий ко всем и особенно к себе самому. И в политике и в других областях жизни это создает для среднего человека трудности и часто порождает недоразумения. Но никакие трудности не могут заставить Ганди свернуть с избранного им прямого пути, хотя в определенных границах он постоянно приспосабливается к меняющимся обстоятельствам. Любое преобразование, которое он предлагает, любой совет, который он дает другим, он немедленно применяет к себе самому. Он всегда начинает с себя; его слова и дела соответствуют друг другу, как перчатка на руке. Таким образом, что бы ни случилось, он никогда не теряет своей цельности, его жизнь и работа всегда представляют единое органическое целое. Даже его очевидные неудачи как бы еще более возвышают его.

Как же Ганди представлял себе ту Индию, которую он намеревался построить в соответствии со своими стремлениями и идеалами? «Я буду бороться за такую Индию, в которой беднейшие люди будут чувствовать, что это действительно их страна, в строительстве которой они будут иметь решающий голос, за Индию, где не будет высшего и низшего класса людей, за Индию, где все общины будут жить в полном согласии... В такой Индии не может быть места для проклятия неприкасаемости или такого бича, как алкоголь и наркотики... Женщины будут пользоваться теми же правами, что и мужчины... Такова Индия моей мечты». Гордясь своим индусским наследием, он пытался одновременно придать индуизму своего рода универсализм и признал все религии носителями правды. Он не хотел суживать свое культурное наследие. «Индийская культура,— писал он,— не является полностью индусской, мусульманской или какой-либо другой. Это слияние их всех». «Я хочу,— говорил он далее,— чтобы ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног. Я не хочу жить в домах других людей как незванный гость, как нищий или раб». Восприняв современные идейные течения, он все же никогда не отрывался от своих корней и цепко держался за них.

Так он принялся за восстановление духовного единства народа, стремясь сломить преграду, отделяющую малочисленную верхушку, проникнутую западным духом, от масс, пытаясь найти живые элементы в старых корнях и, опираясь на них, вывести массы из их оцепенения и неподвижности, привести их в действие. Основное впечатление, которое оставляет его цельная и в то же время разносторонняя натура, — это отождествление с массами, духовная общность с ними, поразительное чувство единства с обездоленными и нищими не только в Индии, но и во всем мире. Даже религия, подобно всему остальному, отходит на второй план по отношению к этому страстному стремлению поднять обездоленный народ. «Полуголодная нация не может иметь ни религии, ни искусства, ни организации», — говорил он. «То, что может быть полезно для голодающих миллионов, представляется мне прекрасным. Дадим сегодня прежде всего то, что насущно необходимо для жизни, а все то, что украшает ее, придет потом... Я хочу такого искусства и такой литературы, которые могут говорить с миллионами». Все его мысли были всегда поглощены судьбой этих миллионов несчастных обездоленных людей, и все как бы вращалось вокруг них. «Мы должны быть всегда полны готовности и энтузиазма служить миллионным массам». Он говорил, что его самое большое желание — «осушить слезы у всех людей».

Неудивительно, что этот человек, обладавший изумительной энергией, верой в себя и необычной силой духа, стремящийся к равенству и свободе для всех, но исходящий во всем этом из интересов бедных, как бы заморозил индийские массы и привлек их к себе, подобно магниту. Им казалось, что он соединяет прошлое с будущим и что благодаря ему мрачное настоящее представляет как бы переходную ступень к этому будущему жизни и надежды. Это относится не только к массам, но также и к интеллигентам и к другим слоям, хотя они часто приходили в смятение и замешательство и им было труднее отказаться от прочно усвоенных навыков. Таким образом, он произвел огромный психологический переворот не только среди своих последователей, но также среди своих противников и многочисленной категории нейтральных лиц, которые до того не знали, что думать и что делать.

Конгресс находился во власти Ганди, но это была своеобразная власть, потому что Конгресс был подвижной, непокорной, разнородной организацией с множеством различных мнений и его нелегко было направить по тому или иному пути. Нередко Ганди шел на уступки, считаясь с пожеланиями других, иногда он даже соглашался на решение, противоположное тому, которое он предлагал. Но по ряду вопросов, которые он считал принципиальными, он был непреклонен, и не раз происходил разрыв между ним и Конгрессом. Он всегда был симво-

лом воинствующего национализма и борьбы за независимость Индии, ярким противником всех тех, кто стремился поработить ее, и именно вокруг этого символа объединялись люди, признавая Ганди своим вождем, хотя бы даже они и расходились с ним по другим вопросам. Они не всегда признавали его руководство в моменты затишья, но когда борьба становилась неизбежной, на первое место выдвигался этот символ и все остальное отходило на задний план.

Так, в 1920 году Национальный конгресс и в значительной степени вся страна пошли по этому новому, еще не изведанному пути и неоднократно вступали в столкновение с английскими властями. Столкновение было неизбежным следствием как применения этих новых методов, так и новой обстановки, которая теперь создавалась, но эти действия вызывались не политической тактикой и не маневрами, а стремлением увеличить силы индийского народа, так как, только став сильным, он мог обрести независимость и сохранить ее. Кампании гражданского неповиновения следовали одна за другой, их участники переносили невероятные страдания, но поскольку люди шли на них сознательно, эти страдания придавали им новые силы в противоположность тем страданиям, которые терпят против воли и которые вызывают отчаяние и пораженческие настроения. Страдали также и те, кто не хотел принимать участия в борьбе, поскольку жестокие правительственные репрессии распространялись и на них. Порой даже те, кто сознательно вел борьбу, оказывались сломленными и капитулировали. Но многие оставались твердыми и верными своему делу, закаляясь в борьбе. Никогда, даже в самые тяжелые для него времена, Конгресс не капитулировал перед силой и не покорялся иностранной власти. Он оставался символом страстного стремления Индии к независимости, ее воли к сопротивлению иностранному господству. Именно поэтому огромное количество индийцев сочувствовало ему и искало у него руководства, хотя многие из них были слишком слабы и нерешительны, чтобы предпринять какие-либо действия, или же обстоятельства не позволяли им этого. В некотором смысле Конгресс был партией, но он представлял одновременно общую платформу для нескольких партий, по существу же это было нечто значительно большее, так как он отражал сокровеннейшие стремления и чаяния широких масс нашего народа. Хотя его списки насчитывали много членов, они лишь слабо отражали его широкий представительный характер, так как количество членов определялось не только желанием людей вступить в ряды Конгресса, но также нашей способностью связаться с отдаленными селениями. Часто (как и теперь) мы превращались в нелегальную организацию, не существующую в глазах закона, и наши книги и документы изымались полицией.

Даже в периоды, когда не проводились кампании гражданского неповиновения, осуществлялась общая линия несотруд-

ничества с британским государственным аппаратом в Индии, хотя это несотрудничество и теряло воинствующий характер. Конечно, это не означало отказ от сотрудничества с англичанами как таковыми. Когда во многих провинциях были созданы конгрессиистские правительства, естественно осуществлялось широкое сотрудничество в служебной и правительственной деятельности. Однако и тогда обстановка существенно не изменялась, и были разработаны инструкции, определявшие поведение членов Конгресса, когда они не находились при исполнении служебных обязанностей. Между индийским национализмом и иностранным империализмом не могло быть прочного мира, хотя временами были неизбежны компромиссы и уступки. Только свободная Индия способна сотрудничать с Англией на началах равноправия.

КОНГРЕССИСТСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПРОВИНЦИЯХ

После долгих лет работы различных комиссий и комитетов, а также после дебатов британский парламент принял в 1935 году Закон об управлении Индией. Он предусматривал некоторую степень автономии для провинций и создание федеральной системы, но в нем содержалось такое количество оговорок и ограничений, что, по существу, как политическая, так и экономическая власть попрежнему оставалась сосредоточенной в руках английского правительства. Он некоторым образом даже подтверждал и расширял права исполнительной власти, ответственной только перед этим правительством. Федеральная система была построена таким образом, чтобы исключить возможность какого бы то ни было подлинного прогресса, и представители индийского народа лишались малейшей возможности воздействовать на находящийся под английским контролем государственный аппарат или изменять его. Изменения и улучшения могли быть произведены только английским парламентом. Таким образом, эта схема была не только реакционной, но даже не содержала каких-либо предпосылок для развития, ибо эти предпосылки могли быть созданы только в результате тех или иных революционных действий. Новый закон укрепил союз между английским правительством и князьями, помещиками и другими реакционными элементами в Индии; увеличил количество отдельных избирательных курий, усилив тем самым сепаратистские тенденции; укрепил господствующее положение англичан в торговле, промышленности, банковском деле и судоходстве, причем Закон запрещал какие бы то ни было изменения, или, как они назывались, «дискриминации» в этом положении¹. Англичане сохранили полный контроль над

¹ Представители английской промышленности и торговли в Индии до сих пор яростно сопротивляются отмене этих запретов. В апреле 1945 года Центральное законодательное собрание, несмотря на противо-

финансами, вооруженными силами, внешней политикой Индии. В результате вице-король стал даже еще могущественнее, чем прежде.

В ограниченных рамках провинциальной автономии передача власти была или казалась значительно более существенной. Однако положение народного правительства в провинциях было весьма странным. На него продолжали распространяться все ограничения со стороны вице-короля и ни перед кем не ответственной центральной власти; даже губернатор провинции мог, подобно вице-королю, вмешиваться, налагать вето, издавать своей собственной властью законы и делать почти все, что ему угодно, хотя бы это находилось в полном противоречии с мнением народных министров и законодательного собрания провинции. Значительная часть государственных доходов была передана различным материально заинтересованным группам и не могла быть использована. Административный аппарат и полиция находились под особой защитой, и министры почти не имели возможности касаться их. И аппарат и полиция придерживались чисто авторитарных взглядов и, как и прежде, считали себя подчиненными губернатору, а не министрам. И, тем не менее, именно через этих людей должно было действовать народное правительство. Вся сложная система управления, от губернатора до мелкого чиновника и полицейского, оставалась нетронутой, только где-то между ними вклинилось несколько министров, ответственных перед избранным народом законодательным собранием, которые пытались что-то делать в меру своих сил. Если губернатор (представлявший английские власти) и подчиненные ему ведомства находились в согласии с министерствами и сотрудничали с ними, государственный аппарат мог работать нормально. В противном случае (а это было более вероятно, поскольку политика народного правительства и применявшиеся им методы коренным образом отличались от старых авторитарных порядков, свойственных полицейскому государству) неизбежны были постоянные трения. Даже в том случае, если губернатор и подчиненный ему аппарат не расходились явно во мнениях с народным правительством и открыто не проявляли нелояльности к его политике, они все же имели возможность саботировать, задерживать, изменять и сводить на нет предполагаемые или проводимые мероприятия правительства. Закон

действе англичан, приняло резолюцию, требовавшую отмены запретов. Индийские националисты и, разумеется, все индийские партии и группы решительно выступают за отмену этих ограничений, и уж, конечно, больше всего этого добиваются индийские промышленники. Но характерно, что представители индийских деловых кругов на Цейлоне требуют введения там в точности таких же покровительственных мер, против которых они так справедливо протестуют, когда речь идет об английских дельцах в Индии. Личная заинтересованность лишает людей не только чувства справедливости, но даже способности к элементарному логическому мышлению.

не предусматривал ничего такого, что могло бы помешать губернатору или вице-королю делать все, что им заблагорассудится, даже вопреки правительству и законодательному собранию. Единственным реальным тормозом был страх перед конфликтом. Министры могли уйти в отставку, могло не найтись других кандидатур, способных получить поддержку большинства в законодательном собрании, а за этим могли последовать народные волнения. Это был старый конфликт (о правах) между монархом и парламентом, который так часто имел место в других странах и который приводил к революциям и к свержению королей. Здесь король был, помимо всего, иностранной властью, поддерживавшейся иностранной военной и экономической мощью и наличием особых интересов, а также индийскими приспешниками англичан.

Примерно в это же время Бирма была отделена от Индии. В Бирме происходила борьба между английскими, индийскими и в некоторой мере также китайскими экономическими и коммерческими интересами. Поэтому Англия вела политику поощрения антииндийских и антикитайских настроений среди бирманского народа. Некоторое время эта политика приносила свои плоды, но когда англичане отказали бирманцам в предоставлении свободы, в Бирме возникло мощное прояпонское движение, которое дало себя знать в 1942 году, в момент вторжения японцев.

Закон 1935 года встретил резкую оппозицию со стороны всех кругов индийской общественности. Разделы этого Закона, касающиеся провинциальной автономии, были подвергнуты суровой критике за многочисленные оговорки и за полномочия, предоставленные губернаторам и вице-королю. Но еще большее возмущение вызвали разделы о создании федерации. Против федерации как таковой не было возражений; по общему мнению, федеральная система приемлема для Индии, но тот вид федерации, который был предложен, увековечивал британское владычество и господство британского капитала в Индии. Вступила в действие только та часть конституции, которая касалась провинциальной автономии, и Конгресс решил выставить на выборах своих кандидатов. Но ожесточенные споры вызвал в Конгрессе вопрос о том, следует ли брать на себя в рамках прав, предусмотренных Законом, ответственность за создание правительств провинций. В большинстве провинций Конгресс одержал на выборах блестящую победу, и все же в Конгрессе были колебания, следует ли создавать конгрессистские правительства, пока не будет ясно заявлено, что со стороны губернатора или вице-короля не будет иметь место вмешательство. Через несколько месяцев были даны неопределенные заверения по этому поводу, и в июле 1937 года были созданы конгрессистские правительства. В конечном счете такие правительства были образованы в восьми провинциях из одиннадцати. Остальными

тремя были Синд, Бенгалия и Пенджаб. Синд был небольшой, недавно образованной и неустойчивой провинцией. В Бенгалии Конгресс был самой крупной партией в законодательном собрании, но, не располагая там абсолютным большинством, он не принял участия в формировании правительства. Поскольку Бенгалия (или вернее Калькутта) была основной штаб-квартирой английского капитала в Индии, европейские коммерческие круги были чрезвычайно широко представлены в законодательном собрании. Численность их была ничтожной (несколько тысяч человек), и, тем не менее, они получили двадцать пять мест, тогда как все немусульманское население провинции, насчитывающее около 17 миллионов человек (помимо «выделенных каст»), получило пятьдесят мест. Таким образом, английская группа в законодательном собрании играет важную роль в политической жизни Бенгалии и может создавать и распускать правительства.

Конгресс не мог признать Закон 1935 года даже в качестве временного разрешения индийской проблемы. Он посвятил себя борьбе за независимость и должен был бороться против этого Закона. Однако большинство Конгресса приняло решение участвовать в осуществлении провинциальной автономии. Таким образом, Конгресс вел двустороннюю политику, заключавшуюся в том, чтобы продолжать борьбу за независимость и одновременно проводить через законодательные органы конструктивные реформы. Особо срочного внимания требовал к себе аграрный вопрос.

Подвергался обсуждению вопрос о возможности участия конгрессистов в коалиционных правительствах совместно с представителями других групп, хотя необходимости в этом не было, поскольку Конгресс обладал явным большинством. И все же было желательно привлечь к участию в работе правительства как можно больше людей. Сама по себе коалиция не является чем-то порочным; и действительно, в Пограничной провинции¹ и в Ассаме договорились о создании коалиции. По существу и самый Конгресс был своего рода коалицией или единым фронтом различных групп, объединенных между собой общим стремлением к независимости Индии. Несмотря на свой разнородный состав, у него была дисциплина, социальные взгляды и способность вести борьбу присущими ему мирными средствами. Более широкая коалиция означала бы объединение с людьми, придерживающимися совершенно иных политических и социальных взглядов, людьми, заинтересованными прежде всего в получении высоких постов и министерских портфелей. При создавшемся положении неизбежны были столкновения с представителями английских интересов — вице-королем, губернатором,

¹ Имеется в виду Северо-западная пограничная провинция. — *Прим. ред.*

высшими чиновниками, а также конфликты с могущественными частными интересами в сельском хозяйстве и промышленности по аграрным вопросам и по вопросу о положении рабочих. Элементы, находившиеся вне Конгресса, были, как правило, консервативны в политическом и социальном отношении, некоторые из них были откровенными карьеристами. Если бы такие элементы вошли в правительство, они могли бы ослабить всю нашу социальную программу или, во всяком случае, саботировать и тормозить ее. Могли также установиться связи с губернатором через головы других министров. Необходим был единый фронт против английского владычества. Любая брешь в этом фронте повредила бы нашему делу. Не стало бы связующего цемента, взаимной лояльности, единой цели; в мыслях и действиях отдельных министров не было бы единства.

Конечно, в нашей общественной жизни было много людей, которых можно назвать политиками и только, людьми карьеры—как в хорошем, так и в дурном смысле этого слова. В Конгрессе и в других организациях имелись как способные, искренние и проникнутые патриотизмом мужчины и женщины, так и карьеристы. Но уже с 1920 года Конгресс был чем-то большим, чем просто реформистской политической партией. Его окружала атмосфера революционного действия, как реального, так и потенциального, что часто ставило его вне рамок закона. Тот факт, что это действие не было связано с насилием, подпольной деятельностью и заговорами, обычно сопровождающими революционное действие, не лишал его революционного характера. Можно спорить о том, было ли это действие правильным или неправильным, эффективным или неэффективным, но несомненно, что оно требовало большого хладнокровия, мужества и выдержки. Пожалуй, легче совершать отдельные героические поступки, даже связанные с самопожертвованием, чем сознательно отказываться почти от всего, что дает жизнь,—изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Такое испытание мало кто способен выдержать, где бы он ни находился, и поразительно, какое большое число людей успешно выдержало его в Индии.

Конгрессисты в законодательных собраниях старались как можно скорее провести законодательные мероприятия, соответствующие интересам рабочих и крестьян, до того, как какой-нибудь кризис выведет их из строя. Это чувство неизбежности кризиса ощущалось всегда, оно вытекало из всей обстановки. Почти во всех провинциях существовали вторые палаты, избранные весьма ограниченным числом избирателей и представлявшие, таким образом, могущественные частные интересы в сельском хозяйстве и промышленности. Существовали также другие препятствия для принятия прогрессивных законов. Образование коалиционных правительств усугубило бы эти трудности, и поэтому было решено в начале не создавать такие правительства, за исключением Ассама и Пограничной провинции.

Это решение само по себе ни в коей мере не было окончательным, и возможность его изменения имелась в виду, однако быстрое развитие событий затруднило подобные изменения, и конгрессиистские правительства в провинциях оказались перед лицом многочисленных сложных проблем, настойчиво требовавших разрешения. В последующие годы было много споров относительно того, насколько мудрым было принятое решение, и мнения по этому вопросу расходились. Правда, легко проявлять мудрость после того, как событие совершится, но я все же склонен думать, что, исходя из политических соображений и учитывая то положение, в котором мы находились, это было для нас естественным и логичным решением. Верно, однако, и то, что с точки зрения проблемы религиозных общин последствия его были неблагоприятны: у многих мусульман возникло недовольство и чувство изолированности. Это играло на руку реакционным элементам, использовавшим такие настроения для укрепления своих собственных позиций среди некоторых групп.

В политическом и юридическом отношении новая конституция и создание в провинциях конгрессиистских правительств не изменяли существенно систему английского управления. Действительная власть оставалась в тех же руках, в которых она издавна находилась. Но психологическая перемена была огромна, и казалось, что по всей стране прошел электрический ток. Эта перемена была более заметна в сельских местностях, чем в городах. Тем не менее рабочие промышленных центров реагировали на эти изменения не меньше, чем крестьяне. Людей охватило чувство огромного облегчения, освобождения от давившей на них тяжести; высвободилась так долго скованная энергия масс и стала проявлять себя повсюду. Исчез, по крайней мере временно, страх перед полицией и сыщиками, и даже у самого бедного крестьянина прибавилось самоуважения и веры в свои силы. Впервые он понял, что представляет силу, которую нельзя игнорировать. Правительство перестало быть неведомым и неуловимым чудовищем, отделенным от него непроницаемой стеной чиновников, доступ к которым был труден (не говоря уже о влиянии на них) и которые старались выжать из него как можно больше. Теперь высокие посты заняли люди, которых он часто видел и слышал и с которыми ему приходилось разговаривать; случалось, что кое-кто из этих людей когда-то сидел вместе с ним в тюрьме и между ними было чувство товарищества.

В резиденциях правительств провинций, в этих цитаделях старой бюрократии, можно было наблюдать много символических сцен. Эти провинциальные секретариаты, как их называли, где размещались все государственные учреждения, прежде представляли святая святых власти, откуда исходили таинственные приказы, которым никто не мог противиться. Вход в здание охранялся полицейскими и часовыми в красных

мундирах и с блестящим кинжалом за поясом; и только тот, кому особенно посчастливилось, кто обладал большой смелостью или набитым кошельком, мог пройти мимо них. А теперь толпы людей — горожан и крестьян — вошли в эти святилища и расхаживали там почти беспрепятственно. Их интересовало все: они заходили в зал заседаний законодательного собрания, заглядывали даже в кабинеты министров. Их нельзя было остановить, потому что они больше не считали себя посторонними лицами, а чувствовали себя хозяевами, несмотря на то, что все это было для них очень сложно и мало понятно. Полицейские и часовые с блестящими кинжалами были бессильны; старые порядки рушились. Европейская одежда, некогда символ высокого общественного положения и власти, теперь утратила это свое значение. Трудно было отличить членов законодательных собраний от крестьян и горожан, прибывавших в большом количестве. Многие из них были одеты примерно одинаково, преимущественно в домотканную одежду, со знаменитой шапочкой Ганди на голове.

Совсем другое положение сложилось в Пенджабе и Бенгалии, где правительства были созданы несколькими месяцами ранее. Здесь не существовало резких разногласий и передача власти произошла спокойно, не нарушив ни в какой мере внешнего течения жизни. Особенно в Пенджабе сохранился старый порядок и большинство министров не были новыми людьми. Они и прежде были высокопоставленными лицами и сохранили это свое положение и теперь. Между ними и английской администрацией не было конфликта или напряженности в отношениях, так как эта администрация пользовалась всей полнотой политической власти.

Различие между провинциями, где были созданы конгрессистские правительства, с одной стороны, и Бенгалией и Пенджабом — с другой, немедленно дало себя знать в вопросе о гражданских свободах и о политических заключенных. И в Бенгалии и в Пенджабе в полной мере сохранилась власть полиции и секретной службы *raj* и политические заключенные не были освобождены. В Бенгалии, где судьба правительства часто зависела от голосов европейцев, новые тысячи людей были лишены свободы. Это привело к тому, что мужчины и женщины годами находились в тюрьмах без обвинения и суда. В конгрессистских провинциях первым шагом было освобождение политических заключенных. В некоторых случаях, когда шла речь о тех, кто был осужден за насильственные действия, освобождение задерживалось ввиду отказа губернатора дать свое согласие. В начале 1938 года события достигли критической стадии и два конгрессистских правительства (в Соединенных провинциях и в Бихаре) подали в отставку. В результате губернатор вынужден был дать согласие и заключенные были освобождены.

ИНДИЙСКИЙ ДИНАМИЗМ ПРОТИВ БРИТАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В новых законодательных собраниях провинций сельские районы были представлены значительно шире, и поэтому все эти собрания потребовали проведения аграрных реформ. Особенно тяжелым было положение арендаторов в Бенгалии — районе постоянного заминдарства¹. Затем шли другие провинции с преобладанием крупного заминдарства — прежде всего Бихар и Соединенные провинции и, наконец, такие провинции, как Мадрас, Бомбей, Пенджаб и др., где первоначально существовала в какой-то форме крестьянская собственность на землю, но наряду с ней выросли также крупные поместья. Система постоянного заминдарства препятствовала проведению сколько-нибудь эффективных реформ в Бенгалии. Почти все признают, что с этой системой надо покончить, это рекомендовала даже одна официальная комиссия, но могущественные частные интересы находят возможности провалить эти реформы или задержать их проведение. Пенджаб обладал тем преимуществом, что он располагал свободными землями.

Для Конгресса аграрный вопрос был главным социальным вопросом, и его изучению и выработке соответствующей политики было уделено много времени. Эта политика была различна в разных провинциях, меняясь в зависимости от условий, а также от классового состава конгрессиистских организаций. Существовала всеиндийская аграрная политика, сформулированная центральными руководящими органами Конгресса, и каждая провинция дополняла ее и вносила в нее свои конкретные черты. В Соединенных провинциях конгрессиистская организация была в этом отношении самой передовой. Она приняла решение о необходимости ликвидации заминдарской системы, но это было невозможно в условиях действия Закона об управлении Индией 1935 года, не говоря уже о том, что этому препятствовали особые полномочия вице-короля и губернатора, а также вторая палата, состоявшая преимущественно из представителей землевладельцев. Таким образом, для осуществления этих преобразований нужно было несколько расширить рамки существующей системы, если только какой-либо революционный переворот не положит конец самой этой системе. Это чрезвычайно затрудняло и осложняло проведение реформ, и на них потребовалось значительно больше времени, чем первоначально предполагалось.

¹ Закон о постоянном заминдарстве был издан в 1793 году генерал-губернатором Индии Корнуоллисом. По этому закону земля была объявлена собственностью индийских феодалов и откупщиков налогов, то есть был создан класс крупных земельных собственников. Помещики (заминдары) обязаны были выплачивать правительству земельный налог, причем закон устанавливал постоянную ставку этого налога. — *Прим. ред.*

И все же были проведены существенные аграрные реформы и приняты энергичные меры для разрешения проблемы задолженности крестьянства. Приняты были также меры к разрешению таких проблем, как условия труда на промышленных предприятиях, народное здравоохранение и улучшение санитарных условий, местное самоуправление, низшее и среднее, а также высшее образование, ликвидация неграмотности, промышленность, развитие сельского хозяйства и многие другие. Предыдущие правительства игнорировали все эти социальные, культурные и экономические проблемы, так как их задача заключалась в том, чтобы обеспечить бесперебойную работу полиции и исправное взимание налогов; все остальное пускалось на самотек. Изредка предпринимались какие-то слабые шаги, создавались комиссии или комитеты для обследования, которые после нескольких лет работы и многочисленных поездок по стране представляли обширные доклады. Затем эти доклады откладывались в долгий ящик, и тем дело кончалось. Даже статистика не была поставлена надлежащим образом, несмотря на постоянные требования общественности. Это отсутствие статистических данных и обследований серьезно затрудняло прогресс в любом направлении. Таким образом, новым правительствам провинций пришлось наряду с обычной административной деятельностью взвалить на себя горы работы, накопившейся за долгие годы бездействия. Со всех сторон их окружали проблемы, требовавшие срочного разрешения. Правительства провинций должны были реорганизовать полицейское государство в государство, служащее общественным интересам, что вообще представляет собой нелегкое дело, но в данном случае это еще больше затруднялось ограниченностью их власти, нищетой народа и разногласиями между этими правительствами провинций и деспотической и авторитарной центральной властью во главе с вице-королем.

Мы видели все эти трудности и препятствия, мы сознавали в глубине души, что не сможем многого сделать, пока условия не будут радикально изменены, это порождало у нас страстное стремление к независимости, — и все же мы были охвачены жаждой прогресса и желанием следовать примеру других стран, так далеко ушедших вперед во многих отношениях. Мы думали о Соединенных Штатах Америки и даже о некоторых восточных странах, которые стремились вперед. Но главное, перед нами был пример Советского Союза, который за каких-нибудь два десятилетия, заполненных войнами и гражданской войной, и несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, достиг колоссальных успехов. Одних коммунизм привлекал, других нет, но все были восхищены успехами Советского Союза в области образования, культуры, здравоохранения и физического воспитания, а также в области разрешения национальной проблемы — изумительными и грандиозными усилиями, направ-

ленными к созданию нового мира на обломках старого. Даже Рабиндранат Тагор, этот крайний индивидуалист, которому не импонировали некоторые стороны коммунистической системы, стал поклонником этой новой цивилизации и сопоставлял ее с условиями, существовавшими на его родине. В своем предсмертном письме он говорил «о неистощимой энергии, с которой Россия пытается бороться с болезнями и неграмотностью и благодаря которой она уверенно ликвидирует невежество и нищету, стирает следы унижения с лица обширного континента. Ее цивилизация свободна от порождающих вражду различий между классами и сектами. Быстрые, поразительные успехи, достигнутые ею, вызывают у меня чувство радости и одновременно — зависти... Когда я вижу, что в другой стране около 200 национальностей, еще несколько лет назад находившихся на совершенно различных ступенях развития, двигаются вперед в мирном прогрессе и в дружбе и когда я смотрю на свою собственную страну и вижу, как высокоразвитые и мыслящие люди скатываются к хаосу варварства, я не могу не сопоставить эти две системы управления, из которых одна основана на сотрудничестве, а другая — на эксплуатации, что сделало возможным столь различные условия».

Если другие могут сделать это, то почему этого не можем сделать мы? Мы верили в свои способности, в свой разум, в свою волю, настойчивость и терпение, в способность достичь намеченной цели. Мы учитывали трудности, нашу нищету и отсталость, наши реакционные группы и классы, нашу рознь, но мы были готовы бороться с трудностями и преодолевать их. Мы знали, что за это придется заплатить дорогой ценой, но мы были готовы к этому, ибо никакая цена не могла быть выше той, которую мы платили изо дня в день при существовавшем положении. Но как было взяться за разрешение наших внутренних проблем, когда на каждом шагу мы сталкивались с внешней проблемой английского владычества и оккупации, которая сводила на нет все наши усилия?

Однако, поскольку эти правительства провинций давали нам некоторые возможности (хотя и ограниченные), мы хотели максимально использовать их. Но это оказалось чрезвычайно тяжелым делом для наших министров: на них навалилась масса работы и огромная ответственность, а постоянный административный аппарат не оказывал им помощи ввиду недостаточности контакта и отсутствия единства во взглядах. К сожалению, и численность министров была чрезвычайно мала. Они должны были подавать пример скромной жизни и экономии общественных средств. Их оклады были весьма низкими, и подчас получалась любопытная картина, когда секретарь министра или другой его подчиненный, являвшийся чиновником Индийской гражданской службы, получал в виде жалованья и дополнительных выплат вчетверо или даже в пять раз

больше, чем министр. Мы не могли оказывать влияния на размеры жалованья административного аппарата. Министру обычно приходилось ездить в вагоне второго и даже третьего класса, тогда как его подчиненные могли позволить себе путешествие в первом классе или даже в роскошном салон-вагоне того же самого поезда.

Часто утверждали, что Исполнительный комитет Конгресса постоянно вмешивался в работу правительств провинций, отдавая им распоряжения сверху. Это совершенно неверно; никакое вмешательство во внутреннее управление не имело места. Исполнительный комитет Конгресса хотел только, чтобы правительства провинций проводили общую политику по всем основным политическим вопросам и чтобы программа Конгресса, изложенная в избирательном манифесте, претворялась в жизнь постольку, поскольку это было возможно. В частности, надо было проводить единую политику по отношению к губернаторам и правительству Индии.

Введение провинциальной автономии в условиях, когда в центральном правительстве все сохранилось в прежнем виде и оно попрежнему не несло ответственности перед законодательным органом и оставалось авторитарным, могло привести к росту местнических настроений и розни и ослабить чувство единства индийского народа. Вероятно, английское правительство имело это в виду, поощряя подрывные элементы и тенденции. Правительство Индии, несменяемое, не ответственное перед законодательным органом и непреклонное, попрежнему представлявшее старые традиции английского империализма, стояло неподвижно, как скала, и, разумеется, проводило единую политику по отношению ко всем правительствам провинций. Точно так же поступали губернаторы, получавшие инструкции из Дели или Симлы. Если бы конгрессиетские правительства провинций действовали разными методами, каждое по-своему, то с ними можно было бы расправляться поодиночке. Поэтому было необходимо, чтобы правительства провинций держались вместе и противопоставляли правительству Индии единый фронт. Со своей стороны правительство Индии было в такой же мере заинтересовано в том, чтобы воспрепятствовать такому сотрудничеству, и предпочитало иметь дело с правительством каждой провинции в отдельности, не затрагивая аналогичные проблемы в других провинциях.

В августе 1937 года, вскоре после формирования конгрессиетских правительств провинций, Исполнительный комитет Конгресса принял следующую резолюцию:

«Рабочий комитет рекомендует министрам-конгрессиетам создать комитет экспертов для рассмотрения срочных и насущных проблем, разрешение которых необходимо для осуществления любой программы реконструкции страны и социального планирования. Разрешение этих проблем потребует проведения

больших обследований и сбора материалов, а также четкого определения общественной цели. Многие из этих проблем нельзя разрешать в масштабах одной провинции, так как интересы соседних провинций взаимосвязаны. Необходимо было провести подробное обследование рек для разработки мер, направленных к предотвращению наводнений, использованию воды для орошения, для борьбы с эрозией почвы, к ликвидации очагов малярии, для разработки проектов гидроэлектростанций и других проектов. Для этой цели следует обследовать и изучить данную реку на всем ее протяжении, необходимо также широкое государственное планирование. Развитие промышленности и руководство ею также требуют совместных и согласованных действий нескольких провинций. Поэтому Рабочий комитет рекомендует, чтобы для начала был создан межпровинциальный комитет экспертов для общего рассмотрения подлежащих разрешению проблем и для разработки рекомендаций относительно того, как и в каком порядке они должны разрешаться. Этот комитет экспертов может рекомендовать создание специальных комиссий или управлений для самостоятельного рассмотрения каждой такой проблемы и для консультации заинтересованных правительств провинций относительно необходимых совместных мер».

Из этой резолюции видно, какого рода указания получали временами правительства провинций. Она показывает также, как стремился Исполнительный комитет Конгресса поощрять сотрудничество между правительствами провинций в области экономики и промышленности. Это сотрудничество не ограничивалось конгрессистскими правительствами, хотя рекомендации, естественно, были обращены к ним. Работы по всестороннему изучению той или иной реки не могли быть ограничены рамками провинции: так, изучение долины Ганга и создание комиссии по реконструкции реки Ганга (чрезвычайно важная работа, которая до сих пор еще не проделана) могут быть произведены только при условии сотрудничества правительств трех провинций — Соединенных провинций, Бихара и Бенгалии.

Резолюция показывает также, какое большое значение придавал Конгресс широкому государственному планированию. Подобное планирование было невозможным, пока центральное правительство находилось вне народного контроля и пока не были сняты цепи с правительств провинций. Однако мы считали, что можно выполнить существенные предварительные работы и заложить основы для будущего планирования. К сожалению, правительства провинций были так поглощены своими собственными делами, что претворение в жизнь этой резолюции задержалось. Национальный комитет по планированию был создан только в конце 1938 года, и я был назначен его председателем.

Я неоднократно подвергал критике работу конгрессистских правительств и выражал недовольство тем, что дело

продвигается слишком медленно; однако теперь, оглядываясь назад, я поражаюсь, какие успехи были достигнуты ими за короткий срок в два года и три месяца, несмотря на бесчисленные трудности, которые окружали их. К сожалению, часть сделанной ими важной работы не успела принести плодов, поскольку в момент отставки конгрессиистских правительств она находилась в стадии завершения и была приостановлена их преемником, то есть английским губернатором. Деятельность конгрессиистских правительств принесла пользу крестьянам и промышленным рабочим и придала им силы. Одним из наиболее важных и крупных достижений было введение системы массового образования, получившего название начального образования. Эта система не только была основана на последних достижениях педагогической науки, но и специально приспособлена к индийским условиям.

Все силы, заинтересованные в сохранении существующего положения, препятствовали прогрессивным мероприятиям. Предприниматели (преимущественно европейцы, но частично также и индийцы) крайне грубо вели себя по отношению к членам комиссии, созданной правительством Соединенных провинций для обследования условий труда на текстильных предприятиях Канпура, и часто отказывались предоставлять комиссии фактический и цифровой материал. Рабочие давно уже стояли перед лицом объединенного фронта предпринимателей и правительства, а полиция всегда была к услугам фабрикантов. Поэтому эти последние резко отрицательно отнеслись к новой политике, проводившейся конгрессиистскими правительствами. Вот что пишет о тактике предпринимателей Шива Рао, старый участник индийского рабочего движения, примыкающий к умеренному крылу этого движения: «Ухищрения и неразборчивость в средствах, характеризующие действия в подобных случаях (забастовки и др.) предпринимателей и полиции, показались бы невероятными человеку, незнакому с индийскими условиями». Во многих странах правительства в их нынешнем составе становятся на сторону предпринимателей. В Индии, указывает Шива Рао, для этого имеются дополнительные причины: «Помимо личной враждебности, почти все индийские должностные лица охвачены страхом, что профессиональные союзы, если дать им возможность развиваться, поднимут сознательность масс. Поскольку в Индии политическая борьба время от времени выливается в форму таких движений, как несотрудничество и кампании гражданского неповиновения, они считают, что нельзя допускать, чтобы массы организовались»¹.

Правительства определяют политику; законодательные учреждения принимают законы; но осуществление политики

¹ B. Shiwa Rao, *The Industrial Worker in India*, London, 1939.

на деле и проведение в жизнь этих законов зависит в конечном счете от административных учреждений и их персонала. Поэтому правительствам провинций волей-неволей пришлось опираться на административный аппарат, в частности на индийский административный персонал и на полицию. Чиновники этих учреждений, проникнутые совсем иными, авторитарными традициями, не могли примириться с новой атмосферой, с требовательностью общественности, с тем, что их собственная роль стала менее значительной, не хотели подчиняться людям, которых они привыкли арестовывать и заключать в тюрьмы. Первое время они проявляли тревогу в отношении будущих событий. Но никаких революционных перемен не произошло, и они постепенно успокоились и продолжали работать по-старому. Министрам нелегко вмешиваться в работу человека, находящегося на своем посту, это можно делать только в исключительных случаях. Персонал административных учреждений образовал круговую поруку, и все тесно держались друг за друга. В случае смещения одного из чиновников его преемник обычно продолжал ту же линию. Было невозможно внезапно изменить старую реакционную и авторитарную психологию административного персонала в целом. Отдельные лица могли изменять свои взгляды, некоторые могли попытаться приспособиться к новым условиям, но подавляющее большинство людей мыслили иначе и всегда действовали иначе — могли ли они претерпеть метаморфозу и стать борцами за новый порядок? В лучшем случае они могли проявлять пассивную, неповоротливую лояльность; в силу самой природы вещей нельзя было ожидать пламенного энтузиазма к новой работе, в которую они не верили и которая противоречила их собственным корыстным интересам. К сожалению, даже такая пассивная лояльность не всегда проявлялась.

Высшие чины гражданской службы, издавна привыкшие к диктаторским методам и неограниченной власти, отнеслись к новым министрам и членам законодательных учреждений как к самозванцам, ворвавшимся в чужие владения. Трудно было отказаться от привычной уверенности в том, что именно они, постоянно действующий аппарат, и в особенности английские сотрудники этого аппарата, представляют Индию, а все остальное — малозначащие придатки. Нелегко было мириться с пришельцами, а еще труднее — выполнять их приказания. Эти люди чувствовали себя примерно так, как чувствовал бы себя правоверный индус, если бы неприкасаемый ворвался в святилище его храма. Заколебалось здание престижа и расового превосходства, построенное с таким старанием и ставшее для них почти религией. Считается, что китайцы придают большое значение внешнему достоинству, но я думаю, что вряд ли найдется китаец, так страстно стремящийся сохранить «внешнее достоинство», как англичане в Индии. Для этих последних

речь идет не только о своем личном, расовом или национальном престиже; это тесно связано также с их властью и с их частными интересами.

Однако с пришельцами приходилось мириться, хотя эта терпимость убывала по мере того, как ослабевало чувство страха. Такими настроениями были проникнуты все административные ведомства, но особенно они проявлялись за пределами центральных канцелярий, на местах, а также в вопросах, связанных с тем, что именуется «правопорядком», и считавшихся прерогативой местного судьи и полиции. Требования конгрессистских правительств о соблюдении гражданских свобод использовались местными чиновниками и полицией как оправдание для того, чтобы допускать вещи, которые обычно не потерпело бы ни одно правительство. Я убежден в том, что в ряде случаев эти нежелательные инциденты происходили по инициативе местных чиновников или полиции. Столкновения на религиозной почве вызывались рядом причин, но судебные власти и полиция тоже были в этом повинны. Опыт показывает, что быстрые и решительные меры могут положить конец беспорядкам, а мы неоднократно были свидетелями необыкновенной медлительности и сознательного уклонения от выполнения своих обязанностей. Совершенно очевидно, что это делалось с целью дискредитировать конгрессистские правительства. В промышленном городе Канпур, находящемся в Соединенных провинциях, местные власти проявили такую вопиющую беспомощность и неуклюжесть, которые могли быть только умышленными. Религиозно-общинные трения, которые иногда доходили до местных столкновений, были более частым явлением в конце двадцатых и в начале тридцатых годов. После создания конгрессистских правительств количество столкновений значительно сократилось. Но и характер этих трений изменился, они приняли открыто политический характер и сознательно поощрялись и организовывались.

Гражданская служба создала себе, главным образом путем саморекламы, репутацию деловитости. Но стало очевидным, что за пределами узкой сферы деятельности, с которой они освоились, эти чиновники оказывались беспомощными и неумелыми. Они не усвоили демократические методы и не умели завоевывать доброжелательного к себе отношения и добиться сотрудничества со стороны народа, которого они боялись и который презирали. У них не было никакого представления относительно обширных, осуществляемых быстрыми темпами программ социального прогресса, и они могли только препятствовать их осуществлению своим бюрократизмом и узостью кругозора. За исключением некоторых отдельных лиц, это относится ко всем чиновникам высшей администрации, как англичанам, так и индийцам. Удивительно, насколько они были непригодны для разрешения новых задач, стоявших перед ними.

Разумеется, и в народных правительствах было немало неумения и некомпетентности. Но это компенсировалось энергией и энтузиазмом, тесным контактом с массами, желанием и способностью учиться на собственных ошибках. Здесь проявлялась жизненная энергия, жизнь была ключом, чувствовался напряженный пульс, горячее стремление добиться результатов; все это представляло разительный контраст с апатией и консерватизмом английского правящего класса и его сторонников. Таким образом, Индия, эта страна традиций, являла странную картину: роли переменились. Англичане, которые пришли сюда как представители динамического общества, стали теперь главной опорой неподвижной, устарелой традиции; среди индийцев же было много сторонников нового, динамического порядка, горячо стремившихся к преобразованиям не только политического, но также социального и экономического характера. Эти индийцы представляли (возможно, и не сознавая этого) новые крупные действующие силы. Такая перемена ролей показывала, что если в прошлом англичане и играли в Индии созидательную или прогрессивную роль, то теперь этого давно уже нет и они превратились в помеху и препятствие какому бы то ни было прогрессу. Темп работы их ведомств был медленный, и они не в состоянии были разрешить насущные проблемы, стоявшие перед Индией. Даже их публичные высказывания, в которых прежде была известная ясность и сила, стали нелепыми, напыщенными, лишенными какого-либо реального содержания.

В течение долгого времени английские власти распространяли легенду, будто английское правительство через свои высшие органы в Индии обучает нас трудному и сложному искусству самоуправления. Мы сами вели свои дела, и вели довольно успешно в течение нескольких тысяч лет до прихода англичан, милостиво взявшихся обучать нас. Нет сомнения в том, что нам нехватает многих качеств, которые следовало бы иметь; некоторые вольнодумцы даже утверждают, что эта несостоятельность возникла при господстве англичан. Но каковы бы ни были наши слабости, было очевидно, что существующая администрация совершенно неспособна вести Индию к прогрессу. Сам характер этой администрации лишал ее этой возможности, ибо качества, необходимые в полицейском государстве, радикально отличаются от тех качеств, которые требуются в прогрессивном демократическом обществе. Прежде чем браться обучать других, им следовало бы переучиться самим и испытать воды Леты, чтобы забыть, чем они были.

Своеобразное положение, в котором оказались народные правительства провинций, имевшие над собой автократическое центральное правительство, порождало много странных контрастов. Конгрессиистские правительства стремились защитить гражданские свободы и ограничивали деятельность провинциальных управлений уголовного розыска, главная обязанность

которых заключалась в том, чтобы вести слежку за политическими деятелями и всеми, кто был заподозрен в антиправительственных настроениях. Но хотя в провинциях деятельность этих учреждений была поставлена в известные рамки, имперское УУР продолжало свою работу, вероятно, с еще большей энергией, чем прежде. Не только наши письма подвергались цензуре; порой просматривалась даже переписка министров, правда, это делалось втихомолку и официально не признавалось. За последние четверть века или больше, отправляя письмо индийскому или иностранному адресату, я всегда сознавал, что оно будет прочитано, а быть может, даже скопировано каким-нибудь цензором секретной службы. Говоря по телефону, я постоянно должен был помнить, что мой разговор, по всей вероятности, подслушивается. Письма, которые я получал, тоже проходили через какого-нибудь цензора. Я не хочу сказать, что обязательно просматривается каждое письмо; иногда это делается выборочно. Все это относится к мирному времени, а в военное время устанавливается двойная цензура.

К счастью, мы действовали в открытую, и нам нечего было скрывать в нашей политической деятельности. Тем не менее чувство, что ты находишься под постоянным надзором, что за тобой следят и твои разговоры подслушивают, — неприятное чувство. Это раздражает, угнетает и даже мешает поддержанию личных знакомств. Нелегко писать так, как хотелось бы, если цензор заглядывает через ваше плечо.

Министры работали очень напряженно, и многие из них не выдержали нагрузки. Их здоровье пошатнулось, цвет лица поблек, вид был измученный и крайне утомленный. Но их поддерживало чувство долга, и они заставляли так же напряженно работать своих секретарей — индийцев, числившихся на государственной службе, и весь свой штат; до поздней ночи горели огни в окнах их кабинетов. Когда в начале ноября 1939 года конгрессистские правительства вышли в отставку, многие вздохнули с облегчением: правительственные учреждения теперь оканчивали работу ровно в четыре часа дня и снова вернули свой прежний вид уединенных помещений, где царит тишина и куда народ допускается неохотно. Жизнь вошла в прежнюю колею, темпы снова замедлились, послеобеденные часы и вечера опять освободились для игры в поло, теннис и бридж и для удовольствий клубной жизни. Дурной сон кончился, можно было снова заниматься делами и развлекаться, как в прежние времена. Правда, шла война (пока что только в Европе) и Польша была разгромлена легионами Гитлера. Но все это было очень далеко, к тому же это была почти фиктивная война. В то время как солдаты исполняли свой долг, сражались и умирали, здесь тоже должен был выполняться долг, заключавшийся в том, чтобы солидно и с чувством собственного достоинства нести бремя белого человека.

За короткий период деятельности конгрессистских правительств укрепилась наша уверенность в том, что главным препятствием прогрессу в Индии была навязанная англичанами политическая и экономическая система. Нельзя отрицать, что многие освященные традицией обычаи, социальные формы и порядки также препятствовали прогрессу и их необходимо было устранить. Однако присущую индийской экономике тенденцию к развитию ограничивали не столько эти формы и обычаи, сколько то, что англичане душили нас политически и экономически. Если бы не эти стальные тиски, экономика неизбежно развивалась бы, вызывая социальные сдвиги и уничтожая отжившие обычаи и церемониалы. Следовательно, необходимо было сосредоточить все усилия на том, чтобы вырваться из этих тисков; расходование энергии на другие цели не давало существенных результатов, как если бы мы пахали песок. Сама эта система базировалась на полуфеодальном способе землевладения и на многих других пережитках прошлого и охраняла их. Любая форма демократии в Индии была несовместима с английской политической и экономической системой, и столкновение между ними было неизбежно. Поэтому в период частичной демократии 1937—1939 годов всегда существовала непосредственная угроза конфликта. Отсюда возникла официальная британская точка зрения, сводящаяся к тому, что из демократии в Индии ничего не вышло, так как англичане способны рассматривать демократию только с позиций защиты системы, ценностей и частных интересов, которые они создали в Индии. Поскольку не удалось создать покорную и раболепствующую демократию, которую они могли бы одобрить, и поскольку обнаружилось стремление к осуществлению всякого рода радикальных преобразований, английским властям оставалось только вернуться к чисто деспотическому режиму и положить конец всякой игре в демократию. В развитии этой концепции можно видеть явное сходство с зарождением и ростом фашизма в Европе. Даже господство законности, которым так гордились англичане в Индии, уступило место чему-то вроде осадного положения и управления посредством приказов и декретов.

ПРОБЛЕМА МЕНЬШИНСТВ. МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛИГА.

М. А. ДЖИННА

Развитие и численный рост Мусульманской лиги за последние семь лет представляют необычайное явление. Созданная в 1906 году при поддержке англичан с целью отвлечь новое поколение мусульман от Национального конгресса, она оставалась немногочисленной организацией представителей высшего класса, возглавляемой феодальными элементами. Она не имела влияния на мусульманские массы и почти не была известна среди них. По своему уставу она представляла собой небольшую

группу с постоянным руководством. Но и при этих условиях развитие событий и рост среднего класса в мусульманской среде толкали Мусульманскую лигу к Конгрессу. Первая мировая война, судьба турецкого халифата и мусульманских святых мест произвели огромное впечатление на индийских мусульман и вызвали у них резкие антианглийские настроения. Мусульманская лига в тогдашнем виде не могла руководить пробудившимися и возбужденными массами и указывать им путь. Внутри Лиги происходила острая борьба, и она практически сошла со сцены. Возникла новая мусульманская организация, тесно сотрудничавшая с Конгрессом — Халифатистский комитет. Многие мусульмане присоединялись также к Конгрессу и работали под его руководством. После первого движения несотрудничества 1920—1923 годов Халифатистский комитет тоже начал сходить на нет, поскольку исчез самый смысл его существования — турецкий халифат. Мусульманские массы, а в несколько меньшей мере также и индусские массы ослабили свою политическую активность. Однако очень большое количество мусульман, главным образом представителей средних классов, продолжали свою деятельность через Конгресс.

В течение этого периода множество мелких мусульманских организаций вели эпизодическую деятельность, часто вступая в столкновение между собой. Они не имели связей с массами и не играли важной политической роли, за исключением той, которую отводило им английское правительство. Главное их занятие заключалось в том, чтобы требовать предоставления мусульманам особых привилегий и преимуществ в законодательных собраниях и государственном аппарате. В этом смысле они действительно представляли определенную мусульманскую точку зрения, поскольку мусульмане испытывали возмущение и страх в связи с численным превосходством, более высоким образовательным уровнем и лучшим положением индусов на государственной службе и в промышленности. М. А. Джинна отошел от индийской политической жизни, выехал из Индии и поселился в Англии.

Во втором движении гражданского неповиновения 1930 года мусульмане приняли очень активное участие, хотя и меньшее, чем в 1920—1923 годах. Среди заключенных в тюрьмы участников этого движения было не меньше десяти тысяч мусульман. Северо-западная пограничная провинция, население которой на 95 процентов состоит из мусульман, играла в этом движении весьма крупную, ведущую роль. В значительной мере это объяснялось деятельностью и личными качествами Абдул Гаффар-хана, общепризнанного и любимого вождя патанов этой провинции. Из всех замечательных событий последнего времени в Индии особенно поражает то, в какой мере удалось Абдул Гаффар-хану убедить свой беспокойный и воинственный народ принять мирные методы политической борьбы, сопряженной с

огромными страданиями. Этим людям действительно пришлось перенести ужасающие страдания, оставившие самые тяжелые воспоминания. И все же дисциплина и выдержка были так велики, что патаны не прибегали к каким-либо насильственным действиям против правительственных войск и других своих противников. Если вспомнить, что патан любит свое ружье больше, чем брата, что он легко возбудим и издавна пользуется репутацией человека, способного на убийство по малейшему поводу, эта выдержка представляется прямо-таки чудом.

Под руководством Абдул Гаффар-хана Пограничная провинция твердо поддерживала Национальный конгресс; такую же позицию занимали многие политически сознательные мусульмане из средних классов в других районах. Влияние Конгресса на крестьян и рабочих, особенно в таких районах, как Соединенные провинции, где Конгресс выработал широкую программу по аграрному и рабочему вопросам, было значительным. Но верно и то, что в целом мусульманские массы постепенно снова попадали под влияние своих старых местных феодальных вождей, которые выступали перед ними в качестве защитников интересов мусульман против индусов и других.

Так называемая религиозно-общинная проблема заключалась в урегулировании отношений между меньшинствами и обеспечении достаточной защиты их от действий большинства. Следует помнить, что в Индии меньшинства являются не расовыми и не национальными, как в Европе, а религиозными. В расовом отношении Индия представляет пеструю картину, своеобразное смешение, но в Индии никогда не возникала и не может возникнуть расовая проблема. Религиозные чувства значительно сильнее национальных противоречий, которые стираются и часто трудно различимы. Религиозные барьеры, конечно, не являются непреодолимыми, ибо возможен переход из одной религии в другую, и человек, меняющий религию, не лишается своего национального окружения или своего культурного наследия и языка. За последнее время религия в подлинном смысле этого слова не играла в Индии значительной роли в политической борьбе, хотя само слово «религия» часто применяется и используется. Различия в религии как таковые не имеют значения, так как проявляется большая взаимная терпимость. В политических вопросах место религии заняла так называемая общинность — узкогрупповая психология, опирающаяся на религиозную общину, но в действительности заинтересованная в том, чтобы получить политическую власть и привилегии для заинтересованных групп.

Конгресс, так же как и другие организации, неоднократно пытался разрешить религиозно-общинную проблему согласованно с различными заинтересованными группами. Были достигнуты отдельные, частичные успехи, но на пути разрешения

этой проблемы вечно стояло одно препятствие — английское правительство с его политикой. Разумеется, англичане не стремились к подлинному разрешению данной проблемы, ибо это усилило бы политическое движение, направленное против них и принявшее массовый характер. Создался своего рода треугольник, причем правительство могло сталкивать одну сторону с другой путем предоставления особых привилегий. Если бы другие стороны были достаточно разумны, они преодолели бы и это препятствие, но им не хватало мудрости и дальновидности. Всякий раз, когда вопрос приближался к разрешению, правительство принимало меры для нарушения равновесия.

Речь шла не об обычных мерах по охране интересов меньшинства, подобных тем, которые намечала Лига наций. По всем таким и многим другим вопросам уже имелась договоренность. Основные положения демократической конституции, распространяющейся в равной мере на всех, должны были защищать и охранять религию, культуру, язык, основные права личности и группы. Помимо этого, вся история Индии свидетельствовала не только о терпимости по отношению к меньшинствам и различным национальным группам, но даже и о поощрении их. В индийской истории мы не найдем ничего похожего на яростные религиозные распри и преследования, имевшие место в Европе. Поэтому нам не приходилось заимствовать за рубежом идеи религиозной и культурной терпимости: они были присущи индийскому образу жизни. Что же касается прав личности, политических прав и гражданских свобод, то мы находились под влиянием идей французской и американской революций, а также истории образования английского парламента. Социалистические идеи и влияние советской революции пришли позднее и дали нашему мышлению мощный толчок, направив его в сторону экономики.

Помимо полной защиты всех прав личности и группы, было общепризнано, что государство, а также частные организации должны приложить максимум усилий для устранения всех ненавистных социальных и основанных на обычаях преград, препятствующих полному развитию как личности, так и группы, и что классы, отсталые по образованию и материальному положению, должны получить помощь для скорейшего преодоления своей отсталости. Это особенно относится к угнетенным классам. Было также признано, что женщины должны пользоваться всеми гражданскими правами паравне с мужчинами.

Что же оставалось? Страх перед тем, что большинство может политически подавить меньшинство. Но, попросту говоря, этим большинством были крестьяне и рабочие массы, исповедующие различные религии, которые издавна подвергаются эксплуатации не только со стороны иностранцев, но и со стороны собственных высших классов. При условии обеспечения защиты религии, культуры и т. д. главными проблемами, естественно,

становятся экономические проблемы, не имеющие ничего общего с религией, которую исповедует тот или иной человек. Следовательно, возможна классовая, но не религиозная борьба, если не считать, что религия сама представляет некую материально заинтересованную силу. Однако люди настолько привыкли в своих мыслях исходить из факта религиозных противоречий и их так долго приучали к этому общинные религиозные организации и действия властей, что многие мусульмане попрежнему боялись, как бы более многочисленная религиозная община, то есть индусская, не поглотила остальные. Было неясно, каким образом могло бы даже большинство нарушить интересы такого крупного меньшинства, как мусульманское, сконцентрированного в основном в определенных районах страны, которым была бы предоставлена автономия. По страху недоступен голос рассудка.

Была введена система отдельных религиозно-общинных избирательных курий для мусульман (а позднее и для других, меньших по численности групп) и им было предоставлено больше мест в законодательных собраниях, чем они получили бы на основе пропорциональных выборов. Но даже дополнительное представительство в законодательном собрании не могло превратить меньшинство в большинство. Введение отдельных избирательных курий несколько ухудшало положение группы, для которой вводились эти защитные меры, так как большинство избирателей теряло интерес к ней, и не оставалось оснований для взаимных переговоров и компромиссов, которые всегда имеют место при общих избирательных куриях, где кандидату приходится обращаться к каждой группе. Конгресс пошел еще дальше, заявив, что в случае возникновения разногласий между большинством и религиозным меньшинством по вопросу, затрагивающему специальные интересы этого меньшинства, вопрос не должен решаться большинством голосов, а должен быть передан на рассмотрение нейтрального арбитражного суда или даже международного трибунала, решение которого должно быть окончательным.

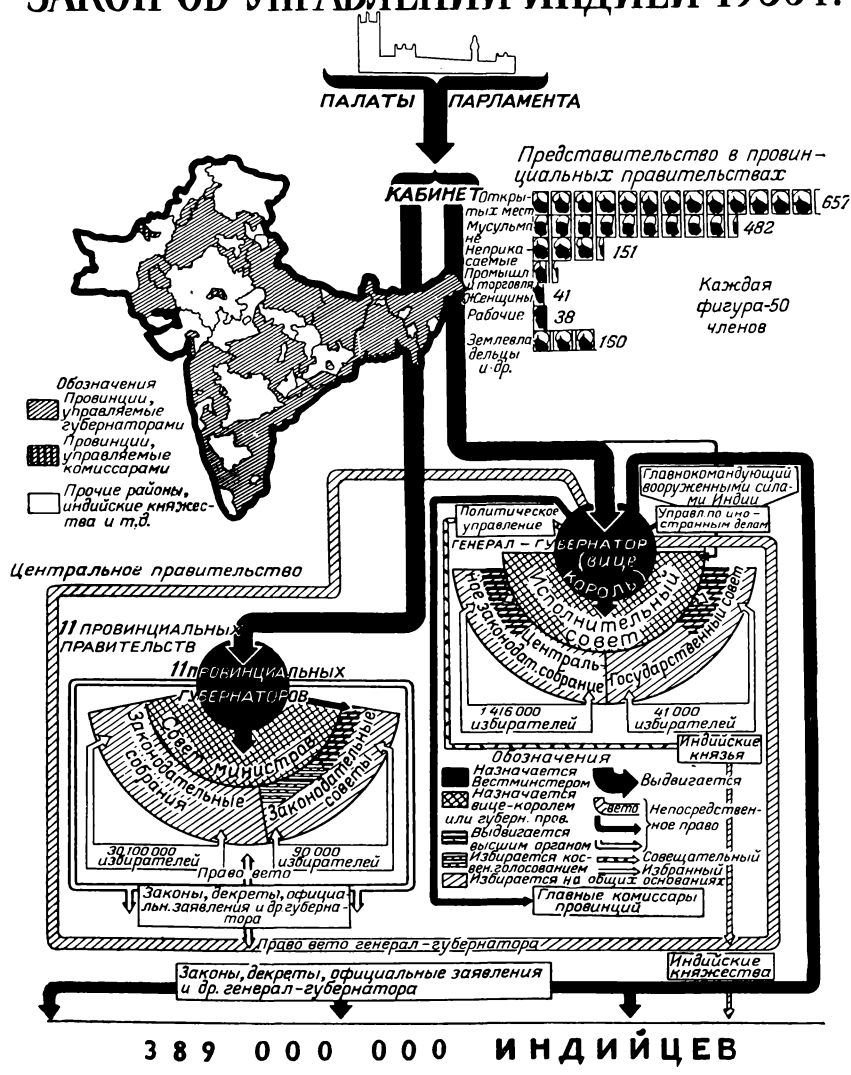
Трудно представить себе, возможна ли большая степень защиты интересов религиозного меньшинства или группы в условиях любой демократической системы. Следует также иметь в виду, что в некоторых провинциях мусульмане составляли большинство населения, и поскольку эти провинции получали автономию, мусульманское большинство имело возможность действовать в основном по своему усмотрению при условии соблюдения некоторых общендийских требований. В центральном правительстве мусульмане также были бы хорошо представлены. В провинциях с мусульманским большинством общинно-религиозная проблема имела обратное значение, так как здесь другие группы меньшинства (такие, как индусы или сикхи) требовали защитить их от мусульманского большинства. Так, в Пенджабе создавался треугольник из мусульман, индусов и сикхов. Раз существовала отдельная избирательная курия

для мусульман, то и представители других религий требовали охраны своих интересов. Поскольку были введены отдельные избирательные курии, то уже не было конца различным ответвлениям и делениям, а также возникавшим вследствие этого трудностям. Было очевидно, что обеспечение одной группе более широкого представительства могло быть достигнуто только за счет какой-то другой группы, представительство которой занижалось. Это приводило к нелепым результатам, особенно в Бенгалии, где, главным образом в связи с большим числом представителей европейцев, представительство общей массы избирателей было сокращено до абсурда. Таким образом, бенгальская интеллигенция, игравшая видную роль в индийской политической жизни и в борьбе за свободу, вдруг обнаружила, что из-за всех законодательных предписаний и ограничений она располагает весьма слабыми позициями в законодательном собрании провинции.

Конгресс допустил много ошибок, но эти ошибки совершались в сравнительно второстепенных вопросах метода и тактики. Было ясно, что даже по чисто политическим соображениям Конгресс стремится к разрешению религиозно-общинного вопроса, чтобы таким образом устранить это препятствие, стоявшее на пути к прогрессу. В чисто общинных организациях такого горячего стремления не наблюдалось, так как главная цель их существования заключалась в том, чтобы отстаивать специфические требования тех или иных групп, а это приводило к заинтересованности в сохранении существующего положения. Хотя в составе Конгресса преобладали индусы, в его списках числилось также много мусульман и членов других религиозных групп — сикхов, христиан и др. Поэтому он был вынужден мыслить в национальном масштабе. Главным для Конгресса было национальное освобождение и создание независимого демократического государства. Он понимал, что в такой обширной и разнородной стране, как Индия, простой тип демократии, предоставляющей большинству полное право ограничивать права меньшинства или верховенствовать над ним во всех вопросах, не является ни приемлемым, ни желательным, даже если бы такую демократию и можно было установить. Конгресс, конечно, хотел единства, это само собой разумеется, но он не видел оснований для того, чтобы подгонять под одну мерку все богатство и разнообразие индийской культурной жизни. Поэтому было решено, что необходима широкая степень автономии, а также обеспечение возможности культурного роста и свободы личности и группы.

Но по двум основным вопросам — о национальном единстве и демократии — Конгресс был непоколебим. Это был фундамент, на котором он был основан, и вся его история за полувековой период говорит об этом. Конгресс, безусловно, является одной из самых демократических организаций, как в своей

ЗАКОН ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНДИЕЙ 1935 г.

РАМА (БРОНЗА). ПРОВИНЦИЯ МАДРАС. 14 ВЕК.
(Музей Виктории и Альберта.)

теории, так и в практике, из всех известных мне подобных организаций. Через десятки тысяч местных комитетов, разбросанных по всей стране, он воспитывал людей в демократическом духе и достиг в этом отношении поразительных успехов. Тот факт, что такая влиятельная и чрезвычайно популярная личность, как Ганди, была связана с Конгрессом, не ослабил демократической сущности этой организации. В периоды кризисов и борьбы естественно возникало, как и в любой стране, стремление искать руководства у вождя; а такие кризисы были частым явлением. Не может быть ничего более нелепого, чем называть Конгресс авторитарной организацией. Интересно отметить, что такие обвинения обычно выдвигают высокопоставленные представители английской власти, которая является основой автократии и деспотизма в Индии.

В прошлом английское правительство тоже стояло, по крайней мере теоретически, за единство и демократию в Индии. Оно гордилось тем, что его власть принесла Индии политическое единство, хотя это единство и сводилось к угнетению всей Индии. Англичане говорили нам также, что они обучают нас демократическим методам и порядкам. Но любопытно, что их политика привела как раз к отрицанию и единства и демократии. В августе 1940 года Исполнительный комитет Конгресса был вынужден заявить, что политика английского правительства в Индии «является прямым поощрением розни и междоусобной борьбы и подстрекательством к этому». Ответственные представители английского правительства начали открыто говорить нам о том, что придется, возможно, пожертвовать единством Индии ради какого-то нового устройства и что демократия непригодна для Индии. Таков был единственный ответ на требование Индии о предоставлении ей независимости и установлении демократической формы правления. Этот ответ, кстати говоря, показывает нам, что англичане сами признали свою неспособность достичь двух главных целей, которые они поставили перед собой в Индии. Им понадобилось полтора столетия на то, чтобы признать это.

Нам не удалось найти разрешение религиозно-общинной проблемы, приемлемое для всех заинтересованных сторон. На нас ложится, конечно, вина за это, и нам приходится мириться с последствиями нашей несостоятельности. Но как можно добиться того, чтобы все пришли к согласию в отношении важного предложения или важного преобразования? Всегда имеются феодальные и реакционные элементы, противящиеся любым преобразованиям, и одновременно существуют элементы, стремящиеся к политическим, экономическим и социальным переменам; имеются также различные группы, занимающие промежуточное положение. Если малочисленная группа может наложить запрет на намечаемое преобразование, то, безусловно, ни о каких преобразованиях не может быть и речи. Когда верховная

власть ведет политику создания и поощрения таких групп (хотя бы даже они представляли ничтожную часть населения), тогда преобразования могут быть осуществлены только в результате успешной революции. Несомненно, что в Индии имеется множество феодальных и реакционных групп, как местного происхождения, так и созданных и выращенных англичанами. Они малочисленны, но их поддерживает мощь Англии.

Кроме Мусульманской лиги, среди мусульман возникли различные другие организации. Наиболее старая и крупная из них — Джамнат-ул-улема, в которую входили духовные лица и старозаветные богословы со всей Индии. Эта организация с консервативным, основанным на старых традициях мировоззрением и неизбежно религиозная, была в то же время в политическом отношении передовой и антиимпериалистической. В политической области она часто сотрудничала с Конгрессом, и многие ее члены были одновременно и членами Конгресса, работавшими в его организациях. Позднее была создана организация Ахрар, которая была особенно сильна в Пенджабе. Она представляла в основном мусульман из мелкобуржуазной среды; в отдельных районах она пользовалась большим влиянием на массы. Организация Моминов (в которую входили преимущественно ткачи) являлась многочисленной, но, представляя наиболее бедные и отсталые слои мусульман, была слаба и плохо организована. Момины сочувствовали Конгрессу и выступали против Мусульманской лиги. Вследствие своей слабости они избегали политических выступлений. В Бенгалии существовала крестьянская организация Кришак Сабха. Джамнат-ул-улема и Ахрар часто сотрудничали с Конгрессом в его повседневной деятельности и принимали участие в наиболее боевых кампаниях, проводившихся против английского правительства, подвергаясь за это репрессиям. Главной мусульманской организацией, никогда не вступавшей в конфликт с английскими властями, если не считать словесных споров, является Мусульманская лига, которая, несмотря на ряд перемен и событий и даже приобретя большое число новых членов, так и не избавилась от своего феодального руководства, состоящего из представителей высших классов.

Мусульмане-шииты также были объединены, правда довольно непрочно, в самостоятельную организацию, преимущественно для выдвижения политических требований. В начальный период ислама в Аравии происходили ожесточенные споры в связи с наследованием халифата, в результате чего произошел раскол и возникли две группы или секты — сунниты и шииты. Этот раскол принял постоянный характер и сохранился до сих пор, хотя и не носит больше политического характера. В Индии и в мусульманских странах преобладают сунниты; исключение составляет Иран, где шииты составляют большинство. Временами между этими двумя группами возникали религиозные столк-

новения. Шийтская организация в Индии существовала особо, отдельно от Мусульманской лиги. Эта организация высказывалась за объединенные избирательные курии для всех. Однако много видных шиитов входит в состав Лиги.

Все эти, а также некоторые другие мусульманские организации (за исключением Мусульманской лиги) совместно организовали «Свободную мусульманскую конференцию», которая представляла собой своего рода единый фронт мусульман, противопоставленный Мусульманской лиге. В 1940 году в Дели состоялась первая сессия этой конференции, носившая весьма представительный характер и прошедшая успешно.

Крупнейшая индусская общинная организация — это Хинду Махасабха, организация, аналогичная Мусульманской лиге, но относительно менее влиятельная. Она проникнута таким же воинствующим религиозно-общинным духом, как и Лига, но пытается прикрыть крайнюю узость своего мировоззрения туманной националистической фразеологией, хотя она стоит скорее за возврат к старому, чем за прогресс. У этой организации оказались чрезвычайно неудачные лидеры, склонные к безответственным и резким выступлениям, подобно некоторым лидерам Мусульманской лиги. Словесная война, ведущаяся обеими сторонами, постоянно обостряет их отношения. Слова заменяют действия.

В прошлом Мусульманская лига неоднократно занимала неразумную позицию в религиозно-общинном вопросе, но столь же неразумной была позиция Хинду Махасабха. Индусское меньшинство в Пенджабе и Синде и многочисленная группа сикхов в Пенджабе часто вели себя агрессивно и препятствовали урегулированию разногласий. Политика англичан состояла в том, чтобы поощрять и разжигать эти разногласия и усиливать общинные организации в противовес Конгрессу.

Результаты выборов дают представление о значимости той или иной группы или партии или, по крайней мере, о ее влиянии в массах. На общих выборах в Индии в 1937 году Хинду Махасабха полностью провалилась: она нигде не играла серьезной роли. Мусульманская лига оказалась в лучшем положении, но в общем ее успехи были довольно скромными, в особенности в провинциях, где преобладает мусульманское население. В Пенджабе и Синде она потерпела полный крах, а в Бенгалии достигла лишь частичного успеха. В Северо-западной пограничной провинции Конгресс образовал правительство позднее. В провинциях, где мусульмане составляют меньшинство, Лига в общем достигла большего успеха, но в законодательных собраниях были представлены и независимые мусульманские группы, а также отдельные мусульмане, избранные как представители Конгресса.

Тогда Мусульманская лига начала ожесточенную кампанию против конгрессиистских правительств в провинциях и против

самого Конгресса. Изю дня в день повторялись утверждения, что правительства совершают «зверства» по отношению к мусульманам. В состав правительств входили и мусульмане, но они не были членами Мусульманской лиги. В чем именно заключались «зверства» — об этом обычно умалчивали; иногда же искажали и преувеличивали некоторые мелкие местные инциденты, к которым правительства не имели никакого отношения. «Зверствами» были также объявлены некоторые мелкие ошибки, допущенные отдельными ведомствами и вскоре исправленные. Временами выдвигались совершенно ложные и необоснованные обвинения. Был даже опубликован некий отчет, совершенно фантастический по своему содержанию, не опиравшийся на какие-либо факты. Конгрессиетские правительства предлагали тем, кто выдвигал эти обвинения, сообщить факты, чтобы можно было произвести расследование, либо же самим расследовать эти факты с помощью правительств. Никто не воспользовался этими предложениями, но кампания продолжалась попрежнему. В начале 1940 года, вскоре после отставки конгрессиетских правительств, тогдашний председатель Конгресса Раджендра Прасад обратился с письмом к М. А. Джинне и, кроме того, сделал публичное заявление, предложив Мусульманской лиге изложить все обвинения в адрес конгрессиетских правительств перед федеральным следственным трибуналом. Джинна отверг это предложение, упомянув о возможности создания для этой цели королевской комиссии. Вопрос о создании такой комиссии не поднимался, да и вообще это могло сделать только английское правительство. Некоторые английские губернаторы, занимавшие свои посты при конгрессиетских правительствах, публично заявили, что они не находили ничего предосудительного в позиции этих правительств по отношению к меньшинствам. Закон 1935 года давал губернаторам специальные полномочия для защиты меньшинств в случае, если бы в этом возникла необходимость.

Я внимательно проанализировал методы пропаганды, которыми пользовались нацисты после прихода Гитлера к власти, и был поражен, обнаружив, что нечто весьма похожее происходит в Индии. Годом позднее, в 1938 году, когда Чехословакия стояла перед лицом судетского кризиса, официальные представители Мусульманской лиги изучали нацистские методы, применявшиеся при этом, и одобрително отзывались о них. Они находили аналогию между положением судетских немцев и индийских мусульман. Устные выступления и статьи некоторых газет носили чрезвычайно резкий, провокационный характер. Один из конгрессиетских министров, мусульманин, был заколот кинжалом, и ни один из лидеров Мусульманской лиги не осудил этот факт; ему даже нашли оправдание. Неоднократно имели место и другие акты насилия.

Я был страшно подавлен этими событиями и общим снижением уровня общественной жизни. Насилие, грубость и безответственность все нарастали, и это, видимо, встречало одобрение видных лидеров Мусульманской лиги. Я обратился с письмами к некоторым из этих лидеров и просил их сдерживать указанные тенденции, но безуспешно. Что касается конгрессиетских правительств, то они явно были заинтересованы в том, чтобы привлечь на свою сторону любое религиозное меньшинство и любую группу, и настойчиво добивались этого. В некоторых кругах высказывалось даже недовольство тем, что они оказывают чрезмерное предпочтение мусульманам за счет других групп. Но дело сводилось не к каким-либо конкретным жалобам, которые можно было бы удовлетворить, или к разумному обсуждению какого-нибудь вопроса. Это была регулярная кампания, которую вели члены и сторонники Мусульманской лиги, чтобы внушить мусульманским массам, что происходит нечто ужасное и что виновен в этом Конгресс. В чем заключалось это ужасное — никто, видимо, не знал, но считалось, что вопли и проклятья не могут быть беспричинными и если причина не здесь, то она в другом месте. Во время дополнительных выборов был поднят вопль: «Ислам в опасности», — и избирателей заставляли клясться на Коране, что они будут голосовать за кандидатов Мусульманской лиги.

Все это, несомненно, оказывало воздействие на мусульманские массы; тем не менее удивительно, как много людей не поддавалось этой пропаганде. На дополнительных выборах Лига в большинстве случаев одержала победу, но в некоторых местах потерпела поражение. Даже тогда, когда победа оказывалась на стороне Лиги, против нее голосовало значительное количество мусульман, отдававших предпочтение аграрной программе Конгресса. Но на этих выборах Мусульманская лига впервые в своей истории приобрела поддержку масс и начала превращаться в массовую организацию. Хотя я и был огорчен происходившими событиями, в некотором смысле я приветствовал это явление, полагая, что в конечном счете феодальное руководство Лиги будет устранено и выдвинутся более прогрессивные элементы. Главную трудность до сих пор составляла крайняя политическая и социальная отсталость мусульман, в силу чего реакционные лидеры могли легко эксплуатировать их.

Сам М. А. Джинна был более образованным человеком, чем большинство его коллег по Мусульманской лиге. Безусловно, он был на голову выше их и поэтому стал незаменимым руководителем. В своих публичных выступлениях он неоднократно резко осуждал оппортунизм, а временами и более серьезные слабости своих коллег. Он хорошо знал, что значительная часть передовых, мужественных и самоотверженных элементов из среды мусульман вступила в ряды Конгресса и сотрудничала с ним. И, однако, то ли судьба, то ли обстоятельства толкали его

именно к тем людям, которых он не уважал. Он был их лидером, однако удерживать их вместе он мог, лишь став пленником их реакционной идеологии. Впрочем, нельзя сказать, что в том, что касалось идеологии, он был пленником против воли; при всем своем внешнем модернизме он принадлежал к старому поколению, которое плохо разбиралось в современных течениях политической мысли и в современных событиях. В экономике, играющей главенствующую роль в современном мире, он, видимо, был совершенно невежествен. Необычайные события, происшедшие во всем мире после первой мировой войны, вероятно, не оказали на него никакого влияния. Когда Конгресс в политическом отношении совершил скачок вперед, он вышел из его состава. Пропасть между ним и Конгрессом выросла, когда Конгресс повернулся в сторону экономических проблем и в сторону масс. В области идеологии Джинна, видимо, оставался на том же уровне, на каком находился четверть века раньше, более того, он сделал шаг назад, так как теперь выступал уже как против единства, так и против демократии в Индии. «Они не могут существовать,— заявлял он,— при системе правления, основанной на нелепых понятиях западной демократии». Прошло много времени, прежде чем он понял нелепость того, что он отстаивал в течение всей своей долгой жизни.

Джинна одинок даже в самой Мусульманской лиге; он чуждается самых близких своих сотрудников. Его уважают, но держатся на расстоянии, его больше боятся, чем любят. Нет сомнений в его одаренности как политического деятеля, но эта одаренность в какой-то мере связана со специфическими условиями английского господства в современной Индии. Он известен как адвокат-политик, как тактик, считающий, что использует противоречия между индийским национализмом и английской властью. Если бы условия были иные и ему пришлось бы столкнуться с реальными политическими и экономическими проблемами, трудно сказать, насколько помогли бы ему его способности. Он, пожалуй, и сам сомневается в этом, хотя и не страдает отсутствием самомнения. Этим, повидимому, объясняется его инстинктивная враждебность к переменам, стремление сохранить существующее положение вещей, избегать переговоров и спокойного обсуждения проблем с людьми, которые не согласны с ним полностью. В нынешних условиях он чувствует себя на месте, но трудно сказать, будет ли он или кто-либо другой соответствовать новым условиям. Какая страсть владеет им, к каким целям он стремится? Или, может быть, им не владеет никакая страсть и ему просто доставляет удовольствие разыгрывать острую политическую шахматную партию, в которой часто представляется возможность объявлять «шах»? Он, видимо, ненавидит Конгресс, и эта ненависть с годами растет. Предметы его отвращения и антипатии ясны, но к чему он питает симпатии? При всей своей силе и твердости воли он

представляет какую-то страшную, негативную фигуру; характеризующим его символом могло бы быть слово «нет». Поэтому все попытки понять его позитивную сторону оказываются безуспешными, и к этому трудно подступиться.

Со времени установления в Индии власти англичан из мусульманской среды выдвинулось мало выдающихся деятелей современного типа. Мусульмане дали несколько замечательных людей, но, как правило, они были носителями старой культуры и старых традиций и им трудно было поспевать за современными событиями. Эта неспособность идти в ногу с временем и приспособиться в культурном и других отношениях к новой обстановке вовсе не объяснялась, разумеется, каким-то врожденным недостатком. Это было результатом определенных исторических причин, запоздалого развития нового промышленного среднего класса и сугубо феодальной среды, в которой жили мусульмане, препятствовавшей развитию и проявлению способностей. Особенно велика была отсталость мусульман в Бенгалии, но это, вероятно, вызывалось двумя причинами: истреблением их высших классов в первое время британского владычества и тем фактом, что подавляющее их большинство до обращения в ислам принадлежало к самому низшему классу индусов, издавна лишенному возможностей роста и развития. В Северной Индии образованные мусульмане, принадлежавшие к высшим классам, были привержены к старому традиционному образу жизни, а также к старой системе землевладения. В последние годы происходят заметные сдвиги, и среди индийских мусульман сравнительно быстро развивается новый средний класс, но и теперь они значительно отстают от индусов и других групп в области науки и производства. Индусы тоже являются отсталыми и порой еще более, чем мусульмане, ограничены и скованы традиционным мышлением и образом жизни, но, тем не менее, из их среды выдвинулось много выдающихся людей, проявивших себя в науке, промышленности и в других областях. Немногочисленная община парсов также дала крупных руководителей современной промышленности. Интересно отметить, что семья, из которой происходит Джинна, исповедовала раньше индуизм.

В прошлом многие одаренные люди как из индусов, так и из мусульман шли на государственную службу, поскольку она сулила наиболее заманчивые перспективы. С ростом политического движения за свободу эти соображения стали играть меньшую роль, и одаренные, искренние и мужественные люди примкнули к Конгрессу. Таким образом в его состав вошли многие передовые мусульмане. В более позднее время мусульманская молодежь стала примыкать также к социалистической и коммунистической партиям. Но если не считать этих самоотверженных и прогрессивных людей, мусульмане дали очень мало выдающихся руководящих деятелей, и в государственной

службе они видели единственный путь для личного продвижения. Джинна был человеком иного склада. Одаренный, волевой, он не прельщался государственными постами, перед которыми не устояли многие другие. Поэтому он занял совершенно исключительное положение в Мусульманской лиге и сумел завоевать уважение, которым не пользуются многие видные деятели Лиги. К сожалению, его упорство не позволяет ему прислушиваться к новым идеям, и безоговорочная власть над своей организацией выработала в нем нетерпимость как к инакомыслящим в своей среде, так и к другим организациям. Он стал олицетворением Мусульманской лиги. Но возникает вопрос: в условиях, когда Лига становится массовой организацией, как долго может продержаться такого рода феодальное руководство с его отжившими взглядами?

Когда я был председателем Конгресса, я неоднократно обращался к Джинне с письмами и просил его ясно сказать, что, по его мнению, мы должны делать. Я спрашивал его, чего хочет Лига и каковы ее конкретные цели. Я хотел также знать, какие претензии предъявляет Лига к конгрессиистским правительствам. Я полагал, что путем переписки можно внести ясность в эти вопросы, а затем, уже при личной встрече, обсудить основные моменты, которые при этом выявятся. Джинна отвечал мне пространными письмами, но не внес никакой ясности в вопрос. Просто поразительно, как старательно он избегал ясного ответа мне или кому-либо другому о том, чего он хочет и в чем состоит претензии Лиги. Мы неоднократно обменивались письмами, но все так и оставалось туманным и неясным, и я не мог добиться ничего определенного. Это очень удивляло меня, и я испытывал чувство какой-то беспомощности. Создавалось впечатление, что Джинна не хочет связывать себя какими-либо обязательствами и отнюдь не стремится к урегулированию разногласий.

В дальнейшем Ганди и другие лица из нашей среды неоднократно встречались с Джинной. Они беседовали часами, но так и не вышли из стадии предварительных переговоров. Мы предлагали созвать совещание представителей Конгресса и Лиги для обсуждения общих проблем. Джинна заявил, что это может быть сделано лишь после того, как мы публично признаем Мусульманскую лигу единственной организацией, представляющей индийских мусульман, и что Конгресс должен рассматривать себя как чисто индускую организацию. Это создавало явные трудности. Мы, разумеется, признавали крупное значение Лиги и именно поэтому обращались к ней. Но как могли мы игнорировать многие другие существовавшие в стране мусульманские организации, часть которых была тесно с нами связана? Кроме того, и в самом Конгрессе было много мусульман, они входили и в состав наших руководящих органов. Если бы мы приняли требование Джинны, это означало бы, что нужно изгнать из Конгресса наших старых товарищей — мусульман

и объявить, что им не место в Конгрессе. Это значило бы изменить самую сущность Конгресса и превратить его из открытой для всех общенациональной организации в религиозно-общинную организацию. Это было неприемлемо для нас. Если бы Конгресс вообще еще не существовал, мы все равно должны были бы создать новую общенациональную организацию, открытую для каждого индийца.

Мы не могли понять настойчивости, с которой Джинна выдвигал это требование и отказывался обсуждать какие-либо другие вопросы. Мы могли только прийти к выводу, что он не хочет никакого урегулирования, так же как не хочет брать на себя каких бы то ни было обязательств. Его устраивало существующее положение, и он надеялся, что таким путем добьется большего от английского правительства.

Требование Джинны основывалось на новой, недавно им выдвинутой теории о том, что Индия состоит из двух наций — индусов и мусульман. Почему только из двух — неясно, ибо если национальность определяется религией, то в Индии должно быть много наций. Из двух братьев один может быть индусом, а другой мусульманином; следовательно, они будут принадлежать к разным нациям. Эти две нации существуют в различных соотношениях в большинстве индийских селений. Эти две нации не разделены границами — они переплетаются друг с другом. Получалось, что бенгальский мусульманин и бенгальский индус, живущие вместе, говорящие на одном языке, следующие одинаковым традициям и обычаям, принадлежат к разным нациям. Все это было очень трудно понять — это казалось возрождением каких-то средневековых теорий. Трудно дать определение понятия нации. Возможно, что основная характерная черта национального сознания заключается в чувстве принадлежности к одному целому и в противопоставлении этого целого остальному человечеству. Можно спорить о том, насколько сильно это чувство в Индии в целом. Можно даже утверждать, что в прошлом Индия развивалась как многонациональное государство и что постепенно возникало национальное сознание. Но все это — теоретические абстракции, которые мало интересуют нас. В настоящее время самые мощные державы являются многонациональными государствами, и в то же самое время там развивается национальное самосознание, как, например, в США или в СССР.

Из теории Джинны о двух нациях выросла концепция Пакистана, то есть расчленения Индии. Разумеется, это не разрешило проблему «двух наций», потому что они переплетаются на каждом шагу. Но это придавало метафизической концепции материальную форму. Это, в свою очередь, вызвало бурную реакцию среди большинства в пользу сохранения единства Индии. Обычно национальное единство считается чем-то само собой разумеющимся. Лишь в том случае, когда оно находится под

угрозой или под ударом, когда делаются попытки нарушить его, тогда единство начинают ценить и возникает активное стремление сохранить его. Так иногда попытки сеять рознь приводят к укреплению единства.

Между точкой зрения Конгресса и точкой зрения религиозно-общинных организаций существовало коренное различие. Среди последних ведущими были Мусульманская лига и соответствовавшая ей индусская организация Хинду Махасабха. Хотя эти общинные организации в теории и высказывались за независимость Индии, на деле они больше интересовались тем, чтобы добиться преимуществ и специальных привилегий для своих групп. Поэтому им в поисках этих привилегий, естественно, приходилось обращать свои взоры к английскому правительству, и это вело к тому, что они избегали столкновений с англичанами. Позиция Конгресса была так тесно связана с делом освобождения Индии как единой нации, что все остальное отступало на задний план, а это вело к непрерывным конфликтам и трениям с английскими властями. В лице Конгресса индийский национализм противостоял английскому империализму. Конгресс еще дальше развил аграрную, экономическую и социальную программы. Ни Мусульманская лига, ни Хинду Махасабха не занимались такими проблемами и не пытались разработать программу. Социалисты и коммунисты, конечно, весьма интересовались этими вопросами и имели свои программы, которые они пытались протолкнуть и в Конгрессе и за его пределами.

В политике и практической деятельности между Конгрессом и религиозно-общинными организациями имелось еще одно существенное различие. Совершенно независимо от агитационной работы и законодательной деятельности, когда таковая осуществлялась, Конгресс уделял очень большое внимание проведению различного рода конструктивных мероприятий среди масс. Эти мероприятия заключались в организации и развитии кустарной промышленности, в улучшении положения угнетенных классов, а позднее в распространении начального образования. В сельских районах его деятельность заключалась также в проведении санитарных мероприятий и в некоторых простейших формах медицинской помощи. Для проведения этой работы Конгресс создал специальные организации, не связанные с политической деятельностью, привлечшие к себе тысячи людей, полностью посвятивших себя этой деятельности, и еще большее число людей, отдававших ей часть своего времени. Эта спокойная созидательная работа, находившаяся в стороне от политики, проводилась и в периоды, когда политическая жизнь замирала. Но когда правительство находилось в открытом конфликте с Конгрессом, оно препятствовало даже деятельности этих организаций. Кое-кто сомневался в экономическом значении такого рода мероприятий, но нельзя было

сомневаться в их социальном значении. Они воспитали многочисленные кадры работников, полностью посвятивших себя этому делу, поддерживавших тесную связь с массами, и привили народу дух взаимопомощи и уверенности в своих силах. Конгрессисты, мужчины и женщины, играли также важную роль в профсоюзных и сельскохозяйственных организациях и фактически создали многие из них. Самый крупный и хорошо организованный индийский профсоюз — профсоюз работников текстильной промышленности города Ахмадабада — был создан конгрессистами и работал в тесном сотрудничестве с ними.

Все эти мероприятия создавали прочную основу для деятельности Конгресса, в то время как у религиозно-общинных организаций такой основы не было. Работа последних носила агитационный характер и проводилась только спорадически, например во время предвыборной кампании. Участникам этих организаций не угрожала постоянная опасность подвергнуться репрессиям со стороны властей, с чем приходилось всегда считаться конгрессистам. Таким образом, карьеристы и оппортунисты значительно больше стремились в эти организации. Однако две мусульманские организации — Ахрар и Джамиат-ул-улема — много страдали от правительственных репрессий, так как они зачастую проводили такую же политическую линию, как и Конгресс.

Конгресс выражал не только националистические стремления в Индии, которые усилились с ростом новой буржуазии, но также в значительной мере стремление пролетариата к социальным преобразованиям. В частности, он стоял за коренной переворот в области аграрных отношений. Порой это вызывало внутренние конфликты в Конгрессе; помещики и крупные промышленники, часто настроенные националистически, держались в стороне от него из страха перед социалистическими преобразованиями. Социалисты и коммунисты нашли себе некоторую опору в рамках Конгресса, откуда они могли влиять на его политику. Религиозно-общинные организации, как индусские, так и мусульманские, были тесно связаны с феодальными и консервативными элементами и противились каким бы то ни было революционным социальным сдвигам. Таким образом, подлинный конфликт не имел ничего общего с религией, хотя религия часто маскировала вопрос; конфликт в основном происходил между теми, кто стоял за националистическо-демократическую социально-революционную политику, и теми, кто стремился сохранить пережитки феодального строя. В моменты кризиса эти последние неизбежно зависели от поддержки иностранной державы, заинтересованной в сохранении существующего положения.

С началом второй мировой войны возник внутренний кризис, результатом которого была отставка конгрессистских правительств в провинциях. До этого Конгресс предпринимал еще

одну попытку вступить в контакт с Джинной и с Мусульманской лигой. Джинна получил приглашение принять участие в первом заседании Исполнительного комитета Конгресса, состоявшемся после начала войны. Он не смог прибыть к нам. Мы встретились с ним позднее и пытались разработать общую политику перед лицом мирового кризиса. Особого успеха мы не достигли, но все же решили продолжать переговоры. Тем временем конгрессиистские правительства вышли в отставку в связи с политическими разногласиями, не имевшими никакого отношения к Мусульманской лиге и к проблеме общин. Однако Джинна выбрал этот момент для яростных нападок на Конгресс и призвал свою Лигу провести «День освобождения» от власти Конгресса в провинциях. Он сопровождал это весьма неуместными замечаниями по адресу националистов-мусульман, входивших в состав Конгресса, и, в частности, по адресу председателя Конгресса маулана Абул Калам Азада, человека, пользовавшегося большим уважением как среди индусов, так и среди мусульман. «День освобождения», по существу, провалился, и в ряде районов Индии мусульмане провели контрдемонстрации. Однако это усилило чувство горечи и укрепило нашу уверенность в том, что Джинна и руководимая им Мусульманская лига не имеют ни малейшего желания достичь соглашения с Конгрессом или содействовать делу освобождения Индии. Они предпочитали сохранять существующее положение¹.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО ПЛАНИРОВАНИЮ

К концу 1938 года по настоянию Конгресса был создан Национальный комитет по планированию. Он состоял из 15 членов; кроме того, в него входили представители правительств провинций и тех индийских княжеств, которые изъявили желание сотрудничать с нами. В числе членов комитета были известные промышленники, финансисты, экономисты, профессора, ученые, а также представители Всеиндийского конгресса профсоюзов и Ассоциации сельской промышленности. С Комитетом сотрудничали неконгрессиистские правительства провинций (Бенгалии, Пенджаба и Синда), а также правительства некоторых крупных княжеств (Хайдарабада, Майсура, Бароды, Траванкура, Бопала). В некотором смысле это был чрезвычайно представительный комитет; для него не

¹ Эта работа была уже написана, когда я прочел книгу одного канадского ученого — Уилфрида Кентвелла Смита, прожившего несколько лет в Египте и в Индии. Эта книга — «Современный ислам в Индии, социальный анализ», Лахор, 1943 (Wilfrid Cantwell Smith, *Modern Islam in India — a social analysis*, Lahore, 1943) — дает тонкий анализ и подробный обзор идейной эволюции в среде индийских мусульман со времени индийского восстания 1857 года. Автор рассматривает прогрессивные и реакционные движения начиная со времен Саид Ахмад-хана, а также различные этапы развития Мусульманской лиги.

существовало политических границ, он разрушил преграду между официальной и неофициальной Индией — если не считать того факта, что центральное правительство Индии не было представлено в Комитете и не желало сотрудничать с ним. В его состав входили трезво мыслящие представители крупного капитала и люди, которых называют идеалистами и доктринерами, а также социалисты и лица, близкие к коммунизму. Правительства провинций и княжеств направили в Комитет экспертов и руководящих деятелей промышленности.

Это был странный конгломерат различных типов людей, и трудно было представить себе, как сможет работать такая пестрая организация. Не без колебаний и не без опасений я согласился стать председателем этого Комитета, но работа была мне по душе, и я не мог держаться в стороне.

Трудности подстерегали нас на каждом шагу. В нашем распоряжении не было достаточных материалов для серьезного планирования и было мало статистических данных. Правительство Индии не оказывало нам содействия. Даже правительства провинций, настроенные дружественно и сочувственно, не проявляли особого интереса к планированию во всеиндийском масштабе и лишь издали интересовались нашей работой. Они были слишком заняты своими собственными делами и трудностями. Некоторые влиятельные круги в самом Конгрессе, по инициативе которого был создан Комитет, смотрели на него как на нежеланного ребенка, не зная, что из него получится, и с недоверием относились к его будущей деятельности. Представители крупного капитала были явно встревожены и настроены критически и, вероятно, вступили в Комитет из тех соображений, что легче защищать свои интересы, находясь внутри Комитета, чем за его пределами.

Было также ясно, что широкое планирование возможно лишь при наличии свободного национального правительства, достаточно сильного и достаточно популярного, чтобы осуществить коренные преобразования в социальной и экономической системе. Следовательно, достижение национальной свободы и ликвидация иностранного контроля составляли существенную предпосылку для планирования. Имелось также и много других препятствий — наша социальная отсталость, наши обычаи, устарелые взгляды и т. д., — но с этим пришлось бы иметь дело при любых обстоятельствах. Таким образом, планирование велось не столько для данного момента, сколько для неопределенного будущего, и вся наша деятельность носила на себе отпечаток нереальности. Однако за основу надо было брать настоящее, и мы надеялись, что это будущее не окажется отдаленным. Если бы нам удалось собрать имеющиеся данные, увязать их и разработать предварительные наметки, мы тем самым подготовили бы почву для эффективного планирования в будущем, указав одновременно правительствам провинций и княжествам

направление, в каком они должны действовать и развивать свои ресурсы. Попытка планирования и согласования деятельности в различных областях — экономической, социальной, культурной — имела большое воспитательное значение и для нас самих и для общественности. Это заставляло людей выйти из узких рамок, в которых они мыслили и действовали, рассматривать проблемы в их взаимосвязи и выработать хотя бы отчасти более широкие согласованные взгляды.

Первоначальная цель создания Комитета по планированию состояла в содействии индустриализации: «Проблемы нищеты и безработицы, национальной обороны и экономического восстановления в целом не могут быть разрешены без индустриализации. В качестве шага по пути к такой индустриализации следует разработать всеобъемлющий план национального развития. Этот план должен предусматривать развитие основных отраслей тяжелой, средней и кустарной промышленности...» Но невозможно было планировать, игнорируя сельское хозяйство, являющееся основой существования народа; не меньшее значение имеет социальное обслуживание. Так одно вело к другому, и невозможно было изолировать какую-либо часть или двигаться в одном направлении, не продвигаясь также и в другом. Чем больше мы думали об этом планировании, тем больше оно росло вширь и вглубь, пока, казалось, не охватило почти все сферы деятельности. Это не означало, что мы намеревались все регулировать и регламентировать, но нам приходилось иметь в виду почти все, даже когда речь шла о решении вопроса, касающегося какой-либо одной части плана. Я был всецело увлечен этой работой. Были увлечены ею, мне кажется, и другие члены нашего Комитета. Но одновременно в нашу работу вкралась какая-то неопределенность и нечеткость: вместо того чтобы сконцентрировать внимание на некоторых главных моментах плана, мы проявляли склонность разбрасываться. Это привело также к затягиванию работы многих наших подкомитетов, у которых отсутствовало чувство неотложности дела и сознание того, что работа имеет определенную цель и определенный срок.

В том составе, в каком был образован Комитет, нам всем трудно было договориться относительно основ социальной политики или принципов, на которых должна быть построена социальная система. Всякая попытка абстрактного обсуждения этих принципов должна была немедленно привести к серьезным разногласиям в подходе к ним, а возможно, и к расколу Комитета. Отсутствие руководящей политики было серьезным препятствием, по этому ничем нельзя было помочь. Мы решили обсуждать и общие проблемы планирования и каждую отдельную проблему не абстрактно, а конкретно, с тем чтобы принципы могли быть выработаны на основе этих конкретных обсуждений. В широком смысле слова существует два подхода: социалисти-

ческий, предполагающий устранение стимула прибыли и подчеркивающий необходимость справедливого распределения, и подход крупного капитала, стремящийся в максимальной степени сохранить свободное предпринимательство и стимул прибыли и делающий большой упор на производство. Существовали также принципиальные разногласия между теми, кто стоял за быстрый рост тяжелой промышленности, и теми, кто считал нужным уделять больше внимания развитию крестьянской и кустарной промышленности, чтобы в максимальной степени рассосать полную и частичную безработицу. В конечном счете неизбежны были расхождения по поводу окончательных выводов. Было бы не страшно, если бы было составлено два или три доклада, при условии, чтобы были собраны и увязаны все имеющиеся данные, изложена общая точка зрения и отмечены разногласия. Я считал, что когда дело дойдет до выполнения плана, демократическое правительство, которое будет тогда у власти, сможет решить, какую политику принять. А до тех пор была бы выполнена большая важная подготовительная работа и различные аспекты проблемы доведены до сведения общественности, а также центрального правительства и правительств провинций и княжеств.

Конечно, мы не могли рассматривать какую-либо отдельную проблему, а тем более план в целом, не поставив перед собой определенную задачу и социальную цель. Мы провозгласили своей целью обеспечить приемлемый уровень жизни масс, другими словами, покончить с ужасающей нищетой народа. По мнению экономистов, минимальный доход на душу населения должен составлять от 15 до 25 рупий в месяц (в довоенных цифрах). По сравнению с западными нормами это очень мало, и однако достижение этой цели дало бы огромное повышение существующего в Индии уровня. По приблизительным подсчетам, фактический средний доход на душу населения составлял 65 рупий в год. Это — средняя цифра для богатых и бедных, горожан и сельских жителей. Учитывая колоссальную разницу между уровнем жизни богачей и бедняков и концентрацию богатств в руках меньшинства, было признано, что средний доход крестьянина составляет значительно меньшую цифру, примерно 30 рупий на человека в год. Эти цифры говорят об ужасающей нищете народа, о бедственном положении масс. Ощущался недостаток в продовольствии, одежде, жилищах и всех других необходимых для существования условиях. Чтобы изменить это положение и обеспечить минимальный приемлемый уровень жизни для всех, необходимо было значительно повысить национальный доход и, помимо роста продукции, требовалось более справедливое распределение богатства. По нашим подсчетам, для достижения высокого уровня жизни потребовалось бы увеличить национальное богатство на 500—600 процентов. Это было для нас слишком большим скачком, и мы поставили перед собой цель достичь за десять лет роста на 200—300 процентов.

Мы решили составить десятилетний план с контрольными цифрами для различных периодов и различных отраслей экономики. Были намечены некоторые конкретные цели:

1) улучшение питания, с тем чтобы взрослый рабочий получал в общей сложности от 2400 до 2800 калорий;

2) улучшение в обеспечении одеждой, с тем чтобы потребление тканей возросло с 15 ярдов на душу населения в год не менее чем до 30 ярдов;

3) улучшение жилищных условий, с тем чтобы на душу населения приходилось не менее 100 квадратных футов.

Были намечены также определенные задачи в следующих областях:

- а) рост сельскохозяйственного производства,
- б) рост промышленной продукции,
- в) уменьшение безработицы,
- г) рост дохода на душу населения,
- д) ликвидация неграмотности,
- е) расширение предприятий коммунального обслуживания,
- ж) обеспечение медицинской помощи из расчета: один медицинский пункт на 1000 жителей.

з) увеличение средней продолжительности жизни.

Задача для страны в целом заключалась в достижении максимальной самостоятельности. Конечно, мы не исключали участия в международной торговле, но мы не хотели быть вовлеченными в водоворот экономического империализма. Мы не хотели быть жертвами империалистической державы и развивать у себя империалистические тенденции. Наша отечественная продукция должна была в первую очередь удовлетворять внутренние потребности в продовольствии, сырье и готовых изделиях. Излишнюю продукцию предполагалось не вывозить за границу по бросовым ценам, а обменивать на те товары, которые могли нам понадобиться. Если бы наше народное хозяйство ориентировалось на экспортные рынки, это могло бы привести к столкновениям с другими народами и к внезапным кризисам в случае, если бы эти рынки оказались для нас закрытыми.

Итак, хотя мы начали свою работу, не имея отчетливой социальной теории, наши социальные цели были достаточно ясны, и это обеспечивало общую основу для планирования. Самая суть этого планирования заключалась в широком регулировании и координации. Таким образом, хотя свободное предпринимательство как таковое не устранялось, простор для него был значительно ограничен. Было решено, что предприятия оборонных отраслей промышленности должны быть государственной собственностью и находиться под контролем государства. Что касается других основных отраслей промышленности, то, по мнению большинства, они тоже должны принадлежать государству, но значительное меньшинство Комитета считало, что

достаточно будет установления государственного контроля. Однако контроль над этими отраслями промышленности должен быть весьма строгим. Было также решено, что коммунальные предприятия должны принадлежать какому-нибудь государственному органу — центральному, или провинциальным правительствам, или же органам местного управления. Было также высказано мнение, что контроль над коммунальными предприятиями можно поручить некоему органу вроде Лондонского транспортного управления. В отношении других важных отраслей промышленности не было принято определенного решения, но считалось несомненным, что самая природа планового хозяйства требует контроля, степень которого может меняться для разных отраслей промышленности.

Что касается управления государственной промышленностью, то предлагалось ввести, как правило, систему самостоятельных государственных трестов. Такой трест обеспечил бы общественную собственность и контроль и в то же время можно было бы избежать тех трудностей и недостатков в работе, которые порой имеют место при непосредственном общественном контроле. Выдвигалось также предложение о кооперативном владении и контроле в промышленности. Любое планирование связано с внимательным изучением развития всех отраслей промышленности и систематическим обследованием достигнутых результатов. Оно означает также руководство подготовкой необходимого технического персонала для дальнейшего развития промышленности; государство должно иметь право потребовать от промышленности подготовить эти кадры.

Были приняты следующие общие руководящие принципы в земельной политике: «Обрабатываемая земля, рудники, карьеры, реки и леса являются видами национального богатства, которое безусловно должно быть общественной собственностью народа Индии». В обработке земли следует применить кооперативный принцип путем создания коллективных и кооперативных хозяйств. Однако у нас не было намерения отказаться, во всяком случае на первое время, от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, но после окончания переходного периода предполагалось полностью устранить посредников вроде талукдаров, заминдаров и др. Их имущественные права предполагалось постепенно выкупить. В соответствии с планом, государство должно было немедленно приступить к созданию коллективных хозяйств на пустующих землях, пригодных для обработки. Кооперативное хозяйство могло быть создано как на основе индивидуальной, так и совместной собственности. Предполагалось предоставить возможность развития различных типов хозяйств, с тем чтобы на опыте решить, каким формам отдать предпочтение.

Мы, или во всяком случае некоторые из нас, рассчитывали создать социализированную систему кредита. В случае если

банки, страховые общества и другие учреждения не будут национализированы, они должны быть, по крайней мере, поставлены под контроль государства, что привело бы к государственному регулированию капитала и кредита. Было также желательно поставить под контроль экспортную и импортную торговлю. Такими различными мерами был бы в значительной степени обеспечен контроль государства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в целом, хотя он варьировал бы в различных случаях и допускал бы в ограниченной сфере частную инициативу.

Таким образом, через рассмотрение конкретных проблем мы постепенно определили наши социальные цели и нашу политику. В них имелись известные пробелы, отдельные неясности и даже некоторые противоречия; одним словом, с точки зрения теории это был далеко не совершенный план. Но меня радовало то большое единодушие, которого мы достигли, несмотря на наличие в нашем Комитете противоречивых элементов. Крупный капитал был представлен самой большой группой в Комитете, и ее взгляды по многим вопросам, особенно финансовым и коммерческим, были безусловно консервативными. Однако стремление к быстрому прогрессу и убеждение в том, что лишь таким путем мы можем разрешить проблемы нищеты и безработицы были так велики, что все мы вынуждены были выйти из привычной колеи и мыслить по-новому. Мы избегали теоретического подхода, и, поскольку каждая практическая проблема рассматривалась в широком аспекте, это неизбежно вело нас в определенном направлении. Дух сотрудничества, охвативший членов Комитета по планированию, крайне радовал меня. Он выгодно отличался от споров и пререканий в области политики. Мы знали, что наши взгляды различны, и все же мы старались после обсуждения всех точек зрения прийти к единому решению, приемлемому для всех или для большинства.

При тех условиях, которые имели место не только в Комитете, но и в Индии в целом, мы не могли в то время наметить переход к социализму. Однако для меня было ясно, что наш план, в том виде, в каком он вырисовывался, неизбежно должен был привести нас к созданию некоторых основ социалистического строя. Он ограничивал стимул к стяжательству в обществе, устранял многие препятствия, затруднявшие рост, и, таким образом, вел к созданию быстро развивающейся социальной системы. Основой было планирование в интересах простого человека, значительное повышение уровня его жизни, обеспечивающее ему возможность роста и дающее простор для проявления огромных скрытых талантов и дарований. Все это предполагалось осуществлять в условиях демократической свободы и при наличии широкого сотрудничества со стороны хотя бы некоторых групп, которые в обычных условиях были противниками социалистической доктрины. Это сотрудничество казалось мне желательным,

хотя бы даже оно и повлекло за собой некоторое сужение или ограничение плана. Быть может, я был излишне оптимистичен, но я считал, что раз сделан крупный шаг в нужном направлении, то сама инерция этого процесса преобразования облегчит дальнейшие изменения и прогресс. Если столкновение было неизбежным, надо было идти ему навстречу; но если его можно было избежать или ослабить, это было бы полезно, особенно учитывая, что у нас было достаточно разногласий политического характера и что в будущем в этой области могло возникнуть неустойчивое положение. Таким образом, общее согласие по вопросу о плане представлялось очень важным. Нетрудно разработать проекты, основанные на какой-либо идеалистической концепции. Гораздо труднее было обеспечить такую степень единодушия и одобрения, какая необходима для удовлетворительного выполнения любого плана.

Хотя плановое хозяйство неизбежно требует в большей мере контроля, координации и известного ограничения свободы, в условиях современной Индии оно фактически значительно увеличило бы свободу. Бояться потерять свободу нам, в сущности, не приходится, мы можем только обрести ее. Если бы мы приняли демократический государственный строй и способствовали развитию кооперативных предприятий, можно было бы в значительной мере устранить угрозу централизации и концентрации мощи.

На первых заседаниях нашего Комитета мы составили огромный вопросник, который был разослан различным государственным и общественным организациям, университетам, торговым палатам, профсоюзам, научно-исследовательским институтам и другим учреждениям. Было также создано 29 подкомитетов для проведения обследования и составления докладов по отдельным конкретным вопросам. Несколько таких подкомитетов занимались вопросами промышленности, восемь — сельскохозяйственными проблемами, пять — торговлей и финансами, два — транспортом, два — народным образованием, два — социальным обеспечением, два — вопросами демографии и один — ролью женщин в условиях планового хозяйства. Всего в этих подкомитетах насчитывалось около 350 членов, причем некоторые работали одновременно в нескольких из них. В большей части это были специалисты в определенной отрасли: представители делового мира, служащие государственных и муниципальных учреждений, профессора и преподаватели университетов, техники, ученые, профсоюзные работники, работники полиции. Таким образом, мы собрали значительную часть культурных сил имевшихся в нашей стране. Только чиновники и служащие правительства Индии не получили разрешения сотрудничать с нами, хотя бы даже они лично и желали этого. Привлечение такого большого контингента сотрудников к нашей работе было во многих отношениях полезно. Мы могли

использовать их специальные знания и опыт, и они научились связывать свои конкретные вопросы с более широкими проблемами. Кроме того, это вызвало большой интерес к планированию во всей стране. Но большая численность была также и недостатком, так как было трудно созывать на заседания такое множество занятых людей, разбросанных по всей стране.

Мне было чрезвычайно приятно убедиться в наличии большой искренности и больших способностей у людей, работающих в самых различных отраслях, и встречи с ними значительно расширили мой кругозор. Наш метод работы заключался в том, чтобы каждый подкомитет составлял предварительный доклад и представлял его на рассмотрение Комитета по планированию. Доклад утверждался или подвергался критике и затем возвращался обратно в подкомитет с замечаниями. После этого представлялся окончательный доклад, на основе которого мы принимали решения по данному конкретному вопросу. Мы постоянно стремились согласовывать решения по каждому вопросу с теми решениями, которые были уже приняты по другим вопросам. После рассмотрения всех окончательных докладов и принятия по ним решений Комитет по планированию должен был обсудить всю проблему во всей ее широте и сложности и составить собственный общий доклад с приложением к нему докладов подкомитетов. Этот окончательный доклад оформлялся постепенно, в процессе рассмотрения докладов подкомитетов.

Бывали досадные задержки, которые вызывались главным образом тем, что подкомитеты не соблюдали установленных для них сроков, но в целом дело шло успешно, и мы проделали огромную работу. Было принято два интересных решения в области народного образования. Во-первых, мы предложили установить определенные нормы физической подготовки для мальчиков и девочек на каждой стадии обучения. Во-вторых, мы предложили ввести систему обязательной общественной или трудовой повинности, чтобы каждый молодой человек или девушка в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет выполняли в течение одного года общественно-полезную работу в сельском хозяйстве, промышленности, коммунальном хозяйстве или в какой-либо другой отрасли. Никаких исключений не допускалось, помимо случаев физической или умственной непригодности.

Когда в сентябре 1939 года началась вторая мировая война было предложено, чтобы Национальный комитет по планированию прекратил свою работу. В ноябре конгрессиистские правительства в провинциях вышли в отставку, и это увеличило наши трудности, так как при неограниченной власти губернаторов провинций никто не проявлял интереса к нашей работе. Деловые люди больше чем когда-либо были заняты извлечением прибыли из военных заказов и мало интересовались планированием. Положение менялось с каждым днем. Однако мы решили продолжать нашу деятельность, считая, что в военное время это еще

более необходимо. Дальнейшая индустриализация страны была неизбежна, и работа, которую мы уже выполнили и продолжали выполнять, могла значительно способствовать этому процессу. В это время мы рассматривали доклады наших подкомитетов по машиностроительной промышленности, транспорту, химической и обрабатывающей промышленности, то есть по отраслям, имевшим огромное значение с военной точки зрения. Но правительство не только не проявляло сочувствия к нашей работе, но даже относилось к ней с большим неодобрением. В первые месяцы войны, в период так называемой «странной войны», его политика заключалась в том, чтобы не поощрять развития индийской промышленности. В дальнейшем, под давлением событий, англичане вынуждены были приобретать многие необходимые им товары в Индии, но даже и при этих обстоятельствах они отрицательно относились к созданию в Индии тяжелой промышленности. Это неодобрение фактически было равносильно запрещению, так как без санкции правительства нельзя было ввезти какое-либо оборудование.

Комитет по планированию продолжал свою работу и почти завершил рассмотрение докладов подкомитетов. Нам предстояло закончить рассмотрение небольшого количества оставшихся вопросов, а затем перейти к разработке общего доклада. Но в октябре 1940 года я был арестован и приговорен к длительному тюремному заключению. Были также арестованы и заключены в тюрьму многие другие члены Комитета по планированию и его подкомитетов. Мне хотелось, чтобы Комитет по планированию продолжал свою деятельность, и я просил моих коллег, оставшихся на свободе, не прекращать работы. Но они не хотели работать без меня. Я пытался добиться того, чтобы материалы Комитета были доставлены в тюрьму: я мог бы работать над ними и подготовить проект доклада. Но правительство Индии вмешалось и воспрепятствовало этому. Мне не разрешили получить документы, не разрешили также свиданий для обсуждения этих вопросов.

Таким образом, Национальный комитет по планированию пребывал в бездействии, пока я находился в тюрьме. Выполненная им работа, хотя она и не была закончена, могла быть весьма успешно использована для военных целей, но все материалы продолжали лежать на полках наших кабинетов. Я вышел из тюрьмы в декабре 1941 года и в течение нескольких месяцев находился на свободе. Но это был очень тяжелый период и для меня и для других. Произошло множество новых событий: началась война на Тихом океане; Индии угрожало вторжение, и невозможно было восстановить старые связи и продолжить незавершенную работу Комитета по планированию до выяснения политического положения. А затем я снова был заключен в тюрьму.

КОНГРЕСС И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

КРУПНАЯ ИНДУСТРИЯ И КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Конгресс под руководством Ганди долго боролся за возрождение крестьянской промышленности, в особенности ручного ткачества. Однако Конгресс никогда не противился развитию крупной промышленности, и когда ему представлялась возможность — в законодательных органах или иным образом, — он поощрял это развитие. К этому же стремились конгрессистские правительства провинций. В двадцатых годах, когда металлургические заводы фирмы «Тата» находились в тяжелом положении, представители Конгресса в Центральном законодательном собрании добились оказания государственной помощи этой компании, чтобы дать ей возможность пережить тяжелое время. Между националистами и правительством уже давно происходили резкие столкновения по вопросу развития судостроения и торгового флота. Конгресс, как и другие круги индийской общественности, стремился к тому, чтобы индийскому торговому флоту была оказана максимальная поддержка, а правительство в такой же мере стремилось оградить частные интересы мощных английских судоходных компаний. Таким образом, дискриминационные меры со стороны властей лишали индийский торговый флот возможности развиваться, хотя в его распоряжении были и капиталы, и технические возможности, и руководящие кадры. Такого рода дискриминации осуществлялись повсюду, где в этом был заинтересован английский промышленный, торговый или финансовый капитал.

Неоднократно гигантскому концерну «Импириэл кемикл индастрис» предоставлялись привилегии за счет индийской промышленности. Несколько лет назад он получил долгосрочное право на разработку недр в Пенджабе. Насколько мне известно, условия этого соглашения не были опубликованы — видимо, потому, что такое опубликование считалось противоречащим «общественным интересам».

Конгрессистские правительства провинций стремились развернуть производство технического спирта для использования его в качестве горючего для моторов. Это было желательно со многих точек зрения, особенно в Соединенных провинциях и в Бихаре. В этих районах имеется много сахарных заводов, отходами производства которых является большое количество мелассы (черной патоки). Было выдвинуто предложение использовать ее для производства технического спирта. Процесс производства не сложен, и трудностей не было никаких, кроме того, что это затрагивало интересы концернов «Шелл» и «Бирма ойл». Правительство Индии выступало в защиту этих интересов и отказывало в разрешении на производство спирта. Только на третий год войны, после падения Бирмы и после того, как были прекращены поставки нефти и бензина, стало ясно, что необходимо

использовать спирт в качестве моторного горючего и что этот спирт должен производиться в Индии. В 1942 году американская комиссия Грэди особенно настаивала на этом.

Таким образом, Конгресс всегда высказывался за индустриализацию Индии и одновременно придавал большое значение развитию кустарной промышленности и содействовал этому. Имеется ли противоречие между этими двумя установками? Пожалуй, существует разница в акцентировании того или другого в результате учета некоторых человеческих и экономических факторов, которые прежде в Индии не принимались во внимание. Индийские промышленники и поддерживавшие их политические деятели всегда исходили преимущественно из условий развития капиталистической промышленности в Европе в 19 веке и забывали о многих тяжелых последствиях, ставших очевидными в 20 веке. В Индии, где нормальное развитие было задержано на сто лет, эти последствия должны были сказаться особенно сильно. Создание в Индии средних промышленных предприятий привело при существующей экономической системе не к поглощению свободной рабочей силы, а к росту безработицы. В то время как на одном полюсе происходило накопление капитала, на другом — росла нищета и безработица. При иной системе, с упором на крупную промышленность, требующую большего количества рабочей силы, и при плановом развитии этого вполне можно было бы избежать.

Самый факт роста обнищания масс оказал огромное влияние на Ганди. Я считаю, что действительно существует весьма значительная разница между его общим мировоззрением и тем, что может быть названо современными взглядами. Он не одобряет непрерывного повышения уровня жизни и роскоши за счет духовных и моральных ценностей. Он не сторонник легкой жизни. Для него прямой путь — это путь через трудности, а любовь к роскоши ведет к разложению и моральной деградации. Больше всего его возмущает глубокая пропасть, разделяющая богатых и бедных в отношении образа жизни и возможностей для преуспевания. Из личных моральных побуждений он пересек эту пропасть и перешел на сторону бедных, переняв, лишь с теми улучшениями, которые доступны для самых бедных, их образ жизни, их одежду или даже отсутствие одежды. Он считал, что этот разительный контраст между кучкой богатей и нищими массами объясняется двумя главными причинами: иностранным господством с сопровождающей его эксплуатацией и западной капиталистической промышленной цивилизацией, олицетворенной в крупной машинной промышленности. Он вел борьбу и против того и против другого. Он мечтал о былых днях, о временах самоуправляющейся и более или менее самостоятельной сельской общины, где существовало естественное равновесие между производством, распределением и потреблением; где политическая и экономическая власть была рассредоточена,

а не сконцентрирована, как теперь, в одних руках; где преобладала своего рода примитивная демократия; где пропасть между богатым и бедным не была так глубока; где не было зла, сопутствующего большим городам, и где люди были связаны с землей, дарующей жизнь, и дышали чистым воздухом полей.

Таково коренное различие в понимании смысла жизни между ним и многими другими; и это различие всегда падало на его слова и на его дела. Его речь, часто столь яркая и впечатляющая, отражала влияние религиозных и моральных учений прошлых веков — преимущественно индийских, но также и других стран. Предпочтение должно быть отдано моральным ценностям, цель никогда не оправдывает недостойные средства, иначе погибнет и личность и весь народ.

И все же он никогда не был мечтателем, живущим в мире созданных им самим фантазий, оторванных от жизни и ее проблем. Будучи родом из Гуджарата, родины предприимчивых дельцов, он, как никто, знал индийскую деревню и условия жизни крестьян. Основываясь на собственном опыте, он пришел к своей концепции возвращения к ручной прялке и развития крестьянской промышленности. Чтобы немедленно помочь огромному количеству полностью и частично безработных, чтобы остановить гниение, распространявшееся по всей Индии и парализовавшее массы, чтобы хоть немного поднять общий уровень жизни сельского населения, чтобы научить людей рассчитывать на свои силы, а не ожидать беспомощно поддержки от других — чтобы сделать все это без привлечения крупных капиталов, надо было стать на этот единственный путь. Помимо зла, порождаемого иностранным господством, эксплуатацией и отсутствием возможности свободно предпринимать и осуществлять крупные реформы, проблема Индии заключалась в недостатке капитала и избытке рабочей силы. Проблема состояла в следующем: как использовать эту бездействующую рабочую силу, не дающую никакой продукции. Делаются нелепые сравнения между живой силой и машиной: конечно, машина может выполнять работу тысячи или десяти тысяч человек. Но если эти десять тысяч человек сидят при этом без дела или голодают, применение машины не является социальным прогрессом — это возможно лишь в отдаленном будущем, когда будут изменены социальные условия. Когда машин вообще нет, не возникает и вопрос о сравнении; с точки зрения отдельной личности и нации, несомненно, было бы целесообразно использовать рабочую силу для производства. Но вовсе не обязательно видеть здесь противоречие с широким применением машинного оборудования, если это оборудование используется главным образом для поглощения рабочей силы, а не для увеличения безработицы.

Сравнение Индии с небольшими высокоиндустриализированными странами Запада или с крупными государствами, имеющими сравнительно низкую плотность населения, как СССР

и США, ни к чему не приведет. В Западной Европе процесс индустриализации протекал в течение ста лет, и население постепенно приспособилось к нему; численность населения вначале быстро росла, затем она стабилизировалась, а теперь снижается. В США и в СССР имеются обширные пространства с немногочисленным, но быстро растущим населением. В этих странах трактор абсолютно необходим для обработки земли. Менее очевидна, однако, необходимость применения трактора в густонаселенной долине Ганга, где существование огромного количества людей зависит только от земли. Возникают и другие проблемы, которые существуют даже в Америке. Сельское хозяйство ведется в Индии уже тысячелетия, и почва используется до последней возможности. Не приведет ли глубокая вспашка тракторами к истощению и эрозии почвы? Когда в Индии были построены железные дороги и для этой цели были сооружены высокие насыпи, то никто не подумал о естественном осушении почвы. Насыпи воспрепятствовали такому осушению, в результате — частые и все более сильные наводнения, усиление эрозии почвы и распространение малярии.

Я являюсь сторонником тракторов и мощных машин, и я уверен в том, что быстрая индустриализация Индии необходима для того, чтобы уменьшить аграрное перенаселение, для борьбы с нищетой и повышения уровня жизни, для обороны и ряда других целей. Но я убежден также и в том, что пожать плоды индустриализации и избежать многих ее опасностей можно только путем самого тщательного планирования и регулирования. Такое планирование необходимо теперь во всех странах, подобных Китаю и Индии, отставших в своем развитии и имеющих прочные традиции.

В Китае на меня произвели сильное впечатление индустриальные кооперативы — движение «Индуско»; и мне представляется, что подобное движение возможно и в Индии. Оно соответствовало бы условиям индийской жизни, придало бы демократический характер мелкой промышленности и развило бы навыки кооперирования. Индустриальные кооперативы могли бы служить дополнением к крупной промышленности. Следует помнить, что даже при самом быстром развитии тяжелой промышленности в Индии останется широкое поле деятельности для мелкого и кустарного производства. Даже в Советской России промысловая кооперация играет важную роль в промышленном развитии.

Растущее использование электроэнергии способствует росту мелкой промышленности и дает ей возможность экономически конкурировать с крупной. Все громче раздаются голоса в пользу децентрализации промышленности, и даже Генри Форд выступил ее сторонником. Ученые указывают на психологическую и биологическую опасность потери связи с землей, которая угрожает жителям крупных промышленных городов. Некоторые

говорят даже, что для сохранения человеческого рода необходимо вернуться к земле, в деревню. К счастью, наука дает теперь возможность рассредоточить население, так чтобы люди оставались близкими к земле и в то же время пользовались всеми благами современной цивилизации и культуры.

Как бы то ни было, в последние десятилетия перед нами в Индии стоит следующая проблема: каким образом при существующих обстоятельствах и при тех ограничениях, в которых мы находимся в условиях иностранного господства и связанной с ним власти иностранного капитала, можно уменьшить нищету масс и воспитать в них уверенность в своих силах? Во все времена высказывалось много соображений в пользу развития кустарной промышленности, но для нас в данный момент это, безусловно, наиболее реальный выход из положения. Возможно, что наши методы не были самыми лучшими и наиболее целесообразными. Проблема эта чрезвычайно большая, трудная и сложная, и часто нам приходилось испытывать давление со стороны правительства. Мы вынуждены были учиться постепенно, на опыте и ошибках. Я считаю, что нам надо было с самого начала поощрять развитие кооперативов и использовать в большей мере технические и научные знания для совершенствования мелкого оборудования, применяемого в кустарной и крестьянской промышленности. Теперь в этих отраслях вводится кооперативный принцип.

Экономист Дж. Коул говорит, что «проводимая Ганди кампания за развитие ручной ткацкой промышленности — не фантазия романтика, которому хочется оживить прошлое, а практическая попытка ослабить нищету и поднять жизненный уровень деревни». Он совершенно прав, но дело не только в этом. Борьба Ганди заставила увидеть в индийском крестьянине человека, заставила осознать, что за блеском нескольких городов раскинулось море нищеты, заставила понять тот важнейший факт, что подлинный прогресс и свободу в Индии определяет не наличие небольшой прослойки миллионеров, преуспевающих адвокатов и тому подобных людей и не организация законодательных советов и собраний, а изменение положения и условий жизни крестьянина. Англичане создали в Индии новую касту, или новый класс — класс людей, получивших английское воспитание, живущих в своем собственном мире, оторванных от массы населения и всегда, даже когда они выражают протест, ориентирующихся на своих правителей. Ганди в некоторой степени уменьшил эту пропасть и заставил таких людей повернуться лицом к своему народу.

Отношение Ганди к применению машинного оборудования постепенно менялось. «Я возражаю, — сказал он, — против чрезмерного увлечения машинами, но я не против машин как таковых». «Если бы мы могли иметь электричество в каждом крестьянском доме, я ничего не имел бы против того, чтобы

крестьяне пользовались им для приведения в действие своих орудий и станков». По его мнению, крупные машины неизбежно ведут, во всяком случае при нынешних обстоятельствах, к концентрации мощи и богатства. «Я считаю грехом и несправедливостью использовать машины для концентрации мощи и богатства в руках немногих, — говорил он. — Сегодня машина используется именно для этого». Он даже признал необходимость создания ряда отраслей тяжелой промышленности, широкого развития основных отраслей промышленности и коммунальных предприятий при условии, если они будут находиться в руках государства и их существование не будет препятствовать развитию некоторых видов кустарной промышленности, которые он считал также необходимыми. «Вся эта программа окажется построенной на песке, если она не будет опираться на прочный фундамент экономического равенства», — сказал он о своих предложениях.

Таким образом, даже горячие сторонники кустарной и мелкой промышленности признают, что в некоторой степени крупная промышленность необходима и развитие ее неизбежно; они хотели бы только максимально ее ограничить. На первый взгляд может показаться, что речь идет об установлении соотношения между двумя способами производства, двумя экономическими укладами, о том, на что должен был быть сделан упор. Трудно возражать против того, что в современном мире ни одна страна не может быть независимой в политическом и экономическом отношении даже в рамках международной взаимозависимости, если она не является высоко индустриальной и не развила в максимальной степени свои энергетические ресурсы. Страна не может также достичь высокого уровня жизни или поддерживать его и ликвидировать нищету без помощи современной техники почти во всех областях жизни. Отсталая в промышленном отношении страна всегда будет нарушать мировое равновесие и вызывать агрессивные тенденции у более развитых стран. Даже если она и сохранит политическую независимость, эта последняя будет лишь номинальной, а контроль над экономикой перейдет к другим. Потеря контроля неизбежно приведет к подрыву основанной на мелкой промышленности экономики, которую она пытается сохранить, следуя своим взглядам на жизнь. Таким образом, попытка строить экономику, опирающуюся главным образом на кустарную и мелкую промышленность, обречена на неудачу. Это не разрешит основных проблем, стоящих перед страной, и не обеспечит сохранение ее свободы; она сможет занять место в мировом хозяйстве только в качестве колониального придатка.

Возможно ли, чтобы страна имела одновременно два совершенно различных экономических уклада, из которых один основан на крупной машинной промышленности и индустриализации, а другой — в основном на кустарной промышленности? Это вряд ли возможно, так как один уклад должен подавить другой,

и нет сомнений в том, что крупная машинная промышленность возьмет верх, если только это не будет предотвращено насильственными мерами. Таким образом, речь идет не просто о сочетании двух способов производства, двух экономических укладов. Один способ должен быть господствующим, главным, а другой — подчиненным и приспособляющимся по мере возможности к первому. Экономика, основанная на последних достижениях техники, естественно, окажется господствующей. Если техника требует крупных машин, как мы видим это теперь повсюду, то надо дать дорогу крупному машинному оборудованию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Там, где техника это позволяет, желательно децентрализовать производство. Во всяком случае, следует придерживаться новейшей техники, а сохранение отживших и устарелых методов производства, если только они не рассматриваются в качестве временной меры, паллиатива, было бы тормозом для роста и развития.

Все рассуждения об относительных преимуществах мелкой и крупной промышленности кажутся совершенно беспредметными сегодня, когда весь мир, все крупнейшие события в мировой жизни уже решили вопрос в пользу последней. Даже в Индии решение принято самой жизнью, и никто не сомневается в том, что в ближайшем будущем наша страна будет быстро индустриализироваться. Она уже проделала большой путь в этом направлении. Вред неограниченной и бесплановой индустриализации теперь уже всеми признается. Другой вопрос — является ли это зло необходимым спутником тяжелой промышленности, или же оно плод социальной и экономической системы, на которой эта последняя основывается. Если главное значение имеет экономическая система, то мы, безусловно, должны взяться за изменение этой системы, вместо того чтобы осуждать неизбежное и желательное для нас развитие техники.

Подлинная проблема заключается не в установлении количественного соотношения и равновесия между разнородными и несовместимыми элементами и методами производства, а в качественном переходе к чему-то другому и новому, переходе, который повлечет за собой самые разнообразные социальные последствия. Экономическая и политическая сторона этого качественного сдвига имеет большое значение, но не меньшее значение имеет социальная и психологическая сторона. В частности в Индии, в стране, где мы слишком долго были прикованы к старым формам и способам мышления и действия, необходимы новые навыки, новые процессы, порождающие новые идеи и раскрывающие новые горизонты. Таким образом мы изменим характер нашей жизни — из неподвижной она станет динамичной и активной, а сами мы проникнемся духом действия и предприимчивости. Новая обстановка ведет к новому опыту, поскольку сознание вынуждено приспособливаться к меняющейся обстановке.

В настоящее время признано, что школьное образование детей должно быть тесно связано с каким-то физическим трудом или изучением ремесла. Это активизирует ум и этим достигается координация между умственным и физическим развитием. Таким образом, машина стимулирует умственное развитие мальчика или девочки. Они развиваются под влиянием машины (для этого, конечно, должны быть созданы соответствующие условия, и дети не должны быть несчастными жертвами эксплуатации), перед ними раскрываются новые горизонты. Простейший научный опыт, наблюдение в микроскоп, объяснение обычных явлений природы возбуждают мысль, помогают понять некоторые жизненные процессы, вызывают стремление экспериментировать, искать новое, вместо того чтобы основываться на готовых формулах. Растет уверенность в себе, растет дух сотрудничества, исчезает угнетенное состояние, порожаемое миазмами прошлого. К этому ведет цивилизация, основанная на непрерывном движении и развитии техники. Подобная цивилизация является крупным сдвигом, почти скачком по сравнению со старой цивилизацией, и она тесно связана с современной индустриализацией. Она неизбежно влечет за собой новые проблемы и трудности, но она указывает также пути их разрешения.

Я имею склонность к литературному образованию, я восхищаюсь классиками, но я совершенно уверен в том, что всем мальчикам и девочкам необходимо изучение основ физики, химии и особенно биологии, а также прикладных наук. Только таким образом они смогут понять современный мир, приспособиться к нему и хотя бы в какой-то степени развить в себе научное мышление. Есть что-то чудесное в огромных достижениях науки и современной техники (которые, без сомнения, достигнут новых вершин в ближайшем будущем), в необыкновенно искусных научных приборах, в поразительно сложных и в то же время мощных машинах, во всем том, что является результатом смелого научного искания и его практического применения, в возможности заглянуть в таинственную мастерскую природы, в грандиозном размахе, который приобрела наука силами множества ее работников в области теории и прикладных знаний и прежде всего в том факте, что все это создано умом человека.

ПРЕПЯТСТВИЯ РАЗВИТИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА. ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВМЕСТО ОБЫЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Тяжелая промышленность была представлена в Индии металлургическими заводами компании «Тата» в Джамшедпуре. В стране не было других предприятий такого типа; остальные машиностроительные заводы представляли собой фактически ремонтные мастерские. Но даже развитие предприятий компании «Тата» замедлялось политикой правительства. Во время первой

мировой войны, когда ощущался недостаток в паровозах, железнодорожных вагонах и платформах, фирма «Тата» решила строить паровозы, и даже, насколько мне известно, для этого было ввезено оборудование. Но после окончания войны правительство Индии и Управление железных дорог (являющееся ведомством центрального правительства) решили попрежнему покровительствовать ввозу паровозов из Англии. Разумеется, для сбыта паровозов не существует частного рынка, поскольку железные дороги либо являются государственными, либо принадлежат английским компаниям; поэтому фирме «Тата» пришлось отказаться от намерения организовать паровозостроение.

Для того чтобы Индия развивалась в промышленном и других отношениях, она должна иметь крупную металлургическую и машиностроительную промышленность, научно-исследовательские учреждения и развитое производство электроэнергии. Эти три основных условия являются предпосылкой всякого планирования, и Национальный комитет по планированию придавал им чрезвычайно большое значение. У нас не было ни одной из этих трех основ, и поэтому развитие промышленности постоянно заходило в тупик. Прогрессивная политика могла бы быстро устранить эти трудности, но политика правительства далеко не была прогрессивной — она явно препятствовала развитию в Индии тяжелой промышленности. Даже когда началась вторая мировая война, не был разрешен ввоз необходимого оборудования; впоследствии это оправдывали транспортными затруднениями. В Индии не было недостатка ни в капиталах, ни в квалифицированных кадрах, не хватало только оборудования, и промышленники настойчиво требовали его. Если бы им были предоставлены возможности для ввоза оборудования, то не только значительно улучшилось бы экономическое положение Индии, но могла бы измениться вся картина войны на дальневосточных театрах. Многие важнейшие материалы, которые приходилось доставлять преимущественно самолетами ценой больших затрат и трудностей, могли быть изготовлены в Индии. Индия могла в подлинном смысле слова стать арсеналом для Китая и всего Востока и достигнуть не меньшего индустриального развития, чем Канада или Австралия. Но как ни велики были потребности, вызванные войной, никогда не упускались из вида будущие интересы английской промышленности, и было сочтено нежелательным развивать в Индии промышленность, которая могла бы после войны конкурировать с английской. Эта политика не была секретной: о ней писали в английских газетах, о ней постоянно говорили и против нее протестовали в Индии.

Основатель металлургической фирмы «Тата», Джамшеджи Тата, был достаточно дальновиден, чтобы создать в Бангалуре Индийский научно-исследовательский институт. В Индии очень мало учреждений такого рода; остальные — это

государственные учреждения с ограниченными задачами. Таким образом, обширная область научного и промышленного исследования находилась почти в полном забвении, тогда как в США и в Советском Союзе имеются тысячи институтов, академий и специальных лабораторий. Только в Бангалуре и в университетах велась кое-какая работа. Вскоре после начала второй мировой войны были предприняты попытки активизировать научно-исследовательскую работу, которая, несмотря на свой ограниченный характер, все же дала хорошие результаты.

Препятствия чинились не только развитию судостроения и паровозостроения, но также и созданию автомобильной промышленности. За несколько лет до второй мировой войны начались предварительные работы, и все было подготовлено к созданию этой отрасли промышленности при участии одной из крупнейших американских фирм. В Индии уже действовало несколько автосборочных заводов; теперь предполагалось изготавливать в стране все части, используя для этого индийский капитал и индийские административные и технические кадры. Была достигнута договоренность с американским концерном об использовании его патентов; он также предоставлял на первое время своих квалифицированных рабочих и инженеров. Правительство провинции Бомбей, состоявшее в то время из конгрессистов, обещало всяческое содействие. Комитет по планированию проявил большой интерес к этому проекту. Фактически все уже было сделано, и осталось только ввезти оборудование. Однако государственный секретарь по делам Индии не одобрил этого и запретил ввоз оборудования. По его словам, «любая попытка создать в настоящее время эту промышленность отвлекла бы как рабочую силу, так и оборудование, которые более настоятельно необходимы для ведения войны». Это было в первые месяцы войны, в так называемый период «странной войны». Ему указали, что имеется большое количество незанятых рабочих, в том числе и квалифицированных. Ссылка на потребности военного времени тоже производила странное впечатление, ибо именно во время войны необходим автотранспорт. Но находившийся в Лондоне государственный секретарь по делам Индии, которому принадлежало решающее слово, не был тронут этими доводами. Сообщали также, что другая мощная американская автомобильная корпорация, конкурировавшая с первой, была против создания в Индии автомобильной промышленности, поскольку это делалось не через нее.

Транспорт стал одной из труднейших проблем в Индии. Недоставало грузовиков, горючего, паровозов, железнодорожных вагонов, даже угля. Почти все эти трудности можно было бы преодолеть значительно легче, если бы предложения, выдвинутые до войны от имени Индии, не были отвергнуты. И паровозы, и вагоны, и грузовики, а также и бронемашины изготовлялись бы в Индии. Производство технического спирта могло

бы значительно уменьшить дефицит бензина. Что же касается угля, то он имеется в Индии в достаточном количестве: запасы его огромны, но уровень добычи его был очень низок. Фактически во время войны добыча угля даже снизилась, несмотря на возросшую потребность. Условия труда в угольных шахтах были так плохи, а заработная плата так низка, что рабочие не шли туда работать. В конце концов было отменено запрещение допускать женщин к работе под землей, поскольку женщины соглашались работать и при существующей заработной плате. Не было сделано никаких попыток реконструировать угольную промышленность, улучшить условия труда и повысить заработную плату, чтобы привлечь туда рабочих. Недостаток угля сильно затруднял развитие промышленности, и даже существующие предприятия вынуждены были прекращать работу.

Сотни автомобилей и тысячи железнодорожных вагонов были отправлены из Индии на Средний Восток, что усугубило транспортные затруднения в Индии. В некоторых случаях даже снимали рельсы, чтобы отправить их в другое место. Поражало легкомыслие, с которым все это делалось без всякого учета последствий. Не было никакого планирования, никакого предвидения, и частичное разрешение одной проблемы немедленно влекло за собой возникновение более серьезных трудностей.

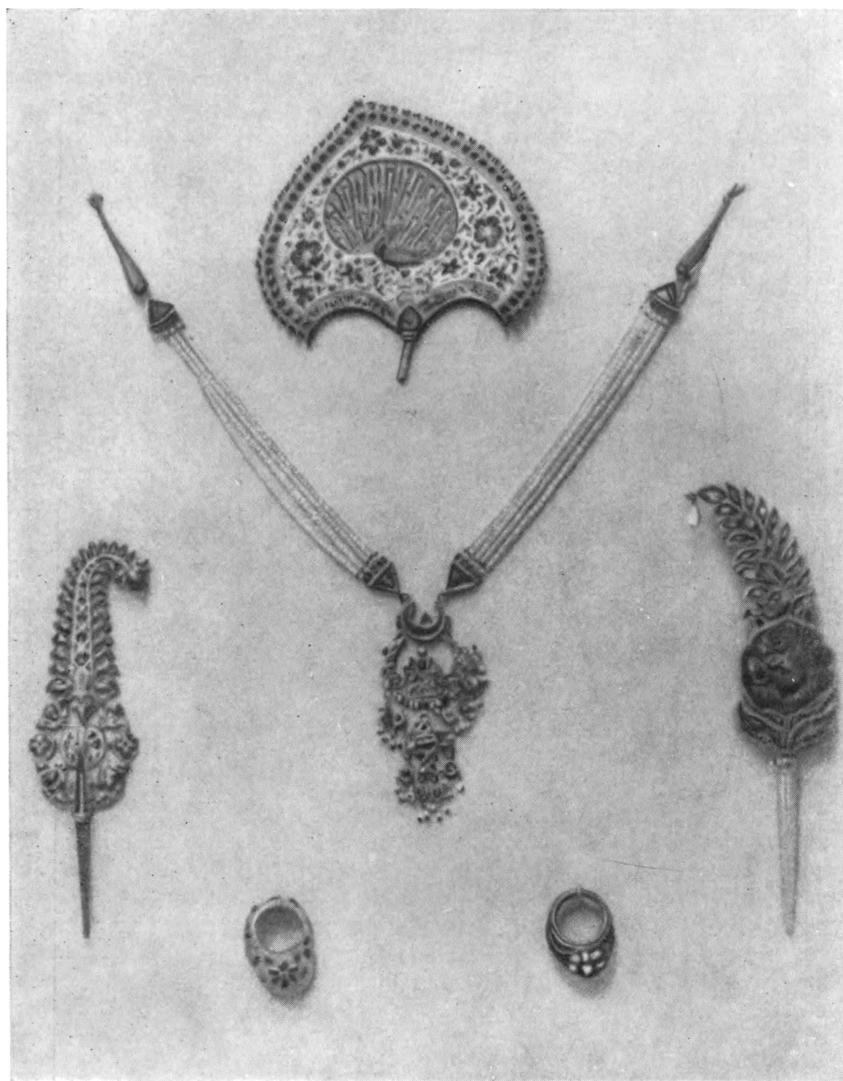
В конце 1939 или в начале 1940 года была сделана попытка создать в Индии авиационную промышленность. Снова была достигнута договоренность с американской фирмой; правительству Индии и высшим военным органам Индии были посланы срочные телеграммы с просьбой дать согласие. Ответа не последовало. После неоднократных напоминаний пришел ответ, отвергавший этот план. Зачем строить самолеты в Индии, когда их можно приобрести в Англии или в Америке?

До войны в Индию ввозилось из Германии большое количество медикаментов и вакцин. В связи с войной этот ввоз прекратился. Немедленно было выдвинуто предложение изготавливать некоторые из наиболее ценных вакцин и медикаментов в Индии. Это производство нетрудно было наладить в некоторых государственных институтах. Правительство Индии на это не согласилось на том основании, что все необходимое может быть получено через концерн «Импириэл кемикл индастрис». Когда было указано, что все это можно значительно дешевле производить в Индии и тем обеспечить как нужды армии, так и населения без какой-либо частной выгоды, высшие власти выразили негодование по поводу того, что к вопросам государственной политики примешивают какие-то низменные соображения. «Правительство — не коммерческое предприятие!» — было сказано в ответ.

Правительство не было коммерческим предприятием... Этому гигантскому тресту были предоставлены большие льготы, но даже без этих льгот он обладал такими огромными ресурсами,

АКБАР УЗНАЕТ О РОЖДЕНИИ СВОЕГО ПЕРВЕНЦА, ПРИНЦА САЛИМА, в 1569 г.
ПЕРВОД МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ. КОНЕЦ 16 ВЕКА
(Музей Виктории и Альберта.)

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПЕРИОДА МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ. 17 ВЕК.
(Музей Виктории и Альберта.)

что ни одна индийская фирма, за исключением, пожалуй, компании «Тата», не могла бы конкурировать с ним. А кроме того, он обладал мощной поддержкой как в Индии, так и в Англии. Через несколько месяцев после того, как лорд Линлитгоу покинул пост вице-короля Индии, он появился в новой роли — директора «Импириэл кемикл».

Будучи вице-королем, лорд Линлитгоу заявил в декабре 1942 года: «Мы достигли огромных результатов в области снабжения. Индия внесла выдающийся по значению и ценности вклад... За первые шесть месяцев войны сумма размещенных заказов составила приблизительно 29 крор¹. В последующие месяцы, с апреля по октябрь 1942 года, эта сумма достигла 137 крор. За весь период до конца 1942 года сумма составила не менее 428 крор, причем эта цифра не включает стоимости работы, выполненной на военных заводах, которая весьма велика». Это совершенно верно, и с тех пор, как эти слова были произнесены, вклад Индии в военные усилия колоссально вырос. Можно было бы предположить, что, следовательно, имел место значительный рост промышленной активности и индекс промышленного производства значительно повысился. Но, как это ни странно, больших изменений не произошло. В 1938/39 году индекс промышленного производства Индии (принимая уровень 1935=100) составил 111,1. В 1939/40 году он составил 114,0; в 1940/41 году он колебался между 112,1 и 127,0; в марте 1942 года он составил 118,9; в апреле 1942 года индекс снизился до 109,2, а затем постепенно повышался и в июле 1942 года достиг 116,2. Эти цифры неполны, поскольку они не включают производство боеприпасов и некоторой продукции химической промышленности. Тем не менее они очень важны и характерны.

Поразительно то, что в июле 1942 года вся промышленная продукция Индии, за исключением производства боеприпасов и т. д., лишь не намного превышала довоенный уровень. Непродолжительное повышение имело место в декабре 1941 года, когда индекс подскочил до 127,0, но затем он снова снизился. И тем не менее стоимость государственных заказов промышленным предприятиям постепенно возрастала. За шесть месяцев, с октября 1939 года по март 1940 года, сумма этих заказов, по словам лорда Линлитгоу, составила 290 миллионов рупий, а за полгода, с апреля по октябрь 1942 года, — 1370 миллионов рупий.

Таким образом, все эти колоссальные военные заказы не означают роста общего промышленного производства, а лишь указывают на значительное переключение обычного производства на производство для специальных военных целей. В тот период они обеспечивали военные нужды, но ценой колоссального снижения производства для гражданских нужд. Разумеется, это

¹ Крор равен 10 миллионам рупий.

имело далеко идущие последствия. В то время как в Лондоне возрастал стерлинговый долг в пользу Индии, а деньги скапливались в руках небольшой группы лиц в Индии, страна в целом была лишена самых необходимых товаров; в обращении находилась колоссальная, непрерывно возрастающая масса бумажных денег, цены росли и временами достигали фантастических размеров. Уже к середине 1942 года налицо был продовольственный кризис; осенью 1943 года в Бенгалии и в других районах Индии голод унес миллионы людей. Тяготы войны и связанной с ней государственной политики обрушились на плечи десятков миллионов индийцев, оказавшихся неспособными вынести их, и уничтожили огромное количество людей, погибших самой страшной смертью — смертью от голода.

Данные, которые я привел, охватывают конец 1942 года; более поздних данных у меня нет. Возможно, что в дальнейшем произошли некоторые сдвиги и что в настоящее время индекс промышленного производства в Индии выше¹. Однако картина, которую дают эти цифры, не претерпела существенных изменений. Продолжаются те же самые процессы, те же кризисы следуют один за другим, попрежнему прибегают к лоскутным мерам и паллиативам, попрежнему отсутствует плановый, широкий подход к проблемам, попрежнему предпочтение дается настоящим и будущим интересам английской промышленности, а тем временем люди как и раньше погибают от недоедания и от эпидемий.

Верно, что некоторые из существующих отраслей промышленности, в частности текстильная, черная металлургия и джутовая, весьма процветали. Возросло число миллионеров среди магнатов промышленности, обладателей военных контрактов, стяжателей и спекулянтов; крупные суммы скопились в руках узкой верхушки индийского общества, несмотря на высокий налог на сверхприбыль. Но рабочие, как правило, ничего не получили от этого. Индийский профсоюзный деятель Н. М. Джоши заявил на заседании Центрального законодательного собрания, что во время войны положение рабочих в Индии ухудшилось. Землевладельцы и средние фермеры, особенно в Пенджабе и

¹ Но это не так. Калькуттский журнал «Кэпитл» от 9 марта 1944 года дает следующие цифры индекса промышленной продукции Индии (1935/36=100):

1938/39	111,1
1939/40	114,0
1940/41	117,3
1941/42	122,7
1942/43	108,8
1943/44	108,0 (ориентировочно)
1944 (январь)	111,7

Эти цифры не включают производство вооружения. Таким образом, после четырех с лишним лет войны уровень промышленного производства Индии в целом был фактически даже ниже, чем в довоенное время.

Синде, благоденствовали, но огромное большинство сельского населения тяжело пострадало в условиях, созданных войной. Инфляция и рост цен все больше разоряли массу потребителей.

В середине 1942 года в Индию прибыла американская техническая миссия — комиссия Грэди — для обследования промышленности и разработки предложений относительно увеличения производства. Разумеется, эта комиссия интересовалась только производством для военных целей. Доклад ее не был опубликован — возможно, потому, что это было запрещено правительством Индии. Однако о некоторых предложениях этой комиссии было сообщено. В них рекомендовалась организация производства технического спирта, развитие сталелитейной промышленности, увеличение производства электроэнергии, расширение производства алюминия и очищенной серы и проведение рационализации в ряде отраслей. Комиссия рекомендовала также создание по американскому образцу особого органа для контроля над производством, обладающего большими полномочиями и независимого от существующих государственных учреждений. Комиссия Грэди явно не была в восторге от медлительности, небрежности и неумелости, выявившихся в работе правительства Индии, на которое не подействовала даже тотальная война. Но зато комиссия была поражена высокой производительностью и организованностью заводов «Тата», крупного предприятия, которым руководили исключительно индийцы. В предварительном докладе комиссии Грэди говорилось также: «Миссия была поражена высокими качествами и превосходными способностями индийских рабочих. У индийца искусные руки; и если ему создать удовлетворительные условия труда и гарантировать заработок, он будет надежным и старательным работником»¹.

За последние два-три года в Индии выросла химическая промышленность, некоторые успехи сделало судостроение и зародилась авиационная промышленность. Все военные предприятия, включая джутовые и текстильные фабрики, получили огромные прибыли, несмотря на высокий налог на сверхприбыль; накоплены большие капиталы. Правительство Индии запретило капиталовложения в новые промышленные предприятия. В последнее время в этом отношении было допущено некоторое послабление, хотя ничего определенного нельзя будет предпринять до окончания войны. Однако и это небольшое послабление вызвало в деловых кругах новый подъем. Разрабатываются грандиозные планы промышленного развития. Индия, рост которой так долго задерживался, повидимому, находится на пороге широкой индустриализации.

¹ В связи с тем, что доклад комиссии Грэди был положен под сукно, выходящая в Бомбее газета «Коммерс» писала 28 ноября 1942 года: «Все дело в том, что впечательные зарубежные круги стремятся не допустить дальнейшей индустриализации нашей страны, чтобы в послевоенном мире Западу не угрожала конкуренция со стороны Востока».

Глава девятая

ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ (3). ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ОПРЕДЕЛЯЕТ СВОЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Национальный конгресс, подобно всем другим политическим организациям в Индии, долгое время был всецело поглощен проблемами внутренней политики и уделял внешнеполитическим событиям мало внимания. В двадцатых годах он начал проявлять некоторый интерес к международным делам. Подобного интереса не проявляла ни одна другая организация, если не считать небольших групп социалистов и коммунистов. Мусульманские организации интересовались Палестиной и время от времени принимали резолюции, в которых выражали свою солидарность с тамошними арабами-мусульманами. Они внимательно следили за воинствующим национализмом в Турции, Египте и Иране, однако не без некоторых сомнений, ибо национализм этот носил светский характер и вел к реформам, которые не вполне согласовались с их представлениями о мусульманских традициях. Национальный конгресс постепенно выработал собственную внешнеполитическую линию, основанную на ликвидации политического и экономического империализма во всем мире и установлении сотрудничества между свободными странами. Эти принципы находились в согласии с требованием о предоставлении независимости Индии. Еще в 1920 году Конгресс принял резолюцию о внешней политике. В этой резолюции подчеркивалось наше желание сотрудничать с другими странами и в особенности установить дружественные отношения со всеми соседними государствами. Позднее Конгресс рассмотрел также вопрос о возможности новой большой войны и в 1927 году, за двенадцать лет до начала второй мировой войны, уже определил свою политику в этом вопросе.

Это было за пять или шесть лет до прихода Гитлера к власти и до начала японской агрессии в Маньчжурии. Муссолини укреплял свою власть в Италии, однако в то время он еще не проявил себя в качестве серьезной угрозы всеобщему миру. Фашистская Италия находилась в дружественных отношениях с Англией, и английские государственные деятели восхищались дуче.

В Европе было в то время несколько мелких диктаторов, и все они, как правило, поддерживали хорошие отношения с английским правительством. В то же время в отношениях между Англией и Советской Россией наступил полный разрыв: был совершен налет на Аркос, и дипломатические представители были отозваны. Англия и Франция проводили в Лиге наций и в Международном бюро труда явно консервативную политику. В то время как все представленные в Лиге наций страны, а также и США в ходе бесконечных дискуссий о разоружении высказались за полное запрещение воздушных бомбардировок, Англия сделала ряд существенных оговорок. Английское правительство на протяжении многих лет использовало самолеты, как оно выражалось, «в полипейских целях» — для бомбардировки городов и селений в Ираке и в Северо-западном пограничном районе Индии. Оно отстаивало это свое «право», препятствуя тем самым достижению какого-либо общего соглашения по этому вопросу в Лиге наций, а впоследствии на конференции по разоружению.

Германия — Германия Веймарской республики — стала полноправным членом Лиги наций. Локарно превозносили как предвестника вечного мира в Европе и триумф английской политики; другая точка зрения на все эти события состояла в том, что происходит изоляция Советской России и против нее создается единый фронт в Европе. Россия тогда только что отменила десятиую годовщину своей революции. Она установила дружественные связи с различными восточными странами — Турцией, Ираном, Афганистаном и Монголией.

Китайская революция также развивалась весьма успешно, и националистические армии завладели половиной Китая. При этом они пришли в столкновение с иностранными, в особенности с английскими, интересами в портовых городах и в глубинных районах страны. Впоследствии в гоминдане возникли внутренние раздоры, и он раскололся на соперничающие друг с другом группировки.

В международных отношениях чувствовалось постепенное движение в сторону серьезного конфликта между Англией и Францией, возглавлявшими европейскую группу стран, и Советской Россией, связанной с рядом восточных стран. Соединенные Штаты Америки держались в стороне от обеих этих групп: глубокое отвращение к коммунизму отдаляло их от России, а недоверие к английской политике и конкуренция с Англией в области финансов и промышленности препятствовали объединению их с английской группировкой. Помимо всех этих соображений, в Америке сказывались изоляционистские настроения и страх оказаться вовлеченными в европейские раздоры.

В этих условиях общественное мнение Индии, разумеется, было на стороне Советской России и восточных стран. Это не означало, что коммунизм встречал одобрение в сколько-нибудь широких кругах, хотя социалистические идеи завоевывали все

большее число приверженцев. Успехи китайской революции вызывали восторг как предвестники близящегося освобождения Индии и ликвидации европейской агрессии в Азии. Мы стали интересоваться националистическими движениями в Голландской Индии, Индо-Китае, а также в странах Западной Азии и в Египте. Превращение Сингапура в крупную военно-морскую базу и расширение гавани Тринкомали на Цейлоне представлялись нам частью общих приготовлений к будущей войне, в которой Англия будет пытаться укрепить и упрочить свои империалистические позиции и сокрушить Советскую Россию, а также поднимающиеся националистические движения Востока.

Такова была обстановка, в которой Национальный конгресс начал в 1927 году определять свой внешнеполитический курс. Конгресс заявил, что Индия не может принимать участие в империалистической войне и что ни при каких обстоятельствах нельзя принуждать ее к вступлению в какую бы то ни было войну не заручившись согласием ее народа. В последующие годы эта декларация была неоднократно повторена и в соответствии с нею велась широкая пропаганда. Эта декларация стала одной из основ политики Национального конгресса, а также, как это признавалось всеми, и политики Индии. Ни один человек и ни одна организация в Индии не выступили против нее.

Между тем в Европе совершались перемены, появились Гитлер и нацизм. Конгресс немедленно отозвался на эти перемены и осудил их, ибо Гитлер и его доктрина казались прямым воплощением и усилением того самого империализма и расизма, против которых Конгресс вел борьбу. Японская агрессия в Маньчжурии вызвала еще более сильную реакцию ввиду нашей симпатии к Китаю. Японо-китайская война, события в Абиссинии, Испании, Чехословакии и Мюнхен усиливали все эти настроения и напряженность в связи с приближением войны.

Однако эта грядущая война, повидимому, должна была отличаться от той, какую мы себе представляли до появления Гитлера. И тем не менее английская политика была почти неизменно профашистской и пронацистской, и трудно было поверить, что она может в один прекрасный день измениться и провозгласить защиту свободы и демократии. Англия упорно продолжала держаться своих основных империалистических воззрений и стремилась сохранить свою империю, она также оставалась глубоко враждебной к России и ко всему тому, что Россия собой олицетворяла. Однако становилось все более очевидным, что, несмотря на все желания умиротворить Гитлера, он превращался в господствующую силу в Европе, которая полностью нарушала прежнее равновесие сил и угрожала жизненным интересам Британской империи. Война между Англией и Германией становилась вероятной. Какой же должна быть наша политика в случае возникновения этой войны? Как сможем мы примирить два основных направления нашей политики — оппозицию

английскому империализму и оппозицию фашизму и нацизму? Как мы сумеем согласовать наш национализм с нашим интернационализмом? Это был трудный вопрос при существующих обстоятельствах, трудный для нас, однако он не представил бы никаких трудностей, если бы английское правительство предприняло шаги, показывающие нам, что оно отказалось от своей империалистической политики в Индии и намерено полагаться на добрую волю народа.

В споре между национализмом и интернационализмом победу должен был одержать национализм. Так бывало в любой стране при всяком кризисе, а в стране, находящейся под чужеземным господством и хранящей горькую память о непрерывной борьбе и страданиях, это должно было быть неминуемым, неизбежным результатом. Англия и Франция изменили республиканской Испании и предали Чехословакию, принеся тем самым интернационализм в жертву тому, что они ошибочно, как это показали последующие события, считали своими национальными интересами. Соединенные Штаты Америки придерживались изоляционизма, несмотря на их очевидное сочувствие Англии, Франции и Китаю и ненависть к нацизму, японскому милитаризму и агрессии. Только Пирл Харбор заставил их ринуться в пучину войны. Советская Россия, этот символ интернационализма, проводила строго национальную политику, повергая тем самым в смущение многих своих друзей и сторонников. Только внезапное нападение германских армий, совершенное без предупреждения, втянуло СССР в войну. Скандинавские страны, Голландия и Бельгия пытались избежать войны и осложнений в тщетной надежде спасти себя, и все же война их настигла. Турция в течение пяти лет с трудом балансировала на тонком острие не очень строгого нейтралитета, руководствуясь исключительно национальными соображениями. Египет, который при всей его видимой независимости остается до сих пор полуколониальной страной и представляет собой один из главных театров военных действий, находится в странном и ненормальном положении. Фактически это воюющая сторона, полностью находящаяся под контролем вооруженных сил Объединенных наций, и в то же время, повидимому, он не является воюющей стороной.

Все эти разновидности политического курса, избранные различными правительствами и странами, могут иметь свое объяснение или оправдание. Демократическая страна не может ринуться в войну, не подготовив предварительно свой народ и не заручившись его сотрудничеством. Даже авторитарное государство должно заранее подготовить почву. Но каковы бы ни были выдвигаемые при этом причины или оправдания, совершенно очевидно, что как только возникал кризис, решающее значение приобретали национальные соображения или то, что принималось за таковые, все же остальное, не согласующееся с

этими соображениями, отметилась. Поразительно, как во время мюнхенского кризиса сотни международных обществ, антифашистских лиг и других организаций в Европе лишились дара речи; стали бессильными и недейственными. Отдельные лица и небольшие группы людей могут проникнуться духом интернационализма и даже способны принести свои личные и непосредственные национальные интересы в жертву более высокой цели. Но народы относятся к этому иначе. Интернациональные интересы вызывают у них энтузиазм лишь тогда, когда, по их мнению, они согласуются с интересами национальными. Несколько месяцев назад лондонский «Экономист», касаясь английской внешней политики, писал: «Только такая внешняя политика, которая обеспечивает полную и очевидную защиту национальных интересов, имеет шансы на то, что она будет проводиться последовательно. Ни одно государство не ставит интересы международного сообщества выше своих собственных интересов. Лишь при совпадении тех и других возможен сколько-нибудь действенный интернационализм».

Только в свободной стране может развиваться интернационализм, ибо все помыслы и вся энергия поработенной страны направлены к достижению собственной свободы. Это поработенное состояние подобно внутренней раковой опухоли, которая не только делает невозможным исцеление пораженного органа тела, но и действует как постоянный раздражитель на мозг человека, придавая определенную окраску всем его мыслям и поступкам. Оно содержит в себе конфликт, который приковывает к себе все мысли и не дает возможности рассмотреть более широкие проблемы. История длинного ряда прошлых конфликтов и страданий вечно живет в сознании отдельной личности и всего народа. Она становится навязчивой идеей, всепоглощающей страстью, от которой невозможно избавиться иначе, как устранив причину, породившую ее. Но даже и в этом случае, когда ощущение поработенности пропадает, излечение совершается медленно, ибо духовные раны заживают медленнее, чем раны телесные.

Такая обстановка давно уже существует в Индии, и все же Ганди сумел придать нашему националистическому движению новое направление, несколько ослабившее сознание тщетности наших усилий и чувство горечи. Эти чувства продолжали существовать, но я не знаю другого националистического движения, которому было бы в такой мере чуждо чувство ненависти. Ганди был пламенным националистом, но в то же время он был человеком, который сознавал, что ему есть что сказать не только Индии, но и всему человечеству, и он горячо жаждал всеобщего мира. Его национализм, таким образом, отличался определенной мировой ориентацией и был совершенно свободен от каких бы то ни было агрессивных устремлений. Желая независимости для Индии, он вместе с тем пришел к убеждению, что единственно

правильной целью, хотя бы и осуществимой лишь в отдаленном будущем, является создание всемирной федерации взаимозависимых государств. Он говорил: «Национализм в моем понимании значит, что моя страна должна обрести свободу, что, если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество могло жить. Здесь нет места расовой ненависти. Пусть это будет нашим национализмом». И далее: «Я хочу мыслить в масштабах всего мира. Мой патриотизм включает благо всего человечества. Поэтому мое служение Индии включает служение человечеству... Целью государств мира является не изолированная независимость, а добровольная взаимозависимость. Лучшие умы мира желают сегодня видеть не абсолютно независимые государства, воюющие друг с другом, а федерацию дружественных взаимозависимых государств. Осуществление этой идеи может оказаться делом далекого будущего. Я не хочу предъявлять каких-либо чрезмерных претензий от имени нашей страны. Но я не вижу ничего чрезмерного или невозможного в том, чтобы выразить наше согласие на всеобщую взаимозависимость вместо независимости. Я желаю иметь возможность быть совершенно независимым, не утверждая своей независимости».

По мере того как националистическое движение крепло и обретало уверенность в своих силах, многие стали мыслить о свободной Индии: какою она будет, что она будет делать и каковы будут ее отношения с другими странами. Огромные размеры страны, ее потенциальная мощь и ресурсы уже сами по себе заставляли мыслить большими масштабами. Индия не могла быть простой приспешницей какой-либо страны или группы государств; ее освобождение и рост должны были оказать огромное влияние на Азию, а следовательно, и на весь мир. Это неизбежно порождало мысль о полной независимости и о разрыве уз, связывавших ее с Англией и с Британской империей. Статус доминиона, хотя бы и приближающийся к независимости, казался нелепым ограничением и препятствием к полному развитию страны. Идея, лежавшая в основе статуса доминиона, — идея матери-родины, тесно связанной со своими дочерними странами, с которыми ее объединяет общность культурных традиций, — казалась совершенно неприложимой к Индии. Она, несомненно, означала расширение сферы международного сотрудничества, что было желательным, но в то же время она предполагала меньшую степень сотрудничества со странами, не входящими в эту империю, или содружество наций. Таким образом, эта идея превращалась в некий лимитирующий фактор, и в своих помыслах, исполненных упований на будущее, мы перешагнули эти границы и жаждали более широкого сотрудничества. В особенности мы думали об установлении более тесных связей с соседними нам странами на Востоке и на Западе — с Китаем, Афганистаном, Ираном и Советским Союзом. Мы желали более тесных связей даже с далекой Америкой, ибо мы могли многому

поучиться у Соединенных Штатов, так же как и у Советского Союза. Нам казалось, что мы исчерпали свои возможности научиться чему-нибудь еще у Англии и что, во всяком случае, мы можем лишь выгадать от связи друг с другом, встречаясь на началах равенства, после того как будут разорваны противоестественные узы, связывавшие нас.

Расовая дискриминация и обращение с индийцами в некоторых английских доминионах и колониях укрепляли нашу решимость порвать с этой группой стран. В частности, роль постоянного раздражителя играла Южная Африка, а также Восточная Африка и Кения, находившиеся под непосредственным управлением английских колониальных властей. Как это ни странно, каждый из нас в отдельности хорошо ладил с канадцами, австралийцами и новозеландцами, ибо они представляли новую традицию и были свободны от многих предрассудков англичан и от их социального консерватизма.

Говоря о независимости Индии, мы мыслили ее себе не в плане изоляции. Мы, быть может в большей мере, чем многие другие страны, понимали, что полная национальная независимость старого типа обречена на гибель и что должна наступить новая эра всемирного сотрудничества. Поэтому мы неоднократно давали понять, что вполне готовы вместе с другими странами ограничить эту независимость в рамках какой-то международной системы. Эта система должна была предпочтительно охватывать весь мир или же максимально большую часть его или же быть региональной. Британское содружество наций не отвечало ни одному из этих условий, хотя оно и могло являться частью более широкой системы.

Поразительно, насколько мы при всем нашем пламенном национализме прониклись духом интернационализма. Ничего подобного не наблюдалось ни в одном националистическом движении других поработанных стран: общая тенденция в этих странах была направлена на то, чтобы не связывать себя какими-либо международными обязательствами. В Индии тоже были люди, которым не нравилась наша солидарность с республиканской Испанией и Китаем, с Абиссинией и Чехословакией. Зачем настраивать против себя такие могущественные страны, как Италия, Германия и Япония? — говорили они. К каждому врагу Англии мы должны относиться, как к своему другу; идеализму не место в политике, которая имеет дело лишь с силой и ее надлежащим применением. Однако настроения масс, воспитанные Конгрессом, одержали верх над этими противниками, и они не осмеливались высказывать свои взгляды публично. Мусульманская лига неизменно хранила благоразумное молчание, не связывая себя какими-либо определенными высказываниями по поводу такого рода международных проблем.

В 1938 году Национальный конгресс послал в Китай медицинский отряд, состоявший из нескольких врачей со всем необ-

ходимым оборудованием и материалами. В течение нескольких лет этот отряд выполнял там полезную работу. В то время когда организовался этот отряд, председателем Национального конгресса был Субхас Бос. Он не одобрял мероприятий Конгресса, направленных против Японии, Германии или Италии. И все же таковы были настроения в Конгрессе и во всей стране, что он не противился этому или другим проявлениям солидарности Конгресса с Китаем и с жертвами фашистской и нацистской агрессии. В период его пребывания на посту председателя Национального конгресса мы приняли множество резолюций и организовали множество демонстраций, которых он не одобрял, но он был вынужден примириться с ними, не протестуя, ибо понимал, какие сильные чувства их вдохновляли. Между ним и другими членами Исполнительного комитета Национального конгресса имелись серьезные разногласия по вопросам как внешней, так и внутренней политики, и это привело в начале 1939 года к разрыву. После этого Субхас Бос стал публично осуждать политику Конгресса, и в начале августа 1939 года Исполнительный комитет предпринял весьма необычный шаг, применив против него, одного из своих бывших председателей, дисциплинарную меру.

ОТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА К ВОЙНЕ

Таким образом, Конгресс сформулировал и неоднократно провозглашал двустороннюю политику в отношении войны. С одной стороны, она выражала оппозицию к фашизму, нацизму и японскому милитаризму, как в связи с их внутренней политикой, так и в связи с их агрессией в отношении других стран, горячее сочувствие к жертвам этой агрессии и готовность принять участие в любой войне или любой иной попытке положить конец такой агрессии. С другой стороны, она делала упор на освобождение Индии — не только потому, что это было главной нашей целью, к достижению которой мы постоянно стремились, но и, в особенности, в связи с возможностью войны. Ибо мы утверждали, что только свободная Индия способна надлежащим образом участвовать в этой войне, только обрета свободу, могли бы мы преодолеть мучительное наследие наших прошлых отношений с Англией, зажечь энтузиазм в массах и мобилизовать наши обширные ресурсы. Без такой свободы новая война не отличалась бы от любой прежней войны, она была бы борьбой между империалистическими соперниками, попыткой отстоять и увековечить Британскую империю как таковую. Нам казалось нелепым и невозможным встать на защиту того самого империализма, против которого мы вели столь длительную борьбу. И даже если некоторые из нас, исходя из высших соображений, расценивали это как наименьшее из зол, мы были совершенно неспособны повести за собой наш народ. Только свобода могла развязать энергию масс и

обратить их ожесточение в горячее стремление служить общему делу. Иного пути не было.

Конгресс особенно требовал, чтобы Индию не вовлекали в какую бы то ни было войну без согласия ее народа или представителей этого народа и чтобы без такого согласия индийские войска не посылались для несения службы за границей. Последнее требование было также выдвинуто Центральным законодательным собранием, в состав которого входили представители различных группировок и партий. Индийский народ издавна негодовал по поводу того, что наши войска посылались за границу в империалистических целях, часто для покорения или подавления других народов, с которыми у нас не было решительно никаких поводов к ссорам и чьим усилиям вернуть себе свободу мы сочувствовали. Индийские войска использовались в качестве наемников в этих целях в Бирме, Китае, Иране, на Среднем Востоке и в различных районах Африки. Они становились символом английского империализма во всех этих странах и вызывали у их народов вражду к Индии. Я помню горькое замечание одного египтянина: «Вы не только потеряли свою собственную свободу, но еще и помогаете англичанам поработать других».

Две составные части этой двусторонней политики не вполне увязывались друг с другом, в них был элемент взаимной противоречивости. Но эта противоречивость была создана не нами: она была заложена в самих окружающих условиях и неизбежно проявлялась во всякой политике, которая возникала из этих условий. Мы неоднократно указывали на непоследовательность осуждения фашизма и нацизма при одновременном сохранении империалистического господства. Правда, фашизм и нацизм творили чудовищные преступления, в то время как империализм в Индии и в других местах стабилизировался. Однако это было различие лишь в степени и во времени, а не качественное различие. Кроме того, фашизм и нацизм были далеко от нас, о них мы только читали, тогда как империализм всегда был у наших дверей, окружал нас, наполнял собой всю атмосферу. Мы подчеркивали, что нелепо поднимать знамя демократии в других местах и в то же время лишать демократии нас в Индии.

Какая бы непоследовательность ни содержалась в нашей двусторонней политике, вопрос о том, что доктрина ненасилия может явиться помехой в оборонительной войне или в войне против агрессии, не поднимался.

Летом 1938 года я посетил Англию и европейский континент и в своих выступлениях, статьях и частных разговорах разъяснял нашу политику и указывал, сколь опасно предоставить события их течению или оставлять их в их тогдашнем состоянии. В разгар судетского кризиса встревоженные чехи спрашивали меня, как поступит Индия в случае войны. Опасность, нависшая над ними, была слишком близка и страшна, чтобы они могли принимать во внимание различные тонкости и старые обиды,

но, тем не менее, они понимали мою точку зрения и соглашались с ее логикой.

Примерно в середине 1939 года стало известно, что индийские войска посланы за границу, по всей вероятности в Сингапур и на Средний Восток. Тотчас же последовали громкие протесты против того, что это было сделано без ведома представителей народа. Естественно, что в период кризиса передвижения войск часто приходится осуществлять в секретном порядке. Но, несмотря на это, имелось множество различных способов поставить об этом в известность народных представителей. В составе Центрального законодательного собрания находились лидеры партий, а в каждой провинции имелись избранные народом правительства. В нормальных условиях центральное правительство должно было консультироваться с правительствами провинций и держать их в курсе ряда вопросов конфиденциального характера. Однако к представителям народа и к ясно выраженной воле нации не было проявлено хотя бы формального или номинального уважения. Через английский парламент предпринимались шаги к тому, чтобы дополнить принятый в 1935 году Закон об управлении Индией, которым определялась деятельность правительств провинций. В соответствии с этими дополнениями в случае военного кризиса вся полнота власти сосредоточивалась в руках центрального правительства. При нормальных условиях, в демократической стране, это могло бы явиться естественным и разумным шагом, если бы шаг этот был принят с согласия заинтересованных сторон. Общеизвестно, что объединенные на федеративных началах штаты, провинции и автономные административные единицы в федерации чрезвычайно ревниво относятся к своим правам и нелегко отказываются от них в пользу центральной администрации даже в период кризиса или чрезвычайных обстоятельств. Эта борьба за верховенство постоянно ведется в США, и в тот самый момент, когда пишутся эти строки, референдум в Австралии отклонил предложение о расширении полномочий федерального правительства в ущерб штатам даже для военных целей и на период войны. И это несмотря на то, что как в США, так и в Австралии центральное правительство и законодательные органы избираются народом и состоят из представителей этих же штатов. В Индии центральное правительство было и остается совершенно неотвественным и авторитарным, не избираемым и ни в каком отношении не подотчетным ни народу в целом, ни провинциям. Оно действовало исключительно как агент английского правительства. Расширить его власть за счет правительств провинций и законодательных собраний значило еще больше ослабить эти народные правительства и подорвать самую основу провинциальной автономии. Проекты такого рода вызывали глубокое возмущение. Мы считали, что они противоречат тем заверениям, которые были даны при формировании конгрессистских правительств,

и указывают на то, что война, как это бывало и в прошлом, будет навязана Индии без ведома ее выборных представителей.

Исполнительный комитет Национального конгресса заявил о своем решительном несогласии с этой политикой, которую он расценивал как проявление нарочитого пренебрежения к декларациям Конгресса и Центрального законодательного собрания. Он заявил, что считает своим долгом противиться любым принуждениям такого рода и не может примириться с тем, чтобы Индию связывали какими-либо далеко идущими политическими обязательствами без согласия на то ее народа. Он вновь заявил в начале августа 1939 года, что «в нынешнем мировом кризисе симпатии Рабочего комитета всецело на стороне народов, отстаивающих демократию и свободу. Конгресс неоднократно осуждал фашистскую агрессию в Европе, Африке и на дальнем востоке Азии, так же как и предательство демократии английским империализмом в Чехословакии и Испании». Но, указывалось далее в заявлении, «прошлая политика английского правительства, а также события последнего времени со всей ясностью свидетельствуют о том, что это правительство не стоит за свободу и демократию и способно в любой момент предать эти идеалы. Индия не может связывать себя с таким правительством, и от нее нельзя требовать, чтобы она предоставила ему свои ресурсы во имя демократической свободы, которой она сама лишена и дело которой, вероятно, будет предано».

В качестве первого шага, выражающего протест против этой политики, конгрессистам — членам Центрального законодательного собрания было предложено воздержаться от участия в следующей сессии Собрания.

Эта резолюция была принята за три недели до начала войны в Европе. Правительство Индии и стоявшее за ним английское правительство, повидимому, склонны были полностью игнорировать общественное мнение Индии не только в важных вопросах, возникающих в связи с военным кризисом, но и по ряду второстепенных вопросов. Эта политика находила свое отражение в поведении губернаторов провинций и Индийской гражданской службы, которые стали еще в большей мере игнорировать конгрессистские правительства. Положение этих конгрессистских правительств провинций становилось все более затруднительным, и широкие круги общественности были взволнованы и встревожены. Они опасались, что английское правительство поступит так же, как оно поступило за четверть века до этого, в 1914 году: навязывает Индии войну, не считаясь ни с правительствами провинций, ни с общественным мнением, ни со всем тем, что было достигнуто за этот период, и превратит войну в ширму для подавления той ограниченной свободы, которой Индия добилась, и для безудержной эксплуатации ее ресурсов.

Однако много событий произошло за эту четверть века, и настроения народа сильно изменились. Мысль о том, что с такой великой страной, как Индия, обращаются, как с собственностью, а ее народ полностью и с презрением игнорируют, вызывала глубокое возмущение. Неужели борьба и все страдания последних двадцати лет были впустую? Неужели индийский народ опозорит свою родину, покорно смирившись с этим бесчестием и унижением? Многие индийцы научились сопротивляться тому, что они считали злом, и не покоряться, когда такая покорность считалась постыдной. Они с готовностью соглашались принять последствия, которыми грозило такое неповиновение.

Были и другие — более молодое поколение, которое не имело опыта националистической борьбы и того, что было с нею связано, и для которого даже кампании гражданского неповиновения двадцатых и начала тридцатых годов были не более как историей. Они не прошли испытания в огне борьбы и страданий и многие вещи принимали на веру. Они критически относились к старшему поколению, находя его слабым и склонным к компромиссам, и воображали, что сильные выражения могут с успехом заменить действия. Они спорили между собой по вопросам личного руководства или различных тонкостей той или иной политической или экономической доктрины. Они обсуждали международные дела, весьма мало в них разбираясь. Они были незрелы, и им не хватало уравновешенности. У них были хорошие задатки, восторженная готовность поддержать благородное дело, но общее впечатление, которое они производили, было несколько разочаровывающим и расхолаживающим. Быть может, это было временное состояние, из которого они вырастут, а возможно, и выросли уже благодаря горькому опыту, приобретенному ими с тех пор.

Все эти группировки в рядах националистов, каковы бы ни были прочие разногласия между ними, одинаково реагировали на английскую политику в отношении Индии в период кризиса. Они были возмущены ею и требовали, чтобы Конгресс противился ей. Гордый и чувствительный национализм не желал мириться с таким унижением. Все прочие соображения отступили на второй план.

В Европе была объявлена война, и вице-король Индии тотчас же провозгласил, что Индия также находится в состоянии войны. Один человек, к тому же еще чужеземец и представитель ненавистной системы, мог ввергнуть четыреста миллионов человеческих существ в войну, ничуть не поинтересовавшись, хотя ли они этого. Система, при которой возможно было подобным образом решать судьбы этих миллионов, была в своей основе несправедливой и порочной. В доминионах решение принималось народными представителями после всестороннего обсуждения и с учетом различных точек зрения. В Индии положение было иное, и это было унижительно.

РЕАКЦИЯ НА ВОЙНУ

В тот момент, когда началась война в Европе, я находился в Чунцине. Председатель Национального конгресса телеграфировал мне, чтобы я немедленно возвращался, и я поспешил на родину. Я прибыл как раз к заседанию Исполнительного комитета Конгресса. На это заседание был приглашен также М.А. Джинна, но он заявил, что не может явиться. Вице-король не только связал Индию формальным обязательством участвовать в войне, но и издал ряд соответствующих декретов. Английский парламент принял также дополнения к Закону об управлении Индией 1935 года. Все эти постановления ограничивали и урезывали полномочия и деятельность правительств провинций и вызывали всеобщее возмущение, особенно в связи с тем, что не было сделано ни малейшей попытки проконсультироваться с представителями народа. Неоднократно высказывавшиеся ими пожелания и их декларации, по существу, полностью игнорировались.

14 сентября 1939 года, после длительного обсуждения, Рабочий комитет Конгресса опубликовал пространное заявление по поводу военного кризиса. В нем упоминалось о шагах, предпринятых вице-королем, о новых законах и декретах и указывалось, что «Рабочий комитет придает этим событиям весьма серьезное значение». В заявлении осуждались фашизм и нацизм и, в частности, «новейший акт агрессии нацистского правительства Германии против Польши», и выражалось сочувствие тем, кто оказывал им сопротивление.

Предлагая свое сотрудничество, Рабочий комитет указывал, что «всякое навязанное решение... неизбежно вызовет сопротивление с его стороны. Если хотят заручиться сотрудничеством в достижении поставленной цели, то этого нельзя добиться путем принуждения и давления. Комитет не может согласиться с тем, чтобы индийский народ выполнял приказы, издаваемые чужеземной властью. Сотрудничество должно быть сотрудничеством между равными, оно должно проводиться с обоюдного согласия и во имя цели, которую обе стороны признают достойной. В недавнем прошлом народ Индии шел на серьезный риск и охотно приносил большие жертвы, чтобы добиться для себя свободы и создать в Индии свободное демократическое государство. Поэтому его симпатии целиком на стороне демократии и свободы. Но Индия не может связать себя войной, именуемой войной за демократическую свободу, в то самое время, когда сама она такой свободы лишена и когда у нее отнимают даже ту ограниченную свободу, которой она обладает.

Комитету известны заявления правительств Великобритании и Франции о том, что они борются за демократию и свободу, а также чтобы положить конец агрессии. Однако история недавнего прошлого изобилует примерами, свидетельствующими

о постоянном расхождении между словами, провозглашенными идеалами и действительными мотивами и целями». После ссылки на некоторые события прошлого, имевшие место во время первой мировой войны и по ее окончании, в заявлении далее говорилось: «Последующая история вновь продемонстрировала, что даже пламенная с виду клятва может быть подло нарушена... Сейчас вновь утверждают, что демократия в опасности и ее нужно защищать, с чем Комитет полностью согласен. Комитет верит, что народы Запада движимы этим идеалом и этими целями и что они готовы нести жертвы во имя них, но идеалы и стремления народов и тех, кто пожертвовал собой в борьбе, снова и снова оставляются без внимания, и клятва, данная им, нарушается.

Если война ведется во имя защиты статус кво, империалистических владений, колоний, интересов отдельных групп и привилегий, то Индия не может связывать себя с ней. Если же в ней решается судьба демократии и мирового порядка, основанного на демократии, тогда Индия глубоко в ней заинтересована. Комитет убежден, что интересы индийской демократии не противоречат интересам английской демократии или всемирной демократии, тогда как между демократией в Индии и в других местах и империализмом и фашизмом существует неразрешимый внутренний конфликт. Если Великобритания борется за сохранение и расширение демократии, она непременно должна покончить с империализмом в своих собственных владениях... Свободная демократическая Индия с радостью объединится с другими свободными странами ради совместной обороны от агрессии и в целях экономического сотрудничества. Она готова содействовать созданию такого мирового порядка, который действительно будет основан на свободе и демократии и использует знания и ресурсы всего мира в интересах прогресса и благосостояния человечества».

Исполнительный комитет Конгресса, несмотря на свой национализм, встал на интернационалистическую точку зрения. Он видел в войне нечто гораздо более значительное, нежели столкновение между вооруженными силами противников. «Кризис, переживаемый Европой, затрагивает не одну только Европу — это кризис всего человечества, и он не пройдет, подобно другим кризисам и войнам, оставив нетронутыми основы современного мира. К лучшему или к худшему, но он, несомненно, изменит облик мира в политическом, социальном и экономическом отношении. Этот кризис является неизбежным следствием социальных и политических конфликтов и противоречий, которые угрожающе нарастают со времени прошлой мировой войны, и он не будет полностью разрешен до тех пор, пока эти конфликты и противоречия не будут устранены и пока не будет установлено новое равновесие. Это равновесие может быть основано лишь на ликвидации угнетения и эксплуатации одной страны другою и на перестройке экономических отношений на более справедливой

основе в интересах общего блага. Индия представляет собой узел этой проблемы, ибо в ней наиболее отчетливо проявляется политика современного империализма, и никакая перестройка мира не может быть успешной, если она будет игнорировать эту жизненно важную проблему. Индия с ее огромными ресурсами должна играть важную роль в любом плане реорганизации мира, но она может выполнять эту роль лишь в качестве свободной нации, раскованная энергия которой может быть направлена к этой великой цели. Свобода сегодня неделима, и всякая попытка сохранить империалистическое господство в любой части мира неизбежно приведет к новому бедствию».

Упомянув далее о предложениях правителей индийских княжеств оказать поддержку в борьбе за демократию в Европе, Комитет указывал, что было бы весьма уместно, если бы они ввели демократию в своих собственных княжествах, где господствует неприкрытая автократия.

Комитет снова заявлял о своем горячем желании оказать всяческую помощь, но вместе с тем выражал опасения по поводу направления политики Англии как в прошлом, так и в настоящем, в которой он не усматривал «ни малейшей попытки содействовать делу демократии и самоопределения и не видел никаких свидетельств того, что английское правительство поступает или намерено поступать в соответствии со своими нынешними военными декларациями». Он добавлял, однако, что ввиду серьезности момента, а также поскольку за последние несколько дней события развивались настолько стремительно, что человеческий ум не в состоянии поспеть за ними, Комитет не хочет на этом этапе принимать окончательного решения, пока не выявится с полной ясностью, во имя чего ведется борьба, каковы ее действительные цели, а также положение Индии в настоящем и в будущем». Поэтому Комитет призывал «английское правительство недвусмысленно заявить, каковы его цели в этой войне в отношении демократии, империализма и предполагаемого нового порядка и, в частности, как эти цели будут распространены на Индию и осуществлены в настоящем. Предусматривают ли они уничтожение империализма и обращение с Индией как со свободной страной, политика которой будет направляться в соответствии с волей ее народа?... Проверка искренности любой декларации состоит в том, осуществляется ли она в настоящем, ибо именно настоящее определяет сегодняшние действия и придает форму будущему... Будет величайшей трагедией, если даже эта ужасная война будет вестись в духе империализма и в целях сохранения нынешнего строя, который сам по себе является причиной войны и человеческого вырождения».

Опубликование этого заявления, явившегося результатом тщательного обсуждения, было попыткой преодолеть преграды, вставшие между Индией и Англией и портившие на протяжении полутора столетий их отношения, найти какой-то способ

примиришь наше горячее стремление принять в условиях народного подъема участие в этой мировой битве с нашей страстной жаждой свободы. Отстаивание права Индии на свободу не было чем-то новым, оно не являлось результатом войны или международного кризиса. Это издавна составляло основу всех наших мыслей, всех наших действий, из этого исходила вся наша деятельность в течение многих поколений. Опубликовать ясную декларацию о свободе Индии и затем увязать ее с существующими условиями, имея в виду нужды войны, было несложно. Именно этого и требовали нужды войны. Если бы у Англии было желание и воля признать свободу Индии, все основные разногласия исчезли бы, а остальные можно было бы примирить с общего согласия заинтересованных сторон. Во всех провинциях действовали местные правительства. Можно было без труда создать народный центральный аппарат власти на период войны, который организовал бы военные усилия на действенной общенародной основе, обеспечил бы полное сотрудничество с вооруженными силами и служил бы связующим звеном между народом и правительствами провинций, с одной стороны, и английским правительством — с другой. Прочие конституционные проблемы можно было отложить до окончания войны, хотя, конечно, было желательно попытаться разрешить их поскорее. После войны выборные представители народа разработали бы постоянную конституцию и заключили бы с Англией договор, обеспечивающий наши взаимные интересы.

Исполнительному комитету Конгресса нелегко было обратиться к Англии с этим предложением в то время, когда большинство нашего народа слабо разбиралось в соответствующих международных проблемах и выражало негодование по поводу политики, проводившейся Англией за последнее время. Мы знали, что давнее обоюдное недоверие и подозрения не могут быть развеяны никакими магическими заклинаниями. И все же мы надеялись, что сами события заставят руководителей Англии отбросить свои узкие империалистические взгляды, проявить дальновидность и принять наше предложение, положив конец давней вражде между Англией и Индией и направив энтузиазм народных масс и ресурсы Индии на службу войне.

Но этому не суждено было сбыться. Они ответили отказом на все наши просьбы. Нам стало ясно, что они желают видеть в нас не своих друзей и коллег, а только рабов, которые исполняли бы их приказания. Мы пользовались одним и тем же словом — «сотрудничество», но каждая сторона придавала ему совершенно различное значение. Для нас сотрудничать значило находиться среди товарищей и равных; для них это значило: они командуют, мы без возражений повинемся. Мы не могли смириться с таким положением, ибо это означало бы предательство и отказ от всего, за что мы боролись и что придавало какой-то смысл нашему существованию. Но даже если бы некоторые из нас

захотели так поступить, они не смогли бы увлечь за собой наш народ, они оказались бы на мели, изолированные и отрезанные от живых истоков национализма, а также и от интернационализма, каким мы его себе представляли.

Положение наших правительств провинций стало затруднительным. Им приходилось либо подчиниться постоянному вмешательству в их дела губернатора и вице-короля, либо идти на конфликт с ними. Другого выбора у них не было. Высший административный аппарат был всецело на стороне губернатора и в еще большей степени, чем раньше, смотрел на министров и на законодательные органы как на самозванцев. Мы снова сталкивались здесь со старым конфликтом по вопросу о правах между королем-самодержцем или его представителями и парламентом, с той разницей, что в данном случае первые были чужеземцами и их господство опиралось на вооруженную силу. Было решено, что конгрессистские правительства в восьми провинциях из одиннадцати (то есть во всех провинциях, кроме Бенгалии, Пенджаба и Синда) в знак протеста выйдут в отставку. Некоторые считали, что нужно не уходить в отставку, а продолжать свою деятельность и вынудить губернатора распустить эти органы. Было ясно, что ввиду внутреннего конфликта, который становился все очевиднее с каждым днем, столкновения между правительствами и губернаторами были неизбежны, и если правительства не уйдут в отставку, их все равно распустят. Они избрали строго конституционную процедуру — выход в отставку, который должен был повлечь за собой роспуск законодательного собрания и новые выборы. Так как эти правительства опирались на значительное большинство в законодательных собраниях, то сформировать другие правительства было невозможно. Однако губернаторы стремились во что бы то ни стало избежать новых выборов, ибо они отлично понимали, что эти выборы принесут огромную победу Национальному конгрессу. Они не распустили законодательные собрания, а лишь временно приостановили их деятельность, взяв на себя все полномочия правительств провинций и законодательных собраний. Они стали в полном смысле слова самодержавными правителями провинций: принимали законы, издавали декреты и делали все, что им заблагорассудится, без всякого согласования с каким бы то ни было выборным органом или с общественным мнением.

Официальные английские представители часто утверждали, что, предложив правительствам провинций уйти в отставку, Исполнительный комитет Конгресса действовал деспотически. Это весьма странное обвинение в устах тех, кто своим деспотизмом превзошел всех за пределами фашистского и нацистского мира. Собственно говоря, свобода действий в провинциальной сфере и невмешательство губернатора или вице-короля составляли основу политики Конгресса. Именно на этой основе, после получения соответствующих заверений вице-короля, были избраны члены

законодательных собраний и сформированы правительства провинций. Однако такое вмешательство стало теперь частым явлением, и даже установленные в соответствии с Законом об управлении Индией 1935 года права правительств провинций были еще более ограничены. Дополнения к Закону, принятые английским парламентом, попирали эти права провинций под предлогом военной необходимости. Решение вопроса о том, когда и в какой мере вмешиваться в дела провинций, было предоставлено целиком на усмотрение правительства Индии, а это означало — на усмотрение вице-короля, не оставляя никаких юридических гарантий, ограждающих полномочия правительств провинций, которые могли существовать только по его милости. Вице-король и генерал-губернатор при обеспеченном сотрудничестве исполнительного совета, состоявшего из назначенных членов, могли под предлогом военной необходимости отменить любое решение правительств провинций и законодательных собраний. В таких условиях не могло действовать ни одно ответственное правительство, оно должно было либо прийти в столкновение с губернатором и административным аппаратом, либо с законодательным собранием и его избирателями. Каждое законодательное собрание, в котором большинство принадлежало Национальному конгрессу, после начала войны официально одобрило требование, выдвинутое Конгрессом, и отклонение этого требования вице-королем неизбежно означало бы либо конфликт, либо отставку. Среди рядовых членов Конгресса большинство склонялось к тому, чтобы вступить в борьбу с английскими властями. Однако Исполнительный комитет Конгресса стремился, по мере возможности, избежать этого и избрал более умеренный курс. Английскому правительству нетрудно было проверить настроения всего народа или избирателей посредством проведения выборов. Однако оно не желало их, ибо не сомневалось в том, что выборы приведут к безусловной победе Национального конгресса.

В больших провинциях Бенгалии и Пенджабе и в маленькой провинции Синд правительства не подали в отставку. Как в Бенгалии, так и в Пенджабе губернаторы и высший административный аппарат издавна играли господствующую роль, а потому там не могло возникнуть никакого конфликта. Несмотря на это, впоследствии в Бенгалии губернатор, которому не угодил премьер-министр, принудил его вместе со всем кабинетом уйти в отставку. В Синде несколько позднее премьер-министр направил вице-королю письмо, в котором он критиковал политику английского правительства и в знак протеста отказался от награды, пожалованной ему этим правительством. Он не подал в отставку. Однако вице-король потребовал, чтобы губернатор уволил его с поста премьера из-за этого письма, которое он считал оскорбительным для своего вице-королевского достоинства.

Прошло уже почти пять лет с момента ухода в отставку конгрессистских правительств провинций. В течение всего этого периода в этих провинциях единолично правили губернаторы. Под предлогом войны, в хаосе, порожденном ею, мы вернулись к неприкрытому самодержавию середины 19 века. Гражданская служба и полиция всевластны, и если кто-либо из ее служащих, будь то англичанин или индеец, проявляет малейшее неподчинение жестокой политике английского правительства, он навлекает на себя сильнейший гнев. Многие из того, что было сделано конгрессистскими правительствами, сведено на нет, а их планы ликвидированы. К счастью, кое-что от законодательства, касающегося арендной системы, сохранилось, однако даже эти законы часто истолковываются в ущерб интересам арендаторов.

За последние два года в трех небольших провинциях — Ассаме, Ориссе и Северо-западной пограничной провинции — правительства были восстановлены на новой основе с помощью весьма несложного приема, состоящего в заключении в тюрьму ряда членов законодательных органов этих провинций и превращении таким образом меньшинства в большинство. В Бенгалии существующее правительство полностью зависит от поддержки значительного блока европейцев. В Ориссе правительство держалось недолго, и эта провинция вернулась к единоличному управлению губернатора. В Пограничной провинции правительство продолжало функционировать, хотя оно и не располагало большинством, на которое могло бы опереться, а потому там избегали созывать законодательное собрание. В Пенджабе и Синде были изданы специальные указы относительно членов законодательных собраний — конгрессистов (освобожденных из тюрьмы), запрещавшие им присутствовать на сессиях законодательных собраний или принимать участие в какой-либо общественной деятельности¹.

НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА И ЕГО ОТКЛОНЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Переход к деспотическому единоличному правлению в восьми провинциях не был простой сменой лиц, стоявших у руководства, как это бывает при простой смене кабинета. Это было коренное, органическое изменение, сказывавшееся на общем духе, политике и методах всей государственной организации. Законодательные собрания и различные органы народного

¹ В начале 1945 года законодательному собранию Пограничной провинции пришлось наконец собраться для обсуждения бюджета. При голосовании вотума доверия правительство потерпело поражение и ушло в отставку. Было создано конгрессистское правительство во главе с д-ром Ханом Сагибом.

контроля над исполнительной властью и над постоянным административным аппаратом исчезли, и отношение к общественности со стороны гражданских властей — от губернатора и ниже, — а также со стороны полиции изменилось. Это был не просто регресс, не просто возврат к периоду, предшествовавшему созданию конгрессистских правительств. Это было нечто гораздо худшее. С точки зрения так называемого права это было возвращение к неограниченному деспотизму 19 века. На практике дело обстояло еще хуже, ибо прежнего доверия и отеческой опеки уже не было, а английский элемент в органах администрации был полон страха и страстей, которые испытывали старые привилегированные круги, чувствуя, как почва уходит у них из-под ног. Им нелегко было выносить более двух лет существования конгрессистских правительств; им претило проводить политику и выполнять приказы тех, кого прежде всегда можно было отправить в тюрьму, если они чем-либо докучали. Теперь им хотелось не только вернуться к старым порядкам, но и водворить этих смутьянов в надлежащее место. Каждого крестьянина в поле, каждого рабочего на заводе, ремесленников, торговцев, промышленников, лиц свободных профессий, молодых людей и девушек в колледжах, мелких служащих и даже тех индийцев, занимающих высшие административные посты, которые проявили сколько-нибудь доброжелательное отношение к народным правительствам, надо было заставить понять, что английская власть еще существует и с ней необходимо считаться. Именно эта власть будет определять судьбу каждого из них и их шансы на продвижение, а не какие-то временные узурпаторы. Те, кто раньше были секретарями министров, стали теперь хозяевами, распоряжавшимися от имени губернатора, у них снова появилась прежняя надменная манера разговаривать; окружные магистраты вернулись к исполнению своих прежних функций гаулейтеров своих районов; полиция почувствовала, что она может свободнее прибегать к своим старым приемам, ибо она прекрасно знала, что получит поддержку и защиту свыше, даже если превысит свои права. Все можно было делать под покровом войны.

Даже многие из тех, кто относился к конгрессистским правительствам критически, взирали на происходящее с ужасом. Теперь они вспоминали многие достоинства этих правительств и выражали сильнейшее недовольство по поводу их отставки. По их мнению, эти правительства должны были при всех обстоятельствах оставаться на своих местах. Любопытно, что опасения высказывали даже члены Мусульманской лиги.

Если такова была реакция не-членов Конгресса и критиков конгрессистских правительств, легко себе представить реакцию конгрессистов и тех, кто сочувствовал Конгрессу, а также депутатов законодательных органов. Министры ушли со своих правительственных постов, но не отказались от своих мест в законодательных собраниях, не ушли в отставку и спикеры и другие

депутаты этих законодательных органов. Тем не менее их оттеснили в сторону, игнорировали, а новые выборы не проводились. С таким положением трудно было мириться даже с чисто конституционной точки зрения, и оно в любой стране вызвало бы кризис. Такая могущественная полуреволюционная организация, как Национальный конгресс, олицетворявшая националистические чаяния страны и имевшая за своей спиной долгие годы борьбы за свободу, не могла пассивно мириться с подобным деспотическим единоличным правлением. Она не могла оставаться простым свидетелем происходящего, тем более, что все это было направлено против нее. Неоднократно раздавались решительные требования активно выступить против подавления законодательных органов и всякой общественной деятельности вообще, а также против всей политики английского правительства в отношении Индии.

После того как английское правительство отказалось сформулировать цели, которые оно ставит перед собой в войне, или осуществить какие-либо прогрессивные мероприятия в Индии, Рабочий комитет Конгресса заявил: «Ответ на это требование [Конгресса] был совершенно неудовлетворителен, причем со стороны английского правительства предпринята попытка вызвать недоразумения и затемнить основной моральный аспект проблемы... Эту попытку уклониться от заявления о целях войны и освобождении Индии под различными несостоятельными предложениями Комитет может истолковать лишь как желание сохранить империалистическое господство в Индии в союзе с реакционными элементами страны. Конгресс рассматривает военный кризис и возникшие в результате этого кризиса проблемы в основном в их моральном аспекте и не стремится спекулировать на них. Необходимо удовлетворительно разрешить главную, моральную проблему, связанную с целями войны и освобождением Индии, прежде чем приступать к рассмотрению других, второстепенных вопросов. Конгресс ни в коем случае не может взять на себя ответственность за управление страной даже в течение переходного периода, если народным представителям не будет предоставлена действительная власть».

Далее Комитет указывал, что в связи с теми заявлениями, которые были сделаны от имени английского правительства, Конгресс счел себя вынужденным отмежеваться от английской политики и в качестве первого шага не-сотрудничества конгрессистские правительства провинций подали в отставку. Эта общая политика не-сотрудничества продолжалась и должна была проводиться до тех пор, пока английское правительство не пересмотрит свою политику. «Однако Рабочий комитет напоминает членам Конгресса, что *сатьяграха* во всех его формах требует не щадить усилий для достижения достойного соглашения с английским правительством... Поэтому Рабочий комитет будет продолжать изыскивать способы достижения достойного согла-

нения, несмотря на то, что английское правительство захлопнуло дверь перед Конгрессом».

Учитывая возбуждение, охватившее страну, и возможность насильственных действий со стороны молодежи, Комитет напомнил народу об основных принципах политики ненасилия и предостерегал против их нарушения. Если даже где-нибудь и будет оказано гражданское сопротивление, оно должно быть абсолютно мирным. «Сатьяграха, — указывалось далее в заявлении, — означает доброжелательность по отношению ко всем, особенно же по отношению к оппонентам». Это упоминание о ненасилии не имело никакого отношения к войне или к обороне страны от агрессии, оно относилось лишь к тем действиям, которые могли быть предприняты в ходе борьбы за освобождение Индии от английского владычества.

Это были месяцы, когда после разгрома Польши в ходе войны в Европе наступило затишье, — период так называемой «странной войны». В Индии война казалась особенно далекой как рядовому индийцу, так и — пожалуй, в еще большей мере — английским властям, если не считать того, что приходилось поставлять материалы. Коммунистическая партия Индии в то время и вплоть до дня нападения Германии на Россию в июне 1941 года была решительно против какой бы то ни было поддержки военных усилий Англии. Партия находилась под запретом. Ее влияние было незначительным, оно сказывалось лишь на некоторых группах молодежи. Но так как партия выражала в весьма энергичной форме господствующие настроения, она стала своего рода источником брожения.

В этот период легко было провести выборы как в провинциях, так и в Центральное законодательное собрание. Война, конечно, ни в коей мере этому не мешала. Выборы прояснили бы атмосферу и дали бы ясное представление о действительном положении в стране. Но именно этого-то прояснения и боялись английские власти, ибо оно рассеяло бы постоянно выдвигавшиеся ими многочисленные несостоятельные доводы насчет влияния различных групп. Выборов избегали. Провинции попрежнему управлялись единолично, а Центральное законодательное собрание, избранное на основе крайне ограниченного избирательного закона на трехлетний срок, существовало уже десять лет. Уже в 1939 году, к моменту возникновения войны, оно на два года превысило срок своих полномочий. Год за годом жизнь его продлевается, депутаты становятся все старше и почтеннее, время от времени кто-нибудь из них умирает, и самое воспоминание о выборах изглаживается из памяти. Английское правительство не любит выборов. Они возмущают покой жизни и нарушают привычное представление об Индии как о стране враждующих религий и партий. Без выборов гораздо легче выдвигать человека или группу, заслуживающих покровительства.

Положение в стране в целом и в особенности во многих провинциях, где теперь процветало единоличное правление, становилось все более напряженным. Отдельные члены Конгресса были брошены в тюрьму за обычную деятельность. Крестьяне громко требовали избавить их от возобновившегося гнета мелких чиновников и полиции, которые стремились заслужить расположение начальства путем всевозможных вымогательств, производившихся под предлогом войны. Требования предпринять какие-то действия в связи с создавшимся положением становились все более настойчивыми, и Конгресс на своей ежегодной сессии, состоявшейся в марте 1940 года в Рамгархе (провинция Бихар) под председательством маулана Абул Калам Азада, решил, что единственный оставшийся путь — это организация гражданского неповиновения. Однако в тот момент Конгресс не предпринял каких-либо конкретных шагов, а лишь призвал народ готовиться.

Создавалось ощущение все более углубляющегося внутреннего кризиса. Конфликт казался неизбежным. Закон об обороне Индии, принятый в качестве военной меры, широко использовался для подавления самой обычной деятельности и для арестов и заключения в тюрьму людей, часто даже без суда.

Внезапное изменение в ходе войны, приведшее к вторжению немцев в Данию и Норвегию, а немногим позднее к неожиданному крушению Франции, произвело огромное впечатление. Реакция народа была, разумеется, различной, но тотчас же после Дюнкерка и в период воздушных бомбежек Англии наблюдалось глубокое сочувствие к Франции и Англии. Конгресс, готовый было начать кампанию гражданского неповиновения, не мог и думать о подобном движении, пока решалась судьба самого существования свободной Англии. Конечно, находились люди, которые считали, что затруднения и опасности для Англии создавали благоприятные возможности для Индии, однако руководители Конгресса решительно возражали против того, чтобы обстановка, чреватая такими опасностями для Англии, была использована подобным образом, и заявляли об этом публично. На время всякие разговоры о гражданском неповиновении были оставлены.

Конгресс предпринял новую попытку прийти к соглашению с английским правительством. Если в прошлый раз он выдвинул далеко идущие требования, предусматривавшие не только реформы в Индии, но и заявление Англии о ее целях в войне, то на этот раз его предложение было кратким, лаконичным и касалось одной только Индии. Конгресс требовал признания свободы Индии и учреждения центрального национального правительства, что предполагало сотрудничество различных партий. На этой стадии от английского парламента не требовали принимать каких-либо новых законов. Конгресс предлагал, чтобы национальное правительство было образовано вице-королем

в рамках существующей конституции. Рекомендованные изменения, сколь бы важными они ни были, могли быть осуществлены на основе соглашения и договоренности. Конечно, за этим должны были последовать юридические и конституционные изменения, но их можно было обсудить впоследствии и они могли подождать более благоприятного момента, если за Индией будет признано право на полную свободу. При этих условиях Конгресс обещал оказать полную поддержку военным усилиям Англии.

Эти предложения, выдвинутые по инициативе Раджагопалачари, смягчали неоднократно повторявшиеся требования Конгресса. Они были гораздо скромнее тех требований, которые мы издавна отстаивали, и могли быть осуществлены немедленно, без каких бы то ни было юридических затруднений. В этих предложениях делалась попытка учесть требования других влиятельных групп и партий, ибо национальное правительство неизбежно должно было быть смешанным правительством. В них учитывалось даже своеобразное положение английского правительства в Индии. Сохранялся вице-король, хотя предполагалось, что он не будет налагать вето на решения национального правительства. Однако его положение главы правительства неизбежно означало, что он будет поддерживать с национальным правительством самый тесный контакт. Военный аппарат оставался под контролем главнокомандующего; вся сложная система гражданской службы, созданная англичанами, сохранялась. По существу, главным результатом реформы явилось бы то, что она вдохнула бы новый дух в администрацию, открыла бы перед ней новые перспективы, пробудила энергию, обеспечила растущее сотрудничество народа в военных усилиях и в разрешении серьезных проблем, стоявших перед страной. Эти перемены, вместе с ясным заверением о предоставлении Индии независимости после войны, создали бы в стране новую моральную атмосферу, которая обеспечила бы самое тесное сотрудничество в войне.

Конгрессу нелегко было выдвинуть это предложение после всех своих прошлых деклараций и после всего пережитого им. Существовало мнение, что национальное правительство, созданное на таких началах и ограниченное подобным образом, было бы недейственным и довольно беспомощным. В кругах Конгресса это предложение встретило значительную оппозицию, и я сам согласился с ним лишь после длительных и мучительных размышлений. Я согласился с ним исходя главным образом из более широких международных соображений, а также потому, что мне хотелось, чтобы мы, если только это было осуществимо без ущерба для нашей чести, полностью связали свою судьбу с борьбой против фашизма и нацизма.

Однако нас ожидали гораздо более серьезные трудности, а именно — оппозиция Ганди. Эта оппозиция была порождена

почти исключительно его пацифизмом. Он не возражал против наших предыдущих предложений оказать поддержку военным усилиям, хотя, без сомнения, он не был согласен с ними. В самом начале войны он заявил вице-королю, что Конгресс может оказать Англии лишь полную моральную поддержку, однако это заявление не отражало политику Конгресса, которая была принята впоследствии и неоднократно провозглашалась. На этот раз Ганди определенно высказался против того, чтобы Конгресс согласился взять на себя ответственность за активные военные усилия. Его убеждение было настолько сильным, что из-за этого вопроса он порвал со своими коллегами и со всей организацией Конгресса. Это причинило большую боль всем тем, кто был с ним связан, ибо нынешний Конгресс был его детищем. Тем не менее Конгресс не мог согласиться с применением принципа ненасилия к войне, и в своем горячем стремлении прийти к соглашению с английским правительством он пошел на крайнюю меру — на разрыв со своим дорогим и любимым вождем.

Обстановка в стране во многих отношениях ухудшалась. В политической сфере это было очевидно. Даже в экономическом отношении, хотя положение некоторой части крестьянства и рабочих в связи с войной несколько улучшилось, большинство народа сильно пострадало. Кто процветал, так это военные спекулянты, подрядчики и целая орда чиновников, главным образом английских, работавших на войну и получавших за это фантастические ставки. Правительство, очевидно, полагало, что, поощряя стремление к чрезмерному обогащению, оно наилучшим образом способствует развертыванию военных усилий. Продажность и кумовство царили повсюду, и не было никаких общественных рычагов, чтобы сдержать их. Всякая критика рассматривалась как подрыв военных усилий и, следовательно, подлежала запрету в соответствии с всеобъемлющим Законом об обороне Индии. От такого зрелища можно было впасть в уныние.

Все это побудило нас еще раз приложить максимальные усилия, чтобы прийти к соглашению с английским правительством. Каковы были шансы на это? Они были не слишком обнадеживающими. Вся система постоянного гражданского аппарата пользовалась такой свободой от всякого контроля и критики, какой она не знала уже на протяжении двух и даже более поколений. Эти учреждения могли упрятать в тюрьму по суду или без суда любого человека, который был им не по душе. Губернаторы пользовались неограниченной властью над огромными провинциями. Зачем им было соглашаться на какие-либо перемены, если их не вынуждали к этому обстоятельства? На вершине имперского здания восседал вице-король, лорд Линлитгоу, со всей помпой и торжественностью, подобающими его высокому положению. Человек с неповоротливым телом и медлительным умом, твердый, как скала, и почти так же, как скала, безразличный к окружа-

ющему, обладающий всеми достоинствами и недостатками старомодного английского аристократа, он искренне и честно стремился найти выход из создавшейся путаницы. Однако его слишком многое сковывало. Он мыслил старыми представлениями и чурался каких бы то ни было новшеств; его кругозор был ограничен традициями господствующего класса, из которого он вышел; он видел глазами и слышал ушами чиновников, которые его окружали; он не доверял людям, говорившим о необходимости коренных политических и социальных перемен; он не любил тех, кто не проявлял надлежащего уважения к высокой миссии Британской империи и ее главного представителя в Индии.

В черные дни германского «блицкрига» против Западной Европы в Англии произошли изменения. Невиль Чемберлен ушел, и это во многих отношениях принесло облегчение. Маркиз Зетланд, это украшение его благородного сословия, также покинул Департамент по делам Индии. Никто его не оплакивал. Его место занял Эмери, о котором не много было известно, но то немногое, что о нем знали, было весьма знаменательно. Он энергично защищал в палате общин японскую агрессию против Китая, выдвигая при этом тот довод, что если они осудят то, что Япония делала в Китае, им придется осудить точно так же и то, что Англия делала в Индии и Египте¹. Здравый довод, приведенный в обоснование ложного вывода.

Однако действительно крупной фигурой был Уинстон Черчилль, новый премьер-министр. Взгляды Черчилля по вопросу о свободе Индии были ясны и определены. Он высказывал их неоднократно. Черчилль был непреклонным противником этой свободы. В январе 1930 года он заявил: «Рано или поздно вам придется сокрушить Ганди и Индийский Национальный конгресс и все то, что они отстаивают». В декабре того же года он сказал: «Английский народ отнюдь не намерен отказываться от контроля над жизнью и прогрессом Индии... Мы не намерены отказываться от этой самой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая в большей мере, чем все прочие наши доминионы и владения, составляет силу и славу Британской империи».

Несколько позже он разъяснил, что в действительности означали в применении к Индии магические слова «статус доминиона», которыми нас так часто угощали. В январе 1931 года он заявил: «Мы всегда имели его (статус доминиона) в виду в качестве некой конечной цели, но никто не предполагал — разве лишь в чисто формальном смысле, подобно тому как представители Индии принимают участие в совещаниях во время войны, — что эти принципы и политика, относящиеся к Индии, будут претворены в такие сроки, предопределять которые было бы для нас разумно или целесообразно». В декабре 1931 года он сказал:

¹ Выступление Эмери в палате общин 27 февраля 1933 года.

«Большинство видных общественных деятелей, к числу коих в свое время принадлежал и я, выступали с речами — я, во всяком случае, выступал — насчет статуса доминиона, но я не имел в виду, что Индия когда-либо в обозримом будущем будет иметь такие же конституционные права и такую же систему, как Канада... Англия, потеряв Индию в качестве части своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава».

В этом и заключалась суть дела. Индия была основой империи; обладание ею, эксплуатация ее — вот что создавало силу и славу Англии, делало ее великой державой. Черчилль не мог мыслить себе Англию иначе, как центром и владычицей обширной империи, а потому он не мог представить себе Индию свободной. Что же касается статуса доминиона, которым нас столько времени пытались соблазнить как чем-то вполне для нас доступным, то, как выяснилось, все это сводилось к одним лишь фразам и формальностям и было весьма далеко от действительной свободы и власти. Впрочем, мы отвергали статус доминиона даже в его настоящем значении, настаивая на независимости, так что пропасть, разделявшая нас с г-ном Черчиллем, была поистине весьма глубокой.

Мы помнили его заявления и знали, что он человек решительный и непреклонный. От Англии, руководимой Черчиллем, нам не приходилось ждать многого. При всем его мужестве и выдающихся способностях руководителя он олицетворял консервативную империалистическую Англию 19 века и был, видимо, неспособен понять новый мир с его сложными проблемами и силами и в еще меньшей мере — будущее, очертания которого начинали вырисовываться. И все же он был большим человеком, способным на большие дела. Его предложение о союзе с Францией, хотя и сделанное в момент страшной опасности, свидетельствовало о проницательности и об умении применяться к обстоятельствам. Оно произвело в Индии огромное впечатление. Быть может, занимаемый им ныне новый пост с его огромной ответственностью расширил его поле зрения и заставил его подняться выше былых предрассудков и представлений. Быть может, сами нужды войны, имевшие для него решающее значение, заставят его осознать, что освобождение Индии не только неизбежно, но и желательно с точки зрения интересов войны. Я вспоминал о том, как в августе 1939 года, когда я собирался в Китай, он передал мне через одного общего нашего друга пожелания успеха в моей поездке в эту страну, терзаемую войной.

Учитывая все это, мы выступили со своим предложением не без некоторой надежды, хотя и не рассчитывая на слишком много. Ответ английского правительства не заставил себя долго ждать. Это был категорический отказ, более того, он был изложен в такой форме, которая ясно показала нам, что англичане отнюдь не намереваются отказаться от своего господства над Индией; они намерены были поощрять внутренние раздоры и

поддерживать любые средневековые и реакционные элементы. Они, видимо, предпочитали гражданскую войну и гибель Индии ослаблению своего империалистического контроля.

Как ни привыкли мы к подобному обращению, это явилось для нас ударом. Уныние овладевало нами все сильнее. Помню, я в то время писал статью, которую озаглавил: «Пути расходятся». Я долгое время стоял за независимость Индии, будучи убежден, что мы как народ ни при каких иных условиях не сможем развиваться и преуспевать, а также поддерживать нормальные дружественные отношения с Англией и сотрудничать с нею. И все же я желал этих дружественных отношений. Однако теперь я внезапно почувствовал, что, если только Англия не изменится коренным образом, нам с нею не по пути. Нам придется идти разными путями.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ

Итак, вместо того чтобы воодушевиться мечтой о свободе, которая развязала бы нашу энергию и побудила бы наш народ с энтузиазмом включиться во всемирную борьбу, мы испытывали боль разочарования, ибо нам было отказано в свободе. Этот отказ был сформулирован в самых надменных выражениях и сопровождался прославлением английского господства и английской политики, а также перечислением ряда условий, которые требовалось соблюсти, прежде чем Индия могла претендовать на свободу,—условий, из которых некоторые казались совершенно невыполнимыми. Для нас стало совершенно очевидным, что все эти разговоры, весь ритуал парламентских дебатов в Англии с их высокопарными фразами и торжественным стилем были не более как политическим надувательством, весьма плохо прикрывавшим твердое намерение до последней возможности цепляться за Индию как за владение и собственность империи; империализм не желал разжимать своих когтей, которые он глубоко запустил в живое тело Индии. Чего же стоил тот международный свободный и демократический порядок, за который Англия, по ее утверждению, вела борьбу?

О том же свидетельствовал и другой знаменательный факт. Бирма выдвинула скромное требование, чтобы ей гарантировали предоставление статуса доминиона *после* войны. Это было задолго до начала войны на Тихом океане, и ее требование никоим образом не могло помешать ведению войны, ибо осуществление его мыслилось лишь после окончания военных действий. Бирма просила не независимости, а всего лишь предоставления ей статуса доминиона. Ей, так же как и Индии, неоднократно заявляли, что статус доминиона составляет цель английской политики. В отличие от Индии она была гораздо более однородной по составу населения страной, и все те возражения, действительные или надуманные, которые

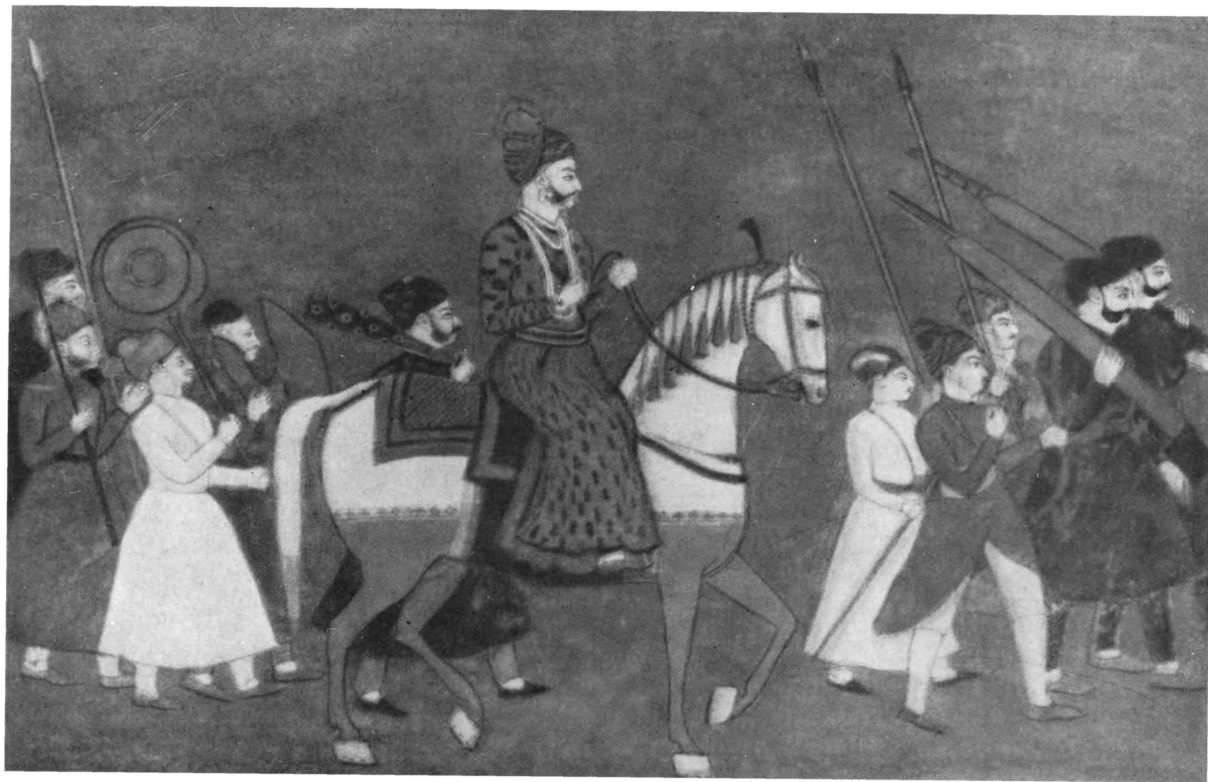
выдвигались англичанами применительно к Индии, были к ней неприложимы. И, тем не менее, единодушное требование бирманцев было отклонено и никакого заверения им дано не было. Статус доминиона предназначался для какого-то отдаленного будущего, это была некая расплывчатая и призрачная метафизическая идея, имевшая отношение к какому-то иному миру и к какой-то иной, не нашей эпохе. Это было, как заявлял Уинстон Черчилль, пустым разглагольствованием, формальностью, не имевшей никакого касательства к настоящему или к ближайшему будущему. Но и все возражения против независимости Индии, все выдвинутые Англией нелепые условия также были пустым разглагольствованием, лишенным, как это всем было известно, всякого реального содержания и смысла. Единственное, что было реальным, это решимость Англии любой ценой удержать Индию и решимость Индии вырваться из ее рук. Все прочее было софистикой, юридическим красноречием или дипломатической казуистикой. Только будущее могло решить исход этого непримиримого конфликта.

Будущее довольно скоро продемонстрировало нам плоды английской политики в Бирме. В Индии это будущее вскоре также стало постепенно открываться нашим взорам, неся с собой борьбу, горечь и страдания.

Оставаться пассивными зрителями того, что происходило в Индии, после последнего оскорбительного отказа английского правительства стало невозможным. Если такова была позиция этого правительства в разгар опасной войны, когда миллионы людей во всем мире верили в необходимость огромных жертв во имя свободы и шли на них, то какую же она будет, когда кризис минует и этот общественный подъем ослабнет? Между тем по всей стране наших людей хватали и бросали в тюрьмы. Наша обычная деятельность ограничивалась, и ей чинились всевозможные препятствия. Ибо следует помнить, что английское правительство в Индии ведет непрерывную войну против националистического и рабочего движений — оно не ждет, когда начнется кампания гражданского неповиновения, чтобы действовать. Время от времени эта война разгорается, превращаясь в наступление на всех фронтах, иногда она несколько затихает, но никогда не прекращается¹. В течение

¹ Многие лица находятся в тюрьме еще с довоенного времени. Некоторые из моих молодых товарищей провели уже по пятнадцати лет в тюрьме и все еще пребывают в заключении. Когда суд вынес им приговор, они были мальчиками, которым едва исполнилось двадцать лет. Сейчас это пожилые, седые люди. Я встречался с ними во время своих неоднократных заключений в тюрьмах Соединенных провинций.

Я являлся туда, пребывал там некоторое время и выходил на свободу; они оставались. Хотя они жители Соединенных провинций и содержатся уже несколько лет в тюрьмах Соединенных провинций, приговор им был вынесен в Пенджабе, и поэтому они находятся во власти пенджабского правительства. Конгрессиистское правительство Соединенных провинций рекомендовало освободить их, но пенджабское правительство не согласилось.

Торжественный выезд раджпутского раджи. Раджастан. 18 век.
(Музей Виктории и Альберта.)

РАДХА И КРИШНА. КАРТИНА ШКОЛЫ КАНГРА. НАЧАЛО 19 ВЕКА.
(Музей Виктории и Альберта.)

короткого периода существования конгрессистских правительств провинций эта война вступила в полосу затишья, однако вскоре после их ухода в отставку возобновилась с новой силой, и административным чиновникам доставляло особое удовольствие отдавать всевозможные приказания видным конгрессистам и депутатам законодательных собраний и затем сажать их в тюрьмы.

Решительные действия стали неизбежны, ибо иногда единственной причиной неудачи является именно бездействие. Согласно нашей установленной политике, эти действия могли проводиться лишь в форме гражданского неповиновения. Однако мы позаботились о том, чтобы не допустить народных волнений, и гражданское неповиновение было ограничено специально избранными лицами. Это было так называемое индивидуальное гражданское неповиновение в противоположность массовой разновидности этого движения. По существу, оно носило характер широкого морального протеста. Политику может показаться странным, что мы сознательно избегали всяких попыток расстроить нормальную деятельность администрации и позволяли ей легко упрятывать в тюрьму нарушителей порядка. Подобные методы не применялись в ходе наступательных политических действий или революций в других странах. Но именно таков был метод Ганди, сочетавший этику с революционной политикой, а Ганди был неизменным руководителем такого движения всякий раз, когда оно возникало. Таким путем он хотел показать, что хотя мы и отказываемся подчиниться английской политике и выражаем наше возмущение и решимость бороться против нее, добровольно идя на страдания, однако цель наша состоит не в том, чтобы вызвать беспорядки.

Это индивидуальное гражданское неповиновение проводилось вначале в весьма ограниченных масштабах. Каждый должен был пройти своего рода испытание и получить соответствующее разрешение, прежде чем он или она могли принять участие в этом движении. Избранные для этой цели лица нарушали какое-нибудь официальное установление, подвергались аресту и приговаривались к тюремному заключению. Как это обычно у нас практикуется, в первых рядах шли руководящие лица — руководители Исполнительного комитета Конгресса, бывшие члены правительств провинций, депутаты законодательных собраний, члены центрального и провинциальных комитетов Конгресса. Постепенно круг расширялся, пока от 25 до 30 тысяч мужчин и женщин не очутилось в тюрьме. Среди них были спикеры и большое число депутатов наших провинциальных законодательных собраний, деятельность которых была временно приостановлена правительством. Тем самым мы показывали, что депутаты наших выборных законодательных собраний не подчинятся деспотическому

режиму, воспрепятствующему деятельности этих собраний, и предпочитают тюрьму.

Помимо тех, кто оказывал действительное гражданское неповиновение, несколько тысяч человек было арестовано и осуждено за публичные выступления или какую-либо иную деятельность или же содержалось под стражей без суда. Я был арестован в самом начале кампании и приговорен к четырем годам тюрьмы за произнесенную мною речь.

С октября 1940 года и на протяжении года с лишним все эти лица пребывали в тюрьмах. Мы пытались следить по доступным нам источникам за ходом войны и за развитием событий в Индии и во всем мире. Мы слышали о «Четырех свободах» президента Рузвельта, мы слышали об Атлантической хартии, а вскоре после этого услышали об оговорке Черчилля насчет того, что на Индию эта хартия не распространяется.

В июне 1941 года мы были взволнованы внезапным нападением Гитлера на Советскую Россию и с горячим интересом следили за драматическими изменениями в ходе войны.

4 декабря 1941 года многие из нас были освобождены. Тремя днями позже произошло нападение на Пирл Харбор и началась война на Тихом океане.

ПОСЛЕ ПИРЛ ХАРБОРА.

ГАНДИ И НЕНАСИЛИЕ

К тому времени, когда мы вышли из тюрьмы, задачи, стоявшие перед нашим националистическим движением ничуть не изменились. Проблема взаимоотношений Индии с Англией оставалась прежней. Тюрьма сказывается на людях по-разному: у одних дух оказывается совершенно сломленным или ослабленным, другие закаляются и еще больше укрепляются в своих убеждениях, и обычно именно последние оказывают наибольшее влияние на народные массы. Однако, несмотря на то, что в нашем положении как нации не произошло никаких изменений, события в Пирл Харборе и то, что за ними последовало, внезапно создали новую напряженность и открыли новые перспективы. Рабочий комитет Конгресса немедленно собрался в атмосфере этой новой напряженности. Японцы еще не успели к этому времени далеко продвинуться, но нанесли уже ряд серьезных и ошеломляющих поражений. Война перестала быть каким-то далеким зрелищем, она начала приближаться к Индии, затрагивать ее непосредственно. Конгрессисты прониклись горячим желанием активно участвовать в этих опасных событиях, и в этой новой обстановке вся эта затея — сознательно подвергать себя тюремному заключению — казалась уже бессмысленной. Но что мы могли сделать, не получив хоть какой-нибудь возможности для почетного сотрудничества, не дав народу какого-то позитивного стимула для действия?

Одного лишь негативного страха перед грозящей опасностью было недостаточно.

Несмотря на историю прошлого и на все то, что произошло, мы были готовы предложить свое сотрудничество в войне, и в особенности в деле обороны Индии, при том обязательном условии, что будет создано национальное правительство, которое позволит нам действовать в сотрудничестве с другими силами страны и даст народу почувствовать, что это действительно национальная война, а не война, навязанная нам чужеземцами, поработившими нас. Что касается этого общего подхода к вопросу, среди конгрессистов и большинства народа не существовало разногласий. Однако довольно неожиданно возникли серьезные расхождения принципиального характера. Ганди оказался не в силах отбросить свой основной принцип ненасилия даже по отношению к внешней войне. Сама близость этой войны как бы явилась вызовом ему, испытанием его убеждений. Если бы он отказался от своего принципа в этот критический момент, это означало бы одно из двух: либо ненасилие не является всеобъемлющим и основополагающим принципом и образом действий, каковым он его считал, либо он неправ, отказываясь от него или идя на компромисс. Он не мог отказаться от того, во что верил всю свою жизнь и на чем построил всю свою деятельность, и он чувствовал, что ему надо примириться с неизбежными последствиями этого принципа ненасилия.

Аналогичное затруднение и конфликт возникли впервые примерно в период мюнхенского кризиса 1938 года, когда война казалась совсем близкой. Я находился в то время в Европе и не присутствовал при происходивших спорах. Однако затруднение исчезло с окончанием кризиса и отсрочкой войны. Когда же в сентябре 1939 года война действительно началась, подобный вопрос не возникал и нами не обсуждался. Лишь в конце лета 1940 года Ганди снова дал нам понять, что он не может поддерживать насильственные военные действия и хотел бы, чтобы Конгресс занял такую же позицию в этом вопросе. Он соглашался оказывать моральную и всякую иную поддержку, исключая практическую помощь в вооруженных насильственных действиях. Он желал, чтобы Конгресс заявил о своей верности принципу ненасилия даже в условиях свободной Индии. Ганди, разумеется, знал, что в стране и даже в самом Конгрессе имеется немало людей, не разделяющих этой веры в принцип ненасилия. Он понимал, что в вопросах, касающихся обороны, правительство свободной Индии, по всей вероятности, откажется от ненасилия и создаст свои вооруженные силы — сухопутные, морские и воздушные. Но он хотел, чтобы Конгресс как можно выше держал знамя ненасилия, воспитывая тем самым сознание людей и все больше приучая их думать о мирных способах борьбы. Милитаризация Индии внушала ему ужас. Он мечтал о том, чтобы Индия стала

символом и образцом ненасилия и чтобы своим примером она заставила весь остальной мир отказаться от пути войны и насилия. Даже если в целом Индия этой идеи не примет, Конгресс все же не должен отказываться от нее в час испытания.

Принцип и практика ненасилия давно были приняты Конгрессом применительно к нашей борьбе за свободу и достижению единства в стране. Однако он никогда не шел дальше этого и не распространял этот принцип на оборону от внешней агрессии или на внутренние беспорядки. Он проявлял горячий интерес к укреплению индийской армии и неоднократно требовал индианизации ее офицерского состава. Конгрессисты — депутаты Центрального законодательного собрания часто вносили или поддерживали резолюции по этому вопросу. Мой отец в качестве лидера Национального конгресса в двадцатых годах согласился войти в состав комитета Скина, созданного с целью индианизации и реорганизации индийской армии. Впоследствии он из него вышел, но причиной тому были политические соображения, не имевшие никакого отношения к ненасилию. В 1937—1938 годах депутаты-конгрессисты после консультации со всеми правительствами провинций внесли в Центральное законодательное собрание предложения о расширении индийской армии, ее механизации, увеличении до смешного незначительных, почти не существующих военно-морских и военно-воздушных сил и о постепенной замене английской армии в Индии индийской армией. Так как содержание английских войск в Индии обходилось примерно в четыре раза дороже содержания индийских войск, то механизация и увеличение численности последних в случае замены ими английских войск не потребовали бы больших дополнительных затрат. В период Мюнхена снова подчеркивалась важность увеличения военно-воздушных сил, однако правительство заявило, что мнения специалистов на этот счет расходятся. В 1940 году депутаты-конгрессисты специально присутствовали на сессии Центрального законодательного собрания, чтобы вновь повторить свои предложения и указать на то, сколь некомпетентными оказались правительство и его военное ведомство при разработке планов обороны Индии.

Насколько мне известно, вопрос о ненасилии никогда не рассматривался применительно к армии, военно-морскому флоту, авиации или полиции. Считалось само собой разумеющимся, что сфера его применения ограничена нашей борьбой за свободу. Правда, теория ненасилия во многих отношениях оказалась сильнее воздействия на нашу идеологию и сделала Конгресс решительным сторонником всеобщего разоружения и мирного разрешения всех, как международных, так и внутринациональных, споров.

В тот период, когда в провинциях действовали конгрессистские правительства, многие из них стремились ввести в какой-то

форме военное обучение в университетах и колледжах. Но правительство Индии не одобрило этой идеи и помешало ее осуществлению.

Ганди, без сомнения, осуждал все эти тенденции, однако он не вмешивался. Он был даже против использования полиции в качестве вооруженной силы для подавления беспорядков и выражал свое огорчение, если это случалось. Однако он примирился с этим, как с наименьшим из зол, и надеялся, что его учение постепенно проникнет в сознание индийского народа. Именно неодобрение им этих тенденций внутри Конгресса побудило Ганди в начале тридцатых годов порвать формальную связь с Конгрессом и выйти из его состава, хотя и после этого он остался бесспорным руководителем и советником Конгресса. Такое положение было ненормальным и неприятным для всех нас, но, по-видимому, это давало ему возможность считать, что он не несет личную ответственность за все те решения, которые Конгресс принимал время от времени и которые не вполне согласовывались с его принципами и убеждениями. В душе Ганди постоянно существовал этот внутренний конфликт, и он пронизывал всю нашу национальную политику: конфликт между Ганди — национальным вождем и Ганди — человеком, проповедующим учение, которое обращено не только к одной Индии, но и ко всему человечеству, всему миру. Примирить строгую приверженность к правде, какою она вам представляется, с соображениями целесообразности и требованиями жизни, особенно политической жизни, — это весьма нелегкая задача. Обычно люди даже и не тревожатся из-за подобных проблем. Правде они отводят отдельное место где-то в уголке своего сознания — если вообще отводят ей какое-либо место, — а в практике своей руководствуются соображениями целесообразности. В политике — это всеобщее правило, и не только потому что политики, к сожалению, представляют собой особенную разновидность оппортунистов, а потому что они не могут руководствоваться чисто личными принципами. Они должны заставлять действовать других, а потому им приходится учитывать их слабости, их понимание правды и их приверженность к ней. Все это заставляет политиков в той или иной мере поступаться правдой и приспособлять ее к существующим условиям. Такое приспособление становится неизбежным, и все же оно всегда связано с риском: тенденция к пренебрежению правдой и отказу от нее усиливается, и единственным критерием действия становится целесообразность.

Ганди, при всей его непоколебимой преданности определенным принципам, проявил огромную способность приравниваться к взглядам других людей и к изменяющимся обстоятельствам, учитывать сильные и слабые стороны этих людей, особенно сильные и слабые стороны народных масс, а также меру их способности действовать в соответствии с правдой, как они

ее себе представляли. Однако время от времени он останавливается, как бы испугавшись, что зашел слишком далеко по пути компромисса, и возвращается к своим исходным позициям. В разгар действия он, повидимому, пребывает в согласии с настроениями масс, учитывает их возможности и соответственно применяется к ним; в другое время он выступает больше как теоретик и, видимо, менее способен приспосабливаться к окружающим условиям. Такое же несоответствие наблюдается и в его деятельности, и в его работах. Это сбивает с толку его собственный народ и в еще большей мере тех, кто незнаком с условиями Индии.

В какой мере личность одного человека может оказать влияние на мышление и идеологию народа, сказать трудно. Влияние некоторых исторических личностей было очень сильным, но, возможно, они лишь подчеркивали и выявляли нечто, уже существовавшее в сознании народа, или находили ясное и четкое выражение смутно осознаваемым идеям своей эпохи. В наше время влияние Ганди на сознание индийского народа огромно. Как долго и в какой форме оно сохранится — покажет будущее. Влияние Ганди распространяется не только на тех, кто разделяет его взгляды, признает его национальным вождем, но также и на тех, кто не согласен с ним и относится к нему критически. В Индии мало кто целиком принимает его учение о ненасилии или его экономические теории, и все же на очень многих они так или иначе оказали свое влияние. Пользуясь обычным религиозными понятиями, Ганди делает упор на моральный подход к проблемам политики и повседневной жизни. Религиозная сторона его учения оказала свое воздействие главным образом на тех, кто проявлял к ней склонность, моральный же подход оказывал влияние и на других. Многие заметно поднялись на более высокий уровень морально-этического поведения; еще больше оказалось таких, которых он побудил хотя бы мыслить морально-этическими понятиями, а мысли уже сами по себе оказывают некоторое воздействие на их деятельность и поведение. Политика перестает быть просто вопросом целесообразности и оппортунизма, каковым она обычно была повсюду, и всякая мысль и действие готовятся непрерывной моральной борьбой. Целесообразность или то, что представляется непосредственно осуществимым и желательным, никогда нельзя игнорировать, однако, эти соображения несколько ослабляются иными соображениями и учетом более отдаленных последствий.

Влияние Ганди в различных областях широко распространилось по всей Индии, оставив на ней свой след. Однако он стал крупнейшим и наиболее выдающимся из индийских вождей не благодаря своему учению о ненасилии или своим экономическим теориям. Для огромного большинства индийского народа он является символом решимости Индии добиться освобождения, ее воинственного национализма, ее отказа подчиниться высо-

комерной силе, символом неизменного сопротивления всему, что влечет за собой национальное бесчестие. Хотя многие в Индии расходятся с ним во взглядах по самым различным вопросам, хотя они критикуют его или даже порывают с ним по тому или иному конкретному поводу, но в момент действия и борьбы, когда на карту поставлена свобода Индии, все они снова собираются вокруг него, видя в нем своего неизменного руководителя.

Когда в 1940 году Ганди поднял вопрос о принципе ненасилия в связи с войной и будущим свободной Индии, Рабочий комитет Конгресса вынужден был подойти к этой проблеме со всей прямоотой. Комитет дал ему понять, что не может идти в этом вопросе так далеко, как этого хотел бы Ганди, и что он никак не может связать Индию или Конгресс обязательством применять этот принцип в будущем в области внешней политики. Это привело к полному и открытому разрыву с ним в данном вопросе. Дальнейшие дискуссии привели двумя месяцами позже к выработке согласованной формулы, которая была впоследствии принята Исполнительным комитетом Конгресса как составная часть одной из его резолюций. Эта формула не вполне отражала позицию Ганди, в ней было лишь изложено, с согласия Ганди, быть может данного против воли, что должен Конгресс заявить по этому вопросу. К этому времени английскийское правительство уже отвергло последнее предложение Конгресса о сотрудничестве в войне на основе создания национального правительства. Надвигался конфликт, и вполне естественно, что Ганди и Конгресс обратили свои взоры друг к другу и стремились примирить свои разногласия. Эта формула не касалась войны, ибо как раз перед тем наше предложение о сотрудничестве было самым бесцеремонным и категорическим образом отвергнуто. Она теоретически определяла позицию Конгресса в отношении ненасилия и впервые заявляла о том, как свободная Индия должна будет, по мнению Конгресса, применять этот принцип в своих внешних отношениях. Эта часть резолюции гласила:

Исполнительный комитет Конгресса «твердо верит в политику и практику ненасилия не только в борьбе за сварадж, но также и в свободной Индии, в той мере, в какой это может быть там применено. Комитет убежден — и последние мировые события укрепляют его в этой мысли, — что, если мир не хочет подвергнуть себя разрушению и вернуться к состоянию варварства, необходимо осуществить всеобщее полное разоружение и установить новый, более справедливый политический и экономический порядок. Поэтому свободная Индия будет всеми силами поддерживать всеобщее разоружение и будет сама готова показать в этом отношении пример всему миру. Осуществление этой инициативы неизбежно будет зависеть от внешних факторов, а также от внутренних условий, но государство сделает

все, что в его силах, для претворения в жизнь этой политики разоружения. Действительное разоружение и установление всеобщего мира путем прекращения национальных войн зависят в конечном счете от устранения причин, вызывающих войны и национальные конфликты. Эти причины должны быть искоренены путем ликвидации господства одной страны над другой и эксплуатации одним народом другого народа или группы. Индия будет прилагать мирные усилия для достижения этой цели, и именно эту задачу имеет в виду индийский народ, желая обрести статус свободного и независимого государства. Достижение этой свободы явится прелюдией к тесному объединению с другими странами в рамках содружества свободных наций в интересах мира и всеобщего прогресса».

Как видим, хотя эта декларация решительно подтверждает стремление Конгресса к мирным действиям и к разоружению, она в то же время выдвигает ряд оговорок и ограничений.

Внутренний кризис в Конгрессе был разрешен в 1940 году. За этим для многих из нас последовал целый год тюремного заключения. Однако точно такой же кризис возник вновь в декабре 1941 года, когда Ганди стал настаивать на полнейшем соблюдении принципа ненасилия. Снова произошел раскол и возникли открытые разногласия. Председатель конгресса маулана Абул Калам Азад и другие не могли согласиться с точкой зрения Ганди. Стало очевидно, что весь Конгресс в целом, включая и некоторых верных последователей Ганди, не согласен с ним в этом вопросе. Сила обстоятельств и быстрая смена драматических событий оказали влияние на всех нас, в том числе и на Ганди, и он не стал навязывать свою точку зрения Конгрессу, не присоединяясь в то же время и к взглядам Конгресса.

Этот вопрос ни разу больше не поднимался Ганди в Конгрессе. Когда впоследствии прибыл сэр Стаффорд Криппс со своими предложениями, вопрос о ненасилии не поднимался. Его предложения рассматривались исключительно с политической точки зрения. В последующие месяцы вплоть до августа 1942 года национализм Ганди и его горячее стремление к свободе побудили его даже согласиться на участие Конгресса в войне при условии, что Индия сможет действовать как свободное государство. Для него это было поразительное и знаменательное изменение позиции, связанное с моральными и душевными страданиями. В борьбе между принципом ненасилия, который стал для него источником жизненной силы, смыслом существования, и свободой Индии, являвшейся его главной всепоглощающей страстью, чаша весов склонилась в сторону последней. Это, конечно, не означало, что его вера в ненасилие ослабла. Это означало лишь, что он готов был согласиться на то, чтобы Конгресс не применял этого принципа к данной войне. Практический государственный деятель одержал верх над непреклонным пророком.

Наблюдая и размышляя над борьбой в душе Ганди, которая нередко порождала такое множество кажущихся противоречий и которая столь непосредственным образом затрагивала меня и мою деятельность, я вспомнил одно место из книги Лиддел Гарта: «Идея окольного пути тесно связана со всеми проблемами, имеющими касательство к влиянию одного разума на другой разум — этому важнейшему фактору человеческой истории. Однако ее трудно примирить с другим принципом, заключающимся в том, что к истинным выводам можно прийти или приблизиться, лишь следуя по пути истины, не считаясь с тем, куда она может привести и какое действие она может оказать на различные заинтересованные круги.

История является свидетельницей того, какую важную роль «пророки» играли в прогрессе человечества, что доказывает, насколько практически полезно с полной откровенностью говорить правду так, как ты ее себе представляешь. Однако ясно также, что принятие и распространение этого откровения всегда зависело от другой категории людей — от «вождей», которым приходилось быть стратегами в области философии, добивающимися компромисса между истиной и способностью людей воспринимать ее. Их успех часто зависел от того, насколько они сами постигли истину, а также от практической мудрости, проявлявшейся ими при ее провозглашении.

Пророков неизбежно забрасывают камнями; такова их участь, и это критерий того, в какой мере выполнили они свое предназначение. Но вождь, которого забрасывают камнями, доказывает тем самым, что он не справился со своей задачей по недостатку мудрости или же потому, что он спутал свои функции с функциями пророка. Только время может показать, оправдают ли результаты этой жертвы его явный провал как вождя, провал, делающий ему честь как человеку. По крайней мере, он избегает более распространенного греха вождей — принесения истины в жертву целесообразности без какой бы то ни было выгоды для дела. Ибо всякий, кто привык подавлять истину в угоду тактике, производит урод из недр своего разума.

Существует ли практический способ сочетать процесс постижения истины с процессом ее приятия? Возможное разрешение этой проблемы подсказывается некоторыми стратегическими принципами, указывающими на то, как важно постоянно иметь в виду определенную цель и применять для ее достижения средства, отвечающие обстоятельствам. Противодействие истине неизбежно, особенно если истина облекается в форму какой-либо новой идеи, но сила сопротивления может быть уменьшена, если уделить внимание не только цели, но и методу подхода. Избегай фронтального наступления на давно укрепленную позицию; вместо этого старайся обойти ее с фланга, с тем чтобы натиску истины подверглась более уязвимая сторона.

Однако всякий раз, избирая подобный окольный путь, нужно следить за тем, чтобы не уклониться от истины, ибо ничто не может быть более губительным для ее утверждения, как скатиться ко лжи... Присматриваясь к тому, через какие этапы прошли различные новые идеи, пока они не получили признания, мы убеждаемся, что этот процесс был облегчен в тех случаях, когда их удавалось представить не как нечто совершенно новое, а как возрождение в модернизированном виде освещенных временем, но позабытых принципов или практики. Для этого не надо было прибегать к обману, надо было лишь взять на себя труд обнаружить такую связь, ибо «нет ничего нового под солнцем»¹.

НАПРЯЖЕННАЯ ОБСТАНОВКА

В эти первые месяцы 1942 года положение в Индии становилось все более напряженным. Театр военных действий все приближался, так что теперь стали вероятными воздушные налеты на индийские города. Что произойдет в тех странах Востока, где бушует война? Что нового произойдет во взаимоотношениях между Индией и Англией? Будем ли мы жить по-старому, гневно взирая друг на друга, связанные и одновременно разобщенные горькими воспоминаниями прошлого, жертвы неотвратимой трагической судьбы? Или же общая опасность поможет нам перекинуть мост через эту пропасть? Даже базары пробудились от своей обычной летаргии и были охвачены волнением. Они были полны самых разнообразных слухов. Состоятельные классы боялись будущего, которое так быстро надвигалось на них, ибо это будущее, что бы оно ни несло с собой, по всей вероятности, должно было нарушить привычный им социальный порядок и создать угрозу их интересам и привилегированному положению. Крестьянин и рабочий не знали этих страхов, ибо они мало что могли потерять, и они были бы рады любому изменению в своем бедственном положении.

В Индии всегда наблюдалась горячая симпатия к Китаю и, как следствие этого, некоторая антипатия к Японии. Вначале ожидалось, что война на Тихом океане принесет облегчение Китаю. На протяжении четырех с половиной лет Китай боролся с Японией один на один. Теперь у него были могущественные союзники, и это, несомненно, должно было облегчить его бремя и уменьшить нависшую над ним опасность. Однако эти союзники получали удар за ударом; под натиском наступающих японских армий английская колониальная империя разваливалась с поразительной быстротой. Значит, это величественное здание было всего лишь карточным домиком без всякого фундамента и внутренней устойчивости? Этот факт неизбежно

¹ Liddell Hart, The Strategy of Indirect Approach, 1941, preface.

сопоставлялся с длительным сопротивлением Китая японской агрессии, несмотря на отсутствие у него почти всего того, что требуется для современной войны. Престиж Китая в глазах народа вырос; что же касается Японии, то народ не питал к ней симпатии, однако он получал удовлетворение, наблюдая крушение старых европейских колониальных держав под натиском вооруженной мощи азиатской державы. Враждебные к восточноазиатской расе настроения наблюдались и среди англичан. Пережить разгром и поражение само по себе было достаточно горько, но тот факт, что победу над ними одержала восточная азиатская держава, усугублял горечь и унижение. Один высокопоставленный англичанин сказал, что он скорее предпочел бы, чтобы «Принс оф Уэлс» и «Рипалс» были потоплены немцами, чем желтыми японцами.

Приезд китайских руководителей, генералиссимуса Чан Кай-ши и его супруги, явился большим событием для Индии. Официальные условности и позиция правительства Индии помешали им общаться с народом, но уже самый факт их пребывания в Индии в этот критический момент и ясно выраженное ими сочувствие делу освобождения нашей страны помогли вытянуть Индию из раковины ее национальной замкнутости и яснее осознать международные проблемы, судьба которых решалась в то время. Узы, связывавшие Индию с Китаем, укрепились, так же как и желание Индии встать плечом к плечу с Китаем и другими странами в борьбе против общего врага. Опасность, грозившая Индии, содействовала сближению националистических и интернационалистических взглядов. Единственным разобщающим фактором была политика английского правительства.

Правительство Индии, без сомнения, ясно отдавало себе отчет в надвигающейся опасности. Оно должно было ощущать тревогу и сознавать необходимость срочных действий. Однако таковы были привычные условия жизни англичан в Индии, они так заостенели в своей раз навсегда установленной рутине, так сжились с постоянным бюрократическим формализмом, что в их взглядах и деятельности не наблюдалось сколько-нибудь заметных изменений. Не видно было, чтобы они торопились, спешили, испытывали напряжение, проявляли активность.

Система, которую они представляли, была создана для другой эпохи и с другими целями. Касалось ли это их армии или их гражданских учреждений, назначение их состояло в одном — в оккупации Индии и в подавлении всяких попыток индийского народа к освобождению. Для этой цели они были вполне пригодны; совсем иным делом была современная война против могущественного и жестокого противника, и им было чрезвычайно трудно к ней приспособиться. Они не были годны для этой цели интеллектуально, к тому же значительная часть их энергии уходила на подавление национализма в Индии.

Крушение бирманских и малайских властей, оказавшихся неспособными справиться с новыми проблемами, было знаменательным и красноречивым фактом, однако из этого факта не было сделано никаких выводов. Бирмой управляла такого же рода гражданская администрация как и та, что управляла Индией; по существу, несколькими годами ранее она еще была частью индийской администрации. Методы управления там были те же, что и в Индии, и Бирма показала, насколько отжившей была эта система. Однако система эта продолжала существовать в неизменном виде, и вице-король со своими высшими чиновниками действовали точно так же, как и раньше. Они прибавили к своим штатам многих высокопоставленных чиновников, столь постыдно обанкротившихся в Бирме, и на самой верхушке в Симле водворилось еще одно «превосходительство». Подобно тому как в Лондоне существуют эмигрантские правительства, нам была предоставлена привилегия иметь в своей среде чиновников — эмигрантов из английских колоний. Они нашли для себя как нельзя более подходящее место в английской системе в Индии.

Подобно силуэтам в театре теней, эти высшие чиновники продолжали действовать по-старому, пытаясь произвести на нас впечатление своим сложным величественным ритуалом, своими придворными церемониями, своими *дурбарами*¹ и ипвеститурами, своими парадами, своими обедами и вечерними туалетами, своими напыщенными разглагольствованиями. Дом вице-короля в Дели представлял собой главный храм, где творил обряд верховный жрец, но кроме него имелось множество других храмов и жрецов. Весь этот церемониал и величественная помпезность были рассчитаны на то, чтобы производить впечатление, и они действительно производили в былые дни впечатление на наш народ, ибо индийцы также падки до всяческих церемоний. Однако с тех пор появились новые критерии, произошла переоценка ценностей, и теперь весь этот старательно разыгрывавшийся спектакль стал объектом шуток и насмешек. Индийцев принято считать медлительными людьми, не склонными к спешке и торопливости, но даже они стали проявлять известную быстроту и энергичность в своей работе, настолько сильно было их желание сдвинуть дело с мертвой точки. Конгрессиистские правительства провинций, каковы бы ни были их недостатки, горячо стремились добиться практических результатов и трудились упорно и непрерывно, не считаясь во многом с давно установившейся рутинной. Возмутительно было видеть пассивность и медлительность правительства Индии и его многочисленных чиновников перед лицом серьезного кризиса и опасности.

И вот в этот-то момент в стране появились американцы. Они очень торопились, были чрезвычайно активны, ничего не знали

¹ *Дурбар* — совет сазовников в индийских княжествах, а также съезд князей. Дурбары отличались особой пышностью. — *Прим. ред.*

о методах и церемониале правительства Индии, да и не слишком стремились с ними познакомиться. Не терпя проволочек, они пресекали всяческие обструкции и бюрократизм и нарушали ровное течение жизни в Дели. Они мало заботились о том, как следует одеться в том или ином случае, и подчас нарушали строго правила протокола и официальной процедуры. Хотя помощь, которую они оказывали, была весьма желанной, их самих в высших официальных кругах недолюбливали и отношения с ними были натянутые. Индийцам они в общем нравились. Их энергия, энтузиазм, с каким они относились к своему делу, были заразительны и составляли резкий контраст с полным отсутствием этих качеств в официальных английских кругах в Индии. Мы ценили их прямоту и отсутствие официальной принужденности. Над трениями между новопришельцами и чиновничьим классом немало потешались втихомолку и по этому поводу рассказывали множество истинных и вымышленных историй.

Приближение войны к Индии сильно беспокоило Ганди. Нелегко было согласовать его политику и программу ненасилия с этим новым обстоятельством. Гражданское неповиновение, естественно, исключалось перед лицом вторгающейся вражеской армии, а также в условиях двух противостоящих друг другу армий. Пассивность или примирение с вторжением равным образом исключались. Что же оставалось? Его собственные коллеги и Национальный конгресс в целом отвергли применение принципа ненасилия в подобном случае или в качестве альтернативы вооруженному сопротивлению вторжению, и он в конце концов согласился, что они имели на это право. Но, тем не менее, он был встревожен, и поскольку дело касалось его лично как человека, он не мог поддержать какие бы то ни было насильственные действия. Однако он значил гораздо больше, чем отдельная личность. Занимал ли он какое-либо официальное положение в националистическом движении, или нет, но он играл в нем выдающуюся, руководящую роль, и его слово имело большой вес для огромного числа людей.

Мало кто в настоящем или прошлом знал Индию и особенно индийские народные массы так, как знал их Ганди. Дело было не только в том, что он много путешествовал по Индии и соприкасался с миллионами людей. У него было какое-то свойство, позволявшее ему устанавливать эмоциональный контакт с массами. Он мог слиться с массами, чувствовать вместе с ними, и именно потому, что массы сознавали это, они платили ему любовью и преданностью. И все же его представление об Индии было до известной степени окрашено теми взглядами, которые он усвоил в молодые годы в Гуджарате. Гуджаратцы представляли собой, по существу, общину мирных торговцев и купцов, находившихся под влиянием джайнистской доктрины ненасилия. Другие районы Индии в гораздо меньшей степени

испытали на себе влияние этой доктрины, а некоторые вообще не испытали ее влияния. Многочисленное сословие воинов-кшатриев, разумеется, не допускало, чтобы она служила помехой войне или охоте на диких животных. Другие сословия, включая брахманов, также в целом мало были подвержены влиянию этой доктрины. Но у Ганди был свой особый взгляд на развитие индийской мысли и истории. Он считал, что ненасилие было главным принципом, лежавшим в основе этого развития, хотя имели место и многочисленные отклонения от него. Эта теория представлялась весьма искусственной, и многие индийские мыслители и историки не соглашались с ней. К достоинствам доктрины ненасилия на нынешнем этапе человеческого существования это никакого отношения не имело, но говорило о некоторой пристрастности исторических воззрений Ганди.

Особенности географического положения страны имели огромное определяющее влияние на ее национальный характер и историю. Тот факт, что Индия была отрезана могучим барьером Гималаев и морем, внушил обитателям этого обширного района сознание своего единства и в то же время породил замкнутость. На этой обширной территории возникла яркая и однородная цивилизация. Она имела неограниченный простор для своего расширения и развития и продолжала сохранять прочное культурное единство. Однако в рамках этого единства возникло и разнообразие, обусловленное также географическими факторами. Обширная северная и центральная равнина не походила на пестрые холмистые районы Декана, и люди, обитавшие в различных географических районах, приобрели свои отличительные особенности. Ход истории также был различен на севере и на юге, хотя иногда пути ее скрещивались и сливались. Равнинный характер местности и обширные открытые пространства севера, напоминающие Россию, требовали мощных центральных правительств для защиты от внешних врагов. На юге, как и на севере, существовали процветающие империи, но настоящим центром империи был север, который часто господствовал над югом. В старые времена сильное центральное правительство неизбежно было самодержавным. Тот факт, что маратхи сыграли отнюдь не последнюю роль в падении Могольской империи, не был простой исторической случайностью. Маратхи пришли из холмистых районов Декана. У них в какой-то мере сохранился дух независимости, в то время как огромное большинство населения северных равнин стало угодливым и покорным. Англичане легко одержали победу в Бенгалии. Обитатели ее плодородных равнин покорились им с удивительным смирением. Закрепившись там, англичане проникли затем и в другие районы.

География имеет значение и сейчас, она будет иметь значение и в будущем, однако ныне более важную роль играют другие

факторы. Горы и моря уже не являются более барьерами, но они все еще определяют характер народа, а также политическое и экономическое положение страны. Их нельзя игнорировать при рассмотрении новых планов раздела, расчленения или воссоединения, если только эти планы разрабатываются не во всемирном масштабе.

Ганди глубоко изучил Индию и индийский народ. Хотя он и не питает большого интереса к истории как таковой и, быть может, не обладает тем пониманием истории, тем чутьем историка, которое свойственно некоторым людям, однако он не упускает из виду и ясно представляет себе исторические корни индийского народа. Он хорошо осведомлен о текущих событиях и тщательно следит за ними, хотя внимание его сосредоточено, естественно, на сегодняшних проблемах Индии. Он обладает способностью схватывать самую суть проблемы или той или иной ситуации, отбрасывая в сторону все несущественное. Подходя ко всему, как он считает, с моральным критерием, он схватывает суть вещей и видит их в перспективе. Бернард Шоу сказал, что хотя он (Ганди), возможно, совершает много тактических ошибок, но его основная стратегия остается правильной. Большинство людей, однако, не слишком тревожится по поводу отдаленных результатов, их гораздо больше интересуют тактические выгоды момента.

СЭР СТАФФОРД КРИППС ПРИБЫВАЕТ В ИНДИЮ

Спадением Пенанга и Сингапура и по мере продвижения японцев в Малайе оттуда началось массовое бегство индийского и другого населения. Все эти беженцы устремились в Индию. Им приходилось покидать свой дом внезапно, и они ничего не успевали захватить с собой, кроме одежды, которая была на них. Затем последовал поток беженцев из Бирмы. Их были сотни тысяч, главным образом индийцев. Рассказ о том, как они были брошены на произвол судьбы гражданскими и прочими властями и эвакуировались своими силами облетел всю Индию. Они тащились сотни миль в телегах через горы и густые леса, окруженные врагами. Многие погибали в пути, убитые кинжалом, болезнью или голодом. Это было ужасное следствие войны, с которым приходилось мириться. Но не война была причиной различия в отношении к индийским и английским беженцам. О последних, по мере возможности, заботились, их обеспечивали транспортом, оказывали им помощь. Из одного пункта в Бирме, где скопилось большое число беженцев, в Индию вели две дороги. Лучшая из них была предоставлена англичанам и другим европейцам. Ее стали называть «Белой дорогой».

Мы слышали страшные рассказы о расовой дискриминации и страданиях людей. Их приносили с собой голодные

беженцы, растекавшиеся по всей стране, и эти рассказы производили глубокое впечатление на индийский народ.

В этот момент в Индию прибыл сэр Стаффорд Криппс с предложениями английского военного кабинета. На протяжении последних двух с половиной лет эти предложения обсуждались во всех подробностях, и они стали уже достоянием истории. Для того, кто принимал участие в последовавших затем переговорах, довольно затруднительно сколько-нибудь подробно остановиться на них, не высказав при этом много такого, о чем до поры до времени было бы лучше помолчать. Собственно говоря, все те вопросы и соображения, которые возникли в этой связи, были уже изложены в печати.

Я вспоминаю, что, когда я впервые прочел эти предложения, я был сильно удручен, и это было вызвано главным образом тем, что я ожидал от сэра Стаффорда Криппса чего-то более значительного, особенно, учитывая тогдашнюю критическую ситуацию. Чем больше я вчитывался в эти предложения и размышлял над их содержанием, тем сильнее становилось мое уныние. Человек, незнакомый с индийскими проблемами, мог вообразить, что эти предложения во многом идут навстречу нашим требованиям. Однако при ближайшем рассмотрении в них оказывалось столько оговорок, а самое признание принципа самоопределения сопровождалось столькими условиями и ограничениями, что это создавало угрозу нашему будущему.

Предложения касались главным образом будущего. Они имели в виду период после прекращения военных действий, хотя в их заключительном пункте содержалось неопределенное приглашение к сотрудничеству в настоящее время. Этот план для будущего, подтверждая принцип самоопределения, предоставлял провинциям право не входить в Индийский союз и создавать свои независимые государства. Кроме того, такое же право невхождения в Индийский союз было предоставлено индийским княжествам, а надо иметь в виду, что в Индии насчитывается около шестисот таких княжеств. В их числе есть несколько крупных, но в подавляющем большинстве это крошечные владения. Все эти княжества и провинции должны были принять участие в разработке конституции и оказать свое влияние на эту конституцию, а затем могли отказаться от ее соблюдения. В основе всего оказался бы сепаратизм, тогда как действительно важные экономические и политические проблемы, стоящие перед страной, были бы оттеснены на второй план. Реакционные элементы, во многом расходящиеся между собой, объединились бы для того, чтобы воспрепятствовать созданию сильного, прогрессивного, объединенного национального государства. Под постоянной угрозой выхода из союза в конституцию могли быть включены нежелательные статьи, центральное правительство могло оказаться ослабленным и обессиленным, а выход из союза все равно мог последовать,

причем тогда было бы уже трудно изменить конституцию и сделать ее более приемлемой для оставшихся в составе союза провинций и княжеств. Выборы в провинциях в учредительный орган должны были происходить на основе существующей системы отдельных религиозных избирательных курий. Это было весьма прискорбно, ибо должно было возродить прежний дух разобщенности, однако при существующих обстоятельствах это было неизбежно. Что же касается княжеств, то выборы там вообще не предусматривались, и девяносто миллионов их жителей полностью игнорировались. Полуфеодальные правители княжеств могли назначать своих собственных представителей пропорционально численности их населения. Среди этих назначенных лиц могли оказаться некоторые способные министры, но в общем они неизбежно представляли бы не население княжества, а его феодального самодержавного властителя. Эти представители составили бы около одной четверти общего числа членов учредительного органа и своей численностью, своей социальной отсталостью и угрозами выхода из союза оказали бы огромное влияние на его решения. Учредительное собрание или орган по выработке конституции представлял бы собой странное смешение выборных и назначенных членов, из которых первые были бы выбраны отдельными религиозными куриями и некоторыми привилегированными сословиями, а последние — назначены правителями княжеств. К этому надо добавить, что сила, побуждающая принять согласованные решения, здесь отсутствовала бы, а следовательно, не могло быть и того ощущения реальности, которое создается выработкой единых и окончательных решений. Многие члены учредительного собрания были бы склонны действовать совершенно безответственно, сознавая, что могут в любой момент уйти и отказаться от ответственности за осуществление этих решений.

Любое предложение о расчленении Индии на части причиняло нам боль; оно противоречило всем глубоким чувствам и убеждениям, которые так волнуют народ. Все индийское националистическое движение было основано на единстве Индии, но это чувство единства возникло раньше и было глубже современного национализма; оно восходило к самым ранним периодам индийской истории. События новейшего времени укрепили эти чувства и представления, так что они стали для огромного числа людей символом веры, чем-то таким, что нельзя было подвергать сомнению или оспаривать. Вызов этому единству был брошен Мусульманской лигой. Однако мало кто отнесся к этому серьезно, и очень многие мусульмане не были с этим согласны. Предложение Мусульманской лиги исходило не из территориального принципа, хотя оно и предусматривало в расплывчатой и неопределенной форме раздел территории. В основе этого предложения лежала средневековая концепция наций, исходившая из религиозных различий, согласно которой

в каждой индийской деревне было две, а то и больше национальностей. Даже раздел Индии не мог устранить эти широко распространенные и тесно переплетавшиеся религиозные различия. Собственно говоря, такой раздел лишь еще более усугубил бы трудности и осложнил проблемы, которые он призван был разрешить.

Помимо чувств, существовали еще и другие веские основания против раздела. Социальные и экономические проблемы Индии главным образом вследствие политики английского правительства достигли остроты кризиса, и для предотвращения катастрофы необходим был быстрый и всесторонний прогресс. Этот прогресс был возможен лишь при условии реалистического и правильного планирования для всей Индии, ибо различные районы взаимно удовлетворяли нужды друг друга. Индия в целом представляла собой могущественную и самостоятельную единицу, тогда как каждый район в отдельности был бы слабым и зависимым от других. Если все эти и прочие доводы были убедительны и достаточны в прошлом, то современные политические и экономические события удвоили их убедительность. Мелкие государства как независимые единицы повсюду исчезали; они поглощались более крупными государствами или становились их экономическими придатками. Возникла неизбежная тенденция к образованию больших федераций или объединений многих государств, выступающих как единое целое. Сама идея национального государства уступала место идее многонационального государства, а в отдаленном будущем уже вырисовывались очертания всемирной федерации. Помышлять именно в этот момент о разделе Индии значило идти наперекор всему направлению современного исторического и экономического развития. Это выглядело совершенно фантастически.

И тем не менее под давлением жестокой необходимости или какого-нибудь неотвратимого бедствия приходится мириться со многими нежелательными вещами. Обстоятельства могут принудить к разделу того, что по логическим соображениям и при нормальных условиях не подлежит расчленению. Однако предложения, выдвинутые от имени английского правительства, не имели в виду какой-либо определенный и конкретный план расчленения Индии. Они открывали неограниченные возможности для выделения множества единиц как провинций, так и княжеств. Они побуждали все реакционные, феодальные и социально отсталые группы требовать отделения. По всей вероятности, ни одна из этих групп всерьез не желала раздела, ибо не могла существовать самостоятельно. Но они могли причинить массу хлопот и затруднить, задержать создание свободного индийского государства. Если их поддерживала политика Англии, как это, очевидно, и было, это означало, что нам не видать никакой свободы в течение длительного времени. Мы были знакомы с этой политикой на горьком опыте, и мы неизменно

убеждались в том, что она поощряет раскольниковские тенденции. Какова была гарантия, что Англия не будет продолжать такую политику и впредь, после чего заявит, что не может выполнить свое обещание, ибо для этого нет надлежащих условий. Все говорило за то, что эта политика будет продолжаться.

Таким образом, это предложение предполагало не просто признание Пакистана или какого-либо конкретного плана расчленения, что было бы достаточно скверно само по себе, но заключало в себе нечто гораздо худшее: оно открывало возможности для неограниченных разделов. Это создавало постоянную угрозу свободе Индии и препятствовало осуществлению того самого обещания, которое нам было дано.

Решение относительно будущности индийских княжеств, согласно английским предложениям, должно было быть принято не населением этих княжеств или их выборными представителями, а их самодержавными правителями. Принятие нами этого принципа явилось бы отказом от нашей твердо установленной и неоднократно провозглашавшейся политики и предательством по отношению к народам княжеств, которые были бы обречены на продление периода господства самодержавных режимов. Мы были готовы проявить по отношению к князьям максимальную предупредительность, дабы заручиться их сотрудничеством при переходе к демократическому режиму, и, не будь третьей стороны в лице Англии, мы бы, без сомнения, преуспели в этом. Однако, поскольку английское правительство поддерживало самодержавный режим в княжествах, следовало ожидать, что князья откажутся вступить в Индийский союз и будут полагаться на военную поддержку Англии для защиты их от собственных народов. Собственно говоря, нам было заявлено, что в случае возникновения подобных обстоятельств в княжества будут направлены иностранные войска. Поскольку многие из этих княжеств представляли бы собой изолированные островки, окруженные со всех сторон территорией предполагаемого Индийского союза, возникал вопрос, каким образом иностранные войска могли бы быть туда доставлены и как они стали бы сообщаться с войсками, находящимися в каком-либо другом подобном же княжестве. Это предполагало предоставление иностранным войскам права передвижения по территории Индийского союза.

Ганди неоднократно заявлял, что он не является врагом князей. И действительно, его отношение к ним было неизменно дружественным, хотя он часто критиковал их за методы управления и за отказ предоставить хотя бы элементарные права своим народам. В течение многих лет он противился тому, чтобы Конгресс непосредственно вмешивался в дела княжеств, ибо он считал, что народы, населяющие княжества, должны сами проявить инициативу и таким образом выработать чувство уверенности в себе и укрепить свои силы. Многие из нас не одобряли его

позицию. Однако в основе ее лежало твердое убеждение, которое сам он сформулировал следующим образом: «Основной принцип, который определяет мою позицию, состоит в том, что я никогда не соглашусь торговать правами народов княжеств [даже] во имя свободы народа Британской Индии». Профессор Берридейл Кит, видный специалист по вопросам конституции Британского содружества наций и Индии, поддерживал позицию Ганди (которая была в то же самое время и позицией Конгресса) в отношении княжеств. Он писал: «Советники короны не могут утверждать, что население княжеств должно быть лишено тех прав, которыми пользуются индийцы, проживающие в провинциях. Их прямой долг состоит в том, чтобы рекомендовать королю-императору использовать свою власть, дабы обеспечить проведение князьями конституционных реформ, которые привели бы в недалеком будущем к созданию в княжествах ответственных перед народом правительств. Не может отвечать интересам Индии такая федерация, в которой представители провинций были бы вынуждены сидеть рядом с лицами, назначенными самодержавными правителями. Невозможно, по существу, оспаривать утверждение Ганди, что князья должны последовать примеру короны в передаче власти народу». Профессор Кит высказал это мнение в связи с более ранним предложением английского правительства относительно создания федерации. Однако в еще большей мере оно было приложимо к предложениям, которые привез с собой сэр Стаффорд Криппс.

Чем больше мы вдумывались в эти предложения, тем более фантастическими они нам казались. Индия становилась шахматной доской, состоящей из десятков номинально независимых или полунезависимых княжеств. Многие из них опирались на военную поддержку Англии для сохранения своих самодержавных режимов. Стране не обеспечивалось ни политическое, ни экономическое единство, и Англия имела полную возможность попрежнему осуществлять свое господство как в политической, так и в экономической области через контролируемые ею многочисленные мелкие княжества¹.

Я не знаю, какие планы на будущее были у английского военного кабинета. Полагаю, что сэр Стаффорд Криппс желал Индии добра и надеялся видеть ее свободной и объединенной. Однако дело было не во взглядах отдельных лиц или в чьих-то личных добрых намерениях. Нам предстояло рассмотреть

¹ Джеффри де Монморанси в своей книге «The Indian states and Indian Federation» (1942) подчеркивает полную зависимость индийских княжеств от английской поддержки: княжества «еще столь многочисленны в Индии, что ее развитие является задачей, разрешение которой в настоящее время не представляется возможным... Их исчезновение и поглощение было бы, разумеется, неизбежным, если бы только Англия перестала играть господствующую роль по отношению к Индии».

государственный документ, весьма тщательно составленный при всей его нарочитой расплывчатости, и нам было заявлено, что мы должны либо целиком его принять, либо целиком отвергнуть. За ним стояла неизменная на протяжении века политика английского правительства, провоцировавшего раскол в Индии и поощрявшего все, что могло воспрепятствовать ее национальному развитию и освобождению. Всякий шаг вперед, принимавшийся им в прошлом, обязательно сопровождался оговорками и ограничениями, которые вначале казались довольно безобидными, а на деле оказывались огромным препятствием и тормозом.

Возможно и даже вероятно, что многих из тех страшных последствий, которыми, казалось, грозили эти предложения, удалось бы избежать. Благоразумие, патриотизм и дальновидный учет интересов Индии и всего мира, без сомнения, оказали бы свое влияние на позицию многих, в том числе властителей и министров индийских княжеств. Предоставленные самим себе, мы отнеслись бы друг к другу с доверием, рассмотрели бы проблему во всей ее сложности, с учетом всех трудностей, стоящих перед каждой группой, и после всестороннего обсуждения пришли бы к согласованному решению. Однако нас не собирались предоставлять самим себе, хотя и говорилось о том, что мы будем пользоваться правом на самоопределение. Английское правительство присутствовало всюду, оно занимало все стратегические пункты и могло чинить нам самые различные помехи. Оно не только контролировало весь аппарат правительства, административные органы и т. п., но его резиденты и политические агенты в княжествах занимали господствующее положение. Фактически сами князья, игравшие по отношению к своим народам роль самодержцев, находились под полным контролем политического департамента, непосредственно подчиненного вице-королю. Многие из главных министров были им навязаны и являлись чиновниками английской администрации.

Даже если бы многих возможных вредных последствий английского плана удалось избежать, их все же осталось бы достаточно, чтобы подорвать свободу Индии, задержать ее прогресс и создать новые опасные проблемы, которые породили бы огромные трудности. Введение отдельных религиозных избирательных курий, имевшее место более чем тридцать лет назад, причинило уже достаточный вред. Теперь любая реакционная группа получала широкую возможность причинять беспокойство, и возникала угроза непрекращающихся разделений и расчленения Индии. От нас требовали согласия на установление этого порядка в неопределенном будущем, которое должно было явиться результатом войны. Не только Национальный конгресс, но и наиболее умеренные из наших политических деятелей, нисколько сотрудничавшие с английским правительством, заявили, что они не считают это возможным.

Однако Конгресс, при всем его страстном стремлении к единству Индии, горячо желал завоевать на свою сторону меньшинства и другие группы. С этой целью он заявил, что никакая территориальная единица не может удерживаться в составе Индийского союза, если это противоречит желанию ее населения. Он соглашался даже с принципом расчленения, если бы таковое оказалось неизбежным, но никоим образом не хотел его поощрять. В своей резолюции по поводу предложений Крипса Рабочий комитет Конгресса указывал: «Конгресс посвятил себя идее свободы и единства Индии, и всякое нарушение этого единства, особенно в современном мире с его неизбежным стремлением к созданию все более крупных федераций, было бы вредным для всех заинтересованных сторон, и сама мысль об этом крайне мучительна. Тем не менее Комитет против того, чтобы принуждать население какой-либо территориальной единицы оставаться в составе Индийского союза, если это не соответствует его твердому и ясно выраженному желанию. Признавая этот принцип, Комитет считает, что необходимо приложить все усилия для создания таких условий, при которых различные территориальные единицы могли бы жить общей национальной жизнью, построенной на началах сотрудничества. Из признания этого принципа неизбежно следует, что не должно производиться никаких изменений, которые вели бы к возникновению новых проблем и были бы связаны с применением принудительных мер по отношению к другим значительным группам в пределах этого района. Каждая территориальная единица должна пользоваться возможно более полной автономией, допустимой в пределах Индийского союза и совместимой с сильным национальным государством. Предложение, внесенное ныне от имени английского военного кабинета, поощряет сепаратизм и приведет к попыткам отделения в самом начале создания союза. Таким образом, в тот самый момент, когда больше всего необходимы сотрудничество и добрая воля, оно породит трения. Это предложение, повидимому, имеет целью удовлетворить требования религиозных общин, однако оно будет иметь также и другие последствия и побудит политически отсталые и реакционные группировки, имеющиеся в различных общинах, к созданию беспорядков с целью отвлечь внимание общества от жизненно важных проблем, стоящих перед страной».

Комитет далее указывал, что «в условиях нынешнего серьезного кризиса наибольшее значение имеет настоящее, и даже предложения, имеющие в виду будущее, важны лишь постольку, поскольку они влияют на настоящее». Хотя Комитет не мог согласиться с предложениями, касающимися будущего, он стремился прийти к какому-то соглашению, с тем чтобы Индия, как он указывал, могла должным образом взять на себя бремя своей обороны. Вопрос о ненасилии не имел к этому никакого отношения, и о нем не упоминалось ни на одной стадии пере-

говоров. Больше того, среди обсуждавшихся вопросов был вопрос о необходимости назначения министра обороны из индийцев.

Позиция Конгресса на этой стадии сводилась к тому, что ввиду непосредственной военной опасности, грозившей Индии, он готов отложить в сторону вопросы, касающиеся будущего, и сосредоточить свои усилия на формировании национального правительства, которое могло бы полностью сотрудничать в ведении войны. Конгресс не мог согласиться с конкретными предложениями английского правительства относительно будущего, поскольку они были связаны со всевозможными опасными обязательствами. Предложения, которые касались будущего, могли быть взяты обратно или оставлены как показатель намерений Англии; при этом следовало ясно отметить, что Конгресс их не принимает. Все это, однако, не должно было помешать найти какой-то путь к сотрудничеству в настоящем.

Что касается настоящего, то предложения английского военного кабинета были туманны и неполны, если не считать того, что они ясно давали понять, что оборона Индии должна оставаться исключительной заботой английского правительства. Из неоднократных заявлений сэра Стаффорда Криппса следовало, что, помимо обороны, все остальные области деятельности будут переданы под действенный индийский контроль. Говорилось даже о том, что вице-король будет играть роль лишь конституционного главы государства, подобно английскому королю. Все это вело к тому, что мы вообразили, будто единственным спорным вопросом, который оставалось рассмотреть, был вопрос об обороне. Наша позиция сводилась к тому, что в военное время в понятие обороны может быть включена, и в значительной мере действительно включалась, большая часть всех прочих видов национальной деятельности. Если оборона полностью исключалась из сферы компетенции национального правительства, в его ведении могло остаться очень немногое. Было достигнуто соглашение, что английский главнокомандующий будет попрежнему осуществлять полный контроль над вооруженными силами и над военными операциями. Договорились также о том, чтобы общая стратегия определялась имперским штабом. Однако помимо этого выдвигалось требование иметь в составе национального правительства министра обороны.

После некоторых споров Криппс согласился, что может быть учрежден департамент обороны, возглавляемый индийцем, однако в круг вопросов, подведомственных этому департаменту, должны были входить: вопросы связи с печатью, снабжение бензином, организация лавок в войсковых частях, снабжение канцелярскими принадлежностями и работа типографий, обслуживание иностранных миссий, организация развлечений для солдат и т. п. Перечень этот был весьма знаменателен. Он ставил индийского главу департамента

обороны в смешное положение. В результате дальнейшего обсуждения этого вопроса были внесены некоторые изменения. Хотя между точками зрения обеих сторон оставалась, повидимому, еще огромная пропасть, однако казалось, что они сближаются. Впервые я, как и другие, почувствовал, что соглашение может быть достигнуто. Углубление военного кризиса служило для всех нас постоянным стимулом прийти к соглашению.

Опасность войны и вторжения была велика, и ее так или иначе нужно было отразить. Однако для этого имелись различные способы, вернее же говоря, существовал лишь один способ, который был действительно эффективным в настоящее время и в еще большей мере в будущем. Мы опасались, что благоприятный психологический момент может миновать, а это было чревато не только опасностями в настоящем, но еще большими опасностями в будущем. Помимо старого оружия, нужно было новое оружие, новые способы его применения, новый энтузиазм, новые перспективы, новая вера в будущее, которое должно было коренным образом отличаться от прошлого и настоящего и залогом чего должны были явиться перемены в настоящем. Наш пыл, видимо, настраивал нас оптимистически, заставляя забывать на время о страшной пропасти, разделявшей нас и английских властителей, или представлять ее себе менее широкой и глубокой. Вековой конфликт не так-то легко было разрешить даже перед лицом опасности и катастрофы. Всякой империалистической державе нелегко выпускать из своих когтей подвластные ей территории, если только она не оказывается к этому вынужденной. Могли ли нынешние обстоятельства вынудить к этому, убедить в необходимости такого шага? Этого мы не знали, но надеялись, что это возможно.

И вдруг, в тот самый момент, когда я был преисполнен самых радужных надежд, начали твориться всевозможные странные вещи. Лорд Галифакс, выступая где-то в США, жестоко обрушился на Национальный конгресс. Почему он сделал это в тот именно момент в далекой Америке, было неясно, но он вряд ли стал бы говорить в таком тоне в то время, когда велись переговоры с Конгрессом, если бы это не отражало взглядов и политики английского правительства. В Дели было известно, что вице-король лорд Линлитгоу и высшие чиновники гражданской службы были решительно против соглашения и ограничения их власти. Происходило много такого, о чем мы имели лишь смутное представление.

Когда мы вновь встретились с сэром Стаффордом Криппсом, чтобы обсудить окончательную формулу, определяющую функции министра обороны, выяснилось, что все наши прошлые разговоры на этот счет были совершенно беспредметны, ибо назначать министров, наделенных какими бы то ни было полномочиями, вовсе не имелось в виду. Сохранялся существующий Исполнительный совет при вице-короле, и единственное, что предпола-

галось сделать, это включить в состав этого Совета дополнительное число индийцев, представляющих различные политические партии. Совет ни в коей мере не был кабинетом министров. Он представлял собой всего лишь группу руководителей департаментов или секретарей, причем вся власть была сосредоточена в руках вице-короля. Мы понимали, что для изменений в законодательном порядке нужно время, и потому мы на этом не настаивали. Но мы требовали, чтобы соблюдалось некое соглашение, по которому вице-король должен был относиться к Исполнительному совету как к кабинету министров и считаться с его решениями. Теперь нам было заявлено, что это невозможно и что полномочия вице-короля должны оставаться неизменными не только в теории, но и на практике. Это был поразительный факт, которому мы едва могли поверить, ибо все прошлые наши переговоры велись на совершенно иной основе.

Мы обсуждали вопрос о том, как увеличить способность Индии сопротивляться вторжению. Мы горячо желали дать индийской армии почувствовать, что она является национальной армией, и таким образом внести в войну патриотический дух. Мы хотели также быстро создать новые части, милицию, отряды местной обороны и т. п. для защиты страны на случай вторжения. Все они, разумеется, были бы подчинены главнокомандующему. Однако нам было заявлено, что это невозможно. Индийская армия представляет собой в действительности часть, подразделение английской армии, и она не может рассматриваться как национальная армия или даже именоваться таковой. Было также сомнительно, чтобы нам разрешили сформировать какие-либо самостоятельные части вроде милиции или отрядов местной обороны.

Таким образом, все свелось к тому, что существующая система управления сохранится в точно таком же виде, как и прежде, вице-король будет попрежнему обладать самодержавной властью, а некоторым из нас будет позволено составить его ливрейную свиту и присматривать за войсковыми лавками и тому подобным. Это ни на йоту не отличалось от того предложения, которое было сделано полтора года назад Эмери и которое мы тогда расценили как оскорбление Индии. Правда, после всего, что произошло, психологическая атмосфера должна была измениться. Выбор людей также имеет значение. Сильные и способные люди действовали бы совершенно иначе, чем холопствующая клика, которая обычно окружала трон вице-короля.

Однако для нас в любое время, в особенности же сейчас, немыслимо и невозможно было согласиться на это. Если бы мы решились дать согласие, от нас отрекся бы наш собственный народ. Надо сказать, что когда впоследствии общественности стали известны факты, раздались громкие крики протеста против многочисленных уступок, на которые мы пошли в ходе переговоров.

На всем протяжении наших переговоров с сэром Стаффордом Криппсом ни разу не затрагивалась и не обсуждалась так называемая проблема меньшинств или религиозных общин. На той стадии она не возникла. Она имела важное значение при рассмотрении будущих конституционных перемен, но обсуждение последних было сознательно отложено в связи с нашей первой реакцией на английские предложения. Если бы было достигнуто согласие по принципиальному вопросу о действительной передаче власти национальному правительству, несомненно, возник бы вопрос о представительстве различных групп в этом правительстве. Однако поскольку мы так и не пришли к соглашению относительно этого принципа, указанный вопрос вообще не возник и не рассматривался. Что касается нас, то мы так горячо желали иметь действительно национальное правительство, пользующееся доверием всех главных партий, что, по нашему мнению, вопрос о пропорциональном представительстве не вызвал бы серьезных трудностей. Председатель Конгресса маулана Абул Калам Азад писал в письме Стаффорду Криппсу: «Мы хотели бы обратить Ваше внимание на то, что предложения, выдвинутые нами, являются не только нашими предложениями — они могут рассматриваться как единодушное требование всего индийского народа. По этим вопросам между различными группами и партиями нет никаких разногласий — разногласия существуют между индийским народом в целом и английским правительством. Те разногласия, которые имеются в Индии, относятся к конституционным изменениям в будущем. Мы готовы отложить решение этого вопроса, с тем чтобы обеспечить достижение максимального единства перед лицом нынешнего кризиса в интересах обороны Индии. Было бы трагедией, если бы английское правительство и теперь, когда в Индии существует такое единодушие, помешало деятельности свободного национального правительства, которое могло бы сослужить свою службу Индии, а также содействовать достижению высоких целей, во имя которых сегодня терпят страдания и умирают миллионы людей».

В следующем и последнем письме председателя Конгресса говорилось: «Мы не заинтересованы в том, чтобы Конгресс как таковой получил власть, но мы заинтересованы, чтобы весь индийский народ в целом обладал свободой и властью... Мы убеждены в том, что, если бы английское правительство не проводило политику поощрения раскола, все мы, к какой бы партии или группе каждый из нас ни принадлежал, смогли бы прийти к соглашению и выработать общую линию поведения. Однако, к несчастью, английское правительство даже в этот час грозной опасности не может отказаться от своей расколочившей политики. Это приводит нас к заключению, что оно придает большее значение тому, чтобы как можно дольше сохранять свое господство над Индией и поощрять с этой целью разлад и

раздоры в стране, нежели обеспечению надежной обороны Индии от угрозы агрессии и вторжения, которая нависла над нами. Для нас, как и для всех индийцев, важнейшим соображением является оборона и безопасность Индии. И именно это является для нас основным критерием».

В этом письме он определил также нашу позицию в отношении обороны. «Никто не предлагал как-либо ограничить законные полномочия главнокомандующего. Больше того, мы были готовы согласиться на предоставление ему все более широких полномочий как военному министру. Однако совершенно очевидно, что наши взгляды и взгляды английского правительства на оборону весьма различны. С нашей точки зрения, обороне должен быть придан национальный характер, нужно призвать каждого мужчину и каждую женщину в Индии принять участие в ней. Это означает оказать доверие нашему народу и заручиться его активным участием в этих великих усилиях. Точка зрения английского правительства, повидимому, основана на полном отсутствии доверия к индийскому народу и на лишении его подлинной власти. Вы ссылаетесь на высший долг и ответственность правительства Его Величества в отношении обороны. Этот долг и эта ответственность не могут быть должным образом выполнены, если индийский народ не будет сам нести и чувствовать свою ответственность, и это подтверждается событиями недавнего прошлого. Правительство Индии не отдает себе отчета в том, что война может вестись лишь на народной основе».

Почти немедленно по получении этого последнего письма председателя Конгресса сэр Стаффорд Криппс вылетел на самолете в Англию. Однако перед этим, а также по возвращении на родину он выступил с рядом публичных заявлений, которые противоречили фактам и вызвали сильнейшее возмущение в Индии. Несмотря на опровержения ответственных лиц в Индии, эти заявления были повторены Криппсом и другими.

Английские предложения были отвергнуты не только Национальным конгрессом, но решительно всеми партиями и группами в Индии. Даже наиболее умеренные из индийских политических деятелей выразили им свое неодобрение. За исключением Мусульманской лиги, все остальные партии и группы выдвинули более или менее одинаковые причины неодобрения. Мусульманская лига, по своему обыкновению, выждала, чтобы другие высказали свое мнение, а затем отвергла предложения по своим собственным соображениям.

В английском парламенте и в других местах заявляли, что отклонение английских предложений Конгрессом явилось результатом непреклонной позиции Ганди. Это совершенно не соответствует действительности. Ганди, как и большинство других, решительно осуждал неопределенные и бесчисленные разделы, к которым повели бы английские предложения, а также

тот факт, что девяностомиллионное население индийских княжеств лишено было права голоса в решении своего собственного будущего. Все последующие переговоры, касающиеся перемирия, которые должны были быть осуществлены в настоящем, а не в будущем, происходили в его отсутствие, ибо ему пришлось уехать в связи с болезнью его жены, так что он не имел к ним никакого отношения. Рабочий комитет Конгресса в прошлом неоднократно расходился с ним во взглядах по вопросу о ненасилии и горячо желал создания национального правительства, которое сотрудничало бы в ведении войны и особенно в деле обороны Индии.

Война была главным предметом, занимавшим умы людей. Вторжение в Индию казалось совсем близким. Однако достижению соглашения помешала не война, ибо войной, естественно, должны были бы руководить военные специалисты, а не политики. Относительно ведения самой войны прийти к соглашению было бы нетрудно. Действительная проблема заключалась в передаче власти национальному правительству. Это был старый спор между индийским национализмом и английским империализмом, и в этом споре английский господствующий класс в Англии и Индии был полон решимости, не считаясь с войной, удержать то, что имел. За ним стояла внушительная фигура Уинстона Черчилля.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

Внезапное прекращение переговоров, которые вел Криппс, и его неожиданный отъезд удивили нас. Неужели же член английского военного кабинета приезжал в Индию только за тем, чтобы сделать это жалкое предложение, которое оказалось, поскольку это касалось настоящего, всего лишь повторением того, о чем нам неоднократно заявляли в прошлом? Или же все это было лишь пропагандистской уловкой, предназначавшейся для американского народа? Наша реакция была сильной и болезненной. Надежды на соглашение с Англией не было. Индийскому народу не позволяли даже защищать свою страну от вторжения, как он того желал.

Между тем возможность такого вторжения усиливалась, и толпы голодных индийских беженцев непрерывно прибывали в Индию через ее восточные границы. В Восточной Бенгалии под влиянием паники, вызванной ожидаемым вторжением, были уничтожены десятки тысяч речных судов. (Впоследствии было заявлено, что причиной этого являлся неправильно понятый официальный приказ.) В этом обширном районе имелось множество водных путей, и единственным доступным средством транспорта являлись эти суда. Уничтожение их изолировало большие группы населения, лишало их средств к существованию и передвижению и явилось одной из дополнительных

причин, способствовавших возникновению голода в Бенгалии. Были проведены приготовления к массовой эвакуации из Бенгалии, и можно было считать вероятным повторение того, что произошло в Рангуне и Нижней Бирме. В городе Мадрасе смутный и неподтвержденный слух (оказавшийся ложным) о приближении японского флота послужил причиной внезапного отъезда высших правительственных чиновников и даже частичного разрушения портовых сооружений. Создавалось впечатление, что гражданская администрация Индии находится в состоянии нервного потрясения. Она была сильна лишь в подавлении индийского национализма.

Что нам было делать? Мы не могли допустить, чтобы какая-либо часть Индии смиренно покорилась вторжению. Что касается вооруженного сопротивления, то это было делом армии и авиации. Американская помощь прибывала, особенно в виде поставок самолетов, и благодаря этому военная обстановка постепенно менялась. Единственный способ, каким мы могли бы оказать помощь, состоял в том, чтобы изменить всю атмосферу на внутреннем фронте, возбудить в народе энтузиазм и страстное желание сопротивляться любой ценой и создать с этой целью гражданское ополчение, отряды местной обороны и т. п. Однако из-за политики Англии нам крайне трудно было это сделать. Даже накануне вторжения она не могла доверить оружие ни одному индийцу, не находящемуся в рядах регулярной армии, и даже наши попытки организовать невооруженные отряды самообороны в деревнях осуждались и иногда пресекались. Английские власти не только не поощряли организацию народного сопротивления, но боялись его, ибо они издавна привыкли рассматривать всякую организацию народной самообороны как мятежную и опасную для английского господства. Им приходилось придерживаться своей старой политики, ибо единственной альтернативой было согласие на создание национального правительства, опирающегося на народ и организующего его для нужд обороны. Эта альтернатива была ими решительно отвергнута, а какой-либо средний путь или компромисс были невозможны. Неизбежным результатом было то, что они обращались с народом как с рабами, которым не положено обладать какой бы то ни было инициативой и которыми можно помыкать и распоряжаться по своему усмотрению. Исполнительный комитет Конгресса, собравшийся в конце апреля 1942 года, выразил свое глубокое негодование по поводу этой политики, а также по поводу подобного обращения и заявил, что он никогда не сможет согласиться с таким положением, при котором мы будем рабами чужеземных правителей.

Тем не менее мы не могли оставаться безмолвными и пассивными свидетелями трагедии, которая, казалось, вот-вот должна была разразиться. Нам необходимо было сказать народу, огромным массам гражданского населения, как им следует

вести себя в случае вторжения. Мы заявили им, что, несмотря на их возмущение политикой Англии, они не должны чинить никаких препятствий операциям английских или союзных вооруженных сил, ибо это явилось бы косвенной помощью вражеской агрессии. Ни при каких обстоятельствах они не должны покоряться захватчику, подчиняться его приказам или принимать от него какие бы то ни было милости. Если вторгшиеся войска попытаются завладеть домами и полями индийцев, им необходимо сопротивляться до конца. Это сопротивление должно было носить мирный характер и представлять собой полнейший бойкот противника.

Многие весьма саркастически критиковали эту нелепую, по их мнению, идею сопротивления вторгшейся в страну армии методами ненасильственного бойкота. Между тем в ней не только не было ничего нелепого, но это был единственный метод, оставшийся в распоряжении народа, и притом метод, требовавший очень большого мужества. Мы рекомендовали его не вооруженным силам, и мирное сопротивление предлагалось не в качестве альтернативы вооруженному сопротивлению. Наш совет относился только к невооруженному гражданскому населению, которое, почти как правило, покоряется захватчику в тех случаях, когда вооруженные силы терпят поражение или отступают. Помимо регулярных частей, можно создавать партизанские части, которые тревожили бы противника. Но мы лишены были этой возможности, ибо такие части нуждаются в обучении и оружии и в полной поддержке со стороны регулярной армии. К тому же, если бы даже удалось обучить какие-то партизанские части, надо было подумать и об остальном населении. Считается обычным, что гражданское население покоряется вражеской оккупации. Было известно, что английские власти в некоторых угрожаемых районах издали инструкции, рекомендуемые населению и даже части мелких чиновников после ухода армии и отъезда высших чиновников покориться врагу.

Мы прекрасно понимали, что мирный бойкот не может остановить наступающую вражескую армию. Мы знали также, что для большинства мирных жителей сопротивляться противнику было бы трудно, даже если бы они этого хотели. И все же мы надеялись, что некоторые видные лица в городах и селениях, оккупированных противником, откажутся подчиняться ему, выполнять его приказы, содействовать в получении продовольствия или оказывать какую бы то ни было иную помощь. Это грозило им немедленным наказанием, вполне вероятно — даже смертью, а также могло вызвать репрессии. Мы рассчитывали, что такое неповиновение пусть даже ограниченного числа лиц, их сопротивление до конца произведут сильное впечатление на население не только данного района, но и всей Индии. Мы надеялись, что таким образом можно будет пробудить в народе дух сопротивления.

На протяжении нескольких предыдущих месяцев мы создавали в городах и селениях, часто вопреки противодействию властей, продовольственные комитеты и отряды самообороны. Продовольственная проблема сильно тревожила нас, и мы опасались возникновения кризиса в связи с усиливающимися транспортными затруднениями и другими обстоятельствами, связанными с войной. Правительство почти ничего не предпринимало в этой связи. Мы пытались организовать самоснабжение населения, особенно в сельских местностях, и поощрять использование примитивных средств транспорта, например телег, запряженных волами, в случае выхода из строя современных средств. Можно было также ожидать, что в случае вторжения противника с востока большое число беженцев и эвакуирующихся внезапно двинется в западном направлении, как это было в Китае. Мы пытались подготовиться к тому, чтобы принять и устроить их. Все это было чрезвычайно трудно и даже едва ли возможно без содействия правительства, и все же мы пытались сделать все, что могли. Задачей отрядов самообороны было помогать нам в этих начинаниях, предотвращать панику и поддерживать порядок в своих районах. Воздушные налеты и вести о вторжении противника хотя бы в отдаленный район могли вызвать панику среди гражданского населения, и чрезвычайно важно было это предотвратить. Меры, предпринимавшиеся с этой целью властями, были совершенно недостаточны и не внушали доверия общественности. В сельских районах усиливались грабежи и бандитизм.

Мы разработали обширные планы и кое-что сделали для претворения их в жизнь, однако было совершенно очевидно, что мы не затрагиваем существа стоящей перед нами гигантской проблемы. Ее действительное разрешение мыслимо было лишь при полном сотрудничестве между правительственным аппаратом и народом, а это оказалось невозможным. Создалась надрывающая сердце ситуация: в то самое время, когда кризис громко напоминал нам о себе и мы были преисполнены кипучим стремлением к действию, всякая возможность действительно полезной деятельности была у нас отнята. Бедствие, катастрофа гигантскими шагами приближались к нам, а Индия лежала беспомощная и инертная, ожесточенная и угрюмая — поле сражения для соперничающих и чужеземных сил.

При всей моей ненависти к войне перспектива японского вторжения в Индию ничуть меня не пугала. В глубине души я даже в некотором смысле радовался этому приходу в Индию войны, сколь бы ужасной она ни была. Ибо я хотел, чтобы миллионы людей лично испытали мощную встряску, которая вывела бы их из состояния могильного покоя, навязанного нам Англией. Нужно было что-то такое, что заставило бы их взглянуть в лицо сегодняшней действительности и освободиться от прошлого, которое с таким упорством цеплялось за них, подняться

над поглощавшими их мелкими политическими дрязгами и временными проблемами, которые приобретали в их представлении преувеличенные масштабы. Не порывать с прошлым, но и не жить в нем; понимать настоящее и обратить свои взоры к будущему. Изменить ритм жизни и привести его в соответствие с настоящим и будущим. Бремя войны было тяжелым, и возможные последствия ее еще совершенно неясны. Мы этой войны не хотели, но коль скоро она пришла, можно было воспользоваться ею, чтобы закалить народ, чтобы приобрести тот необходимый опыт, из которого может произрасти новая жизнь. Множество людей умрет, это неизбежно, но лучше умереть на войне, чем от голода, лучше умереть, чем влачить жалкую жизнь, лишенную всякой надежды. Из смерти рождается новая жизнь; люди и нации, не умеющие умирать, не умеют и жить. «Только там, где есть могилы, там есть и воскресение».

Но хотя война пришла в Индию, она не вызвала у нас духовного подъема, не открыла перед нами возможности излить свою энергию в некоем радостном порыве, когда забываешь о боли, о смерти и о собственном я и когда значение имеет лишь свобода и видение будущего. Нашим уделом были лишь скорбь и страдания да сознание надвигающейся катастрофы, обострявшее наши чувства и усугублявшее боль, — катастрофы, которую мы не могли отвратить. Нас все более угнетало тягостное сознание неизбежной и неотвратимой трагедии — трагедии в одно и то же время личной и общенациональной.

Это не имело никакого отношения к победе или поражению в войне, к тому, кто выйдет победителем и кто окажется побежденным. Мы не хотели, чтобы войну выиграли державы оси, ибо это, несомненно, повело бы к катастрофе. Мы не хотели, чтобы японцы вторглись в какой-либо район Индии или оккупировали его. Этому необходимо было сопротивляться всеми силами, и мы постоянно внушали народу эту мысль, однако все это был негативный подход. Какая же позитивная цель содержалась в этой войне, какое будущее должно было возникнуть из нее? Была ли она всего лишь повторением прошлых безумств и катастроф, игрой слепых сил природы, не считающихся с желаниями и идеалами человека? Какая судьба ожидает Индию?

Мы вспоминали о завещании Тагора, о его предсмертном обращении, написанном год назад: «...Демон варварства отбросил прочь всякое притворство и уже не скрывает своих когтей, готовый предаться оргии разрушения и растерзать человечество. Все небо над миром затянуто ядовитым дымом ненависти. Дух насилия, повидимому пребывавший в скрытом состоянии в психике Запада, в конце концов пробудился и осквернил дух человека».

Наступит день, когда волею судьбы англичане будут вынуждены отказаться от своей индийской колонии. Но какую Индию

оставят они после себя, какую вопиющую нищету! Когда поток веков господства Англии наконец высохнет, сколько грязи и тины останется в его русле! Когда-то я верил, что из сердца Европы забьют родники цивилизации. Но сегодня, когда я готовлюсь покинуть мир, от этой веры не осталось и следа.

Оглядываясь вокруг, я вижу разбитые осколки гордой цивилизации, разбросанные как какой-нибудь ненужный хлам. И все же я не впаду в тяжкий грех и не утрачу веры в человека. Я буду надеяться, что наступит момент, когда в истории его откроется новая глава, после того как катаклизм завершится и атмосфера очистится духом служения и жертвенности. Быть может, заря эта займется на нашем горизонте, на востоке, там, где восходит солнце. Наступит день, когда непокоренный человек, преодолевая все преграды, снова вступит на свой победоносный путь, чтобы отвоевать свое утраченное человеческое наследие.

Сегодня мы являемся свидетелями тех опасностей, какие таит в себе наглая сила. Когда-нибудь станет ясно, как правы были мудрецы, когда они говорили: «Прибегая к нечестивым средствам, человек преуспевает, добивается того, что кажется ему желанным, побеждает своих врагов, но при этом сам он внутренне гибнет».

Нет, потерять веру в человека нельзя. Бога мы можем отрицать, но на что нам останется надеяться, если мы будем отрицать человека и тем самым все низведем к тщетности? И все же трудно было во что бы то ни было верить и считать, что справедливость неизбежно восторжествует.

Усталый физически и обеспокоенный душевно, я стремился вырваться из своего окружения и предпринял путешествие в Кулу, находящийся в одной из внутренних долин Гималаев.

ВЫЗОВ. РЕЗОЛЮЦИЯ «ВОН ИЗ ИНДИИ!»

Вернувшись после двухнедельного отсутствия из Кулу, я убедился, что внутренняя обстановка в стране быстро меняется. Реакция на провал последней попытки добиться соглашения все усиливалась. Создалось впечатление, что с этой стороны ни на что уже надеяться не приходится. Официальные английские заявления в парламенте и других местах подтверждали это мнение и вызывали возмущение у народа. Официальная политика властей в Индии была явно направлена на подавление нашей законной политической и общественной деятельности, и давление повсюду усиливалось. Многие из наших работников пребывали в тюрьме на всем протяжении переговоров с Криппсом. Теперь же, на основании Закона об обороне Индии, было арестовано и заключено в тюрьму несколько моих ближайших и наиболее выдающихся сотоварищей и коллег. В начале мая был арестован Рафи Ахмад Кидвай. Вскоре после этого

были арестованы председатель комитета Конгресса в Соединенных провинциях Шри Кришнадата Палливала и многие другие. Походило на то, что большинство из нас будет схвачено подобным же образом и отстранено от активной деятельности и в результате наше национальное движение не сможет более развиваться и постепенно придет в упадок. Могли ли мы пассивно примириться со всем этим? Мы были воспитаны не в таких традициях, и вся наша гордость — и личная и национальная — восставала против подобного обращения.

Но что могли мы сделать в условиях серьезного военного кризиса и возможного вторжения? И все же бездействие и в данных условиях не могло быть оправдано, ибо под влиянием его усиливались настроения, внушавшие нам опасения и тревогу. В общественном мнении Индии существовало множество различных направлений, что было естественно для такой огромной страны и к тому же еще в период кризиса. Прояпонские настроения — в собственном смысле слова — практически отсутствовали, ибо никто не желал менять хозяев, прокитайские же настроения были сильны и широко распространены. Однако имелась небольшая группа людей, позиция которых была косвенно прояпонской — в том смысле, что они рассчитывали воспользоваться японским вторжением в интересах освобождения Индии. Они находились под впечатлением выступлений по радио Субхаса Чандры Боса, который за год до этого тайно бежал из Индии. Большинство было, конечно, попросту пассивным, молча выжидая дальнейшего развития событий. Если бы, к несчастью, обстоятельства сложились таким образом, что какая-то часть Индии оказалась под контролем вторгшегося противника, появилось бы, без сомнения, много коллаборационистов, особенно из числа тех, кто получает высокие доходы и превыше всего печется о спасении своей жизни и собственности. Эта порода коллаборационистов с их специфической психологией в прошлом заботливо выращивалась и поощрялась английским правительством в Индии в своих собственных целях. Они умели приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, никогда не упуская из виду своих личных интересов. Мы наблюдали широкое распространение коллаборационизма даже во Франции, Бельгии, Норвегии и многих других оккупированных странах Европы, несмотря на рост движений сопротивления. Мы видели, как вишисты, говоря словами Пертинакса, «ломали себе головы, пытаясь выдать позор за честь, трусость за мужество, малодушие и невежество за мудрость, унижение за доблесть, а полное одобрение германской победы за моральное возрождение». Если так было во Франции, этой стране революции и пламенного патриотизма, то само собой разумеется, что аналогичным образом могли повести себя подобные же классы и в Индии, где психология коллаборационизма так долго процветала под английским покровительством и так щедро вознаграж-

далась. Следовало ожидать, что именно те, кто сотрудничал с английскими властями и во всеуслышание заявлял о своей верности им, первыми стали бы сотрудничать с вторгшимся в страну противником. Они довели искусство коллаборационизма до совершенства, и для них не представило бы никакой трудности удержаться на прежнем фундаменте, даже если бы покоящаяся на нем надстройка изменилась. Если же впоследствии вновь произошла бы смена этой надстройки, они приспособились бы и к ней, так же как это проделывали им подобные в Европе. В случае необходимости они могли бы оправдать это ростом антианглийских настроений, которые после провала переговоров Криппса усилились, как никогда. Так же поступили бы и другие, не из личных и оппортунистических соображений, но движимые различными мотивами, утратив всякие надежды и позабыв о более широких проблемах. Все это наполняло наши сердца тревогой, и мы чувствовали, что рост вынужденной угрюмой покорности английской политике в Индии мог привести к всевозможным опасным последствиям и к полной деморализации народа.

Довольно распространенным было мнение, что в случае попытки вторжения и оккупации противником некоторых восточных районов произойдет развал гражданской администрации и в других, более обширных районах страны и в результате возникнет хаос. Мы видели, что произошло в Малайе и в Бирме. Едва ли кто-либо ожидал, чтобы сколько-нибудь значительная часть страны была оккупирована противником, даже в случае благоприятного для него хода войны. Индия — обширная страна, а на примере Китая мы убедились в том, что пространство играет важную роль. Правда, пространство играет важную роль лишь в том случае, если имеется решимость использовать его в целях сопротивления врагу, не падать духом и не сдаваться. Весьма достоверные сообщения указывали на то, что войска союзников, по всей вероятности, отойдут на внутренние линии обороны, предоставив противнику оккупировать обширные районы. Однако, так же как это было в Китае, противник, вероятно, не оккупировал бы все эти районы. Возникал вопрос, что нам надлежит предпринять в этом случае как в оккупированных районах, так и в других, если гражданская администрация перестанет функционировать. Мы старались по мере возможности подготовиться в моральном и других отношениях к такого рода критическим обстоятельствам, поощряя местные организации, которые могли бы поддерживать порядок, и в то же время настаивая на необходимости любой ценой сопротивляться захватчику.

Почему китайцы так стойко сражались на протяжении многих лет? Почему русский и другие народы Советского Союза сражались с таким непревзойденным мужеством, упорством и воодушевлением? В других странах народы также сражались

храбро, движимые любовью к родине, страхом перед агрессией и стремлением сохранить свой уклад жизни. И все же военные усилия России были проникнуты большим воодушевлением, чем это имело место в других странах. Другие великолепно сражались, как, например, в дни Дюнкерка и после, но как только непосредственный кризис проходил, наблюдалось некоторое ослабление духа; казалось, существовали некоторые сомнения относительно будущего, хотя войну так или иначе необходимо было выиграть. В Советском Союзе, насколько можно было судить по имеющимся материалам, не было ни сомнений, ни споров (хотя, правда, споры там и не поощрялись) и существовала полная уверенность как в настоящем, так и в будущем.

А в Индии? Здесь налицо было глубокое отвращение к настоящему и будущее представлялось столь же темным. Не патриотический порыв к действию двигал людьми, а лишь желание оградить себя от вторжения и еще худшей участи. Мало кто руководствовался международными соображениями. Ко всем этим чувствам примешивалось возмущение тем, что иностранная империалистическая держава помыкала нами, эксплуатировала и подавляла нас. Система, при которой все зависело от желаний и капризов самодержца, была порочна в самой своей основе. Свобода дорога всем, но больше всего она дорога тем, кто лишен ее или кому грозит опасность ее потерять. В современном мире свобода во многом стеснена и ограничена, но те, кто ею не обладает, не видят этих ограничений и идеализируют идею свободы, превращая ее в предмет своего страстного стремления, непреодолимого, всепоглощающего желания. Все, что не согласуется с этим стремлением или кажется противоречащим ему, неизбежно отвергается. Стремлению к свободе, во имя которой трудилось и страдало столько людей в Индии, не только был нанесен удар, но казалось, что все перспективы на этот счет отодвинулись в какое-то туманное и отдаленное будущее. Вместо того чтобы соединить этот порыв с происходящей всемирной битвой и использовать этот огромный резервуар энергии в интересах свободы Индии и всего мира, а также для нужд обороны Индии, война была изолирована от всех этих стремлений, и с исходом ее не связывалось никаких надежд. Никогда не следует оставлять любой народ, даже врагов, без надежды.

Конечно, в Индии были люди, видевшие в войне нечто гораздо большее и более значительное, нежели игру мелких честолюбивых государственных деятелей различных стран, принимающих в ней участие, люди, сознававшие ее революционное значение и понимавшие, что воздействие ее конечного исхода и последствий на мир выйдет далеко за рамки военных побед, пактов и разглагольствований политиков. Однако число таких людей было, разумеется, ограничено, подавляющее же большинство, как и в других странах, придерживалось более узких

взглядов, которые оно именovalo реалистическими, и руководствовалоcь соображениями момента. Некоторые, склонные к оппортунизму, приспособились к английской политике и нашли в ее рамках место для себя, точно так же, как они стали бы сотрудничать с любой другой властью и поддерживать любую другую политику. Другие решительно восставали против этой политики, находя, что подчинение ей является предательством не только интересов Индии, но и всего мира. Большинство же стало просто пассивным, инертным, неподвижным. Это был давнишний недостаток индийского народа, с которым мы так долго вели борьбу.

В то самое время, когда в сознании Индии происходила эта борьба и все более усиливались настроения отчаяния, Ганди написал несколько статей, которые внезапно придали новое направление мыслям людей, или, как это часто случается, облекли в определенную форму их смутные идеи. Бездействие в столь критический момент и покорность всему происходящему стали для него непереносимы. Единственно правильным образом действий в данных условиях было признание свободы Индии, с тем чтобы свободная Индия могла отразить агрессию и вторжение в сотрудничестве с союзными странами. Если такого признания не последует, необходимо будет предпринять какие-то действия, дабы бросить вызов существующей системе и пробудить народ от летаргии, парализующей его и делающей его легкой добычей любой агрессии.

В этом требовании не было ничего нового. Оно было повторением того, что мы говорили всегда, но в его речах и статьях звучала новая настойчивость и страстность. В них заключался также намек на необходимость действия. Не было никаких сомнений в том, что он выражал в тот момент господствующие настроения в Индии. В столкновении национализма с интернационализмом одержал победу национализм, и новые статьи Ганди взволновали всю Индию. И все же этот национализм никогда не был враждебен интернационализму и даже всячески пытался найти какие-то способы ужиться с этим последним, если бы ему позволили сделать это, не роняя достоинства и с пользой для дела. Конфликт между ними вовсе не был неизбежным, ибо в отличие от агрессивного европейского национализма индийский национализм не стремился к вмешательству в дела других народов, а скорее к сотрудничеству с ними в интересах общего блага. Национальная свобода рассматривалась как важнейший базис истинного интернационализма и, следовательно, как путь к последнему, а также как подлинная основа сотрудничества в общей борьбе против фашизма и нацизма. Между тем интернационализм, о котором так много говорили, начинал подозрительно походить на старую политику империалистических держав в новом, хотя и не совсем новом, облачении. По существу он представлял собой тот же агрессивный

национализм, стремившийся под видом империи, содружества наций или опеки навязать свою волю другим.

Некоторые из нас были обеспокоены и угнетены этими новыми обстоятельствами, ибо действие не имело смысла, если оно не было эффективным действием, всякое же эффективное действие неизбежно оказалось бы помехой военным усилиям в то время, когда Индия сама находилась под угрозой вторжения. Общий подход Ганди, повидимому, также не учитывал важных международных соображений и казался основанным на узком национализме. На протяжении трех лет войны мы сознательно придерживались политики, состоявшей в том, чтобы не создавать затруднений властям, и те действия, к которым мы прибегали, носили характер символического протеста. Этот символический протест принял гигантские масштабы в 1940—1941 годах, когда тридцать тысяч наших виднейших работников, мужчин и женщин, были брошены в тюрьмы. Но даже это добровольное обречение на заключение в тюрьму было делом отдельных, специально на это выделенных лиц и не должно было вызывать каких бы то ни было массовых беспорядков и прямого вмешательства в деятельность правительственного аппарата. Повторить это было невозможно, а если бы мы предприняли что-то другое, это должно было носить иной характер и быть более эффективным. Могли ли эти действия не помешать ведению войны, которая приблизилась к границам Индии, и не поощрять противника?

Таковы были очевидные трудности, и мы подробно обсуждали их с Ганди, не навязывая друг другу своих принципов. Трудности были реальным фактом, и любой образ действий, так же как и бездействие, казались сопряженными с риском и опасностями. Задача заключалась в том, чтобы взвесить их и выбрать наименьшее из зол. В результате наших споров выяснилось многое из того, что было расплывчатым и туманным, и Ганди принял в расчет многие международные факторы, на которые мы обратили его внимание. Его последующие статьи носили уже иной характер, и сам он подчеркивал эти международные соображения и рассматривал проблемы Индии в более широком аспекте. Однако в основе его позиция осталась прежняя: он выступал против пассивного подчинения деспотической и репрессивной английской политике в Индии и горячо желал предпринять что-то, чтобы бросить вызов этой политике. Подчинение, по его словам, привело бы к тому, что дух Индии оказался бы сломленным, и какие бы формы ни приняла война, каков бы ни был ее исход, индийский народ вел бы себя холопски и достижение свободы отодвинулось бы на длительное время. Это означало бы также подчинение захватчику вместо продолжения сопротивления ему, невзирая на временное военное поражение или отступление. Это означало бы полную деморализацию нашего народа, который утратил бы всю свою силу, обретенную

им за четверть века неустанной борьбы за свободу. Это означало бы, что мир забыл требование Индии об освобождении и послевоенное урегулирование определялось бы старыми империалистическими устремлениями и целями. Он страстно желал освобождения Индии, но Индия была для него чем-то большим, чем его любимая родина. Она была символом всех колониальных и эксплуатируемых народов мира, пробным камнем, на котором проверялась мировая политика. Если бы Индия осталась несвободной, то и другие колониальные страны и угнетенные народы остались бы в своем нынешнем поработанном состоянии, и тогда оказалось бы, что война велась напрасно. Необходимо было изменить моральную основу войны. Армии, флоты и авиация действовали в своих соответствующих областях и могли добиться победы с помощью более совершенных методов насилия, но к чему привела бы эта победа? И даже в вооруженной борьбе необходима моральная опора; разве не говорил Наполеон, что на войне дух вдвое важнее физической силы? Если бы сотни миллионов угнетенных и эксплуатируемых людей во всем мире знали и верили, что эта война действительно ведется ради их освобождения, это явилось бы моральным фактором огромного значения даже с узкой точки зрения чисто военных интересов; еще большее значение это имело бы, когда наступит мир. Уже самый факт, что в судьбах войны наступил кризис, требовал изменения взглядов и политики, дабы превратить миллионы подавленных, охваченных сомнением людей в горящих энтузиазмом борцов. Если бы такое чудо совершилось, вся военная мощь держав оси не смогла бы их спасти, и разгром их был бы неизбежен. Много людей в странах оси было бы подвержено влиянию этого мощного мирового подъема.

В Индии лучше всего было претворить эту угрюмую пассивность народа в дух неповиновения и сопротивления. Хотя это неповиновение на первых порах обратилось бы против деспотических приказов английских властей, оно могло быть превращено в сопротивление вторгшемуся противнику. Покорность и раболепство по отношению к одному означали бы точно такую же позицию и по отношению к другому, а это повлекло бы за собой унижение и деградацию.

Все эти доводы были нам знакомы. Мы признавали их и сами часто ими пользовались. Но трагедия заключалась в том, что политика английского правительства мешала совершиться этому чуду. Все наши попытки хотя бы временно разрешить индийскую проблему в ходе войны потерпели неудачу, а все наши требования провозгласить цели, во имя которых ведется война, были отвергнуты. Было несомненно, что любые новые попытки такого рода точно так же окончатся неудачей. Что же оставалось? Если суждено было возникнуть конфликту, сколь бы он ни был оправдан по моральным и иным соображениям, можно было не сомневаться, что он серьезно затруднит военные усилия в Индии

в то самое время, когда опасность вторжения была весьма значительной. От этого факта никуда нельзя было уйти. Но, как это ни странно, именно эта опасность вызвала кризис в нашем сознании, ибо мы не могли оставаться праздными зрителями, видя, как неумело управляют нашей страной и губят ее люди, которых мы считали некомпетентными и совершенно неспособными взять на себя руководство народным сопротивлением, которого требовали обстоятельства. Вся наша сдерживаемая страсть и энергия искали какого-то выхода, какого-то проявления в действии.

Ганди старел, ему было уже за семьдесят, и долгая жизнь, заполненная непрестанной деятельностью и тяжелым трудом, как физическим, так и умственным, подорвала его силы; но он был еще достаточно энергичен и считал, что труд всей его жизни окажется напрасным, если он теперь покорится обстоятельствам и ничего не предпримет в защиту того, что было ему всего дороже. Его жажда свободы для Индии и всех других эксплуатируемых стран и народов оказалась сильнее даже его горячей приверженности принципу ненасилия. Несколько ранее он скрепя сердце неохотно дал согласие на то, чтобы Конгресс не придерживался этой политики в отношении обороны и функций государства при чрезвычайных обстоятельствах, но сам он держался в стороне от всего этого. Он понимал, что его половинчатая позиция в этом вопросе может помешать достижению соглашения с Англией и Объединенными нациями. Поэтому он пошел дальше и сам внес в Конгресс резолюцию, которая гласила, что первейшей обязанностью временного правительства свободной Индии будет мобилизация всех ее огромных ресурсов для борьбы за свободу, против агрессии и полное сотрудничество с Объединенными нациями в обороне Индии, с использованием для этого всех имеющихся в его распоряжении вооруженных и других сил. Ему нелегко было связать себя подобным обязательством, но он проглотил горькую пилюлю, настолько сильно было его желание достигнуть какого-либо соглашения, которое позволило бы Индии сопротивляться агрессору в качестве свободного государства.

Многие теоретические и иные разногласия, часто разделявшие некоторых из нас с Ганди, исчезли, но все еще оставалось одно главное затруднение: всякое действие с нашей стороны неизбежно явилось бы помехой военным усилиям. К нашему удивлению, Ганди все еще упорно верил в возможность соглашения с английским правительством и заявлял, что он приложит все усилия, чтобы попытаться достигнуть такого соглашения. Поэтому, хотя он много говорил о необходимости действия, он никак его не определил и не говорил о том, что именно он намерен предпринять.

Пока мы предавались сомнениям и спорам, настроение народа изменилось, и угрюмая пассивность уступила место возбуж-

дению и надежде. События не ждали решений или резолюций Конгресса. Высказывания Ганди дали им толчок, и теперь они двигались вперед уже сами, стихийно. Было ясно, что Ганди — прав ли он был или нет — выразил господствующее настроение народа. В этом настроении был оттенок отчаяния, эмоциональный порыв, который отодвигает на второе место логику, рассуждения и хладнокровную оценку возможных последствий того или иного действия. На эти последствия мы не закрывали глаза, отдавая себе отчет в том, что независимо от успехов этих действий цена в человеческих страданиях будет высокой. Однако цена, которую приходилось уплачивать изо дня в день душевными муками, тоже была высокой, и не было никакой надежды на избавление от этих мук. Лучше было броситься в неведомые пучины деятельности, что-то предпринимать, чем быть покорной игрушкой в руках злой судьбы. Это не был подход политика, это был подход народа, пришедшего в отчаяние и не считающегося с последствиями, и все же налицо было постоянное обращение к рассудку, попытка согласовать противоречивые эмоции, найти какую-то последовательность во врожденной непоследовательности человеческого характера. Война обещала быть затяжной, она должна была продлиться еще много лет. В ходе ее было немало катастроф, и, повидимому, предстояли новые катастрофы, но война все равно будет продолжаться, пока она не укротит и не истощит страсти, которые ее породили и которые она сама пробудила. На этот раз не будет полупобед, которые часто бывают мучительнее поражений. Война приняла нежелательный оборот не только с точки зрения развития военных операций, но в еще большей степени — с точки зрения тех основных целей, во имя которых она будто бы велась. Быть может, действия, которые мы могли предпринять, заставят обратить внимание на этот последний недостаток и направят события по новому, более обещающему пути. И даже если в настоящее время они не приносят успеха, в дальнейшем они могут послужить этой освободительной цели и тем самым содействовать оказанию в будущем могучей поддержки военным действиям.

Если гнев народа усиливался, то усиливался и гнев правительства. Для этого не требовалось никакого эмоционального или иного стимула, ибо это было его нормальное состояние духа и обычный образ действий, свойственный чужеземным властителям, оккупирующим поработленную страну. Они, видимо, радовались этой возможности сокрушить раз и навсегда, как они думали, все силы в стране, осмеливавшиеся противиться их воле; и они соответствующим образом готовились к этому.

События развивались, но, как ни странно, Ганди, который так много говорил о необходимости действовать, чтобы отстоять честь Индии и утвердить ее право на свободу и активное участие в качестве свободного государства в борьбе против агрессии,

ничего не говорил о том, какой характер должны носить эти действия. Они должны были, разумеется, быть мирными — но все же какими? Он начал делать больший упор на возможности соглашения с английским правительством, подчеркивая свое намерение вновь обратиться к нему и приложить все старания, чтобы найти выход из создавшегося положения. В своей заключительной речи на заседании Исполнительного комитета Конгресса он выразил горячее желание добиться соглашения и решимость обратиться с этой целью к вице-королю. Ни публично, ни в частных беседах во время заседаний Рабочего комитета Конгресса он не обронил даже намека на то, какого рода действия он имел в виду. Лишь однажды он сообщил в частной беседе, что в случае провала всех переговоров он призовет прибегнуть к той или иной форме несотрудничества и провести в знак протеста однодневный хартал, то есть прекратить всякую работу в стране, нечто вроде однодневной всеобщей забастовки, символизирующей общенациональный протест. Однако и это разъяснение было довольно неопределенно. Он не вдавался ни в какие детали, ибо не желал разрабатывать какие-либо дальнейшие планы до тех пор, пока не осуществит своей попытки достигнуть соглашения. Таким образом, ни он, ни Рабочий комитет Конгресса не давали каких-либо руководящих указаний, ни открытых, ни секретных, помимо того, что они призывали народ быть готовым ко всему и при любых обстоятельствах придерживаться принципа мирных и ненасильственных действий.

Хотя Ганди все еще надеялся найти какой-то выход из тупика, мало кто разделял его надежды. Общее направление событий и все то, что произошло за это время, указывало на неизбежность конфликта, а когда создается такая ситуация, промежуточные позиции утрачивают всякий смысл и каждому приходится решать для себя, к какой стороне он примкнет. Перед конгрессистами и всеми теми, кто разделял их взгляды, вопрос о выборе не вставал. Невозможно было представить себе, чтобы в то самое время, когда могущественное правительство всей своей силой обрушивается на наш народ, пытаясь сокрушить его, кто-либо из нас оставался в роли пассивных наблюдателей борьбы, от исхода которой зависела свобода Индии. Многие, разумеется, остаются в стороне, несмотря на свои симпатии, но всякая такая попытка спасти себя от последствий своих же собственных прошлых действий была бы позорной и бесчестной для видных конгрессистов. Но и помимо этого никакого выбора у них не оставалось. Их позиция определялась всей прошлой историей Индии, мучительной болью настоящего и надеждами на будущее. Все это толкало их вперед и определяло их действия. «Нагромождение прошлого на прошлое происходит безостановочно, — говорит Бергсон в «Creative Evolution». — В действительности прошлое сохраняется само собой, автоматически. В своей совокупности оно, вероятно, следует за нами

ежеминутно... В наших мыслях прошлое, несомненно, занимает лишь незначительное место, но наши желания, воля и действия определяются всем нашим прошлым, включая первоначальные склонности нашей души».

7 и 8 августа 1942 года в Бомбее Исполнительный комитет Конгресса публично обсуждал резолюцию, получившую с тех пор название резолюции «Вон из Индии». Резолюция была длинная и обстоятельная. В ней обосновывалась необходимость немедленного признания свободы Индии и прекращения английского господства в этой стране «как в интересах Индии, так и ради торжества дела Объединенных наций. Дальнейшее сохранение господства унижает и ослабляет Индию, делая ее все менее способной защищать себя и вносить свой вклад в борьбу за свободу всего мира». «Империалистическое господство, вместо того чтобы умножать мощь господствующей державы, стало для нее бременем и проклятием. Индия, классический пример колонии современного империализма, стала центром, к которому привлечено всеобщее внимание, ибо предоставление свободы Индии определит отношение к Англии и Объединенным нациям и вселит надежду и энтузиазм в сердца народов Азии и Африки». В резолюции предлагалось создать временное правительство, смешанное по своему составу и представляющее все влиятельные круги населения. Его «основной функцией будет оборона Индии и сопротивление агрессии всеми вооруженными, а также и мирными силами, находящимися в его распоряжении, вместе с союзными державами». Это правительство должно подготовить созыв учредительного собрания, которое разработает конституцию Индии, приемлемую для всех слоев населения. Конституция должна быть федеральной и предусматривать максимальную автономию для территориальных единиц, входящих в состав федерации, с предоставлением этим единицам ограниченной власти. «Свобода даст Индии возможность оказывать действительное сопротивление агрессии, опираясь на единодушную волю и силу народа».

Это освобождение Индии должно явиться символом грядущего освобождения всех остальных азиатских народов. Далее предлагалось создание всемирной федерации свободных государств, начало которому должно быть положено Объединенными нациями.

Комитет указывал, что он «не стремится ни в коей мере затруднять оборону Китая и России, чья свобода драгоценна и должна быть сохранена, или ослабить обороноспособность Объединенных наций». (В то время наибольшие опасности грозили Китаю и России.) «Но опасность усиливается как для Индии, так и для этих наций. Пассивность и подчинение чужеземной власти в настоящих условиях не только унижают Индию и ослабляют ее способность к самозащите и сопротивлению агрессии, но несовместимы с этой усиливающейся опасностью и не в интересах народов Объединенных наций».

Комитет вновь обращался к Англии и Объединенным нациям «в интересах свободы во всем мире». Но — здесь-то и обнаружилось жало резолюции — «Комитет не имеет больше права удерживать нацию от попытки утвердить свою волю вопреки воле империалистического и авторитарного правительства, которое господствует над ней и препятствует ей действовать в своих интересах и в интересах всего человечества. Комитет поэтому постановляет: санкционировать для защиты неоспоримого права Индии на свободу и независимость начало массовой борьбы на основе принципа ненасилия под неперменным руководством Ганди». Эта кампания могла начаться лишь тогда, когда Ганди считал бы это необходимым. В заключение указывалось, что Комитет «не стремится обеспечить власть Конгрессу. Власть, когда она будет получена, будет принадлежать всему индийскому народу».

В своих заключительных речах председатель Конгресса маулапа Абул Калам Азад и Ганди дали ясно понять, что следующим их шагом будет обращение к вице-королю, как к представителю английского правительства, а также к главам важнейших государств, входящих в Объединенные нации, с призывом к почетному урегулированию, которое, признавая свободу Индии, в то же время учитывало бы интересы Объединенных наций в их борьбе против агрессивных держав оси.

Резолюция была окончательно принята поздно вечером 8 августа 1942 года. А спустя несколько часов, ранним утром 9 августа, в Бомбее и по всей стране было произведено множество арестов. Так мы очутились в Ахмаднагарской тюрьме.

Глава десятая

СНОВА АХМАДНАГАРСКАЯ КРЕПОСТЬ

ЦЕПЬ СОБЫТИЙ

Ахмаднагарская крепость. 13 августа 1944 года. Прошло более двух лет с тех пор, как мы сюда прибыли. Это были два года жизни, похожей на сон, протекшей в одном месте, в общении с одними и теми же немногими людьми, в одном и том же узком окружении, в повседневном повторении одного и того же. Настанет день, когда мы, пробудившись, освободимся от этих сновидений, выйдем на широкую арену жизни и деятельности, и перед нашим взором предстанет изменившийся мир. Люди и вещи, которые мы увидим, покажутся нам незнакомыми; мы вспомним их снова, толпой нахлынут воспоминания прошлого, но люди и вещи будут иными, да и мы сами будем иными, и нам, быть может, трудно будет приспособиться к ним. Иногда мы будем спрашивать себя, не во сне ли мы и не являются ли эти новые переживания нашего повседневного бытия сновидениями, которые исчезнут при внезапном пробуждении. Что сон и что явь? Реально ли то и другое, поскольку мы переживаем и ощущаем их со всей остротой? Или, может быть, они невещественны, некие мимолетные сновидения, которые проходят, оставляя после себя туманные воспоминания?

Тюремное заключение и связанные с ним одиночество и бездействие располагают к размышлениям и вызывают желание попытаться заполнить пустоту жизни воспоминаниями прошлого, как почерпнутыми из собственной жизни, так и из многовековой истории человеческих деяний. Так, в течение истекших четырех месяцев, в ходе работы над этими записями, меня занимали летописи и опыт прошлого Индии, и из этого множества идей, пришедших мне на ум, я избрал некоторые и положил их в основу своей книги. Когда я снова просматриваю написанное мною, оно кажется мне недостаточным, бессвязным, лишенным единства, оно представляется мне смесью различных понятий, где преобладает личное, придавая субъективную окраску даже тому, что должно было бы представлять собой

объективную летопись событий и анализ. Это личное вышло на первый план почти вопреки моей воле; часто я сдерживал и преодолевал это, но иногда, опустив поводья, позволял этому личному завладеть моим пером, и тогда написанное отражало в известной степени мое умонастроение.

Я писал о прошлом, чтобы попытаться таким путем освободиться от бремени прошлого. Но настоящее со всей его сложностью и иррациональностью, равно как и надвигающееся темное будущее, остается и давит не меньше, чем груз прошлого. Ищущий ум, не находя себе прибежища, попрежнему неутомимо блуждает, беспокоя и своего обладателя и других. Невольно завидуешь тем девственным умам, которые не подвергались натиску мысли и не пострадали от разъедающего действия сомнений. Как легка жизнь для них, несмотря на испытываемые ими иногда удары и огорчения!

События следуют одно за другим. Непрерывный поток их бесконечен. Стараясь понять данное событие, мы изолируем и рассматриваем его само по себе, как если бы оно было началом и концом, результатом какой-то причины, непосредственно предшествовавшей ему. Но оно не имеет начала и является лишь звеном в бесконечной цепи других событий, оно вызвано всем тем, что ему предшествовало, и было результатом стремлений, побуждений и желаний бесчисленного множества людей. Эти стремления, побуждения и желания, совпадающие или сталкивающиеся друг с другом и приводящие в итоге к чему-то отличному от того, на что рассчитывал каждый человек в отдельности, сами в значительной степени обуславливаются предшествующими событиями и переживаниями, причем новое событие, в свою очередь, становится фактором, обуславливающим события будущего. Выдающийся человек, лидер, оказывающий влияние на массу, несомненно, играет важную роль в этом процессе; но он сам является продуктом событий и сил прошлого, и его влияние обусловлено ими.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: ИНДИЙСКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ

События, происшедшие в Индии в августе 1942 года, не были неожиданными. Они представляли собой кульминационный пункт всех предшествовавших событий. Об этом много было написано в порядке нападок, критики и самозащиты; немало сделано разъяснений. И все-таки большая часть из того, что написано по этому поводу, бьет мимо цели, ибо в них авторы пытаются применить чисто политические соображения к тому, что глубже по значению, чем политика. Основой всего было глубокое убеждение, что терпеть иностранное автократичное господство и жить под его гнетом больше невозможно. Все остальные вопросы, будь то вопрос о том, можно ли при сохранении этого господства произвести улучшения или достичь

прогресса в некоторых областях, или вопрос о том, не приведет ли открытый вызов властям к еще более пагубным последствиям, стали вопросами второстепенными. Осталось только одно непреодолимое стремление освободиться от иностранного господства, заплатив любую цену за освобождение, оставалось только убеждение, что этого терпеть нельзя, что бы ни случилось.

Это настроение не было новым, оно существовало уже много лет. Но раньше оно сдерживалось многими способами и не шло в ногу с событиями. Война сама по себе играла роль как сдерживающего, так и стимулирующего фактора. Она открыла нам глаза на важнейшие события и революционные перемены, на возможность осуществления наших надежд в ближайшем будущем; и она же затормозила осуществление многого из того, что мы могли бы сделать, побуждаемые стремлением помочь и, безусловно, никоим образом не помешать борьбе против держав оси.

Но в ходе войны становилось все яснее, что западные демократии борются не за изменение, а за увековечение старого порядка. До войны они умиротворяли фашизм не только потому, что они боялись его последствий, но и по причине известных идеологических симпатий к нему и ввиду крайней неприязни к некоторым из вероятных альтернатив ему. Нацизм и фашизм не были внезапным явлением или случайностью в истории. Они были естественным следствием прошлых событий, великодержавной политики и расовой дискриминации, национальной борьбы, растущей концентрации власти, технического прогресса, не находившего себе выхода в рамках существующего общества, внутреннего конфликта между демократическим идеалом и противоречащим ему социальным строем. Политическая демократия в Западной Европе и Северной Америке, открывая пути к преуспеянию как нации в целом, так и каждой личности в отдельности, высвободила новые силы и идеи, которые имели своей целью достижение экономического равенства. Конфликт был внутренне обусловлен; должно было последовать либо расширение этой политической демократии, либо покушение на нее с целью ограничить ее и покончить с ней. Демократия расширилась как по своему содержанию, так и по распространению, несмотря на противодействие, которое она постоянно встречала, и стала общепринятым идеалом политической организации. Но наступило время, когда дальнейшее расширение ее стало угрожать основам социального строя, и тогда защитники этого строя стали шумливыми и активизировались. Они организовались для того, чтобы оказать сопротивление дальнейшим изменениям. В тех странах, где в силу сложившихся обстоятельств кризис развился быстрее, демократия была открыто и преднамеренно подавлена и на сцене появились фашизм и нацизм. В демократических странах Западной Европы

и Северной Америки происходили те же самые процессы, хотя многие другие факторы задерживали наступление кризиса, и возможно, что более старые традиции мирного и демократического правления также содействовали этому. Некоторые из этих демократических стран владели колониями, где вообще отсутствовала какая-либо демократия и где господствовала та самая форма авторитарного режима, которая сближается с фашизмом. Здесь так же, как и в фашистских странах, правящий класс в целях подавления стремления к свободе заключил союз с реакционными и оппортунистическими группами и осколками феодального режима. И здесь также они начали утверждать, что демократия, хотя она и хороша как некий идеал и желательна в метрополиях, не подходит для особых условий, существующих в их колониальных владениях. Таким образом, естественно, что эти западные демократии чувствовали некоторого рода идеологическое родство с фашизмом, хотя им и не нравились многие из его наиболее зверских и грубых проявлений.

Ведя в целях самообороны вынужденную борьбу, они надеялись на восстановление той самой системы, которая потерпела столь ужасный крах. На войну смотрели как на оборонительную, изображали ее как таковую, и, в известном смысле, это так и было. Но война имела и другой аспект, аспект моральный, который выходил за рамки военных целей и активно выступал против фашистской идеологии. Ибо эта война, как говорилось, велась за души народов всего мира. Она несла в себе семена перемен не только для фашистских стран, но и для Объединенных наций. Этот моральный аспект войны затемнялся мощной пропагандой, причем ударение делалось на обороне и увековечении прошлого, а не на создании нового будущего. На Западе было немало людей, которые горячо верили в этот моральный аспект войны и желали создания нового мира, который дал бы некоторые гарантии от полного краха человеческого общества, выразившегося в самом факте мировой войны. Огромные массы людей повсюду, особенно среди тех, кто сражался и отдавал жизнь на поле боя, надеялись, хотя и смутно, но твердо, на эти перемены. Были также сотни миллионов обздоленных людей, подвергаемых эксплуатации и расовой дискриминации в Европе и Америке и в особенности в Азии и Африке, которые не могли отделить войну от сохранившихся у них воспоминаний о прошлом и о своих бедствиях в настоящем и которые страстно надеялись, даже в тех случаях, когда не было оснований для надежды, что война как-нибудь облегчит давившее их бремя.

Но взоры лидеров Объединенных наций были обращены в другую сторону; их взоры были обращены назад — в прошлое, а не вперед — в будущее. Иногда они красноречиво говорили о будущем, чтобы умиротворить свой народ, но политика

их имела мало общего с этими красивыми фразами. Для Уинстона Черчилля это была война реставрации и ничего больше, это было сохранение с небольшими изменениями как социального строя Англии, так и политической структуры ее империи. Президент Рузвельт выступал более многообещающе, но его политика существенно не отличалась от общей политики. И тем не менее многие люди во всем мире с надеждой обращали к нему свои взоры, как к человеку, обладавшему большой проницательностью и глубокой государственной мудростью.

Таким образом, будущее Индии, как и остальных стран мира, поскольку это зависело от английских правящих классов, должно было соответствовать прошлому, а настоящее должно было обязательно походить на него. Семена этого будущего высевались в настоящем. Предложения Криппса, несмотря на то, что они казались шагом вперед, создавали для нас новые и опасные проблемы, которые грозили стать непреодолимыми барьерами на пути к свободе. В известной степени это уже имело место. Всепроникающая автократия и авторитарный режим, установленный английским правительством в Индии, а также широкое подавление элементарных гражданских прав и свобод были доведены до крайних пределов во время войны и под ее прикрытием. Никто из нынешнего поколения не переживал еще ничего подобного. Стеснения, которым мы подвергались, постоянно напоминали нам о нашем порабощении и продолжающемся унижении. В то же время они предвещали будущее, давали возможность предвидеть контуры этого будущего, ибо будущее должно было сложиться на основе этого настоящего. Ничего не могло быть хуже, чем примириться с этой деградацией.

Как велико было число тех представителей многомиллионного населения Индии, которые придерживались подобного же образа мыслей? Ответить на этот вопрос невозможно. Ибо сознание большей части этих многих миллионов людей притупилось под воздействием нищеты и страданий. С другой стороны, существовали люди, испорченные властью, привилегиями или корыстными интересами, и люди, внимание которых было отвлечено особыми претензиями. Однако описанные выше настроения были широко распространены, отличаясь друг от друга своей остротой и иногда переплетаясь с настроениями иного рода. По своей силе эти настроения колебались между страстностью религиозного чувства, готовностью идти на все, что неизбежно побуждало людей к действиям, и неопределенным сочувствием наблюдателя, который держится на безопасном расстоянии. Некоторые люди со склонностью к трагизму задыхались от недостатка воздуха в окружающей их гнетущей атмосфере; другим, живущим жизнью обывателя, было легче приспособиться к ненавистным им условиям.

Настроение английского административного персонала в Индии было совершенно иным. И действительно, нет ничего более поразительного, чем тот огромный разрыв, который существует между психологией англичан и индийцев. Самый этот факт, независимо от того, кто здесь прав и кто виноват, демонстрирует полную несостоятельность англичан в роли правящего класса в Индии. Ведь для того чтобы добиться какого-либо прогресса, нужно установить известную гармонию, достичь известной общности взглядов между правителями и управляемыми; в противном случае неизбежен конфликт в настоящем или в будущем. Англичане, подвизавшиеся в Индии, всегда были представителями наиболее консервативных элементов Англии; между ними и либеральной традицией в Англии мало общего. Чем дольше они живут в Индии, тем все более косным становится их мировоззрение, и когда они выходят в отставку и возвращаются в Англию, они становятся там экспертами по проблемам Индии. Они уверены в собственной непогрешимости, в благодетельности и необходимости английского господства в Индии, в том, что в качестве представителей имперской традиции они выполняют высокую миссию. Так как Национальный конгресс бросил вызов всей основе этого господства и пытался освободить от него Индию, он в их глазах стал главным врагом. Тогдашний член правительства Индии сэр Реджинальд Максвелл, ведавший внутренними делами, выступая в Центральном законодательном собрании в 1941 году, довольно откровенно раскрыл то, что было у него на уме. Он защищался от обвинения в том, что конгрессисты, социалисты и коммунисты, находившиеся в заключении без суда, подвергаются бесчеловечному обращению, несравненно худшему, чем обращение с немецкими и итальянскими военнопленными. Он сказал, что немцы и итальянцы, во всяком случае, воюют за свои страны, но что другие, о которых идет речь, являются врагами общества, так как они стремятся подорвать существующий порядок. Очевидно, ему казалось нелепым, что индиец жаждет свободы для своей страны или что он желает изменить экономический строй Индии. Если говорить об этих двух категориях людей, то симпатии его явно были на стороне немцев и итальянцев, хотя его собственная страна и вела жестокую войну с ними. Это было до вступления России в войну, и тогда можно было еще без всякого риска заклеить любую попытку изменения социального строя. До начала второй мировой войны нередко высказывалось восхищение фашистскими режимами. Разве сам Гитлер не говорил в своей книге «Mein Kampf», а затем и впоследствии, что он желает сохранения Британской империи?

Правительство Индии, конечно, желало всячески помочь в войне против держав оси. Но, по его мнению, победа в этой войне была бы неполной, если бы она не сопровождалась другой победой, а именно — подавлением националистиче-

ского движения в Индии, представителем которого был главным образом Конгресс. Переговоры Криппса вызывали у правительства тревогу, и оно обрадовалось их провалу. Путь для нанесения окончательного удара по Конгрессу и всем его сторонникам был теперь открыт. Момент был благоприятный, ибо никогда раньше как в центре, так и в провинциях не было такой концентрации ничем не ограниченной власти в руках вице-короля и его главных подчиненных. Военное положение было тогда тяжелым, и нельзя было не признать веским довод, что при таких условиях невозможно терпеть ни оппозиции, ни каких-либо беспорядков. Как миссия Криппса, так и последовавшая за этим пропагандистская кампания успокоительно подействовали на либеральные элементы в Англии и Америке, интересующиеся Индией. В Англии еще сильнее укрепилось давно существовавшее убеждение в собственной правоте по отношению к Индии. Считалось что все индийцы или, по крайней мере, многие из них — несговорчивые и беспокойные люди, отличающиеся узостью взглядов, неспособные понять опасность положения и, вероятно, симпатизирующие японцам. Утверждалось, что статьи и заявления Ганди доказали, каким невыносимым человеком он был, и что единственное средство положить конец всему этому заключается в том, чтобы расправиться с Ганди и Конгрессом раз и навсегда.

МАССОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ И ИХ ПОДАВЛЕНИЕ

Рано утром 9 августа 1942 года по всей Индии были произведены многочисленные аресты. Что же произошло? Лишь отрывочные сведения просочились к нам спустя много недель, и даже сейчас мы не можем составить себе полной картины того, что произошло. Все видные лидеры были внезапно устранены, и никто, казалось, не знал, что следует предпринять. Протесты, конечно, были неизбежны и происходили стихийные демонстрации. Эти демонстрации разгонялись и подвергались обстрелу, причем применялись бомбы со слезоточивым газом; все средства выражения общественного мнения были подавлены. И тогда произошел взрыв всех этих подавленных эмоций. В городах и сельских местностях собирались толпы народа, происходили столкновения с полицией и войсками. Толпы совершали нападения особенно на те объекты, которые казались им символами английского господства и власти, — на отделения полиции, почтовые конторы и железнодорожные станции; они перерезали телеграфные и телефонные провода. По официальным сообщениям, в 538 случаях группы этих безоружных и никем не руководимых людей были обстреляны полицией и войсками, а также пулеметным огнем с самолетов на бреющем полете. Волнения в различных частях страны продолжались в течение одного-двух и более месяцев, затем они пошли на

убыль и уступили место спорадическим выступлениям. «Волнения,— сказал Черчилль в палате общин,— были подавлены всей мощью, имевшейся в распоряжении правительства», и он похвалил «верность и стойкость храброй индийской полиции, так же как и все индийское чиновничество вообще, поведение которого было достойно наивысшей похвалы». Он добавил, что «в Индию прибыли более крупные подкрепления, и белых войск в этой стране в настоящее время больше, чем когда-либо за всю историю англо-индийских отношений». Эти иностранные войска и индийская полиция выиграли не одно сражение у безоружных крестьян Индии и подавили их бунты; другая же и главная опора английской власти в Индии — чиновничество — помогала в этом либо активно, либо пассивно.

Возмущение в стране распространилось чрезвычайно широко, охватив как города, так и села. Несмотря на официальный запрет, почти во всех провинциях и во многих княжествах происходили бесчисленные демонстрации. Повсюду имели место харталы, то есть на срок от нескольких дней до нескольких недель, а в некоторых случаях более чем на месяц закрывались магазины и рынки, прекращались деловые операции. Бастовали также рабочие. Во многих важных промышленных центрах рабочие, как наиболее организованные и привыкшие к дисциплинированным совместным выступлениям, объявили по собственной инициативе забастовки в знак протеста против ареста правительством национальных лидеров. Характерным примером этого могут служить события в важнейшем центре металлургической промышленности Джемшедпуре, где квалифицированные рабочие, набранные со всей Индии, бастовали две недели и согласились выйти на работу только при условии, что администрация даст обещание приложить все усилия к тому, чтобы добиться освобождения лидеров Конгресса и формирования национального правительства. В Ахмадабаде, крупном центре текстильной промышленности, работа была также внезапно и полностью приостановлена на всех многочисленных фабриках без специального обращения со стороны профессионального союза¹. Эта всеобщая забастовка в Ахмадабаде,

¹ Высокопоставленные правительственные чиновники неоднократно заявляли, а им вторили и другие, что эти забастовки, особенно в Джемшедпуре и Ахмадабаде, поощрялись предпринимателями и фабрикантами. Этому вряд ли можно поверить: забастовки всегда сопряжены с весьма серьезными убытками для предпринимателей, и мне ни разу еще не приходилось встречать крупных промышленников, которые поступали бы таким образом в ущерб собственным интересам. Однако верно, что многие из промышленников сочувствуют делу независимости Индии и желают ее, но в их представлении свобода Индии обязательно должна быть такой, которая обеспечит им надежное место. Они питают отвращение к революционным действиям и ко всяким существенным переменам социального строя. Однако возможно, что под влиянием глубоких и широко распространенных в августе и сентябре 1942 года настроений

несмотря на все попытки сломить ее, мирно продолжалась свыше трех месяцев. Это была чисто политическая и стихийная реакция рабочих, которые очень страдали материально, так как дело было в период относительно высоких заработков. В течение всего этого долгого времени рабочие не получали никакой финансовой помощи извне. В других центрах забастовки были более кратковременными, иногда они длились всего несколько дней. В Канпуре, другом крупном центре текстильной промышленности, насколько мне известно, вообще не было крупной забастовки — главным образом вследствие того, что коммунистическому руководству удалось предотвратить ее. На железных дорогах, принадлежащих правительству, значительных или полных перерывов в работе не было, за исключением случаев, вызванных беспорядками, которые были значительными.

Наименее затронутой провинцией оказался Пенджаб, но даже там имели место многочисленные случаи проведения харталов и забастовок. Северо-западная пограничная провинция, населенная почти исключительно мусульманами, занимала особое положение. Вначале здесь не было массовых арестов или других провокационных действий со стороны правительства, как в других провинциях. Это, возможно, объяснялось

народа они воздержались от тех агрессивных карательных действий, к которым они обычно прибегают в сотрудничестве с полицией в случае забастовок.

Согласно другому, часто повторяемому утверждению, которое в английских кругах и в английской прессе считается почти бесспорным, крупные индийские промышленники оказывают серьезную финансовую поддержку Индийскому конгрессу. Это совершенно неверно; и уж мне-то должно было бы быть кое-что известно об этом, так как много лет я был генеральным секретарем и председателем Конгресса. Некоторые промышленники оказывали иногда финансовую помощь делу таких проводимых Ганди и Конгрессом социальных реформ, как поощрение крестьянской промышленности, отмена неприкосновенности и улучшение положения бедствующих классов, начальное образование и т. п. Но даже в обычные времена, не говоря уже о периодах конфликтов с правительством, они старательно держались в стороне от политической деятельности Конгресса. Каковы бы ни были их случайные симпатии, они, подобно большинству благомыслящих, обеспеченных граждан, желают прежде всего безопасности. Деятельность Конгресса ведется поэтому почти исключительно за счет средств, образовавшихся из мелких сумм, собираемых по подписке среди его многочисленных членов, и на их пожертвования. Большая часть работы выполняется добровольно и бесплатно. В городах иногда помогали немного и купцы. Единственное исключение имело место во время всендийских выборов 1937 года, когда некоторые крупные промышленники сделали взносы в центральный избирательный фонд Конгресса. Но даже этот фонд, принимая во внимание масштабы нашей деятельности, был незначительным. Приходится просто удивляться (а для европейца это вообще непостижимо), как незначительны были денежные средства, на которые мы вели нашу работу в Конгрессе последнего четверть века, то есть в период, когда Индию постоянно потрясали политические акции и прямые выступления. В Соединенных провинциях, одной из наиболее активных и хорошо организованных наших провинций, которую я знаю лучше всего, почти вся наша работа велась на взносы наших членов размером в четыре анна каждый.

отчасти тем, что на население пограничных районов смотрели как на легко воспламеняющийся материал, а также политикой правительства, стремившегося показать, что мусульмане держатся в стороне от националистических выступлений. Но когда весть о событиях в других частях Индии достигла Пограничной провинции, то и там состоялись многочисленные демонстрации и даже агрессивные выступления против английских властей. Демонстранты подверглись обстрелу, и к ним были применены обычные методы подавления народных выступлений. Несколько тысяч человек было арестовано, и даже великий патанский лидер Бадшах Хан (более известный как Абдул Гаффар-хан) был серьезно ранен, подвергшись избиению полицейских. Это было верхом провокационных действий, и однако, как это ни удивительно, люди проявили ту великолепную дисциплинированность, которую привил своему народу Абдул Гаффар-хан. Здесь не было тех кровопролитных беспорядков, какие произошли во многих частях страны.

Внезапные, неорганизованные демонстрации и выступления населения, выливавшиеся в кровопролитные столкновения с превосходящими и хорошо вооруженными войсками, являлись показателем настроений, охвативших население. Эти настроения существовали и до ареста их лидеров, но аресты и частые расстрелы демонстраций, последовавшие за ними, вызвали гнев народа и побудили его к тем действиям, к которым всегда прибегает разъяренная толпа. Некоторое время, казалось, царила неуверенность, никто не знал, что же следует предпринять. Не было ни руководства, ни программы действий. Не было также и популярного деятеля, который мог бы руководить людьми или посоветовать им, что надо делать, и, тем не менее, они были слишком возбуждены и возмущены, чтобы оставаться спокойными. Как это часто бывает при таких обстоятельствах, появились местные лидеры, и люди шли за ними некоторое время. Но даже то руководство, которое они обеспечивали, не имело большого значения; это были массовые, по существу, стихийные выступления. Более молодое поколение, в особенности студенты университетов, играло важную роль как в боевых, так и мирных выступлениях 1942 года. Многие университеты были закрыты. Некоторые из местных лидеров пытались применять в это время методы мирных действий и гражданское неповиновение, но в господствовавшей тогда атмосфере сделать это было трудно. Хотя народ и забыл учение о ненасилии, которое ему внушали непрерывно более двадцати лет, все же он был совершенно неподготовлен ни психологически, ни в других отношениях к какому-либо насильственным действиям и выступлениям. Именно это учение о ненасилии породило сомнения и колебания и помешало насильственным действиям. Достаточно было Конгрессу, предав забвению свое учение, хотя бы намекнуть

заранее о возможности насильственных действий, размах насильственных действий, которые имели место, несомненно, был бы в сто раз большим.

Такого намека не было сделано, и даже наоборот, в последнем своем послании Конгресс снова подчеркивал значение ненасильственных действий. Но один факт оказал, может быть, некоторое воздействие на общественное мнение. Если, как мы уже говорили, вооруженная борьба признавалась законной и желательной против врага-агрессора, то почему же это не должно было распространяться и на другие существующие формы агрессии? Отказ от запрещения насильственных методов наступления и обороны имел непредвиденные последствия, поскольку для большинства людей нелегко было разобраться в тонкостях, которыми одно отличалось от другого. Во всем мире в ход были пущены крайние формы насилия, и они настойчиво и неустанно поощрялись пропагандой. Тогда это стало вопросом целесообразности и остроты чувств. Далее, были такие люди, вне Конгресса или в самом Конгрессе, которые никогда не придерживались учения о ненасилии и которых ни в коей мере не смущали насильственные действия.

Но в момент возбуждения не многие способны размышлять; они действуют под влиянием длительно подавлявшегося побуждения, которое влечет их вперед. И вот впервые со времени великого восстания 1857 года огромные массы народа вновь поднялись, чтобы противопоставить силу (но силу без оружия!) английскому господству в Индии. Это был неумный и неуместный вызов, ибо все организованные и вооруженные силы были на стороне противника, и по численности больше, чем когда-либо в прошлом. Как бы ни была велика толпа по численности, она не может выйти победителем в единоборстве с войсками. Она неизбежно терпит поражение, если только войска противника не переходят на ее сторону. Но толпы народа не подготовились к схватке и не они выбрали момент для нее. Борьба началась неожиданно для них, и в своем отношении к ней, каким бы необдуманном и ошибочным оно ни было, народ показал свою приверженность делу свободы Индии и свою ненависть к иностранному господству.

Хотя политика ненасилия была предана забвению, по крайней мере на время, длительная тренировка, которую народ получил в рамках этой политики, имела одно важное и положительное последствие. Несмотря на разгоревшиеся страсти, было мало или почти не было расистских настроений, и можно засвидетельствовать, что в общем народ старался избегать нанесения телесных повреждений своим противникам. Большим разрушениям подверглись средства связи и правительственная собственность, но даже в самый разгар этих разрушительных действий толпа старалась избегать человеческих жертв. Это не всегда было возможно, и не всегда принимались

соответствующие меры, особенно при столкновениях с полицией или другими вооруженными силами. Согласно официальным отчетам, которые мне удалось найти, в ходе волнений по всей Индии толпой было убито около ста человек. Эта цифра очень незначительна, если учесть размах и районы волнений и столкновений с полицией. Одним особенно жестоким и прискорбным случаем было убийство толпой где-то в Бихаре двух канадских летчиков. Но, вообще говоря, отсутствие расистских настроений весьма примечательно¹. Официальные данные о количестве убитых и раненных полицией или войсками во время волнений 1942 года следующие: 1028 убитых и 3200 раненых. Эти цифры, конечно, сильно занижены, ибо официально сообщалось, что огонь открывался, по крайней мере, в 538 случаях и, кроме того, полиция или войска часто стреляли в людей с движущихся грузовиков. Установить хотя бы приблизительно достоверное число жертв очень трудно. В народе определяют число убитых в 25 тысяч человек, но, вероятно, эта цифра преувеличена. Вероятно, цифра 10 тысяч ближе к истине.

Примечательно, что английские власти перестали функционировать во многих районах, как сельских, так и городских, и им потребовалось много дней, а в некоторых случаях — даже недель для того, чтобы, как тогда говорили, вновь их «завоевать». Это особенно относится к Бихару, к Миднапурскому округу в Бенгалии и к юго-восточным округам Соединенных провинций. Следует отметить, что в районе Баллии в Соединенных провинциях (который пришлось «вновь завоевывать») не было случаев насилия со стороны толпы, и никто не пострадал от нее, насколько можно судить об этом на основании многочисленных последовавших затем судебных процессов, проведенных специальными трибуналами. Обычная полиция оказалась неспособной справиться с положением. Однако в начале 1942 года были созданы новые вооруженные силы под названием Специальной вооруженной полиции (SAC), получившие особую подготовку для борьбы с народными

¹ Об одном характерном случае рассказано в книге «British Soldier Looks of Inolia», представляющей собой сборник писем Клайва Брэнсона. Брэнсон, по профессии художник, был коммунист. Он служил в Интернациональной бригаде в Испании, в 1941 году был мобилизован в Королевский бронетанковый корпус, где служил сержантом. В 1942 году он со своим полком был послан в Индию и был убит в феврале 1944 года в бою в горах Аракапа в Бирме. В августе 1942 года он находился в Бомбее. Это было вскоре после ареста лидеров Конгресса, когда население Бомбея кипело возмущением и страстями и в городе происходили расстрелы. Рассказывают, что Брэнсон сказал: «Какой чистый и здоровый у вас национализм! Я спрашивал прохожих, как мне пройти к зданию, где помещается комитет коммунистической партии. Я был в военной форме. Люди, носившие такую же форму, что и я, расстреливали безоружных индийцев, и, конечно, я немного волновался. Я не знал, как со мной поступят индийцы. Но все, к кому бы я ни обращался, были готовы помочь мне — никто не попытался ни обидеть, ни ввести меня в заблуждение».

демонстрациями и волнениями. Эта полиция сыграла важную роль в притеснении и подавлении народа и часто действовала по методу «черных и желтых» в Ирландии. Индийскую армию, если не считать некоторые ее группы и части, использовали для этого редко. Чаще использовали английских солдат и гурков. Иногда индийских солдат, как и специальную полицию, посылали в отдаленные части страны, где они чувствовали себя как бы иностранцами, так как не знали языка.

Если реакция толпы была вполне естественной, столь же естественной в данных обстоятельствах была и реакция правительства. Оно должно было подавлять как стихийную ярость толпы, так и мирные демонстрации других людей и в интересах самосохранения попытаться уничтожить тех, кого оно считало своими врагами. Если бы оно было способно или желало понять и оценить причины, которые с такой силой приводили в движение народ, то кризиса вообще бы не было и проблема Индии приблизилась бы к своему разрешению. Правительство тщательно подготовилось к тому, чтобы, как оно думало, раз и навсегда подавить вызов, брошенный его власти; оно взяло на себя инициативу и выбрало момент для нанесения своего первого удара; оно посадило в тюрьмы тысячи мужчин и женщин, которые играли видную роль в националистическом, рабочем и крестьянском движениях. Но оно было удивлено и застигнуто врасплох выступлением, которое внезапно потрясло всю страну, и его широко разветвленный аппарат подавления отказал на некоторое время. Но в его распоряжении были огромные ресурсы, и оно использовало их для подавления как насильственных, так и ненасильственных проявлений возмущения. Многие представители высших и богатых классов, будучи робкими националистами и иногда даже критически настроенными к правительству, были напуганы этими массовыми действиями во всеиндийском масштабе, в которых не чувствовалось большой заботы о частных интересах и от которых веяло не только политической революцией, но и социальными переменами. По мере того как успехи, достигнутые правительством в подавлении мятежа, становились очевидными, колеблющиеся и приспособленцы встали на его сторону и начали поносить всех, кто осмелился бросить вызов власти.

Поскольку внешние проявления мятежа были подавлены, надо было вырвать самые его корни, и поэтому весь правительственный аппарат был приведен в действие в этом направлении с целью добиться полного подчинения английскому господству. Оказалось возможным за одну ночь вводить в силу новые законы путем издания вице-королем соответствующего декрета или указа, и формальности в проведении в жизнь этих законов были сведены до минимума. Решения федерального суда и Высших судов, являвшихся творением и символами английской

власти, игнорировались исполнительной властью, или же в целях отмены этих решений издавался новый указ. Были учреждены специальные трибуналы (которые впоследствии судами были признаны незаконными), освобожденные от пут обычных правил процедуры и порядка представления улик. Эти трибуналы осудили тысячи людей на длительные сроки заключения, а многих даже на смертную казнь. Полиция (и особенно специальная вооруженная полиция) и тайная полиция были всемогущи, они стали главными органами государства и могли позволять себе любые незаконные действия или жестокости, не опасаясь ни критики, ни возражений. Коррупция выросла до гигантских размеров. Огромное число учащихся в школах и колледжах подвергалось различным наказаниям, тысячи молодых людей — порке. Все виды общественной деятельности, если они не были направлены на пользу правительства, были запрещены.

Но больше всех пострадали простодушные, задавленные нищетою жители сельских районов. Страдания, которые они испытывали в течение многих поколений, были их уделом; они осмелились поднять голову и помечтать о лучших временах; они даже поднялись на выступление; было ли это глупостью или ошибкой, но они доказали свою верность делу свободы Индии. Их усилия потерпели неудачу, и тяжкое бремя пало на их плечи. Сообщали о случаях осуждения целых деревень на порку до смерти. От имени правительства Бенгалии сообщалось, что «правительственные войска сожгли 193 конгрессиистских лагеря и дома в районах Тамлук и Контай до и после урагана 1942 года». Ураган произвел громадные опустошения в этих районах, оставив после себя пустыню, но это никак не повлияло на политику властей.

На деревни были наложены огромные штрафы. Согласно заявлению Эмери в палате общин, общая сумма коллективных штрафов достигала 9 миллионов рупий, и в счет этой суммы взыскивали 7850 тысяч рупий. Как удалось получить эти деньги с голодающих, несчастных бедняков — это другое дело, но никакие события, имевшие место в 1942 году или после, ни расстрелы, ни пожары, в которых была повинна полиция, не вызывали таких жестоких страданий, как этот насильственный сбор штрафов. Взыскивались не только установленные штрафы, но часто и значительно большие суммы, причем излишек исчезал в процессе взыскания.

Все условности и увертки, которыми обычно прикрываются действия правительств, были отброшены в сторону, и в качестве символа власти и авторитета оставалась лишь голая сила. К уверткам не было более нужды прибегать, ибо английской мощи удалось, по крайней мере на время, подавить как ненасильственные, так и насильственные попытки заменить власть англичан национальной властью. Власть англичан была в Индии полной и безраздельной. Индия потерпела неудачу в том

окончательном испытании, в котором имеют значение лишь сила и мощь, а все остальное представляет собой увертку и не имеет отношения к делу. Она потерпела неудачу не только вследствие английского военного могущества и смятения умов, вызванного военной ситуацией, но и потому, что многие индийцы не были подготовлены к той последней жертве, которую требует свобода. Итак, англичане считали, что они прочно установили свое господство в Индии, и они не видели причин для того, чтобы вновь ослабить его.

РЕАКЦИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Строгая цензура закрыла непроницаемым занавесом события в Индии. Даже газетам в Индии не разрешалось предавать гласности многое из того, что ежедневно происходило, и за телеграммами, отправляемыми в другие страны, устанавливался все более строгий надзор. В то же самое время за границей всюду была развернута официальная пропаганда и распространялись ложные и тенденциозные версии событий. Особенно эта пропаганда наводняла Соединенные Штаты Америки, ибо с общественным мнением там приходилось считаться и в поездки по стране посылались сотни лекторов и других лиц, как англичан, так и индийцев.

Даже если оставить в стороне эту пропаганду, то естественно, что в Англии, страдающей от напряжения и тревог войны, чувствовалось негодование против индийцев, и особенно против тех, кто в такое критическое время прибавлял им забот. Это негодование раздувалось односторонней пропагандой, и в еще большей степени оно росло в результате убежденности англичан в собственной непогрешимости. То обстоятельство, что они ничего не знали о чувствах других, было источником их силы, и служило оправданием тех действий, которые предпринимались от их имени, и давало возможность и дальше приписывать любые неудачи несправедливости других, которые не в состоянии оценить очевидных добродетелей англичан. Эти добродетели теперь снова были подтверждены успехом английских войск и индийской полиции в подавлении тех индийцев, которые осмеливались поставить их под сомнение. Существование империи было оправдано, и Черчилль заявил, имея в виду Индию: «Я стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Сказав это, Черчилль, несомненно, отразил точку зрения огромного большинства своего народа и даже многих из тех, кто раньше критиковал теорию и практику империализма. Лидеры английской лейбористской партии, стремясь продемонстрировать, что они в своей приверженности империи не отстают от других, поддержали заявление Черчилля и «подчеркнули решимость английского народа сохранить в целостности империю после войны».

В общественном мнении в Америке, поскольку оно интересовалось далекой для него проблемой Индии, не было единодушия, ибо люди там не все в одинаковой степени убеждены в добродетелях английского правящего класса и неободрительно смотрели на империи других народов. Они стремились также завоевать расположение Индии и полностью использовать ее ресурсы в войне против Японии. Однако односторонняя и тенденциозная пропаганда неизбежно принесла свои плоды, и появилось убеждение, что индийская проблема слишком сложна для них и что, во всяком случае, им трудно вмешиваться в дела своего английского союзника.

Что думали об Индии те, кто был у власти в России, или что думал там народ вообще об этой стране, невозможно было сказать. Они были слишком заняты своими колоссальными военными усилиями и изгнанием захватчиков из своей страны, чтобы думать о делах, не затрагивающих их непосредственно. Но они привыкли заглядывать далеко в будущее, и вряд ли они будут игнорировать Индию, которая почти соприкасалась с их границами в Азии. Какова будет их политика в будущем, никто не мог сказать, за исключением того, что она будет реалистичной и главное внимание будет уделять увеличению политической и экономической мощи СССР. Они тщательно избегали всякого упоминания об Индии, но в ноябре 1942 года по случаю двадцать пятой годовщины Советской революции Сталин заявил, что их политика имела своей целью отмену расовой исключительности, равноправие народов и целостность их территорий, освобождение порабощенных народов и восстановление их суверенных прав, предоставление каждому народу устроиться так, как он желает, оказание экономической помощи пострадавшим народам и содействия в деле достижения ими благосостояния, восстановление демократических свобод, уничтожение гитлеровского режима.

Что касается Китая, то было ясно, что, какова бы ни была реакция народа на наши любые конкретные действия, симпатии китайского народа целиком на стороне свободы Индии. Эти симпатии имеют исторические корни, и даже более того, они имели своей основой понимание того, что если Индия не будет свободна, свобода Китая окажется в опасности. Не только в Китае, но и во всей Азии, в Египте и на Среднем Востоке свобода Индии стала символом широкой свободы для других угнетенных и зависимых стран, пробным камнем в настоящее время и критерием будущего. Уэнделл Уилки в книге «One World» пишет: «Множество мужчин и женщин от Африки до Аляски, с которыми я разговаривал, задавали мне вопрос, который стал почти символическим во всей Азии: А как насчет Индии?.. Начиная с Каира вопрос этот вставал передо мной на каждом шагу. Самый мудрый человек в Китае сказал мне: «Когда осуществление стремления Индии к свободе было отложено

до некоего времени в будущем, то в глазах общественного мнения на Дальнем Востоке пострадал от этого престиж не Великобритании, а Соединенных Штатов».

События в Индии заставили весь мир остановить на некоторое время свой взор на Индии, несмотря на то, что война была в самом разгаре, и подумать об основных проблемах Востока; события в Индии взволновали ум и сердце каждой страны в Азии. Несмотря на то, что индийский народ остается пока беспомощным перед сковавшей его мощью английского империализма, он продемонстрировал, что ни в Индии, ни в Азии не будет мира, если Индия не станет свободной.

РЕАКЦИЯ В ИНДИИ

Иностранная власть, установленная над цивилизованным обществом, страдает от многих невыгод, и отсюда проистекает немало несчастий. Одна из невыгод состоит в том, что иностранной власти приходится опираться на наименее желательные элементы населения. Идеалисты, люди, ценящие свое достоинство, люди щепетильные, самолюбивые, все, кто достаточно ценит свободу и не хочет унижить себя насильственным подчинением чужой власти, держатся от нее в стороне или вступают в конфликт с ней. Карьеристов и приспособленцев на службе этой власти гораздо больше, чем это имело бы место в свободной стране. Даже в независимой стране с автократической формой правления множество щепетильных людей не в состоянии принимать участие в деятельности правительственных органов, а круг приспособленцев там слишком узок, чтобы из него могли выделяться новые таланты. Чужеземное правительство, которое по необходимости должно быть авторитарным, страдает от всех этих минусов и умножает их, ибо ему все время приходится вести свою деятельность в атмосфере враждебности и репрессий. Страх становится преобладающим мотивом как в действиях правительств, так и народа, причем наиболее важными органами являются тогда полиция и разведка.

Когда имеется действительный конфликт между правительством и народом, эта тенденция опираться на нежелательные элементы населения и поощрять их становится еще более заметной. Многим честным людям приходится, разумеется, под давлением обстоятельств продолжать свою работу в правительственных органах, не считаясь с тем, нравится им это или нет. Но те, кто выдвигаются на самые высокие посты и играют весьма важную роль, отбираются за их антинационализм, за их угодливость, за их готовность подавлять и унижать своих соотечественников. Высшим достоинством таких людей признается враждебность (часто являющаяся результатом личного соперничества и разочарований) к чувствам и настроениям

значительного большинства народа. В этой затхлой и нездоровой атмосфере нет места идеализму или благородному чувству, а наградой являются высокие посты и большие оклады. Приходится мириться с некомпетентностью или еще более серьезными дефектами сторонников правительства, ибо все оценивается по той активной поддержке, которая оказывается ими этому правительству в подавлении его противников. Это ведет к тому, что правительство приближает к себе странные группы и весьма странные личности. Коррупция, жестокость, черствость и полное пренебрежение к народному благосостоянию процветают и отравляют атмосферу¹.

Хотя многое из того, что делает правительство, вызывает резкое недовольство, но еще большее недовольство вызывают сторонники правительства из числа индийцев, которые стали большими роялистами, чем сам король. У среднего индийца их поведение вызывает чувство отвращения и тошноты, и он сравнивает этих людей с людьми Виши или марионеточных режимов, которые создавались германским и японским правительствами. Это чувство охватывает не только членов Конгресса, но и членов Мусульманской лиги и других организаций, и его не скрывают в своих высказываниях самые умеренные из наших политиков².

Война служила достаточным поводом и прикрытием для активной антинациональной деятельности правительства и новых форм пропаганды. Финансировались многочисленные «рабочие группы», задача которых состояла в том, чтобы поднять «моральный дух рабочих», создавались и субсиди-

¹ Комитет по обследованию работы административного аппарата в Бенгалии, председателем которого был сэр Арчибальд Роулендс, в своем отчете, опубликованном в мае 1945 года, заявляет: «Коррупция приняла такие широкие размеры и к ней относятся настолько снисходительно, что, как нам кажется, следует принять самые решительные меры для искоренения этого зла, которое подрывает государственную службу и общественную мораль». Комитет с удивлением и сожалением узнал о том, что поведение некоторых государственных служащих оставляет желать лучшего. Отмечалось, что «они держатся высокомерно и, кажется, больше внимания уделяют механическому управлению бездушной машиной, нежели делу улучшения благосостояния народа, и считают себя скорее хозяевами, чем слугами народа».

² Гитлер, специалист по принуждению других к повиновению, пишет в книге «Mein Kampf»: «Мы не должны рассчитывать на то, что лица, представляющие собой воплощение бесхарактерной покорности, внезапно раскаются, с тем чтобы, опираясь на разум и весь человеческий опыт, действовать иначе, чем до сих пор. Напротив, эти самые люди не сделают выводов ни из одного из этих уроков, пока нация либо раз и навсегда не привыкнет к своему рабскому яру, либо пока на поверхность не пробьются лучшие силы и не вырвут власть из рук подлых развратителей. В первом случае эти люди продолжают чувствовать себя совсем неплохо, поскольку победители нередко доверяют им должность надсмотрщиков рабов, какую функцию эти бесхарактерные типы выполняют в отношении своей собственной нации и притом вообще более бессердечно, чем любой чужеземный зверь, посаженный самим врагом».

ровались газеты, содержавшие гнусные нападки на Ганди и Конгресс, несмотря на недостаток бумаги, который препятствовал регулярному выходу других газет. Для этой цели использовались также официальные объявления, необходимость публикации которых вызывалась якобы интересами военных усилий. В других странах были открыты информационные центры с задачей вести непрерывную пропаганду от имени правительства Индии. Толпы ничем не замечательных и часто никому не известных лиц посылались, несмотря на протест со стороны Центрального законодательного собрания как официальные делегаты в разные страны, особенно в США. Они должны были действовать в качестве агентов по пропаганде и пособников английского правительства. Лица, придерживающиеся независимых взглядов или критически относящиеся к политике правительства, не имели никакой возможности совершить заграничную поездку; они не могли получить ни паспорта, ни транспорта.

Последние два года правительство использовало эти и многие другие методы, чтобы создать видимость того, что оно считает «общественным спокойствием». Политическая и общественная жизнь хиреет, как собственно и должно быть в стране, находящейся так или иначе в условиях военной оккупации и военного режима. Но это насильственное подавление симптомов может лишь усугубить болезнь, а Индия серьезно больна. Видные индийские консерваторы, которые всегда старались сотрудничать с правительством, с тревогой смотрят на этот вулкан, кратер которого временно прикрыт, и они заявляли, что никогда еще не видели такого озлобления против английского правительства.

Я не знаю и не могу сказать, пока не установлю контакт с моим народом, насколько народ изменился за эти два года и какие чувства волнуют его душу, но я не сомневаюсь, что эти последние испытания изменили его во многих отношениях. Время от времени я следил за ходом своих мыслей и изучал свои почти невольные реакции на события. В прошлом меня никогда не оставляло желание совершить поездку в Англию, так как у меня там много друзей и воспоминания о давно прошедших днях влекли меня туда. Но теперь я обнаружил, что у меня нет такого желания, и мысль о поездке вызывала у меня отвращение. Хотелось держаться возможно дальше от Англии, и не было никакого желания обсуждать проблемы Индии с англичанами. Затем я вспомнил о некоторых друзьях, немного смягчился и подумал о том, что так нельзя судить о народе в целом. Я подумал также об ужасных испытаниях, которые пришлось пережить английскому народу в этой войне, о постоянном напряжении, в котором он жил, о гибели столь многих. Все это смягчило мои чувства, но настроение в основном осталось прежним. Вероятно, время и будущее ослабят остроту моей реакции

и откроют иные перспективы. Но если я, при всех своих связях с Англией и англичанами, находился в таком настроении, то что же следовало ожидать от других, у которых не было этих связей?

БОЛЕЗНЬ ИНДИИ. ГОЛОД

Индия была серьезно больна как физически, так и духовно. В то время как одни процветали во время войны, бремя, лежавшее на других, стало невыносимо тяжелым, и ужасным напоминанием об этом был разразившийся голод, сильнейший голод, захвативший Бенгалию, а также восточную и южную часть Индии. Это был самый большой и самый опустошительный голод в Индии за истекшие сто семьдесят лет английского господства; его можно сравнить только с ужасным голодом, который охватил Бенгалию и Бихар в 1766—1770 годы и явился первым результатом установления английского господства. Последовали эпидемии, особенно холеры и малярии. Эпидемии эти распространились на другие провинции, и даже сегодня они все еще уносят десятки тысяч жизней. Миллионы людей умерли от голода и болезней, а этот призрак попрежнему витает над Индией и требует новых жертв¹.

Этот голод помог выявить подлинное положение дел в Индии, скрытое от взоров за тонким покровом процветания небольшого числа представителей высших слоев. Глазам предстала картина нищеты и уродства английского господства. Таков был кульминационный пункт и конечный результат английского господства в Индии. Голод был вызван не стихийным бедствием, не игрой сил природы и не военными операциями или вражеской блокадой. Каждый компетентный наблюдатель согласится, что голод был делом рук человека, что его можно было предвидеть и избежать. Все согласны с тем, что заинтересованные органы власти проявили поразительное безразличие, некомпетентность и самоуспокоенность. Вплоть до последнего момента, когда тысячи людей уже умирали ежедневно на людных улицах, факт голода отрицался, а упоминания о нем в печати

¹ Данные о смертности от голода в Бенгалии в 1943—1944 годах сильно расходятся. Антропологическое отделение Калькуттского университета произвело выборочным методом широкое научное обследование отдельных групп населения в районах, охваченных голодом. Отделение пришло к выводу, что всего от голода в Бенгалии умерло 3400 тысяч человек. Было также установлено, что в 1943 и 1944 годах 46 процентов населения Бенгалии страдало серьезными болезнями. Официальные данные правительства Бенгалии, основывавшиеся на не заслуживающих доверия отчетах деревенских старшин, приводили гораздо более низкую цифру. Официальная комиссия по расследованию причин голода под председательством сэра Дикона Вудхеда пришла к выводу, что около полутора миллионов случаев смерти имели место в Бенгалии «непосредственно от голода и последовавших за ним эпидемий». Все эти цифры относятся только к Бенгалии. Но многие другие части страны также пострадали от голода и последовавших за ним эпидемических заболеваний.

вычеркивались цензурой. Когда калькуттская газета «Стейтсмен» опубликовала ужасные фотографии голодающих и умирающих на улицах Калькутты женщин и детей, представитель правительства Индии, выступая официально в Центральном законодательном собрании, протестовал против «драматизирования» положения; для него ежедневная гибель от голода многих тысяч людей в Индии была, повидимому, нормальным явлением. Эмери, государственной секретарь по делам Индии в Лондоне, особенно отличился своими опровержениями и заявлениями. А затем, когда стало уже невозможным отрицать или прикрывать факт широко распространившегося голода, одна группа властей начала сваливать вину за это на другую. Правительство Индии заявило, что виновато правительство провинции, которое было всего лишь марионеточным правительством, действующим по указке губернатора и с помощью аппарата гражданской службы. Все они были виноваты, но больше всех было виновато авторитарное правительство, в лице вице-короля, которое могло делать все, что желало, в любом месте Индии. В любой демократической или полудемократической стране такое бедствие смело бы любое правительство, причастное к нему. Не так было в Индии, где все шло по-старому.

Если даже посмотреть на дело с точки зрения интересов ведения войны, то следовало бы учесть, что этот голод разразился на той самой территории, которая была ближе всего расположена к театру военных действий и к району возможного вторжения. Широко распространившийся голод и крах экономической системы неизбежно причинит ущерб обороноспособности, не говоря уже о наступательных действиях. Так выполняло правительство Индии свои обязанности по обороне Индии и ведению войны против японских агрессоров. Не выжженная, иссохшая земля, а иссохшие, измороженные голодом и умершие от голода миллионы людей в этом важном в военном отношении районе были символом политики правительства.

Индийские неправительственные организации, со своей стороны, провели большую работу по оказанию помощи, и такую же работу выполнили квакеры Англии, эти подлинные гуманисты. Центральное и провинциальные правительства также наконец проснулись и поняли всю грандиозность бедствия, и в работе по оказанию помощи была использована армия. По крайней мере, было кое-что сделано, чтобы хоть на время приостановить распространение голода и ослабить его последствия. Но помощь была временной, последствия бедствия все еще сказываются, и нельзя поручиться, что голод не обрушится на нас снова и притом в еще больших масштабах. Бенгалия раздроблена, ее социальная и экономическая жизнь потрясена, а силы оставшегося в живых поколения подорваны.

В то время как все это происходило и улицы Калькутты были усеяны трупами, светская жизнь десяти тысяч людей высшего

света в Калькутте нисколько не изменилась. Там развлекались танцами и банкетами, выставляли напоказ свое богатство и вели роскошную жизнь. Рационирование было введено там гораздо позже. Конские скачки в Калькутте продолжали функционировать и привлекали, как обычно, толпы фешенебельной публики. Нехватало транспорта для перевозки продовольствия, но скаковых лошадей доставляли в специальных клетях по железной дороге из других районов страны. В этой полной веселья жизни принимали участие как англичане, так и индийцы, ибо и те и другие процветали на военном бизнесе и у них не было недостатка в деньгах. Иногда они получали эти деньги, спекулируя продовольствием, от нехватки которого умирали ежедневно десятки тысяч людей.

Индия, как часто говорят, является страной контрастов — незначительного числа богатей и огромных масс бедноты, современных и средневековых порядков, правителей и управляемых, англичан и индийцев. Никогда прежде контрасты эти не были столь резки, как в городе Калькутте во время ужасных месяцев голода во второй половине 1943 года. Два мира, обычно живущие раздельно, почти не знакомые друг другу, внезапно были сведены вместе и существовали друг подле друга. Контраст был резок, но еще более бросалось в глаза то, что многие не понимали ужаса и поразительной нелепости происходящего и продолжали идти проторенными путями. О чем они думали — неизвестно; судить об этих людях можно по их действиям. Большинству англичан это было, может быть, легче перенести, ибо они жили особой жизнью, жизнью замкнутой касты, и не могли изменить привычный образ жизни, хотя некоторые из них и чувствовали необходимость это сделать. Но индийцы, которые вели себя подобным образом, показывали тем самым, какая широкая пропасть отделяет их от собственного народа, пропасть, которую не могли уничтожить никакие соображения пристойности и гуманности.

Голод, подобно всякому другому большому бедствию, особенно выявил как хорошие качества, так и недостатки индийского народа. Немало индийцев, включая наиболее деятельные элементы, находились в тюрьме, и они были лишены возможности оказать какую-либо помощь. И тем не менее в проведении неофициально организованных мероприятий приняли участие мужчины и женщины всех слоев общества. Они проделали большую работу в трудных условиях, напрягая все свои силы и способности и проявляя дух взаимопомощи, сотрудничества и самопожертвования. Свои слабые стороны показали также те, чье мелочное самолюбие и амбиция помешали их совместной работе с другими, те, кто оставался пассивным и ничего не делал для оказания помощи другим, и те немногие, кто настолько утратил свой национальный облик и гуманные чувства, что все происходящее мало заботило их.

Голод был прямым результатом военных условий и безработности, полного отсутствия предвидения у тех, кто стоял у власти. Безразличие властей к продовольственной проблеме страны, когда каждому разумному человеку было ясно, что близится бедствие подобного рода, просто непостижимо. Голода можно было бы избежать, если бы продовольственная проблема была надлежащим образом обсуждена в первые годы войны. В любой другой стране, затронутой войной, этому жизненно важному аспекту военной экономики было бы уделено все необходимое внимание еще до того, как началась война. В Индии правительство создало департамент продовольствия спустя три с четвертью года после начала войны в Европе и год спустя после начала войны с Японией. А ведь всем было известно, что оккупация японцами Бирмы серьезно отразилась на продовольственном положении Бенгалии. У правительства Индии вообще не было никакой политики в продовольственном вопросе до середины 1943 года, когда голод уже начинал свое опустошительное шествие. Удивительно, насколько беспомощным всегда оказывается правительство в любом вопросе, кроме подавления тех, кто бросает вызов его административной деятельности. А может быть, правильнее будет заключить, что внимание правительства при его нынешнем составе полностью поглощено главной задачей, заключающейся в том, чтобы обеспечить свое дальнейшее существование. Только подлинный кризис заставляет его думать о других вопросах. Этот кризис снова усугубляется постоянным отсутствием уверенности в компетентности и честности правительства¹.

¹ Комиссия по расследованию причин возникновения голода под председательством сэра Джона Вудхеда (отчет был опубликован в мае 1945 года) повествует сдержанным официальным языком о серии трагических ошибок, совершенных властями, и об алчности частных лиц, являющихся причинами голода в Бенгалии. «Изучение истории и причин голода в Бенгалии было для нас печальной задачей. Глубокое сознание трагедии не покидало нас ни на миг. Полтора миллиона бедных бенгальцев пали жертвой обстоятельств, в которых сами они были невинны. Общество вместе со своими учреждениями не смогло защитить своих более слабых граждан. Здесь имел место крах, социальный и моральный крах, наряду с крахом системы управления». Комиссия ссылается на низкий уровень экономики в провинции, на то, что вследствие застоя в промышленном развитии растет перенаселенность сельскохозяйственных районов, что значительная часть населения влачит голодное существование и не сможет выдержать серьезного ухудшения экономического положения, на весьма плохие санитарные условия и низкий уровень питания, на отсутствие каких-либо «резервов безопасности», поскольку речь идет о здоровье и материальной обеспеченности. Комиссия считает, что бедствия населения объясняются, в первую очередь, следующими причинами: неурожаем, отпадением Бирмы, приведшим к прекращению импорта бирманского риса, проводимой правительством политикой «отказов», повлекшей разорение беднейших слоев населения, требованиями военных властей в отношении поставок продовольствия и предоставления транспорта и отсутствием доверия к правительству. Комиссия осуждает как правительство Индии, так и правительство Бенгалии за их политику, или за отсутствие у них

Хотя голод, несомненно, был вызван условиями военного времени и хотя его можно было бы избежать, в равной степени правильно и то, что более глубокие его причины кроются в том основном политическом курсе, который вел Индию к обнищанию и в условиях которого миллионы людей жили на грани голода. В 1933 году генерал-майор сэр Джон Мигу, генеральный директор индийской медицинской службы, в своем отчете о состоянии здоровья населения писал: «Амбулаторные врачи считают, что в Индии в целом 39 процентов населения питается хорошо, 41 процент — плохо и 20 процентов — очень плохо. Наиболее тяжелую картину рисуют врачи Бенгалии, считающие, что только 22 процента населения провинции питаются хорошо, в то время как 31 процент — очень плохо».

Трагедия Бенгалии и голод, который неоднократно переживали Орисса, Малабар и другие районы, являются окончательным приговором английскому господству в Индии. Англичане наверняка уйдут из Индии, и их господство над Индией станет достоянием истории, но какое наследство, сколько человеческого несчастья и горя они оставят, когда им придется уходить? Три года назад Тагор, умирая, предвидел эту картину: «Но какую Индию оставят они после себя, какую вопиющую нищету? Когда поток веков господства Англии наконец высохнет, сколько грязи и тины останется в его русле!»

зачастую какой-либо политики, или за постоянные изменения ее, за их неспособность предвидеть события и принимать соответствующие меры, за их отказ признать факт голода и предать его гласности даже в тех случаях, когда голод уже наступил, за полную недостаточность принимаемых им мер. Комиссия далее заявляет: «Но, взвесив все обстоятельства, мы нередко приходили к выводу, что, приняв своевременно смелые, решительные и хорошо продуманные меры, правительство Бенгалии было бы в силах в значительной степени предотвратить ту трагедию голода, которая имела место». Далее комиссия заявляет, что «правительство Индии заблаговременно не осознало необходимости организовать плановые перевозки зерна... Правительство Индии должно совместно с правительством Бенгалии нести ответственность за принятое в марте 1943 года решение отменить контроль над ценами... Последующее предложение правительства Индии — ввести свободную торговлю на большей части территории Индии — было совершенно неоправданным, и его не следовало вносить. Осуществление этого предложения, против которого выступили многие провинции и княжества... могло бы привести к серьезным катастрофам в различных частях Индии». После описания апатии и неудовлетворительной работы правительственного аппарата как в центре, так и в провинции комиссия отмечает, что на «жителей Бенгалии или, по крайней мере, на некоторые слои ее населения также падает доля вины. Мы упоминали об атмосфере страха и алчности, которая при отсутствии контроля над ценами была одной из причин быстрого роста цен. Бедствие стало источником огромных прибылей, а в тех условиях прибыль для одних означала смерть для других. Значительная часть общества жила в роскоши, в то время как другая голодала. К страданиям людей относились безразлично. Коррупция была широко распространена по всей провинции и во многих классах общества». Общая сумма прибылей, полученных на этой торговле голодом и смертью, определяется в 1,5 миллиарда рупий. Таким образом, при полутора миллионах умерших от голода смерть каждого человека соответствовала примерно тысяче рупий сверхприбыли!

Несмотря на голод и войну, жизнь, полная внутренних противоречий, не приостанавливается. Она даже питается этими противоречиями и бедствиями, которые сопутствуют им. Природа обновляется и покрывает вчерашнее поле боя цветами и зеленой травой, а пролитая на нем кровь питает почву и дает силу и цвет новой жизни. Человеческие существа с присущей им исключительной способностью хранить воспоминания живут в своем прошлом, почерпнутом из летописей или воспоминаний, и лишь в редких случаях идут в ногу с настоящим в этом «мире, который обновляется каждый день». И это настоящее отходит в прошлое, едва мы успеваем осознать его; сегодняшний день, дитя вчерашнего дня, уступает место своему потомку — завтрашнему дню. Крылатая победа оставляет за собой лужи крови и грязи, а тяжелые испытания и кажущееся поражение дают новую силу духа, открывают новые горизонты. Слабые духом сдают и выходят из боя, но остальные несут факел вперед и передают его знаменосцам завтрашнего дня.

Голод в Индии позволил в известной степени осознать чрезвычайную срочность проблем Индии, огромную катастрофу, нависшую над страной. Я не знаю, что думали по этому поводу в Англии, но некоторые англичане по привычке обвиняли Индию и ее народ. Ощущался недостаток продовольствия, врачей, предметов санитарии и медикаментов, транспорта — недостаток всего, за исключением людей, ибо население возросло и, казалось, продолжало расти. Винить нужно это избыточное население непредусмотрительной расы, которое растет, не предупреждая о том, что оно будет это делать, и нарушает планы или, вернее, бесплановость благожелательного правительства. Таким образом, экономические проблемы внезапно приобрели новое значение, и нам было сказано, что политика и политические дела должны быть отложены в сторону, как будто политика, не способная дать решение крупных проблем современности, вообще может иметь какой-либо смысл. Правительство Индии, один из немногих в мире приверженцев традиции *laisser-faire*, заговорило о планировании, не имея, однако, никакого представления об организованном планировании. Оно могло мыслить только в рамках сохранения существующей системы обеспечения своих собственных и связанных с ним частных интересов.

Реакция индийского народа была более глубокой и более сильной, хотя она слабо проявлялась публично вследствие широкой системы ограничений, введенных согласно Закону об обороне Индии. Экономическая система Бенгалии потерпела полный крах, и десятки миллионов людей буквально бедствовали. В Бенгалии проявилось в наиболее крайней форме то, что

происходило во многих частях Индии, и казалось, что возврата к старым формам экономики не может быть. События распешили даже промышленников, столь успешно процветавших во время войны, и заставили их выйти из узкого круга своих интересов. Они были своего рода реалистами, несколько напуганными идеализмом некоторых политических деятелей. Однако их реализм сам по себе приводил их к далеко идущим выводам. Несколько бомбейских промышленников, главным образом связанных с предприятиями Тата, подготовили пятнадцатилетний план развития Индии. Этот план безусловно не полный, в нем много пробелов. На нем неизбежно сказался образ мышления деятелей крупной промышленности. Люди, составлявшие его, старались по возможности избежать революционных перемен. Однако под давлением событий в Индии они были вынуждены взглянуть на вещи шире и отказаться от привычного образа мыслей. Революционные перемены внутренне присущи плану, хотя самим авторам его, может быть, некоторые из них и не нравятся. Некоторые из авторов этого плана были членами Национального комитета по планированию. Они воспользовались частично результатами его работы. Этот план, несомненно, придется во многом изменить, дополнить и уточнить, но, поскольку план исходит от консервативных кругов, он является хорошей и ободряющей схемой того пути, которым должна идти Индия. Он исходит из предположки, что Индия будет свободным государством, единым в политическом и экономическом отношении. Авторы не допустили в плане преобладания точки зрения консервативных банковских деятелей на роль денег и исходили из того, что действительный капитал страны составляют ее материальные и людские ресурсы. Успех этого плана, как и любого другого, неизбежно зависит не только от производства, но и от надлежащего и справедливого распределения национального богатства. Аграрная реформа также является одной из основных его предпосылок.

Идея планирования и планового устройства общества в той или иной мере принимается теперь всеми. Но планирование само по себе имеет мало значения и не всегда ведет к хорошим результатам. Все зависит от целей плана и от контролирующего органа, а также, конечно, от правительства, содействующего его осуществлению. Имеет ли план своей целью улучшение благосостояния и процветание народа в целом, предоставление равных возможностей всем гражданам, расширение свободы и методов кооперативной организации и действий? Увеличение продукции совершенно необходимо, но оно само по себе не продвинет нас далеко вперед и может даже усложнить стоящие перед нами задачи. Попытка сохранить давно установленные привилегии и ограждать крупные частные интересы в корне подрывает планирование. Реальное планирование должно исходить из того, что никакие частные интересы

не должны мешать осуществлению проекта, имеющего своим назначением улучшение благосостояния общества в целом. Конгрессистские правительства в провинциях были стеснены во всех отношениях тем, что в основу парламентского статута был положен принцип неприкосновенности частных интересов. Даже их частичные попытки изменить систему землевладения и ввести подоходный налог на доходы от земли были опротестованы судами.

Если планирование в значительной степени будет контролироваться крупными промышленниками, оно, естественно, будет осуществляться в рамках привычной для них системы и будет, по сути дела, основываться на стремлении к извлечению прибыли, характерном для общества, в основу которого положен дух наживы. Какие бы благие намерения они ни имели — а некоторые из них, конечно, преисполнены добрых намерений, — им все же трудно мыслить по-новому. Даже в тех случаях, когда они говорят о государственном контроле над промышленностью, они представляют себе государство таким, каким оно существует в настоящее время.

Иногда нам говорят, что поскольку нынешнее правительство Индии владеет железными дорогами и контролирует их, поскольку оно усиливает свой контроль над промышленностью, финансами и жизнью вообще, все больше и больше вмешиваясь в эти области, оно движется в направлении к социализму. Но ведь это отнюдь не демократический государственный контроль, а нечто совсем другое, не говоря уже о том, что это по существу иностранный контроль. Хотя деятельность капиталистов подверглась известным ограничениям, вся система попрежнему основывается на принципе защиты привилегий. Прежняя авторитарная колониальная система игнорировала экономические проблемы, за исключением тех случаев, когда речь шла о некоторых специальных интересах. Будучи бессильным справиться с нуждами, вытекающими из нового положения, с помощью своих старых методов *laissez-faire* и, тем не менее, стремясь сохранить свой авторитарный характер, правительство неизбежно идет в направлении фашизма. Оно пытается контролировать экономические операции фашистскими методами, подавляет существующие гражданские свободы и приспособливает свои собственные автократические органы, а также, с некоторыми изменениями, капиталистическую систему к новым условиям. Таким образом, как и в фашистских государствах, усилия направлены на создание монолитного государства с установлением широкого контроля над промышленностью и жизнью страны и с множеством ограничений в отношении частной инициативы, но с сохранением старых основ. Это далеко не социализм; в самом деле, нелепо говорить о социализме в стране, находящейся под господством иностранной державы. Представляется весьма сомнительным, может ли

такая попытка увенчаться успехом, хотя бы временным, ибо она только усугубляет существующие проблемы; но условия военного времени благоприятствуют проведению этих мероприятий. Даже полная так называемая национализация промышленности, не сопровождаемая установлением политической демократии, приведет к эксплуатации иного рода, ибо, хотя в этом случае промышленность и будет принадлежать государству, само государство не будет принадлежать народу.

Наши главные трудности в Индии объясняются тем, что мы рассматриваем наши проблемы — экономические, социальные, индустриальные, сельскохозяйственные, общинные, проблему княжеств — в рамках существующих условий. Но в рамках этих условий при сохранении привилегий и особого статута, являющихся составной частью их, они становятся неразрешимыми. Даже если под давлением обстоятельств удастся найти какое-нибудь лоскутное решение, оно не будет и не может быть прочным. Старые вопросы останутся на повестке дня, и к ним добавятся новые проблемы или новые аспекты старых проблем. Этот наш подход частично объясняется традицией и старой привычкой, но, по существу, он вызван жестокостью английского управления, поддерживающего обветшалую систему.

Война обострила многие противоречия в жизни Индии — политические, экономические и социальные. Что касается политической стороны, то о свободе Индии и о ее независимости говорят много. Тем не менее ее народ никогда за свою долгую историю не находился под господством такого авторитарного режима и не подвергался таким суровым и массовым репрессиям, как в настоящее время, а этот сегодняшний день неизбежно определяет наше завтра. Что касается экономической стороны, английское господство также всесильно. Тем не менее тенденция индийской экономики к расширению постоянно дает себя чувствовать. Страна голодает, широкие слои населения живут в нищете, но, с другой стороны, процесс накопления капитала не прекращается. Бедность и богатство существуют бок о бок, равно как разрушение и созидание, разброд и единство, омертвевшая мысль и новая мысль. Но за всеми этими удручающими явлениями скрывается внутренняя жизненная сила, подавить которую невозможно.

С первого взгляда кажется, что война содействовала развитию промышленности и росту производства в Индии, но остается неясным, привело ли это к созданию новых отраслей промышленности, или же попросту к расширению и односторонней специализации старых отраслей. Явная стабильность индекса индийского промышленного производства, наблюдавшаяся во время войны, свидетельствует о том, что никакого существенного прогресса не было. Некоторые компетентные наблюдатели

склонны даже думать, что война и английская политика во время войны в действительности тормозили развитие промышленности в Индии. Д-р Джон Матхаи, видный экономист и один из директоров концерна «Тата», недавно заявил: «Всеобщее убеждение... в том, что война колоссально ускорила промышленный прогресс Индии, является, по меньшей мере, спорным. Хотя верно то, что некоторые старые отрасли промышленности увеличили свое производство в связи с потребностями войны, дело создания нескольких новых отраслей, имеющих большое значение для страны и запроектированных еще до войны, вследствие обстоятельств военного времени было либо вовсе отложено, либо не было доведено до конца. По моему мнению, тщательный анализ различных факторов приводит к выводу, что в отличие от таких стран, как Канада и Австралия, война скорее тормозила, нежели ускоряла развитие промышленности в Индии. Однако я согласен... что Индия обладает достаточными потенциальными возможностями для удовлетворения своих потребностей в готовых изделиях». Имеющиеся статистические данные о промышленности подкрепляют эту точку зрения и показывают, что если бы удалось сохранить довоенные темпы развития промышленности, то не только были бы созданы новые отрасли, но и значительно увеличилось бы производство в целом¹.

Война с величайшей убедительностью показала, что Индия способна превратить эти возможности в действительность с поразительной быстротой, если ей будет предоставлена возможность сделать это. Функционируя как единое экономическое целое, она в течение почти пяти лет войны, несмотря на все препятствия, которые ей ставились, накопила большие долгосрочные активы. Эти активы имеют форму стерлинговых авуаров, которые она не может получить и которые, как заявляют, будут блокированы в будущем. Эти стерлинговые авуары

¹ Дж. Р. Д. Тата, выступая 30 мая 1945 года в Лондоне, также отрицал, что война позволила Индии существенно расширить ее промышленность и промышленный потенциал. «Может быть, в отдельных случаях это и имело место, но в целом, если исключить военные заводы и другие специальные отрасли промышленности, связанные с войной, расширения промышленности не произошло. Если бы не было войны, приступили бы к осуществлению ряда проектов. На основании личного опыта могу говорить о проектах, от осуществления которых пришлось отказаться ввиду невозможности получить кирпич, сталь и машинное оборудование. Кто говорит о промышленном и экономическом прогрессе в Индии во время войны, тот не знает истинного положения дел». Далее он сказал: «Я должен рассеять этот миф. Глупо говорить о том, что Индия сделала существенный шаг вперед и выиграла что-то в результате войны. В силу тех или иных причин Индия не продвинулась существенно в своем развитии. Скорее имело место серьезное замедление ее развития. В действительности произошло следующее. В результате войны и вклада, внесенного в войну Индией, мы имеем миллионы погибших от голода в Бенгалии. Мы также испытывали острый недостаток в текстиле. Таким образом, ясно, что никакого экономического прогресса не было».

представляют собой сумму тех расходов, которые правительство Индии производило по поручению как английского правительства, так и США. Они являются также символом недоедания, голода, эпидемий, истощения, пониженной сопротивляемости организма, замедления роста детей и гибели от голода и болезней огромного числа людей в Индии.

Благодаря накоплению долгосрочных активов Индия расплатилась со своим большим долгом Англии и стала страной-кредитором. Вследствие вопиющей нерадивости и неповоротливости правящих кругов народу Индии были причинены огромные страдания, но остается фактом, что Индия в состоянии накапливать такие огромные суммы в короткое время. Фактические расходы на войну, произведенные Индией за пять лет, значительно превышают все английские капиталовложения в Индии более чем за сто лет. Этот факт позволяет убедиться в том, насколько незначителен прогресс, которого Индия достигла за истекшие сто лет английского господства в области постройки железных дорог, ирригационных сооружений и тому подобного, о чем говорится так много. Он также свидетельствует о том, что Индия располагает огромными возможностями для быстрого наступления на всех фронтах хозяйственного строительства. Если эти замечательные усилия могут быть сделаны даже в неблагоприятных условиях, когда страной управляет иностранная администрация, отрицательно относящаяся к промышленному развитию Индии, то ясно, что плановое развитие в условиях свободного национального правительства полностью изменит лицо Индии в течение нескольких лет.

Англичане применяют своеобразный метод оценки своих экономических и социальных достижений в современной Индии с помощью критериев, основывающихся на социальных достижениях в Индии или в других странах в давно прошедшие времена. Они сравнивают с очевидным удовлетворением то, что сделали в Индии за время своего правления, с переменами, осуществленными несколько сот лет назад. Когда они думают об Индии, они как-то упускают из виду тот факт, что промышленный переворот, и особенно огромные технические усовершенствования за какие-нибудь истекшие пятьдесят лет, полностью изменили ход и *темп* жизни. Англичане забывают также, что, когда они прибыли сюда, Индия была не бесплодной и дикой страной, а высокоразвитой, культурной страной, которая временно застыла на одном уровне и отстала в технике.

Какими критериями и образцами должны мы пользоваться при таких сравнениях? Японцы за восемь лет превратили Манчжоу-го в высокоиндустриальную страну, преследуя свои собственные цели; там добывалось больше угля, чем в Индии за многие годы деятельности англичан. Экономические достижения японцев в Корею выгодно отличаются при сравнении их

с другими колониальными империями¹. И, однако, за этими фактами скрывается рабство, жестокость, унижение, эксплуатация и попытка убить душу народа. Нацисты и японцы поставили новые рекорды в бесчеловечном подавлении поработанных народов и рас. Нам часто об этом напоминают и говорят, что англичане не обращались с нами так плохо. Но разве это должно быть новым мерилом и стандартом для сравнений и суждений?

В настоящее время в Индии наблюдается немало пессимизма и разочарования, и эти настроения понятны, так как история сурово обошлась с нашим народом, а будущее ничего хорошего ему не сулит. Но внутри чувствуются движение и толчки, ощущаются признаки новой жизни и действие неведомых сил. Лидеры действуют наверху, но безликая и неосознанная воля пробуждающегося народа, перерастающего рамки своего прошлого, заставляет лидеров двигаться в определенных направлениях.

РАЗВИТИЕ ИНДИИ ПРИОСТАНОВЛЕНО

Народ, подобно отдельному человеку, имеет в своем характере множество различных черт и отличается многообразием подходов к жизни. Если эти различные черты связаны между собой достаточно крепкими органическими узами, то это хорошо; в противном случае происходит распад единого целого, что приводит к разброду и вызывает разного рода осложнения. Обычно имеет место постоянный процесс приспособления, и в результате устанавливается некоторого рода равновесие. Если нормальное развитие приостановлено или если иногда происходят какие-нибудь быстрые перемены, к которым трудно приобщиться, то между этими различными чертами возникает конфликт. В душе Индии под внешней оболочкой наших

¹ Халлетт Абенд, бывший в течение многих лет корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» на Дальнем Востоке, пишет в книге «Pacific Charter» (1943 год): «Справедливость требует признать, что в экономическом отношении японцы проделали великолепную работу в Корее. Когда они начинали управлять страной, она страдала от антисанитарных условий, болезней и нищеты. Горы лишились своих лесов, долины были подвержены постоянным наводнениям, приличных дорог не существовало, большинство населения было неграмотно, каждый год вспыхивали эпидемии тифа, черной оспы, холеры, дизентерии и чумы. В настоящее время произведены посадки лесов в горах; железные дороги, телефон и телеграф работают превосходно; здравоохранение поставлено образцово; построено множество хороших шоссе; с помощью устройств для борьбы с наводнением и ирригационных сооружений удалось резко увеличить производство продовольствия; были построены прекрасные порты и хорошо была поставлена их эксплуатация. Страна стала настолько процветающей и здоровой, что население выросло с 10 до 24 миллионов, и средний уровень жизни в настоящее время несравненно выше, чем в начале века». Но Абенд указывает, что все эти экономические улучшения были осуществлены не на благо корейского народа, а для того, чтобы японцы могли получать большие прибыли.

конфликтов и разногласий всегда имел место этот основной конфликт, вызванный длительным периодом приостановленного роста. Общество, если оно хочет быть устойчивым и прогрессивным, должно обладать некоторым более или менее прочным фундаментом, а также динамическим мировоззрением. Как то, так и другое представляется необходимым. Отсутствие динамического мировоззрения ведет к загниванию и упадку, отсутствие некоторой прочной принципиальной основы может привести к распаду и разложению.

В Индии с ранних дней ее истории происходили поиски этих основных принципов, поиски неизменного, универсального, абсолютного. Однако существовало также и динамическое мировоззрение, равно как чувство жизни и изменяющегося мира. На этих двух основах было построено прочное и прогрессивное общество, хотя ударение всегда делалось больше на стабильности, обеспеченности, а также на сохранении народа. Позже динамический аспект начал исчезать и во имя вечных принципов социальная система была сделана жесткой и неизменной. Фактически она не была вполне застывшей и постепенно и постоянно менялась. Но идеология, лежавшая в основе этой системы, и общие ее основы оставались неизменными. Идея группы, которая находила свое выражение в более или менее самостоятельных кастах, большой семье и жизни самоуправляющейся сельской общины, была главной опорой этой системы. Все эти формы просуществовали столь длительное время потому, что, несмотря на их дефекты, они отвечали и некоторым существенным нуждам человеческой природы и общества. Они создавали обеспеченность и стабильность каждой группе и чувство групповой свободы. Касты сохранялись, так как они оставались выразителями соотношения общественных сил. Классовые привилегии сохранялись не только из-за господствующей идеологии, но и потому, что они поддерживались энергией, умом, талантом, а также способностью к самопожертвованию. Эта идеология базировалась не на конфликте прав, а на обязанностях индивидуума по отношению к другим людям и на надлежащем выполнении этих своих обязанностей, на сотрудничестве внутри группы и между различными группами и, по существу, на идее содействия миру, а не войне. Хотя социальная система была жесткой, свобода мышления не подвергалась никаким ограничениям.

Индийская цивилизация достигла многого из того, к чему она стремилась, но в ходе самих этих успехов жизнь начала увядать, ибо жизнь слишком подвижна для того, чтобы она могла существовать длительное время в жестком, неизменном окружении. Даже те основные принципы, которые классифицируются как неизменные, теряют свою свежесть и реальность, когда их принимают как нечто само собой разумеющееся и когда прекращаются поиски их. Идеи истины, красоты и

свободы увядают, и мы становимся пленниками мертвящей рутины.

То, чего нехватало Индии, имелось в избытке у современного Запада. Запад обладал динамическим мировоззрением. Он был поглощен переменами, происходящими в мире, и его мало заботили высокие принципы, неизменное, универсальное. Он мало уделял внимания вопросам долга и обязанностей и делал упор на права. Он был активен, агрессивен, одержим алчностью и стремлением к власти и господству, жил только настоящим и не обращал внимания на последствия своих действий. В силу своей динамичности он был прогрессивен и полон жизни, но эта жизнь была лихорадочной, ее температура непрерывно повышалась. Если индийская цивилизация пришла в упадок, так как ей присущи были статичность, самосозерцание и склонность к самолюбованию, то цивилизация современного Запада со всеми ее большими и многообразными достижениями, по всем данным, не добилась выдающихся успехов и пока не решила основных проблем жизни. Конфликт заложен в самом ее существовании, и периодически она предается самоуничтожению, совершаемому в колоссальных размерах. Ей, кажется, чего-то нехватает для приобретения стабильности, нехватает некоторых основных принципов, которые придали бы смысл жизни, хотя я не могу сказать, каковы эти принципы. Но так как она динамична, полна жизни и любознательности, надежда для нее не потеряна.

Индия, как и Китай, должна учиться у Запада, так как у современного Запада можно многому научиться, — дух века воплощен в Западе. Но и Западу явно нужно многому учиться, его успехи в технике будут ему не большим утешением, если он не извлечет известных более глубоких уроков жизни, которые занимали умы мыслителей всех веков и во всех странах.

Индия остановилась, и тем не менее было бы совершенно неправильно думать, что она не меняется. Отсутствие всяких изменений означает смерть. Сам факт, что она выжила как высокоразвитая нация, показывает, что имел место некоторый процесс постоянного приспособления. Когда в Индию пришли англичане, Индия, хотя она несколько и отстала в технике, была одной из передовых торговых стран мира. Изменения в технике, несомненно, произошли бы и изменили бы Индию, как они изменили некоторые западные страны. Но ее нормальное развитие было приостановлено английским господством. Промышленное развитие было задержано и, как результат, приостановилось также социальное развитие. Нормальные соотношения сил в обществе не могли установиться и прийти в равновесие, так как вся власть была сконцентрирована в руках иностранной державы, которая опиралась на силу и поощряла группы и классы, потерявшие всякое реальное значение. Индийская жизнь становилась, таким образом, постепенно

более искусственной, ибо у многих лиц и групп, которые, казалось, играли значительную роль в ней, не осталось никаких существенных функций и они продолжали занимать свои места только потому, что иностранная держава считала это необходимым. Они давно сыграли свою роль в истории и были бы отодвинуты в сторону новыми силами, если бы не оказываемое им иностранное покровительство. Они стали соломенными чучелами, пользующимися покровительством иностранной власти, и тем самым еще больше отрезали себя от жизни нации. При нормальных условиях они были бы или совсем выброшены из жизни, как сорняки прошлого, революцией или демократическими средствами, или им была бы предоставлена более подходящая для них работа. Но такое развитие событий было исключено, пока продолжалось господство иностранной авторитарной власти. Таким образом, Индия была наполнена этими эмблемами прошлого, а те перемены, которые происходили в действительности, были скрыты за искусственным фасадом. В этих условиях не могло возникнуть социальное равновесие или сложиться правильное соотношение сил внутри общества, и нереальные проблемы приобрели неоправданно большое значение.

Большая часть проблем, стоящих перед нами в настоящее время, вызвана этим приостановленным развитием и тем, что английское господство препятствует нормальным переменам. Проблему индийских княжеств легко можно решить, если будет устранен внешний фактор. Проблема меньшинств не имеет совершенно ничего общего с проблемой меньшинств в любом другом месте; на самом деле это вовсе не проблема меньшинств. Она имеет множество аспектов, и повинны в ее появлении наши действия в прошлом и настоящем. И тем не менее подоплекой этих и других проблем является стремление английского правительства сохранить по возможности существующую экономическую систему и политическую организацию индийского народа. С этой целью оно старается поощрять социально отсталые группы и сохранять их в нынешнем состоянии. Политическому и экономическому прогрессу ставились не только прямые препятствия, но он также был поставлен в зависимость от согласия реакционных групп и крупных частных интересов, а это согласие можно купить, только подтвердив их привилегированное положение или предоставив им решающую роль в любом будущем мероприятии и, таким образом, создав огромные помехи действительным изменениям и прогрессу. Новая конституция, чтобы быть сильной и действенной, должна отражать не только пожелания огромного большинства народа, но и взаимоотношения социальных сил и их удельный вес. Главная трудность в Индии заключалась в том, что в конституционных мероприятиях на будущее, которые предлагались англичанами или даже многими индийцами, игнорировались нынешние социальные

силы, не говоря уже о тех потенциальных силах, которые в течение длительного времени были подавлены, но которые теперь выходят на поверхность, и делалась попытка навязать и сделать неизменным порядок, основанный на отмирающих отношениях прошлого, совершенно не соответствующих требованиям настоящего времени.

Основной реальностью в Индии является английская военная оккупация и та политика, которая ею подкрепляется. Эту политику формулировали по-разному, часто маскируя ее существо двусмысленными фразами, но в последнее время, при вице-короле — солдате, она была ясно сформулирована. Было сказано, что военная оккупация будет продолжаться до тех пор, пока это будет в силах англичан. Но применение силы имеет определенные границы. Применение силы ведет не только к росту противодействующих сил, но и ко многим другим последствиям, о которых не думали те, кто слишком на нее полагается.

Мы ясно видим последствия этого сдерживания роста Индии и этой приостановки ее прогресса. Наиболее очевидным фактом является бесплодность английского господства в Индии и разрушение им индийской жизни. Чужеземная власть неизбежно отрывает себя от источников творческой энергии того народа, над которым она господствует. Когда экономический и культурный центр этой чужеземной власти далеко удален от поработенной страны и когда, кроме того, эта власть опирается на расизм, этот разрыв становится полным и ведет к духовной и культурной нищете поработенных народов. Единственным реальным выходом, который находит творческая энергия нации, является та или иная форма сопротивления этой власти. Однако этот выход сам по себе является ограниченным и мировоззрение становится узким и односторонним. Это сопротивление представляет собой сознательную или бессознательную попытку живых и растущих сил прорваться через сковывающую их оболочку и является, таким образом, прогрессивной и неизбежной тенденцией. Но она слишком однобока и негативна, чтобы быть чуткой ко многим сторонам действительности в нашей жизни. Комплексы, предрассудки и неприязни растут и затуманивают сознание, появляются духовные идолы групп и общин, а лозунги и шаблонные фразы заменяют изучение действительных проблем. Мы достигли в Индии такой стадии, когда никакими полумерами нельзя разрешить наших проблем, когда никакой прогресс на одном участке не является достаточным. Необходим большой скачок и прогресс по всей линии, иначе альтернативой будет величайшая катастрофа.

Как во всем мире, так и в Индии идет соревнование между силами мирного прогресса и созидания, с одной стороны, и силами разрушения и бедствий — с другой. При этом каждое последующее бедствие происходит в больших размерах, нежели

предыдущее. Мы можем рассматривать эту перспективу, в зависимости от наших склонностей и психического склада, или как оптимисты, или как пессимисты. Те, кто верит в справедливость устройства вселенной и в окончательную победу добродетели, могут, к счастью для себя, действовать в качестве наблюдателей или помощников, возложив бремя на бога; другим же приходится нести это бремя на своих собственных слабых плечах, надеясь на лучшее и готовясь к худшему.

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Индия должна порвать со многим из ее прошлого и не допустить, чтобы оно доминировало над настоящим. Наши жизни загромождены сухостоем этого прошлого; все, что умерло и сыграло свою роль, должно сойти со сцены. Но это не означает разрыва с тем в этом прошлом, что живет и способно дать жизнь новому, или забвения его. Мы никогда не забудем идеалы, которые двигали наш народ, мечты, которые индийский народ пронес сквозь века, мудрость древних, бурную энергию и любовь наших предков к жизни и природе, любознательность и смелость их ума, дерзание их мысли, их блистательные достижения в области литературы, искусства и культуры, их любовь к правде, красоте и свободе, основные ценности, установленные ими, понимание ими тайн жизни, их терпимость к чужим обычаям, их способность ассимилировать другие народы, заимствовать их культурные достижения и создавать разнообразную и смешанную культуру; не можем мы также забыть и те бесчисленные исторические переживания, которые влияли на процесс формирования нашего древнего народа и оставили глубокий след в нашем подсознании. Мы никогда их не забудем и не перестанем гордиться этим нашим благородным наследством. Если Индия забудет о них, она не будет больше Индией и значительная часть того, что делало Индию источником нашей радости и гордости, перестанет существовать.

Не с этим должны мы порвать, а со всем тем прахом и грязью веков, которые покрыли ее и мешают видеть ее внутреннюю красоту и значение, с наростами и уродствами, исказившими и сковавшими ее дух, заключившими его в жесткие рамки и приостановившими ее рост. Мы должны отсечь эти наросты, снова вспомнить основу нашей древней мудрости и приспособить ее к нашим нынешним условиям. Мы должны освободиться от традиционных методов мышления и образа жизни, которые, хотя и принесли, быть может, немало пользы в прошлом (а в них было немало хорошего), но в настоящее время потеряли свое значение. Мы должны усвоить все достижения человечества и вместе с другими народами принять участие в волнующих дерзаниях человека — более волнующих, чем они были

прежде. Мы должны отдать себе отчет в том, что эти достижения перестали определяться национальными границами или прежними линиями раздела и стали общими для всех людей. Мы должны возродить страстное стремление к правде, красоте и свободе, которое наполняет жизнь смыслом и вновь вызывает к жизни то динамическое мировоззрение и дух дерзания, которыми отличались представители нашего народа, воздвигшие много веков тому назад наше здание на этом прочном и незыблемом фундаменте. Хотя мы стары и наши воспоминания восходят к ранней заре человеческой истории, мы должны снова помолодеть и идти в ногу с нынешним временем, проникнуться neodолжимым духом и радостью молодости, наслаждающейся настоящим, а также исполниться веры в будущее.

Истина как конечная реальность, если таковая существует, должна быть вечной, нерушимой, неизменной. Но эта бесконечная, вечная и неизменная истина не может быть понята во всей ее полноте несовершенным разумом человека, который может лишь охватить самое большее некоторую небольшую сторону ее, ограниченную временем и пространством, а также состоянием этого разума и господствующей идеологией эпохи. По мере того как разум развивается и расширяет сферу своего восприятия, по мере того как меняются идеологические системы и используются новые символы для выражения этой истины, выявляются новые ее аспекты, хотя основа ее может быть той же самой. Поэтому истину приходится постоянно искать, обновлять, облекать в новую форму и развивать, с тем чтобы в том виде, в каком ее понимает человек, она могла идти в ногу с развитием его мышления и развитием человеческой жизни. Только тогда она станет живой истиной для человечества, может удовлетворить его существенные потребности и дать ориентировку в настоящем и на будущее.

Но если какой-либо из аспектов истины был скован догмой в прошлую эпоху, он перестает расти, развиваться и приспосабливаться к изменяющимся нуждам человечества; другие аспекты истины остаются тогда скрытыми, и она не отвечает на животрепещущие вопросы следующего века. Она не является более динамичной, а становится статичной, не является более животворным импульсом, а является мертвой мыслью и обрядовой формальностью, становится препятствием, мешающим прогрессу разума и человечества. Вероятно, ее не понимают в той степени, в какой ее понимали в ту прошлую эпоху, когда она зародилась и была облечена в языковую оболочку и символику той эпохи. Ибо окружение изменилось в более позднюю эпоху, изменился духовный климат, появились новые социальные привычки и обычаи, и часто трудно понять смысл и, тем более, дух этого древнего писания. Кроме того, как указывал Ауробиндо Гхош, всякая истина, как бы истинна сама по себе она ни была, взятая отдельно от других истин, ограничивающих

ее и в то же время придающих ей полноту, становится ловушкой, сковывающей интеллект, и вводящей в заблуждение догмой, ибо в действительности каждая истина представляет собой одну нить сложной ткани, и нельзя вытянуть ни одну нить, не повредив ткани.

Религиозные учения играли весьма полезную роль в развитии человечества. Они устанавливали ценности, критерии и указывали принципы, которыми следует руководствоваться в человеческой жизни. Но при всем том хорошем, что ими сделано, они пытались вместе с тем заключить истину в жесткие формы и догмы, поощряя обряды и обычаи, которые вскоре теряют весь свой первоначальный смысл и становятся просто рутиной. Внушая человеку страх и чувство таинственности перед неизвестностью, которая его окружает со всех сторон, они отбивали у него желание попытаться понять не только неизвестное, но и все то, что могло бы помешать социальным начинаниям. Вместо поощрения любознательности и развития мышления религиозные учения проповедовали философию подчинения природе, официальной церкви, господствующему социальному порядку и всему существующему. Вера в сверхъестественное существо, которое все предписывает, привела к некоторой безответственности в социальной области, причем эмоции и сентиментальность заняли место здравого смысла и исследования. Религия, хотя она, несомненно, принесла утешение несметному числу людей и стабилизировала общество своими моральными критериями, пресекала тенденцию к изменениям и прогрессу, присущую человеческому обществу.

Философия избежала многих из этих ловушек и поощряла мысль и исследование. Но она обычно жила в своей башне из слоновой кости, была оторвана от жизни и ее повседневных проблем, сосредоточиваясь на конечных целях, неспособная связать эти проблемы с жизнью человека. Логика и разум были ее направляющими силами, они позволяли ей проникать глубоко в различные сферы, но эта логика была в слишком большой степени продуктом ума и не интересовалась фактами.

Наука игнорировала конечные цели и смотрела только на факты. Она позволила миру совершить скачок вперед, создала блистательную цивилизацию, открыла бесчисленные пути для развития знания и настолько увеличила могущество человека, что стало возможным думать о том, что человек может одержать победу над своим физическим окружением и переделать его. Человек стал почти геологической силой, меняющей лицо планеты в химическом, физическом и во многих других отношениях. Однако, когда казалось, что эта жалкая схема вещей была уже полностью в его руках и могла быть перестроена в соответствии с его помыслами, обнаружилось, что не хватает чего-то существенного, нехватает какого-то жизненно важного элемента. Неизвестны конечные цели, отсутствует даже понимание

ближайшей цели, ибо наука ничего не сказала нам о какой-либо цели в жизни. И у человека, столь могущественного в своей власти над природой, не было сил для власти над собой, и созданное им чудовище вышло из повиновения и стало бесчинствовать. Может быть, новые открытия в биологии, психологии и аналогичных науках и толкование биологии и физики помогут человеку познать себя и управлять собой в большей степени, чем он это делал в прошлом. Или же, прежде чем какие-либо из этих достижений окажут достаточное влияние на человеческую жизнь, может случиться, что человек уничтожит созданную им цивилизацию и вынужден будет начать все сызнова.

Предела развитию науки не видно, если только ей будет дана возможность развиваться. Однако может оказаться, что научный метод наблюдения не всегда применим ко всем разновидностям человеческого опыта и не может пересечь неведомый океан, которым мы окружены. С помощью философии наука может продвинуться немного дальше и даже пуститься в плавание в открытое море. А когда и наука и философия откажут нам, придется положиться на такие другие возможности восприятия, которыми мы, очевидно, обладаем. Ибо представляется вероятным наличие известного предела, дальше которого разум в своем нынешнем виде не может пойти. «*La dernière démarche de la raison, — говорит Паскаль, — c'est de connaître qu'il y a une infinité de choses qui la surpassent. Elle est bien faible si elle ne va jusque-là*»¹.

Отдавая себе отчет в ограниченности разума и научного метода, мы, тем не менее, должны цепляться за них со всей силой, ибо без этой прочной основы мы не сможем понять основательно ни истины, ни реальности. Лучше понять часть истины и применить ее к нашей жизни, чем вовсе ничего не понять и беспомощно барахтаться, напрасно пытаюсь проникнуть в тайну существования. В настоящее время практическое применение науки неизбежно и неотвратимо для всех стран и народов. Но требуется нечто большее, чем применение науки. Научный подход, дерзновенный и вместе с тем критический дух науки, поиски истины и новых знаний, отказ принять что-либо без проверки и без испытания, способность менять прежние выводы перед лицом новых фактов, доверие к установленному факту, а не к предвзятой теории, жесткая дисциплина ума — все это необходимо не только для применения науки, но и для самой жизни и разрешения ее многих проблем. Слишком большое число ученых, которые клянутся в своей верности науке, забывает обо всем этом, замыкаясь в пределах своих конкретных специальностей. Научный подход и дух науки являются или

¹ «Последний шаг разума сведется к познанию того, что имеется бесчисленное множество вещей, которые лежат за его пределами. Он обнаружит свою слабость, если не сумеет это сделать».

должны быть путем жизни, процессом мышления, методом действия и общения с нашими братьями — людьми. Это большая задача, и, несомненно, очень немногие из нас, если вообще есть такие, могут вести себя подобным образом хотя бы с частичным успехом. Но эта критика относится в равной или даже большей степени ко всем предписаниям, которые продиктованы нам философией и религией. Дух науки указывает путь, по которому должен следовать человек. Это дух свободного человека. Мы живем в век науки, как нам говорят, но дух ее слабо проявляется в людях и даже в их лидерах.

Наука имеет дело с областью позитивного знания, но дух, который она должна создать, выходит за пределы этой области. Конечные цели человека можно определить как цели приобретения знаний, познания истины, постижения добра и красоты. Научный метод объективного исследования применим не ко всему этому, и многое из того, что имеет значение в жизни, кажется, лежит за его пределами — способность чувствовать искусство и поэзию, эмоции, которые вызывает красота, внутреннее признание добра. Ботаник и зоолог могут так и не почувствовать очарования и красоты природы; у социолога может полностью отсутствовать любовь к человечеству. Но даже когда мы отправляемся в области, лежащие за пределами научного метода, и взбираемся на вершины гор, где обитает философия и где мы отдаемся во власть высоких чувств или устремляем свой взор в беспредельные дали, этот подход и дух все так же необходимы.

Метод религии совсем иной. Имея дело главным образом с областями, лежащими за пределами объективного исследования, она полагается на чувства и интуицию. И затем она применяет этот метод ко всему в жизни, даже к тем вещам, которые поддаются исследованию с помощью разума и наблюдения. Организованная религия, вступая в союз с теологией, и часто более озабоченная своими корыстными интересами, чем духовными делами, поощряет настроения, которые прямо противоположны духу науки. Она прививает людям узость и нетерпимость, легковерие и суеверие, эмоционализм и иррационализм. Она замыкает и ограничивает ум человека и порождает в человеке настроение зависимости связанности.

«Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer»¹, — сказал Вольтер. Может быть, это и верно; действительно, ум человека всегда старался создать некий подобный духовный образ или представление, которые развивались вместе с развитием ума. Но есть также нечто обратное: даже если бог существует, может быть желательно не смотреть на него и не полагаться на него. Если слишком полагаться на сверхъестественные силы, то это может привести, как часто и бывало, к потере уверенности в

¹ «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать».

самом себе, к притуплению своих способностей и творческих возможностей. И тем не менее необходимо сохранить какую-то веру в те элементы духа, которые пахотятся вне пределов нашего физического мира, некоторую веру в моральные, духовные и идеалистические концепции, иначе у нас не будет якоря спасения, не будет целей в жизни. Верим ли мы в бога или нет, невозможно не верить во что-то, назовем ли мы это созидющей животворной силой или жизненной энергией, присущей материи, которая сообщает ей способность к самодвижению, переменам и развитию, или каким-либо другим именем — чем-либо, что столь же реально, хотя и неуловимо, как реальна сама жизнь по сравнению со смертью. Сознаем ли мы это, или нет, большинство из нас преклоняет колени, принося жертвы перед невидимым алтарем какого-то неизвестного бога — некоего идеала, личного, национального или интернационального, некой далекой цели, которая влечет нас к себе, хотя разум найдет там мало существенного; некой неопределенной концепции совершенного человека и лучшего мира. Может быть, окажется невозможным достичь совершенства, но дьявол внутри нас, какая-то жизненная сила толкает нас вперед, и мы идем этим путем от поколения к поколению.

По мере того как развивается наука, сфера религии, в узком смысле слова, суживается. Чем больше мы понимаем жизнь и природу, тем меньше мы ищем сверхъестественные силы. Все, что мы можем понять и контролировать, перестает быть тайной. Ведение сельского хозяйства, пища, которую мы едим, одежды, которые мы носим, наши социальные взаимоотношения — все это было в свое время во власти религии и ее высоких служителей. Постепенно это вышло из-под ее власти и стало предметом научного изучения. Однако многое из этого остается под сильным влиянием религиозных верований и сопровождающих их суеверий. Конечные тайны все еще остаются далеко за пределами досягаемости человеческого разума и, вероятно, так будет и в дальнейшем. Но таких загадок жизни, которые поддаются разрешению и ждут его, так много, что навязчивая идея конечной тайны кажется вряд ли необходимой или оправданной. Жизнь дает еще возможность испытать не только красоту мира, но и волнение новых и никогда не прекращающихся открытий, новых открывающихся взору панорам и новых образов жизни, увеличивающих полноту жизни и делающих ее более богатой и более совершенной.

Поэтому к жизни мы должны подходить в духе науки и применяя метод науки, соединенной с философией, и с почтением — ко всему тому, что лежит за ее пределами. Таким образом мы можем выработать целостное представление о жизни, которое охватывает своей широкой сферой прошлое и настоящее со всеми их высотами и пучинами, и спокойно смотреть в будущее. Пучины существуют, и игнорировать их нельзя, и всегда бок о бок

с красотой, окружающей нас, мы обнаруживаем невзгоды мира. Жизнь человека представляет собой странную смесь радости и печали; только испытывая и то и другое, может он учиться и идти вперед. Душевные муки — это трагическое и грустное явление. На нас сильно влияют внешние события и их последствия, и тем не менее величайшие удары обрушиваются на наш разум в результате внутренних страхов и конфликтов. Идя вперед по пути прогресса во внешнем мире — а мы должны идти вперед, если хотим жить, — мы в то же время должны добиться мира внутри самих себя и между собой и нашим окружением, мира, который приносит удовлетворение не только нашим физическим и материальным потребностям, но и тем внутренним побуждениям и духу дерзаний, которые отличают человека с тех пор, как он начал свои беспокойные странствия в царстве мысли и действия. Имеют ли эти странствия какую-либо конечную цель, или нет, мы не знаем, но они себя оправдывают и указывают на множество более близких целей, которые представляются достижимыми и которые снова могут стать отправной точкой нового продвижения вперед.

Наука завоевала господствующее положение в западном мире, и каждый там воздает ей должное, и тем не менее Запад еще далек от создания подлинного духа науки. Перед ним все еще стоит задача привести в творческую гармонию дух и тело. В Индии нам придется пройти более значительный во многих отношениях путь. И тем не менее на нашем пути, может быть, меньше серьезных препятствий, ибо основа индийской мысли на протяжении истекших веков, хотя этого нельзя сказать о ее более поздних проявлениях, соответствует духу науки, научному подходу и интернационализму. Индийская мысль базируется на бесстрашных поисках истины, на солидарности человека, даже на божественности всего живущего и на свободном и совместном развитии индивидуума и всего человеческого рода и направлена к большей свободе и к более высоким этапам эволюции человека.

ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ. ПЕРЕМЕНЫ, НЕОБХОДИМЫЕ В ИНДИИ

Слепое преклонение перед прошлым вредно так же, как и презрительное отношение к нему, ибо будущее нельзя основывать ни на том, ни на другом. Настоящее и будущее неизбежно вырастают на почве прошлого и несут на себе его печать, и забывать это — значит строить без фундамента, отсекают корни национального развития, игнорировать одну из самых мощных сил, которые влияют на людей. Национализм является, в сущности, коллективной памятью, хранящей достижения, традиции и опыт прошлого. Национализм в настоящее время сильнее, чем он был когда-либо раньше. Многие думали, что дни нацио-

нализма миновали и что он должен уступить место все более растущим интернациональным тенденциям современного мира. Социализм со своей пролетарской основой высмеивал национальную культуру как нечто связанное с умирающим средним классом. Капитализм становился постепенно интернациональным со своими картелями и трестами и переступал национальные границы. Торговля, эффективные средства связи и транспорта, радио и кино — все это содействовало созданию интернациональной атмосферы и порождало ошибочное мнение, что национализм обречен.

Однако всякий раз, когда возникал кризис, национализм снова появлялся и приобретал преобладающее влияние. Люди искали утешения и силы в старых традициях. Одним из замечательных событий нашего века было повторное открытие прошлого и нации. Это возвращение к национальным традициям наиболее ярко проявлялось в рядах профсоюзов и среди пролетарских слоев, на которых смотрели как на самых активных сторонников интернациональных действий. Война или другой подобный ей кризис разжижает их интернационализм, и они поддаются чувствам национальной ненависти и страха даже сильнее, чем другие группы населения. Наиболее ярким примером этого является недавняя эволюция Советского Союза. Не отказываясь в какой-либо степени по существу от своего социального и экономического строя, Советский Союз стал теперь более националистичным по духу, и идея отечества обладает там теперь гораздо большей притягательной силой, чем идея международного пролетариата. Память о выдающихся деятелях национальной истории снова возрождена, и они стали героями советского народа. Вдохновляющий подвиг советского народа в этой войне, сила и единство, продемонстрированные им, несомненно, объясняются особенностями социальной и экономической системы, которая обеспечила социальный прогресс на широком фронте, в области планового производства и потребления, развитие науки, ее применение и вскрытие новых источников таланта и руководства, а также блестящее управление страной. Но это отчасти можно также объяснить возрождением национальных традиций и новым осмыслением прошлого, продолжением которого считается настоящее. Было бы неправильно думать, что националистическое мировоззрение России представляет собой просто возврат к национализму старого стиля. Это, конечно, не так. Огромный опыт, почерпнутый из революции и всех последовавших за ней событий, не может быть забыт. Перемены в социальном строе и изменения в психологии народа, которые явились результатом революции, должны остаться. Этот социальный строй неизбежно порождает известное интернациональное мировоззрение. Тем не менее национализм возродился в такой форме, что он ужился с новым окружением и умножил силы народа.

Поучительно сравнить развитие советского государства с переменчивой судьбой коммунистических партий в других странах. Вскоре после Советской революции можно было наблюдать первую вспышку энтузиазма среди многих людей во всех странах и особенно в рядах пролетариата. На этой почве возникли коммунистические группы и партии. Затем между этими группами и национальными рабочими партиями возникли конфликты. Советские пятилетние планы вызвали новую волну интереса и энтузиазма, которая, вероятно, повлияла на интеллигентов среднего класса даже больше, чем на рабочих. Новый отклик вызвали чистки в Советском Союзе. В некоторых странах коммунистические партии были запрещены, в других они делали успехи. Но почти везде они приходили в столкновение с организованным национальным рабочим движением. Отчасти это объяснялось консерватизмом рабочего движения, но больше всего убеждением, что коммунистическая партия является иностранной группой и что ее политика определялась Россией. Врожденный национализм рабочих мешал им принять сотрудничество с коммунистической партией даже в тех случаях, когда многие были настроены благосклонно к коммунизму. Многие перемены в советской политике, которые можно было понять в свете интересов России, становились совершенно непонятными, когда их поддерживали коммунистические партии в других странах. Их можно было понять только исходя из принципа: то, что может быть полезно для России, обязательно должно быть полезно для остальной части мира. Эти коммунистические партии, хотя они включали в себя некоторых способных и очень серьезных мужчин и женщин, оторвались от националистических чувств народа и поэтому захирели. В то время как Советский Союз перебрасывал мост к национальным традициям, коммунистические партии других стран все больше и больше отходили от них.

Я не могу говорить со знанием дела о том, что произошло в других местах, но мне известно, что в Индии коммунистическая партия полностью оторвана от национальных традиций, которые живут в душе народа, и не знает их. Коммунистическая партия полагает, что коммунизм неизбежно влечет за собой пренебрежение к прошлому. Для коммунизма история мира началась в ноябре 1917 года, а все, что предшествовало этому событию, было подготовкой, приведшей к нему. Было бы естественным предполагать, что в такой стране, как Индия, где большое количество людей находится на грани голода, а экономический строй трещит по всем швам, идеи коммунизма должны были пользоваться большим успехом. В известном смысле он вызывает к себе влечение, но коммунистическая партия не может использовать это влечение, потому что она отрезала себя от истоков национального чувства и говорит языком, который не находит отклика в сердцах народа. Она остается энергичной,

но небольшой группой, не имеющей действительных корней в народе.

В этом отношении неудачу потерпела не только коммунистическая партия Индии. Имеются другие партии, которые охотно болтают о модернизме и духе современности, о сущности западной культуры, а в то же самое время не знают своей собственной культуры. В отличие от коммунистов у них нет движущего их идеала и нет той силы, которая толкала бы их вперед. Они перенимают внешние формы и атрибуты Запада (и часто наименее желательные) и воображают, что идут в авангарде прогрессирующей цивилизации. Эти наивные, недалекие, но полные самодовольства люди обосновались главным образом в больших городах, живут искусственной жизнью, лишенной всяких живых связей с культурой как Востока, так и Запада.

Поэтому национальный прогресс не может заключаться ни в повторении прошлого, ни в его отрицании. Нужно брать новые формы, но в связи со старыми. Иногда новое, хотя оно и резко отличается от старого, появляется в виде ранее существовавших форм. Таким образом, создается впечатление непрерывного развития из прошлого, новое воспринимается как звено в длинной цепи истории народа. История Индии является яркой летописью перемен, происшедших этим путем. Она представляет собой процесс непрерывного приспособления старых идей к меняющемуся окружению, старых форм к новым. Ввиду этого в индийской истории не наблюдается перерывов в развитии культуры и, несмотря на неоднократные перемены, существует непрерывность начиная с давних времен Мохенджо-Даро и кончая нашим веком. Существовало уважение к прошлому и к традиционным формам, но существовала также свобода, гибкость ума и духовная терпимость. Таким образом, хотя формы часто оставались неизменными, внутреннее содержание продолжало меняться. Никаким другим способом индийское общество не смогло бы просуществовать тысячи лет. Только живой, развивающийся ум мог преодолеть жесткость национальных форм, только эти формы смогли обеспечить ему непрерывность и стабильность.

Однако это равновесие может стать неустойчивым, и один аспект может затемнить и в некоторой степени подавить другой. В Индии существовала чрезвычайно широкая духовная свобода в соединении с некоторыми жесткими социальными формами. Эти формы в конечном итоге оказали свое влияние на духовную свободу и сделали ее на практике, если не в теории, более жесткой и ограниченной. В Западной Европе не было такой духовной свободы, но, с другой стороны, там было гораздо меньше жесткости в социальных формах. Европа вела длительную борьбу за духовную свободу, и в результате социальные формы также изменились.

В Китае гибкость ума была даже большей, чем в Индии, и при всей любви Китая к традиции и его приверженности к ней этот ум никогда не терял своей гибкости и терпимости. Традиция иногда задерживала наступление перемен, но ум не боялся их, хотя он и сохранял старые формы. Даже в большей степени, чем в Индии, китайское общество добилось равновесия, которое не нарушалось тысячелетиями, несмотря на многие перемены. Может быть, одно из больших преимуществ, которыми Китай обладает по сравнению с другими странами, заключается в том, что Китай полностью свободен от догм, от узкого и ограниченного мировоззрения и опирается на разум и здравый смысл. Китай, как ни одна другая страна, основывал свою культуру в меньшей степени на религии и в большей — на морали, этике и на глубоком понимании разнообразия человеческой жизни.

В Индии ввиду признанной свободы ума, какой бы ограниченной она ни была на практике, новые идеи не отвергаются. Они рассматриваются и могут восприниматься в более широких масштабах, чем в тех странах, которые имеют более жесткое и догматическое воззрение на жизнь. Главные идеалы индийской культуры имеют широкую основу и могут быть приспособлены почти к любому окружению. Острый конфликт между наукой и религией, который потряс Европу в 19 веке, не имел бы реальной почвы в Индии, и перемены, основанные на применении науки, не вызвали бы там никакого конфликта с этими идеалами. Несомненно, такие перемены взволновали бы, как они волнуют и сейчас, душу Индии, но вместо борьбы с ними и отклонения их она рационализировала бы их с собственной идеологической точки зрения и ввела бы их в рамки своего психического склада. Вероятно, в ходе этого процесса в старое мировоззрение будет внесено множество важных изменений, но они не будут навязаны извне, а будут скорее казаться естественно развивающимися на почве народной культуры. В настоящее время это труднее осуществить, чем раньше, из-за длительного периода приостановленного роста и неотложной необходимости крупных качественных изменений.

Однако конфликт со значительной частью надстройки, выросшей вокруг этих основных идеалов и существующей у нас сегодня, должен произойти. Эта надстройка должна будет неизбежно исчезнуть, так как значительная часть ее плоха сама по себе и противоречит духу века. Те, кто пытается сохранить ее, оказывают плохую услугу основным идеалам индийской культуры, ибо они смешивают хорошее с плохим и, таким образом, подвергают опасности первое. Нелегко отделить одно от другого или провести четкую линию между ними, и здесь мнения широко расходятся. Но нет необходимости проводить какую-либо теоретическую и логическую линию; логика меняющейся жизни и ход событий постепенно проведут эту

липию и без нас. Любое событие, будь то в области техники или философии, диктует необходимость установления контакта с самой жизнью, с социальными нуждами, с живыми движениями мира. Отсутствие этого контакта приведет к загниванию и потере жизненной и творческой энергии. Но если мы сохраним эти контакты и будем восприимчивы к ним, мы приспособимся к жизни с ее отливами и приливами, не теряя существенных характерных особенностей, которые мы ценим.

Наш подход к знанию в прошлом был синтетическим, но ограничивался Индией. Эта ограниченность продолжала существовать, и синтетический подход постепенно уступил место аналитическому. Мы должны теперь сделать большее ударение на синтетическом аспекте и сделать весь мир объектом нашего изучения. Это ударение на синтезе действительно необходимо для каждой нации и личности, если они хотят выйти из узких рамок мышления и действий, в которых большинство людей жило так долго. Развитие науки и ее применение сделали это возможным для нас, и однако как раз избыток новых знаний увеличил эту трудность. Специализация привела к сужению жизни личности, ограничив ее определенным кругом, и труд человека в промышленности составляет часто бесконечно малую долю всего продукта. Специализация в области знаний и труда должна будет существовать и в дальнейшем, но представляется более существенным, чем когда-либо раньше, поощрять синтетический взгляд на человеческую жизнь и дерзания человека на протяжении веков. Этот взгляд должен учитывать как прошлое, так и настоящее и охватывать все страны и народы. Таким способом мы, возможно, выработаем чувство уважения не только к собственным национальным традициям и культуре, но и к традициям и культуре других народов, а также способность понимать и сотрудничать с народами других стран. Таким образом, нам, может быть, удастся до известной степени создать разносторонние индивидуальности вместо односторонних индивидуальностей сегодняшнего дня. Мы могли бы стать, по словам Платона, «зрителями всех времен и всего сущего», живя за счет несметных драгоценностей, накопленных человечеством, умножая и используя их для создания будущего.

Следует считать любопытным и многозначительным тот факт, что, несмотря на весь нынешний научный прогресс и разговоры об интернационализме, расизм и другие разъединяющие факторы, по крайней мере в настоящее время, проявляются столь же сильно (если не сильнее), как и в любой другой период истории. Во всем этом прогрессе чего-то не хватает, и в результате никак не удается достичь гармонии ни между нациями, ни в душе человека. Может быть, больше синтеза и немного скромности перед мудростью прошлого, которая, в конце концов, является накопленным опытом человечества, поможет нам открыть новую перспективу и добиться большей гармонии. Это особенно

необходимо тем народам, которые живут лихорадочной жизнью только в настоящем и почти забыли прошлое. Но таким странам, как Индия, нужно делать упор на другое, потому что у нас слишком много наследия прошлого и потому, что мы игнорировали настоящее. Нам надо освободиться от этого узкого религиозного мировоззрения, от этой безумной склонности к сверхъестественным и метафизическим спекуляциям, от этого расслабляющего влияния религиозно-обрядового и мистического эмоционализма на дисциплину ума, которые мешают нам понять самих себя и весь мир. Мы должны вплотную заняться настоящим, этой жизнью, этим миром, этой природой, которая окружает нас в своем бесконечном разнообразии. Некоторые индусы поговаривают о возвращении к Ведам; некоторые мусульмане мечтают об исламистской теократии. Досужие мечты, ибо возврата к прошлому нет; поворота назад не может быть даже в том случае, если это было бы признано желательным. Время течет лишь в одном направлении.

Поэтому Индия должна умерить свою религиозность и обратиться к науке. Она должна освободиться от замкнутости в мышлении и социальных обычаях, которая стала для нее похожей на тюрьму, сдерживающей ее дух и мешающей ее росту. Идея обрядовой чистоты воздвигла барьеры, препятствующие общению людей, и сузила сферу социальной деятельности. Повседневная религия ортодоксального индуса больше занимается вопросом о том, что кушать и чего не кушать, с кем кушать и кого сторониться, чем духовными ценностями. Правила кухни доминируют в общественной жизни индуса. Мусульманин, к счастью, свободен от этих запретов, но у него имеются свой собственный узкий кодекс, обряды, рутина, которым он строго следует, забывая о братстве, которое ему проповедовала его религия. Его воззрение на жизнь может быть еще более ограничено и бесплодно, чем индусское воззрение, хотя средний индус в настоящее время является жалким представителем этого воззрения, ибо он потерял ту традиционную свободу мысли, которая обогащает жизнь во многих отношениях.

Каста является символом и воплощением этой замкнутости среди индусов. Иногда говорят, что основная идея касты могла бы остаться, но что должны исчезнуть ее последующее пагубное развитие и разветвления, что в ее основу должно быть положено не происхождение, а заслуги. Такой подход неуместен и лишь запутывает дело. В исторической связи изучение развития касты имеет некоторую ценность, но мы, очевидно, не можем вернуться к тому периоду, когда зародилась каста; в социальном устройстве настоящего времени для нее нет места. Если заслуги будут единственным критерием и возможности откроются перед каждым, тогда каста потеряет все свои нынешние отличительные черты и фактически придет к своему концу. В прошлом каста приводила не только к подавлению некоторых групп, но и к

отделению теоретического и школьного образования от ремесла и к отрыву философии от действительной жизни и ее проблем. Это был аристократический подход, основывающийся на традиционализме. Это мировоззрение должно полностью измениться, ибо оно целиком идет вразрез с современными условиями и демократическим идеалом. Функциональная организация социальных групп в Индии может сохраниться, но даже и она подвергнется громадному изменению, так как современная индустрия создает новые функции и кладет конец многим старым. В настоящее время повсюду наблюдается тенденция к функциональной организации общества, и концепция абстрактных прав уступает место концепции функций. Это находится в гармонии со старым индийским идеалом.

Дух века диктует равноправие, хотя на практике оно почти везде отрицается. Мы освободились от рабства в узком смысле слова, то есть в том смысле, что человек может быть собственностью другого. Но новое рабство, которое в некоторых отношениях хуже прежнего, заняло свое место повсюду в мире. Во имя свободы личности политические и экономические системы эксплуатируют людей и обращаются с ними как с товаром. И хотя человек не может быть собственностью другого человека, страна и народ, однако, могут быть собственностью другого народа. Таким образом, допускается групповое рабство. Расизм также является отличительной чертой нашего времени, и у нас есть не только господствующие нации, но и господствующие расы.

Однако дух века восторжествует. В Индии, во всяком случае, мы должны стремиться к равенству. Это не означает и не может означать, что все равны физически, или интеллектуально, или духовно, или могут быть сделаны равными. Но это означает равные возможности для всех и устранение всех барьеров — политических, экономических и социальных, мешающих свободному развитию личности или группы. Это означает веру в человечество, веру в то, что нет ни рас, ни групп, которые, если им будет предоставлена соответствующая возможность, не могут идти по пути прогресса и преуспевать каждая по-своему. Это означает понимание того факта, что отсталость или деградация любой группы объясняется не врожденными дефектами, а главным образом отсутствием возможностей и длительным угнетением другими группами. Это означает понимание современного мира, в котором реальный прогресс, будь то национальный или интернациональный, стал в значительной степени общим делом, так как отсталая группа тянет назад другие. Поэтому не только должны быть всем предоставлены равные возможности, но и должны быть созданы особые условия для экономического и культурного роста отсталых групп, с тем чтобы позволить им догнать тех, кто ушел вперед. Любая подобная попытка предоставления равных возможностей для всех

в Индии высвобождает колоссальную энергию, выдвинет таланты и преобразует страну с поразительной быстротой.

Если дух века требует равноправия, он должен требовать такой экономической системы, которая согласуется с ним и содействует ему. Нынешняя колониальная система в Индии является прямой противоположностью этому. Абсолютизм не только базируется на неравенстве, но и увековечивает его в каждой сфере жизни. Он подавляет творческие и регенеративные силы народа, удушает талант, способности и подрывает чувство ответственности. Те, кому приходится страдать под властью абсолютизма, теряют чувство собственного достоинства и уверенности в себе. Проблемы Индии, хотя они и сложны, объясняются в основном попыткой двигаться вперед, сохраняя более или менее нетронутой политическую и экономическую систему. Политический прогресс поставлен в зависимость от сохранения этой системы и существующих частных интересов, что несовместимо.

Политические перемены нужны, но в такой же мере необходимы и экономические перемены. Эти перемены должны произойти в направлении демократически планируемого коллективизма. «Выбор, — говорит Р. Х. Тоуни, — лежит не между конкуренцией и монополией, а между той монополией, которая является безответственной и частной организацией, и той монополией, которая является ответственной и общественной организацией». Общественные монополии растут даже в капиталистических государствах, и они будут продолжать расти. Конфликт между идеей, лежащей в их основе, и частной монополией будет продолжаться, пока последняя не будет ликвидирована. Демократический коллективизм не обязательно должен означать отмену частной собственности, но он будет означать принадлежность обществу основных и крупных отраслей промышленности. Он будет означать кооперативный или коллективный контроль над земельной собственностью. Особенно в Индии необходимо будет иметь, кроме крупной промышленности, мелкую и крестьянскую промышленность, контролируемые на кооперативных началах. Такая система демократического коллективизма потребует тщательного и непрерывного планирования и приспособления к меняющимся нуждам народа. Цель должна состоять в том, чтобы расширить производственный потенциал народа всеми возможными путями, вовлекая в то же время всю рабочую силу нации в тот или иной вид деятельности и предотвращая безработицу. По возможности должна существовать свобода выбора профессии. Результатом всего этого не будет уравнивание доходов, но будет обеспечено более справедливое распределение их и создана тенденция к постепенному уравниванию их. Во всяком случае, огромные существующие ныне различия полностью исчезнут, а те классовые различия, которые базируются в основном на различиях в доходе, начнут стираться.

Такая перемена будет означать коренное преобразование современного общества, в основе которого лежит прежде всего стремление к извлечению прибыли. Стремление к извлечению прибыли может еще сохраниться в известной степени, но оно не будет преобладающим мотивом и не будет иметь такого простора, как в настоящее время. Было бы нелепостью утверждать, что мотив наживы не привлекает среднего индийца, но, тем не менее, верно то, что в Индии нет такого преклонения перед ним, какое существует на Западе. Собственнику капитала могут завидовать, но ему не оказывают особого уважения или восхищения. Уважением и восхищением будут пользоваться мужчины или женщины, которые считаются добродетельными и мудрыми, особенно те, кто для общего блага жертвует собой или своей собственностью. Индийское мировоззрение, даже мировоззрение масс народа никогда не одобряло духа стяжательства.

Коллективизм предполагает совместные предприятия и кооперированные усилия. Это снова полностью согласуется со старыми индийскими социальными концепциями, которые все базировались на идее группы. Разложение групповой системы и особенно самоуправляющейся деревни при английском господстве нанесло серьезный ущерб массам индийского народа. Этот ущерб был скорее психологическим, нежели экономическим. Ничего позитивного не появилось вместо нее, и массы утратили свой дух независимости, чувство ответственности и способность совместного сотрудничества ради достижения общих целей. Село, которое было органической и жизненно важной единицей, постепенно превратилось в пустырь, стало просто скоплением глинобитных хижин и разобщенных личностей. Но его все еще скрепляют какие-то невидимые звенья. Старые воспоминания оживают. Вероятно, можно будет легко воспользоваться этими вековыми традициями и создать общинные и кооперативные предприятия в сельском хозяйстве и в сфере мелкой промышленности. Село не может быть более самодовлеющей экономической единицей (хотя оно нередко может быть тесно связано с коллективным или кооперативным хозяйством), но оно вполне может быть административной и избирательной единицей, причем каждая такая единица будет функционировать как самоуправляющаяся община в рамках более обширной политической системы и будет наблюдать за удовлетворением основных нужд села. Если ее будут до известной степени рассматривать как избирательную единицу, это значительно упростит провинциальные и всеиндийские выборы, уменьшив число прямых выборщиков. Совет села, избираемый всеми взрослыми мужчинами и женщинами села, мог бы быть этой избирательной единицей для более высоких ступеней выборов. Косвенные выборы могут иметь некоторые минусы, но, учитывая условия в Индии, я уверен, что село следует рассматривать как целостную единицу. Это обеспечит более справедливое и ответственное представительство.

В дополнение к этому территориальному представительству должно существовать также прямое представительство сельскохозяйственных и промысловых коллективов и кооперативов. Таким образом, демократическая организация государства будет состоять как из функциональных, так и территориальных представителей и будет базироваться на местной автономии. Подобная структура будет находиться полностью в гармонии с прошлым Индии и с ее нынешними потребностями. Ощущения разрыва не будет (разве что разрыва с условиями, созданными английским господством), и массы воспримут ее как продолжение прошлого, которое они все еще помнят и чтут.

Такое развитие в Индии находилось бы в согласии с политическим и экономическим интернационализмом. Оно не породило бы никаких конфликтов с другими нациями и было бы мощным фактором мира как в Азии, так и во всем мире. Оно помогло бы осуществить тот единый мир, к которому мы неизбежно идем, хотя наши страсти обманывают нас и наш разум не понимает его. Индийский народ, освобожденный от ужасного чувства угнетения и разочарования, снова поднимется и отбросит прочь свой узкий национализм и замкнутость. Исполненные гордости за свое индийское наследие, индийцы откроют свой ум и сердце другим народам и нациям и станут гражданами этого широкого и чарующего мира, участвуя вместе с другими народами в начавшихся еще в древности исканиях, пионерами которых были их предки.

ИНДИЯ: РАЗДЕЛЕНИЕ, СИЛЬНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ ЦЕНТР НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

Трудно привести в равновесие надежды и страхи или избежать того, чтобы желания окрашивали мышление. Наши желания выискивают подкрепляющие их доводы и имеют тенденцию игнорировать те факты и аргументы, которые не находятся в соответствии с ними. Я пытаюсь достичь этого равновесия, с тем чтобы получить возможность правильно судить и найти правильную основу для действий. Однако я знаю, как далек я от успеха и как трудно мне освободиться от множества мыслей и чувств, которые образуют мой характер и окружают меня своими невидимыми барьерами. Так же могут блуждать в разных направлениях и другие. Точка зрения индийца и точка зрения англичанина на Индию, на ее место в мире будут неизбежно отличаться, так как каждая из них будет обусловлена различным индивидуальным и национальным прошлым. Личность и национальная группа определяют свою судьбу своими действиями; эти действия, совершенные в прошлом, ведут к настоящему, и то, что они делают сегодня, образует основу их завтрашнего дня. В Индии это называют карма — закон причины и следствия, судьба, которую готовят нам наши

действия в прошлом. Это не неизменная судьба. Многие другие факторы влияют на нее, да и воля самого индивидуума тоже, как полагают, играет известную роль. Если бы не было этой свободы изменять результаты прошлых действий, тогда все мы были бы простыми роботами, зажатými в тисках неотвратимого рока. Однако эта карма прошлого является мощным фактором в формировании индивидуума и нации, и сам национализм является ее тенью со всеми ее хорошими и плохими воспоминаниями прошлого.

Может быть, это наследие прошлого влияет на национальную группу даже больше, чем на личность, ибо большие группы людей движимы неосознанными и безличными побуждениями в большей степени, чем отдельная личность, и совлечь их с пути более трудно. Моральные соображения могут влиять на личность, но их воздействие на группу гораздо слабее, и чем больше группа, тем слабее это воздействие на нее. Легче, особенно в современном мире, повлиять на группу с помощью коварной пропаганды. И все-таки иногда, хотя и редко, группа сама поднимается до высокого уровня морального поведения, заставляя личность забыть свои узкие и эгоистичные наклонности. Гораздо чаще поведение группы значительно отстает от морального уровня личности.

Война вызывает как ту, так и другую реакцию, но преобладающей тенденцией является освобождение от моральной ответственности и тех норм, которые с такой тщательностью были созданы цивилизацией. Успешная война и агрессия ведут к оправданию и продолжению этой политики, к империалистическому господству и идеям господствующей расы. Поражение рождает чувство разочарования и жажду реванша. В том и другом случае появляются ненависть и привычка прибегать к насилию. Появляется беспощадность, грубость и отказ хотя бы попытаться понять точку зрения другого. Таким образом обуславливается будущее и следуют новые войны и конфликты со всеми их последствиями.

Последние двести лет насильно навязанных взаимоотношений между Индией и Англией создали эту карму, предопределили судьбу как Индии, так и Англии. Карма продолжает определять их отношение друг к другу. Оказавшись в ее путях, мы до сего времени напрасно старались освободиться от этого наследия прошлого и начать все сызнова на другой основе. Истекшие пять лет войны, к несчастью, увеличили злое прошлое кармы, сделали более трудным примирение и установление нормальных отношений. Эта летопись двухсот лет, подобно всему прочему, является смесью хорошего и плохого. Англичанин считает, что добро перевешивает зло, а по мнению индийца, зло настолько превалирует, что оно покрывает мраком весь период. Но каково бы ни было соотношение добра и зла, ясно, что любые отношения, установленные силой, вызывают

ненависть и глубокую взаимную неприязнь, а такие чувства могут иметь лишь дурные последствия.

Революционная перемена, как политическая, так и экономическая, не только нужна в Индии, но и представляется неизбежной. В конце 1939 года, вскоре после начала войны, и затем снова в апреле 1942 года, казалось, что возникла некоторая возможность такой перемены путем соглашения между Индией и Англией. Но эти перспективы и возможности миновали, так как существовал страх перед всякой коренной переменой. Но перемены наступят. Миновала ли стадия соглашения? Перед лицом общих опасностей прошлое теряет некоторые свои неприятные черты и на настоящее смотрят с точки зрения будущего. Теперь прошлое возвратилось и его дурные стороны усилились. Настроение взаимопонимания исчезло, появилась непримиримость и чувство горечи. Урегулирование того или иного рода должно рано или поздно наступить, после новых конфликтов или без них, но сейчас гораздо менее вероятно, что оно будет реальным, искренним и будет опираться на сотрудничество. Более вероятно, что оно будет представлять собой невольное подчинение обеих сторон всесильным обстоятельствам и что недоброжелательство и недоверие останутся. Никакая попытка найти решение, которое хотя бы в принципе предполагало, что Индия останется частью Британской империи, не имеет ни малейших шансов на принятие или одобрение. Никакое решение, сохраняющее феодальные пережитки в Индии, не может быть принятым.

Жизнь в Индии ценится дешево, а значит, она пуста, уродлива, убога и ей свойственны все ужасы, сопутствующие бедности. В Индии царит расслабляющая атмосфера, порождаемая множеством причин, как привнесенных извне, так и присущих ей внутренне, но в основном являющихся следствием бедности и нужды. У нас ужасающе низкий уровень жизни и высокая смертность. Промышленно развитые и богатые страны смотрят на слаборазвитые и бедные страны так же, как богатый человек смотрит на бедных и несчастных. Благодаря изобилию средств и возможностей у богатого человека появляются высокие запросы и изысканные вкусы, и он порицает бедняков за их нравы и некультурность. Лишив их возможности улучшить свое положение, он превращает их бедность и сопутствующее ей зло в оправдание новых лишений, которым он подвергает бедняков.

Индия не бедная страна. Она в избытке наделена всем, что делает страну богатой, и однако народ ее очень беден. Она обладает замечательным и разнообразным культурным наследием, и ее культурный потенциал очень высок. Но ей не хватает многих новых достижений и атрибутов культуры. Это объясняется целым рядом причин, и прежде всего тем, что ее умышленно лишают всего этого. При этих условиях жизненная энергия

народа должна преодолеть препятствия, стоящие на пути, и восполнить недостающее. Это и происходит в настоящий момент в Индии. Совершенно очевидно, что Индия обладает ресурсами, разумом, умением и способностями, необходимыми для быстрого развития. У нее за плечами многовековой опыт культурного и духовного развития. Она может идти вперед как в области теоретических наук, так и в области применения науки на практике и стать великой промышленной страной. Ее научные достижения сейчас уже замечательны, несмотря на множество ограничений, от которых она страдает, и на то, что ее молодежь лишена возможности вести научную работу. Учитывая размеры и возможности страны, эти достижения невелики, но они служат показателем того, что произойдет, когда силы нации будут высвобождены и будут созданы условия для их применения.

Этому могут помешать лишь два фактора: международные события и давление на Индию извне, с одной стороны, и отсутствие общности цели внутри страны — с другой. В конечном счете, лишь последнее будет иметь значение. Если Индия будет расколота на две или более частей и не сможет функционировать как политически и экономически единое целое, это серьезно отразится на ее развитии, это окажет прямое ослабляющее воздействие, но гораздо большим злом будет внутренний, психологический конфликт между теми, кто хочет ее воссоединения, и теми, кто ему противится. Появятся новые привилегированные группы, которые будут сопротивляться изменениям и прогрессу, и новая зловещая карма станет преследовать нас в будущем. Один неверный шаг влечет за собой другой. Так было в прошлом, так может быть и в будущем. И все же временами приходится делать неверные шаги, дабы нас не постигла худшая опасность. Это великий парадокс политики, и никто не может с уверенностью сказать, действительно ли нынешние неправильные действия лучше и безопаснее в конечном счете, нежели возможность этой воображаемой опасности. Единство всегда лучше разобщенности, но навязанное единство есть фикция и опасное дело, чреватое возможностью взрыва. Единство должно быть единством мыслей и чувств, сознанием общности и единогодушного сопротивления тем, кто посягает на эту общность. Я убежден в том, что Индия обладает таким единством, но в какой-то степени оно скрыто и отодвинуто на задний план другими силами. Силы эти могут быть временными, искусственно созданными и преходящими, но сейчас они играют свою роль, и никто не может их игнорировать.

Это, конечно, наша вина, и мы должны нести ответственность за свои ошибки. Но я не могу простить английским властям сознательного содействия расколу Индии. Все прочие беды минуют, но эта будет терзать нас гораздо дольше. Думая об Индии, я часто вспоминаю об Ирландии и Китае. Обе эти страны

отличаются от Индий и друг от друга в части своих прошлых и нынешних проблем, и все же между ними много сходного. Не суждено ли и нам в будущем преодолеть такой же путь?

Джим Фелан рассказывает нам в своей книге «Jail Journey» о влиянии тюрьмы на характер человека, и всякий, кто долго пробыл в заключении, знает, насколько справедливы его слова: «Тюрьма... в отношении человеческого характера играет роль увеличительного стекла. Каждая крошечная слабость выявляется, подчеркивается, пробуждается, пока наконец вместо заключенного, наделенного разного рода слабостями, перед нами не оказывается сама слабость, облеченная в одежду заключенного». Такого же рода результат дает воздействие иностранного владычества на национальный характер. Но это не единственный результат, ибо наряду с этим в ходе борьбы развиваются также благородные качества и происходит постепенное накопление силы. Но чужеземное владычество поощряет первое и старается подавить второе. Подобно тому как в тюрьме имеются надсмотрщики из числа самих заключенных, чья главная задача — следить за своими товарищами по несчастью, так и в угнетенной стране нет недостатка в марионетках и льстецах, которые облачаются в ливрею своих господ и действуют в их интересах. Есть и другие, которые не вступают сознательно на этот путь, но, тем не менее, испытывают на себе влияние политики и интриг господствующей державы.

Признание принципа разделения Индии или, вернее, принципа, отрицающего принудительное единство, может привести к спокойному и беспристрастному рассмотрению его последствий и тем самым к пониманию того, что единство в интересах всех. Тем не менее существует явная опасность, что как только этот ложный шаг будет сделан, он может повлечь за собой много других подобных шагов. Попытка разрешения ложным путем одной проблемы вполне может породить новые проблемы. Разделение Индии на две или более частей затруднит включение в состав Индии основных индийских княжеств, ибо у этих княжеств будет дополнительная причина — которой в противном случае, возможно, не было бы — оставаться в стороне и держаться за свои авторитарные режимы¹.

¹ Можно сказать, что индийские княжества в целом, стремясь сохранить свою внутреннюю автономию, в равной мере желают создания сильной федеральной Индии, в которую они входили бы на равных правах. Некоторые из видных министров и государственных деятелей княжеств решительно воспротивились предложению разделить Индию и разъяснили, что в случае такого разделения княжества, возможно, предпочтут сохранить самостоятельность и не связывать свою судьбу ни с одной из частей разделенной Индии. Первый министр Траванкура Рамасвами Айер, один из самых способных и опытных министров княжеств (хотя он и славится своими деспотическими методами и преследованием тех, кто ему не по праву), является решительным поборником внутренней автономии княжеств. В то же время он энергичный и непреклонный противник создания Па-

Любое расчленение Индии на религиозной основе, например на основе деления на индусов и мусульман, как это предлагает сейчас Мусульманская лига, не может отделить приверженцев этих двух главных религий Индии друг от друга, ибо они рассеяны по всей стране. Даже если территории, в которых каждая группа составляет большинство, будут отделены друг от друга, то и тогда на каждой такой территории останутся значительные меньшинства, принадлежащие к другой группе. Таким образом, вместо того чтобы разрешить проблему меньшинства, мы создадим взамен одной такой проблемы несколько. Другие религиозные группы, как, например, сикхи, будут расколоты несправедливо, вопреки их воле, и окажутся в двух различных государствах. Предоставляя свободу отделения одной группе, мы в то же время лишаем другие группы, хотя и находящиеся в меньшинстве, этой свободы и вынуждаем их изолироваться от остальной Индии вопреки их ясно выраженным горячим желаниям. Говорят, что в вопросе о разделении

кистана или любого другого плана раздела. В речи, произнесенной 6 октября 1944 года на собрании бомбейского филиала Индийского совета по международным делам, он заявил: «Иными словами, княжества должны быть — и, на мой взгляд, будут — включены в некую схему, согласно которой различные политические и административные единицы в Индии, сохраняя полную автономию в местных делах, будут сотрудничать с другими единицами в образовании и деятельности центральных законодательных и исполнительных органов. Такие органы будут успешно функционировать в пределах и за пределами Индии в качестве национальных и координирующих, а равно и представительных органов. Внутри Индии отношения между отдельными единицами будут строиться на началах равенства, и не может быть никакой речи о превосходстве одних над другими, хотя их права, не входящие в компетенцию центральной власти, должны быть твердо установлены и соблюдаться». Далее он говорит: «Я лично считаю, что независимо ни от каких договорных прав право на существование нельзя признать ни за одним индийским княжеством, не участвующим в создании центрального руководящего или центрального контрольного органа, ведающего вопросами, равно затрагивающими индийские княжества и Британскую Индию, или не подчиняющимся лояльно всем политическим мероприятиям, выработанным в целях управления Индией, и всем идеологическим принципам, которые могут быть выработаны в результате свободного и равноправного обсуждения и вытекающих из него компромиссов». «Я хочу решительно подчеркнуть, хотя и знаю, что моя точка зрения вызовет известные возражения, что ни одно индийское княжество не имеет права на существование, если оно не следует за Британской Индией — либо не идет впереди нее — в вопросах, имеющих важное значение для благосостояния народа».

Рамасвами Айер подчеркивает также тот непреложный факт, что нельзя подходить с одинаковой меркой к шестистам одному княжеству. Он полагает, что в новой конституции Индии количество княжеств придется сократить до пятнадцати или двадцати, с тем чтобы остальные вошли в состав более крупных единиц — провинций или княжеств.

Очевидно, Рамасвами Айер не придает особого значения этому внутреннему политическому прогрессу княжеств или, во всяком случае, считает его второстепенным делом. Однако отсутствие его, особенно в княжествах более передовых в других отношениях, неизбежно приводит к бесконечным конфликтам между населением и властями княжества.

должно возобладать мнение большинства (религиозного) в каждом районе. Так почему же точка зрения большинства не должна решить этот вопрос для всей Индии? Или почему бы каждому крошечному району не решить самостоятельно вопрос о своем независимом статусе и не создать таким образом огромное число небольших государств, что привело бы к совершенно невероятным и фантастическим результатам? Но и в таком случае это невозможно сделать сколько-нибудь логично, ибо религиозные группы перемешаны между собой и разбросаны по всей стране.

Такие проблемы трудно разрешить с помощью разделения, когда дело касается различных национальностей. Но когда в основу кладется религиозный признак, всякое логическое решение такой проблемы становится невозможным. Это возврат к некой средневековой концепции, которая неприменима к современному миру.

При рассмотрении экономических аспектов раздела становится ясно, что Индия в целом является сильной и экономически более или менее независимой единицей. Всякое деление, естественно, ослабит ее и поставит одну ее часть в зависимость от другой. Если в основу будет положен принцип деления на районы с преимущественно индусским или мусульманским населением, тогда первые из них будут обладать значительно большей частью минеральных ресурсов и промышленных центров. Индусские районы не пострадают так сильно с этой точки зрения. Мусульманские районы, с другой стороны, будут экономически отсталыми и зачастую будут во многом испытывать нужду и не смогут существовать без значительной помощи извне. Таким образом, создается странное положение: те, кто сейчас требует разделения, больше всего пострадают от него. Отчасти сознавая этот факт, они заявляют, что раздел должен быть произведен таким образом, чтобы они могли получить район, отличающийся экономическим равновесием. Возможно ли это при каких-либо обстоятельствах, я не знаю, но весьма сомневаюсь в этом. Во всяком случае, любая такая попытка означает насильственное присоединение к отделенной территории других больших территорий, население которых состоит преимущественно из индусов и сикхов. Это был бы странный способ осуществления принципа самоопределения. Это напоминает мне историю о человеке, который убил своего отца и мать, а потом воззвал к суду о милосердии как сирота.

Возникает и другое весьма любопытное противоречие. Наряду с признанием принципа самоопределения отвергается идея плебисцита или, самое большее, говорится, что этот плебисцит должен охватывать исключительно мусульманское население данного района. Так, в Бенгалии и Пенджабе мусульманское население составляет 54 процента или даже меньше. Высказывается мнение, что в случае проведения голосования

в нем должны принять участие только эти 54 процента и они-то решат судьбу остальных 46 или более процентов жителей, которые не будут иметь права голоса в этом вопросе. Это может привести к тому, что 28 процентов решат участь остальных 72 процентов.

Трудно понять, как здравомыслящий человек может выдвигать эти предложения и ожидать, что они будут приняты. Никто и никто другой не может знать, пока такое голосование не состоится, сколько мусульман в упомянутых районах голосовало бы за разделение. Мне думается, что значительное их число, возможно даже большинство, стало бы голосовать против. Многие мусульманские организации против такого разделения. Все не-мусульмане, будь то индусы, сикхи, христиане или парсы, против этого. В сущности, это стремление к разделу возникло в районах, где мусульмане составляют незначительное меньшинство, — в районах, которые ни при каких обстоятельствах не были бы отделены от остальной Индии. В тех провинциях, где мусульмане образуют большинство, влияние таких настроений не столь сильно. Это естественно, ибо они могут прочно стоять на собственных ногах и у них нет оснований опасаться других групп. Меньше всего такие настроения ощущаются в Северо-западной пограничной провинции (95 процентов мусульман), которую населяют патаны — мужественные, уверенные в себе люди, не страдающие от комплекса страха. Таким образом, как это ни странно, предложение Мусульманской лиги о разделе Индии находит гораздо меньше отклика в мусульманских районах, которых должен был бы коснуться этот раздел, нежели в районах с мусульманским меньшинством, которые остались бы незатронутыми. Все это не исключает того факта, что значительное число мусульман эмоционально привержено идее раздела, не задумываясь над его последствиями. В сущности, это предложение сформулировано до сих пор лишь туманно, и, несмотря на неоднократные просьбы, не сделано никакой попытки конкретизировать его.

Мне думается, что это чувство искусственное и не укоренилось глубоко в сознании мусульман. Но даже и временное чувство может быть достаточно сильным, чтобы влиять на события и создавать новые ситуации. В нормальных условиях время от времени происходило бы известное регулирование, но в том особом положении, в каком находится сейчас Индия, когда власть сосредоточена в руках чужеземцев, может произойти все что угодно. Ясно, что всякое реальное урегулирование должно быть основано на доброй воле участвующих в нем сторон и на желании всех их сотрудничать во имя достижения общей цели. Ради достижения этого стоит пойти на любую разумную жертву. Каждая группа не только должна быть теоретически и практически свободной и иметь равные возможности для развития, но и должна ощущать эту свободу и равноправие. Если оставить

в стороне все страсти и неконтролируемые разумом эмоции, нетрудно будет найти такую форму свободы, обеспечивающую широчайшую автономию провинций и княжеств при одновременном сохранении прочных связей с центром. В пределах более крупных провинций или княжеств могут даже существовать, как в Советской России, автономные единицы. В дополнение к этому можно включить в конституцию все мыслимые виды защиты и гарантии прав меньшинства.

Все это можно сделать, и все же я не знаю, как сложится будущее под влиянием различных не поддающихся определению факторов и сил, главной из которых является политика Англии. Может случиться, что Индии будет навязан какой-то раздел, предусматривающий сохранение непрочных уз между разделенными частями. Я убежден, что даже если это произойдет, глубокое внутреннее чувство единства и мировые события сблизят в дальнейшем друг с другом разделенные части и приведут к их действительному единству.

Это единство является географическим, историческим и культурным, но самый мощный фактор, действующий в его пользу, — это развитие мировых событий. Многие из нас придерживаются мнения, что Индия представляет собой, по существу, единую нацию. Джинна выдвинул теорию двух наций, а недавно расширил эту теорию и политическую фразеологию, охарактеризовав некоторые религиозные группы как субнации, хотя не ясно, что под этим подразумевается. Он отождествляет нацию с религией. В наше время такой подход нельзя признать обычным. Но вопрос о том, правильно ли рассматривать Индию как одну нацию, как две или более, собственно, не имеет значения, ибо современное понятие о национальности почти не связано с государственной принадлежностью. Национальное государство представляет собой в настоящее время слишком малую единицу, а малые государства не могут вести сейчас независимое существование. Сомнительно, чтобы и многие более крупные государства могли пользоваться сколько-нибудь реальной независимостью. Таким образом, национальное государство уступает место многонациональному государству или крупным федерациям. Типичным примером этого служит Советский Союз. Соединенные Штаты Америки, хотя и связанные прочными национальными узами, являются, по существу, многонациональным государством. За походом Гитлера по Европе кроется нечто большее, нежели захватнические устремления нацистов. Новые силы толкают к ликвидации системы малых государств в Европе. Гитлеровские армии сейчас быстро откатываются назад или уничтожаются, но концепция крупных федераций остается.

Г. Уэллс возвещает миру со всем пылом древнего пророка, что человечество подошло к концу целой эпохи — эпохи раздробленности в области управления своими делами, политиче-

ской раздробленности на отдельные суверенные государства и экономической — на ничем не ограниченные концерны и тресты, ведущие между собой конкурентную борьбу за прибыли. Он говорит, что болезнью мира является система националистического индивидуализма и некоординированной предпринимательской деятельности. Нам придется расстаться с национальными государствами и найти такую форму коллективизма, которая не принижает и не поработачивает. Современники не внимают пророкам, а порой даже забрасывают их камнями. Поэтому предостережения Г. Уэллса и многих других остаются гласом вопиющего в пустыне, поскольку дело касается власти имущих. Тем не менее они указывают на неизбежные тенденции. Развитие этих тенденций можно ускорить или замедлить, или же — если власть имущие проявят слепоту — они примут четкую форму лишь после новой и более серьезной катастрофы.

Мы в Индии, как это наблюдается и в других странах, полностью находимся в плену у лозунгов и фразеологии, заимствованной из прошлого, а также устарелых воззрений, главная задача которых — помешать объективному мышлению и бесстрастному рассмотрению существующего положения. Имеется также тенденция к абстракциям и туманным идеалам, которые вызывают эмоциональный отклик и зачастую по-своему хороши, но которые порождают также расплывчатость мысли и оторванность от реальной действительности. В последние годы очень много писалось и говорилось о будущем Индии и особенно о ее разделе или единстве. И при всем этом — как это ни удивительно — те, кто предлагает образование Пакистана или раздел, настойчиво отказываются уточнить, что именно они имеют в виду, или взвесить последствия такого раздела. Они руководствуются одними эмоциями, как и многие из тех, кто возражает им, одним воображением и смутными желаниями, за которыми кроются воображаемые интересы. Естественно, что между этими двумя эмоциональными подходами, опирающимися на воображение, нет точек соприкосновения. Таким образом, Пакистан и Акханд Хиндустан (единая Индия) противопоставляются друг другу. Совершенно ясно, что эмоции и сознательные или подсознательные порывы отдельных групп имеют значение, и их следует принимать во внимание. Но по меньшей мере столь же ясно, что факты и реальная действительность не исчезают только от того, что мы игнорируем их или окутываем дымкой эмоций. Им свойственно возникать в самые неприятные моменты и притом неожиданно. Любые решения, принятые в первую очередь на основании эмоций или под их сильным влиянием, будут скорее всего ошибочными и приведут к опасным последствиям.

Совершенно очевидно, что какое бы будущее ни было уготовано Индии, даже если произойдет действительный раздел,

различным частям Индии придется сотрудничать друг с другом тысячами разных способов. Даже независимым нациям приходится сотрудничать друг с другом, а тем более к этому будут вынуждены индийские провинции или такие части, которые возникнут в результате раздела, ибо они тесно связаны между собой и должны держаться вместе, так как в противном случае они будут слабеть, распадаться и утратят свою свободу. Таким образом, первым делом встает следующий практический вопрос: каковы те главные узы, которые должны связывать в основном и скреплять между собой различные части Индии, чтобы она могла двигаться по пути прогресса и оставаться свободной, и которые необходимы также для автономии и культурного роста этих частей. Очевидным и важнейшим соображением является оборона, а за этой обороной стоят отрасли промышленности, питающие ее, транспорт и коммуникации и, по меньшей мере, некоторое экономическое планирование. То же следует сказать о таможенных пошлинах, валюте и товарообмене. Свобода внутренней торговли должна существовать на всей территории Индии, ибо любые внутренние тарифные барьеры имели бы пагубные последствия для роста. Кроме того, имеется много других вопросов, которые неизбежно пришлось бы разрешать совместно и централизованным путем, в интересах как Индии в целом, так и ее отдельных частей. От этого нельзя уйти, независимо от того, являемся ли мы сторонниками образования Пакистана, или нет, если только мы не дадим ослепить себя преходящей страсти. Колоссальное развитие авиасообщений в наши дни породило требование их интернационализации или установления какой-то формы международного контроля над ними. Сомнительно, хватит ли у заинтересованных стран здравого смысла признать это, но совершенно ясно, что в Индии развитие авиации может происходить лишь на общендийской основе. Для разделенной Индии немыслимо добиться успеха в этом отношении в каждой ее части в отдельности. Это относится и ко многим другим видам деятельности, которые уже тяготеют к тому, чтобы перерасти даже общенациональные границы. Индия в целом достаточно велика, чтобы обеспечить им должный простор для развития, но это невозможно в условиях разделенной Индии.

Таким образом, мы приходим к неизбежному и неминувшему выводу, что независимо от того, будет ли создан Пакистан, или нет, ряд важных основных государственных функций должен осуществляться на общендийской основе, если только Индия хочет существовать как свободное государство и идти по пути прогресса. В противном случае Индию ждут застой, загнивание и распад, что поведет к утрате политической и экономической свободы как Индией в целом, так и различными отделенными от нее частями. По заявлению одного весьма авторитетного лица, «неумолимая логика эпохи ставит страну перед выбором

между двумя радикально противоположными путями: союз плюс независимость или разобщенность плюс зависимость». Какую форму должен принять этот союз и будет ли он называться союзом или как-либо иначе, не столь уж важно, хотя названия имеют свое значение и психологическую ценность. Важно, что ряд различных видов деятельности может осуществляться с успехом лишь на общеиндийской основе. Вероятно, многие из этих видов деятельности будут поставлены вскоре под контроль международных органов. Мир становится тесным, и его проблемы переплетаются между собой. Сейчас требуется менее трех дней, чтобы, летя напрямик, достигнуть любого места на земле, а завтра, с развитием воздухоплавания в стратосфере, для этого понадобится, быть может, еще меньше времени. Индия должна стать крупным мировым центром авиасообщений. Индия будет также связана железными дорогами с Западной Азией и Европой, с одной стороны, и с Бирмой и Китаем — с другой. Недалеко от Индии, на севере за Гималаями в Советской Азии, лежит один из высокоразвитых промышленных районов, обладающий огромным потенциалом. Это обстоятельство окажет свое влияние на Индию и вызовет у нее во многих отношениях ответную реакцию.

Поэтому к проблеме: единство или образование Пакистана — следует подходить не абстрактно и не руководствуясь эмоциями, а практически, не упуская из виду современный мир. Этот подход приводит нас к очевидному выводу, что в отношении ряда важных функций и вопросов для всей Индии в целом необходим какой-то цементирующий элемент. В остальном входящим в нее единицам может и должна быть обеспечена полнейшая свобода и промежуточная сфера, в которой они будут функционировать как совместно, так и раздельно. Могут существовать разногласия в отношении того, где кончается одна и начинается другая сфера, но такие разногласия, если рассматривать их на практической основе, как правило, довольно легко поддаются урегулированию.

Но в основе всего этого обязательно должен лежать дух добровольного сотрудничества, отсутствие чувства принуждения и ощущение свободы каждой единицей и личностью. Старым привилегированным группам придется уйти. Столь же важно избежать появления новых привилегированных групп. Некоторые предложения, основывающиеся на метафизической концепции групп и забывающие о тех личностях, из которых состоят эти группы, делают одну личность политически равной двум или даже трем другим, что и ведет к созданию новых привилегированных групп. Всякий такой порядок может породить лишь серьезное недовольство и неустойчивость.

Часто выдвигают требование о предоставлении любому хорошо организованному району права на отделение от индийской федерации или союза и в качестве примера ссылаются на СССР.

Этот довод неубедителен, так как условия там совершенно иные, и это право не имеет большого практического значения. В той эмоциональной атмосфере, которая царит в настоящее время в Индии, возможно, представляется желательным согласиться с этим на будущее, дабы создать столь необходимое чувство свободы от принуждения. Конгресс в действительности согласился на это. Но прежде чем осуществить это право, необходимо учесть предварительно все упомянутые общие проблемы. Кроме того, возможность разделения и раскола в самом начале чревата серьезной опасностью, ибо такая попытка может убить в самом зародыше свободу и сделать невозможным создание свободного национального государства. Возникнут неразрешимые проблемы и спутают все реальные вопросы. Появятся тенденции к распаду, и всевозможные группы, которые до тех пор были согласны на совместное и объединенное существование, будут требовать для себя самостоятельных государств или особых привилегий, что явится посягательством на права других. Проблему индийских княжеств будет значительно труднее разрешить, а существование системы отдельных княжеств в их нынешнем виде будет продлено на новый срок. Намного труднее будет разрешить социальные и экономические проблемы. Трудно представить себе, чтобы из такого хаоса могло возникнуть какое-либо свободное государство, а если что-либо и возникнет, то это будет жалкая карикатура, полная противоречий и неразрешимых проблем.

Прежде чем осуществлять такое право на отделение, должна существовать надлежащим образом организованная, дееспособная, свободная Индия. Когда внешние влияния будут устранены и перед страной встанут реальные проблемы, тогда станет возможным рассмотреть такие вопросы объективно и в духе относительной отрешенности, в полном отрыве от эмоционального подхода наших дней, который может привести лишь к злополучным последствиям, о чем нам, возможно, позднее придется пожалеть. Поэтому, быть может, целесообразно установить определенный период, скажем десять лет после образования свободного Индийского государства, по истечении которого право на отделение может быть осуществлено с помощью надлежащей конституционной процедуры и в согласии с ясно выраженной волей жителей данного района.

Многие из нас возмущены условиями, существующими сейчас в Индии, и страстно желают найти какой-то выход. Кое-кто готов даже ухватиться за любую соломинку, плывущую в желанном для них направлении, в смутной надежде, что она может обеспечить какое-то временное облегчение, некую передышку в условиях системы, которая давно уже считается тесной и удушающей. Это вполне естественно. Тем не менее этот несколько истерический и авантюристический подход к жизненно важным проблемам, затрагивающим благопо-

лучие сотен миллионов людей и будущий мир во всем мире, чреват известной опасностью. Мы в Индии живем постоянно на грани катастрофы, и катастрофа действительно иногда постигает нас, о чем свидетельствуют события, очевидцами которых мы были в прошлом году в Бенгалии и других районах Индии. Голод в Бенгалии и все, что за ним последовало, не были трагическими исключениями, вызванными необычайными и неожиданными причинами, которые нельзя было контролировать или предусмотреть. Это были яркие и страшные картины Индии, такой какая она есть, страдающей на протяжении жизни многих поколений от скрытой внутренней болезни, разъедающей ее жизненно важные органы. Эта болезнь будет принимать все более опасные и губительные формы, если мы сообща не приложим все силы, чтобы изгнать болезнь и вылечить больного. Существование разделенной Индии, в которой каждая часть будет думать лишь о себе, не заботясь об остальных и не сотрудничая с ними, приведет к обострению болезни и к погружению в пучину безнадежной и беспросветной нужды. Все сроки уже прошли, и мы должны наверстать упущенное время. Неужели мы не извлечем урока даже из голода в Бенгалии? До сих пор есть много людей, которые думают только о политических процентах, влиянии, равновесии, контроле, сохранении привилегированных групп, о создании новых привилегированных групп, о том, чтобы помешать другим идти вперед только потому, что сами они не хотят или не способны сделать это, о материальных интересах, о том, как избежать крупных социальных и экономических изменений, о сохранении с незначительными изменениями положения вещей, существующего в Индии в настоящее время. Это верх безумия.

Текущие проблемы представляются нам большими и поглощают все наше внимание. Все же, в более далекой перспективе, они, возможно, не будут иметь большого значения, и за внешними событиями, быть может, действуют более значительные силы. Поэтому если мы забудем на время о текущих проблемах и взглянем вперед, то Индия предстанет нашим взорам как сильное единое государство, федерация свободных территориальных единиц, тесно связанная со своими соседями и играющая важную роль в мировых делах. Индия принадлежит к числу тех очень немногих стран, которые обладают ресурсами и способностью прочно стоять на собственных ногах. Сейчас, вероятно, единственные страны такого рода это Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Великобританию можно отнести к числу таких стран лишь в том случае, если к ее собственным ресурсам добавить ресурсы ее империи, но и тогда широко разбросанная и беспокойная империя явится источником слабости. Китай и Индия потенциально способны примкнуть к этой группе. Обе страны представляет собой компактное и однородное целое, и у них вдоволь природных богатств, людских

резервов, умения и способностей. Собственно, потенциальные промышленные ресурсы Индии, вероятно, даже более разнообразны и богаты, нежели ресурсы Китая, так же как товары, которые она может вывозить в обмен на нужный ей импорт. За исключением этих четырех стран, ни одна страна, взятая в отдельности не находится в таком положении ни фактически, ни потенциально. Возможно, конечно, что в Европе или еще где-либо возникнут крупные федерации или группы наций, которые образуют громадные многонациональные государства.

Тихий океан, вероятно, займет в будущем место Атлантического в качестве нервного центра всего мира. Индия, не являясь непосредственно тихоокеанским государством, будет, однако, неизбежно оказывать там значительное влияние. Кроме того, Индия превратится в центр экономической и политической деятельности района Индийского океана, Юго-Восточной Азии и территории, простирающейся до Среднего Востока. Ее положение придает ей экономическое и стратегическое значение в той части мира, которую ждет в будущем быстрое развитие. При условии существования региональной группировки стран, граничащих по обе стороны Индии с Индийским океаном — Иран, Ирак, Афганистан, Индия, Цейлон, Бирма, Малайя, Сиам, Ява и т. д., — современные проблемы меньшинств исчезнут или, во всяком случае, их придется рассматривать в совершенно ином свете.

Г. Д. Х. Коул считает, что Индия сама по себе является наднациональным районом, и полагает, что в конечном счете ей суждено стать центром могущественного наднационального государства, охватывающего весь Средний Восток и лежащего между китайско-японской советской республикой, новым государством, в которое войдут Египет, Аравия и Турция, и Советским Союзом на севере. Все это — чисто предположительно, и никто не может сказать, произойдет ли это когда-нибудь. Я, со своей стороны, не сторонник деления мира на несколько огромных наднациональных территорий, если они не связаны какими-то прочными международными узами. Но если люди будут столь безумны, что откажутся от международного единства и какой-то международной организации, тогда, вероятно, надо ждать возникновения этих огромных наднациональных районов, из коих каждый будет функционировать как одно огромное государство, в котором сохранится автономия на местах. Малые национальные государства обречены. Они могут выжить в качестве территорий, пользующихся культурной автономией, но не как независимые политические единицы.

Что бы там ни случилось, для мира будет хорошо, если Индия сможет дать почувствовать свое влияние. Ибо это влияние всегда будет в интересах мира и сотрудничества и против агрессии.

РЕАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА. ЗАВОЕВАНИЕ МИРА ИЛИ ВСЕМИРНОЕ СООБЩЕСТВО. США И СССР

Война в Европе вступила в свою конечную стадию, и мощь нацистов рушится под натиском армий, наступающих с востока и запада. Париж, этот прекрасный, восхитительный город, столь тесно связанный с борьбой за свободу, снова свободен. Возникают проблемы мира, более трудные, нежели проблемы войны. Они смущают умы людей, а за ними лежит тревожная тень великого провала, свидетелем которого были годы, последовавшие за первой мировой войной. «Никогда больше», — говорят нам сейчас. Но так говорили и в 1918 году!

Пятнадцать лет назад, в 1929 году, Уинстон Черчилль заявил: «Из этой эпопеи мы можем извлечь опыт и знания, необходимые нам на будущее. Несоразмерность раздоров между государствами и страданий, которые несет борьба, вызываемая этими раздорами; жалкая, скудная награда за колоссальные усилия на поле брани; мимолетный военный триумф; долгое медленное восстановление; страшный риск, на который шли с такой отвагой; гибель, от которой мы были буквально на волоске и которой удалось избежать по прихоти судьбы, по воле случая, — все это должно сделать предотвращение новой большой войны главным предметом забот человечества».

Кому-кому, а уж Черчиллю это должно быть хорошо известно, ибо он играл ведущую роль в войне и мире, с исключительным мужеством возглавлял свою страну в годину горя и опасности, а в дни победы вынашивал честолюбивые замыслы в ее интересах. После первой мировой войны английские армии оккупировали всю Западную Азию от границ Индии, включая Иран, Ирак, Палестину и Сирию, и до Константинополя. В ту пору Черчиллю грезилась новая средневосточная империя Англии, но судьба решила иначе. Какие мечты лелеет он сейчас на будущее? «Война — странный алхимик, — писал один мужественный и выдающийся мой коллега, находящийся сейчас в тюрьме. — В ее тайных камерах вызревают и кристаллизуются такие силы, которые сорвут планы как победителей, так и побежденных. Никакая мирная конференция в конце прошлой войны не выносила решения, что четыре могущественные империи Европы и Азии — русская, германская, австрийская и оттоманская — должны рассыпаться в прах. Точно так же русская, германская и турецкая революции не были декретированы Ллойд Джорджем, Клемансо или Вильсоном».

Что скажут руководители победоносных государств, когда они соберутся после того, как их усилия в войне увенчаются успехом? Каким рисуется им будущее и насколько они согласны или не согласны друг с другом? Каких еще реакций можно ожидать, когда страсти войны улягутся и люди попытаются вернуться к полузабытому мирному образу жизни? Что можно сказать

о подпольных движениях сопротивления в Европе и о высвобожденных ими новых силах? Что скажут и сделают миллионы закаленных войной солдат, которые вернутся домой, обогащенные умом и опытом? Насколько сумеют они приноровиться к жизни, которая не переставала изменяться в их отсутствие? Что будет с опустошенной и измученной Европой и что произойдет с Азией и Африкой? Как, говоря словами Уэнделла Уилки, насчет «неодолимого порыва сотен миллионов жителей Азии к свободе»? Что можно сказать обо всем этом и о многом другом? А главное,— о странных и столь частых проделках судьбы, опрокидывающей тщательно разработанные планы наших лидеров?

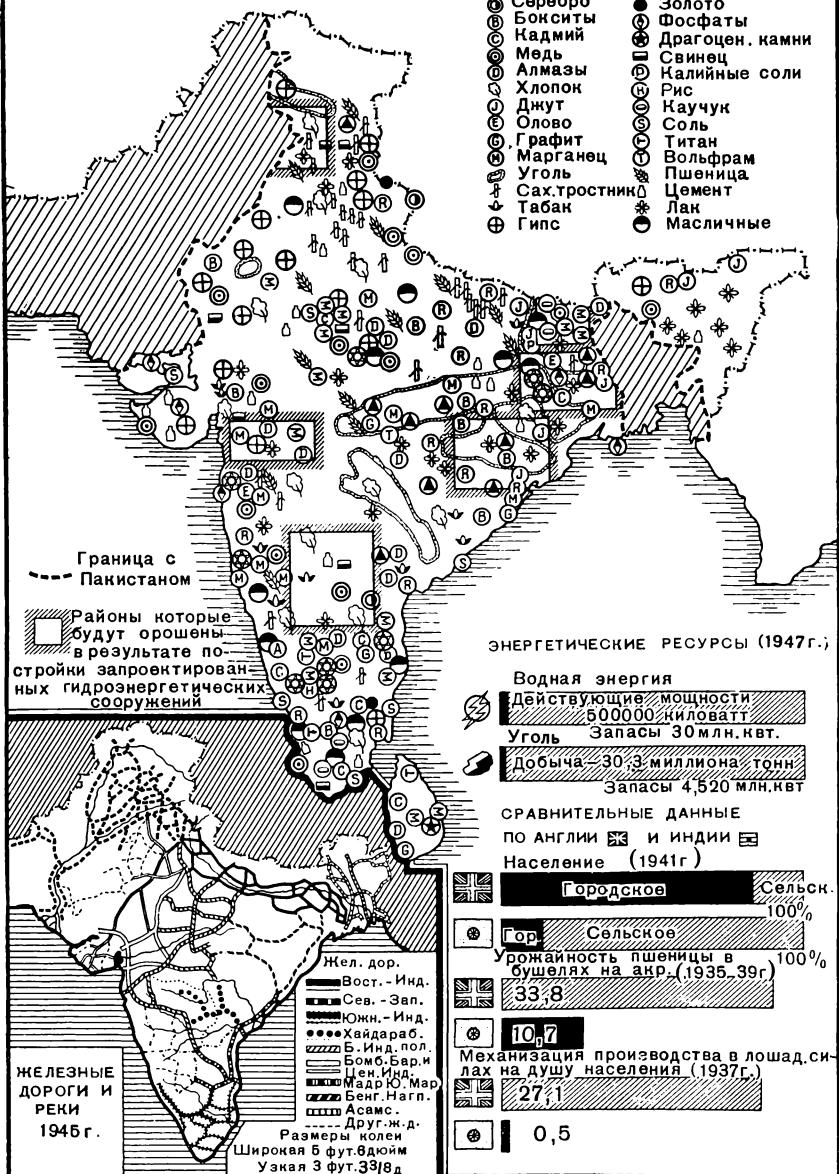
По мере того как шла война и уменьшалась опасность возможной победы фашистских держав, руководители Объединенных наций постепенно становились все более неуступчивыми и консервативными. «Четыре свободы» и Атлантическая хартия, при всей их туманности и ограниченности распространения, отступили на задний план, и будущее все больше мыслилось как сохранение прошлого. Борьба приняла чисто военную форму — физическая сила против силы, она перестала быть наступлением на мировоззрение нацистов и фашистов. Генерал Франко и мелкие действительные или потенциальные авторитарные правители в Европе получили поощрение. Черчилль по-прежнему прославляет идею империи. Бернард Шоу заявил недавно, что «в мире нет державы, которая была бы более проникнута идеей своего господства, нежели Британская империя. Даже слово «империя» застревает у Черчилля в гортани всякий раз, когда он пытается произнести его»¹.

В Англии, Америке и других странах немало людей, которые хотят, чтобы будущее не походило на прошлое, и опасаются,

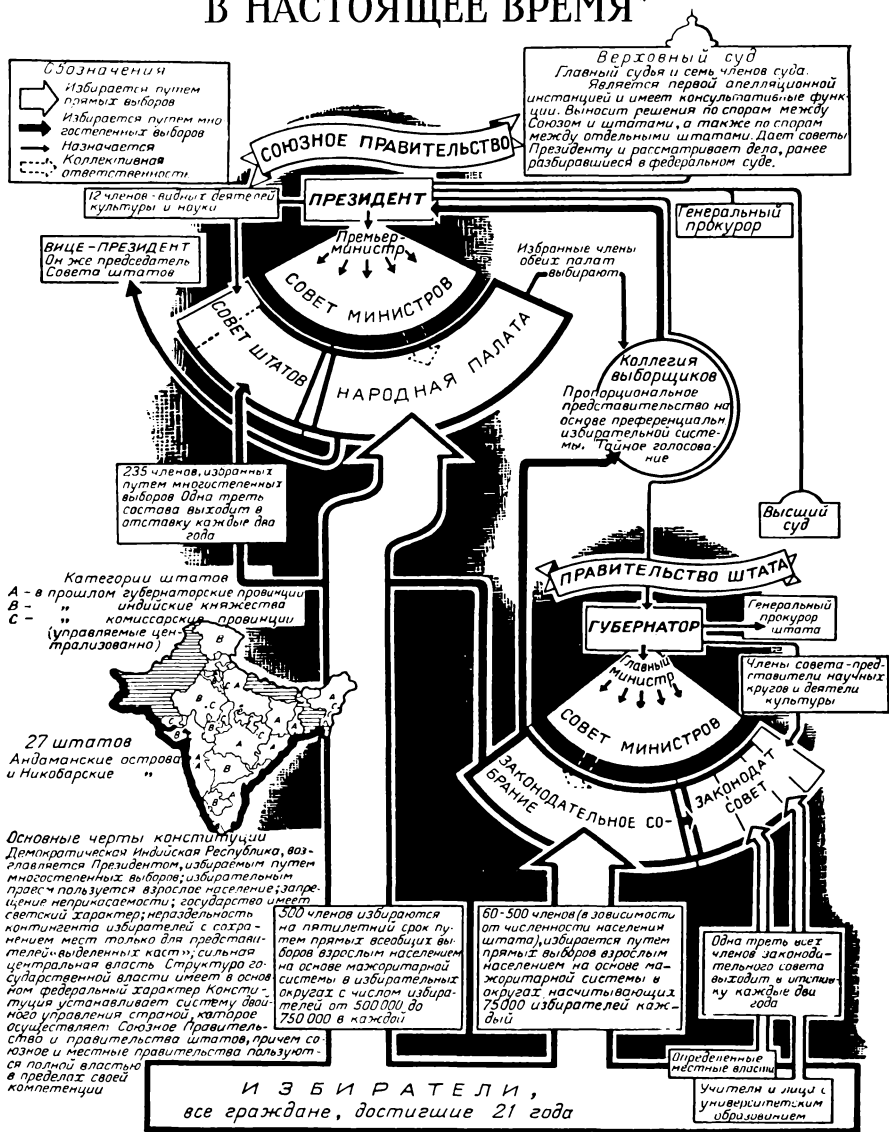
¹ Ясно, что английские правящие классы не предполагают покончить с эрой империализма; самое большее, они думают о модернизации своей системы колониального господства. Для них обладание колониями есть «необходимое условие величия и богатства». Лондонский журнал «Экономист», представляющий влиятельные круги общественного мнения в Англии, писал 16 сентября 1944 года: «Предубеждение американцев против «империализма» — английского, французского или голландского — заставило многих составителей послевоенных планов предположить, что в Юго-Восточной Азии не будет восстановлена прежняя суверенная власть и что место старой власти, осуществлявшейся западными государствами, займет некая форма международного контроля или что власть будет передана местным народам. Поскольку такая точка зрения существует и даже находит поддержку со стороны наиболее широко распространенных американских журналов и газет, настало время откровенно и полностью разъяснить намерения англичан, французов и голландцев. Поскольку никто из них не намерен отказаться от своих колониальных империй, а, напротив, все они считают, что возвращение Малайи англичанам, Индонезии голландцам и Французского Индо-Китая французам является необходимой частью уничтожения японской сферы сопротивления, то, если эти три государства допустят, чтобы в умах их американских союзников оставались какие-либо сомнения на этот счет, это может привести к недоразумениям пахуче-го рода и даже к обвинениям в вероломстве».

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДИИ

● Сурьма	▲ Железо
○ Асбест	○ Слюда
○ Серебро	● Золото
○ Бокситы	○ Фосфаты
○ Кадмий	○ Драгоцен. камни
○ Медь	○ Свинец
○ Алмазы	○ Калийные соли
○ Хлопок	○ Рис
○ Джут	○ Каучук
○ Олово	○ Соль
○ Графит	○ Титан
○ Марганец	○ Вольфрам
○ Уголь	○ Пшеница
○ Сах. тростник	○ Цемент
○ Табак	○ Лак
○ Гипс	○ Масличные

СТРУКТУРА ИНДИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ*

* В соответствии с конституцией Индии, вступившей в силу в 1950 г.

Прим. ред.

что в противном случае за нынешней войной последуют новые войны и катастрофы более грандиозного масштаба. Но эти соображения, видимо, мало влияют на тех, в чьих руках находится могущество и власть, или же они сами находятся во власти сил, не поддающихся их контролю. В Англии, Америке и России мы возвращаемся к старой политике великих держав в гигантском масштабе. Это считается реализмом и реальной политикой. Американский авторитет в вопросах геополитики профессор Н. Дж. Спикмен писал в вышедшей недавно книге: «Государственного деятеля, руководящего внешней политикой, идеалы справедливости, честности и терпимости могут занимать лишь постольку, поскольку они способствуют или не препятствуют достижению цели, каковой является сила. Они могут быть использованы как средство в качестве морального оправдания стремления к силе, но должны быть отвергнуты в тот момент, когда применение их влечет за собой слабость. Силы добиваются не ради достижения моральных ценностей; напротив, моральные ценности используются для того, чтобы облегчить достижение силы»¹.

Может быть, это и не типично для образа мыслей американцев, но, несомненно, представляет образ мыслей американских влиятельных кругов. Пророчество Уолтера Липпмана насчет трех или четырех орбит, которые охватят весь земной шар, — Атлантического сообщества, русского, китайского и затем индусомусульманского в Юго-Восточной Азии — является продолжением все тех же идей политики силы в более широком масштабе, и трудно понять, как он мыслит себе какой-либо всеобщий мир или сотрудничество на этой основе. Америка представляет собой любопытное смешение того, что считается трезвым реализмом, и расплывчатого идеализма и гуманизма. Какая из этих тенденций станет господствующей в будущем и что произойдет в случае их слияния? Что бы ни думали народные массы, внешняя политика остается заповедным владением тех, кто ее осуществляет, а они обычно склонны держаться старых традиций и страшатся всяких новшеств, которые могут подвергнуть их страны новому риску. Реализм, конечно, нужен, ибо ни одна страна не может основывать свою внутреннюю или внешнюю политику только на доброжелательстве или на полете воображения. Но надо признать весьма странным такой реализм, который цепляется за пустую шелуху прошлого и не замечает или отказывается понимать суровые факты настоящего, которые касаются не только политики и экономики, но также чувств и стремлений огромного числа людей. Такой реализм более фантастичен и оторван от сегодняшних и завтрашних проблем, чем иной так называемый идеализм многих людей.

¹ «America's Strategy in World Politics».

Геополитика стала сейчас для реалиста якорем спасения, и предполагается, что его разговоры о «ядре» и «окраинных землях» проливают свет на тайну роста и упадка наций. Возникнув в Англии (или, может быть, в Шотландии?), она стала путеводной звездой для нацистов, питала их чаяния и честолюбивые замыслы о мировом господстве и привела их к катастрофе. Полуистина иногда опаснее лжи. Истина, пора которой миновала, лишает человека способности видеть сегодняшнюю действительность. В своей геополитической теории, развитой впоследствии в Германии, Х. Дж. Маккиндер исходил из роста цивилизации на прилегающих к океану окраинах материков (Азии и Европы), которые необходимо было защищать от давления, оказываемого на них сухопутными захватчиками из «ядра», коим считался центр евразийского массива. Контроль над этим ядром давал господство над всем миром. Но ныне цивилизация охватывает уже не только побережье океана, она становится универсальной по своим масштабам и содержанию. Рост Америки также не согласуется с теорией евразийского ядра, господствующего над всем миром. А авиация внесла новый фактор, который изменил соотношение между морским и сухопутным могуществом.

Германия, вынашивавшая мечты о мировом господстве, была одержима страхом окружения. Советская Россия опасалась объединения своих врагов. Национальная политика Англии долгое время основывалась на равновесии сил в Европе и сопротивлении господству какой бы то ни было державы в этом районе. Всегда существовал страх перед другими, и этот страх порождал агрессию и сложные интриги. После нынешней войны возникнет совершенно новая ситуация: в мире будут господствовать две державы — США и СССР, а остальные, если только они не образуют какого-то блока, будут значительно отставать от них. А ныне, как говорит профессор Спикмен в своем завещании, даже Соединенным Штатам грозит опасность окружения, и они должны вступить в союз с какой-либо «окраинной» нацией и, во всяком случае, не должны мешать «ядру» (под которым в настоящее время имеется в виду СССР) объединиться с окраинными странами.

Все это кажется весьма умным и реалистичным, и тем не менее это чрезвычайно глупо, ибо основано на старой политике экспансии, имперских устремлений и равновесия сил, политике, которая неизбежно ведет к конфликту и войне. Поскольку земля круглая, всякая страна окружена другими странами. Дабы избежать такого окружения методами политики силы, нужны союзы и контрсоюзы, экспансия и завоевания. Но какой бы огромной ни стала сфера влияния страны, всегда остается опасность окружения ее теми, кто остался вне этой сферы и кто, со своей стороны, опасается чрезмерного роста этой соперничающей державы. Единственный способ избавиться от этой опас-

ности заключается в завоевании мира или в устранении любого возможного соперника. Мы являемся сейчас свидетелями провала новейшей попытки установить мировое господство. Будет ли усвоен этот урок, или найдутся другие, движимые честолюбием, расовой гордостью или силой, которые попытают счастья на этом роковом пути?

Повидимому, иного выбора, кроме мирового завоевания и мирового содружества, быть не может. Никакого среднего пути нет. Старые группировки и стремление к политике силы имеют сейчас мало смысла и не соответствуют окружающей нас обстановке, и тем не менее они существуют. Интересы и деятельность государств выходят за пределы их границ и носят общемировой характер. Ни одна нация не может изолироваться или оставаться равнодушной к политической и экономической участи других наций. Отсутствие сотрудничества непременно вызовет трения со всеми их неизбежными результатами. Сотрудничество возможно лишь на началах равенства и взаимного блага, на поднятии отсталых стран и народов до общего уровня благосостояния и культурного развития, на устранении расизма и угнетения. Ни одна страна и ни один народ не потерпят господства или эксплуатации со стороны других стран, хотя бы это и прикрывалось каким-нибудь другим, более приятным названием. Не останутся они безразличными и к собственной своей нищете и бедности, в то время как другие районы мира будут благоденствовать. Это было возможным лишь тогда, когда люди не знали о том, что происходит в остальном мире.

Все это кажется очевидным, и тем не менее долгий ряд минувших событий говорит нам, что разум человека не поспевает за ходом событий и лишь медленно приноравливается к ним. Простой эгоизм должен толкать каждую нацию к этому более широкому сотрудничеству, дабы избежать катастрофы в будущем и построить собственную свободную жизнь на основе свободы других. Но эгоизм «реалиста» слишком ограничен мифами и догмами прошлого. Он считает идеи и социальные формы, годные для одной эпохи, неизменными и неизменяемыми свойствами человеческой природы и общества, забывая, что ничто так не подвержено изменениям, как человеческая природа и общество. Религиозные формы и понятия принимают неизменную форму, социальные институты окаменевают, война рассматривается как биологическая необходимость, колониальные владения и экспансия — как прерогативы динамического и прогрессирующего народа, дух наживы как центральный факт, определяющий отношения между людьми, а этноцентризм, вера в расовое превосходство, становится символом веры и если даже не провозглашается, то принимается как нечто само собой разумеющееся. Некоторые из этих идей были общими для цивилизации Востока и Запада. Многие из них образуют подоплеку современной западной цивилизации, на почве которой выросли фашизм и

нацизм. Этически между ними и фашистской идеологией нет большой разницы, хотя последняя пошла гораздо дальше в своем презрении к человеческой жизни и ко всему, что символизирует собой гуманизм. В сущности, гуманизм, который в течение столь длительного времени оказывал влияние на мировоззрение Европы, является сейчас там отмирающей традицией. Семена фашизма были заложены в политическом и экономическом строе Запада. Если с этой идеологией прошлого не будет порвано, успех в войне не принесет больших изменений. Старые мифы и вымыслы живут попрежнему, и, преследуемые, как в древности, фуриями, мы вновь совершаем тот же самый цикл.

Двумя важными фактами, выявившимися в связи с этой войной, являются рост мощи и рост фактического и потенциального богатства США и СССР. Советский Союз в настоящий момент, вероятно, беднее, чем до войны, из-за причиненных ему колоссальных разрушений, но потенциал его огромен, и он быстро возместит ущерб и двинется вперед. На евразийском континенте никто не сможет сравняться с ним в физической и экономической мощи. Он уже проявляет экспансионистские тенденции и расширяет свою территорию, более или менее беря за основу границы царской империи. Как далеко пойдет этот процесс, сказать трудно. Его социалистическая экономика не обязательно ведет к экспансии, ибо ее можно сделать самообеспеченной. Но другие силы и старые подозрения продолжают действовать, и снова мы замечаем страх перед так называемым окружением. Во всяком случае, СССР будет много лет занят восстановлением опустошений, причиненных войной. Однако тенденция к расширению — если не в территориальном, то в других отношениях — очевидна. Ни одна страна мира не отличается сейчас такой политической прочностью и экономической уравновешенностью, как Советский Союз, хотя некоторые события там за последние годы потрясли многих его старых почитателей. Положение нынешних руководителей Советского Союза неуязвимо, и все зависит от их взгляда на будущее.

Соединенные Штаты Америки поразили мир своей огромной производственной мощью и организаторскими способностями. Таким образом, они не только играли ведущую роль в войне, но и ускорили процесс, внутренне присущий американской экономике, и создали проблему, для разрешения которой им придется напрячь до предела свои умственные способности и энергию. В сущности, не легко предвидеть, как они разрешат ее в рамках существующего экономического строя без серьезных внутренних и внешних трений. Говорят, что Америка отрешилась от изоляционизма. Это неизбежно, ибо сейчас она вынуждена зависеть в значительной степени от своего экспорта за границу. То, что было побочным фактором в ее довоенной экономике, который можно было почти игнорировать, станет

теперь преобладающим соображением. Куда направится весь этот экспорт, так чтобы не вызвать трений и конфликта, когда военное производство уступит место мирному производству? И как будут использованы миллионы возвращающихся на родину военнослужащих? Каждой воюющей стране придется столкнуться с этой проблемой, но нигде она не примет таких размеров, как в США. Огромные технические изменения поведут к очень серьезному перепроизводству, или к массовой безработице, или, возможно, и к тому и к другому. Безработица в сколько-нибудь широком масштабе вызовет острое недовольство, и, кроме того, она исключается политикой, которая была провозглашена правительством Соединенных Штатов. Вопросу о предоставлении работы возвращающимся солдатам и о предотвращении безработицы уже уделяется много внимания. Каков бы ни был внутренний аспект этой проблемы,— а он будет достаточно серьезен, если только не произойдет коренных изменений,— международный ее аспект не менее важен.

Как это ни странно, но в наше время характер экономики массового производства таков, что США, самая богатая и могущественная страна мира, становятся зависимыми от других стран, поглощающих их избыточную продукцию. В течение нескольких послевоенных лет в Европе, Китае и Индии будет большой спрос на машины и промышленные товары. Это сильно поможет Америке сбыть свои излишки. Но каждая страна быстро разовьет свои производственные мощности для удовлетворения собственных потребностей, и экспорт будет ограничиваться в основном специализированными товарами, которые не выпускаются другими странами. Потребление также будет ограничено покупательной способностью масс, а для того чтобы поднять ее, потребуются произвести серьезные изменения в экономике. Возможно, что при условии существенного повышения уровня жизни во всем мире мировая торговля и товарообмен будут процветать и увеличиваться. Но само это повышение требует устранения политических и экономических оков, связывающих производство и распределение в колониальных и отсталых странах. Это неизбежно ведет к большим изменениям, которые вызовут определенную дезорганизацию и переход к новым системам.

Экономика Англии основывалась в прошлом на широкой экспортной торговле, на капиталовложениях за границей, на финансовом руководстве лондонского Сити и на обширном морском судоходстве. До войны Англия ввозила почти 50 процентов необходимого ей продовольствия. Вероятно, сейчас благодаря энергичным мерам по увеличению производства продовольствия в метрополии эта зависимость от импорта меньше. Этот импорт продовольствия и сырья приходилось оплачивать экспортом промышленных товаров, капиталовложениями, доходами от судоходства, финансовыми услугами и так называемым

«невидимым» экспортом. Таким образом, внешняя торговля и в особенности большой объем экспорта были существенной и жизненно важной чертой английской экономики. Эта экономика поддерживалась посредством осуществления монопольного контроля в колониальных районах и специальных мероприятий внутри империи, направленных на поддержание известного равновесия. Этот монопольный контроль и эти мероприятия были весьма невыгодны колониям и зависимым территориям, и их вряд ли можно будет сохранить в старой форме. Капиталовложения Англии за границей исчезли и уступили место колоссальной задолженности, и руководящая финансовая роль Лондона также утрачена. Это означает, что в послевоенные годы Англия будет еще больше зависеть от своего экспорта и судоходства. Однако возможности увеличения экспорта или даже поддержания его на прежнем уровне строго ограничены.

Импорт Великобритании (за вычетом реэкспорта) в довоенные 1936—1938 годы составлял в среднем 866 миллионов фунтов стерлингов. Он оплачивался следующим образом:

Экспорт	478	миллионов	фунтов	стерл.
Доходы от зарубежных капиталовложений	203	»	»	»
Судоходство	105	»	»	»
Финансовые услуги . . .	40	»	»	»
Дефицит	40	»	»	»

866 миллионов фунтов стерл.

Вместо существенного дохода от капиталовложений за границей — впереди тяжелое бремя внешней задолженности, вызванной получением в долг товаров и услуг (не считая американского ленд-лиза) у Индии, Египта, Аргентины и других стран. Лорд Кейнс высчитал, что в конце войны замороженные стерлинговые кредиты достигнут 3 миллиардов фунтов стерлингов. Выплата процентов по этой задолженности составит 150 миллионов фунтов стерлингов в год из расчета 5 процентов годовых. Таким образом, если исходить из среднего довоенного уровня, Англия, возможно, будет иметь ежегодный дефицит, значительно превышающий 300 миллионов фунтов стерлингов. Если не покрыть его добавочными доходами от экспорта и различных услуг, это приведет к заметному снижению жизненного уровня.

Это представляется главным фактором в послевоенной политике Англии. Англия считает, что для поддержания своей экономики на нынешнем уровне ей нужно сохранить свою колониальную империю, допустив лишь неизбежные незначительные изменения. Она надеется, что сможет играть роль одной из ведущих держав мира и уравнивать политически и экономически огромные ресурсы двух гигантских держав — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза

лишь в том случае, если она займет положение господствующего партнера группы стран, колониальных и неколониальных. Отсюда — желание сохранить свою империю, удерживать то, что у нее есть, а также включить в свою сферу влияния новые территории, например Таиланд. Отсюда же стремление английской политики сблизиться с доминионами и с некоторыми малыми странами Западной Европы. Французы и голландцы в своей колониальной политике поддерживают в общем точку зрения англичан в отношении колоний и зависимых территорий. В сущности, нидерландская империя представляет собой во многих отношениях «империю-сателлита» и не могла бы существовать без Британской империи.

Эти тенденции английской политики легко понять, поскольку они основаны на прежних взглядах и нормах и определяются людьми, тесно связанными с прошлым. Тем не менее трудности, перед которыми стоит сейчас Англия в условиях устарелой экономики 19 века, очень велики. В конечном счете ее позиция является слабой, экономика не соответствует современным условиям, экономические ресурсы ограничены, а промышленная и военная мощь не может поддерживаться на прежнем уровне. Методы, предложенные для поддержания этой старой экономики, неустойчивы, ибо они ведут к непрекращающемуся конфликту, к утрате безопасности и к росту недовольства в зависимых странах, которые могут сделать будущее еще более опасным для Англии. Осуществление вполне понятного желания англичан не только не допустить снижения своего жизненного уровня, но и даже поднять его, ставится, таким образом, в зависимость от рынков для английского экспорта, защищенных протекционистскими тарифами, и от подконтрольных колониальных и других районов, которые служат источниками сырья и дешевого продовольствия. Это означает, что жизненный уровень англичан будет поддерживаться даже ценой обречения на полуголодное существование сотен миллионов людей в Азии и Африке. Никто не хочет снижать жизненный уровень англичан, но ясно, что народы Азии и Африки никогда не согласятся на поддержание этой колониальной экономики, которая обрекает их на существование, недостойное человека. Считается, что ежегодная покупательная способность составляла в Англии (до войны) 37 фунтов стерлингов на душу населения (в США она была гораздо выше); в Индии она составляла менее 6 фунтов стерлингов. Эта огромная разница недопустима, и, в сущности, уменьшающиеся доходы от колониальной экономики в конечном счете неблагоприятно сказываются даже на господствующей державе. В США это хорошо понимают, и этим объясняется их желание поднять покупательную способность колониальных народов с помощью индустриализации и самоуправления. Даже в Англии сознают в какой-то степени необходимость индустриализации Индии, а голод в

Бенгалии заставил многих мучительно призадуматься над этим вопросом. Но английская политика направлена к тому, чтобы промышленное развитие Индии проходило только под английским контролем, обеспечивающим привилегированное положение английской промышленности. Индустриализация Индии, как и индустриализация других стран Азии, должна неизбежно осуществиться; вопрос заключается лишь в темпах. Но весьма сомнительно, чтобы ее можно было увязать с какой-либо формой колониальной экономики или с иностранным контролем.

В настоящее время Британская империя, конечно, не является географически единым целым. Не представляет она собой эффективное единое целое также с экономической и военной точек зрения. Ее единство — единство историческое и эмоциональное. Эмоции и старые узы все еще имеют значение, но в конечном счете они вряд ли возобладают над другими, более важными соображениями. Но даже и эти эмоции свойственны лишь определенным районам, население которых родственно народу Англии. Это, несомненно, не относится к Индии или к остальной части зависимой колониальной империи, где положение как раз обратное. Это не относится даже к Южной Африке, поскольку дело касается буров. В основных доминионах происходят незаметные изменения, которые ослабляют их традиционные связи с Англией. Канада, промышленность которой сильно выросла за время войны, является значительной державой, тесно связанной с США. Она обладает развитой и расширяющейся экономикой, которая в некоторых отношениях будет помехой для английской промышленности. Австралия и Новая Зеландия, экономика которых также расширяется, сознают, что они находятся не в европейской орбите Великобритании, а в азиатско-американской орбите Тихого океана, где господствующая роль будет, вероятно, принадлежать Соединенным Штатам. В культурном отношении как Канада, так и Австралия все более тяготеют к США.

Колониальные воззрения англичан не отвечают в настоящее время политике и экспансионистским тенденциям американцев. Соединенные Штаты хотят открытых рынков для своего экспорта и неодобрительно смотрят на попытки других держав ограничивать или контролировать эти рынки. Они хотят быстрой индустриализации стран Азии с их многомиллионным населением и более высокого уровня жизни повсюду не из сентиментальных соображений, а для того, чтобы иметь возможность сбывать свою избыточную продукцию. Трения между Америкой и Англией в области экспорта и судоходства, видимо, неизбежны. Стремление Америки установить мировое превосходство в воздухе, для чего у нее сейчас имеется более чем достаточно ресурсов, вызывает недовольство в Англии. Америка, вероятно, стоит за независимость Таиланда, тогда как Англия предпочла бы сделать его полуколонией. Этот противоречивый

подход, основанный в каждом случае на характере экономики, которую стремятся создать в той или иной стране, характерен для всей колониальной системы.

Цель английской политики — теснее сплотить Содружество наций и империю — понятна, если учесть те особые обстоятельства, в которых находится сейчас Англия. Но против этого говорит логика фактов и тенденций, наблюдающихся в мире, а также рост национализма в доминионах и разрушительные тенденции в колониальной империи. Попытка строить на старом фундаменте, мыслить понятиями минувшего века, мечтать и говорить об империи и монополии, раскинувшихся по всему земному шару, является для Англии даже еще более неразумной и близорукой политикой, чем для некоторых других стран. Ибо бóльшая часть тех причин, которые делали ее господствующей нацией в политическом, промышленном и финансовом отношениях, ныне уже не существует. Тем не менее Англия сейчас, как и в прошлом, отличается замечательными качествами: мужеством, самообладанием, научными и творческими талантами и способностью приспосабливаться. Эти и другие ее качества во многом обеспечивают величие нации и помогают ей преодолевать стоящие перед ней опасности и угрозы. Поэтому ей, возможно, удастся решить свои насущные и неотложные проблемы, перейдя к иной, более уравновешенной экономической системе. Но она вряд ли преуспее в этом, если будет пытаться продолжать, как в прошлом, цепляться за имперские владения и опираться на их поддержку.

Многое будет неизбежно зависеть от американской и советской политики и от степени согласованности или разлада между ними и Англией. Все громко говорят о том, что Большой тройке необходимо действовать согласованно в интересах всеобщего мира и сотрудничества, однако разногласия и трения проглядывают на каждом шагу, даже в ходе войны. Что бы ни уготовило нам будущее, ясно, что после войны экономика США будет крайне экспансионистской и чуть ли не чреватой взрывом. Приведет ли это к империализму нового рода? Это было бы новой трагедией, ибо Америка обладает силой и возможностями играть ведущую роль в будущем.

Будущая политика Советского Союза пока что окутана тайной, хотя кое-что проявляется уже и сейчас. Он стремится иметь вблизи своих границ как можно больше дружественных и зависимых или полузависимых стран. Сотрудничая с другими державами в интересах создания всемирной организации, он в то же время больше полагается на увеличение своей собственной мощи до степени неуязвимости. Так, вероятно, поступают, насколько могут, и другие страны. Это нельзя назвать обнадеживающей прелюдией к мировому сотрудничеству. Между Советским Союзом и другими странами нет такой борьбы за экспортные рынки как между Англией и США. Но зато разногласия

глубже, соответственные точки зрения отстоят дальше друг от друга, а взаимные подозрения не рассеялись даже в результате совместных усилий в войне. Если эти разногласия возрастут, США и Англия будут добиваться взаимного сотрудничества и поддержки против группы наций во главе с СССР.

Каково же положение в этой связи сотен миллионов жителей Азии и Африки? Они все острее осознают свое положение и свою судьбу и в то же время отдают себе отчет в положении в остальном мире. Многие из них с интересом следят за мировыми событиями. Они неизбежно подходят ко всем действиям, ко всем событиям со следующей меркой: способствует ли это нашему освобождению? Кладет ли это конец господству одной страны над другой? Позволит ли это нам жить по своему выбору в сотрудничестве с другими? Принесет ли это равенство и равные возможности нациям, а также группам внутри каждой нации? Сулит ли это скорую ликвидацию нужды и неграмотности и улучшение условий жизни? Они националисты, но этот национализм не ищет господства над другими и не стремится вмешиваться в их дела. Они приветствуют всякие попытки установить всемирное сотрудничество и международный порядок, но они спрашивают себя и подозревают, не является ли это новым методом сохранения старого господства. Обширные районы Африки и Азии населены пробудившимися, недовольными, волнуемыми людьми, не желающими терпеть больше существующее положение. Условия и проблемы сильно разнятся между собой в различных странах Азии, но через весь этот обширный район, Китай, Индию, Юго-Восточную Азию, Западную Азию, и арабский мир проходят общие эмоциональные нити и незримые узы, которые связывают их воедино.

На протяжении более тысячи лет, в то время как Европа была отсталой или переживала мрачные времена, Азия представляла передовой дух человечества. Век за веком там процветала блестящая культура и вырастали крупные центры цивилизации и могущества. Около пятисот лет назад Европа возродилась и постепенно начала распространяться на восток и запад, пока наконец не стала господствующим континентом мира по своему могуществу, богатству и культуре. Есть ли какая-либо цикличность в этих изменениях и не происходит ли сейчас обратный процесс? Несомненно, сила и власть переместились сейчас к Америке, к крайнему западу и к Восточной Европе, которая вряд ли была органической частью европейского наследия. На Востоке, в Сибири, также наблюдается колоссальный рост, и другие страны Востока тоже созрели для изменений и быстрого прогресса. Возникнет ли в будущем конфликт, или установится новое равновесие между Востоком и Западом?

Ответ на это может дать лишь отдаленное будущее, и мало пользы заглядывать так далеко вперед. Сейчас нам приходится нести бремя настоящего и решать много неприятных проблем.

В Индии, как и во многих других странах, за этими проблемами стоит реальный вопрос, который заключается не только в установлении демократии типа европейской демократии 19 века, но и в совершении глубокой социальной революции. Демократия сама связана теперь с этими, видимо, неизбежными изменениями, и поэтому среди тех, кто не одобряет их, возникают сомнения в осуществимости демократии, и это ведет к фашистским тенденциям и к сохранению империалистических воззрений. Все наши современные проблемы в Индии — религиозно-общинная проблема или проблема меньшинств, проблемы индийских князей, материальной заинтересованности религиозных групп и крупных землевладельцев и глубоких интересов английской власти и промышленников в Индии — в конечном счете воплощаются в сопротивлении социальным изменениям. А поскольку всякая подлинная демократия, вероятно, приведет к такого рода изменениям, сама демократия также вызывает возражения и считается не отвечающей специфическим условиям Индии. Таким образом, проблемы Индии, при всем их кажущемся разнообразии и отличии от других, по своей природе ничем не отличаются от вынесенных войной на поверхность проблем Китая, Испании и многих других стран Европы и других районов. Многие европейские движения сопротивления отражают эти конфликты. Повсюду бывшее равновесие социальных сил нарушено, и до тех пор пока не будет установлено новое равновесие, неизбежны напряженность, смятение и конфликт. Эти проблемы настоящего момента подводят нас к одной из центральных проблем нашего времени: как сочетать демократию с социализмом, как сохранить свободу личности и инициативу и в то же время осуществлять централизованный общественный контроль и планирование народного хозяйства и в национальном и в международном плане?

СВОБОДА И ИМПЕРИЯ

США и Советскому Союзу суждено, видимо, сыграть в будущем жизненно важную роль. Они разнятся между собой так, как только могут разниться две передовые страны, и даже недостатки их диаметрально противоположны. В США налицо все дурные стороны чисто политической демократии, а в СССР мы видим дурные последствия недостатка политической демократии. И все же у них много общего: динамические воззрения и огромные ресурсы, социальная гибкость, отсутствие средневековых традиций, вера в науку и ее применение, распространное образование и широкие возможности для народа. В Америке, несмотря на огромные различия в доходах, нет неизменных классов, которые имеются в большинстве стран, и наблюдается чувство равенства. В России важнейшим событием последних двадцати лет являются колоссальные достижения

масс в области просвещения и культуры. Таким образом, в обеих странах имеется основа для создания прогрессивного демократического общества, ибо такое общество не может опираться на власть маленькой образованной элиты над невежественным и апатичным народом. Точно так же подобная элита не может долго господствовать над просвещенным и культурным народом.

Сто лет назад Токвиль, говоря об американцах своего времени, сказал: «Если, с одной стороны, демократический принцип не побуждает людей заниматься наукой ради науки, то, с другой стороны, он колоссально увеличивает число людей, которые занимаются наукой... Постоянное неравенство состояний побуждает людей ограничиваться далекими от жизни и бесплодными исследованиями абстрактных истин, в то время как при демократии социальные условия и институты толкают к поискам непосредственных и полезных практических результатов науки. Эта тенденция естественна и неизбежна». С тех пор Америка развилась, изменилась и стала конгломератом многих национальностей, но основные ее характерные черты сохраняются и поныне.

У американцев и русских есть еще одна общая черта: им не приходится нести тяжкое бремя прошлого, которое угнетало Азию и Европу и обусловило в большой мере их деятельность и конфликты. Конечно, они, как и все мы, не могут избежать страшного бремени нынешнего поколения. Но по сравнению с другими народами у них более ясное прошлое, и они в меньшей степени обременены, вступая в будущее.

В результате в их отношениях с другими народами отсутствует то взаимное недоверие, которое всегда сопутствует отношениям упрочившихся империалистических государств с другими странами. Это не означает, что прошлое их ничем не запятнано и свободно от подозрений. У американцев имеется негритянский вопрос, который служит для них вечным укором при всех их заявлениях о демократии и равенстве. Русским еще предстоит стереть в Восточной Европе воспоминание о прошлой ненависти, а нынешняя война усугубляет эту ненависть. Все же американцы легко приобретают друзей в других странах, а русским почти совершенно не свойственен расизм.

Большинство европейских стран исполнено взаимной ненависти, воспоминаний о прошлых конфликтах и несправедливости. Империалистические державы неизбежно усугубляли эту нелюбовь к ним со стороны народов, над которыми они властвовали. Долгая история империалистического владычества Англии делает ее бремя особенно тяжелым. В силу этого или в силу расовых особенностей англичане сдержанны, замкнуты и не легко обретают друзей. За границей о них, к несчастью, судят по их официальным представителям, которые редко бывают знаменосцами либерализма и культуры и часто сочетают снобизм

с показным благочестием. Эти чиновники обладают особым даром вызывать к себе ненависть других людей. Несколько месяцев назад один из секретарей правительства Индии написал Ганди (находящемуся сейчас в заключении) официальное письмо, которое являет собой образец намеренной наглости и которое очень многие рассматривают как оскорбление, сознательно нанесенное индийскому народу, ибо Ганди является символом Индии.

Что же ждет нас в будущем: новая эра империализма, эпоха международного сотрудничества или же всемирное содружество наций? Чаша весов склоняется к первому, и вновь повторяются старые доводы, однако уже без былой искренности. Нравственные запросы человечества и принесенные им жертвы используются в низменных целях, и правители эксплуатируют доброту и благородство человека в дурных целях, используют страх, ненависть и преступное честолюбие людей. В древности об империи говорили более откровенно. Вот что писал Фукидид об Афинской империи: «Мы не утверждаем, что имеем право на нашу империю потому, что своими руками сокрушили варваров, или потому, что мы рисковали своей жизнью ради зависимых от нас стран и во имя цивилизации. Государства, как и людей, нельзя порицать за то, что они заботятся о собственной безопасности. Если мы находимся здесь, на Сицилии, то это в интересах нашей собственной безопасности... Страх вынуждает нас цепляться за нашу империю в Греции и страх гонит нас сюда, чтобы с помощью наших друзей навести порядок на Сицилии». В другом месте, касаясь дани, уплачиваемой афинскими колониями, он пишет: «Может показаться, что получать ее безнравственно, но, несомненно, было бы безумием упускать ее».

История Афин изобилует примерами несовместимости демократии с империей, примерами тиранической власти демократического государства над его колониями и быстрого упадка и падения этой империи. Ни один поборник свободы и империи не изложил свои доводы столь ясно и красноречиво, как Фукидид: «Мы — руководители цивилизации, пионеры человечества. Наше общество и общение с нами — высшее благо, какое только может даровать человек. Быть в орбите нашего влияния — это не зависимость, а привилегия. Никакими богатствами Востока нельзя оплатить даруемых нами благ. Поэтому мы можем спокойно продолжать свое дело, используя притекающие к нам средства и деньги в уверенности, что при всех обстоятельствах мы все же останемся кредиторами. Ибо усилиями и страданиями на многих полях брани мы обрели секрет человеческого могущества, который является и секретом счастья. Люди называли его многими именами. Но мы одни научились распознавать его и пользоваться им у себя в городе. Имя, под которым мы знаем его, — это свобода, ибо он научил нас, что служить — значит

быть свободными. Не задумываетесь ли вы над тем, почему из всех людей мы одни оказываем благодеяния, движимые не своекорыстными интересами, а бесстрашной уверенностью, даруемой свободой?»

Все это звучит довольно знакомо в наши дни, когда свобода и демократия провозглашаются столь громогласно и в то же время доступны лишь немногим. В этом кроется истина и отрицание истины. Фукидид мало что знал об остальном человечестве, и его кругозор ограничивался средиземноморскими странами. Горлясь свободой своего славного города, восхваляя эту свободу как секрет счастья и человеческого могущества, он все же не признавал, что другие также жаждут свободы. Свободолюбивые Афины разграбили и разрушили Мелос, истребили там всех взрослых мужчин и продали в рабство женщин и детей. Даже в то время, когда Фукидид писал об империи и свободе Афин, эта империя рушилась, а свободы уже не было.

Свобода не может долгое время сочетаться с господством и рабством. Одно одолевает другое, и лишь короткий срок отделяет величие и славу империи от ее падения. В настоящее время гораздо в большей степени, чем когда-либо раньше, верно положение о том, что свобода неделима. За блестящим дифирамбом Перикла своему любимому городу последовало вскоре падение этого города и занятие Акрополя спартанскими воинами. И все же слова Перикла трогают нас, так как они проникнуты любовью к красоте, мудрости, свободе и мужеству, они трогают нас не только как слова, относящиеся к Афинам времен Перикла, но и в их более широком, мировом значении: «Мы любим красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности; мы пользуемся богатством как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах, и сознаваться в бедности у нас не постыдно, напротив, гораздо позорнее не выбиваться из нее трудом... Не обращайтесь внимания на то, что вы слушаете теперь только речи о преимуществах мужества... Напротив, вы обязаны ежедневно на деле взирать на могущество государства и полюбить его, и, если оно покажется вам великим, имейте в виду, что его стяжали люди отвагою, умением принимать надлежащие меры, люди, руководившиеся в сражениях чувством чести. Если в предприятиях и они терпели в чем-нибудь неудачу, они не считали позволительным лишать государство своей доблести и приносили в жертву ему прекраснейший взнос. Они отдавали ради общего дела свою жизнь, и за то для себя лично они стяжали нестареющую похвалу и почетнейшую могилу, не столько эту, в которой они покоятся теперь, сколько ту, где слава их остается незабвенной, именно в каждом слове, в каждом деянии потомков. Могилою знаменитых людей служит вся земля, и о них свидетельствуют не только надписи на стелах в родной стране. Не столько о самих подвигах, сколько о мужестве незаписанное воспоминание

вечно живет в каждом человеке и не в родной его земле. Сорвните этим войнам, считайте счастьем свободу, а свободой мужество, и потому не озирайтесь перед военными опасностями»¹.

ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ.

СНИЖЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И УПАДОК НАЦИИ

Пять лет войны привели к огромным изменениям в составе населения различных стран и к перемещению его в таких грандиозных масштабах, каких не знала, пожалуй, ни одна прошлая историческая эпоха. Не говоря уже о десятках миллионов жертв войны, особенно в Китае, России, Польше и Германии, массы людей были оторваны от своих домов и от родины. Военные нужды, спрос на рабочую силу, насильственные эвакуации,— все здесь сыграло свою роль. Нужно помнить также о толпах беженцев, спасавшихся от вторгшихся вражеских армий. Проблема беженцев в Европе в результате политики нацистов приобрела поистине грозные масштабы еще до войны. Однако все это не могло идти ни в какое сравнение с тем, что произошло во время войны. Перемены, совершившиеся в Европе, представляют собой не только прямое следствие войны. Они являются в основном результатом демографической политики, проводившейся сознательно нацистами. Нацисты убили, по всей вероятности, миллионы евреев и произвели резкие изменения в составе и размещении населения многих оккупированных ими стран. В Советском Союзе несколько миллионов человек переместилось на восток. Они создали за Уралом новые поселения, которые, по всей вероятности, останутся навсегда. В Китае около 50 миллионов человек оказались вырванными с корнем из своей родной почвы.

Нет сомнений в том, что будут предприняты попытки репатриировать этих людей и оказать им помощь — вернее, тем из них, кто уцелеет после войны. Однако задача эта невероятно сложна. Многие вернутся к себе домой, многие, быть может, предпочтут остаться на новом месте. С другой стороны, представляется также вероятным, что в результате политических перемен в Европе будут происходить дальнейшие перемещения и обмен населением.

Но гораздо более глубокими и чреватými серьезными последствиями являются иные, отчасти физиологические и биологические перемены, которые быстро оказывают свое действие на население мира. Промышленный переворот и распространение современной техники привели к быстрому росту населения в Европе, особенно в Северо-Западной и Центральной

¹ Ф у к и д и д, История, том 1.

Европе. Когда же эта техника продвинулась на восток, в Советский Союз, то благодаря новому экономическому строю и действию других факторов в этих районах наблюдался еще более поразительный рост населения. Это продвижение техники на восток, сопровождающееся прогрессом в области просвещения, санитарии и народного здравоохранения, продолжается и должно затронуть многие страны Азии. Некоторые из этих стран, как, например, Индия, не только не нуждаются в росте населения, но были бы в лучшем положении, если бы жителей у них было поменьше.

Между тем в Западной Европе наблюдается обратный процесс в движении населения и проблема снижения рождаемости приобретает все более серьезное значение.

Эта тенденция распространена, повидимому, весьма широко. Ею затронута большинство стран мира, за исключением таких стран, как Китай, Индия, Ява и СССР. Особенно ярко она проявляется в промышленно развитых странах. Население Франции перестало расти уже много лет назад и теперь постепенно сокращается. В Англии неуклонное снижение рождаемости наблюдается с восьмидесятых годов прошлого века, и в настоящее время рождаемость в этой стране является самой низкой в Европе, если не считать Францию. Старания Гитлера и Муссолини повысить рождаемость в Германии и Италии принесли лишь временные результаты. В Северной, Западной и Центральной Европе сокращение прироста населения более заметно, чем в Южной и Восточной Европе (исключая СССР), но подобные же тенденции наблюдаются и во всех этих районах. Судя по нынешним показателям, Европа (без России) достигнет максимальной численности населения около 1955 года, после чего население ее начнет сокращаться. Это не имеет никакого отношения к военным потерям, которые лишь усугубят эту тенденцию к спаду.

С другой стороны, в Советском Союзе население продолжает увеличиваться и численность его к 1970 году, по всей вероятности, превысит 250 миллионов. Сюда не включаются какие-либо пополнения, могущие явиться результатом территориальных изменений, вызванных войной. Этот рост населения наряду с прогрессом в технике и иных областях неизбежно превратит его в господствующую державу Европы и Азии. В Азии многое зависит от промышленного развития Китая и Индии. Огромное население этих стран является для них бременем и источником слабости, если только не удастся надлежащим образом организовать его и сделать производительным. В Европе для великих колониальных держав прошлого, очевидно, уже миновал этап экспансии и агрессии. Их экономическая и политическая организация, умение и способности их народов еще могут обеспечивать им видное место на международной арене, но они все в меньшей степени будут играть роль великих держав, если только не будут действовать коллективно. «Едва ли какое-либо

государство Северо-Западной или Центральной Европы снова станет угрожать миру. Германия, подобно своим западным соседям, уже прошла тот период, когда она могла бы стать господствующей державой мира, ввиду распространения технической цивилизации среди народов, которые растут быстрее»¹.

Многие народы и государства Запада обязаны своей мощью техническому и промышленному прогрессу, и весьма мало вероятно, чтобы этот источник силы оставался монополией нескольких государств. Ввиду этого политическое и экономическое господство Европы над обширными районами мира неизбежно должно быстро идти на убыль. Европа перестанет быть нервным центром евразийского континента и Африки. В силу этой важнейшей причины старые европейские державы в своих помыслах и действиях будут больше придерживаться принципов мира и международного сотрудничества и по мере возможности избегать войны. Когда агрессия почти неизбежно ведет к катастрофе, она перестает казаться привлекательной. Однако мировые державы, которые все еще играют господствующую роль, не ощущают такого стремления к сотрудничеству с другими державами, если только их не толкает к этому моральный стимул, который очень редко уживается с силой.

Каковы же причины этого широко распространенного явления — снижения рождаемости? Известную роль здесь могло сыграть растущее применение противозачаточных средств и стремление иметь небольшую упорядоченную семью, однако, по всеобщему признанию, ни то, ни другое не имело особенно большого значения. В Ирландии, которая является католической страной и где противозачаточные средства, повидимому, применяются мало, снижение рождаемости началось раньше, чем в других странах. По всей вероятности, одной из причин являются все более поздние браки на Западе. Некоторое влияние могут оказывать также экономические факторы, однако даже они едва ли имеют существенное значение. Общеизвестно, что среди бедняков рождаемость, как правило, выше, чем среди богатых классов, и что она точно так же выше в сельских районах, чем в городских. Небольшая группа может поддерживать более высокий уровень жизни, а рост индивидуализма уменьшает значение группы и рода. Профессор Дж. Б. С. Холдейн указывает, что в подавляющем большинстве цивилизованных обществ рождаемость среди людей, принадлежащих к тому типу, который в данном обществе считается высшим, как правило, ниже, чем среди остального населения. Ввиду этого такие общества, повидимому, являются биологически неустойчивыми. Большие семьи часто ассоциируются с низким уровнем

¹ Статья Фрэнка У. Нотстейна «Population and Power in Post-war Europe», опубликованная в апрельском номере американского журнала «Форин афферс» за 1944 год. (МБТ опубликовало в 1943 году труд Е. М. Кулишера «The Displacement of Population in Europe».)

умственного развития. Рост в экономической сфере также считается чем-то противоположным биологическому росту.

Повидимому, мы мало что знаем об основных причинах снижения рождаемости, хотя для объяснения этого явления выдвигается множество второстепенных причин. Вполне возможно, однако, что оно вызывается определенными физиологическими и биологическими факторами — особенностями жизни, которую ведут индустриализированные общества, обстановкой, в которой они живут. Недостаточное питание, алкоголизм, расстройство нервной системы или слабое здоровье вообще, как душевное, так и физическое, сказываются на способности к деторождению. И тем не менее терзаемые болезнями, плохо питающиеся люди, как, например, в Индии, продолжают размножаться с невероятной быстротой. Быть может, напряжение современной жизни, непрерывная конкуренция и волнения снижают плодovitость. Важную роль, вероятно, играет отрыв от земли, дарующей жизнь. Даже в Америке рождаемость среди сельскохозяйственных рабочих более чем вдвое превышает рождаемость среди других слоев населения.

Повидимому, тот тип современной цивилизации, который сложился первоначально на Западе, а затем распространился повсюду, в особенности же городская жизнь, составляющая главную ее черту, порождает неустойчивое общество, которое постепенно утрачивает свою жизнеспособность. Жизнь во многих отношениях совершенствуется, но в то же самое время она вырождается, становится более искусственной и мало-помалу угасает. Требуется все больше и больше возбуждающих средств — наркотики для сна или возбудители других видов естественной деятельности, блюда и напитки, щекочущие вкус и приносящие минутное удовольствие ценою общего ослабления организма, специальные ухищрения, позволяющие нам ощутить мимолетное наслаждение и волнение. А вслед за возбуждением наступает реакция и приходит ощущение опустошенности. Мы создали цивилизацию, которая при всей своей блестящей внешности и истинных достижениях содержит в себе какую-то фальшь. Мы едим «эрзацы», приготовленные из продуктов, выращенных с помощью эрзац-удобрений, мы предаемся эрзац-эмоциям, и наши отношения с другими людьми, как правило, отличаются поверхностностью. Один из символов нашего века — это крикливая реклама, непрерывно пытающаяся обмануть нас, притупить наши мыслительные способности и заставить купить ненужные и даже вредные товары. Я не возлагаю на других вины за существующее положение вещей. Все мы являемся продуктом этой эпохи с некоторыми характерными особенностями, присущими нашему поколению, и все мы в равной мере должны делить как похвалу, так и порицание. Я, разумеется, являюсь сыном этой цивилизации, которую я в одно и то же время ценю и критикую точно в такой же мере,

как и всякий другой, и мои привычки и образ мыслей определяются ею.

В чем же болезнь современной цивилизации, с ее характерными признаками — бесплодием и вырождением? Ведь в этом нет ничего нового, это уже бывало раньше, и история полна примеров подобного рода. В Римской империи в пору ее упадка дело обстояло гораздо хуже. Подчинен ли этот внутренний упадок какому-то циклу, можем ли мы вскрыть его причины и устранить их? Современная индустриализация и капиталистический строй общества не могут являться единственными причинами, ибо вырождение часто наблюдалось и при отсутствии их. Однако вполне вероятно, что в своей нынешней форме они создают условия, физический и моральный климат, благоприятствующие проявлению этих причин. Если основная причина представляет собой нечто духовное, что-то такое, что затрагивает ум и душу человека, то вскрыть ее весьма трудно, хотя мы и можем попытаться понять ее или постигнуть интуитивно. Один факт, однако, представляется несомненным, а именно, что отрыв от почвы, от земли вреден и для индивидуума и для всего народа в целом. Земля и солнце — это источники жизни, и если мы долгое время держимся вдали от них, жизнь начинает угасать. Люди современного индустриализированного общества утратили связь с землей, и они не знают той радости, которую дает природа, и того великолепного ощущения здоровья, которое рождается при соприкосновении с матерью-землей. Они болтают о красоте природы и иногда, в конце недели, отправляются на поиски ее, засоряя местность продуктами своей собственной искусственной жизни, но они не могут общаться с природой или чувствовать себя частью ее. Для них это нечто такое, чем надо полюбоваться, потому что так велено, чтобы потом со вздохом облегчения возвратиться в обычное свое обиталище, подобно тому как они могли бы попытаться восхищаться каким-нибудь классиком — поэтом или писателем, а затем, устав от этой попытки, вернулись бы к своим излюбленным романам или детективам, не требующим никакого умственного напряжения. Они не являются, подобно древним грекам или индийцам, детьми природы, — это отщепенцы, являющиеся как незванные гости к едва знакомому дальнему родственнику. Потому богатство жизни природы и ее бесконечное разнообразие не приносят им той радости и того напряженного ощущения жизни, которое так естественно ощущали наши предки. Надо ли удивляться тому, что и природа обращается с ними как с нелюбимыми пасынками?

Мы не можем вернуться к старому пантеистическому мировоззрению, но, быть может, мы все-таки еще способны понять загадку природы, внимать песне жизни и красоты и черпать в ней жизненную силу. Эта песня раздается не в каких-нибудь избранных местах, ее можно слышать, если только захотеть,

почти повсюду. Однако есть такие места, где она чарует даже тех, кто не подготовлен к ее восприятию, напоминая глубокий звук отдаленного и мощного органа. К числу таких особых мест относится Кашмир, где царит красота, незаметно пленяющая вас своими чарами. Французский ученый М. Фуше писал о Кашмире: «Я позволю себе пойти еще дальше и сказать, что, по моему мнению, является истинной причиной этого особого очарования Кашмира, очарования, которое ощущает каждый, даже те, кто не пытается анализировать его причины. Оно не может объясняться только его великолепными лесами, чистотой и прозрачностью его озер, величием его снежных горных вершин или веселым журчаньем его бесчисленных ручейков, раздающимся в прохладном ласкающем воздухе. Не могут быть единственной причиной этого очарования также красота и величие его древних строений, хотя развалины Мартанда возвышаются на Карева так же гордо, как какой-нибудь греческий храм на мысу, а небольшая гробница Паяра, сооруженная из десяти камней, обладает совершенными пропорциями памятников Лизикрата. Нельзя сказать даже, что оно порождается сочетанием искусства и ландшафта, ибо прекрасные здания в окружении романтического пейзажа можно найти и во многих других странах. Но в одном только Кашмире эти два рода красоты окружены природой, все еще исполненной духа таинственной жизни, умеющей нашептывать нам и волновать языческие глубины нашего существа, заставляя тем самым нас, сознательно или бессознательно, возвращаться к тем оплакиваемым поэтом былым временам, когда мир был молод, когда

Le ciel sur la terre

Marchait et respirait dans un peuple de dieux¹.

Цель моя, однако, состоит не в том, чтобы превозносить Кашмир, хотя мое пристрастие к нему подчас заставляет меня уклоняться в сторону, и не в том также, чтобы отстаивать пантеизм, хотя я в достаточной степени язычник, чтобы считать некоторый налет язычества полезным для тела и души. Я действительно думаю, что жизнь, совершенно оторванная от земли, в конце концов зачахнет. Конечно, такой полный отрыв случается редко, и различные процессы в природе протекают неторопливо. Однако слабость современной цивилизации заключается в том, что она все больше порывает с элементами, дарующими жизнь. Конкурентная борьба и стяжательство, характерные для современного капиталистического общества, преклонение перед богатством, постоянное напряжение и отсутствие у многих чувства уверенности усугубляют болезни духа и

¹ Небо нисходило на землю

И жило в богоподобном народе.

«L'art greco-bouddhique du Gandhara».

расстраивают нервную систему. Более здоровый и упорядоченный экономический строй улучшил бы положение. Однако и при этих условиях необходимо поддерживать более тесную и живую связь с землей и природой. Это не означает возврата к примитивному укладу жизни. Такое лекарство могло бы оказаться хуже самой болезни. Следует организовать современную промышленность таким образом, чтобы люди, по мере возможности, сохраняли связь с землей, а также поднять культурный уровень сельских районов. Что касается радостей жизни, деревня и город должны сблизиться, чтобы как тут, так и там имелись все возможности для физического и духовного развития и для полной многогранной жизни.

Я почти не сомневаюсь в том, что это осуществимо, если только люди захотят этого. В настоящее время незаметно, чтобы такое желание было широко распространено, и наша энергия расходуется (помимо уничтожения друг друга) на производство эрзац-продуктов и на эрзац-развлечения. Большинство из них не вызывает у меня серьезных возражений, а некоторые я даже положительно нахожу желательными, но они поглощают время, которое могло бы быть употреблено с большей пользой, и представляют жизнь в ложной перспективе. Искусственные удобрения пользуются в наше время большим спросом, и я полагаю, что они по-своему приносят пользу. Но мне кажется странным, что, восхищаясь искусственным продуктом, люди забывают о естественных удобрениях и даже расточают и выбрасывают их. У одного только Китая хватило здравого смысла полностью использовать природный продукт. Некоторые специалисты утверждают, что искусственные удобрения, хотя они и дают быстрые результаты, истощают почву, лишая ее некоторых важных веществ, в результате чего земля становится все более бесплодной. С землей мы поступаем так же, как и со своей собственной жизнью: слишком часто мы жжем свечу с обоих концов. С невероятной скоростью мы отнимаем у земли ее богатства и очень мало, а то и совсем ничего не даем ей взамен.

Мы гордимся ростом нашего умения производить в химической лаборатории почти все что угодно. Из века пара мы перешли в век электричества, а ныне живем в веке биотехники и электроники. Впереди вырисовывается век социологии, которая, как мы надеемся, разрешит многие сокровенные проблемы, столь сильно нас волнующие. Нам говорят также, что мы находимся на пороге века магния и алюминия и что, поскольку оба эти металла имеются повсюду и в огромном изобилии, никто не будет ощущать в них недостатка. Новая химия создает для человечества новую жизнь. Мы, повидимому, находимся в преддверье колоссального увеличения энергетических ресурсов человечества, и в ближайшее время нас ждут всякого рода эпохальные открытия.

Все это весьма утешительно, и все же в душу мою закрадывается сомнение. Мы страдаем не от недостатка сил, а от злоупотребления теми силами, которыми мы обладаем, или от неправильного использования их. Наука дает нам силу, но остается формальной, не имеет цели, почти не интересуется тем, как мы используем знания, предоставленные ею в наше распоряжение. Она может одерживать все новые успехи, но если она будет слишком игнорировать природу, природа может коварно ей отомстить. Хотя и кажется, что во внешних своих проявлениях жизнь развивается, внутренне она может угасать из-за отсутствия чего-то такого, что еще не открыто наукой.

НОВЫЙ ПОДХОД К СТАРОЙ ПРОБЛЕМЕ

Современные люди, вернее лучшие их представители, по природе своей практичны и прагматичны, альтруистичны и гуманны. Они проникнуты этическими и социальными принципами и руководствуются практическим идеализмом, целью которого является совершенствование социального строя. Вдохновляющие их идеалы являются выражением духа эпохи, «zeitgeist», юга-дхарма. Они в значительной мере отказались от философского подхода древних, от их поисков изначальной сущности, а также от набожности и мистицизма эпохи средневековья. Их богом является человечество, их религией — служение обществу. Такого рода концепция, быть может, несовершенна, ибо человеческое сознание в любую эпоху было ограничено окружающими условиями, и каждая эпоха видела в той или иной частичной истине ключ ко всякой истине вообще. Каждое поколение и каждый народ питают иллюзию, что их точка зрения на вещи является единственно правильной или, во всяком случае, приближается к единственно правильной. Всякая культура обладает своими определенными ценностями, ограниченными и обусловленными этой культурой. Народ, воспитанный в духе этой культуры, принимает эти ценности как нечто само собой разумеющееся и приписывает им непреходящее значение. Таким образом, может оказаться, что ценности нашей сегодняшней культуры не являются вечными и непрерываемыми, и все же они имеют для нас существенное значение, ибо в них находят свое отражение идеи и дух времени, в котором мы живем. Некоторые провидцы и гении, взоры которых обращены в будущее, быть может, имеют более полное представление о человечестве и о вселенной; они скроены из того ценнейшего материала, который является источником всякого истинного прогресса. Огромное большинство людей не поспевает даже осмыслить ценности сегодняшнего дня, хотя могут говорить о них на современном жаргоне, и живут в плену прошлого.

Нам поэтому приходится руководствоваться в своих действиях высшими идеалами эпохи, в которую мы живем, хотя мы можем

добавлять к ним что-то свое и пытаться облечь их в форму, соответствующую нашему национальному духу. Эти идеалы можно разбить на две группы: гуманизм и научный дух. Между ними издавна существовал открытый конфликт, но совершающийся сегодня великий переворот в мышлении, в результате которого все ценности ставятся под сомнение, уничтожает бывшие границы между этими двумя подходами, так же как и между внешним миром науки и внутренним миром самосозерцания. Гуманизм и научный дух все более сливаются, порождая своего рода научный гуманизм. Наука, оставаясь приверженной фактам, также находится на пороге проникновения в иные сферы; по крайней мере, она перестала презрительно отрицать их существование. Наши пять чувств и то, что они способны воспринять, явно не исчерпывают вселенную. За последние двадцать пять лет в представлениях ученых о физическом мире произошли глубокие изменения. Наука обычно рассматривала природу как нечто почти не связанное с человеком. Теперь же, по утверждению Джемса Джинса, суть науки состоит в том, что «человек не рассматривает более природу как нечто отличное от самого себя». Но тут вновь возникает старый вопрос, волновавший мыслителей Упанишад: как познающему познать самого себя? Как могут глаза, способные видеть внешние предметы, увидеть сами себя? И если внешнее составляет неотъемлемую часть внутреннего, а то, что мы ощущаем и воспринимаем, есть лишь отражение нашего сознания, если вселенная, природа, душа, разум и тело, трансцендентное и имманентное — все в основе своей едино, каким образом можем мы, ограниченные рамками нашего сознания, объективно постигнуть великое устройство всего сущего? Наука начала затрагивать эти проблемы, и хотя решение их может от нее ускользнуть, серьезный ученый нашего времени напоминает философа и слугителя религии прошлых эпох. «В наш материалистический век, — говорит профессор Альберт Эйнштейн, — серьезные деятели науки являются единственными глубоко религиозными людьми»¹.

За всем этим чувствуется твердая вера в науку, но в то же самое время — и опасение, что чисто фактическая, лишенная цели наука может оказаться недостаточной. Быть может, наука, проявляя столь усиленную заботу о внешней стороне жизни, игнорирует то, что составляет ее истинный смысл? Мы являемся свидетелями попыток привести мир фактов в согласие с миром духа, ибо становилось все более очевидным, что чрезмерный упор на первом из них разрушает дух человека. Вопрос, волновавший философов древности, снова возник в новой форме и в иной связи: как примирить внешнюю жизнь мира с внутренней,

¹ Пятьдесят лет назад Вивекананда рассматривал современную науку как проявление истинно религиозного духа, ибо она прилагала искренние усилия к постижению истины.

духовной жизнью индивидуума? Врачи установили, что недостаточно лечить тело человека или даже всего общества в целом. За последние годы медицины, знакомые с выводами современной психопатологии, отказались от противопоставления «органических» заболеваний «функциональным» и придают большое значение психологическому фактору. «Величайшая ошибка, допускаемая при лечении болезни, — писал Платон, — состоит в том, что существуют врачи, лечащие тело, и врачи, лечащие душу, тогда как то и другое составляет единое и неразрывное целое».

Эйнштейн, виднейший ученый, говорит, что «судьба человеческого рода сегодня больше чем когда бы то ни было зависит от его моральной силы. Путь к радости и счастью ведет через самоотречение и самоограничение во всем». Он возвращает нас внезапно из нашего гордого века науки к философам древности, от жажды власти и стремления к наживе к духу самоотречения, столь широко знакомому Индии. По всей вероятности, большинство других ученых нашего времени не согласится с ним в этом, как и со следующим его утверждением: «Я абсолютно убежден, что никакие богатства в мире не могут помочь человечеству продвинуться вперед, даже если они будут находиться в руках деятеля наиболее преданного идее. Лишь пример великих и чистых личностей способен рождать великие идеи и благородные поступки. Деньги возбуждают лишь эгоистичные чувства и вечно служат непреодолимым соблазном, толкающим их владельцев к злоупотреблению ими».

В своих попытках разрешить этот вопрос, столь же старый, как сама цивилизация, современная наука располагает многими преимуществами, неизвестными философам древности. Она обладает запасом накопленных знаний и методом, который полностью себя оправдал. Она обследовала и изучила многие области, неведомые древним. Поскольку она обогатила знания человека о многих вещах и увеличила его власть над ними, они перестали быть загадками, которые служители религии использовали в своих целях. Но есть у нее и свои минусы. Само обилие накопленных знаний затрудняет человеку составить синтетическое представление о целом, и он теряется в какой-то части этого целого, анализирует ее, изучает, частично постигает, не видя при этом ее связи с целым. Великие силы, разбуженные наукой, подавляют человека и неумолимо влекут его, часто как невольную жертву, вперед, к неведомым берегам. Темп современной жизни, постоянная смена одного кризиса другим мешают беспристрастным поискам истины. Самое мудрое теснят и толкают, и ей нелегко обрести то спокойствие и отрешенность, которые так необходимы для истинного понимания. «Ибо спокойны пути мудрости и дух ее бестрепетен».

Мы, быть может, живем в одну из великих эпох человечества, и нам приходится платить за эту привилегию. Великие эпохи всегда были полны конфликтов, неустойчивости, попыток

заменить старое чем-то новым. Не существует вечной устойчивости, безопасности, постоянства. Если бы они существовали, сама жизнь прекратилась бы. Самое большее, к чему мы можем стремиться, это к относительной устойчивости и подвижному равновесию. Жизнь — это непрестанная борьба человека с человеком, а также борьба человека с окружающими его условиями. Это физическая, интеллектуальная и моральная борьба, и в процессе ее принимают определенные очертания новые явления, рождаются новые идеи. Разрушение и созидание идут бок о бок, и в человеке и природе всегда можно наблюдать обе эти стороны. В основе жизни лежит принцип роста, а не застой, принцип непрерывного становления, не допускающего статичного положения.

Сегодня в мире политики и экономики наблюдается погоня за властью. Между тем, когда власть удается обрести, многое другое, представляющее значительную ценность, пропадает. Место идеализма занимают политическое надувательство и интриги, место бескорыстного мужества — трусость и эгоизм. Форма берет верх над содержанием, и власть, которой домогались с таким пылом, почему-то не приносит тех плодов, которых от нее ожидали. Ибо власть имеет свои пределы, и сила — это обоюдоострое оружие. Ни та, ни другая не могут управлять духом, хотя они могут укрепить и закалить его. «Вы можете лишить войско полководца, — говорит Конфуций, — но вы не можете отнять у простого человека его волю».

Джон Стюарт Милль писал в своей автобиографии: «Я убежден теперь, что никакое существенное облегчение участи человечества невозможно до тех пор, пока не произойдут коренные изменения в его образе мыслей». Однако эти коренные изменения в образе мыслей сами являются результатом изменения окружающей обстановки и той боли и страданий, которыми сопровождается непрестанная жизненная борьба. Поэтому, хотя мы и можем попытаться изменить этот образ мыслей непосредственно, еще важнее изменить ту обстановку, в которой он возник и которая питала его. Одно зависит от другого и влияет на него. Умы людей бесконечно разнообразны. Каждый человек представляет себе истину по-своему и часто оказывается неспособным понять точку зрения другого. Это вызывает конфликт. В результате этого взаимодействия рождается также более полная и цельная истина. Ибо нам необходимо понять, что истина многогранна и не является монополией какой-либо группы или нации. То же самое относится и к образу жизни. Он может быть различным у разных народов и в различных условиях. Индия и Китай, так же как и другие государства, создали свой собственный уклад жизни и подвели под него прочный фундамент. Они воображали, а многие в этих странах и до сих пор тщеславно воображают, что их уклад является единственно мыслимым. Между тем сегодня Европа и Америка создали свой

собственный уклад жизни, который является господствующим в мире и который народы этих стран считают единственно возможным укладом. Однако вероятнее всего, ни один из этих укладов не является единственно желательным и каждому из них есть чему поучиться у другого. Индия и Китай, безусловно, должны поучиться многому, ибо они стали статичными, тогда как Запад не только выражает дух эпохи, но и отличается динамичностью, изменчивостью и обладает способностью к росту, хотя рост этот и совершается ценой периодического саморазрушения и жертв.

В Индии, а возможно, также и в других странах проявляется попеременная тенденция то прославлять себя, то оплакивать. Обе они нежелательны и позорны. Сентиментальность и эмоциональный подход не помогут нам понять жизнь. Мы сможем понять ее лишь при том условии, если будем честно и мужественно смотреть в лицо действительности. Мы не можем предаваться бесцельным романтическим исканиям, не имеющим никакого отношения к проблемам жизни, ибо судьба шествует своим путем, не дожидаясь нас. Мы не можем также сосредоточить свое внимание на одной только внешней стороне дела, забывая о значении внутренней жизни человека. Необходимо привести их в равновесие, попытаться достигнуть гармонии между ними. «Величайшим благом,— писал Спиноза в 17 веке,— является понимание той связи, которая существует между разумом и всей природой... Чем больше познал дух, тем лучше он понимает и свои силы и порядок Природы, тем легче он может сам себя направлять и устанавливать для себя правила; и чем лучше он понимает порядок Природы, тем легче может удерживать себя от тщетного; а в этом состоит весь Метод».

В нашей личной жизни нам также необходимо найти равновесие между духом и телом, между человеком как частью природы и человеком как частью общества. «Для нашего совершенствования,— говорит Тагор,— нам нужно физически быть дикарями, а в духовной сфере — цивилизованными людьми; мы должны обладать даром быть естественными, когда мы имеем дело с природой, и человеческими, имея дело с человеческим обществом». Мы не можем достигнуть совершенства, ибо это было бы равносильно концу; мы вечно в пути, пытаясь приблизиться к чему-то, постоянно отдаляющемуся от нас. И в каждом из нас живет множество совершенно различных человеческих существ со свойственными им непоследовательностью и противоречиями, причем все они тянут нас в разные стороны. Тут и любовь к жизни и отвращение к жизни, приятие всего того, что жизнь несет с собой, и непризнание многого в ней. Привести в гармонию эти противоречивые тенденции затруднительно, временами преобладает одна из них, временами другая. Лао-цзы говорит:

Часто человек избавляется от страсти
Ради того, чтобы постигнуть Тайну Жизни;
Часто человек относится к жизни со страстью,
Дабы узреть ее конечные плоды.

При всей нашей способности к рассуждениям и умозаключениям, при всех накопленных нами запасах знаний и опыта мы мало что знаем о тайнах жизни и можем лишь строить догадки относительно сущности ее таинственных процессов. Но мы всегда можем любоваться ее красотой и через искусство выполнять божественную функцию творчества. Пусть мы всего лишь слабые и заблуждающиеся смертные, которым отпущен короткий и ненадежный срок жизни, — все же в нас есть нечто от бессмертных богов. «Поэтому, — говорит Аристотель, — мы не должны слушаться тех, кто призывает нас на том основании, что мы смертные люди, помышлять лишь о том, что должно быть свойственно смертным. Мы должны в меру наших сил стремиться к бессмертию и не щадить никаких усилий ради того, чтобы жить в соответствии с тем лучшим, что есть в нас».

ЭПИЛОГ

С того времени как я приступил к написанию этой книги прошло уже около пяти месяцев. Я исписал тысячу страниц, перенося на бумагу путаницу идей, теснившихся в моей голове. Пять месяцев я блуждал в прошлом, заглядывая в будущее, а иногда пытался задержаться в «точке пересечения вневременного с временем». За эти месяцы в мире произошло множество различных событий, а война — если говорить о победах на полях сражений — значительно приблизилась к своему победоносному завершению. В моей стране также произошло многое, но я мог наблюдать за всем этим лишь издали. Временами волны тоски захлестывали меня и вновь отступали. Так как я был погружен в размышления и пытался найти выражение своим мыслям, я отдалился от острых проблем и блуждал в более широких просторах прошлого и будущего.

Однако этим блужданиям должен наступить конец. Если бы даже для этого не было никакой другой причины, приходится считаться с одним чисто практическим соображением: я почти истощил запасы бумаги, которую мне удалось раздобыть с огромными трудностями, а пополнить их не так-то легко.

Открытие Индии... Что же я открыл? С моей стороны было самонадеянностью воображать, что я способен раскрыть ее тайну и узнать, чем она является сегодня и чем она была в далеком прошлом. Сегодня она представляет собой четыреста миллионов индивидуумов, четыреста миллионов мужчин и женщин, совершенно непохожих друг на друга и живущих каждый в своем собственном мире мыслей и чувств. Но если так дело обстоит

в настоящем, то насколько же труднее постигнуть многообразное прошлое бесчисленных поколений человеческих существ. И все же что-то связывало и до сих пор связывает их друг с другом. Индия представляет собой географическое и экономическое целое, культурное единство в многообразии, груды противоречий, связанных воедино крепкими невидимыми нитями. Хотя ее не раз побеждали, дух ее оставался несломленным, и сегодня, когда она кажется игрушкой в руках надменного завоевателя, она остается неукротенной и непокоренной. В ней есть что-то неуловимое, что-то от древней легенды. Кажется, что какие-то чары владеют ее душой. Она — миф и идея, мечта и видение и в то же самое время нечто совершенно реальное, осязаемое, осязаемое. Здесь можно увидеть и пугающие очертания темных коридоров, как будто бы уводящих назад, в первобытную ночь, но здесь же можно почувствовать полноту и теплоту дня. Временами она, эта дама с прошлым, ведет себя скандально и бывает отталкивающей, несговорчивой и упрямой, а подчас даже немного истеричной. Но она в высшей степени достойна любви, и никто из ее детей не может забыть ее, куда бы ни забросила их судьба и какая бы необыкновенная участь ни выпала на их долю. Ибо и в своем величии и в своих слабостях она — часть их, и они видят свое отражение в ее глубоких очах, бывших свидетелями стольких страстей, радостей и безумств жизни и глядевших в кладесь мудрости. Каждый из них тянется к ней, хотя, может быть, и по-разному объясняет причину ее привлекательности для него или же вовсе никак не может этого объяснить, и каждый видит какую-то особую сторону ее многогранного облика. Из века в век она рождает великих мужчин и женщин, продолжавших старую традицию, но вместе с тем постоянно приспособлявшихся к изменяющимся временам. Рабиндранат Тагор, являющийся одним из них, был исполнен духа и стремлений современной эпохи, но корни его уходили в прошлое Индии, и в своей собственной душе он осуществил синтез старого с новым. «Я люблю Индию, — говорил он, — не потому что я фетишизирую географию, не потому что я волей случая родился на ее земле, а потому что она пропесняла через бурные века живые слова, родившиеся в светлом сознании ее великих людей». То же самое могут повторить многие. Другие же объясняют свою любовь к ней как-нибудь иначе.

Старые чары ныне как будто рассеиваются. Индия оглядывается вокруг и обращает свои взоры к настоящему. Но как бы сильно она ни изменялась — а она должна измениться, — старые чары сохраняют свою силу над сердцами ее народа. Хотя она может сменить свое одеяние, внутренне она останется прежней, и ее мудрость поможет ей придерживаться истины, красоты и добра в этом суровом, мстительном и алчном мире.

Современный мир достиг многого, но при всех его излишествах насчет любви к человечеству он в гораздо большей степени осно-

вывается на ненависти и насилии, нежели на тех добродетелях, которые делают человека человеческим. Война является отрицанием истины и гуманности. Иногда война может оказаться неизбежной, но мысль о ее последствиях ужасает. Дело не только в убийстве людей, ибо человек должен так или иначе умереть, а в сознательном и упорном распространении ненависти и лжи, которые мало-помалу прививаются людям. Но руководствоваться в нашей жизни ненавистью и антипатиями опасно и вредно, ибо они растрачивают нашу энергию, омрачают рассудок, препятствуют ему в постижении истины. К несчастью, в Индии сегодня распространены ненависть и сильные антипатии, ибо прошлое преследует нас, да и настоящее ничем не отличается от него. Не так-то легко забыть о неоднократных унижениях достоинства гордого народа. К счастью, однако, индийцы долго зла не помнят и быстро восстанавливают более доброжелательное настроение.

Индия вновь обретет себя, когда свобода откроет перед ней новые горизонты. Тогда будущее будет занимать ее гораздо больше, чем недавнее прошлое, полное разочарований и унижения. Она уверенно пойдет вперед, полагаясь на свои собственные силы и в то же самое время готовая учиться у других и сотрудничать с ними. Сегодня она колеблется между слепой приверженностью своим старым обычаям и рабским подражанием иностранному укладу жизни. Ни в том, ни в другом она не может найти ни облегчения, ни источника жизни и развития. Совершенно очевидно, что ей необходимо выйти из своей раковины и принять активное участие в современной жизни и деятельности. Столь же очевидным должно быть и то, что подражание не может служить основой для подлинного культурного или духовного роста. Подражание может быть уделом лишь узкой группы людей, изолирующих себя от масс и от источников национальной жизни. Подлинная культура черпает вдохновение для себя во всех уголках мира, но вырастает на родной почве и опирается на широкие народные массы. Искусство и литература остаются безжизненными, если они постоянно помышляют о чужеземных образцах. Времена узкой культуры, ограниченной замкнутым кругом изощренных ценителей, миновали. Мы должны думать о народе в целом, и его культура должна быть продолжением и развитием традиций прошлого и в то же время выражать его новые порывы и творческие устремления.

Эмерсон более ста лет назад предостерегал соотечественников-американцев, чтобы они не слишком увлекались подражанием и не слишком сильно зависели в культурном отношении от Европы. Они были новым народом, и он хотел, чтобы они не оглядывались назад, на свое европейское прошлое, а черпали вдохновение в бьющей ключом жизни своей новой родины. «Период нашей зависимости, долгого усвоения нами знаний других стран подходит к концу. Миллионы людей, бросающихся в водоворот

жизни, не могут вечно питаться высохшими остатками чужого плода. Происходят события, совершаются поступки, которые должны быть воспеты, которые сами воспоют себя... существуют творческие приемы, творческие дела, творческие слова... то есть такие, которые диктуются не тем или иным обычаем или авторитетом, а возникают стихийно, подсказанные нашим собственным представлением о добре и справедливости». В своем очерке о доверии к самому себе он снова писал: «Равным образом, благодаря недостатку самообразования, влечение к путешествиям, это суеверие, идолами которого являются Италия, Англия, Египет, владеет всеми образованными американцами. Те, кто в воображении народов сделал Англию, Италию или Грецию предметом поклонения, сделали это тем, что оставались плотно прикрепленными к родной земле, постоянными на своем месте, подобно земной оси. В часы мужества и нравственного подъема мы чувствуем, что наше место определяется нашим долгом. Душа — не путешественница: мудрый человек остается дома, и, когда потребности или обязанности по какому-либо поводу зовут его из дома или призывают в чужие земли, он душою всегда остается дома и одним выражением своего лица показывает людям, что он в своих странствиях совершает миссию мудрости и добродетели и посещает города и людей, как государь, а не как беглый бродяга или слуга.

Я не упрямый противник кругосветных путешествий, совершаемых для целей искусства, исследования и из интереса и из влечения к людям, если при этом человек прежде всего привязан к своему дому и родине, и не отправляется в чужие страны в надежде найти в них что-либо более великое, чем то, что он знает. Тот, кто путешествует, чтобы развлечься или найти что-то, чего у него нет, уходит от самого себя и уже в молодости становится стариком среди встречаемых им остатков старины. В Фивах, в Пальмире его воля и дух стареют и превращаются в такие же развалины, какие представляют собою эти города. К руинам он приносит свои руины...

Но мания странствования есть симптом более глубокого нездоровья, поражающего всю духовную деятельность человека... Мы подражаем... Наши дома построены в чужом вкусе; наши полки уставлены чужими предметами украшения, наши мнения, наши вкусы, наши способности опираются и следуют за прошедшим и отдаленным. Душа создавала искусства всюду, где только они ни цвели. В своем собственном сознании художник искал для себя модели. Свою собственную мысль он приложил к предмету, который он должен был создать, и к условиям, которые должны быть соблюдены... Придерживайся самого себя; никогда не подражай. Свое собственное дарование, культивируемое и развиваемое в течение целой жизни, ты можешь проявлять каждую минуту; но заимствованный талант находится лишь временами и наполовину в твоём обладании».

Нам, индийцам, не приходится отправляться за границу в поисках прошлого и далеккого. И то и другое мы имеем в избытке у себя. Если мы отправляемся в чужие страны, то мы делаем это в поисках настоящего. Эти поиски необходимы, ибо отрыв от настоящего означает отсталость и упадок. Со времен Эмерсона мир изменился, старые барьеры рушатся, жизнь становится все более интернациональной. Мы также должны играть свою роль в этом грядущем интернационализме, а для этого нам необходимо путешествовать, встречаться с другими людьми, учиться у них и стараться понять их. Однако подлинный интернационализм не есть нечто висящее в воздухе, лишенное всяких корней или опоры. Он должен вырасти из национальных культур и может процветать сегодня лишь на основе свободы, равенства и истинного интернационализма. Но тем не менее предостережение Эмерсона сохраняет свою силу и сегодня, и наши поиски могут оказаться плодотворными лишь при соблюдении тех условий, о которых он говорит. Мы никуда не должны являться незваными, а отправляться лишь туда, где нас радушно встретят как равных и как товарищей по совместным исканиям. Есть страны, особенно среди английских доминионов, которые пытаются унижать наших соотечественников. Эти страны не для нас. Мы вынуждены пока подчиняться насильственно навязанному нам чужеземному игу и нести тяжкое бремя, которое оно налагает на нас, но день нашего освобождения уже, несомненно, недалек. Мы являемся гражданами не какой-нибудь жалкой страны, мы гордимся своей родиной, своим народом, своей культурой и традициями. Эта гордость не должна относиться к романтическому прошлому, за которое мы хотели бы цепляться, не должна она также и поощрять замкнутость или вести к недооценке иных укладов жизни, отличающихся от нашего. Она никогда не должна позволять нам забывать о наших многочисленных слабостях и недостатках или охлаждать наше горячее стремление освободиться от них. Нам предстоит еще пройти долгий путь и многое навестать, прежде чем мы сможем занять подобающее место в ряду с другими в авангарде человеческой цивилизации и прогресса. И нам нужно торопиться, ибо время, имеющееся в нашем распоряжении, ограничено, а мир движется вперед все быстрее и быстрее. В прошлом Индия всегда приветствовала чужую культуру и заимствовала у нее. Сегодня это гораздо более необходимо, ибо мы приближаемся к миру завтрашнего дня, в котором национальные культуры будут переплетены с интернациональной культурой человечества. Поэтому мы будем искать мудрость, знания, дружбу и товарищество всюду, где их можно найти, и будем сотрудничать с другими в общих начинаниях, но мы не домогаемся ничьих милостей или покровительства. При этом условии мы останемся истинными индийцами и азиатами и в то же самое время станем действительными интернационалистами и гражданами мира.

На долю моего поколения, как в Индии, так и во всем мире, выпало множество испытаний. Мы еще можем продержаться какое-то недолгое время, но рано или поздно нам придет конец, и мы уступим место другим, и наши преемники будут жить и нести свое бремя на протяжении следующего отрезка пути. Как мы сыграли свою роль в этой короткой пьесе, которая подходит к концу? Я не знаю. Об этом будут судить другие, те, кто будет жить после нас. Чем мы измеряем успех или неудачу? Этого я также не знаю. Мы не можем жаловаться на то, что жизнь обошлась с нами сурово, ибо мы добровольно выбрали свою долю и, быть может, наша жизнь была не такой уж скверной. Ибо лишь те способны ощущать жизнь, кому часто случается быть на краю смерти и чья жизнь не направляется страхом смерти. При всех тех ошибках, которые мы, быть может, совершили, мы уберегли себя от пошлости, от стыда перед самим собой и от трусости. С личной точки зрения, это было для нас в известной степени достижением.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за беспцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

ПОСТСКРИПТУМ

Аллахабад, 29 декабря 1945 года

В марте и апреле 1945 года члены Рабочего комитета Конгресса, находившиеся в заключении в Ахмаднагарской тюрьме, были разлучены друг с другом и отправлены каждый в свою провинцию. Тюрьма закрывалась и, повидимому, передавалась в распоряжение военных властей. Трое из нас — Говинд Баллабх Пант, Нарендра Дева и я покинули Ахмаднагарскую крепость 28 марта и были доставлены в центральную тюрьму Наини, где мы встретили нескольких своих старых коллег, в числе которых был Рафи Ахмад Кидваи. Впервые со времени нашего ареста в 1942 году мы могли узнать от очевидцев о некоторых событиях 1942 года, ибо многие из тех, кто находился в тюрьме Наини, были арестованы спустя некоторое время после нас. Из Наини нас троих перевели в центральную тюрьму Изатнагар, близ Барейли. Говинд Баллабх Пант был освобожден ввиду болезни, а Нарендра Дева и я более двух месяцев прожили в этой тюрьме вместе, в одном бараке. В начале июня мы были переведены в горную тюрьму Алмора, с которой я так близко познакомился десять лет назад. 15 июня мы оба были освобождены — спустя 1041 день после нашего ареста в августе 1942 года. Так закончилось мое девятое, самое длительное, тюремное заключение.

С тех пор прошло шесть с половиной месяцев. После долгого тюремного уединения я очутился среди толп народа и окунулся в напряженную деятельность, связанную с непрерывными разъездами. Проведя дома всего лишь одну ночь, я поспешил в Бомбей, на заседание Рабочего комитета Конгресса, а оттуда — в Симлу, на конференцию, созванную вице-королем. Мне было нелегко привыкать к новой, постоянно изменявшейся обстановке, и я с трудом приспособлялся к ней. Хотя все мне было знакомо и приятно было встретиться со старыми друзьями и коллегами, я чувствовал себя несколько чужим, посторонним, и мысли мои уносились в горы, к покрытым снегом вершинам. Как только конференция в Симле закончилась, я поспешил в Кашмир.

Я не задерживался в долине, а почти тотчас же отправился в телеге, запряженной волами, в высокогорные районы. В Кашмире я провел месяц, а затем вернулся обратно к толпам людей, к волнениям и скуке повседневной жизни.

Постепенно я составил себе некоторое представление о том, что произошло за эти три года. Я, как и другие, убедился в том, что события, совершившиеся за это время, были гораздо значительнее, чем мы себе представляли. Эти три года были для нашего народа годами тяжелого труда, оставившего свой след на лице каждого человека, с которым нам приходилось встречаться. Индия изменилась, и за ее внешним спокойствием скрывались сомнение и недоумение, разочарование и гнев, а также сдерживаемая страсть. С нашим освобождением из тюрьмы и новым поворотом событий обстановка изменилась. Гладкая поверхность покорибилась, и на ней появились трещины. Волны возбуждения прокатились по стране; после трех лет народ прорвал оболочку сдержанности. Я никогда раньше не видел таких огромных толп, такого лихорадочного возбуждения, такого страстного стремления народных масс к освобождению. Молодые мужчины и женщины, юноши и девушки горели желанием что-то делать, хотя что именно следует делать, им самим было неясно.

Война окончилась, и атомная бомба стала символом новой эпохи. Применение этой бомбы и извилистые пути политики силы принесли новые разочарования. Старый империализм продолжал действовать, а события в Индонезии и Индо-Китае делали обстановку еще более страшной. Использование в обеих этих странах индийских войск против народов, борющихся за свое освобождение, заставило нас устыдиться своей беспомощности и вызвало в нашей душе гнев и ожесточение. Негодование народа продолжало нарастать.

История Индийской национальной армии, сформированной в Бирме и Малайе в годы войны, внезапно распространилась по всей стране и вызвала повсюду сильнейший энтузиазм. Когда несколько ее офицеров были преданы суду военного трибунала, это наэлектризовало всю страну больше, чем какое-либо другое событие. Они стали символом Индии, борющейся за свою свободу. Они стали также символом единства различных религиозных групп Индии, ибо в этой армии были представлены и индусы, и мусульмане, и сикхи, и христиане. Они сумели разрешить для себя проблему религиозных общин, — почему же и нам этого не сделать?

Мы стоим на пороге выборов в Индии, и они поглощают все наше внимание. Но выборы скоро закончатся, и что тогда? Наступающий год обещает быть годом бурь и волнений, годом конфликтов и беспорядков. Ни в Индии, ни где бы то ни было в другом месте мир невозможен ни на какой иной основе, кроме свободы.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 12, 44, 58, 454, 458
 Австралия 446, 461, 553, 600
 Агра 48, 56, 152, 271, 278, 279, 284, 291
 Азия 12, 22, 28, 51, 60, 62, 105, 108, 136, 142, 150, 152—154, 160, 202, 207—208, 212—213, 221—222, 240—243, 245, 252, 273, 277—278, 361, 370, 377, 454, 457, 462, 523, 528, 540—541, 576, 591—592, 594, 599—600, 602, 604, 608
 — Западная 45, 58, 71—72, 75—76, 102, 113, 135, 151, 159, 218, 230, 237—238, 244—246, 250, 253—254, 454, 587, 591, 602
 — Центральная 137, 175, 183, 199
 — Юго-Восточная 115, 172, 206, 208—209, 212, 214—215, 218, 235, 590, 592—593, 602
 Аккад 70
 Александрия 35, 116, 157, 159, 199, 225—226, 243
 Аллахабад 8, 35, 39, 45, 49, 153, 312, 348
 Альмора 364
 Аляска 540
 Амбала 70
 Америка 11—12, 59, 102, 154—155, 192, 218, 278, 297, 302—303, 362, 448, 504, 528, 540, 592—593, 604, 610, 617
 — Северная (см. также Соединенные Штаты Америки) 527—528
 Амритсар 365
 Аму-Дарья — см. Окс
 Ангкор 48, 208—209, 212—213, 215—217
 Англия, англичане (см. также Британская империя) 11—13, 41, 48, 50, 55, 106, 143—146, 152, 220—221, 229—230, 249, 261—262, 266, 276, 281, 284, 285, 287—288, 290—299, 301—322, 324—326, 329—330, 332—334, 337—338, 340, 342—344, 347, 349—350, 354—355, 368, 370—371, 376, 389, 394, 396, 407, 409, 411—412, 417—420, 422—423, 426, 437, 442, 446, 448—449, 452—455, 457—461, 465—467, 471, 473—480, 482, 490, 494, 498—500, 503, 507—513, 520, 523—524, 529—531, 536—537, 539, 541, 543—546, 548—549, 554—555, 575—578, 584, 589, 591—594, 597—604, 608, 622
 Андра, андрхры 60, 135, 142—143, 211
 Анурадхапура 220
 Аравийское море 70, 126
 Аравия 61, 201, 210, 221, 237, 250, 254, 418, 590
 Аракан 536
 Аргентина 598
 Арьяварта 141, 218
 Ассам, ассамцы 60, 199, 384, 397—398, 470

- Астрахань 278
 Атлантический океан 12, 590
 Ауд 56—57, 290, 296, 331, 333, 346, 350
 Афганистан, афганцы 60, 76, 100, 109, 120, 125, 139, 144—145, 151—152, 160, 174, 221, 237, 240, 245, 248—249, 252, 270, 277, 289, 331, 358, 453, 457, 590
 Афины 361, 605—606
 Африка 12, 142, 206, 238, 242, 325, 355, 460, 462, 523, 528, 540, 592, 599, 602, 609
 — Восточная 356, 458
 — Северная 222, 237—238, 240
 — Южная 313, 356, 359, 458, 600
 Ахмадабад 355, 427, 532
 Ахмаднагар 251
- Багдад** 35, 45, 159, 226, 229—230, 239—240, 242—244, 271, 275, 369
 Багдадская империя 239
 Базель 35
 Бактрия, бактрийцы 74, 127, 139, 146
 Бали 209, 216
 Балх 201, 240
 Бангалур 446—447
 Барейли 625
 Баригаса см. Броч
 Барода 289, 327, 330, 428
 Бельгия 455, 514
 Белуджистан 62, 150, 152
 Бенарес 49, 116, 119, 199, 232, 256, 281, 299, 338
 Бенгалия, бенгальцы 10—12, 57, 60, 116, 199, 206, 210, 254, 279, 281, 289—290, 292, 296, 301, 312, 314—317, 319, 323—324, 329, 335—336, 338, 340—343, 345, 355, 357—360, 365, 375, 380, 384, 397, 400—401, 405, 416, 418—419, 423, 428, 450, 468—470, 494, 509, 536, 538, 544—545, 547—549, 553, 582, 589, 600
- Бенгалия, восточная 186, 301, 508
 Бенгальский залив 126
 Беснагар 139
 Биджапур 10, 165
 Биканир 327
 Бирма 129, 137, 140, 152, 174—175, 177, 182, 209—210, 212, 219, 291, 325, 356, 359, 396, 438, 461, 479—480, 495, 515, 536, 547, 587, 590, 626
 — Нижняя 509
 — Южная 143
 Бихар 130, 134, 182, 233, 254, 290, 296, 314—317, 323, 329, 346, 400—401, 405, 438, 474, 536, 544
 Боллур 163
 Бомбей 312—314, 338—339, 345, 355, 358, 383, 401, 447, 451, 523, 536, 625
 Бопал 327, 428
 Борнео 209, 213, 218
 Боробудур 48, 209, 216, 223
 Брахмапутра 48
 Бриндабан 199
 Бриндизи 35
 Бристоль 338
 Британская империя 51, 259, 290—291, 295, 325, 454, 457, 459, 477—479, 530, 539, 578, 599—600
 Британская Индия 316, 326—327, 333, 335, 346, 500, 581, 592
 Броч 116, 158, 55
 Будх Гая 134, 138, 199
 Бухара 151, 233, 240, 243
 Бхагалпур 233
- Вавилон** 116, 125, 151, 160
 Вадеха 386
 Верхние провинции (см. также Уттар Прадеш) 345, 351
 Виджаянагар 248, 251, 271
 Византия 239, 254
 Виндхия 109

Волга 138, 278
Восток 44, 51, 82, 94, 108, 118,
144, 148, 153—155, 163, 223,
317, 365, 457, 541, 569, 595,
602
Средний 448, 460—461, 540, 590

Газна 245—246, 248—249
Ганг 45, 48—49, 70, 73, 130,
199, 319, 405, 441
Гандхара 100, 109, 116, 139,
210, 220

Гвалиор 289, 293, 295, 327, 330
Гвиана 359

Герат 125, 240, 244, 300
Германия, немцы 13, 169—170,
174, 205, 349, 448, 453—454,
458, 459, 464, 473, 594, 607—609

Гибралтарский пролив 238
Гималаи 48, 60—61, 106, 156,
197, 199, 201, 205—206, 494,
513, 587

Гоа 274
Гоби 140, 150, 161, 199—200, 202
Голландия 455

Голландская Индия см. Индонезия

Гренада 241
Греция, греки 23, 71, 74, 77, 89,
91, 93, 98, 100—101, 108, 116,
118, 120, 139, 146, 153—160,
166, 218—219, 224, 226—227,
230, 243, 387, 605, 622

Гуджарат, гуджаратцы 60, 232,
284, 355—358, 440, 493

Гулбарга 251—252

Дакка 301
Дальний Восток 134, 210, 215,
221, 245, 541, 555
Дамаск 239, 275
Данди 355, 383
Дания 474
Дварака 197
Девоншир 309
Декан 140, 284, 286, 494

Дели 48, 116, 152, 241, 246, 248—
252, 254—255, 278, 284, 287—
289, 294, 299, 314, 331, 338,
346—349, 351, 358, 369, 371,
404, 492—493, 504

Джайпур 299, 327
Джамна 48, 199
Джамшедпур 279, 445, 532
Джаунпур 255
Доброй Надежды мыс 274
Дум-Дум 336
Дюнкерк 474, 516

Европа, европейцы 12, 20, 22, 28,
43, 51, 87, 94, 101—102, 105,
113, 127, 142, 144, 150, 152,
154—155, 162, 164, 169—170,
174—175, 180, 192, 205, 208,
215, 218—220, 224, 233, 238,
240—243, 249, 252, 263, 273,
275—278, 285, 301, 304, 308,
317, 328—329, 361, 370, 410—
411, 413—414, 439, 453—454,
456, 462—465, 473, 483, 513—
515, 528, 547, 569—570, 584,
587, 590—592, 594, 596—597,
602—604, 607, 609, 617, 621
— Восточная 602, 604—608
— Западная 51, 241, 275, 304, 319,
441, 477, 527, 569, 599, 608
— Северная 608
— Северо-Западная 607, 609
— Центральная 58, 241, 284,
296, 607—609
— Южная 608
Евфрат 70, 230
Египет 48, 58, 70—71, 76, 115,
135, 137, 159, 275, 361, 373 —
374, 428, 452, 454—455, 477,
540, 590, 598, 622

Женева 13, 44

Забайкалье 178

Имен 238
Израиль 77

- Инд 48, 71, 73, 75, 125, 145, 203, 241
 Индийский океан 12, 108, 252, 274, 590
 Индийский Союз 496, 499, 502
 Индия (см. Индийский Союз и Пакистан)
 — Восточная 245
 — Западная 250, 254, 287, 314, 327, 345
 — Северная 70, 100, 106, 109, 115—116, 121, 139—140, 142—143, 150, 180, 218, 231—233, 239, 245, 247, 250—251, 254—255, 257, 266, 271, 273, 282, 284, 294—295, 336, 341, 353
 — Северо-Западная 100, 125, 150—151
 — Центральная 100, 106, 109, 139, 142, 231—232, 245, 248, 257, 284, 290—291, 294—296, 314, 336, 346
 — Южная 73, 116, 142—143, 151, 214—216, 220, 222, 230, 233, 238, 245—247, 250—251, 266, 290, 341, 345, 356
 Индо-Китай 199, 209, 212, 215, 454, 626
 — Французский 592
 Индонезия 199—200, 203, 210—211, 214—216, 454, 592, 626
 Иран 56, 58, 76—77, 271, 286, 301
 Индрапрастха 109
 Индор 289, 293, 296, 327
 Ирак 76, 201, 237, 373, 452, 590—591
 Иран, иранцы (см. также Персия) 61, 74, 76, 83, 93, 149—153, 155, 159, 202—203, 215, 231, 237, 239, 244, 247, 254, 271—272, 300, 367, 373—374, 418, 452—453, 457, 460, 590—591
 Ирландия (см. также Эйре) 334, 579, 609
 Испания 12, 14, 58, 229, 237—241, 244, 275, 369, 454—455, 458, 462, 603
 Италия 10, 12—13, 44, 372, 452, 458—459, 608, 622
 Кабул 125—127, 139, 150—151, 210, 300
 Кавери 116
 Каир 35, 45, 240—241, 250, 275, 369, 373, 540
 Кайял 250
 Каликут 272, 274
 Калинин см. Орисса
 Калькутта 10, 39, 163, 314, 335—336, 339—341, 357, 361, 383, 397, 545—546
 Камбоджа 172, 208—210, 212—213, 216—217, 219
 Камбуджа см. Камбоджа
 Канада 263, 446, 478, 553, 600
 Канаудж 142, 202, 232, 248
 Кандагар 109, 151
 Каппур 347—348, 406, 408, 533
 Кантон 238
 Карачи 35, 45
 Каспийское море 127
 Катхиавар 70, 140, 149, 197, 233, 245, 250, 285, 309—310, 327, 355—356
 Кач 355—356
 Кашмир 48, 60—61, 104, 137, 140, 198, 232, 245—246, 249, 255, 281, 290, 298, 327, 330—331, 612, 625—626
 Квантун 203
 Кедарнатх 197
 Кения 458
 Киев 240
 Кирена 137
 Китай, китайцы 12—14, 20, 41, 48—49, 53—54, 58, 84—87, 89, 91, 104, 113, 116, 121, 129, 137—138, 140, 152—155, 162, 175, 177, 183, 186, 199—208, 210, 212, 214—216, 218—219, 221—222, 231, 233, 241, 250, 275, 277, 293, 319, 322, 325, 361, 407, 441, 446, 453—455, 457—458, 460, 477—478, 490—491, 515, 523, 540, 557, 570, 579, 589—590, 597, 602—603, 607—608, 613, 617—618
 Коморин, мыс 58, 197, 199, 365

Константинополь 150, 241, 250,
271, 274, 290, 361, 369, 591
Ковтай 538
Кордова 241, 244, 275
Корея 204, 233, 554
Коромандельское побережье 116
Кочин 327
Кулу 513
Куч 140, 200

Лакнау 348

Лахор 248

Ло 200

Лозанна 42—43

Локарно 453

Лондон 13, 42, 45 301, 315—316,
325, 357, 383, 447, 450, 492,
553, 598

Ло-ян 200

Магадха 125, 180, 288

Мадагаскар 209

Маджапахит 208, 214—215

Мадрас 285, 296, 314—315, 335,
338—339, 345, 356, 358, 401, 509

Мадур 250

Майсур 197, 288, 291, 327, 330—
331, 428

Македония 137

Малабар 10, 197, 548

Малайский архипелаг 205, 213—
215, 274

Малайя 116, 199, 203, 209—210,
212—217, 359, 495, 515, 590,
592, 626

Малая Азия 117, 125, 242, 356

Мальдивские острова 290

Манчжоу-го 554

Маньчжурия 215, 452, 454

Марокко 250

Марсель 44

Матхура 199, 246, 299

Мевар 273, 283

Медина 237

Мекка 237, 254, 274, 369

Меконг 214

Мемфис 115

Месопотамия 70—71, 150

Миднапур 536

Мирут 346

Монголия, монголы 137, 215, 233,
237, 240—242, 244—245, 250,
275, 453

Монтре 43—44

Москва 278

Мосул 201

Мохенджо—Даро 47, 69—73, 77,
117

Муршидабад 301

Мюнхен 13, 454, 484

Нарбада 347

Непал 134, 137, 199, 205, 294, 331

Никобарские острова 199

Новая Зеландия 600

Норвегия 474, 514

Нью-Йорк 168

Окс 127, 139

Орисса 10, 135—136, 210—212,
314—315, 329, 470, 548

Пакистан 378—379, 425, 499,
580, 585—587

Палестина 373, 452, 591

Панипат 252, 289

Париж 13, 42, 184, 244, 591

Паталипутра (см. также Патна)
125—126, 130, 135, 137—139,
158, 200—201

Паттала 327

Патна (см. также Паталипутра)
116, 125, 130

Пепанг 495

Пенджаб, пенджабцы 60, 70, 139,
245, 247—250, 254, 286, 289—
291, 298, 314—315, 327, 331,
343, 346, 351, 357—358, 360,
367—368, 384, 397, 400—401,
415, 418—419, 428, 438, 450,
468—470, 480, 533, 582

— Западный 69, 150

Персидский залив 116, 151, 355

Персия (см. также Иран) 48, 70—71, 89, 100, 102, 116, 118, 143, 149—151, 202—203, 208, 210, 218, 221, 224, 249—250, 288, 325

Пешавар 199, 140

Пиренеи 238, 244

Пирл Харбор 454, 482

Плесси 289—290, 292, 301, 314, 316

Польша 410, 464, 473

Португалия 274, 299—300, 314

Прага 13

Пряга (см. также Аллахабад) 199

Пуна 289

Пури 197

Раджпутана 245, 254, 273, 277, 296, 299—300, 327, 330, 356

Рамгарх 474

Рамешварам 198

Рапгун 509

Рим 43—44, 87, 91, 101, 120, 153, 157, 160, 213, 223, 235, 251

Россия (см. также Советский Союз) 240, 254, 278, 494

Самарканд 151, 201, 240—241, 244

Санчи 139

Сарпатх 49

Св. Маврикия остров 359

Северо-западная пограничная провинция 120, 174, 254, 290, 298, 325, 397—398, 412—413, 419, 453, 470, 533—534, 583

Севира 116

Сейстан 151

Серампур 335, 337, 340

Серишда 215

Сиам (см. также Таиланд) 137, 172, 175, 177, 209, 212—214, 219, 590

Сианьфу 201

Сибирь 218, 241, 602

Симла 404, 492, 625

Сингапур 454, 461, 495

Синд 69—70, 73, 150, 186, 237, 239, 245, 397, 419, 428, 451, 468—470

Сирия 137, 201, 230, 242, 373, 591

Сицилия 605

Советский Союз (см. также Россия, Средняя Азия Советская)

13, 24, 53—54, 58, 60, 108, 227, 263, 378, 402—403, 425, 440—441, 447, 453—455, 457—458, 473, 482, 515—516, 523, 530, 540, 567—568, 584, 587, 589—590, 593—594, 596, 598, 601—604, 607—608

Согдиана 127

Соединенные провинции (Уттар Прадеш) 254—256, 314, 346, 351, 358, 360, 400—401, 405—406, 408, 413, 438, 480, 514, 533, 536

Соединенные Штаты Америки, американцы (см. также Америка Северная) 11, 53, 76, 263, 268, 305, 307, 311, 355, 361—362, 402, 425, 441, 447, 453, 455, 457—458, 461, 492—493, 504, 508, 539, 541, 543, 554, 584, 589, 594, 596—604

Сокотра 218

Сомнат 245

Сон 130

Средиземное море 101, 210

Средиземноморье 48, 218, 223

Средняя Азия 48, 60, 75, 89, 116, 120, 127, 135, 137, 139—140, 142, 151—152, 159, 172, 199, 201, 203, 206, 219, 229, 231, 237—242, 244—246, 250—254, 271, 275, 278, 300, 356, 369

— Советская 241—242, 587

Срингери 197

Судеты 13

Суматра 199, 203, 209, 213—214, 245

Сурат 116, 285, 287, 314

Таиланд (см. также Сиам) 172—173, 214, 216, 218, 599—600

Таккола 116

Тамлук 538
Тамралипти 203
Ташкент 201, 300
Тибет 62, 137—138, 162, 175,
177, 205, 215, 219, 233, 242
Тигр 70
Тихий океан 12, 437, 479, 482,
490, 590, 600
Тоledo 244
Траванкур 327, 330, 428, 580
Тривандрум 172
Тринидад 359
Тришкомали 454
Туркестан 221
— Китайский 245
Турфан 140, 161, 200, 202
Турция, турки 61, 76, 241, 244—
245, 274—275, 370, 372—377,
452—453, 455, 590

Удджайни (см. также Удджайн)
142, 159, 163, 232
Удджайн (см. также Удджайни)
159, 232, 299
Урал 607

Фатхпур-Сикри 49
Фергана 271
Фивы 622
Филиппинские острова 209, 213,
216
Формоза (Тайвань) 209, 213
Франция, французы 237—238,
285, 288, 290, 294, 296—297,
303, 327, 453, 455, 464, 474,
478, 514, 608

Хайберский проход 58, 61
Хайдарабад 288, 296, 327, 330—
331, 333—335, 428
Хараппа 69—72

Хардвар 49, 199
Хастинапура 109
Хива 245—246
Хоросан 159, 201
Хотан (Сипшзянь) 137, 200
Хугли 203

Цейлон 39—40, 116, 137, 140,
143, 174—175, 177, 209, 211,
213, 220, 356, 359, 395, 454, 590
Целебес 209, 213

Чампа 116, 208, 213, 215
Черное море 127
Чехословакия 12—14, 420, 454—
455, 458, 462
Чикаго 361
Чунцип 464

Швейцария 42—43
Шикарпур 356
Шотландия 355, 383, 594
Шрибхога (Палембанг) 203
Шри-Виджая 208, 213—215,
234, 245

Эйре (см. также Ирландия) 12
Эпир 137

Ява 199, 208—210, 213—214,
216—219, 223, 245, 590, 608
Ямайка 359
Япония, японцы 138, 175, 177,
183, 215, 219, 221—222, 233,
361, 396, 458—459, 477, 490—
491, 540, 547, 554—555
Яркенд 201

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббасиды 239
Абдул Гаффар-хан 412—413, 534
Абд-ар-Раззак 251
Абдул-Хамид 372
Абд-ур-Рахим 273, 283
Абенд Халлет 555
Абул Калам Азад 7, 372—376,
428, 474, 488, 506, 524
Абу-л-Фазл 273, 278
Абхай 363, 386
«Абхидхармакош» 178
«Авеста» 74, 78, 149—150
Ага-хан 359, 372, 380
Аграрный вопрос 380, 397, 401—
402, 421, 427, 433
Адамс Брукс 316
Адвайта, см. *Веданта*
Адил-шах Ибрагим 165
ал-Азхар 373
Айбек Кутб-уд-дин 250
«Айтарея Брахмана» 92
Айер Рамасвами 580—581
Академия Наук СССР 177
Акбар 31, 49, 102, 145, 253,
270, 272—274, 276, 278—279,
283—285, 294, 337, 369
Алаверди 296
Аларих 223
Албукерк 215, 274
Александр Македонский 100,
116—118, 121, 125, 127, 145,
151, 161, 242
Алихархский колледж 368, 371,
374, 380
Алкивиад 387
Амир Хусроу 252, 256—257
Амравати, университет 233
Ананда 133
Анарья 87
Ангкор Ват 213, 216—217
Англо-индийская ассоциация в
Калькутте 341
Английские капиталовложения
397, 554
Английская буржуазная историо-
графия 106, 306—308
Английское правительство в Ин-
дии 11, 309, 320, 326, 329—230, 404,
417, 429, 435, 451, 461—462, 529,
535—536, 543, 552, 355, 358
Ансари М. А. 372
Антиох 135, 158
Апастамба 228
Аполлоний Тианский 159
Арабы 48, 104, 118, 145, 150, 157,
215, 225, 229, 237—239, 241—
245, 249, 272, 364
— культура 237—241, 244
— язык 7, 238, 338
Арьябхата 228—229
Арии 60, 73—74, 77, 80, 85—87,
90, 93, 96, 101, 108—109, 113,
121, 141, 146, 184, 263, 306,
360
Аристотель 154, 242—243, 619
Ария Самадж 360
Арнольд Эдвин 133
Арриан 121
«Артхашастра» 98, 112, 119, 126—
128, 130, 144, 164
Арья 86—87
Арья дхарма 75
Асана 193
Асаф Али 8

Ассамский язык 174
 Ассоциация сельской промышлен-
 пости 428
 Атал М. 43
 Ататюрк, см. Кемаль-паша
 Атлантическая хартия 482, 592
Атма 22
Атман 196
 Аттила 142
 Аурангзеб 278—279, 284—285,
 287, 299, 369
 Ахалия Бан 293, 296
 Ахемениды 150
Ахимса 110, 193
 Ахмад-шах Дуррани 289
 Ахрар 418, 427
 Ашвагхоша 161, 175
 Ашока 49, 103, 117, 125, 135—
 138, 151, 181, 186, 199, 210
 — указы Ашоки 136

 Бабур 152, 241, 248, 252, 270—
 272, 278
 Баджи Рао I 293
 Байрон 344
 Бак Перл 35
 Бакингом Джемс Силк 337
«Ал-Балаг» 374
 Баладитья 142
 Балканские войны 372, 375, 377
Банья 356
 Бармакиды 243
 Барт 135, 170
 Баудхаяна 228
 Бахадур-шах 347
 Бахманиды 251, 272
 Безант Анни 366
 Бейн Ф. У. 107
 Бенгали 7, 172, 174, 339, 343
 Бенгальское азиатское общество
 (Королевское азиатское обще-
 ство) 339
 Бентинк Уильям 318, 324
 Бергсон 522
 Берк 343
 Бишдусара 135, 158
 Бишьюн Лоуренс 221
 Бир Бал 273

Бирд, Чарльз и Мэри 302
«Бирма ойл» 438
 ал-Бируни 128, 159, 245, 247
 Блумфилд 93
 Бодисаттва 160, 222—223
 Бодхидхарма 200
 Бос Субхас Чандра 459, 514
 Бохра 356, 359
 Брайт Джон 344
 Брахмагупта 229
 Брахманизм 176, 185—186, 197,
 199, 212, 233, 286
 — десять религиозных орденов
 197
 Брахманы 86—88, 115, 120, 125,
 137, 141, 168, 180, 183, 225,
 236, 265—266, 336, 339, 357, 494
 Брахмо Самадж 360
 Британский музей 223
 Британское содружество наций
 51, 458, 500, 601
 Броун Томас 276
 Будда 49, 78, 97, 100—101, 113,
 119—122, 124, 130—137, 141,
 160—161, 175—183, 185—186,
 192, 199, 207, 216, 220, 222—
 223, 242
 Буддизм 21, 75, 83—84, 96, 99—
 100, 118, 122, 124—125, 130,
 132—137, 139—142, 157, 160,
 174—176, 179—186, 189, 191—
 192, 195, 199, 201, 205—206,
 210, 212, 214, 218, 222, 233,
 241—243, 245, 247, 257, 265,
 269, 286
 Буддабхадра 200
«Буддачарита» 161
 Бхавабхути 164, 233
«Бхагавадгита» 78, 94, 99, 109—
 112, 122, 175
 Бхаиру 251
Бхарат Мата 58—59
 Бхаса 161
 Бхаскара I 229
 Бхаскара II 229, 233
 Бходжа 232
 Бходжа Михира 232
Бхурджанатра 98

Бэкон Фрэнсис 276
Бэрдвуд Джордж 259

Вайшакхи пурнима 122

Вайшешика 190—191

Вайшья 86, 183, 265, 356

Валлабхи, университет 233

Васко да Гама 274

Васубандха 178

Веданта 23, 29, 80, 94, 185, 190,
194—196, 360, 362—364, 386

Веды 75, 77—80, 90—91, 110,
122, 149, 160, 179, 182, 222,
360, 572

Великое восстание 1857 года 56,
102, 146, 307, 325, 329, 333,
336, 341, 343, 345—350, 354,
368, 370—372, 376, 428, 535

Верховный суд 339

Вивекананда Свами 93—94, 194—
195, 361—366, 369, 615

Виджняна 179

Викрам, см. Випрамадитья

Випрамадитья 105—106

Випрам самват 105

Випрамашила, университет 233

Вильсон Вудро 591

Винтерниц 77

Вихара 84, 182

Вице-король 11, 311, 330, 350,
382, 389, 395—396, 401—402,
463—464, 501, 503, 505, 522,
524, 531, 537, 545

Вишнуизм 336

Вольтер 564

Восточная конференция 1937 г. 172

Всеиндийские выборы 1937 года
57—59, 62—66, 396, 419, 533

Всеиндийский конгресс профсою-
зов 379, 428

Вторая мировая война 12—14, 30,
33, 69, 321, 410, 427—428,
436—437, 446—447, 449—452,
459, 463—464, 479, 482, 521,
527—528, 530, 542, 547, 552—
553, 577—578, 591, 607

Будхед Джон 544, 547

Газпсвиды 248

Галиб 372

Галифакс, лорд 502

Ганди Мохандас „Карамчанд“ 24,
34, 44, 76, 88, 95, 111, 124,
255, 366, 383, 385—393, 400,
417, 424, 438—439—440, 442—
443, 456, 475—477, 481—483,
485—489, 493—495, 499—500,
507, 517—518, 520—522, 524,
531, 543, 605

Гапеша 229

Гарбе Ричард 191

Гарретт Дж. Т. 315, 348

Гастингс Уоррен 286, 288, 345

Георг III, король английский
303

Геродот 151

Гёте 32, 94, 103, 162

Гитлер 13, 311, 349, 410, 420,
452, 454, 482, 530, 542, 584,
608

Гладстон 276

Гокхале Гопал Кришна 308, 379—
380

Голод 1770 года 290, 316

— 1943—1944 годов 10—12, 450,
544, 546—549, 589

Гоминдан 453

Государственный долг Индии
309

Груссе Рене 152, 202, 215

Гуджарати 7, 172, 174, 339, 356

Гумбольдт Вильгельм 111

Гуны 74, 105, 145, 149, 18

— белые 123, 142, 231

Гупты 116, 139—140, 142—143,
151, 163, 186, 222, 231—
233

Гурки 291—292, 294, 347, 537

Гхош Ауробиндо 15, 97, 111, 195.
561

Дай Цзи-тао 85

Дайянанда Сарасвати 360, 369

Дарий 150—151

Дармстетер Джемс 151

Даршаны, см. шесть систем индийской философии

Деванагари 77

Делегация Конгресса британских тред-юнионов в Индии 384

Деметрий 117

«День независимости Индии» 38

Департамент по делам Индии 11, 315

Джайнизм 75, 83, 96, 99, 118, 122—123, 157, 175, 182—184, 247

Джай, варман 213, 217

Джайяччандра 248

Джамиат-ул-улема 418, 427

Джананака 386

Джатаки 113, 115—116, 120

Джаты 56, 59, 149, 287, 298!

Джахангир 272, 278, 282, 284—285

Джахилийя 238

Джизия 285

Джинабхадра 200

Джинагупта 200

Джинна Мухаммед Али 379, 389, 411—412, 420—425, 428, 464, 584

— теория «двух наций» 425, 584

Джонс Уильям 163, 169, 333, 339

Джонстон Э. Н. 173

Джоши Н. М. 450

Дивани 329

Диивавали 9, 158

Доддс Э. Р. 154

Додуэлл 74, 146

Доклад Монтегю—Челмсфорда 382

Дравидские языки 150, 174!

Дравиды 73—74, 85—86, 113

Древние индийские колонии 70, 115, 123, 137, 172, 200, 203, 207, 209—215, 216, 233, 245, 252, 366

Дханвантари 118

Дхарма 75, 88, 109, 136, 191, 195, 269

Дхармаракша 200

Дэвидс Рис 113, 176, 185

Елизавета I, королева английская 304

Женевская конвенция 10

Зайн-ул-Абедин 255

Зекаулла, мунши 371

Зетланд, маркиз 268, 477

Закон об обороне Индии 474, 476, 549.

Закон об управлении Индией 1935 года 321, 330, 394, 396—397, 401, 420, 461, 464, 469

Законопроект Ильберта 350

Заминдары (см. также «система постоянного заминдарства») 401, 433

Зороастр 175

зороастризм 140, 149, 152, 247

Ибн-Батутта 206, 250

Ибн-Рошд (Аверроэс) 244

Ибн-Сина (Авиценна) 243

Идриси 253

Избирательные курии 380—382, 394, 415—416, 419, 497

Икбал Мухаммед 376—379

Илтутмиш 250

Империализм 326—327, 349, 366, 394, 404, 426, 452, 454, 459—460, 465—466

«Импириэл кемикл индастри» 438, 448—449

Индийская армия 325, 346, 351—353, 484, 505, 537

Индийская национальная армия 626

«Индийская гражданская служба» 11, 310—314, 403, 407—408, 462, 470, 504, 509, 515, 530, 545

Индийские княжества 227—333, 353, 428, 496, 499—501, 548, 580, 588, 603

Индийская культура 32, 41, 49, 55—56, 60, 70, 73, 77, 83, 88—89, 93, 121, 140—141, 146—147, 149, 160, 199, 215, 231, 269, 277, 392

Индийская мифология 79, 102—103, 106—107, 166, 209, 211

Индийская пресса 337—338
 Индийская философия 77, 85, 94—
 97, 99, 140, 148, 219
 шесть систем индийской фило-
 софии 122, 189—190
 Индийские языки 7, 174
 Индийский научно-исследова-
 тельский институт 446—447
 Индийский Национальный кон-
 гресс 14, 34, 38, 42, 65—66, 255,
 341, 355, 370—371, 373—376,
 378, 380, 383, 388—390, 392—
 394, 396—398, 401—405, 411—
 413, 415—429, 438—439, 452,
 454, 458—460, 462—479, 481—
 485, 487—488, 493, 499—504,
 506—507, 520—521, 524, 530—
 535, 542—543, 588
 Индийский совет по международ-
 ным делам 581
 Индраварман 213
 Индуизм 21, 74—76, 123—124,
 140—142, 179, 181, 183—185,
 189, 195—196, 216, 247, 253,
 255—256, 279, 280—281, 285,
 336, 342, 356, 359—361, 364,
 377, 390—391, 423
 Индусский колледж в Калькуте
 338, 340
 «Индуско» 441
 Индусы 56, 60, 124, 150, 195,
 247, 253—255, 257, 273, 279,
 282—283, 285, 324, 336, 340—
 343, 346, 358, 363—364, 366—
 371, 376—377, 381, 389, 407,
 412—413, 415—416, 423, 425,
 428, 572, 581, 583, 626
 Ислам 21, 56, 60—61, 75, 152,
 159, 165, 189, 201, 215, 237—
 239, 241, 243—244, 247, 252,
 256—257, 271, 278—281, 283,
 285, 337, 359—360, 364, 369—
 374, 377, 418, 423
 И Цзин 75, 200, 203—205

Йога 190, 192—195, 233
 «Йога сутра» 192

Кабир 256
 Калидаса 162—164, 166, 172
 Калькуттское медресе 338
 Калхана 104
 Кампании гражданского непови-
 новения 38, 393, 406, 412, 463,
 474, 481, 493, 634
 Канишка 118, 140, 177
 Каннара 60, 174
 Кант 90
 Капила 191
 Карамат Али, мунши 246, 371
 Карл II, король английский 285,
 314
 Карл Мартелл 238
Карма 22, 576—577, 579
 Касты 74, 85—86, 89, 93, 97, 101,
 110, 115, 121—124, 131, 146—
 147, 153, 162, 181, 183, 185,
 197—198, 225, 235—236, 253,
 256—259, 264—267, 269—270,
 279—280, 282—284, 313, 353,
 357, 362, 381, 442, 456, 556, 572
 Кати 149
 Катьяяна 228
 Каутилья, см. Чанакья
 Кашмирский язык 174
 Кейнс, лорд 598
 Кемаль-паша 376
 Керр, Сетон 350
 Кидвай Рафи Ахмад 513, 625
 Кир Великий 150—151
 Кит А. Берридейл 117, 168, 185,
 189, 500
 Китайская революция 453—454
 Китайская цивилизация 32, 41, 49,
 93, 147
 Клайв Роберт 289, 301, 315
 Клемансо 591
 Колледж Бенгальского прези-
 дентства 339
 Коллекторы 324
 Комиссия Батлера 331
 Комиссия Грэди 439, 451
 Комиссия по расследованию при-
 чин голода 547
 Комиссия по реконструкции реки
 Ганг 405

Комитет по расследованию ра-
 боты административного ап-
 парата Бенгалии 542
 Комитет Скина 484
 Коммунистическая партия Индии
 423, 426—427, 452, 473, 568, 569
 «Комрейд» 373, 375
 Конгрессиистские правительства
 25—26, 394, 396, 399—400,
 403—411, 419—421, 424, 427—
 428, 436, 438, 461—462, 468,
 470—471, 481, 484, 492
 Конт Огюст 14
 Контти Николо 251
 Конфуций 175, 182, 206, 617
 Кооперация 433, 441, 443, 445
 Кордовский университет 240
 Корнуоллис, лорд 401
 Королевское общество 230, 304
 Криппс Стаффорд 488, 495—
 496, 500, 502—503, 506—508,
 513, 515, 529, 531
 Кришак Сабха 418
 Кришнадева Райя 251
 Кромвель 285, 304
 Кумараджива 200
Кумбх мела 49
 Кушаны 140, 143, 146, 222
 Кхмеры 215, 217
 Кшатрии 86, 122—124, 137, 141,
 180, 183, 236, 265, 357, 494
 Кэй 326, 348
 Кембриджский университет 90,
 230

Л
 Лакшми Бай 102, 347
 Лакшми Деви 282
 Лао-цзы 175, 182, 206, 618
 Леви Сильвен 162—163, 165—166,
 168, 218, 234
 Лейбористская партия 310—312,
 539
 Ленин Владимир Ильич 24, 26,
 242, 308
 Лига наций 13, 414, 453
 Лиддел Гарт 241, 489
 «Лилавати» 229

Линлитгоу, лорд 449, 476, 504
 Липпман Уолтер 593
 Литовский язык 175
 Лоди 250
 Ллойд Джордж 591
 Лоуренс Генри 331
 Лоуренс Т. Э. 83
 Людовик XIV 284—285

М
 Магометанская конференция по
 вопросам образования 371
 «Магхадута» 163
 Маджумдар Р. Ч. 209
Мадхьямика 179
Майя 83, 196
 Макдонелл 89, 286
 Маккиндер Х. Дж. 594
 Макникол 80
 Маколей Т. Б. 338, 343
 Максвелл Реджинальд 530
 Малавы 106
 Малаяли 60
 Малаялам 174
 Малик Мухаммед Джайси 283
 Мальро Андре 184
 ал-Мамун 243
 Ман Сингх 273
 ал-Мансур 229, 242
 Манро Томас 332, 345—346,
 351
 Ману 120, 216, 344
 Мануэл, португальский король
 299
 Маратхи 60, 285—295, 297, 299,
 314—315, 330, 337, 347, 358,
 368, 494
 Маратхи, язык 7, 172, 174, 287, 339
 Марвари 356—358
 Марко Поло 250
 Маркс Карл 24, 26
 Марксизм 21, 26
 Маршалл Джон 70—71, 212, 218
Мата 197
 Матанга Кашьяпа 200
 Матхай Джон 553
Матхи 186
 Матхурский музей 222

Маурьи 100, 113, 120—121, 125,
 127, 129, 139, 142—143, 158
 «Махабхарата» 66, 91, 96, 100—
 101, 108—110, 112, 115, 161
 «Махабхашья» 192
 Махавира 121—122
 «Махавьютпатти» 205
 Махаяна 140, 176—178, 180, 185,
 212
 Махирагула 142
 Махмуд Газневи 240, 242, 245—
 247, 249, 252
 Мегасфен 121, 126, 129, 158
 «Мегхадута» 163
 Международное бюро труда 453
 Мемоны 356, 359
 Менандр (Милинда) 139
 Меткаф Чарльз 291, 323, 333
 Мехта Ратилал 113
 Мигоу Джон 548
 «Милинда» 116
 Милль Джон Стюарт 617
 Мильтон 304
 Чиманса 190, 195
 Мин, династия 206
 Мин-ди, император 200
 Миссия Рамакришны 336, 361
 Михаил Федорович, русский царь
 278
 Мишле 108
 Младотурецкое движение 372
 Моголы 144—145, 151—152, 241,
 252, 254, 257, 270, 272—274,
 277—279, 284—289, 292, 296,
 330, 336, 346, 350, 355, 358, 371
 Молсон 348
 Монпер-Вильямс 337
 Монморанси Джеффри де 500
 Монтгомери Мартин 320
 Норли, лорд 382
 Мохсин-ул-Мульк 371
 «Мртччхакатика» 164, 168
 Муафи 340—341
 «Мудра-Ракшаса» 126, 164, 168
 Мурари 164
 Муссолини 13, 43—45, 452, 608
 Мусульмане 58, 61, 74, 76, 89,
 123—124, 150, 165, 215, 245,

247, 253—256, 273, 280—283,
 287, 315, 324, 340—343, 346,
 356, 358, 361, 367—373, 376—
 377, 381—382, 389, 399, 411—
 416, 418, 420—421, 423—425,
 428, 452, 497, 533—534, 572,
 581—583, 626
 Мусульманская лига 369, 372,
 374—375, 378, 380, 383, 441—
 412, 418—422, 424, 426, 428,
 458, 471, 497, 507, 542, 581, 583
 Мухаммед, пророк 237—238
 Мухаммед Али 375
 Мын-цзы 261
 Мэй Реджинальд 219
 Мэйн Генри 153
 Мэррей Гилберт 107, 167
 Мюллер Макс 77, 81, 90, 94, 172,
 189
 Нагарджуна 140, 177, 179, 200
 Надир-шах 152, 288—289, 292,
 300, 348
 Назир Ахмад 371
 Наланда, университет 138, 201,
 203, 232—233, 237
 Нана Фарнавис 293, 296
 Нанак 256
 Нанда 125
 Наороджи Дадабхай 380
 Наполеон 290, 297
 Нарада 120
 Нараяна 229
 Нарендра Дева 8, 178, 625
 Натака 161, 168
 «Натья-шастра» 161^А
 Национализм 50—51, 53, 61, 104,
 125, 139, 141—142, 145, 286—
 287, 326, 336, 365, 367, 373—
 374, 376—377, 383, 394, 422,
 426, 455—457, 460, 464, 480,
 497, 508—509, 514, 517—518,
 530, 534, 601
 Национальный комитет по пла-
 нированию 405, 428—437,
 446—447, 550
 Нацизм 12—13, 420, 454, 555,
 592, 596, 607

Ненасилие 12—13, 122, 182—184,
374, 390, 460, 484, 486—488,
493—494, 502, 520, 535
Неприкасаемые, каста 121, 183,
266—267, 279, 389
Неру Индира 8, 41, 43
Неру Камала 35—37, 39—45
Неру Мотилал 38—39, 484
Несотрудничество 394, 406, 412,
472, 522
Низам ул-Мульк 251
Низам-шах Ахмад 251
Нил 348—349
Нирвана 84, 133
«Нитисара» 260
Ницше 32
Ньял 190—191

Объединенные нации 349, 455,
520, 523—524, 528, 592
Оксфордский университет 164
Омейяды, династия 239
Организация Моминов 418
Ория 60
Ория, язык 7, 174
Осборн 299
Ост-Индская компания 20, 207,
288—297, 301—302, 304, 309,
314, 317, 325, 328—331, 340,
345, 351

Пали 7, 175
Паллавы 143, 212
Палливала Шри Кришнадата 514
«Памятная резолюция» 38
Пандья 250, 252
Панни 117—118, 120, 161, 192
санскритская грамматика 117—
118, 169, 192
Панисламистское движение 372
Пант Говинд Баллабх 8, 625
«Панчатантра» 102
Панчаят 260
Парамартха 200
Парамаханса Рамакришна 336,
360—361

Парда 254, 370
Парсы 61, 153, 356, 358, 368,
423, 583
Патанджали 192
Патаны 60, 359, 412—413,
583
Патвари 324
Паэс 251
Пенджабский язык 174
Первая мировая война 321, 372,
375, 379, 383—384, 412—446,
591
Первый Всеиндийский конгресс
профсоюзов 379
Персидский язык (фарси) 7, 149—
150, 160, 165, 172—174, 254,
256, 283, 338—339
Петр Великий 254, 278
Пехлеви 102, 149
Пифагор 159
Платон 83, 90, 154, 159, 242—
243, 388, 571, 616
Плесси, битва 289—290, 292,
295—296, 301, 314, 316
Плотин 93
Постановления III 338
Правительства провинций 403—
404, 407, 409, 428—429, 433, 461,
464, 468, 470, 545
Праkrit 166, 175
Праkritи 191, 196
Прасад Раджендра 420
Пратап, рана 273, 283
Принсеп 298
Притхвираджа Чаухан 248
Провинциальная автономия 11,
394, 395—397, 404, 461
Промышленный переворот в Ан-
глии 310
Профсоюз работников текстиль-
ной промышленности Ахма-
дабада 427
Птолемей 242
Птолемей Филадельф 127, 135,
Пуруша 191, 196
Пушту 174, 249
Пятнадцатилетний план развития
Индии 550

Маурьи 100, 113, 120—121, 125,
127, 129, 139, 142—143, 158
«Махабхарата» 66, 91, 96, 100—
101, 108—110, 112, 115, 161
«Махабхашья» 192
Махавира 121—122
«Махавьюпатти» 205
Махаяна 140, 176—178, 180, 185,
212
Махирагула 142
Махмуд Газневи 240, 242, 245—
247, 249, 252
Мегасфен 121, 126, 129, 158
«Мегхадута» 163
Международное бюро труда 453
Мемоны 356, 359
Менандр (Милинда) 139
Меткаф Чарльз 291, 323, 333
Мехта Ратилал 113
Мигоу Джон 548
«Милинда» 116
Милль Джон Стюарт 617
Мильтон 304
Миманса 190, 195
Мин, династия 206
Мин-ди, император 200
Миссия Рамакришны 336, 361
Михаил Федорович, русский царь
278
Мишле 108
Младотурецкое движение 372
Моголы 144—145, 151—152, 241,
252, 254, 257, 270, 272—274,
277—279, 284—289, 292, 296,
330, 336, 346, 350, 355, 358, 371
Молсон 348
Монпер-Вильямс 337
Монморанси Джеффри де 500
Монтгомери Мартин 320
Морли, лорд 382
Мохсин-ул-Мульк 371
«Мртччхакатика» 164, 168
Муаффи 340—341
«Мудра-Ракшаса» 126, 164, 168
Мурари 164
Муссолини 13, 43—45, 452, 608
Мусульмане 56, 61, 74, 76, 89,
123—124, 150, 165, 215, 245,

247, 253—256, 273, 280—283,
287, 315, 324, 340—343, 346,
356, 358, 361, 367—373, 376—
377, 381—382, 389, 399, 411—
416, 418, 420—421, 423—425,
428, 452, 497, 533—534, 572,
581—583, 626
Мусульманская лига 369, 372,
374—375, 378, 380, 383, 411—
412, 418—422, 424, 426, 428,
458, 471, 497, 507, 542, 581, 583
Мухаммед, пророк 237—238
Мухаммед Али 375
Мын-цзы 261
Мэй Реджинальд 219
Мэйн Генри 153
Мэррей Гилберт 107, 167
Мюллер Макс 77, 81, 90, 94, 172,
189

Нагарджуна 140, 177, 179, 200
Надир-шах 152, 288—289, 292,
300, 348
Назир Ахмад 371
Наланда, университет 138, 201,
203, 232—233, 237
Нана Фарнавис 293, 296
Напак 256
Нанда 125
Наороджи Дадабхай 380
Наполеон 290, 297
Нарада 120
Нараяна 229
Нарендра Дева 8, 178, 625
Натака 161, 168
«Натья-шастра» 161
Национализм 50—51, 53, 61, 104,
125, 139, 141—142, 145, 286—
287, 326, 336, 365, 367, 373—
374, 376—377, 383, 394, 422,
426, 455—457, 460, 464, 480,
497, 508—509, 514, 517—518,
530, 534, 601
Национальный комитет по пла-
нированию 405, 428—437,
446—447, 550
Нацизм 12—13, 420, 454, 555,
592, 596, 607

Ненасилие 12—13, 122, 182—184,
374, 390, 460, 484, 486—488,
493—494, 502, 520, 535
Неприкасаемые, каста 121, 183,
266—267, 279, 389
Неру Индира 8, 41, 43
Неру Камала 35—37, 39—45
Неру Мотилал 38—39, 484
Несотрудничество 394, 406, 412,
472, 522
Низам ул-Мульк 251
Низам-шах Ахмад 251
Нил 348—349
Нирвана 84, 133
«Нитисара» 260
Ницше 32
Ньял 190—191

Объединенные нации 349, 455,
520, 523—524, 528, 592
Оксфордский университет 164
Омейяды, династия 239
Организация Моминов 418
Ория 60
Ория, язык 7, 174
Осборн 299
Ост-Индская компания 20, 207,
288—297, 301—302, 304, 309,
314, 317, 325, 328—331, 340,
345, 351

Пали 7, 175
Паллавы 143, 212
Палливала Шри Кришнадата 514
«Памятная резолюция» 38
Пандья 250, 252
Панини 117—118, 120, 161, 192
санскритская грамматика 117—
118, 169, 192
Панисламистское движение 372
Пант Говинд Баллабх 8, 625
«Панчатантра» 102
Панчат 260
Парамартха 200
Парамаханса Рамакришна 336,
360—361

Парда 254, 370
Парсы 61, 153, 356, 358, 368,
423, 583
Патанджали 192
Патаны 60, 359, 412—413,
583
Патгари 324
Паэс 251
Пенджабский язык 174
Первая мировая война 321, 372,
375, 379, 383—384, 412—446,
591
Первый Всеиндийский конгресс
профсоюзов 379
Персидский язык (фарси) 7, 149—
150, 160, 165, 172—174, 254,
256, 283, 338—339
Петр Великий 254, 278
Пехлеви 102, 149
Пифагор 159
Платон 83, 90, 154, 159, 242—
243, 388, 571, 616
Плесси, битва 289—290, 292,
295—296, 301, 314, 316
Плотин 93
Постановления III 338
Правительства провинций 403—
404, 407, 409, 428—429, 433, 461,
464, 468, 470, 545
Пракрит 166, 175
Пракрити 191, 196
Прасад Раджендра 420
Пратап, рана 273, 283
Принсеп 298
Притхвираджа Чаухан 248
Провинциальная автономия 11,
394, 395—397, 404, 461
Промышленный переворот в Ан-
глии 310
Профсоюз работников текстиль-
ной промышленности Ахма-
дабада 427
Птолемей 242
Птолемей Филадельф 127, 135,
Пуруша 191, 196
Пушту 174, 249
Пятнадцатилетний план развития
Индии 550

- Рабство в Индии 86, 114, 121
 Раззийя 250
 Раджагопалачари 92, 475
 Раджастани 174
 «Раджатарангини» 104
 Раджашекхара 232
 Раджендра 143
 Раджпуты 56, 60, 102, 149, 250,
 284—286, 293—294
 Радхакришнан С. 109, 176, 179,
 234
 Раздел Индии 377—378, 382, 425,
 579—586
 Рай П. К. 224
 Райдер 164
 Рам Мохан Рой 333, 336—338,
 360, 369
 Рамананд 256
 Рамануджам Сриниваса 230
 «Рамаяна» 66, 96, 101—102, 108,
 109, 161, 282, 386
 Ранджит Сингх 290, 297—299,
 331, 346, 368
 Рани Джанси, см. Лакшми Бай
 Рапсон Э. Дж. 152
 Расизм 313, 322, 345, 348—350,
 454, 458, 495, 573 английские
 клубы 312
 «Белая дорога» 495
 Рассел Бертран 27
 Рассел Дж. У. 94
 Раштракуты 143, 239, 286
 Революция в России 24, 54, 365,
 380, 414, 540, 568, 591
 Религиозно-общинная проблема
 413—417, 419, 428, 506,
 626
 «Ригведа», 77, 80, 82, 118, 150,
 161
 Рита 88
 Роллан Ромен 90, 94, 162, 194—
 195, 361
 Роу Томас 285
 Роулендс Арчибальд 542
 Роулинсон Х. Г. 159
 Рузвельт Франклин 482, 529
 «Четыре свободы» 11, 482,
 592
 Савай Джай Сингх 297, 299—300
 Саваркар 348
 Саид Ахмад-хан 368, 370—372,
 374, 428
 Сайлендра 208, 211—214
 Сайф-уд-дин 206
 Саки (см. также скифы) 74, 123,
 139—140, 142, 146
 Самудрагупта 142
 Санады 330, 340
 Санатана дхарма 75
 Сангха 186—187
 Санкхья 190—191, 196
 Санскрит 7, 77—78, 96, 98, 101—
 102, 118, 149—150, 159, 164—
 166, 169—174, 175, 178, 190,
 198, 200, 202—205, 216, 246,
 249, 256, 299, 338—339
 Саньяса 182
 Саньясины 186
 Санскритский колледж (Бена-
 рес) 338
 Сасаниды 86, 143
 Сати 337
 Сатнами, мятеж 287
 Сатьяграха 472—473
 Свадеши 365
 Сварадж 58, 487
 «Свободная мусульманская кон-
 ференция» 419
 Себохт Северус 230
 Селевк Никатор 117, 125—126—
 127, 135
 Сельская община 114, 127, 144,
 259, 262, 267, 269, 322—323
 Семен Маленький 278
 Сен Кешаб Чандер 360
 Сефевиды 152
 Сиддхартха, см. Будда
 Сикхи 286, 290, 292, 347, 358,
 415—416, 581, 583, 626
 войны 291, 295, 314, 315, 331,
 346—347, 359, 415—416, 419
 восстания 285
 Сильва Ксавье да 299
 Сингалезский язык 174
 Синдхи 60, 356
 Синдхи, язык 7, 174

- Синдхия 289, 293—295
 Сипаи 292—293
 Система постоянного заминдарства 323—324, 401
 Ситуэлл Осберт 216, 220—221
 Скифы 74, 89, 123, 139—140, 143, 146, 149
 Смит Адам 302
 Смит Винсент 74
 Смит Уилфрид Кентвелл 428
 «Смрити» 269
 Совет при вице-короле 311
 Сократ 159, 387—388
 Социализм 363, 378, 414, 434
 Специальная вооруженная полиция 537
 Спикмен Н. Дж. 593—594
 Спиназа 618
 Сталин Иосиф Виссарионович 540
 «Стейтсмен» 545
 Стхавира Праджнадева 202
 «Субсидиарная система» 291, 297, 331—333, 346
 Сулейман Великолепный 271
 Сун, династия 205
 Сунги, династия 139
 Сунниты 418
 Сунь Юн 200
 Сурьяварман 213
 Сутра 203
 Сумрута 118
 Сюань Цзан 142, 178, 186, 200—203, 207, 237

 Тагор Рабиндранат 37, 80, 85, 163, 207, 343—344, 365—366, 385, 402—403, 512, 548, 618, 620
 семья Тагоров 338, 345, 365
 Такакусу 205
 Таксила, университет 60, 119—120, 125, 135, 137, 139—140, 159
 Талукдары 350, 433
 Тамилы 60
 Тамильский язык 174, 211, 339
 Танская династия 200, 202, 205
 Тантия Топи 347
 Таласья 95
 Тарн 160
 Тата Джамшеджи 379, 446
 «Тата», компания 438, 445—446, 449—451, 553
 Телугу 7, 174, 339
 Тибетский язык 98, 178
 Тилак Бал Гангадхар 111, 246, 379—380
 Тимур 241—242, 250—252, 255, 271, 292, 348
 Тимуриды 151—152, 241, 271
 Типу-султан 288, 290—292, 294, 331
 Тодар Мал 253
 Томас Ф. У. 91
 Томас Ф. Ф. 172
 Томпсон Эдуард 295—296, 304, 315—316, 330, 348, 378
 Тоуни Р. Х. 574
 Тревелиян Дж. 240
 Триполитанская война 372
 Туглак Гийас-уд-дин 206, 253, 262
 Туглак Мухаммед 206, 369
 Тулси Дас 282

 Уилки Уинделл 540, 592
 Уилкинсон Р. Дж. 213
 Упанишады 78, 80, 90—99, 110, 121—122, 179, 182, 185, 196, 363—365, 615
 Урвик 159
 У Чэнь-энь 207
 Учредительное собрание 497, 523
 Уэлс Х. Г. 138, 208, 217, 584—585

 Файзи 273
 Фараби Абу Наср 243
 Фа Сянь 186, 200, 210, 266
 Фашизм 12—13, 44, 411, 455, 459, 464, 517, 527, 551, 592, 595
 Федеральная система 394, 396
 Федеральный суд 537
 Федерация международных братств 390

Фелан Джим 580
Фирдоуси 116, 246
Фируз-шах 253, 347
Форд Генри 441
Франко 592
Фукидид 605
Фэн Сэнь 206

Хайдар Али 288, 290, 292, 294
Хаксли Джулиан 230
Хали 371
Халифатистское движение 373,
375—376

Халифатистский комитет 412
Хан Сахиб 470
Хань, династия 121
Хартал 522, 532—533
Харун-ар-Рашид 243, 275
Харша (Хавшавардхана) 142, 164,
200, 202, 232, 237
Хейвелл Э. Б. 188, 221—223, 233,
262

«ал-Хиялал» 373—376
Хилджи Ала-уд-дин 249
Хинаяна 140, 175—178, 182—183
Хинду Махасабха 419, 426
Хиндустани 60, 150, 160, 174, 389
урду 7, 172, 174, 339, 374, 377
хинди 7, 165, 172, 174, 178,
255—256, 283, 316, 339

Хогбен 227
Ходжа Хусейн 278
Ходжи 356, 359
Холдейн Дж. Б. С. 609
Холи 158
Холкар Джесвант Рао 289, 293
Холстед 226
ал-Хорезми 243
Хосров Ануширван 102
Христиане 76, 361, 367, 416, 583,
626
христианство 21, 87, 123, 180,
238, 247, 280, 337, 359—360, 370

Хубилай-хан 214
Хулагу 240
Хумаюн 152
Ху Сэнь 206
Хэмпден 304

Цензура 10, 337, 410
Центральная ассамблея 530, 543,
545
Центральное законодательное со-
брание 394, 460—462, 473, 484
Цивилизация долины Инда 47—48,
69—74, 77, 80, 150

Чайлд Гордон 47, 72, 73
Чайтанья 336, 361
Чалукьи 143
Чанакья 98, 112, 124—128, 144,
164, 168
Чанд Биби 251
Чандала 115
Чандрагупта Маурья 100, 117,
124—128, 135, 140, 158, 164
Чандрагупта II Викрамадитья
163, 164
Чан Кай-ши 491
Чарак 118
Чемберлен Невиль 477
Черчилль Уинстон 470, 477—478,
480, 482, 508, 529, 532, 539,
591—592
Четти 356
Чингиз-хан 240—242, 244, 250
Чолы 143, 211, 214, 234, 245—246,
248, 250, 252
«Чхандагга упанишада» 183
«Чхандогья» 94

«Шакунтала» 162
Шамаизм 241
Шанкара 186, 196—198, 233
Шантиникетан 163, 218, 365
Шастра 117, 202
Шаукат Али 375
Шах Джахан 272, 284—285
Шекспир 165, 169, 304, 343
Шелванкар 333
«Шелл» 438
Шер-шах 253
Шибли Номани 371, 374
Шива Рао 406
Шиваджи 284, 287, 358
Шийты 418—419

Шилабхадра 203
Шираг Али 371
Шихаб-уд-дин Гури 248
Шопенгауэр 16, 24
Шор Джон 288
Шоу Бернард 495, 592
Шрешхи 115
Шуджа-уд-доула 290
Шудрака 164, 168
Шудры 86, 124, 265
Шукрачарья 260
Шуньята 178
Шэнь Вэнь 205

Щербатской Ф. И. 118, 177—178,
192

Эвклид 242, 299
Эйнштейн Альберт 615—616
Элиот Чарльз 208
Эмери 476, 505, 538, 545
Эмерсон У. Ф. 94, 621—623
Энсти В. 300
Эпштейн 223

Юань, династия 205
Юга-дхарма 111, 614
Юечжи 74, 139—140, 146

Яджнавалкья 120, 124, 386
Яков I, король английский 285
Яков II, король английский 285
Яшоварман 142, 213, 231

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие к русскому изданию	3
<i>Предисловие</i>	7
Г л а в а п е р в а я. <i>Форт Ахмаднагар</i>	9
Двадцать месяцев	9
Голод	10
Война за демократию	12
Ощущение времени в тюрьме. Потребность действовать . . .	14
Прошлое в его отношении к настоящему	17
Мировоззрение	19
Бремя прошлого	29
Г л а в а в т о р а я. <i>Баденвейлер, Логанна</i>	35
Камала	35
Наша женитьба и последующие годы	37
Проблема человеческих взаимоотношений	40
Рождество 1935 года	41
Смерть	42
Муссолини. Возвращение	43
Г л а в а т р е т ь я. <i>Искания</i>	46
Панорама прошлого Индии	46
Национализм и интернационализм	50
Сила и слабость Индии	51
В поисках Индии	55
«Бхарат Мата»	58
Многообразие и единство Индии	59
Странствия по Индии	62
Всеиндийские выборы	63
Культура масс	66
Две жизни	67

Глава четвертая. <i>Открытие Индии</i>	69
Культура долины Инда	69
Приход ариев	73
Что такое индуизм?	74
Древнейшие памятники. Тексты и мифология	77
Веды	79
Приятие и отрицание жизни	81
Синтез и приспособление. Истоки кастовой системы	85
Преимственность индийской культуры	89
Упанишады	90
Достоинства и недостатки индивидуалистической философии	95
Материализм	98
Эпос. История, легенды и миф	101
«Махабхарата»	108
«Бхагавадгита»	110
Жизнь и труд в древней Индии	112
Махавира и Будда. Касты	121
Чандрагупта и Чанакья. Образование империи Маурьев	124
Организация государства	127
Учение Будды	130
История Будды	133
Ашока	135

Глава пятая. *Сквозь века* 139

Национализм и империализм при Гуптах	139
Южная Индия	142
Мирное развитие и методы ведения войны	143
Порыв Индии к свободе	144
Прогресс и стабильность	146
Индия и Иран	149
Индия и Греция	153
Древнеиндийский театр	161
Живучесть и стойкость санскрита	169
Буддийская философия	175
Влияние буддизма на индуизм	179
Как индуизм поглотил буддизм в Индии	184
Индийский философский подход	186
Шесть философских систем	190
Индия и Китай	199
Индийские колонии и культура в Юго-Восточной Азии	207
Влияние индийского искусства за границей	215
Древнеиндийское искусство	218
Внешняя торговля Индии	223
Математика в древней Индии	225
Рост и упадок	231

Глава шестая. Новые проблемы	237
Арабы и монголы	237
Расцвет арабской культуры и связи с Индией	242
Махмуд Газневи и афганцы	245
Индо-афганцы. Южная Индия. Виджаянагар. Бабур. Морское могущество	248
Синтез и развитие смешанной культуры. Затворничество женщин. Кабир. Гуру Нанак. Амир Хусроу	252
Общественный строй Индии. Значение группы	257
Сельское самоуправление. «Нитисара» Шукрачарьи	260
Теория и практика касты. Большая семья	262
Бабур и Акбар. Процесс ассимиляции	270
Различие между Азией и Европой в области технического прогресса и творческой энергии	273
Развитие общей культуры	278
Аурангзеб отводит назад стрелку часов. Рост индусского национализма. Шиваджи	284
Маратхи и борьба англичан за господство. Победа англичан .	287
Отсталость Индии. Организационное и техническое превосходство англичан	291
Ранджит Сингх и Джай Сингх	297
Экономическое положение Индии. Две Англии	300

Глава седьмая. Последняя стадия (1). Консолидация английского владычества и подъем националистического движения	306
Идеология империи. Новая каста	306
Разграбление Бенгалии способствует промышленной революции в Англии	314
Разрушение промышленности и упадок сельского хозяйства Индии	317
Индия впервые становится политическим и экономическим придатком другой страны	321
Развитие системы индийских княжеств	327
Противоречия английского владычества в Индии. Рам Мохан Рой. Пресса. Сэр Уильям Джонс. Английское просвещение в Бенгалии	333
Великое восстание 1857 года. Расизм	345
Тактические приемы английского владычества. Политика равновесия и противовесов	350
Рост промышленности. Провинциальные различия	354
Реформатское и другие движения среди индусов и мусульман	359
Кемаль-паша. Национализм в Азии. Икбал	376
Зарождение тяжелой промышленности. Тилак и Гокхале. Отдельные избирательные курии	379

Глава восьмая. Последняя стадия (2). Национализм против империализма	383
Беспомощность средних классов. Появление Ганди	383
Под руководством Ганди Конгресс становится действенной организацией	388
Конгрессистские правительства в провинциях	394
Индийский динамизм против британского консерватизма . .	401
Проблема меньшинств. Мусульманская лига. М. А. Джинна	411
Национальный Комитет по планированию	428
Конгресс и промышленность. Крупная индустрия и кустарная промышленность	438
Препятствия развитию промышленности со стороны правительства. Военное производство вместо обычного производства	445
 Глава девятая. Последняя стадия (3). Вторая мировая война	 452
Национальный конгресс определяет свою внешнюю политику	452
Отношение Национального конгресса к войне	459
Реакция на войну	464
Новое предложение Национального конгресса и его отклонение английским правительством. Уинстон Черчилль . . .	470
Индивидуальное гражданское неповиновение	479
После Пирл Харбора. Ганди и ненасилие	482
Напряженная обстановка	490
Сэр Стаффорд Криппс прибывает в Индию	495
Крушение надежд	508
Вызов. Резолюция «Вон из Индии!»	513
 Глава десятая. Снова Ахмаднагарская крепость	 525
Цепь событий	525
Две точки зрения: индийская и английская	526
Массовые волнения и их подавление	531
Реакция за границей	539
Реакция в Индии	541
Болезнь Индии. Голод	544
Динамическая энергия Индии	549
Развитие Индии приостановлено	555
Религия, философия и наука	560
Значение национальной идеи. Перемены, необходимые в Индии	566
Индия: разделение, сильное национальное государство или центр наднационального государства?	576

Реализм и геополитика. Завоевание мира или всемирное со- общество. США и СССР	591
Свобода и империя	603
Проблема населения. Снижение рождаемости и упадок нации	607
Новый подход к старой проблеме	614
Эпилог	619
<i>Постскрипtum</i>	625
Указатель географических названий	627
Именной и предметный указатель	634

В подготовке к изданию книги
Д. Н е р у «О т к р ы т и е И н д и и»
принимали участие:

Переводчики:

ИСАКОВИЧ В. В., КУНИНА Д. Э.,
КЛИВАНСКАЯ И. С., ПАВЛОВ В. Ч.,

Консультанты:

доктор исторических наук АНТОНОВА К. А.,
кандидат исторических наук БАЛАБУШЕВИЧ В. В.,
кандидат филологических наук КАЛЬЯНОВ В. И.

Редактор перевода МАЧАВАРИАНИ В. Н.

Джавахарлал НЕРУ

ОТКРЫТИЕ ИНДИИ

Технический редактор *Б. М. Ильин*

Корректор *Н. А. Булгаков*

Сдано в производство 15/IV 1955 г.

подписано к печати 24/V 1955 г.

A03040. Бумага $60 \times 92\frac{1}{16} = 21,1$

бум. л. 42,3 печ. л. в т/ч 12 вкл.

Уч.-издат. л. 44,5. Изд. № 7/2770

Цена 20 руб. Зак. 358

*Издательство
иностранной литературы*

Москва, Ново-Алексеевская, 52

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфиче-
ской промышленности
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Москва, Ж-54, Валовая, 28

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
260 536	9-я сверху 1 и 2-я строки сноски	Шукрачарья „British Sololier Looks of Inolia“,	Шукрачарьи «British Soldier Looks at India»,

Неру. Открытие Индии.